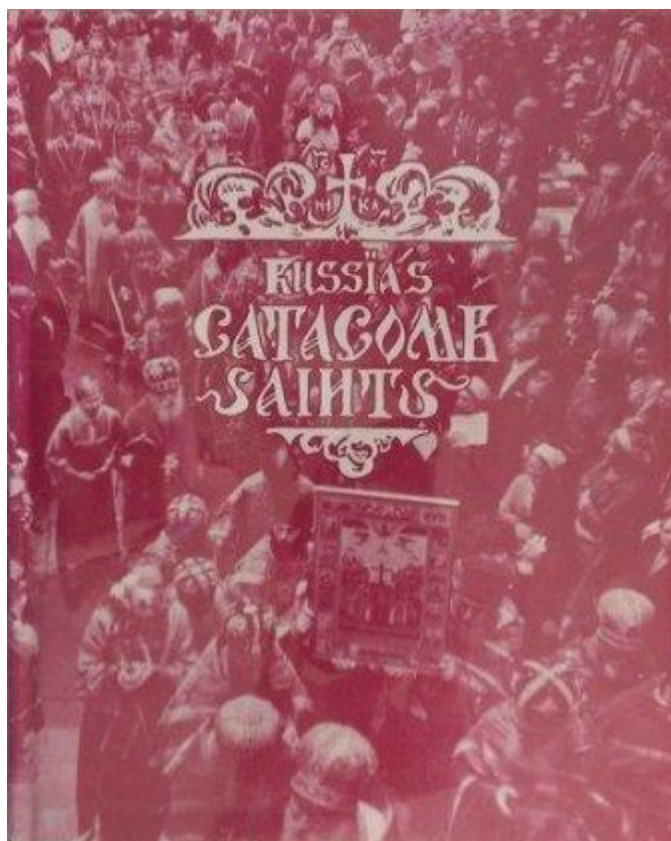

**СВЯТЫЕ
РОССИЙСКИХ
КАТАКОМЪ**

Отверженные святые России. Жития новомучеников

Сборник составлен отцами Платинскими Германом (Подмошенским) и Серафимом (Роузом) по трудам и воспоминаниям профессора Ивана Михайловича Андреева, архиепископа Чилийского Леонтия (Филипповича), протопресвитера Михаила Польского и княгини Натальи Владимировны Урусовой.

Единственный раз был издан Свято-Германовской пустыней в Платине в Северной Калифорнии в США в 1982 году (St.Herman of Alaska Press. Platina. CA. 1982) на английском языке и назывался:

Russia's Catacomb Saints.

Русский текст и общая редакция Вячеслава Ивановича Марченко.

Первоначальным замыслом книги был сборник "Жития новомучеников" – сборник житий, взятых в основном из написанного И.М. Андреевым, который сам в 1930-х годах был членом катакомбной Церкви, так называемого иосифлянского движения. В своем окончательном, весьма расширенном, виде эта книга является плодом долгих и напряженных трудов иеромонаха Серафима (Роуза) и игумена Германа (Подмошенского), под пером которых она превратилась в мощное утверждение значения исповедничества как источника вдохновения для современных христиан.

Содержание

Предисловие к изданию на русском языке.

Предисловие.

Акт прославления Российских Новомучеников Русской Православной Церковью Заграницей.

Вступление.

Иван Михайлович Андреев - истинный православный новообращенный из русской интеллигенции.

I. И.М. Андреев. Катакомбная Церковь.

1. Катакомбная Церковь.

2. Епископ Максим Серпуховский. Первый епископ катакомбной Церкви.

3. Александр Якобсон. Соловецкий фельдшер.

4. Шамординские монахи в Соловецком концлагере и чудо их твердости.

5. Матушка Мария Гатчинская – катакомбная старица-утешительница.

6. Архиепископ Димитрий Гдовский и священник Николай Прозоров.

II. Основатели катакомбной Церкви и их документы.

7. Митрополит Иосиф Петроградский. Начало катакомбной Церкви.

8. Епископ Иерофей и его друг иеросхимонах Серафим.

9. Епископ Виктор Глазовский и его учение о свободе Церкви.

10. Архиепископ Серафим Угличский. Заместитель Патриаршего Местоблюстителя, отказавшийся подписать отступническую Декларацию.

11. Епископ Воронежский Алексей и юродивая во Христе Феоктиста.

12. Архиепископ Пахомий Черниговский. Его брат архиепископ Аверкий и их послание.

13. Протоиерей Валентин. Проповедник исихазма в миру.

14. Епископ Дамаскин.

15. Митрополит Кирилл Казанский. Первый временный заместитель патриарха Тихона.

16. Архиепископ Варлаам. Его брат епископ Герман и их письма.

III. Русские катакомбные святые.

17. Старец Анатолий Младший и последние оптинские монахи-исповедники.

18. Епископ Аркадий. Пастырь катакомбных мирских общин.

19. Епископ Андрей Уфимский. Иерарх "Церкви пУстыни".

20. Новомученица Лидия и с ней воины Кирилл и Алексей.

21. Молодой отец Владимир.

22. Отцы Исмаил и Михаил. Катакомбные братья-священники.

23. Игуменья София Киевская. Катакомбная игуменья Покровской обители.

24. Схиэпископ Макарий и "святая ночь" русского монашества.

25. Отец Николай Загоровский, в монашестве иеромонах Серафим.

26. Епископ Онуфрий. Святой закланный Агнец.

27. Священномученик Илия и его матушка Евгения Четверухина.

28. Старица Агафия Белорусская и ее служение катакомбной Церкви.

29. Игуменья Антонина и жители пещер в горах Кавказа.

30. Шестьдесят священников-мучеников, убитых на Качугском-Нижеудинском тракте.

31. Григорий Крестоносец. Предчувствие Рая новомучениками.

IV. Сергианство как его видят в Московской Патриархии.

32. Пробуждение сознания в Московской Патриархии.

33. Борис Талантов.
34. Сергиевщина, Иродова закваска. Борис Талантов.
35. Отец Димитрий Дудко.
36. Лев Регельсон.

V. Катакомбная Церковь в последующие годы.

37. Катакомбное послание 1962 года члена многострадальной катакомбной Церкви России.
38. Россия и Церковь сегодня.
39. Митрополит Феодосий – главный иерарх истинно Православной Церкви в России.
40. Катакомбная Церковь, 1976 год.
41. Катакомбная Церковь, 1979 год.
42. Несколько слов о катакомбной Церкви в СССР.

V. Документы Русской Зарубежной Церкви о катакомбной Церкви.

43. Послание митрополита Филарета.
44. Определение Собора 1971 года.

Приложение I. Архиепископ Иоанн Латвийский.

Приложение II. Архиепископ Леонтий Чилийский.

Список новомучеников, упомянутых в этой книге, в алфавитном порядке.

Источники.

Предисловие

"От дней же Иоанна Крестителя донныне Царство Небесное силою берется" (Мф. 11, 12).

"Кто имеет уши слышать, да слышит!" (Мф. 11, 15)

Эта книга поведаст читателю о важном опыте православной России в XX веке – опыте, который затронул почти каждого православного русского и на Родине, и в изгнании – но это нечто, что едва ли возможно прочувствовать тем, кто не познал на себе.

На сих страницах сделана попытка дать внешнюю историю трагических событий в жизни Русской Церкви в 20-х и 30-х годах и при этом главной целью было представить как можно больше прямых подлинных свидетельств самих страдавших христиан. Эти свидетельства часто показывают напряженный опыт жизни во Христе, они есть лучший дар, который православная Россия может дать миру. Это не помешает тому же повториться во всем мире (уже теперь чувствуется приближение сего), но поможет встретить страдания в наше безбожное время с силой и истинно христианской ревностью.

Пусть эти свидетельства послужат пробуждению нашему от сна душевного самодовольства и слишком часто притворного (или, по меньшей мере, поверхностного) христианства! Хотя вся книга была вдохновлена профессором Андреевым, только первая часть, строго говоря, была действительно написана им. За остальное полную ответственность несут издатели.

Большая часть материала была собрана из статей, в разное время, начиная с 1965 года по настоящее время, публиковавшихся в журнале "Православное слово". Поэтому можно легко заметить некоторую несовместимость стиля.

Тот факт, что почти весь материал был написан или переведен до прославления новомучеников, объясняет, почему они не именуются святыми, как теперь их должно именовать верующим людям Русской Церкви.

Игумен Герман,
Свято-Германовская пустынь, Пасха, 1982 г.

Акт прославления Российских Новомучеников

Акт прославления Российских Новомучеников Русской Православной Церковью Заграницей.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Собор епископов Русской Православной Зарубежной Церкви, представляющий только свободную часть Русской Православной Церкви, с благоговением обсудил подвиг мученичества и исповедничества бесчисленных верующих Русской Земли, пострадавших от рук безбожников – гонителей веры во Христа.

Со времен Великого князя Владимира русский народ всем сердцем принял Святую Православную веру. Эта вера вдохновляла многочисленных святых князей, святителей,

подвижников, освятивших христианское устройство русской культуры. Они утверждались на христианских устоях, основывающихся на Священном Писании и на Предании Православной Церкви. В разных мерах воплощаясь в русской национальной жизни в различные периоды истории, эти устои продолжали существовать во всех слоях русского народа от Царя до простолюдина в течение девятисот лет. Но в последние два столетия исходящий от врага нашего спасения дух антихристианского революционного безбожия все свое влияние направил на уничтожение этих устоев в русских людях.

С 1917 года, когда народ преступил клятву верности Вере, Царю и Отечеству, данную предками перед крестом и евангелием, началось уничтожение безбожниками всего православного в образе жизни правительства и народа, которые оба отвернулись от Бога. Это зло достигнуто было посредством жестокого преследования веры и православного образа жизни, все слои населения сделались жертвами этого процесса – от Царя и епископов до простых верующих.

Сразу же, с самого начала революции, началось преследование и издевательство над заключенным Царем и его Семей и почти одновременно – нападки на представителей Церкви – епископов, священников и прихожан. В самый первый год революции наша Церковь обогрилась кровью свергнутого Царя со всей его Семей и членами Царского Дома, находившимися в России, так же как и бесчисленных верующих. Позже к ним присоединились жертвы преследований из отошедших и исповедников, не соглашавшихся ни на какой компромисс с антихристианской властью, на который пошли лидеры Московской Патриархии того времени в попытке служить одновременно и Христу, и диаволу. Сформировалось многочисленное сообщество из миллионов мучеников и исповедников. За 64 года советского правления были разрушены десятки тысяч церквей и монастырей, и миллионы людей стали мучениками, потому что сохранили свою православную веру и не склонились пред идолом материализма.

Преклоняясь молитвенно пред ними, Собор епископов постановляет, что к сонму святых надлежит причислить всех мучеников и исповедников, пострадавших от безбожников в России – иерархов, священство, монахов, монахинь и всех православных людей, умученных и убиенных за Православную веру и устои Святой Руси.

Имена этих святых так многочисленны, что полностью они могут быть ведомы только Всеведущему Богу, и Собор епископов должен будет дополнять список имен именами других людей, боровшихся за веру во славу Господню.

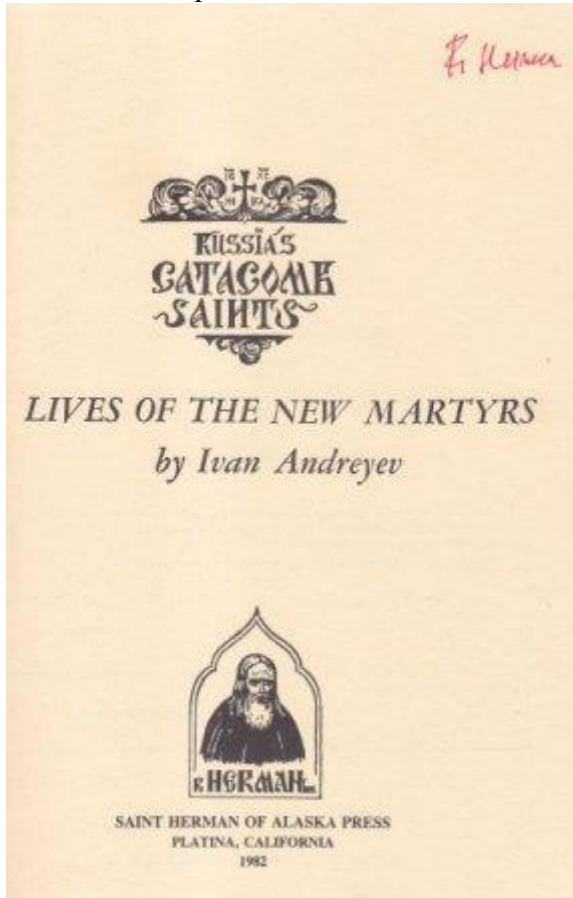
Особенное место в сонме святых новомучеников занимает Царь-Мученик Николай II как Помазанник Божий, носитель идеала православного государства, и его Семья. Потому им должно совершать специальную службу в день их убиения, в скорбный день 4-го (17-го) июля, вместе с чтением на литургии покаянной молитвы, установленной ранее для чтения на панихидах.

Всем сим мученикам и исповедникам мы возносим хвалу, моля их о заступничестве пред престолом Господним ради освобождения России от безбожников и возрождения Православия и ради вдохновения верных чад Русской Церкви на вступление на путь борьбы за веру и благочестие.

Общий праздник Российских Новомучеников и Исповедников надлежит праздновать в воскресенье между 22-м и 28-м января, согласно православному (старому) календарю.

Службы отдельным мученикам и исповедникам надлежит совершать в день их святой кончины, когда он известен, а в других случаях – в день общего празднования новомученикам.

Председатель Архиерейского Собора
+ митрополит Филарет
и члены Собора.

Вступление

16-го (29-го) июля 1927 года митрополит Нижегородский Сергей, тогда Временный Заместитель Местоблюстителя Патриаршего Престола, огласил свою позорную Декларацию о верности Русской Православной Церкви советскому правительству и солидарности с его "радостями" и "неудачами". Этот документ был опубликован в официальной советской газете "Известия" 6-го (19-го) августа того же года и стал серьезной причиной для больших нестроений, которые произошли тогда в Русской Церкви и которые существуют еще и сегодня. По словам одного историка Церкви ("сергианца") год декларации был "поворотным пунктом. Вплоть до нашего времени вся жизнь Церкви происходит под знаком этого года" (А. Краснов-Левитин, Воспоминания, УМКА-Пресс, 1977 г., стр. 91, на рус. яз.).

Это разделение не столько между разными церковными организациями (хотя также и это), сколько между двумя совершенно разными взглядами на то, что есть Церковь Христова и как ей следует действовать в этом грешном мире, руководя своих чад на пути к берегам вечной безгрешной жизни в Царствии Божиим.

Один взгляд, взгляд современного Московского Патриархата, к которому больше всего

подходит термин "сергианство", видит Церковь прежде всего как организацию, чья внешняя форма должна быть сохранена любой ценой; непослушание или отделение от этой организации рассматривается как акт "раскола" или даже "сектантства". Апологеты сергианства и внутри, и за пределами России постоянно подчеркивают, что политика митрополита Сергия "сохранила" иерархию, церковную организацию, церковные службы, возможность совершать Святые Таинства и что это – главное для Церкви или даже вся причина ее существования. Такая защита – продукт всеобщего упадка православного церковного сознания в наше время – сама по себе симптомом эклизиологической болезни сергианства, забвение духовных истоков Православного Христианства и замещение живого и целостного Православия внешними "каноническими" формами. Эта ментальность, пожалуй, и является главной причиной распространения протестантских сект в современной России: простая видимость первичности духовного (даже лишенного истинного христианского содержания) достаточна, чтобы разрушить простую привязанность к внешним формам среди многих миллионов русских, убежденных, что сергианская Церковь (поскольку она единственная видимая) и есть Православие.

Другой взгляд – взгляд истинно православной или катакомбной Церкви в России – видит первую обязанность Православной Церкви в верности Христу и подлинному духу Православия любой ценой. Это мировоззрение вовсе не отрицает внешних форм. Видимой ценой верности Православию для катакомбной Церкви стала утрата влияния на массы русских людей, многие из которых даже не знают о ее существовании. Но потеря внешнего влияния, как противовес, имеет нравственный и духовный авторитет, который не может быть оценен теми, кто оценивает это с внешней стороны, но которые станут очевидны, когда свобода вернется в Россию.

Мировоззрение катакомбной Церкви в СССР лучше всего выражается словами ее членов. Вот как И.М. Андреев, активный участник церковных событий 1927 года и последующих лет, говорит о создании катакомбной Церкви в те годы: "По свидетельству близкого друга святого патриарха Тихона, профессора и доктора медицины М.А. Жижиленко (бывшего главного врача Таганской тюрьмы в Москве), Патриарх, незадолго до своей кончины, с ужасом убеждаясь, что предел "политических" требований советского режима лежит за пределами верности Церкви и Христу, высказал мысль о том, что, по-видимому, единственным выходом для Православной Русской Церкви сохранить верность Христу – будет в ближайшем будущем уход в катакомбы. Поэтому, святой патриарх Тихон благословил профессора М.А. Жижиленко принять тайное монашество, а затем, в ближайшем будущем, в случае, если высшая иерархия Церкви изменит Христу и уступит советской власти духовную свободу Церкви, стать тайным епископом.

В 1927 году, когда митрополит Сергий издал свою Декларацию, после которой произошел церковный раскол, профессор Жижиленко выполнил волю патриарха Тихона и стал первым тайным епископом Максимом Серпуховским. После раскола 1927 года последователей митрополита Сергия, принявших его Декларацию, стали называть "сергианами". Оставшихся же верными Православию, не принявших Декларации и отошедших от митрополита Сергия, стали называть "иосифлянами" (от имени Петроградского митрополита Иосифа). Это наименование, данное "сергианами", не определяло позиции протестовавших ни по существу, ни по форме. Кроме митрополита Иосифа, отошли от общения с митрополитом Сергием и другие, самые выдающиеся иерархи с их паствами. Религиозно-нравственный авторитет протестовавших и отошедших был настолько высок, качественное превосходство было настолько ясно, что для будущего историка Церкви не может быть никакого сомнения в правоте противников митрополита Сергия. Этим последним правильнее было бы

назвать тихоновцами. Деяние же митрополита Сергия и иже с ним следует квалифицировать как новообновленческий раскол.

Всех протестовавших против Декларации митрополита Сергия советская власть арестовывала как "контрреволюционеров", расстреливала и ссылала в концентрационные лагеря и ссылки. На допросах ликующие чекисты-следователи со злорадством и сарказмом доказывали "строгую каноничность" митрополита Сергия и его Декларации, которая "не изменила ни канонам, ни догматам". Массовые расстрелы, гонения и пытки, обрушившиеся на верных Христовой Церкви, не поддаются описанию.

Истинным православным не оставалось другого выхода, как уйти в катакомбы.

Духовным Отцом, породившим самую имею катакомбной Церкви, был патриарх Тихон. Не имеющая ни организации, ни администрации, разрозненная физически и географически, катакомбная Церковь объединялась только именем митрополита Петра. Первый катакомбный епископ Максим в 1928 году был арестован и сослан в Соловецкий концлагерь. В 1930 году он был из концлагеря увезен в Москву и расстрелян.

С 1928 года в Соловецком и Свирском концлагерях, в лагере Белбалтлаг и во многих лагерях Сибири стало совершаться много тайных хиротоний. (В Соловецком лагере, где я был, их совершали епископы Максим, Виктор, Иларион и Нектарий).

После смерти митрополитов Петра и Кирилла (оба умерли в ссылках, первый – в 1937, а второй – еще в 1929 году), духовным и административным главой катакомбной Церкви, уже создавшей к этому времени подобие некоторой организованности, стал митрополит Иосиф (хотя и находившийся в ссылке).

В конце 1937 года, именно за возглавление и за руководство тайной катакомбной Церковью, митрополит Иосиф был расстрелян.

После его смерти катакомбная Церковь стала еще более строго хранить свои тайны, особенно имена и местопребывание своих духовных вождей.

"Не бо врагом Твоим тайну повеем", – вот с каким эпиграфом стали получать изредка краткие сведения о жизни этой тайной Церкви" (И.М. Андреев, Краткий обзор истории Русской Церкви от революции до наших дней, Джорданвилль, 1951, с. 70-72).

Существует масса материалов, документирующих этот ранний период истории катакомбной Церкви в виде посланий епископов и других отделившихся от митрополита Сергия и также в воспоминаниях и других описаниях отдельных членов катакомбной Церкви, бежавших из Советского Союза во время Второй Мировой войны. Многие из этих документов вошли в трехтомник "Новые Мученики Российские", составленный протопресвитером Михаилом Польским (Джорданвилль, 1949 и 1957 гг., третий том до сих пор не издан).

Самые важные из этих и большое число из других источников представлены во II и III частях этой книги.

Накануне Второй Мировой войны гонения на верующих в Советском Союзе достигли жесточайшей крайности и даже "сергианская" церковная организация дошла почти до полного уничтожения, а катакомбная Церковь совершенно исчезла из вида. Только

немногие из самых видных сотрудников с советами уцелели, избежав заключения и изгнания, по поводу чего тридцать лет спустя Борис Талантов сказал, что "митрополит Сергей своим приспособленчеством и ложью никого и ничего не спас, кроме собственной персоны".

Когда Сталин, чтобы воспользоваться патриотическими и религиозными чувствами русского народа в войне против немцев, открыл какое-то количество закрытых церквей и допустил выборы Патриарха в 1943 году, начался новый период в отношениях государства и Церкви, тогда Московская Патриархия стала фактически "государственной Церковью" советского правительства, распространяя коммунистическую пропаганду по всему миру под именем религии и категорически отрицая наличие любого вида притеснений за веру в Советском Союзе. Само существование Катакомбной Православной Церкви, противостоящей этой политике, могло бы иметь поражающий эффект этой политики, в особенности, если бы это стало широко известно за границей. Все группы катакомбных православных безжалостно истреблялись советскими властями при первом же их выявлении, а члены их приговаривались к долгим срокам заключения. Почти вся скудная информация, имеющаяся об этом периоде в истории катакомбной Церкви в России, исходит из советской прессы, но почти ничего не известно до сих пор об организации и управлении катакомбной Церкви за эти годы.

В 1959 году, при Хрущеве, в СССР предпринято было новое свирепое гонение на веру, обозначившее начало нового периода церковной истории в России, периода, в который сергианская церковная организация сама используется для ликвидации Православия в России, в то же время продолжая за рубежом свою коммунистическую пропаганду и совершенно уже неправдоподобные утверждения об отсутствии гонений на религию в СССР. Большинство сохранившихся до этого времени сергианских церквей, монастырей и семинарий закрываются в эти годы, а особенно жестоко преследуются "незарегистрированные" церковные органы, такие как православная катакомбная Церковь, известная советским властям как "иосифляне", "тихоновцы" и "Истинно-Православная Церковь". Гонение было особенно жестоким в 1959-1964 годах; после падения Хрущева оно ослабело, но, тем не менее, продолжилось, особенно против "незарегистрированных" организаций.

В этот период церковной жизни в России повеяло новым духом решимости и мужества, укрепляемым большими возможностями для общения между СССР и свободным миром. Он принес то, что, начиная с нескольких отдельных протестов в начале шестидесятых годов, стало целой волной возмущения и протеста со стороны верующих в России, направленных против религиозных гонений советского правительства и трусливых оправданий защитников советской власти в официальной церковной организации. "Открытое письмо Патриарху Алексию" московских священников в 1965 году, статьи о "сергианстве" Бориса Талантова в 1968 году, праведное возмущение церковной политикой Московской Патриархии со стороны православных христиан столь различных, как архиепископ Гермоген и Александр Солженицын, а в самое последнее время отчаянные вопли совести отца Дмитрия Дудко и новая церковная история Льва Регельсона (первого давшего сочувствующее описание "иосифлян" из рядов Московской Патриархии) – привели к подлинному "кризису сергианства" в России. Кажется, главная причина, предотвращающая новое дробление в Московской Патриархии на уровне движения "иосифлян" в 1927 году, является, по-видимому, страх перед призраком "раскола" и "сектантства", соединенный с распространенным неведением о действительном состоянии и мировоззрении современной катакомбной Церкви.

Наконец, за последние несколько лет, начиная со смерти патриарха Алексия в 1971 году, мы видим определенное возрождение самой катакомбной Церкви России. В частности, два "катакомбных документа" 1971 года, предоставляющих нам возможность впервые за сорок лет вникнуть в образ мышления нынешней катакомбной Церкви, который видится вполне трезвым и вовсе не "сектантским" или "фанатичным" (впечатление, подтверждающееся еще и только что изданным катакомбным посланием 1962 года, о существовании которого вообще знали всего лишь несколько человек в Советском Союзе). Свидетельство А. Краснова-Левитина после изгнания из Советского Союза в 1974 году предоставило нам первую настоящую информацию после 1938 года относительно епископата и первых иерархов катакомбной Церкви; а информация, взятая из советской прессы в 1976 году о судебном процессе над архимандритом Геннадием, является самым впечатляющим свидетельством с довоенного времени о действительной деятельности катакомбной Церкви и ее удивительно широкому полю действия. Эти документы содержатся в V части этой книги.

Эту книгу не следует рассматривать как простую "апологию" катакомбной Церкви; мы старались быть несколько "объективнее" этого. Как раз настоящее историческое время, по пятидесятилетию выхода Декларации, послужившей разделению Русской Церкви в XX веке, представляется уникальной возможностью "объективно" взглянуть на прошедшие полвека церковной жизни нам, принадлежащим к единственно свободной части Русской Церкви. Душа России сегодня высказывается более ясно, чем когда-либо от самого возникновения сергианства, но боль и трудность этого высказывания делает почти невозможным для находящихся в Советском Союзе полностью понять это послание. В частности, пребывающие в Московской Патриархии все еще находятся внутри "заколдованного круга" унаследованных мнений о церковной организации, которые, возможно, не исчезнут до тех пор, пока не снизойдет понимание, что катакомбная Церковь в России – это, в первую очередь, не противостоящая "церковная организация", требующая смены присяги епископской, но, прежде всего, путеводь в верности Христу, вдохновляет по-иному воспринимать само понятие о Церкви, ее организации, чем преобладающее в большей части православного мира. Это восприятие, возможно, не появится до падения незаконного режима, но когда это произойдет, сергианская церковная организация и вся ее философия будет сокрушена в прах. В этом свете не будет преувеличением сказать, что будущее России, если ей быть Православной, принадлежит катакомбной Церкви.

В приложении к этому тому была сделана попытка там, где представлены источники истории катакомбной Церкви, указать "уклон" авторов, "сергиане" ли они или "иосифляне". Конечно, с обеих сторон были преувеличения. У будущего историка Русской Церкви, конечно, не будет сомнений (что, впрочем, доказано уже в Истории Церкви, составленной Львом Регельсоном), что иосифляне были правы, а сергиане фатально ошибались. Но значение Катакомбной Церкви заключается не в ее "правоте"; оно заключается в сохранении истинного духа Православия, духа свободы во Христе. Сергианство не просто не право в своем выборе церковной политики, то было нечто гораздо более худшее: то было предательство Христа, основанное на согласии с духом мира сего. Сергианство было тем неизбежным последствием, к которому привела церковная политика, руководимая земной логикой, а не разумом Христовым.

Иван Михайлович Андреев

Иван Михайлович Андреев. Истинный православный новообращенный из русской интеллигенции.

Память 17/30 декабря (+ 1976 г.)

На заре XX столетия российская интеллигенция в массе своей отошла от православно-христианских устоев русской жизни. Многообещающие начинания истинно православной философии в середине XIX века (Киреевский, Хомяков), могшие противостать идеям Запада, имели мало последователей. За немногими исключениями (такими, как Константин Леонтьев), российская интеллигенция во второй половине XIX века весьма отдалась от Православной Церкви, обратившись к западным революционным идеям, пришедшим к материализму и марксизму.

Естественное отторжение против этого материализма в конце XIX века не было православным. Под влиянием мощной религиозной философии Владимира Соловьева многие обратились к религии, но не к византийско-русской традиции, а к так называемой "свободной" религии. В результате русское религиозное "возрождение" начала XX века было далеко от Православия; это было течение религиозного "свободомыслия", подготовившее в России почву для обновленчества и религиозного либерализма, ведущих к открытому отпадению.

В умах многих людей и ныне остается представление, что русская интеллигенция, даже и религиозная, в основном "свободомыслящая", модернистская, обновленческого духа, даже когда ее представители становятся православными священнослужителями, в то время как им противостоят лишь "отсталые" из церковных людей, не способные к "творчеству", а лишь "цепляющиеся" за старые устои без всякого соотношения с

"проблемами времени".

Такой поверхностный взгляд несправедлив по отношению к приверженцам подлинной традиции, носителям православного святоотеческого мировоззрения, хранящим и передающим образ жизни без больших потрясений и новшеств и без пустого интеллигентского треска, отражающим нападки современного мира; он не берет во внимание ту часть интеллигенции, которая целиком чужда материализма и западного влияния и являет единство с иными ревнителями традиции, чуждыми противостоящей, бунтующей части интеллигенции.

От этих последних новообращенных неизменно и сугубо отрекается либеральная интеллигенция и их взгляды рассматриваются как не стоящие уважения. Но их опыт мировоззренческого и духовного роста очень ценен для молодежи в наше время (порой столь враждебной всему традиционному). Одним из таких новообращенных, вдохновляющим примером для нас был И.М. Андреев, чьи обращение и духовный рост можно в главном проследить по его собственным сочинениям.

+++

Иван Михайлович Андреевский (Андреев – это его литературный псевдоним) родился 14 марта 1894 года в обеспеченной семье в городе Санкт-Петербурге. Учился там в гимназии. У него были, по крайней мере, один брат и одна сестра (поэтесса Мария Шкапская). Очевидно, что семья была православной и благочестивой (мальчиком Иван дважды был у отца Иоанна Кронштадтского). Но в юные годы он вступил в период "бунтарства". Его мировоззрение тех дней можно видеть из воспоминания хорошо его знавшего Николая Сергеева (частное письмо от 7 февраля 1977 года):

"Иван Михайлович пришел в шестой класс Введенской гимназии в 1911-12 годах. Где он учился до этого, я не знаю. Он сидел за два места от меня, был серьезным мальчиком, никогда не шутил, был довольно хорошим учеником... Я пел в хоре нашей гимназической церкви, но никогда не видел в церкви Ивана Михайловича. В седьмом классе, думаю, в ноябре 1912 года, мы все были, как громом поражены, когда узнали из газет, что была раскрыта революционная группа (в нашей гимназии и гимназии Видемана), в котором принимали участие Иван Михайлович и ученик, на класс старше, в комнате которого нашли мимеограф и прокламации (тот впоследствии покончил с собой). После этого Ивана Михайловича мы в гимназии не видели. Я могу написать лишь то, что слышал: был суд, участников группы взял под защиту миллионер Шахт и отправил их учиться в Швейцарию".

Начало интеллектуального и духовного пути Андреева, таким образом, ясно: он был серьезный, нецерковный, революционно настроенный юноша, каких в России начала XX века было много.

Очевидно, среднее образование он закончил в Швейцарии, и следующие сведения о нем связаны с Парижем: "В 1914 году я был молодым студентом философского факультета Сорбонны, и имел право посещать лекции в Колледж-де-Франс. Там слушал лекции Лаланда и Бергсона". Также он посещал лекции Эмиля Дюркхейма, Леви-Брюля и других известных философов и ученых того времени и закончил свои занятия на факультете философии в Сорбонне. Он находился тогда более всего под влиянием Бергсона: "Читал Бергсон вдохновенно, импровизировал, мыслил вслух, творил на кафедре и был "властителем дум" молодого поколения, особенно русского. Я был среди них" (И.М. Андреев. "Путь профессора С.А. Аскольдова: (Светлой памяти учителя и друга)" // Православный путь: Церковно-философский ежегодник.

Джорданвилль. 1955, стр. 55).

И опять же, здесь не трудно понять направление интеллектуального развития Андреева. Молодой "революционер", обогащенный встречей с ведущими научными и философскими умами Европы, совершил тот же скачок "от марксизма к идеализму", который тогда был сделан Булгаковым, Бердяевым и другими известными представителями русской интеллигенции. Философия Бергсона была реакцией на материализм XIX века, стремившегося достичь некоей более высокой реальности "интуитивно" посредством модной в тогда научной философии, чтобы создать новую философию "творческой эволюции", в которой мир рассматривается как реальность, постоянно меняющаяся, постоянно созидаемая, постоянно стремящаяся к чему-то вне себя. Сам "Бог", согласно Бергсону, постоянно движется и меняется, и "миры", которые Он создает, находятся в постоянном процессе "эволюции", низшие создания трансформируются в более высокие, практически без границ верхнего предела этого необратимого процесса: "Есть центр, из которого миры вылетают, как ракеты в фейерверке... Бог, так определяемый, не имеет ничего законченного; Он – беспредельная жизнь, творчество, свобода... Все живое взаимосвязано, и все поддается одному и тому же мощному натиску. Животное зависит от растения, человек стоит во главе животного мира и всего живого, в пространстве и времени существует одна громадная армия, бегущая рядом, впереди и позади каждого из нас в ошеломляющем потоке, способном преодолеть любое сопротивление и снести самые мощные препятствия, быть может, даже смерть" (Бергсон "Творческая эволюция"). Такая философия действительно могла быть привлекательной для 20-летнего "философа", только что осознавшего недостаточность материалистической философии и полную глупость атеизма, но еще не готового видеть какой-либо другой выход из кризиса современной европейской философии, кроме туманного и романтического иррационализма. Философия Бергсона не оставила глубокого следа на зрелом мировоззрении Андреева; это был, скорее, важный этап в его усвоении лучшего из современной "мудрости", позволивший ему позднее стать блестящим апологетом высшей мудрости Православия. Его старший современник, Бердяев, так и остался в этом незрелом состоянии "романтического идеализма", а Андреев продвигался шаг за шагом по пути, который вел его к истинному Православию.

Именно Бергсон познакомил Андреева с более зрелым философом, чем он сам. По словам самого Андреева: "И вот, однажды, после одной из своих вдохновенных и блестящих по форме лекций, в кулуарах, Бергсон спросил его окружающих – кто, по их мнению, в настоящее время является самым замечательным мыслителем в мире? Видя затруднение своих слушателей, он ясно и отчетливо сказал: "Это – скромный русский философ по фамилии Аскольдов". Мне, русскому студенту, было чрезвычайно лестно услышать такой отзыв о русском философе, но, к стыду своему, я должен был признаться, что имя Аскольдова услышал впервые и решительно ничего о нем не знал" (Путь проф. С.А. Аскольдова, стр. 55). Несколько лет спустя ему предстояло встретить этого замечательного и малоизвестного русского философа в стать его учеником.

Андреев вернулся в Россию, когда разразилась революция, он сильно изменился с тех пор, как уехал. Он больше не был под очарованием революционных идей и не принимал участия в революции, бурлившей вокруг него. Он записался на ускоренные курсы по медицине и психиатрии в Бехтеревском институте в Петрограде, эти занятия также послужили его интеллектуальному и философскому росту. Позднее он сказал: "Я пришел к Богу через науку", и это утверждение раскрывает путь его духовной жизни: через горячую любовь к истине (в отличие от мнений и предрассудков, которые часто прикрываются именем науки), он, наконец, пришел к самой Истине.

В первые годы советской власти Иван Михайлович также изучал литературу в Петербургском университете. Его интерес к психиатрии был первоначально привлечен глубинами человеческой души, которые он открыл для себя в романах Достоевского. В литературе он тоже искал прежде всего истину.

Интеллектуальная мощь и глубина студенческих лет Андреева поистине удивительны. Будучи явно гениальным человеком, он за три года получил три кандидатских степени: в медицине, литературе и философии. Несколько лет спустя он прибавил четвертую степень – доктора Богословия.

Как философ, Андреев в этот период находился под влиянием Николая Онуфриевича Лосского, одного из наиболее видных русских философов того времени, "идеалиста" и "интуитиониста" (однако несколько "либерального" в своей православности), подведшего Андреева чуть ближе к его собственным православным истокам. Однако самым важным событием в его интеллектуальной жизни явилась встреча в Петербургском университете в 1919 году с Сергеем Алексеевичем Аскольдовым, русским философом, на которого указывал в Париже Бергсон.

Характер влияния Аскольдова на Андреева невозможно понять в контексте нынешнего жалкого академического мира, ориентирующегося на передачу фрагментарных познаний и мнений, вместо целостности мировоззрения. "Впервые, после Бергсона, я испытывал духовный трепет общения с гениальным человеком. Я чувствовал, что нашел, наконец, настоящего учителя" (Путь проф. С.А. Аскольдова, стр. 56). У него Иван Михайлович научился "истинному философствованию" (Проф. И.М. Андреев. Очерки по истории русской литературы XIX века, Джорданвилль, 1968, стр. 304). Аскольдов многому научил его в философии и познакомил его со своими друзьями, такими людьми как отец Павел Флоренский и отец Феодор Андреев. Еще важнее то, что Андреев получил от своего учителя целую постановку ума и души – то, что ему было необходимо для собственного дальнейшего интеллектуального и духовного роста. "Все, с чем мне приходилось знакомиться из написанного Аскольдовым, производило на меня чрезвычайно сильное впечатление, так как прямо и ясно отвечало на глубинные запросы моего духа" (Православный путь, 1950 г., стр. 57).

У Аскольдова была постоянная "воля к правде и истине... Умственная нечестность вызывала у него всегда взрыв негодования" (там же, стр. 62). Андреев унаследовал от своего учителя эту умственную прямоту, не терпевшую малейшей нечестности или подделки как в философии, так и в церковной жизни.

Также от Аскольдова Андреев узнал о часто сложном органическом взаимоотношении добра и зла и о необходимости в реальных условиях избирать "первичное добро", даже если оно связало со "вторичным злом". К примеру: политический и общественный порядок Императорской России был первичным добром (ибо был основан на Боге и Православии), соединенным со вторичным злом (моральные дефекты некоторых его представителей, социальные несправедливости и так далее), между тем как революция, даже в своем лучшем проявлении, предлагала вторичное добро (исправление несправедливостей), связанное с первичным злом (свержением Богом установленного порядка, установлением атеизма). В этом понятии содержится ключ, по мнению Аскольдова, к пониманию антихриста, который будет казаться "хорошим" тем, кто потеряли иерархию христианских ценностей и не видят брани с Христом и Его Церковью, скрывающейся под маской "гуманизма".

Аскольдов открыл Андрееву допустимость для современного человека верования в чудеса и бессмертие души и вложил в него сознание того, "что ключом к истинному

пониманию совершающихся мировых событий является признание нашего времени апокалипсическим. На возражения, что неоднократно бывали такие моменты в истории человечества, которые некоторым людям казались апокалипсическими, а потом оказывалось, что это была ошибка, Сергей Алексеевич обычно отвечал, что ошибки и тогда не было. И приводил пример. Бывают люди при смерти, о чем знают и чувствуют и они сами, и лечащие их врачи, и близкие родные. И вот такой человек вдруг поправляется. Нельзя сказать, что он не был при смерти. Он был при смерти, но потом поправился. Так и мир был несколько раз при смерти, а чуткие в религиозном отношении люди это чувствовали. И ошибки в этом не было. Так и теперь – мир при смерти" (там же, стр. 64).

Аскольдов далее повлиял на Андреева в религиозном отношении благодаря глубоко религиозному настроению своей души, тоске по чистоте и дару умиления слезами покаяния (там же, стр. 61). Однажды, во время Второй Мировой войны, когда оба были вместе в маленьком деревянном домике и некуда им было спрятаться от страшной бомбардировки, Андреев был потрясен, когда Аскольдов, не имея возможности перед надвигающейся смертью исповедаться у священника, попросил позволения у Андреева исповедоваться ему в своих грехах: "Никогда не забыть мне этой исповеди: более искреннего покаяния трудно себе представить" (там же, стр. 61).

Одним словом, Аскольдов привел Андреева, посредством своего интеллектуального, морального и религиозного влияния, к рубежу истинно православно-христианского сознания. Но ученик вскоре превзошел учителя. Аскольдов, хотя и православный по исповеданию, имел некоторые еретические мнения, и Андреев начал спорить с ним об этом, стараясь склонить своего учителя к полному Православию и отказу от своих ошибочных представлений. Глубокая любовь и дружба этих двух человек, которые вместе разделили годы жизни в Советском Союзе, войны и изгнания, принесла свой самый трогательный плод на смертном одре Аскольдова в Германии в 1945 году, когда он написал Андрееву, что в большой мере благодаря влиянию последнего он, наконец, решил сжечь свой труд "О перевоплощении", примирившись полностью с церковным учением (там же, стр.60).

Аскольдов познакомил Андреева с первыми из более строгих "церковных" влияний на свою умственную и духовную жизнь – с профессором (позднее протоиереем) Федором Константиновичем Андреевым, чью фамилию впоследствии Иван Михайлович взял себе в знак великого к нему уважения. Андреев так описывает свое первое впечатление от этого блестящего профессора: "В 1921-22 годах протоиерей Ф.К. Андреев, переселившийся в Петроград, изредка выступал с докладами или, чаще, в прениях по докладам в "Доме ученых" и в "Доме литераторов". Особенно ярко было его выступление в "Доме ученых" в прениях после доклада проф. Н.О. Лосского, в 1921 году, "О природе сатанинской", когда молодой профессор, с огромным пафосом и обширной эрудицией, раскритиковал маститого философа Лосского, прочитав как бы контр доклад на тему Происхождения зла" (Протопресвитер Михаил Польский. "Новые мученики российские", т. II, Джорданвилль, 1957, стр. 134). Это, вероятно, было первым столкновением, засвидетельствованное уже зрелым Андреевым, между мудростью этого мира, к которой Андреев до тех пор стремился, и мудростью Церкви, начавшей с тех пор завоевывать его ум и душу.

Впоследствии, в 1924 году, после службы психиатром в Николаевском Военном госпитале, профессором Петербургского университета и преподавателем литературы в одной средней школе Петрограда, Андреев жил в санатории неподалеку от Царского Села (в одной комнате с Аскольдовым), где многие из проживавших были духовными детьми новорукоположенного отца Феодора Андреева. Здесь происходили частые

религиозные и философские беседы, и отец Федор сам, а Андреев за ним, заметно созревали в строго православном плане своей философии, находя своего прежнего профессора и друга отца Павла Флоренского несколько неправославным и даже в состоянии утонченной духовной прелести. Отец Феодор преподавал догматическое Богословие и литургику на Пастырских курсах, которые были организованы в Петрограде группой профессоров Богословия в противовес двум другим Богословским течениям, остававшимся в городе – "обновленческого" и "либерального" Богословских институтов. Андреев учился в этой настоящей "духовной академии" от 1924 до 1928 года и получил там свою "катакомбную" ученую степень. Вторым лицом, оказавшим церковное влияние на Андреева в это время, был отец Сергей Тихомиров – духовный отец Андреева и Аскольдова. Отец Сергей часто посещал Оптину пустынь и был в духовном единении с ее старцами. После того как и Андреев, и Аскольдов потеряли свои кафедры в университете и стали преподавать в технических училищах и средних школах, они вдвоем стали организовывать религиозно-философские кружки с лучшими из своих учеников, делясь своим развивающимся православным мировоззрением, книгами из своей библиотеки и своим энтузиазмом о важных религиозных вопросах. Из этих групп образовалось в 1926 году "Братство преподобного Серафима Саровского". Выбор Братством именно этого небесного покровителя является признаком направления, в котором шло религиозное развитие его участников.

К 1926 году Андреев уже был основательно знаком с главными православными святоотеческими первоисточниками, под влиянием которых достиг умственной зрелости в Православии. Он также посетил несколько православных монастырей, где у него была возможность воочию увидеть истинное Православие в действии: "Бергсон, Лосский, Аскольдов – вот три ступени моего философского развития. Философского, но не религиозного. На последнем пути у меня были совершенно другие учителя: епископ Феофан Затворник, епископ Игнатий (Брянчанинов), оптинские старцы и приснопамятный отец Иоанн Кронштадтский, а затем – "Добротолубие" и вообще святоотеческая православная литература. С оптинским старцем Нектарием я был в длительной переписке, а со старцем Досифеем – в личном общении. Дважды я имел личное общение и с отцом Иоанном Кронштадтским. Наученный ими строго-православному духовному методу (если можно так выразиться), я закрепил его незабываемыми впечатлениями от посещения замечательных русских монастырей (Валаам, Соловки, Киево-Печерская лавра, Саров, Дивеево, Оптина пустынь и другие). В результате – мне стал ясным выбор между охранительным Православием отца Иоанна Кронштадтского и "модернизированным" православием Владимира Соловьева и его школы. Не колеблясь, я выбрал первый путь" (Очерки, стр. 304).

Придя к истинному Православию, Андреев, наконец, в паломничестве в Дивеевскую обитель преподобного Серафима пережил то, что он называл своим "духовным рождением". По обычаю дивеевских паломников полагалось пребывать в обители по крайней мере сутки и совершить там правило самого преподобного Серафима: трижды обойти "канавку" Матери Божией, читая особое молитвенное правило по четкам, молясь за всех сродников и близких, а в конце говоря свое самое заветное, самое важное желание, которое обязательно будет исполнено по молитвам паломника. Андреев так описывает свой опыт: "Когда, в конце моего третьего обхода "канавки", я выполнил все правило, пожелал высказать мое заветное желание, со мной произошло нечто чудесное, очевидно, по великой милости преподобного Серафима. Меня вдруг охватила совершенно особенная, спокойная, теплая и благоуханная радость – несомненное убеждение всем существом в существовании Божиим и в совершенно реальном с Ним молитвенном общении. И мне стало совершенно ясно и очевидно, что любая просьба о чем-нибудь земном была бы равносильна молитве: Господи, отойди от меня и лиши меня Твоего чудного дара..." И я внутренне горячо обратился к Господу:

"Господи, не давай мне ничего, отними от меня все земное благополучие, только не лишай меня радости общения с Тобой, или, если это невозможно сохранить навсегда в нашей жизни, то дай мне память сердечную, дай мне возможность сохранить до смерти воспоминание об этой настоящей блаженной минуте ощущения Твоего Святого Духа"!

На следующий день мы поехали в Саров. Приложились к мощам преподобного Серафима с большим волнением, духовным страхом и благоговением. Я чувствовал, что духовно родился накануне в Дивееве. Все во мне стало новым. Прежде я не понимал такой простой истины, что духовное от душевного отличается больше, чем душевное от телесного. Но сейчас я все это хорошо понял. Внутри, в глубине души, было тихо, спокойно, радостно. Внешние чудеса у раки преподобного Серафима, происходившие у меня на глазах, не поражали. Все это казалось простым и естественным...

Вся моя жизнь после моего паломничества и Саровскую пустынь изменилась. Господь, по моей молитве на канавке, отнял от меня все земное, но навсегда сохранил во мне память о той минуте, когда, по безграничному милосердию Своему, по милости Пресвятой Богородицы и по молитвам преподобного Серафима, я, грешный, совершенно незаслуженно сподобился пережить в себе тихое, радостное, благое и благоуханное веяние Святого Духа Господня..." (И.М. Андреев. "Путешествие в Саров и Дивеево в 1926 году", Православный путь, Джорданвилль. 1953, стр. 20-21, 25.)

Таким образом Андреев, обретя интеллектуальную зрелость, пришел к зрелости духовной. Он сам позднее описывал своим студентам эти годы интеллектуального и духовного формирования как рост от "плоти" (наука, медицина) к "душе" (литература, философия) и "духу" (Богословие, истинное Православие), пользуясь тройственным разделением человеческой личности, о котором говорили преподобный Серафим, святитель Феофан Затворник и многие другие Отцы на основании слов святого апостола Павла (1 Кор. 2, 14-15 и далее). Под "духом", конечно, подразумевался не отдельный состав человеческой природы, как учили некоторые еретики, но высшая часть души, в которой открыто общение с Богом и с духовным миром, в отличие от низшей части души, которая занимается нормальными человеческими деланиями – искусством, наукой, философией и культурой. Осознание, в первую очередь, ощущение этого критического различия между душой и духом позднее придало его учению ту глубину и точность, которые достигают лишь немногие философы и мыслители.

В 1926 году Андреев достиг философской и религиозной зрелости, а в 1927 году начался его период испытаний. В том году митрополит Сергей издал свою позорную "Декларацию", и православные верующие разделились на два лагеря. Андреев, вместе с большинством тех, кто входил в круг его друзей – Аскольдов, отец Феодор Андреев, отец Сергей Тихомиров, даже отец Павел Флоренский – протестовал против "Декларации" и присоединился к оппозиции, из которой сформировалась современная катакомбная Церковь. В этом ответственном выборе подтвердились крепость и правота духовного формирования Андреева.

Деятельность Андреева, связанная сперва с протестом против "Декларации", а впоследствии с перенесением заключения (Соловки, 1929–31 годы) и запрещения его религиозных взглядов, публикуются ниже. В 1930-е годы он был активным участником катакомбного "Иосифлянского" движения, одновременно служа врачом и психиатром везде, где удавалось устроиться; известно, что он посещал катакомбные Богослужения отца Измаила Рождественского и был одно время его духовным сыном. Перед самым началом Второй Мировой войны он был главврачом областной психиатрической больницы в городе Новгороде. Когда пришли немцы, он очутился в оккупации, а когда

они отступали, поехал в Германию, обосновавшись, наконец (в 1950 году), в Свято-Троицком монастыре около Джорданвилля, в штате Нью-Йорк. Здесь он присоединился к преподавательскому составу Свято-Троицкой семинарии, который в его время (1950-е и 1960-е годы) включал в себя несколько выдающихся умов Русского Зарубежья, действительно истинно-православных мыслителей, по глубине и утонченности своей Богословской мысли, философии, литературоведению и по цельности и равновесию своего взгляда на современное положение Церкви не имевших соперников во всем православном мире. (Кроме двух Богословов-ректоров, архиепископов Виталия (Максименко) и Аверкия (Таушева), можно назвать архимандрита Константина (Зайцева), протопресвитера отца Михаила Помазанского, Ивана Михайловича Концевича, Николая Дмитриевича Гальберга и других.)

К сожалению, по причине общего недостатка глубины и утонченности среди современных православных христиан, а также из-за прирожденной скромности и смирения этих достойных представителей православной традиции, эти православные мыслители, в том числе и Андреев, зачастую недооцениваются, и даже те, кто жили среди них и учились у них, мало понимали, какие сокровища моли бы почерпнуть из их богатого православного знания и опыта. Их духовная и интеллектуальная зрелость, их, из старого мира, утонченность, их изысканное искусство недомолвок, сложность и вместе с тем целостность их православного мировоззрения – все это, по большей части, не оставалось в головах младшего поколения (русских ли, греков или новообращенных), которое слишком часто ищет легких ответов на сверхпростые вопросы, то есть так легко возмущается мелкими недостатками, что пропускает главный смысл глубоко православного жизненного труда, чье духовное недоразвитие и нехватка интеллектуальной культуры просто не позволяют следовать за мыслительным процессом зрелого православного мыслителя, чей недостаток художественной и литературной восприимчивости может привести к ложной духовности, делая его не ведающим об элементах низшей части "души", которые могут узурпировать высшее положение "духа", если не получить навык в различении их, чье мало православное чутье делает его слепым по отношению к православным гигантам в их окружении. Мы все страдаем от этого. Тем более, тогда должны мы стремиться понять этих гигантов, которые ныне почти всех уже ушли, оставив всех возможных защитников Православия в очень трудно положении противостояния все усиливающимся утонченным искушениям антихристианской эпохи. Без расширения и углубления нашего православного мировоззрения, без впитывания, по меньшей мере, какой-то части духа истинно православного учения великих людей, которые нам передали Православие, мы едва ли выживем.

В Джорданвилле архиепископ Виталий (Максименко) высоко ценил Андреева как православного исповедника и мыслителя; часто благословлял его надеть стихарь и сказать проповедь в монастырском храме. Его студенты помнят его как полного энтузиазма, красноречивого и вдохновенного лектора (скорее уровня Сорбонны, чем обычной семинарии!), преподающего предметы, в которые он верил всем сердцем и которым он был полностью предан. Он был абсолютно непримирим только к одному – к фальши, в духовной ли или в интеллектуальной жизни.

В Америке Андреев был активным участником как церковной жизни, так и научной. Он был членом правления Пироговского общества (организации русских врачей в Соединенных Штатах) и регулярно выступал с сообщениями на медицинские темы. Он был участником Пушкинского литературного общества и тоже выступал там с лекциями. Вне семинарии его самая любимая церковная деятельность была связана со Свято-Владимирским обществом, основанным архиепископом Виталием с целью создания Свято-Владимирского храма-памятника в Кассвилле, штат Нью-Джерси (где

он теперь похоронен) перед тысячелетием Крещения Руси (1988 год) и для постоянного напоминания русским Америки об их православных корнях в Святой Руси. Андреев был редактором ежегодного Владимирского Православного Русского календаря, где он печатал свои собственные и многие другие Богословские и философские статьи в защиту истинного Православия и документы, касающиеся происхождения и истории катакомбной Церкви и России. Каждый год, в праздник святого князя Владимира, когда русские со всех восточных штатов США приезжали в храм-памятник, Андреев выступал с пламенными речами об истинном Православии, наступлении мира и атеизма, будущем возрождении православной России и принципах Православной Монархии (без которой не видел будущего России).

+++

Ивана Михайловича Андреева трудно определить как православного мыслителя. Имея четыре докторских степени, он был квалифицированным врачом и психиатром, историком литературы, философом и Богословом. Его труды содержат элементы всех этих наук одновременно, и именно это придает им довольно уникальное качество и ценность.

Центральной темой его православного взгляда является защита истинного Православия. На самом очевидном уровне ("юрисдикционном") это означало защиту истинно-православной (катакомбной) Церкви в России, к которой он некогда принадлежал и одним из главных апологетов которой стал в свободном мире. Среди русских "юрисдикций" зарубежья он находил, что только Русская Православная Заграничная Церковь имеет дух катакомбной Церкви в России. Другие же, будучи модернизированными ответвлениями ее, духовно ближе к Московской Патриархии, "духовное" главенство которой они в разное время признали. Его защита катакомбной Церкви всегда была на очень высоком уровне, всегда подкреплена Богословскими и духовными обоснованиями, и даже в разгар полемики и после собственного горького опыта в Советском Союзе он никогда не доходил до ненужных крайностей в обличении отступничества от Православия Московским Патриархатом. Даже в своей известной полемической статье "Благодатна ли Московская Патриархия?" ("Православная Русь", 1948 г., №№ 17, 18, 19) после перечисления причин, почему можно усомниться в благодатности таинств Московского Патриархата, он тщательно избегает любого неосторожного утверждения, мудро заметив, что отход одной из Церквей от Бога и превращение ее в "синагогу сатаны" – это процесс. Но советская Церковь вступила на путь, ведущий к этой "синагоге" – в этом не может быть никакого сомнения. Отказываясь от суждения по этому вопросу, он его оставляет на решение будущего Поместного Собора всей Русской Церкви. Вся эта статья весьма глубока с философской и Богословской сторон и выдвигает ту же самую идею, что и "катакомбные документы" 1971 года – что советская власть не является истинной властью, требующей послушания по святому апостолу Павлу (Рим. 13, 1), а незаконной антихристианской властью. С большой пронизательностью он говорит о "мистической силе" коммунизма, который рассматривает как новое явление в человеческой истории, прямую подготовку к правлению антихриста. В других статьях он подвергает сам коммунизм беспощадной научной и философской критике, показывая, что в то время, как он был бессилен доказать истинность атеизма и материализма, он успешно доказал (своими бесконечными убийствами, пытками, преступлениями и разрушениями) существование объективного зла и его основателя – дьявола (см. "О характере научно-атеистической пропаганды в Советской России", "Православный путь", 1956 г.; "Христианство и большевизм" – Владимирский Православный Русский календарь, 1955 г.). Его "Краткий обзор истории Русской Церкви от революции до наших дней" (Джорданвилль, 1952 г.) – это действительно в своем роде единственная книга, в которой исследуется история

"юрисдикций" Русского Православия XX века с точки зрения верности Христу и церковной традиции. Для Андреева понятие истинного Православия полностью насыщено опытом новых катакомб нашего века; все, что он писал, ощущается как нечто настоящее, серьезное и глубоко обязательное, что часто не понятно тем, кто не жил в условиях гонений, предательств и тайных (иногда и буквально подпольных) церковных служб. Его учение составляет катакомбные Богословие и философию для современных православных христиан, далекую от пустых академических упражнений большинства "православных Богословов" XX века.

Все сочинения Андреева отражают его философское основание, но, возможно, лучше виден склад его философского ума в его статьях о пользе и ограничениях науки. Сами опытные ученые редко способны видеть дальше своей узкой специализации, в более широком и глубоком философском контексте. А те, кто пытаются оценить науку с точки зрения Богословия или академической философии, часто делают слишком общие и неточные выводы. Однако Андреев, будучи и ученым, и философом, а также и Богословом, находился в уникальном и выгодном положении, чтобы рассмотреть все три области знания в правильной перспективе. Его статья "Христианская Истина и научное знание" ("Православный путь", 1961 г.) блестяще определяет сферы и методы этих двух видов познания и указывает, как можно избежать любых противоречий между истинной наукой и истинным Христианством: "Только при поверхностном знании встают мнимые противоречия между верой и знанием, между религией и наукой. При углубленном же знании эти мнимые противоречия исчезают без следа. ...Широкое, глубокое научное и философское образование не только не препятствует вере в Бога, но облегчает ее, ибо весь арсенал подлинных достижений научно-философской мысли является естественным апологетическим материалом религиозной веры. Кроме того, часто честное знание имеет методологические возможности вскрыть извращения веры и обличить суеверия как религиозные, так и научно-философские" (стр. 72).

Научные и философские познания самого Андреева были особенно ценны в защите Православного Христианства от его современных гонителей. В своем учебнике "Православно-Христианская апологетика" (единственная из его книг, переведенная на английский язык, Джорданвилль, 1957 г.) он делает попытку построения "целостного церковно-православного христианского мировоззрения" (стр. 5). В этой книге он полностью использует научные данные, но не переоценивает их, понимая, что "при использовании научных данных следует быть особенно осторожным и не увлекаться, по примеру католичества, "строгой научностью" доказательств, памятуя, что все науки дают только временное гипотетическое знание, тогда как предметом апологетики является вечная и неизменная истина" (стр. 7). Он также избегает соблазна чрезмерной критики антихристианских взглядов, "которому иногда подвергаются неопытные апологеты Христианства", понимая, что апологетика "не должна разминаться на мелочную критику частных обывательских заблуждений", но должна раскрывать "лучезарно-светлый образ Христианской Истины", представленный самым доступным образом, который "убеждает гораздо в большей степени, чем самые точные логические доказательства" (стр. 6). Согласно этим принципам, книга выдержана в спокойном, умеренном тоне, широка в охвате (максимально используя неправославные источники, когда они уместны) и вполне точна в своих заключениях, даже в сферах, которые некоторые православные апологеты, менее научно подготовленные, предпочли бы оставить неясными. Так, например, он не избегает вопроса об "эволюции" там, где касается происхождения человека. Он приходит к заключениям, основанным на научных и святоотеческих данных, отличающимся от его собственной юношеской веры в эволюционизм Бергсона: "Родоначальники человеческого рода из животных существуют только в сочинениях дарвинистов, а нигде в природе не существуют и не

существовали... Отрицать факт, что человечество существует только около восьми тысяч лет – вряд ли возможно" (стр. 66-67). Его критика научной "единообразности" и его идея об "эволюции законов природы" дают пищу для более тщательного святоотеческого исследования некоторых важных вопросов, поднятых теорией эволюции.

Интересно, что "Православно-Христианская апологетика" проникла за "железный занавес" и активно использовалась московским священником отцом Димитрием Дудко в его беседах с паствой в 1974 году (опубликована на английском языке под названием "Наша надежда", Крествуд, Нью-Йорк, 1977 г.), доказав таким образом свою апологетическую ценность в Советской России. Своим вниманием к вопросам нравственности, подчеркиванием важности страданий и умением быстро схватить суть какого-либо интеллектуального вопроса отец Димитрий был схож с Андреевым, но ему не достает точности в церковных вопросах, которую Андреев обрел своим катакомбным опытом. Несмотря на то, что отец Димитрий приводит больше цитат из Андреева (стр. 68-72, 95-99), чем из любого другого источника в своей книге, и что он дает его имя, название и дату публикации "Православно-Христианской апологетики", все же переводчик (который в сносках дает информацию по всем другим упоминаемым авторам) ни слова не сообщает о том, кто такой И.М. Андреев. Печально, но показательным для нашего времени, что один из глубочайших российских мыслителей столетия – есть имя "неизвестное" ученому миру именно из-за того, что он отказался от мудрости мира сего и выбрал путь "консервативного" истинного Православия.

Из Богословских трудов Андреева следует особенно упомянуть его "Православно-Христианское нравственное Богословие" (Джорданвилль, 1966 г.), где он излагает общие основы христианской жизни в соответствии со святоотеческим учением, со строгой приверженностью христианской иерархии ценностей, согласно которой нравственное поведение полностью зависит от религиозных принципов и никогда не может отделяться от них ради образования "автономной морали". Он также посвятил несколько статей Пресвятой Богородице, сопоставляя почитание Ее у православных с протестантскими и римо-католическими взглядами и описывая свой любимый "лазоревый праздник" – Благовещение.

Возможно, что самые проникновенные труды Андреева посвящены русской литературе. Его "Очерки по истории русской литературы XIX века" (Джорданвилль, 1968 г.) – сборник эссе, действительно уникальных в литературной критике. Они написаны с Богословской глубиной, цельным философским мировоззрением и с психологической проницательностью, которых нельзя найти у других мыслителей. Шедевром в этом сборнике является статья о Владимире Соловьеве, в которой чутко анализируется "духовный опыт" этого религиозного философа и показывается он на основании святоотеческих писаний как классический пример духовного обольщения – прелести. Имея личную симпатию к Соловьеву (особенно в последние его годы, когда он стал ближе к Православию), Андреев в этой статье ясно противопоставляет "обновленное" христианство Соловьева и его последователей "консервативному" Православию святых Отцов. Обновленцы нападали на Русскую Церковь (особенно в два последние столетия) как на находящуюся в состоянии "паралича" (или, по словам совсем недавних обновленцев, "в западном пленении"), не замечая множества святых подвижников и исповедников, выращенных этой Церковью как раз в этот период. "Не надо никаких "возрождений" Христианства, никакого "нового религиозного самосознания", ибо Православное Христианство никогда не умирало и умереть не может и никакого "нового" религиозного самосознания, ведущего к спасению – нет!" (стр. 279).

Эссе о Достоевском в той же книге – замечательный пример глубоко христианской литературной критики. С глубокой психологической пронизательностью он ищет реальность христианского роста Достоевского, рассматривая его зрелые христианские высказывания в свете православной иерархии ценностей, не пропуская при этом и его недостатки. Особенно впечатляющим в этом эссе является ответ Андреева на гуманистическую озабоченность Ивана Карамазова о невинных страданиях детей. Иван Михайлович цитирует православные жития Святых, в которых описываются небесные венцы, получаемые детьми за их безвинные страдания.

Другие труды Андреева (например, "О православно-христианском нравственном воспитании детей дошкольного возраста". "Православный путь", 1951 г.; о святом праведном Иоанне Кронштадтском, "Православный Путь", 1958 г.; о принципах Православной Монархии, "Православный Путь", 1951 г.; о Царственных Мучениках и о потребности русскому народу покаяться в царубийстве и отступничестве. Владимирский Православный Русский календарь за 1972 г.) свидетельствуют о нем как о бескомпромиссном последователе истинно "консервативного" Православия, без множества "оговорок", посредством которых многие обращенные к вере, как новые, так и старые, показывают свою неспособность понять целостности православного мировоззрения.

Во всех своих писаниях, как и в своей жизни, Андреев был человеком большого сердца. Он ужасно страдал из-за упадка церковного и нравственного в наше время и в Советском Союзе, и в свободном мире. По всей вероятности, его творческие годы были бы еще более плодотворными, если бы его не угнетало чувство, что мало есть людей, обращенных к Богу, Православию, ближним. Одна статья (напечатанная в качестве приложения к его "Православно-Христианскому нравственному Богословию") особенно раскрывает его глубокую христианскую озабоченность – то, что сейчас, кажется, совсем исчезает с лица земли.

В этой статье, озаглавленной просто "Плачьте!" и посвященной памяти Достоевского (более чем кто-либо в русской литературе писавшем о человеческих страданиях и их смысле), речь идет об одном из хладнокровных и "бессмысленных" преступлений в большом американском городе. 29-летняя мать в Нью-Йорке, в припадке гнева, забила до смерти своего двухмесячного сына, невообразимо изуродовав его, и не выразила никакого сожаления о содеянном. Андреев с пугающими медицинскими подробностями описывает раны на маленьком тельце, а потом обрывает себя, зная, что многие читатели будут протестовать против таких "ненужных" подробностей. "Люди стали глухи к страданиям. Они или не слышат, или не хотят слышать о том, что не в кошмаре, а совершается реально". Он взывает к православной совести своих читателей: "Все за одного и один за всех виноваты – вот сущность социальной этики Христианства... мы все виноваты. Ибо – грешны, то есть творим зло и вносим это свое зло в мировую "сокровищницу зла"... А оно, это зло, накапливается в огромную мировую энергию зла и ищет, для своего воплощения, сосуды безблагодатных тел, и, когда находит – воплощается в них, и они совершают великие злодеяния... Подумай каждый о себе... Что ты делал в тот вечер, когда совершилось это невероятное, но истинное злодеяние? А, ведь, может быть твой грех, твой разврат, твоя злоба оказалась последней капелькой, переполнившей сосуд зла... Так мы должны рассуждать, если мы – христиане..."

Плачьте, братья и сестры! Не стыдитесь этих слез!.. Плачьте! И пусть эти слезы будут купелью, в которой окрестит Господь наверно некрещеного младенца-мученика, миропомазанного вместо елея – своей младенческой невинной кровью. Плачьте! Пусть будут ваши слезы и источником иной энергии, энергии добра, противоборствующей

энергии зла, и силой своей спасающей хотя бы одного еще ребенка от невинных мук, в хотя бы одну еще преступную мать от непростимого греха. Пусть эти слезы разбудят и многих равнодушных... Не стыдитесь плакать слезами скорби, сострадания и покаяния".

Эти слова – завещание Андреева нам, жгучий вопль его души. Будучи человеком редкой эрудиции и чуткости, он весь свой талант обратил на службу Богу – всем своим горячим сердцем и душой. Для него истинное Православие не было модой или просто способом оградить себя от отступничества продажного мира. Он глубоко понимал, что "...кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее" (Мф. 16, 25), поэтому, глубоко укоренившись в истинном Православии, он провел свою жизнь, теряя свою душу, жертвуя собой ради других, из любви ко Христу.

Истинное Христианство стало сегодня таким слабым, что все это может показаться странным для многих, считающих себя вполне православными христианами. Немногие понимали Андреева при его жизни. Он был для них слишком глубоким, слишком ревностным. В каком-то смысле он был символом будущего воскресения Святой Руси, на что весьма уповал. Полно и глубоко пережив увлечение лучшими образцами современной мудрости, он закончил не просто отрицанием их, он превзошел их, приняв высшую мудрость святых Отцов. Его опыт "новообращенного" бесценен для нас и дает нам ключ к сердечному пониманию истинного Православия, катакомбной Церкви в России сегодня.

В последний период своей жизни Андреев на себе испытал жестокий удар холодного современного мира: он подвергся нападению и избиению хулиганами в нью-йоркском лифте. Он никогда полностью не оправился от этого, и в последние годы не занимался интеллектуальным трудом. Последние месяцы своей жизни он был большей частью в забытьи. Но даже так, в каком-то смысле, Господь ответил на его молитву на дивеевской "канавке": "Господи, отними от меня все земное благополучие..." Лишенный своего величайшего земного дара, блестящего интеллекта, он жил за счет духовных накоплений, приобретенных им ранее. В своем докладе "К вопросу о психологии и психопатологии предстарческого и старческого возраста" (Владимирский Православный Русский календарь, 1970 г.), первоначально произнесенном в Пироговском обществе, Андреев подчеркивает, что "великим утешением во всех жизненных скорбях сознательного возраста, а особенно в предстарческом и старческом возрасте, является сохранившееся религиозное чувство. Это утешение может создать тихую спокойную старость и помочь спокойно принять смерть, как успение, с упованием, что вечная жизнь существует в ином лучшем мире".

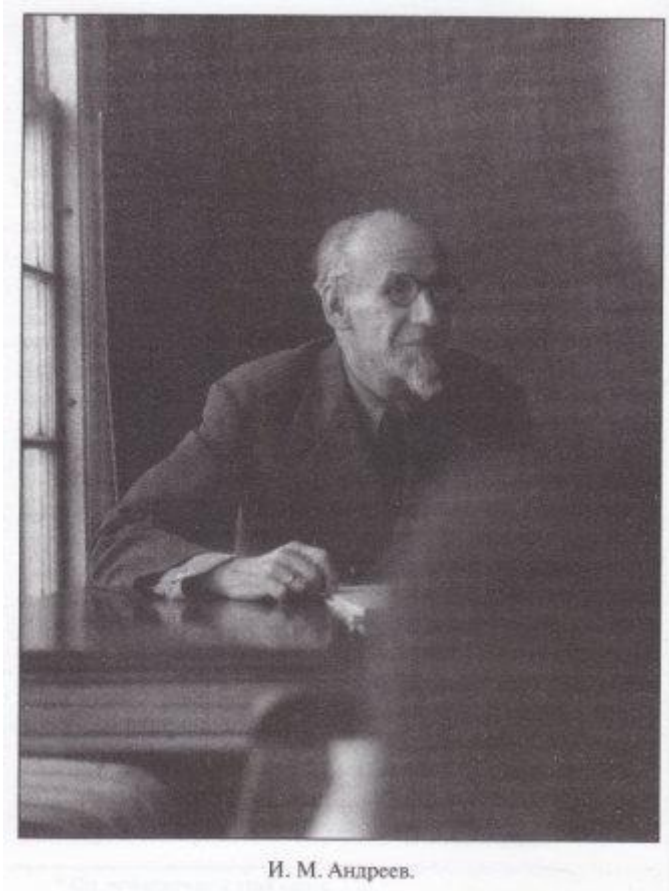
И поскольку Бог верен тем, кто истинно служит Ему, мы не можем не верить, что в последние годы Он ответил и на вторую половину дивеевской молитвы Андреева: "Не лишай меня радости общения с Тобой... дай мне возможность сохранить до смерти воспоминание об этой настоящей блаженной минуте ощущения Твоего Святого Духа!"

Истинное ощущение Святого Духа, верность истинному Православию всем сердцем и душой – вот свидетельство И.М. Андреева тем, кто не слишком охладил сердцем, чтобы слышать его.

И. И. М. Андреев. Катакомбная Церковь

"Для истинно Православной Церкви не осталось никакого выхода, кроме как уйти в катакомбы... Истинно русская Православная Церковь ушла в катакомбы, где остается до сего дня, словно невидимый град Китеж, сохраняя себя, как непорочная Невеста Христова".

И.М. Андреев.

1. Катакомбная Церковь

Вступление отцов Германа и Серафима.

Из порабощенного Советского Союза пришли необыкновенные свидетельства (целая волна протестов православных мирян и несколько протестов духовенства) продолжающегося преследования верующих христиан советским правительством и его "государственной Церковью" – Московским Патриархатом.

Но как это может быть, "Церковь", которая преследует своих собственных верных? Мирянин Борис Талантов, заключенный сейчас в СССР в тюрьму за "антиправительственную деятельность", внимательно проанализировал этот вопрос и нашел, что ответ на него содержится в так называемом "сергианстве", то есть в тех, кто принимает положение "Декларации", подписанной митрополитом Сергием в 1927 году, что "радости и успехи Советского Союза – наши радости и успехи, а неудачи – наши неудачи", что сделало Московский Патриархат послушным орудием в руках коммунистов – до наших дней. Борис Талантов в недавней статье утверждал, что "корни серьезного экклезиологического кризиса, выросшего в наши дни, были посажены именно патриархом Сергием... Объективно, это послание (декларация 1927 года) и последующая деятельность митрополита Сергия были предательством Церкви". Далее, согласно Талантову, большинство храмов, которые остались открытыми после

преследований тридцатых годов, не признавали митрополита Сергия своим Первоиерархом.+

+ John B. Dunlop. The Recent Activities of the Moscow Patriarchate, St. Nectarios Educational Series, no. 46, 1970, pp. 190, 113-4. – Джон Б. Данлоп. "Недавняя деятельность Московской Патриархии", просветительная серия св. Нектария, № 46, 1970 г., стр. 109, 113-114).

Духовенство и миряне, не признавшие официальный Московский Патриархат, образовали подпольную "катакомбную" Церковь в СССР. Сегодня это нелегальная Церковь в СССР и по понятным причинам о ее нынешнем состоянии и организации и прочее можно сказать весьма немного. Но, тем не менее, есть, по меньшей мере, три источника надежной информации о ней: 1) письма и обращения епископов и сообществ священников и мирян, протестовавших против Декларации 1927 года и разорвавших связь в официальной советской Церкви – эти иерархи и миряне были, вероятно, в большинстве, и советская Церковь получила свои нынешние власть и "каноничность" в СССР благодаря арестам и убийствам правительством ведущих антисергиан; 2) заявления в советских периодических изданиях, касающиеся арестов и заключений членов тайных церквей и монастырей, принадлежащих к истинно православной Церкви "тихоновцев", отказывающихся признавать Московский Патриархат; коммунистическое правительство считает эту Церковь настолько заметной, что опубликовало общие исторические сведения о ней в "Словаре атеиста", напечатанном в Москве в 1964 году в помощь антирелигиозным активистам; 3) свидетельства членов катакомбной Церкви в СССР, перебравшихся на Запад. Объединенные свидетельства из этих источников приводят к выводу, что Православная Церковь в Советском Союзе – это айсберг, лишь верхушка которого видна на поверхности. Только когда Россия, в определенное Богом время, освободится от тирании безбожников и послушного ему Патриархата, потаенная жизнь Русского Православия станет известна.

Катакомбная Церковь.

Реальность жизни в Советском Союзе – это пугающий кошмар для верующих, который тем, кто его не пережил, невозможно и понять, ни поверить ему. Но самое страшное – не материальные лишения, аресты и запреты, а скорее факт, что ведется сознательная, систематическая и бесовски изобретательная борьба за человеческие души, борьба против Бога. Это главная цель, и все остальное подчинено ей.

В качественном смысле предтечи антихриста уже сделали его царство реальностью там. Настоящий антихрист не изобретет ничего нового: ему лишь останется распространить методы советского НКВД на остальные пять шестых суши. Единственно яркое, радостное и вдохновляющее явление – это существование катакомбной Церкви, Церкви пУстыни. Это позволяет нам с оптимизмом оценивать борьбу русской души против атеизма: там была сохранена истинная Церковь, которую, как обещал нам Христос, врата ада не одолеют.

Я не могу назвать многие имена и события. По понятным причинам не могу описать многое в деталях. Могу сказать только очень кратко или намеками. Но и молчать совсем я тоже не могу: не имею такого права и не желаю этого, так как своим молчанием предал бы истину и память о священномучениках, которых видел, с которыми общался и с которыми провел пять лет в Соловецком концентрационном лагере.

Святой патриарх Тихон вел корабль церковный по бурному морю страшных событий необычайно мудро. Его положение было исключительно трудным не только потому, что ему постоянно угрожали физической расправой, даже не потому, что все семь лет своего патриаршества он ежедневно испытывал душевные страдания, но главным образом потому, что в церковной истории никогда не было такой ситуации. Он должен был проложить совершенно новый путь через неведомое. Поэтому его ошибки так понятны и так простительны. И его заслуга тем более, что он предвидел и заложил основание Катакомбной Церкви; он благословил врача-психиатра профессора Михаила Александровича Жижиленко основать катакомбную Церковь. Позднее профессор Жижиленко, работая при Советах врачом, принял тайный постриг и был епископом катакомбной Церкви, впоследствии был арестован, заключен в тюрьму и в 1930 году расстрелян.

По смерти Патриарха его преемники один за другим были подвергнуты гонениям. И тогда митрополит Сергей, став во главе Патриархии, опубликовал известную Декларацию, признавшую радости и неудачи Советов как свои собственные, и все мученики были объявлены политическими преступниками.

Вся православная Россия содрогнулась, и со всех концов страны были обращены к митрополиту Сергию протесты.

Я тоже приехал в Москву как член одной из протестовавших делегаций – делегации от Петроградской епархии. В комнате приемов митрополита ожидали человек сорок, и все, кого я спрашивал о причине приезда, отвечали, что они приехали как посланцы к нему. Россия не приняла эту Декларацию.

Митрополит принял нас без очереди. Выяснив причину нашего приезда, он подтвердил все, сказанное в Декларации и в ответ на наши доводы назвал нас "контрреволюционерами" и "раскольниками". Мы отказались от его благословения и ушли, ничего не добившись.

Скоро власти стали закрывать приходы, не принявшие Декларацию. В Петрограде осталась лишь одна церковь, но все ее прихожане были зарегистрированы и позднее арестованы. То было время, когда атеистическая советская власть требовала от верующих посещать лишь официальные храмы.

Я тоже был арестован и сослан на пять лет. На Соловках встретил многих иерархов истинной Церкви. И там у нас уже была своя катакомбная Церковь.

В концлагерях преследование верующих было совершенно открытым: священников стригли и брили, запрещали носить рясы и кресты. За то, что крестились, давали новый срок заключения. Конечно, об открытых службах не было и речи. Мощи святых выставлялись для поругания в антирелигиозном музее с богохульными надписями – даже и святые пострадали с нами! Соловецким монахам, оставшимся там в качестве работников, под страхом смерти было запрещено вступать в какой-либо контакт с заключенными. Особенно трудно бывало перед большими праздниками: нельзя было

собираться даже по два человека, чаще проводились ночные обходы, караулы удваивались. Ради молитвы нужно было каждую минуту быть готовым к смерти. И мы были готовы к ней, всегда носили с собой, подобно первым христианам, частицы Святых Даров. Я вывез одну такую частицу за границу и передал ее митрополиту Анастасию.

Мы не просто готовы были умереть, многие и умерли с верою, что где-то там, куда не дотянулась советская власть, где есть свобода, там в своей чистоте сияет Истина. Люди там не поклоняются антихристу. И какой ужас охватил меня, когда я смог выехать за границу – я обнаружил, что некоторые люди здесь "духовно" признают советскую Церковь. Духовно!

Многие наши там пали "страха ради иудейского" или уступив искушению внешнего сотрудничества с властями. Я знал священников официальной Церкви, которые дома рвали на себе волосы, бились головами в земных поклонах, прося прощения за свое отступничество, называя себя каинами, но у них не было сил решиться на мученичество. И даже они духовно не признавали красную Церковь. Но эти иные за границей – вот именно, что духовно – они ей подчинились. Какое счастье, что наше духовенство-мученики, умирая, не знали о таком предательстве!+

+ Советы в связи с недавним триумфом их сергианской Церкви, получившей признание американской Митрополии, попытались лишить верующих даже этого утешения. Два молодых иерарха Митрополии, епископы Владимир Токийский и Феодосий Ситкинский, посетили "Церковь-Мать" в СССР. Последний, как сообщает пресса Митрополии, повсюду сопровождаемый толпами людей, словно говорил верующим: "Оставьте надежду на какую-то свободную Русскую Церковь за рубежом – ее иерархи вместе с вашими угнетателями!"

Когда я вернулся из ссылки (в Ленинград), то нашел катакомбную Церковь. Я лично знаю примерно двести мест, где совершались службы. Там служили двенадцать странствующих священников и два епископа. Это были самые разные места – от крестьянских изб до советских учреждений, куда вход был только по пропуску. Катакомбная Церковь не имела общей, всех объединяющей организации.

Выехав за границу, я, естественно, стал искать людей, принадлежащих к катакомбной Церкви. Большинство беженцев ничего не знали о ней. Но почти ежегодно я встречал, по меньшей мере, одного представителя ее, даже священников, и имел переписку с епископом.

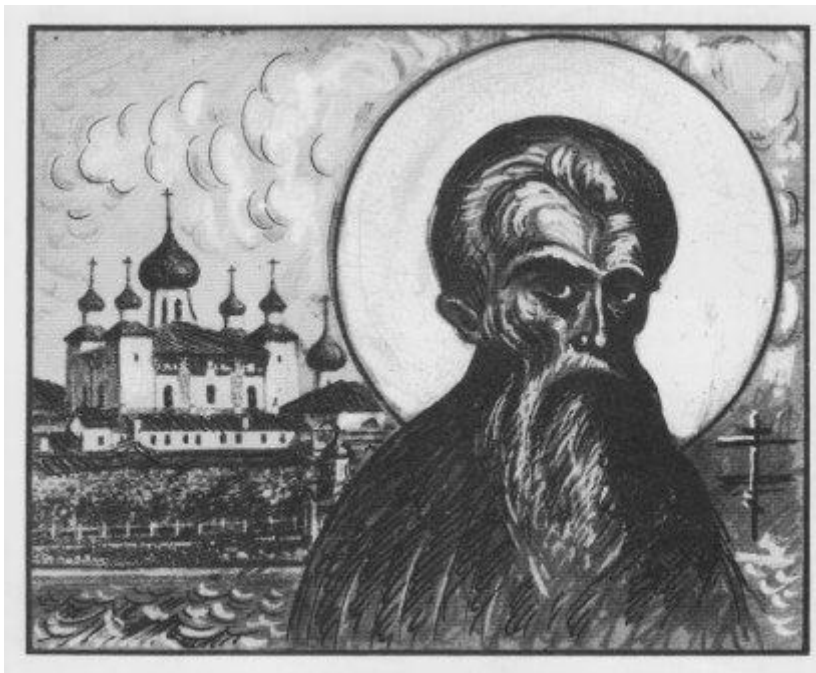
Согласно моим сведениям, катакомбная Церковь сейчас не только стала сильнее, но приобрела еще и некоторые организационные формы. По словам одного епископа, хотя активных членов катакомбной Церкви сравнительно мало, огромное большинство народа сочувствует и помогает им. Без этого сочувствия в советских условиях катакомбная Церковь не могла бы существовать совсем.

За границей я был поражен тем обстоятельством, что большинство священников катакомбной Церкви, приехавшие сюда, продолжали пребывать на нелегальном положении, не присоединяясь даже к Русской Зарубежной Церкви. Это очень тревожило меня, не ошибся ли я, вступив в нее? А если нет, то почему они продолжают

оставаться сокрытыми? И вот я совсем недавно получил ответ на то, что беспокоило меня. Епископ катакомбной Церкви, незнакомый мне, живущий за границей, прислал мне письмо через третье лицо. Вначале он написал о моих статьях, которые прочитал в "Православной Руси", и о правильности моей позиции вообще. А потом дал ответ на мои сомнения. Он писал, что священники катакомбной Церкви часто не вступают в Русскую Зарубежную Церковь, которая не заблуждается в своем отношении к богоборческому коммунизму, потому что все еще идет борьба и кто знает, будет ли и на Западе востребован их опыт. Предтечи антихриста уже явились, и никто не знает, когда придет время, при котором каждому верующему, не заходя в дом, придется бежать в горы, то есть уйти "в катакомбы". И он прав: разве нет тех, кто желает уничтожить Русскую Зарубежную Церковь? Касательно этого, те, кто отошел от нее, уже сказали первое слово. И если этому суждено случиться (мы молимся, чтобы Господь этого не попустил!), где мы найдем тогда убежище, где найдем истинную Церковь? Почти все из Поместных Православных Церквей или уже склонились перед предтечами антихриста, или предложили "братские объятия" его верным слугам!

Сегодня нет и не может быть никакого разделения между духовными делами и политикой. Политика претендует на всеохватность, то есть она претендует взять в свои руки решение вопросов, касающихся также и духовной жизни. Это означает, что и для Церкви не могут быть безразличны действия политиков. Потом, когда антихрист возьмет власть на земле, он, естественно будет политической фигурой. Это означает, что Церковь должна будет противостоять его политическому давлению. И даже сейчас, чтобы ослабить эту оппозицию, предтечи его, навязывая идею, что Церковь должна быть вне политики, скрывают свою борьбу против Бога политическим прикрытием, называя мучеников "политическими преступниками". Разумеется, Церкви не должно принимать участие в интригах, но когда политика касается вопросов духовной жизни, она не может закрывать на это глаза.

Поэтому борьба против отступничества – это дело духовное, а не политическое. Поэтому вопрос о наших юрисдикциях – это не вопрос "разногласий епископов из-за власти". Нет, это вопрос сотрудничества (или молчаливого соглашательства) с предтечами антихриста или бескомпромиссной борьбы против них. Только это отделяет нас от тех, кто отошел от Истины, но это не отделяет нас от русского народа, ибо там душа, даже если она не видна, даже если она спрятана внутри, все еще жива, духовно не поработана; ее влечет к свету Истины. И доказательством этому служит существование живой катакомбной Церкви в страшных условиях Советского Союза, где множество иуд – из страха или осознанно.

2. Первый тайный епископ Максим Серпуховский

2.

Епископ Максим Серпуховский.
Первый тайный епископ.

Память 22 мая/4 июня (+ 1931 г.)

Даже если весь мир вступит в союз с (еретиком) Патриархом, я не вступлю.
Преподобный Максим Исповедник.

Московской епархии, Серпуховский епископ Максим (в миру Михаил Александрович Жижиленко) родился 2-го марта 1885 года. Родители его жили в то время в Калише (Польша), где отец его был прокурором Калишского Окружного Суда в течение 25-ти лет и пользовался большим уважением среди населения. Семья была большая, патриархальная, дружная, все выросли и учились в Калише. Мать воспитывала всех в религиозном духе, внушая детям любовь к Богу, к церкви, к людям.

Он был младшим братом известного профессора Уголовного права Петроградского университета Александра Александровича Жижиленко, который выступал в 1922 году защитником в процессе митрополита Вениамина. По словам владыки Максима, его брат не был религиозным человеком и при своем выступлении на процессе "церковников" заявил в начале своей речи, что он выступает, будучи атеистом, исключительно как представитель права и защитник правды. Однако, узнав о тайном постриге своего младшего брата, Александр Александрович пришел к нему на квартиру и взял у него благословение. По словам вдовы профессора А.А. Жижиленко, умершего вскоре после пострига брата, это событие (тайное монашество и епископство) произвело на него потрясающее впечатление и, умирая, он говорил в бреду: "Они

говорят, что Бога нет, но ведь Он есть".

После окончания гимназии Михаил Александрович поступил в Московский университет на медицинский факультет. Это родных удивило, потому что отец и три брата были юристами. Это было в 1908 году. В 1910 году, будучи студентом, он женился на курсистке, но прожил с женой только полгода. Супруга его уехала к своим родителям в город Ейск и там умерла вследствие невозможности перенести первую беременность. Оба супруга ни под каким видом не захотели искусственно прервать эту беременность, хотя оба знали, что беременной грозит смерть. Покойную жену владыка называл праведницей. В то же время и он был очень болен, подвергся операции аппендицита и так был плох, что ему боялись сообщить о смерти жены. Когда же стал поправляться, то велико было его горе и отчаяние по поводу этой потери.

По рассказу его сестры, как раз в это время ее брату приснился сон, который очень отразился на его дальнейшей жизни. Он видел во сне покойную мать, которая ему сказала, чтобы он помолился святому Пантелеимону Целителю, которого она очень почитала при жизни. На другой же день брат пошел в часовню святого Пантелеимона в Москве, купил там образочек святого и с ним не расставался, и молитвы святому Пантелеимону Целителю помогли ему в дальнейшей жизни его. Он стал религиозным, необыкновенно добрым, отзывчивым к чужому горю и помогал бедным.

Надо еще упомянуть, что Господь дал ему большие музыкальные способности. Он прекрасно играл на рояле, и сам создавал композиции и как психиатр использовал музыку в лечении своих пациентов.

После окончания университета Михаил Александрович был доктором-психиатром в Сокольниках.

Во время войны в 1914 году он поступил врачом в Кубанский Пластунский батальон и был на австрийском фронте. Здесь едва не умер от тифа, заразившись от тифозных больных пленных австрийцев.

Короткое время был профессором психиатрии одного из провинциальных университетов, но потом сделался практическим врачом-терапевтом. Последующие несколько лет (1922–1928) он состоял главным врачом Таганской тюрьмы в Москве.

В 1921 году в Белграде его сестра получила единственное и последнее письмо от своего брата. В этом письме, которое начиналось крестиком, он писал, как все мы грешны в постигших нас всех несчастьях, что надо молиться Господу и просить прощения и помощи. Только через год или два года пришло еще письмо от знакомых, в котором иносказательно было написано, что Михаил принял священство, не оставляя свою первую должность, то есть должность тюремного врача. Таким образом, он стал и духовным, и телесным врачом, пока это не открыли его враги. Было также сообщено потом, что его послали на три года "в один из Северных курортов".

Врача тюремной больницы знали все узники этой ужасной тюрьмы, переполненной сверх всякой меры преимущественно уголовными, но также, в значительной части, и политическими; хорошо знали и помнят того, за кем давно утвердилось прозвище "ангела-хранителя" этой тюрьмы.

На своем трудном посту он был не только телесным, но и духовным врачом, сердечным мастером, утешителем и отцом. Перед ним, врачом, не раз, как перед священником, исповедовались самые закоренелые и неисправимые рецидивисты-преступники, находя

себе не только утешение, но часто и возвращение к честной жизни. Многие знали в Москве, что он спал на голых досках, что питался он тюремной пищей, что все свое жалование он неизменно раздавал заключенным.

Будучи всегда глубоко религиозным человеком, Владыка, еще будучи мирским, познакомился со Святейшим Патриархом Тихоном, которого глубоко чтит. Патриарх очень любил доктора Жижиленко и часто пользовался его советами. Их отношения со временем приняли характер самой доверительной дружбы. По словам владыки Максима, Святейший Патриарх доверял ему самые потаенные мысли и чувства. Так, например, в одной из бесед, Святейший Тихон высказал владыке Максиму (тогда еще просто доктору) свои мучительные сомнения в пользу дальнейших уступок советской власти. Делая эти уступки, он все более и более с ужасом убеждался, что предел "политическим" требованиям советской власти лежит за пределами верности Христу и Церкви. Незадолго же до своей кончины Святейший Патриарх высказал мысль о том, что, по-видимому, единственным выходом для Русской Православной Церкви сохранить свою верность Христу будет в ближайшем будущем – уход в катакомбы. Поэтому патриарх Тихон благословил профессору доктору Жижиленко принять тайное монашество, а затем, в случае, если в ближайшем будущем высшая церковная иерархия изменит Христу и уступит советской власти духовную свободу Церкви – стать епископом.

Рассказывая нам, заключенным на Соловках врачам, верным "тихоновцам", о факте отказа патриарха Тихона тайно благословить одного из деятелей Белого движения, Владыка подробно рассказал о чрезвычайной осторожности патриарха Тихона, не показывавшего окружающим своего подлинного глубинного отношения к вопросам политики, но строго доверительно открывшему своему не менее осторожному другу – огромную радость по поводу деятельности митрополита Антония за рубежом. "Как они там все хорошо понимают и меня, по-видимому, не осуждают", – со слезами на глазах однажды высказывался Патриарх, имея в виду деятельность так называемых "карловчан".+

+ То есть Русской Православной Церкви Зарубежом, возглавляемой до своей смерти в 1936 году митрополитом Антонием (Храповицким).

Очень подробно рассказывал владыка Максим о неоднократных попытках убить патриарха Тихона. Однажды какой-то якобы сумасшедший бросился с ножом на выходящего из алтаря Патриарха. Вопреки ожиданию, вместо патриарха Тихона из алтаря вышел кто-то другой. И "сумасшедший", "разумно удивившись", – не нанеся вышедшему никаких ранений. Другой раз, когда был убит келейник Патриарха, убийца бегал по патриаршим покоям, но не замечал Святейшего Патриарха Тихона, сидевшего в кресле. Несколько попыток отравить Святейшего было совершено при помощи присланных медикаментов.

Рассказывал владыка Максим и о некоторых разногласиях с патриархом Тихоном. Главное из них заключалось в том, что Святейший был оптимистически настроен, веря, что все ужасы советской жизни еще могут пройти и что Россия еще может возродиться через покаяние. Владыка же Максим склонен был к пессимистическому взгляду на совершающиеся события и полагал, что мы уже вступили в последние дни предапокалиптического периода. "По-видимому, – улыбаясь (что было редко),

заклучил владыка Максим, – мы чуточку заразили друг друга своими настроениями: я его – пессимизмом, а он меня – оптимизмом"...

Святейший Патриарх Тихон скончался 25 марта (7 апреля по новому стилю) 1925 года, будучи, по словам владыки Максима, несомненно, отравленным. "Завещание" Патриарха, по категорическому утверждению владыки Максима, – было подложно. При этом он ссылался на авторитетное мнение по этому вопросу своего брата, профессора Уголовного права.

Михаил Александрович выполнил волю покойного патриарха Тихона, и в 1928 году, после издания митрополитом Сергием его известной Декларации, принял тайное монашество с именем Максима и стал первым тайным катакомбным епископом.

Когда в Серпухове появился тайно новый "самочинный" епископ, рукоположенный в Петрограде "мятежным" и запрещенным епископом Димитрием Гдовским, возглавлявшим тогда, по преемству от митрополита Иосифа, оппозицию митрополиту Сергию, и верующие москвичи узнали в лице нового Владыки "таганского доктора", то это событие произвело очень большое впечатление. В Серпухове в самое короткое время все приходы перешли к новому епископу, то есть к оппозиции. В Коломне произошло то же самое. Звенигород, Волоколамск, Переславль-Залесский и другие города в значительной части приходов последовали примеру Серпухова.

Чрезвычайно интересен документ – заявление на имя митрополита Сергия серпуховского духовенства и мирян, от 30 декабря 1927 года, который, надо полагать, составлен не без влияния, редакции или даже авторства епископа Максима.

"Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь.

Не находя для себя более возможным оставаться на том скользком и двусмысленном пути, на который Вы своей декларацией и распоряжениями поставили всю Православную Церковь, и повинувшись голосу совести и долгу пред Богом и верующими, мы, нижеподписавшиеся, порываем каноническое и молитвенное общение с Вами и так называемым "Патриаршим Синодом" и отказываемся признавать Вас временным заместителем Местоблюстителя Патриаршего Престола.

1. Декларация Ваша от 16 июля, указ от 20 октября и все, что известно о Вашем управлении Церковью, с очевидностью говорит о том, что Вы поставили Церковь в зависимость от гражданской власти и лишили ее внутренней свободы и самостоятельности, нарушая тем и церковные каноны и идя вопреки декретам гражданской власти.
2. Таким образом, Вы являетесь ничем иным, как продолжателем так называемого "обновленческого" движения, только в более утонченном и весьма опасном виде, ибо, заявляя о незыблемости Православия и сохранении каноничности, Вы затуманиваете умы верующих и сознательно закрываете от их глаз ту пропасть, к которой неудержимо влекут Церковь все Ваши распоряжения.
3. Результат Вашей политики у нас налицо. Верующие г. Серпухова, взволнованные Вашими распоряжениями, охвачены сильнейшей тревогой и недоумением за судьбы св. Православной Церкви. Мы, их пастыри, поставленные Вами на двусмысленный путь, не только не можем внести успокоение в их сердца и умы, но вызываем с их стороны подозрение в измене делу Православия и переходе в лагерь "обновленчества".

Все это повелительно заставляет нас дерзновенно возвысить свой голос и прекратить теперь уже преступное с нашей стороны замалчивание Ваших ошибок и неправильных действий и, с благословения Димитрия, епископа Гдовского, отмежеваться от Вас и окружающих Вас лиц. Уходя от Вас, мы не отходим от законного Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра и отдаем себя на суд будущего Собора. Да не поставит нам тогда в вину этот желанный Собор, единый наш правомочный судья, нашего дерзновения. Пуст он судит нас не как презрителей священных канонов святоотеческих, а только лишь как боязливых за их нарушение".

Влияние епископа Максима все возрастало, и особенно оно усилилось, когда в литургийный чин была введена Петроградом знаменитая "Молитва о святой Церкви", получившая, однако, среди верующих название "Молитвы относительно большевиков". Молва приписывала авторство этой молитвы епископу Максиму. Его участь была решена. Советская власть знала его как врача, как советского служащего. Его появление в черной рясе во главе исповеднической Церкви казалось им высшей дерзостью.

На своем посту Владыка продержался недолго. Он был арестован уже в мае 1929 года и, следовательно, просидел в тюрьме до своего мученического венца целых два года.

Вел себя тайный епископ так осторожно и, арестованный по доносу, отвечал на допросах так мудро, что следственные власти ГПУ не могли ему инкриминировать ничего, кроме самого факта тайного монашества при одновременной работе главным врачом Таганской тюрьмы и ограничились наказанием: "3 года Соловецкого лагеря" (по статье 58, пункт 10, то есть за контрреволюционную пропаганду).

В конце октября 1929 года, в 4-е отделение СЛОН (Соловецкий лагерь особого назначения, на острове Соловки на Белом море), с одним из этапов новых заключенных, прибыл новый врач.

Комендант лагеря привел его в 10-ю роту, где помещались работники санитарной части, ввел в камеру врачей и представил: "Вот вам новый врач, профессор, доктор медицины, Михаил Александрович Жижиленко". Мы, заключенные врачи санитарной части лагеря, подошли к новому товарищу по заключению и представились. Новоприбывший коллега был высокого роста, богатырского телосложения, с густой седой бородой, седыми усами и бровями, сурово нависшими над добрыми голубыми глазами".

Еще за неделю до прибытия доктора Жижиленко нам сообщили наши друзья из канцелярии санитарной части, что новоприбывший врач человек не простой, а заключенный с особым "секретным" на него пакетом, находящийся на особом положении, под особым надзором и, что, может быть, он даже не будет допущен к работе врача, а будет переведен в особую, 14-ю роту т. н. "запретников", которым запрещается работать по своей специальности, и которые весь срок заключения должны провести на так называемых "общих" тяжелых физических работах. Причиной такого "особого" положения доктора Жижиленко было следующее обстоятельство: он, будучи главным врачом Таганской тюрьмы, в Москве, одновременно был тайным епископом, нося монашеское имя епископа Серпуховского.

После обмена мнений по общим вопросам, мы, все трое врачей, сказали новоприбывшему, что нам известно его прошлое, причина его ареста и заключения в Соловки, и подошли к нему под благословение. Лицо врача-епископа стало сосредоточенным, седые брови еще более насупились, и он медленно и торжественно

благословил нас. Голубые же глаза его стали еще добрее, ласковее и засветились радостным светом.

Целая неделя прошла для всех нас в томительном ожидании, пока, наконец, положение нового врача не выяснилось. В роту "запретников" его не перевели. Начальник всего санитарного отдела Соловецких лагерей доктор В.И. Яхонтов (бывший заключенный, после отбытия срока оставшийся служить врачом ГПУ), хотел доктора Жижиленко, как опытного врача, назначить начальником санитарной части 4-го отделения (то есть на весь остров Соловки), но этому воспротивился начальник ИСО (Информационного следственного отдела), самого страшного отдела в лагерях, от которого целиком зависела судьба и жизнь всех заключенных. Должность главного врача центрального лазарета также была доктору Жижиленко запрещена. И вот опытный старый врач был назначен заведующим одним из тифозных барачков и подчинен более младшим врачам, имевшим административную власть. Однако вскоре обнаружились исключительные дарования и опыт доктора Жижиленко как лечащего врача, и его стали вызывать на консультации во всех сложных случаях. Даже большие начальники лагеря, крупные коммунисты-чекисты, стали обращаться к нему за медицинской помощью для себя и своих семей. Почти все врачи, как молодые, так и старые, стали учиться у нового коллеги, пользуясь его советами и изучая его истории болезней.

С конца 1929 года в Соловках началась эпидемия сыпного тифа, быстро принявшая грандиозные размеры: из 18000 заключенных острова, к концу января 1930 года, было до 5000 больных. Смертность была чрезвычайно высокая, до 20-30%. И только в отделении, которым заведовал доктор Жижиленко, смертность не превышала 8-10%.

Каждого вновь поступающего больного врач-епископ исследовал очень подробно, и первая запись в истории болезни всегда бывала огромной. Кроме основного диагноза заболевания, доктор Жижиленко всегда писал диагнозы всех сопутствующих заболеваний и давал подробное заключение о состоянии всех органов. Его диагнозы всегда были точны и безошибочны, что подтверждалось на вскрытии трупов умерших: никогда никаких расхождений его клинических диагнозов с диагнозами патологоанатомическими не наблюдалось.

Лекарственные назначения большей частью были немногочисленны, но часто к основным медикаментам присоединялись какие-нибудь дополнительные, роль которых не всегда была ясна даже врачам. В тяжелых и, с медицинской точки зрения, безнадежных случаях он иногда назначал очень сложное лечение, которое строго требовал неуклонно выполнять, несмотря на то, что разнообразные лекарства надо было давать круглые сутки каждый час. Тщательно обследовав поступившего больного и сделав ему лекарственные назначения, доктор Жижиленко, при последующих обходах, казалось, мало обращал на него внимания и задерживался у койки не больше минуты, щупая пульс и пристально смотря в глаза. Большинство больных было этим очень недоволено и жалоб на "небрежность" врача было много. Однажды доктор Жижиленко был даже вызван по этому поводу для объяснений к начальнику санитарного отдела. В свое оправдание врач-епископ указал на статистику смертных исходов во вверенном ему отделении (чрезвычайно редких по сравнению со смертностью во всех других отделениях у всех других врачей) и на точность его диагностики. "Небрежно" обходя больных, он иногда вдруг останавливался перед какой-нибудь койкой и основательно, как при первом приеме, снова исследовал пациента, меняя назначения. Это всегда означало, что в состоянии больного наступало серьезное ухудшение, на которое сам больной еще не жаловался.

Умирали больные всегда на его руках. Казалось, что момент наступления смерти был

ему всегда точно известен. Даже ночью он приходил внезапно в свое отделение к умирающему за несколько минут до смерти. Каждому умершему он закрывал глаза, складывал на груди руки крестом и несколько минут стоял молча, не шевелясь. Очевидно, он молился. Меньше чем через год, мы, все его коллеги, поняли, что он был не только замечательный врач, но и великий молитвенник.

В личном общении врач-епископ, которого мы все, в своей камере врачей, называли Владыкой, был очень сдержан, суховат, временами даже суров, замкнут, молчалив, чрезвычайно неразговорчив. О себе не любил сообщать ничего. Темы бесед всегда касались или больных, или (в кругу очень близких ему духовно лиц) положения Церкви.

Прибытие владыки Максима в Соловки произвело большие изменения в настроении заключенных из духовенства. В это время в 4-м отделении Соловецких лагерей (то есть на самом острове Соловки), среди заключенных епископов и священников наблюдался такой же раскол, какой произошел "на воле" после известной декларации митрополита Сергия. Одна часть епископата и белого духовенства совершенно разорвали всякое общение с митрополитом Сергием, оставшись верными непоколебимой позиции митрополитов Петра, Кирилла, Агафангела, Иосифа, архиепископа Серафима Угличского и многих других, засвидетельствовавших свою верность Христу и Церкви исповедничеством и мученичеством. Другая же часть стала "сергианами", принявшими так называемую "новую церковную политику" митрополита Сергия, основавшую советскую Церковь и произведшую новообновленческий раскол. Если среди заключенных, попавших в Соловки до издания декларации митрополита Сергия, первое время большинство было "сергианами", то среди новых заключенных, прибывших после декларации, наоборот, преобладали "иосифляне", называемые по имени митрополита Иосифа, вокруг которого, по большей части, объединились твердые и верные чада Церкви. С прибытием новых заключенных число последних все более и более увеличивалось.

Ко времени прибытия владыки Максима на Соловках были следующие епископы-"иосифляне": епископ Виктор Глазовский (первый, выступивший с обличительным посланием против декларации митрополита Сергия), епископ Иларион, викарий Смоленский и епископ Нектарий (Трезвинский). К "сергианам" же принадлежали: архиепископ Антоний Мариупольский и епископ Иоасаф (князь Жевахов). Менее яростным, но все же "сергианцем" был архиепископ Иларион (Троицкий), осуждавший декларацию митрополита Сергия, но не порвавший общения с ним, как с "канонически правильным" первосвятителем Русской Церкви.

Прибытие на Соловки владыки Максима чрезвычайно усилило (и до этого преобладавшее) влияние "иосифлян".

Когда, после жесточайших прещений, наложенных митрополитом Сергием на "непокорных", этих последних стали арестовывать и расстреливать, тогда истинная и верная Христу Православная Русская Церковь стала уходить в катакомбы. Митрополит Сергей и все "сергиане" категорически отрицали существование катакомбной Церкви. Соловецкие "сергиане", конечно, тоже не верили в ее существование. И вдруг живое свидетельство: первый катакомбный епископ Максим Серпуховский прибыл в Соловки.

Архиепископ Иларион (Троицкий) вскоре был увезен из Соловков, с ним вместе исчезли и "сергианские настроения" у многих. Упорными "сергианами" оставались только архиепископ Антоний и, особенно, епископ Иоасаф (Жевахов). Они не

пожелали даже увидиться и побеседовать с епископом Максимом. Зато епископы Виктор, Иларион Смоленский и Нектарий довольно быстро нашли возможность не только встретиться, но и сослужить с владыкой Максимом на тайных катакомбных Богослужениях в глуши Соловецких лесов. "Сергиане" же вели себя слишком осторожно и никаких тайных Богослужений никогда не устраивали. Зато и лагерное начальство относилось к ним более снисходительно, чем к тем епископам, священникам и мирянам, о которых было известно, что они "не признают" ни митрополита Сергия, ни "советской Церкви".

Всех арестованных по церковным делам (а таковых, по официальной секретной статистике, в 1928-29 годах в Соловках было до 20%), при допросах обязательно спрашивали, как они относятся к "нашему" митрополиту Сергию, возглавляющему "советскую Церковь". При этом ликующие чекисты-следователи со злорадством и сарказмом доказывали "строгую каноничность" митрополита Сергия и его декларации, которая "не нарушила ни канонов, ни догматов".

Отрицая катакомбную Церковь, соловецкие "сергиане" отрицали и "слухи" о том, что митрополиту Сергию писались обличительные послания и ездили протестующие делегации от епархий. Узнав, что мне, светскому человеку, лично пришлось участвовать в одной из таких делегаций, архиепископ Антоний Мариупольский однажды, находясь в качестве больного в лазарете, пожелал выслушать мой рассказ о поездке к митрополиту Сергию вместе с представителями от епископата и белого духовенства. Владыки Виктор и Максим благословили мне отправиться в лазарет, где лежал архиепископ Антоний, и рассказать ему об этой поездке. В случае, если он после моего рассказа обнаружил бы солидарность с протестовавшими против "новой церковной политики", мне разрешалось взять у него благословение. В случае же его упорного "сергианства" благословения я не должен был брать.

Беседа моя с архиепископом Антонием продолжалась более 2-х часов. Я ему подробно рассказал об исторической делегации Петроградской епархии в 1927 году, после которой произошел церковный раскол. В конце моего рассказа архиепископ Антоний попросил меня сообщить ему о личности и деятельности владыки Максима. Я ответил ему очень сдержанно и кратко, и он заметил, что я не вполне ему доверяю. Он спросил меня об этом. Я откровенно ответил, что мы, катакомбники, опасаемся не только агентов ГПУ, но и "сергиан", которые неоднократно предавали нас ГПУ. Архиепископ Антоний был очень взволнован и долго ходил по врачебному кабинету, куда я его вызвал, якобы для осмотра, как врач-консультант. Затем, вдруг, он решительно сказал: "А я все-таки остаюсь с митрополитом Сергием". Я поднялся, поклонился и намеревался уйти. Он поднял руку для благословения, но я, помня указания владык Виктора и Максима, уклонился от принятия благословения и вышел.

Когда я рассказал о происшедшем владыке Максиму, он еще раз подтвердил, чтобы я никогда не брал благословения упорных "сергиан". "Советская и катакомбная Церкви несовместимы", – значительно, твердо и убежденно сказал владыка Максим и, помолчав, тихо добавил: "Тайная, пустынная, катакомбная Церковь анафематствовала "сергиан" и иже с ними".

Несмотря на чрезвычайные строгости режима Соловецкого лагеря, рискуя быть запытаннкими и расстрелянными, владыки Виктор, Иларион, Нектарий и Максим не только часто служили в тайных катакомбных Богослужениях в лесах острова, но и совершили тайные хиротонии нескольких новых епископов. Совершалось это в строжайшей тайне даже от самых близких, чтобы в случае ареста и пыток они не могли выдать ГПУ воистину тайных епископов. Только накануне моего отъезда из Соловков я

узнал от своего близкого друга, одного целибатного священника, что он уже не священник, а тайный епископ.

Общим духовником для всего епископата и белого духовенства катакомбников на острове Соловки был замечательный исповедник протоиерей Николай Пискановский (из Воронежа). Его глубоко чтил владыка Максим и называл "адамантом Православия". Однажды владыка Максим, с глубоким душевным волнением и умиленными слезами (он редко бывал в таком состоянии), показал мне открытку, полученную отцом Николаем от своей жены и отрока сына. В этой открытке было написано: "Мы всегда радуемся, думая о твоих страданиях в лагере за Христа и Его Церковь. Радуйся и ты о том, что и мы сподобились быть снова и снова гонимыми за Господа".

Тайных катакомбных "храмов" у нас в Соловках было несколько, но самыми "любимыми" были два: "Кафедральный собор" во имя Пресвятой Троицы и храм во имя святителя Николая Чудотворца. Первый представлял собою небольшую поляну среди густого леса в направлении на командировку "Саватьево". Куполом этого храма было небо. Стены представляли собою березовый лес. Храм же святителя Николая находился в глухом лесу в направлении на командировку "Муксольма". Он представлял собою кущу, естественно созданную семью большими елями. Чаще всего тайные Богослужения совершались именно здесь, в церкви святителя Николая. В "Троицком же кафедральном соборе" Богослужения совершались только летом, в большие праздники и, особенно торжественно, в день Святой Пятидесятницы. Но иногда, в зависимости от обстоятельств, совершались сугубо тайные Богослужения и в других местах. Так, например, в Великий Четверток 1929 года служба с чтением 12-ти Евангелий была совершена в нашей камере врачей, в 10-й роте. К нам пришли, якобы по делу дезинфекции, владыка Виктор и отец Николай. Потом, как в катакомбах, отслужили церковную службу, закрыв на задвижку и дверь. В Великую же Пятницу был прочитан по всем ротам приказ, в котором сообщалось, что в течение 3-х дней выход из рот после 8 часов вечера разрешается только в исключительных случаях, по особым письменным пропускам коменданта лагеря.

В 7 часов вечера в пятницу, когда мы, врачи, только что вернулись в свои камеры после 12-ти часового рабочего дня, к нам пришел отец Николай и сообщил следующее: плащаница, в ладонь величиной, написана художником Р. Богослужение – чин погребения – состоится и начнется через час. "Где?" – Спросил владыка Максим. "В большом ящике для сушки рыбы, который находится около леса вблизи от №№ роты... Условный стук 3 и 2 раза. Приходить лучше по одному".

Через полчаса Владыка и я направились по указанному "адресу". Дважды у нас спросили патрули пропуска. Мы, врачи, их имели. Но как же другие: владыка Виктор, владыка Иларион, владыка Нектарий и отец Николай... Владыка Виктор служил бухгалтером на канатной фабрике, владыка Нектарий рыбачил, остальные плели сети... Вот и опушка леса. Вот ящик, длиной сажени 4. Без окон. Дверь едва заметна. Светлые сумерки. Небо в темных тучах. Стучим 3 и потом 2 раза. Открывает отец Николай. Владыка Виктор и владыка Иларион уже здесь... Через несколько минут приходит и владыка Нектарий. Внутренность ящика превратилась в церковь. На полу, на стенах – еловые ветки. Теплятся несколько свечей. Маленькие бумажные иконки. Маленькая, в ладонь величиной, плащаница утопает в зелени веток. Молящихся человек десять. Позднее пришли еще четыре-пять, из них – два монаха. Началось Богослужение. Шепотом. Казалось, что тел у нас не было, а были одни души. Ничто не развлекало и не мешало молиться. Я не помню, как мы шли "домой", то есть в свои роты. Господь покрыв!

Светлая заутреня была назначена в нашей камере врачей. К 12 часам ночи, под разными срочными предложениями по медицинской части, без всяких письменных разрешений, собрались все, кто собирался придти, человек около 15... После заутрени и обедни сели разговляться. На столе были куличи, пасха, крашеные яйца, закуски, вино (жидкие дрожжи с клюквенным экстрактом и сахаром). Около 3 часов разошлись.

Контрольные обходы нашей роты комендантом лагеря были до и после Богослужения, в 11 часов вечера и в 4 часа утра. Застав нас, четырех врачей, во главе с владыкой Максимом, при последнем обходе, комендант сказал: "Что, врачи, не спите?" И тотчас добавил: "Ночь-то какая... и спать не хочется!" И ушел...

"Господи, Иисусе Христе! Благодарим Тебя за чудо Твоей милости и силы", – проникновенно произнес владыка Максим, выражая наши общие чувства.

Белая соловецкая ночь была на исходе. Нежное розовое соловецкое пасхальное утро, играющим от радости солнцем, встречало монастырь-концлагерь, превращая его в невидимый град Китеж и наполняя наши свободные души тихой нездешней радостью. Много лет прошло с тех пор, а благоуханное воспоминание об этом нежном пасхальном утре незабываемо живо, словно это было только вчера. И сердце верит, что между нами тогда был святой.

Владыка Максим был особенно дружен с владыкой Виктором, который представлял собою полную противоположность епископу-врачу. Владыка Виктор был небольшого роста, полный, жизнерадостный, открытый, доступный, ко всем приветливый, разговорчивый. "Каждого человека надо чем-нибудь утешить", – говорил он и каждого встречного умел "утешить", порадовать, вызвать улыбку. Приходил он часто и подолгу беседовал с владыкой Максимом о судьбах Русской Православной Церкви. Будучи оптимистом, он постоянно старался "заразить" своей верой в светлое будущее России владыку Максима, но тот оставался пессимистом, или, как он сам себя определял словами К. Леонтьева, "оптимистическим пессимистом". Приближается трагический конец мировой истории, а потому, по слову Господню, надо "восклонить головы" в ожидании неперемногого торжества Христовой правды!

21 января (3 февраля) 1930 года, в день святого преподобного Максима Исповедника (день Ангела владыки Максима), мы, врачи, вкладчину купили в нашей лагерной лавке огромную "архиерейскую" фарфоровую чайную чашку, чрезвычайно изящной работы, и торжественно преподнесли ее в подарок дорогому Владыке. Ел Владыка мало, а чай пить любил. Подарок имел большой успех. Весь этот день мы снова провели, как и на Пасху, вместе, в нашей камере, и владыка Виктор много рассказывал нам об интересных подробностях суда над преподобным Максимом Исповедником. "Счастливы Вы, Владыко, что носите имя такого великого небесного покровителя исповедника в настоящее время", – проникновенно-радостно закончил свои рассказы владыка Виктор.

5/18 июля 1930 года, в день преподобного Сергия Радонежского, наши друзья из канцелярии Санитарной части сообщили мне, что я буду ночью арестован и отправлен со "специальным конвоем" в Ленинград, "по новому делу". Предупрежденный, я собрался, попрощался с друзьями, и, не ложась спать, стал ждать ареста. Заслышав в 2 часа ночи шум и шаги внизу (наша камера находилась во втором этаже), я поклонился до земли владыке Максиму (который тоже не спал) и попросил благословить меня и помолиться о том, чтобы Господь послал мне силы для перенесения грядущих скорбей, страданий, а может быть, – пыток и смерти.

Владыка встал с постели, вытянулся во весь свой богатырский рост (мне казалось, что он вырос и стал огромным), медленно благословил меня, трижды облобызал и проникновенно сказал: "Много будет у Вас скорбей и тяжких испытаний, но жизнь Ваша сохранится, и в конце концов вы выйдете на свободу. А вот меня через несколько месяцев тоже арестуют и... расстреляют! Молитесь и Вы за меня, и за живого и, особенно, после смерти".

Предсказания владыки Максима сбылись точно: в декабре 1930 года он был арестован и отвезен в Москву. Русская газета за границей в 1931 году сообщила следующее: "Ватикан, 30 ноября (Гавас). Только сегодня комиссией Ватикана "Про-Руссия" получено известие о смерти магистра Максима, православного епископа Серпухова. Епископ Максим был расстрелян 6 июля большевиками за отказ признать митрополита Сергия, примирившегося, как известно, с советской властью".+

+ Епископ Максим в декабре 1930 года был арестован в лагере и отправлен в Бутырскую тюрьму, где ему было предъявлено обвинение в рамках дела "нелегальной черносотенно-клерикальной и церковно-монархической организации „Истинное Православие“". 18 февраля 1931 года был приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян 4 июня 1931 года.

Место захоронения: Москва, Ваганьковское кладбище.

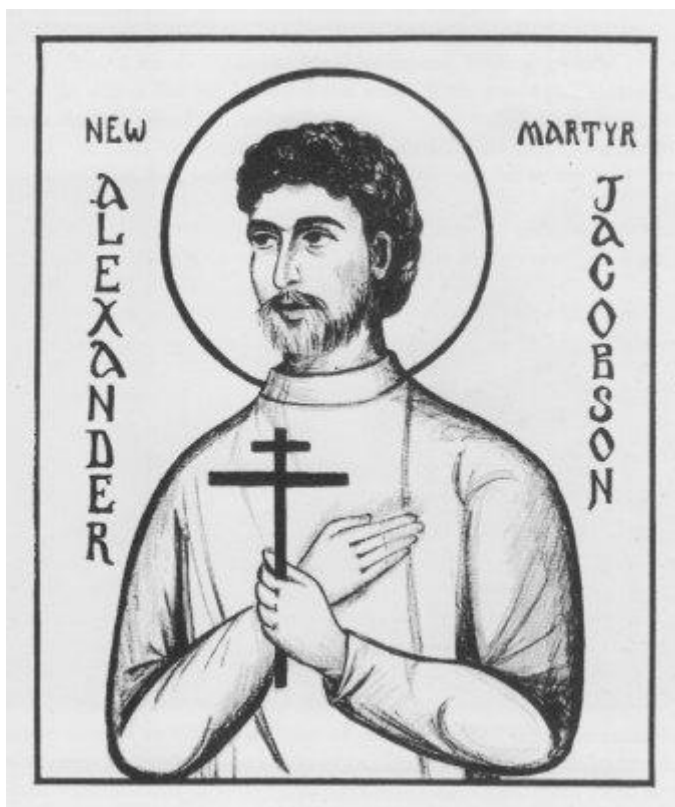
Упокой, Господи, со святыми, душу раба Твоего Максима, первого катакомбного епископа многострадальной Русской Православной Церкви.

Примечание редактора.

Святость епископа-мученика Максима – не только как мученика, но и как человека праведной жизни – сияет ярким светом из этого повествования (текст – на основе публикации в "Православном пути", Джорданвилль, 1951 г.). Недавнее свидетельство о его святости приводит его племянница, живущая в Нью-Йорке. Она спаслась из казавшегося безвыходным положения, несомненно, небесным заступничеством, и она написала: "Я твердо верю, что это произошло, потому что мой дядя молится обо мне пред Господом".

И мы можем верить, что православные христиане имеют сегодня особое небесное заступничество в несчастьях и близящихся испытаниях веры и епископа-мученика Максима, и всего сонма новомучеников безбожного ига.

Святой священномучениче Максиме, моли Бога о нас! Аминь.

3. Александр Яковсон. Соловецкий фельдшер

3.

Александр Яковсон.
Соловецкий фельдшер.

Память в соборе Новомучеников 25-го января.

"Возненавидели Меня напрасно"
(Ин. 15, 25).

В 1929 году в Соловецком страшном концлагере с конца зимы резко увеличились заболевания цингой, и к весне из 18-ти тысяч заключенных 4-го Отделения СЛОН (Соловецкого лагеря особого назначения), которое помещалось на самом острове Соловки, число больных достигло 5-ти тысяч человек. Мне, заключенному врачу, было предложено, кроме моей обычной работы, взять на себя заведование одним из новых цинготных барakov на 300 человек заключенных. Когда я явился в этот барак, меня встретил молодой фельдшер-еврей с очень красивым одухотворенным лицом. Он оказался студентом-медиком 4-го курса. Иметь такого квалифицированного помощника было большой редкостью и огромным облегчением. Александр Яковлевич Яковсон (так звали этого студента-фельдшера) обошел со мной весь барак и показал всех больных. О каждом он подробно мне рассказал его анамнез и характерные проявления болезни. Больные были все в очень тяжелом состоянии. Кровоточащие и гниющие

десны, пораженные язвенным цинготным тингивитом, огромные опухоли суставов, цинготные кровоизлияния в виде синих пятен на конечностях – бросались в глаза при беглом осмотре. При обстоятельном же обследовании у многих оказались тяжелые осложнения на внутренних органах: геморрагические нефриты, плевриты и перикардиты, тяжелые заболевания глаз ("рыбы глаза" – то есть глаза с красной каемкой вокруг роговицы). Из объяснений фельдшера я понял, что он прекрасно разбирается в симптоматологии болезней и правильно ставит диагнозы и прогнозы. Узнав, что Александр Яковлевич непрерывно работал целые сутки, я отослал его отдохнуть и стал обходить и осматривать больных один.

В историях болезни были записаны все так называемые установочные данные, то есть имя, фамилия, дата и место рождения и тому подобное, собран анамнез и записаны субъективные жалобы. В виду огромного количества больных я вынужден был осматривать очень бегло и записывать чрезвычайно кратко. Тем не менее, осмотр мой, начавшийся в 8 часов утра, закончился только к 3-м часам ночи, при двух перерывах по полчаса на обед и ужин. На следующий день я снова пришел в барак к 8-ми часам утра и застал Александра Яковлевича, уже обошедшим всех больных, выполнившим все мои назначения и собравшим сведения о наиболее тяжелых (оказывается, он работал с 12-ти часов дня до 8-ми часов утра, т. е. 20 часов, снова без перерыва). Лицо Александра Яковлевича было вспухшее и носило явные следы тяжелых побоев. В ответ на мои расспросы он рассказал мне следующее. В 7 часов утра барак посетил начальник ИСЧ (Информационно-следственной части, то есть отдел ГПУ в концлагере). Начальник был в пьяном виде. Обходя больных, он спросил их, довольны ли они работой врача и фельдшера. Несколько человек заключенных больных заявили, что врач только поздно ночью "заглянул" в барак и "наспех" посмотрел "некоторых" больных, "не оказав никакой помощи тяжелым больным", а фельдшер вышел вчера на работу только в 12 часов дня.

Не разобравшись, справедливы ли были эти жалобы, и не спросив никаких объяснений у фельдшера, начальник ИСЧ ударил последнего несколько раз по лицу и приказал мне, "врачу, заведующему отделением", чтобы я к 12-ти часам дня явился к нему "для объяснений".

"Александр Яковлевич, – обратился я к фельдшеру, – мне необходимо, как Вы знаете, идти на допрос. Вы сами видите, как много тяжело страдающих больных. Не могли бы Вы, несмотря на то, что ваша работа снова продолжается уже целые сутки, поработать еще 2-3 часа, пока я вернусь, надеюсь, с допроса?" – "Конечно, доктор! – Кротко ответил фельдшер. – Я останусь и посмотрю всех тяжело больных". – "Пожалуйста, ведь Вы прекрасно разбираетесь даже в сложнейших случаях и за Вашу помощь я могу только горячо Вас благодарить. В свою очередь я постараюсь объяснить начальнику ИСЧ, что он был несправедлив к Вам".

"О, не беспокойтесь обо мне, – живо воскликнул фельдшер, – и не защищайте меня. Мне пришлось пережить гораздо более тяжкие муки без всякой вины, и я за них только благодарю Бога! Помните, святитель Иоанн Златоуст говорил: "Слава Богу за все!"

"Разве Вы христианин?!" – Удивленно спросил я его.

"Да, я православный еврей!" – Радостно улыбаясь, ответил Александр Яковлевич.

Я молча пожал ему руку и сказал: "Ну, до свидания, спасибо, завтра побеседуем, помолитесь за меня!"

"Будьте спокойны! – Уверенно заметил фельдшер. – Неотступно молитесь Ангелу Хранителю все время, пока будете на допросе. Храни вас Господь, доктор!"

Я ушел. По дороге я молился и Господу, и Его Пречистой Матери, и святителю Николаю Чудотворцу, и, особенно, своему Ангелу Хранителю, исполняя добрый совет Александра Яковлевича.

Войдя в кабинет начальника ИСЧ, я мысленно в последний раз обратился с молитвой к Ангелу Хранителю: "Защити! Вразуми!.."

Начальник встретил меня молча и сурово. Пальцем показал на стул. Я сел.

– Расскажите, когда Вы вчера делали обход больных и почему Ваш помощник, этот фельдшер, вышел на работу лишь к обеду?

Мысленно, без слов, призвав на помощь Ангела Хранителя, я, стараясь быть спокойным, ровным тихим голосом, не спеша обстоятельно рассказал все. Я рассказал, что, по приказанию начальника санитарной части, я явился принять барак в 8 часов утра. Узнав, что фельдшер, развернувший новый лазарет, принявший 300 человек больных и подготовивший к приходу все необходимое, работал без перерыва целый день и всю ночь, я послал его на несколько часов для отдыха, а сам занялся обходом больных. Обход мой длился с 8-ми часов утра до 3-х часов ночи, и последнюю группу больных, находящихся на чердаке, я, действительно, осматривал лишь между 2-3-мя часами ночи. Фельдшер же, после непрерывной круглосуточной работы, поспав около 3-4-х часов, снова явился на работу вчера в 12 часов дня и работает снова непрерывно уже вторые сутки – до сего момента!..

– Чего же они, сволочи, жаловались! – Перебил меня начальник. – Выявите этих мерзавцев! Я посажу их в карцер!..

– Они не виноваты, – ответил я. – Они ведь не знали условий работы... Они правду сказали Вам, что фельдшер пришел к ним на чердак в 12 часов дня, а врач делал обход у них в 2 часа ночи.

– Так-с, – почесав затылок и зевнув, сказал начальник. – Ну идите!

Выйдя с допроса, я тотчас направился в лазарет-барак. Там я застал начальника санитарной части, врача, который после отбытия срока по уголовному делу (за аборт, окончившийся смертью), остался служить "вольнонаемником".

Начальник санчасти кричал на фельдшера за какие-то непорядки.

– Что за безобразие являться так поздно на работу? – Закричал он на меня.

Я объяснил. Начальник санчасти ушел.

– За что он на Вас рассердился? – Спросил я Александра Яковлевича.

– За то, что здесь сильная вонь... Я объяснил ему, что 90% больных имеют гниющие язвы. Тогда он закричал: "Молчать!" А тут пришли Вы.

– Идите спать, – сказал я, – и приходите к 6-ти часам вечера.

Мне уже давно хотелось поближе познакомиться и побеседовать по душам с Александром Яковлевичем, но из-за крайней занятости и предельной усталости это долгое время не удавалось.

Однажды, в праздник Рождества Пресвятой Богородицы, мне удалось, под видом инспекторской проверки одного дальнего фельдшерского пункта, устроить командировку себе и Александру Яковлевичу. Рано утром мы пошли с ним из Соловецкого Кремля по Савватиевской дороге и, пройдя несколько километров, зашли в сторону от этой дороги, в сосновый лес. Был чудесный, ясный, теплый осенний день, какие редко бывали в Соловках. Ярким расплавленным золотом горели в лучах солнца березы, огромными пятнами вкрапленные местами в сосновом лесу. Левитановский пейзаж навевал тихую грусть духовной радости Богородичного праздника. Зайдя вглубь леса, мы сели с Александром Яковлевичем на пеньки, и я попросил его рассказать о себе. И вот, что он мне рассказал.

Сын торговца Петербургского Александровского рынка, он рано потерял родителей и самостоятельно стал пробиваться в жизни. Будучи студентом 2-го курса медицинского факультета, он познакомился и подружился с одним геологом, евреем-толстовцем, который увлек его своими рассказами о Л.Н. Толстом и учении толстовцев. На Александра Яковлевича произвели сильное впечатление не Богословские сочинения Толстого, а его повести и рассказы: "Где любовь, там Бог", "Чем люди живы" и другие. Через год, будучи уже студентом 3-го курса, он познакомился с одним старым врачом, который лично знал Л.Н. Толстого. Этот врач, убежденный церковно-православный человек, разъяснил Александру сущность толстовской секты и открыл перед ним "необозримую сокровищницу Православной Церкви". Еще через год Александр Яковлевич крестился и стал православным христианином.

– После крещения, – рассказал о себе Александр Яковлевич, – я не мог равнодушно видеть религиозных евреев. Атеисты-евреи, каких теперь большинство, меня мало интересовали. Но верующие в Бога евреи мне стали казаться просто несчастными заблудившимися людьми, которых я морально был обязан приводить ко Христу. Я спрашивал, почему он не христианин? Почему он не любит Христа?

Споры-проповеди новообращенного еврея стали известны, и Александр Яковлевич был арестован.

– На одной из командировок концлагеря, – рассказывал мне Александр Яковлевич, – где я работал на очень тяжелых общих работах на лесозаготовках, был необычный зверь-начальник. Утром и вечером, перед и после работы он выстраивал заключенных и приказывал петь утреннюю и вечернюю "молитвы": по утрам – Интернационал, а по вечерам какую-то советскую песню, в которой были слова: "Мы, как один, умрем за власть советов!" Все пели. Но я не мог. Я молчал. Обходя строй, начальник заметил, что я молчу, и начал меня бить по лицу. Тогда я запел, громко, неожиданно для самого себя, глядя в небо: "Отче наш, иже еси на небесех!" Зверь-начальник осатанел от злобы и, повалив меня на землю, избил каблуками до бесчувствия. По освобождении из концлагеря я получил "вольную высылку" в Вятку...

– Ну, а как же Вы устроились в Вятке? – спросил я Александра Яковлевича.

– Когда я приехал в Вятку, в совершенно незнакомый мне город, то прежде всего спросил, где находится церковь (тогда еще не все церкви были закрыты), а придя в церковь, спросил, нет ли здесь иконы преподобного Трифона Вятского и когда празднуется его память. Мне указали икону и сказали, что память святого празднуется

на следующий день, 8-го октября. Сердце мое захлебнулось от радости, что преподобный Трифон привел меня в свой град к празднику своего собственного дня. Упавши на колени перед иконой Преподобного, я сказал ему, что у меня никого нет знакомых в Вятке, кроме него, что мне не у кого больше просить помощи. Я просил устроить мне в Вятке жизнь и работу. После молитвы на сердце стало просто, легко и тихо-радостно – верный признак, что молитва была услышана. Выйдя из церкви после всенощной, я медленно пошел по главной улице, держа под мышкой свой маленький узелок с вещами.

– Что, касатик, ты из больницы, видно, вышел? – Услышал я вдруг приветливый женский голос. Передо мною остановилась пожилая полная женщина в белом чистом платочке на голове, скромно, чисто и опрятно одетая, глядя на меня ясными добрыми глазами.

– Нет, матушка, – отвечал я, – не из больницы, а из тюрьмы, из концлагеря я только что освобожден, и вот выслали в Вятку.

– Что же, за какие преступления ты наказание-то отбывал: за воровство, за грабеж, али за убийство?

– Нет, за то, что в Бога верую и, будучи евреем, Христианство принял, – отвечал я.

Завязался разговор. Она пригласила меня зайти к ней. В комнате у нее было чисто прибрано, а весь угол над кроватью был увешан образами, перед которыми теплились три разноцветных лампадки.

– Завтра Трифона Вятского память, защитника и покровителя нашего города, – сказала женщина и указала на образок Преподобного. Я упал перед ним на колени и заплакал от радостной благодарности. И вот я устроился жить у этой благочестивой вдовы. А через два дня и работу себе нашел – грузчиком. Так прожил я, слава Богу, спокойно, с полгода, а весной снова был арестован, и на этот раз получил уже 10 лет и прибыл на этот святой остров Соловецкий. Теперь мне здесь помогают своими молитвами преподобные Зосима и Савватий".

Молча мы пошли с Александром Яковлевичем дальше вглубь леса и вдруг, совершенно неожиданно, натолкнулись на старенькую полуразрушенную каменную часовенку с заколоченными досками оконцами и дверью. Доски были старые, ветхие и легко оторвались при небольшом усилии. Мы вошли в часовню и увидели на стене старый большой образ Смоленской Божией Матери. Краски на иконе растеклись и обсыпались, и сохранился ясно только лик Владычицы, вернее, даже только Ее благодные очи.

Александр Яковлевич вдруг упал на колени перед этой иконой, подняв обе руки вверх и громким полным голосом запел "Достойно есть яко воистину..." Он допел молитву до конца. У меня что-то перехватило горло и голосом я не мог петь, но вся душа моя пела и ликовала, глядя на две пары очей: благодных – Владычицы Богородицы и умиленных – Александра Яковлевича.

Через месяц после этой прогулки Александр Яковлевич был арестован и увезен неизвестно куда. (Арест заключенного обычно кончался расстрелом.)

Прошло почти 40 лет после этого события, а предо мною часто, ясно, незабываемо ярко всплывает дивная картина молитвы православного еврея-исповедника перед очами иконы Божией Матери и слышится его радостный голос, звучащий несокрушимой

верой и пламенным глубоким желанием славословить "Честнейшую Херувим"!

Дополнение редактора.

Нам писал профессор Гротов из Рима, что он, будучи на Соловках заключенным по той же статье, что и Иван Михайлович, почти в то же самое время, встречал Александра Яковлевича и тоже был очарован его истинно христианским поведением. Он знал, что его вскоре арестуют. В том же году, за тот же дух истинно христианского смирения его расстреляли, как ненужного и даже опасного для строящегося богоборческого общества бездушных... Но пал коммунизм на дно адово, развалился как нечто ненужное и даже опасное, как зараза, истощающая здоровый организм русского народа. И теперь крайне нужен такой человек, да нет его, выродились герои смиренномудрия! И Русь взывает к духу их прошлого, как к живым, ибо у Бога все живы: "Величаем вас, святые мученики, и чтем честная страдания ваша, яже за Христа претерпели еси! Помогите нам!!!"

А относительно почитания любвеобильного Александра Яковлевича как святого могу сказать следующее. К нам пришла молодая еврейка и просила крещения. К этому ее хорошо подготовил отец Серафим (Роуз) и вдохновил новомучениками, которые тогда недавно были прославлены, и она хотела иметь святого Патрона, одного из них. Она смиренно просила меня ей назначить любого святого в небесные покровители, и я дал ей малоизвестную праведницу Агафью Гомельскую, заморенную голодом в 1939 году. И вот эта святая Агафья начала делать свое дело. В душе новой ревностной православной христианки родилась мысль помогать людям, инвалидам, пожизненно увечным. И вдохновила ее усыновить слепорожденного мальчика, родители которого наотрез отказались от него. Такой подвиг в наше избалованное время вряд ли любой может понести. У нее была духовная мать, Елена Юрьевна Концевич, которая не одобрила идти на такой подвиг богатой, избалованной, разведенной молодой женщине, да уже имеющей сына. Ее новый муж пил, но не препятствовал. Как быть? И вот взмолилась она Пресвятой Богородице, и Та навела мысли опять-таки к новомученикам, благо, что в это время готовилась книга к печати "Russia's Catacomb Saints". И тут Агафья узнала о святом Александре-фельдшере и стала ему молиться, чтобы он дал ей бедного младенца и взял на себя заботу о нем, так как ей самой вряд ли справиться. И он услышал, и взял нового слепого православного христианина на свое попечение, и охраняет его, как святым и подобает. Чтобы мальчик Александр научился почитать иконы и своего небесного покровителя, для него была сделана резная икона Святого, чтобы он ручками "видел" ее и прикладывался, как подобает православному христианину.

Но самый замечательный момент в жизни Агафьи в связи с ее сыном, уже взрослым, образованным и самостоятельным, – это милость Божия, коснувшаяся ее сердца, когда Господь открыл ей возможность побывать на Соловках и помолиться там святому мученику Александру Яковлевичу Яковсону. Конечно, могилы его там нет, но весь остров – могила новомучеников. Как она выразилась, он был близок там и утешал ее духом неизреченной тихой радости, о которой нам поведал И.М. Андреев.

Игумен Герман (Подмошенский).

4. Шамординские монахини. Чудо Божие

4.

Шамординские монахини в Соловецком концлагере и чудо их твердости.

Память 12 ноября.

"Трудящемуся Бог посылает милость, а любящему утешение".
Оптинский старец Амвросий.

Летом 1929 года на Соловки, в концлагерь, прибыл этап монахинь, около тридцати человек.

По некоторым данным можно было предполагать, что большинство прибывших были шамординские монахини – матушки из Шамординского женского монастыря, находившегося вблизи знаменитой Оптиной пустыни.

Эти монахини не были помещены в общий женский корпус, а содержались отдельно. Когда их стали проверять и опрашивать для составления на них формуляра, они отказались дать о себе так называемые "установочные данные", то есть ответить на вопросы о фамилии, имени, отчестве, годе и месте рождения, образовании, профессии, судимости, о статье, сроке наказания и тому подобное.

На вопросы о фамилии они отвечали лишь свои имена: "Мать Мария, мать Анастасия, мать Евгения" и так далее. На остальные вопросы они не отвечали вовсе. После криков и угроз их стали избивать, но тогда они совершенно замолчали и перестали даже называть свои имена.

Их посадили в карцер, мучили голодом, жаждой, лишением сна, даже побоями с членовредительством, то есть применяли к ним почти все способы "воздействия", но они оставались непреклонными и даже посмели отказаться от всякого принудительного труда.

Через некоторое время меня, заключенного врача, вместе с профессором доктором Жижиленко (который был сослан в Соловки за то, что, будучи главным врачом Таганской тюрьмы в Москве, тайно принял монашество и стал епископом) вызвали к начальнику санчасти, где находился и начальник всего лагеря, и конфиденциально просили нас произвести медицинское освидетельствование этих монахинь, намекнув, что, по возможности, желательно признать их нетрудоспособными, чтобы иметь официальные основания освободить их от принудительного тяжелого физического труда, которого они не хотели выполнять.

Первый раз в истории Соловецкого концлагеря его администрация находилась в таком затруднительном положении. Обычно с отказавшимися от тяжелых работ (большой частью это случалось с уголовными преступниками) поступали резко и жестоко: после сильного избиения их отправляли на штрафной остров Анзер, откуда обратно никто живым не возвращался.

Почему монахинь-бунтовщиц не отправляли ни на Анзер, ни на Секирку – было непонятно.

После ухода начальника лагеря, мы, врачи, задали об этом вопрос начальнику санчасти, и он объяснил нам, что с монахинями "дело сложное", ибо их молчаливый и сдержанный протест совершенно не похож на протест, который иногда позволяли себе уголовные преступники. Последние обыкновенно устраивали скандал, кричали, хулиганили. А эти – молчаливые, простые, смиренные и необыкновенно кроткие. Ни одного крика, ни одного слова жалобы.

"Они фанатичные мученицы, словно ищущие страданий, – рассказывал начальник санчасти, – это какие-то психопатки-мазохистки. Но их становится невыносимо жалко... Я не смог видеть их смирения и кротости, с какими они переносят "воздействия". Да и не я один... Владимир Егорович (начальник лагеря) тоже не смог этого перенести. Он даже поссорился с начальником ИСО (информационно-следственный отдел)... И вот он хочет как-нибудь смягчить и уладить это дело. Если вы их признаете негодными к физическому труду – они будут оставлены в покое".

"Я прошу меня освободить от этой комиссии, – сказал профессор Жижиленко. – Я сам монах и женщин, да еще монахинь, осматривать не хотел бы..."

Профессор Жижиленко от этой комиссии был освобожден, и я один отправился свидетельствовать этих монахинь.

Когда я вошел в барак, где они были собраны, увидел чрезвычайно степенных женщин, спокойных и выдержанных, в старых, изношенных, заплатанных, но чистых черных монашеских одеяниях.

Их было около тридцати человек. Все они были похожи одна на другую и по возрасту всем можно было дать то, что называется "вечные 30 лет", хотя, несомненно, здесь были и моложе, и старше. Все они были словно на подбор, красивые русские женщины, с умеренной грациозной полнотой, крепко и гармонично сложенные, чистые и здоровые, подобно белым грибам-боровикам, не тронутым никакой червоточиной. Во

всех лицах их было нечто от выражения лица скорбящей Богородицы, и эта скорбь была такой возвышенной, такой сдержанной и как бы стыдливой, что совершенно невольно вспомнились стихи Тютчева об осенних страданиях бесстрастной природы, сравниваемых со страданиями глубоко возвышенных человеческих душ.

"Ущерб, изнеможенье, и на всем
Та кроткая улыбка увяданья,
Что в существе разумном мы зовем
Возвышенной стыдливостью страданья"...

Вот передо мной и были эти "разумные существа" с "возвышенной стыдливостью страданья".

Это были русские, именно лучшие русские женщины, про которых поэт Некрасов сказал:

"Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет".
И которых он же определял, как
"все выносящего русского племени"
"многострадальную мать".

Эти монахини были прекрасны. Ими нельзя было не любоваться. В них было и все очарование нерастроченной "вечной женственности", и вся прелесть неизжитого материнства, и в то же время нечто от эстетического совершенства холодного мрамора Венеры Милосской и, главное, удивительная гармония и чистота духа, возвышающего их телесный облик до красоты духовной, которая не может вызывать иных чувств, кроме глубокого умиления и благоговения.

"Чтобы не смущать их я уж лучше уйду, доктор", – сказал встретивший меня начальник командировки, который должен был присутствовать в качестве председателя медицинской комиссии. Очевидно, и чекистской души как-то коснулось веяние скромности и целомудрия, исходивших от этих монахинь. Я остался с ними один.

"Здравствуйте, матушки", – низко поклонился я им. Они молча отвечали мне глубоким поясным поклоном.

"Я – врач. Я прислан освидетельствовать вас..."

"Мы здоровы, нас не надо свидетельствовать", – перебили меня несколько голосов.

"Я верующий, православный христианин и сижу здесь по церковному делу".

"Слава Богу", – ответили мне опять несколько голосов.

"Мне понятно ваше смущение, – продолжал я, – но я не буду вас осматривать... Вы мне только скажите, на что вы жалуетесь, и я определю вам категорию трудоспособности..."

– "Мы ни на что не жалуемся. Мы здоровы".

– "Но ведь без определения категории трудоспособности вас могут послать на необычайно тяжелые физические работы..."

– "Мы все равно работать не будем, ни на тяжелых, ни на легких работах".

– "Почему?" – Удивился я.

– "Потому что на антихристову власть мы работать не будем..."

– "Что вы говорите, – заволновался я, – ведь здесь на Соловках имеется много епископов и священников, сосланных сюда за исповедничество, они все работают, кто как может. Вот, например, епископ Виктор Вятский работает счетоводом на канатфабрике, а в "Рыбзверпроме" работает много священников. Они плетут сети... Ведь это апостольское занятие. По пятницам они работают целые сутки, день и ночь, чтобы выполнить задание сверхсрочно и тем освободить себе время для молитвы – вечер в субботу и утром в воскресенье..."

– "Мы не осуждаем их. Мы никого не осуждаем". – Степенно ответила одна из монахинь постарше, "Но мы работать по принуждению антихристовой власти не будем".

– "Ну тогда я без осмотра напишу вам всем какие-нибудь диагнозы и дам заключение, что вы не способны к тяжелым работам... Я дам вам всем 2-ю категорию трудоспособности..."

– "Нет, не надо. Простите нас, но мы тогда должны будем сказать, что Вы неправду написали... Мы здоровы, мы можем работать, но не хотим работать, и работать для антихристовой власти не будем, хотя бы нас за это и убили..."

– "Они не убьют, а замучат вас", – тихим шепотом, рискуя быть подслушанным, сказал я с душевной болью.

– "Бог поможет и муки претерпеть", – так же тихо сказала одна из монахинь, самая младшая.

У меня выступили слезы на глазах, комок подступил к горлу.

Я молча поклонился им... Хотелось поклониться до земли и целовать их ноги...

Через неделю к нам в камеру врачей санчасти зашел комендант лагеря и между прочим сообщил: "Ну и намучились мы с этими монахинями... Но теперь они согласились-таки работать: шьют и стегают одеяла для центрального лазарета. Только условия, стервы, поставили, чтобы им всем быть вместе, и что они будут тихонько петь во время работы псалмы какие-то... Начальник лагеря разрешил. Вот они теперь поют и работают".

Изолированы были эти монахини настолько, что мы, врачи санчасти, пользовавшиеся относительной "свободой" передвижения по лагерю, несмотря на наши "связи" и "знакомства" с миром всякого рода "начальников", долгое время не могли получить о них никаких известий. И только через месяц мы получили эти известия. Последний акт трагедии монахинь был таков.

В одном из этапов на Соловки был доставлен один священник, который оказался духовником некоторых из них. И хотя общение между духовным отцом и его духовными детьми казалось было совершенно невозможным в условиях концлагеря, монахиням каким-то образом удалось запросить у своего наставника указания.

Сущность запроса состояла в следующем: "Мы прибыли в лагерь для страдания, а здесь нам хорошо. Мы вместе, поем молитвы, работаем работу по душе: стегаем одеяла для больных... Правильно ли мы поступаем, что согласились работать в условиях антихристовой власти в лагерях? Не следует ли нам и от этой работы отказаться?"

Духовник ответил категорическим запрещением работать и эту работу.

И монахини отказались от всякой работы. Начальство узнало, кто в этом виноват. Священника расстреляли. Но когда монахиням сообщили об этом, они сказали: "Теперь уж никто не может освободить нас от его запрещения". Тогда начальство потеряло всякое терпение и осатанело.

Монахинь разъединили друг от друга и по одиночке куда-то увезли. Никаких вестей от них, несмотря на все наши старания, мы больше получить не смогли. Они сгинули без всякого следа.

Прошло уже много лет после этих событий, когда из уст одного американского узника, побывавшего в трудовом лагере, пришла следующая дополнительная информация, проливающая свет на духовные последствия подвижнической твердости таких монахинь.

Чудо монахинь.

Когда разговор, как это обыкновенно скоро случается, зашел о вере, я услышал о необыкновенном, о чуде, которое недавно произошло в Воркуте. Истинно, там с нами был Господь! И готовность, с которой мне рассказали об этом, не дает усомниться в том, что Бог не оставил ни страну за железным занавесом, ни умы и сердца народа.

"В ноябре того года, 1950-го, как раз после нашего прибытия, в лагерь доставили трех монахинь, приговоренных к тяжелым работам. Многие тысячи заключенных женщин в Воркуте не работали в шахтах, но выполняли другую трудную работу, и монахинь послали на кирпичный завод, продукцией которого снабжали весь север России.

Когда они впервые прибыли на завод, сказали мастеру, что работа на коммунистический режим для них как работа на дьявола, а поскольку они служительницы Божии, то распоряжения мастера подчиняться не будут, несмотря ни на какие угрозы.

Лишенные своих монашеских одежд, монахини считали веру своей броней. Они готовы были к любым испытаниям ради выполнения своего обета и наказание встретили мужественно. Их перевели на голодный паек из черного хлеба и жидкого супа. На этом пайке они содержались день за днем, но каждое утро, когда им приказывали выходить на завод или в глиняный карьер, или на иную тяжелую работу, они отказывались. Их отказ означал, конечно, усиление наказаний. Разозленный их твердостью и боясь, что их пример подействует на других подневольных рабочих, комендант приказал надеть на них так называемые смирительные рубашки. Кисти рук были связаны у них за спиной, а потом веревка, которой были связаны запястья, опущена вниз и крепко связана вокруг лодыжек. Таким образом, плечи у них тянуло назад и вниз, причиняя мучительную боль. То же со ступнями.

Монахини извивались от боли, но не издавали ни звука. Потом комендант приказал

облить их водой, чтобы веревки разбухли и давили еще сильнее; он ожидал, что они будут кричать от боли. Но они лишь тихо стонали, а вскоре потеряли сознание. Веревки сняли, монахинь привели в чувство; через какое-то время снова связали, и они снова скоро потеряли сознание. Их мучили более двух часов, но дальше пытку не посмели продолжать: кровообращение у них было нарушено, и они были близки к смерти. Коммунистическому режиму нужны были там рабы, а не полуживые люди. Их привезли в далекую Воркуту не для того, чтобы убить. Советскому правительству требовался уголь. Подневольные работники были расходным материалом, их использовали, насколько у них хватало сил. И задачей коменданта было заставить их работать.

Наконец, комендант решил, что с этим надо кончать. Или монахини станут работать, или он вынужден будет обречь их на смерть. Он приказал, чтобы их снова назначили на работу, а если откажутся, поставить их на холм и оставить там стоять неподвижно весь день на пронизывающем ветру ранней полярной зимы и смотреть, как работают другие женщины. И эта пытка постигла их. К вечеру видно было, что они стоят там на коленях, и охранники пошли на холм, ожидая найти их замерзшими, но они оказались вполне живыми и теплыми.

Тогда, чтобы они сильнее замерзли на свирепом ветру, комендант приказал отобрать у них шапки и варежки. Весь восьмичасовой рабочий день они стояли на коленях на продуваемом ветрами холме и молились. Внизу, в карьере, женщины, отбивающие куски глины для кирпичного завода, жестоко страдали от холода. Многие жаловались, что у них замерзают ноги, хотя обувь должна была быть достаточно теплой. Когда вечером другая смена охранников пошла увести монахинь с холма, думали, что у них отморожены уши, руки и ноги. Но оказалось, что те ни мало не пострадали. И в следующий день они вновь простояли восемь часов на коленях на ветру, при минусовой температуре – без шапок и перчаток. И опять не было никаких обморожений, они по-прежнему сохраняли свою решимость отказываться от работ. И в третий день их опять вывели на мороз, на этот раз и без шарфов.

К этому времени слух о происходящем распространился по всем воркутинским лагерям. Когда в конце третьего дня, выдавшегося самым холодным, их доставили в барак вновь без малейших признаков обморожения, пошли разговоры о чуде Божиим. Во всей Воркуте лишь об этом и говорили. Даже всякое повидавшие милиционеры из других подразделений под разными предлогами приходили, чтобы хоть украдкой взглянуть на три фигуры на холме. Женщины, работающие в карьере, крестились и с большим волнением шептали молитвы. Даже комендант серьезно волновался. Хотя он и не был верующим, но, по крайней мере, несколько суеверным и понимал, что видит присутствие силы, неподвластной земной силе.

К четвертому дню сами охранники начали бояться неземной силы, которой, казалось, обладали эти монахини, и наотрез отказались трогать их и делать с ними что-нибудь. Сам комендант побоялся вновь приказать идти им снова на холм. Им больше не мешали молиться и сняли с голодного пайка. Когда я уезжал из Воркуты четыре года спустя, эти монахини были все еще при том кирпичном заводе, и ни одна из них ни дня не проработала на коммунистический режим. К ним относились с благоговейным страхом и уважением. Охране были даны инструкции не трогать их и не беспокоить. Они сами готовили себе еду и даже шили себе одежду. Совершали свои религиозные обряды, и, виделось, в душе у них был мир и покой. Хотя они пребывали узницами, но духовно были свободны. Никто в Советском Союзе не имел такой свободы вероисповедания, как они.

Я не могу описать, что сотворил их пример для обращения в веру тысяч узников и охранников в Воркуте. Позднее, когда у меня была возможность, работая в раздевалке для милиционеров, говорить с некоторыми из закослелых коммунистов о религии, все они говорили о чуде монахинь.

– John Noble: I Found God in Soviet Russia, Mich. 1971, pp. 112-117

– Джон Ноубл "Я нашел Бога в Советской России", Зондерван, Мич., 1971 г. С. 112-117.

5. Матушка Мария Гатчинская, катакомбная старица

5.

Матушка Мария Гатчинская – катакомбная старица-утешительница.

Память 4/17 апреля (+ 1932 г.)

"Сильные скорби, как золото в горниле, очищают душу, дают ей жизнь, укрепляют и закаляют ее".

Святой Иосиф Петроградский.

В сорока километрах от Петрограда находится маленький городок Гатчина, хорошо известный всем петроградцам своими садами, парками и дворцом. В этом городке перед революцией проживала одна монахиня – матушка Мария (в миру Лидия Александровна Лелянова), которую знали не только жители Гатчины, но и многие

жители Петрограда. Революция 1917 года застала матушку Марию больной, лежащей в постели. После перенесенного тяжелого энцефалита (воспаления мозга), она впала в состояние так называемого паркинсонизма (по имени врача Паркинсона, описавшего подобное состояние): все тело ее стало как бы окованным и неподвижным, лицо анемичным и как бы маскообразным, речь сохранилась, но говорить она стала с полузакрытым ртом, сквозь зубы, медленно скандируя и монотонно. Была она полным инвалидом и постоянно нуждалась в посторонней помощи и тщательном уходе. Обычно эта болезнь протекает с резкими изменениями психики (раздражительность, прилипчивая навязчивость со стереотипными вопросами, повышенный эгоизм и эгоцентризм, явления слабоумия и прочее), вследствие чего такие больные часто попадают в психиатрические больницы. Но мать Мария, оказавшись полным физическим инвалидом, не только не деградировала психически, но обнаружила совершенно необычные, не свойственные таким больным черты личности и характера: она сделалась чрезвычайно кроткой, смиренной, покорной, непритязательной, сосредоточенной в себе, углубилась в постоянную молитву, без малейшего ропота перенося свое тяжкое состояние. Как бы в награду за это смирение и терпение, Господь послал ей дар утешения скорбящих. Ее стали навещать, беседуя с нею, совершенно чужие и незнакомые люди, находящиеся в скорбях, печалях, тоске и унынии. И всякий приходящий к ней уходил утешенным, чувствуя просветление своей скорби, умиротворение печали, успокоение тревоги, избытие тоски и уныния. Постепенно слава об этой необыкновенной монахини распространилась далеко за пределы города Гатчины.

Матушка Мария жила в маленьком деревянном домике на окраине города. Я посетил ее там в марте 1927 года. В ожидании приема я рассматривал многочисленные карточки приемной комнаты и нашел две: митрополита Вениамина Петроградского, новомученика, и митрополита Иосифа, вскоре давшего свое имя "иосифлянскому" движению. Митрополит Иосиф на своей карточке надписал трогательное посвящение матушке Марии, приведя большую цитату из своего труда "В объятиях Отчих", а митрополит Вениамин надписал кратко: "Глубокоочтимой страдальнице матушке Марии, утешившей, среди многих скорбящих, и меня грешного..."

Мне выпало великое счастье присутствовать при явлении чудес исцеления скорбящих душ. Юноша, унывавший после ареста и ссылки отца-священника, вышел от Матушки с радостной улыбкой, сам решившись принять сан диакона. Молодая женщина от грусти пришла к светлой радости, также решившись на монашество. Пожилой мужчина, глубоко страдавший о смерти сына, вышел от матушки, выпрямленный и ободренный. Пожилая женщина, пошедшая с плачем, вышла спокойная и твердая.

Когда я вошел к ней, я сказал матушке Марии, что часто впадаю в ужасную тоску, которая длится иногда несколько недель, и не могу найти никакого средства от нее избавиться...

"Тоска есть крест духовный, – говорила матушка Мария, – посылается она в помощь кающимся, которые не умеют раскаяться, то есть после покаяния снова впадают в прежние грехи... А потому, только два лекарства лечат это, порой крайне тяжкое, душевное страдание. Надо или научиться раскаиваться и приносить плоды покаяния, или со смирением, кротостью, терпением и великой благодарностью Господу нести этот крест духовный, тоску свою, памятуя, что несение этого креста вменяется Господом за плод покаяния... А ведь какое это великое утешение сознавать, что тоска твоя есть неосознанный плод покаяния, подсознательное самонаказание за отсутствие требуемых плодов... От мысли этой – в умиление придти надо, а тогда – тоска постепенно растет и истинные плоды покаяния зачнутся..."

От этих слов матушки Марии у меня в душе точно кто-то операцию сделал и удалил опухоль духовную... И вышел я другим человеком.

Около 1930 года матушка Мария была арестована. Ее обвинили в контрреволюционной пропаганде и в участии в контрреволюционной организации, по 10 и 11 пункту 58 статьи. Арестовали и ее брата Владимира, и ее сестру Юлию. "Пропагандой" против коммунизма был квалифицирован ее "дар утешения в скорбях..."+

+ Матушка Мария была арестована 19 февраля 1932 года в ходе акции по "изъятию монашек и монахов", которую ОГПУ проводило тогда по всей стране. Ее привезли на грузовике из Гатчины в Петербург и предъявили стандартное обвинение по ст. 58/10: "Участвует в нелегальных сборищах, где читается Евангелие, на которые приглашается местное население, и в беседах на религиозные темы ведет антисоветскую агитацию".

Очевидцы ареста описали жуткую картину издевательства и жестокого насилия над скованной болезнью и неспособной ни к каким физическим движениям терпеливой страдальцей. "Религиозно-политическое преступление" монахини Марии усугубилось непризнанием ею митрополита Сергия после его печально знаменитой декларации 1927 года, приведшей к расколу в Русской Церкви.

Бедную страдальицу двое чекистов, с постели до грузовика, волокли по полу и по земле за вывернутые руки... Раскачав ее многострадальное, неподвижное, скованное тело, чекисты бросили его в грузовик и увезли. Брата ее увезли в другом автомобиле, в так называемом "черном вороне". Сострадательные почитатели матушки Марии приносили ей в тюрьму скромные передачи. Их принимали в течение месяца. А затем, однажды, передачи не приняли и кратко сообщили: "умерла в госпитале". (Таких беспомощных людей обычно убивали.)+

+ Мученица скончалась в больнице Дома предварительного заключения 17 апреля 1932 года, будучи уже осужденной на три года высылки. Тело мученицы было отдано невестке с требованием похоронить его без огласки.

Сразу после мученической кончины матушки Марии, ее могилка неподалеку от часовни Ксении блаженной стала местом непрекращающегося паломничества верующих.

Брат покойной, слабенький, маленький, благообразный старичок, самоотверженно за ней ухаживавший и принимавший посетителей, через 9 месяцев следствия получил 5 лет заключения в концентрационном лагере Сибири.

Добавление издателей. В 1981 году матушка Мария была прославлена в сонме новомучеников и исповедников Российских Русской Православной Церкви Зарубежом как новопреподобномученица Мария Гатчинская.

17 июля 2006 года прославлена Русской Православной Церковью, включена в Собор новомучеников и исповедников Российских XX века по представлению Санкт-Петербургской епархии.

26 марта 2007 года мощи Марии Гатчинской были обретены на Смоленском кладбище Санкт-Петербурга и затем торжественно перенесены в Гатчинский Павловский собор, где они покоятся ныне в благолепной раке.

6. Архиепископ Димитрий Гдовский

6.

Архиепископ Димитрий Гдовский и священник Николай Прозоров.

Память 4/17 мая (+ 1935 г.)

"И познаете истину, и истина сделает вас свободными" (Ин. 8, 32).

Будущий священномученик Димитрий родился в городе Ораниенбауме Петергофского уезда Санкт-Петербургской губернии в семье митрофорного протоиерея Гавриила Марковича Любимова. В 1882 году окончил Санкт-Петербургскую Духовную академию и был послан псаломщиком в Никольскую церковь при Российском посольстве в Штутгарте (Германия).

Прослужив два года в Штутгарте, возвратился и определился преподавателем латинского языка в Ростовском Дмитриевском Духовном училище. В 1886 году был рукоположен во иерея и получил назначение в дворцовую Пантелеимоновскую церковь Ораниенбаума. Одновременно с 30-го мая 1886 года работал законоучителем Ораниенбаумского городского училища. В 1895 году сменил своего отца в должности настоятеля главного храма Ораниенбаума – церкви святого Архангела Михаила. В 1898 году отец Дмитрий участвовал в освящении последнего "детища" протоиерея Гавриила Любимова – построенной в Ораниенбаумском Градском лесу церкви во имя иконы Божией Матери "Всех скорбящих Радосте". 12 сентября 1898 года отца Дмитрия перевели третьим священником в петербургскую Покровскую церковь на Садовой, где он прослужил более двух десятков лет. Приход храма занимался большой благотворительностью: содержал сиротский приют, дома для престарелых, школы и так далее. Церковь – рядом с Сенным рынком, в районе, который прославил в своих сочинениях Достоевский, где можно было видеть бедных и несчастных людей. Отец Дмитрий с любовью относился к этим бедным и несчастным, и эта любовь и труды ради них очень соответствуют его фамилии – Любимов.

После революции он овдовел. Времена испытаний, времена русской Голгофы не поколебали его веру. Он стал более ревностным защитником истины Христовой, теперь уже в сане епископа.

После расправы в августе 1922 года над митрополитом Петроградским Вениамином последовали аресты всех четверых викариев, и прежняя столица осталась без правящего иерарха. В 1926 году митрополит Петр Крутицкий, сам уже арестованный, назначил преемником умученного митрополита Вениамина архиепископа Иосифа (Петровых), возведенного в сан митрополита.

Два других епископа были освобождены из тюрьмы, и последовали несколько новых епископских хиротоний. Одним из новорукоположенных епископов был отец Дмитрий. Он был пострижен в монашество с оставлением прежнего имени, но в честь другого небесного покровителя, и стал епископом Гдовским, викарием Ленинградской епархии.

К радости верующих, в августе 1926 года новый митрополит владыка Иосиф должен был прибыть в свою епархию и совершить вместе с викариями всенощную на праздник покровителя прежней столицы святого благоверного князя Александра Невского. "Я никогда не забуду, – пишет Алексей Ростов (очевидец событий этого периода и в течение многих лет член катакомбной Церкви, который и предоставил всю последующую информацию), – ту всенощную 29 августа в соборе Александро-Невской лавры, когда семь викариев сослужили митрополиту Иосифу. В едином порыве все владыки и все верующие пели акафист перед иконой святого князя Александра с частицей его мошей. С 1917 года в Петрограде не было такой торжественной службы. Но скоро на нас обрушились огромные испытания, вызванные декларацией митрополита Сергия.

Митрополит Иосиф не признал декларацию, и к нему присоединились епископ Дмитрий и другие епископы, священники и миряне. Одним из этих священников был молодой, ревностный отец Николай Прозоров, позже ставший мучеником, как и епископ Дмитрий. После знаменитой делегации представителей духовенства и мирян "северной столицы", митрополит Иосиф, тогда уже гонимый, 7 января 1928 года возвел владыку Дмитрия в сан архиепископа и назначил временным управляющим епархией. А еще 30 декабря 1927 года владыка Дмитрий был запрещен в служении митрополитом Сергием. Митрополит Сергей был безжалостен по отношению к

исповедникам Православия, отметив, что из-за непослушания "наша Церковь грозит прямым отлучением и анафематствованием, лишая виновных даже покаяния", и далее сказал, что "никаких таинств не может быть принимаемо от них и никаких частных служб, ибо каждый, кто вступит в общение с отлученными и будет молиться вместе с ними, даже дома, подобным же образом будет объявлен отлученным".

Архиепископ Димитрий, бесстрашно последовав по стопам митрополита Иосифа, отказался принимать любые распоряжения, исходящие от митрополита Сергия, понимая, что своим "приспособленчеством к богоборчеству" тот сам себя сделал раскольником. ГПУ, стараясь усилить раздор внутри Церкви, сначала не предпринимало никаких действий против "иосифлян", но вскоре последовал новый удар – арест в 1928 году молодого и одаренного Богослова, профессора отца Феодора Андреева, который, после перенесенных в тюрьме страданий, умер в апреле 1929 года. Архиепископ Димитрий, называвший его "столпом Православия" за верную его критику Булгакова, Бердяева и других псевдоправославных мыслителей, совершил по нему торжественную поминальную службу. В ноябре 1929 года он сам был арестован вместе с отцом Николаем Прозоровым и другими клириками и мирянами за отказ признать "Декларацию". Я тоже был в этой группе и содержался в камере № 9 в Доме предварительного заключения на улице Воинова (бывшая Шпалерная), 9 в Ленинграде.

10 апреля 1930 года четверых из нас перевели в другую тюремную камеру, № 21, где на двадцать коек приходилось от восьмидесяти до ста узников, в то время как в прежней камере было четырнадцать мест на тридцать пять – сорок пять человек. Здесь я встретил молодого священника отца Николая Прозорова. Был еще один священник – отец Иоанн, а также отец Николай Загоровский, святой человек семидесяти пяти лет, которого привезли из Харькова тоже в связи с декларацией митрополита Сергия.

В это время в одиночке томился и архиепископ Димитрий, которого я раз встретил, вынося с другими заключенными, в сопровождении надзирателя, тяжелый ящик с мусором; Владыка возвращался с десятиминутной прогулки, тоже в сопровождении охранника. Был теплый июльский вечер, и я хорошо его разглядел. Он был высокий, крепкий, старец с густой белой бородой, легким румянцем и голубыми глазами. Он был в рясе, без панагии. Это был истинный исповедник нашей многострадальной катакомбной Церкви!

Отцы, старейшие по времени пребывания в этой камере, занимали уголок, рядом с решеткой, от остальной камеры отгороженный картонной перегородкой; это называлось "святой угол", и там они спали рядом, а утром служили обедницу, вечером – вечерню, под праздник – всенощную. Они сидели в ряд на табуретках, к ним подсаживались двое-трое мирян, и мы слушали произносимую наизусть вполголоса всю службу. Прочие заключенные делали вид, что этого не замечают. Здесь я провел мою первую Пасху в тюрьме. Хотя один мой хороший друг предупредил меня, чтобы я не ходил в "святой угол", за что легко мог схлопотать еще несколько лет к своему приговору, я все же не мог устоять и пошел туда, когда отец Николай начал петь стихиру праздника Пасхи Христовой: "Воскресение Твое, Христе Спасе, Ангелы поют на небесах, и нас на земли сподоби чистым сердцем Тебе славить". Другие священники пели с ним, и таким образом проходила вся служба. Когда я вернулся на свой матрац, то видел, как многие из заключенных крестились, а по их небритым щекам катились слезы. Все в камере молча внимательно слушали нашу службу.

В камере я узнал "житие" моего соузника отца Николая Прозорова. Он был среднего роста, смуглый, с довольно грубыми чертами лица, темными глазами и волосами и маленькой бородкой. Он не был интеллигентом, но человек простой, и глубоко верил и

был тверд в вере своей. Он верил, что с благодарностью принимая мученичество, открывает себе путь в Царствие Небесное. Родился он в 1897 году, учился в семинарии, но в 1915 году, бросив ее, восемнадцатилетним юношей пошел добровольцем на фронт. Революция застала его подпоручиком. По возвращении с фронта в родной Воронеж он был обвинен с другими в "заговоре" и приговорен к расстрелу. Находясь с группой "смертников"-офицеров в общей камере, он предложил верующим прочитать вслух акафист святителю Николаю Чудотворцу, защитнику невинно осужденных. Акафист у него случайно оказался с собой. Часть офицеров согласилась, отошла в сторону и тихонько пропела акафист. Другая же группа, вероятно, неверующих или маловерующих и нецерковных офицеров не приняла в этой молитве никакого участия. И вот случилось чрезвычайное чудо, глубоко перевернувшее всю душу молодого офицера Прозорова: наутро все читавшие акафист были избавлены от казни и получили разные сроки заключения в тюрьмы, остальные офицеры все были расстреляны. Прозоров дал обет пойти в священники, как только выйдет из тюрьмы, и после довольно скорого освобождения выполнил свой обет. Рукополагал его архиепископ Иоанн (Поммер), впоследствии зверски убитый под Ригой большевиками-террористами 12 октября 1934 года.

Но ГПУ запретило ему пребывание в Воронеже, и он приехал в Петроград, где служил в небольшой сельской церкви святого Александра Ошевенского на окраине города, около платформы "Пискаревка" Ириновской железной дороги.

Раз приехал к нему один из крупнейших в Ленинграде коммунистов. – "Слушай, поп, я влюбился в эту красавицу"! Он показал на приехавшую с ним девушку, действительно, заслуживавшую это название. – "Она поладить не хочет, пока поп не обкрутит. Твоя церковь в лесу, никто не узнает". (Коммунисты за церковный брак исключались из партии.) Отец Николай согласился и предложил им у него предварительно поговорить, хотя бы накануне венчания. – "Шутишь, поп, – возмутился всесильный коммунист, – я потакаю капризу любимой девушки, но никакой исповеди не признаю. Венчай сразу. Заплачу, сколько захочешь, больше чем ты за год зарабатываешь. У тебя, чай, своя баба, да дети (у него было трое детей). Пока я жив, тебя никто не арестует. А невзначай посадят, пусть попадья к жене прибежит, мигом выпустят. Ведь я – член ЦК партии". Но отец Николай отказался венчать без исповеди, несмотря на просьбы и угрозы грозного гостя и слезы его прекрасной спутницы, и остался в нужде с семьей, лишившись возможности приобрести всесильного заступника с весом в Кремле. Имя его он мне не открыл, но сказал, что это имя известно по всей России.

Утром 4 августа многих из нашей камеры, как обычно, вызвали в коридор и велели подписаться, что мы прочитали наши приговоры: кто-то получил пять лет, кто-то десять. Лишь отца Николая не вызвали выслушать его приговор. На другое утро мы узнали на прогулке путем мудреной сигнализации, что епископ Димитрий в возрасте без малого семидесяти пяти лет получил десять лет изолятора. Больше я никогда его не видел.

На другой день все приговоренные были вызваны на этап и простились с нами. Отец Николай недоумевал – радоваться или печалиться? Если бы его оправдали, то, вероятно, выпустили бы. Но все понятнее делалось – другая причина, почему до отправки его однодельцев о нем как будто забыли.

Я старался весь день 5/18 августа, в канун Преображения, не отходить от отца Николай, который сразу почувствовал себя одиноким с отправкой всех однодельцев.

Из сотни заключенных большинство не понимало, в чем дело, другие думали, что это

признак освобождения. Один он прочитал под Преображение по памяти всеобщую, прослушанную мной; другие миряне, слушавшие их обычно, были уже разосланы по концлагерям. Ведь состав камеры меняется. Он вынул из кармана подрясника снимок своих трех дочек шести, четырех и двух лет и, нежно глядя на них, сказал мне: "Верю, что Господь не покинет этих сироток в страшном большевицком мире".

Началась обычная укладка около 9 часов вечера. Старшие по времени пребывания в камере ложились на койки, прочие на столах и скамьях, составленных табуретках, новички под столами и койками. Моя койка была у окна, отца Николая – у решетки, отделявшей от нас коридор. Когда все легли, появился дежурный комендант и стал в коридоре у двери решетки:

-Прозоров, есть такой?

-Есть, это я, – вскочил с койки отец Николай.

-Имя-отчество? – Спросил комендант, сверяясь по записке.

-Николай Кириакович, – ответил, одеваясь, батюшка.

Собирайся с вещами.

Отец Николай все понял. Мы с ним не раз наблюдали, как дежурный комендант вызывал так на расстрел.

Отец Николай стал быстро одеваться и укладывать соломенную картонку с его тюремным "имуществом". Я лежал на другом конце камеры и не мог добраться до него через камеру, заставленную столами, скамейками, спущенными койками с лежащими повсюду телами. Но из освещенного угла, где он укладывался, мне ясно было видно его просиявшее какой-то неземной радостью мужественное, окаймленное черной бородой лицо (ему было 33 года, как Спасителю, когда Он восходил на Голгофу). Вся камера притихла и следила за отцом Николаем. За решеткой не спускал с него глаз комендант. Отец Николай со счастливой улыбкой оглядел всех нас и быстро пошел к решетке, которую отворил ему комендант. На пороге он обернулся к нам и громко сказал: "Господь зовет меня к Себе, и я сейчас буду с Ним"!

Молча, потрясенные величием души этого скромного пастыря, все мы глядели, как захлопнулась за ним решетка, и быстрой походкой он пошел перед следовавшим за ним комендантом. Шепотом с умилением стали говорить об отце Николае все мы. Не только верующим, но и безбожникам: троцкистам, меньшевикам, бандитам и просто советским мошенникам, внушала уважение и умиление его твердая вера.

В очередной день свидания с родными вернувшиеся со свиданий заключенные передали нам, что матушкам объявлены приговоры мужей. Таким образом, мы узнали, что отец Николай Прозоров был расстрелян.

Судьба епископа Димитрия была схожей. В 1930 году он содержался в Соловецком лагере особого назначения. Осенью 1930 года в лагере был арестован и привлечен к следствию по делу "Всесоюзного центра Истинного Православия", в связи с чем переведен в Москву, в Бутырскую тюрьму. В сентябре 1931 года был обвинен как "заместитель митрополита Иосифа (Петровых) по руководству церковно-административным центром всесоюзной к/р организации "Истинно Православная Церковь". Приговор – высшая мера наказания – расстрел, заменен на десять лет заключения в места лишения свободы. Содержался в Бутырской тюрьме в Москве, затем – в тюрьме ОГПУ в Ярославле, в которой скончался 17 мая 1935 года.

Святые мученики, сотнями и тысячами принявшие смерть за Христа в древние времена,

почитаются Церковью без официальной канонизации. Также и сегодня, когда бесчисленные страдальцы увенчались мученической славой, не стоит сомневаться в их святости, в том, что они – наши заступники пред Богом. Да укрепят они нас ныне, когда уже приблизилось страшное время испытаний нашей верности Христу.

Отец Николай был канонизирован Русской Православной Церковью Заграницей в 1981 году.

Святые мученики Дмитрий и Николай, со всем бесчисленным небесным сонмом новомучеников новых катакомб, молитесь Бога о нас!

Историческая делегация Петроградского духовенства в 1927 году к митрополиту Сергию (Страгородскому). Запись беседы.

Постыдная декларация митрополита Сергия, вышедшая 16(29) июля 1927 года, вызвала огромное волнение во всем русском православном мире. Со всех концов Русской Земли раздавались голоса протеста духовенства и мирян. Масса "посланий" была направлена митрополиту Сергию, а их копии разошлись по всей стране. Авторы этих посланий умоляли митрополита Сергия сойти с разрушительного пути, на который он ступил.

После целого потока таких бесчисленных "посланий"-протестов начались нескончаемые вереницы делегаций с мест к митрополиту Сергию в Москву.

Одной из таких делегаций была и историческая делегация Петроградской епархии, которая прибыла в Москву 27 ноября 1927 года в следующем составе: Преосвященный Дмитрий (Любимов), епископ Гдовский, протоиерей отец Викторин Добронравов, профессор И.М. Андреев (то есть я) и С.А. Алексеев. Епископ Дмитрий являлся представителем Петроградского митрополита Иосифа и имел с собой письмо, подписанное семью епископами, находящимися в Петрограде (среди которых были, кроме митрополита Иосифа и епископа Дмитрия, епископ Гавриил, епископ Стефан и епископ Сергей Нарвский). Протоиерей Добронравов являлся представителем многочисленной группы Петроградского духовенства и имел на руках письмо от этого духовенства, написанное протоиереем профессором Ф.К. Андреевым. Я представлял академические круги и имел на руках письмо от группы академиков и профессоров Академии наук, университета и других высших учебных заведений, составленное профессором бывшей Военно-юридической академии С.С. Абрамовичем-Барановским и профессором М.А. Новоселовым (издателем и редактором "Религиозно-просветительной академии", тайно проживавшим тогда в Петербурге и в Москве). С.А. Алексеев был представителем широких народных масс.

Несмотря на то, что Петроградская делегация прибыла в Москву позднее других многих делегаций, приехавших с той же целью, она была принята вне очереди. Беседа делегации с митрополитом Сергием продолжалась два часа.

По приходе к митрополиту Сергию все члены делегации подошли к нему под благословение, отрекомендовались и засвидетельствовали, что они прибыли как верные чада Православной Церкви.

Когда митрополит Сергей кончил читать привезенные ему письма (от епископата, от духовенства и от мирян), тогда 70-летний старец епископ Дмитрий упал перед ним на колени и со слезами воскликнул: "Святой Владыко! Выслушайте нас Христа ради!"

Митрополит Сергей тотчас поднял его под руку с колен, усадил в кресло и сказал твердым и несколько раздраженным голосом: "О чем слушать? Ведь уже все, что вами написано, написано и другими раньше, и на все это мною уже много раз отвечено ясно и определенно. Что Вам не ясно"?

"Владыко святой! – Дрожащим голосом с обильно текущими слезами, начал говорить епископ Димитрий, – во время моей хиротонии Вы сказали мне, чтобы я был верен Православной Церкви и, в случае необходимости, готов был и жизнь свою отдать за Христа. Вот и настало такое время исповедничества, и я хочу пострадать за Христа, а Вы Вашей декларацией вместо пути Голгофы предлагаете встать на путь сотрудничества с богоборческой властью, гонящей и хулящей Христа, предлагаете радоваться ее радостями и печалиться ее печалю... Властители наши стремятся уничтожить и Церковь и радуются разрушению храмов, радуются успехам своей антирелигиозной пропаганды. Эта радость их – источник нашей печали. Вы предлагаете благодарить советское правительство за внимание к нуждам православного населения. В чем же это внимание выразилось? В убийстве сотен епископов, тысяч священников и миллионов верующих. В осквернении святынь, издевательствах над мощами, в разрушении огромного количества храмов и уничтожении всех монастырей... Уж лучше бы этого внимания не было!"

"Правительство наше, – перебил вдруг епископа Димитрия митрополит Сергей, – преследовало духовенство только за политические преступления".

"Это – клевета!" – Горячо воскликнул епископ Димитрий.

"Мы хотим добиться примирения Православной Церкви с правительственной властью, – раздраженно продолжал митрополит Сергей, – а вы стремитесь подчеркнуть контрреволюционный характер Церкви... Следовательно, вы контрреволюционеры, а мы вполне лояльны к советской власти!"

"Это неправда!" – Горячо воскликнул епископ Димитрий. – Это еще одна клевета на исповедников, мучеников, тех, кто был расстрелян и тех, кто томится в концлагерях и ссылке... Какое контрреволюционное деяние совершил казненный митрополит Вениамин? В чем заключается контрреволюционная позиция митрополита Петра Крутицкого?"

"А Карловацкий Собор, по-вашему, тоже не носил политического характера?" – Снова перебил его митрополит Сергей.

"В России Карловацкого Собора не было, – тихо ответил епископ Димитрий, – и многие мученики концлагерей ничего не знают об этом Соборе".

"Я лично, – продолжал епископ Димитрий, – человек совершенно аполитичный, и, если бы понадобилось мне самому себе донести в ГПУ, я не мог бы ничего придумать, в чем я виновен перед советской властью. Я только скорблю и печалюсь, видя гонение на религию и Церковь. Нам, пастырям, запрещено говорить об этом, и мы молчим. Но на вопрос, имеется ли в СССР гонение на религию и Церковь, я не мог бы ответить иначе, чем утвердительно. Когда Вам, Владыко, предлагали написать Вашу декларацию, почему Вы не ответили, подобно митрополиту Петру, что молчать Вы можете, но говорить неправду не можете?"

"В чем же неправда?" – Воскликнул митрополит Сергей.

"А в том, – ответил епископ Димитрий, – что гонения на религию, этот "опиум для народа", по марксистскому догмату, у нас не только имеются, но по жестокости, цинизму и кощунству превзошли все пределы!"

"Так мы с этим боремся, – заметил митрополит Сергей, – но боремся легально, а не как контрреволюционеры... А когда мы покажем нашу совершенно лояльную позицию по отношению к советской власти, тогда результаты будут еще более ошутительны. Нам, по-видимому, удастся в противовес "Безбожнику" издавать собственный религиозный журналчик..."

"Вы забыли, Владыко, – заметил протоиерей Добронравов, – что Церковь есть тело Христово, а не консистория с "журналчиком" под цензурой атеистической власти!"

"Не политическая, а религиозная совесть не позволяет нам солидаризоваться с Вашей декларацией", – заметил я.

"Я хочу пострадать за Христа, а Вы предлагаете отречься от Него", – горько сказал С.А. Алексеев.

"Так вы хотите раскола?" – Грозно спросил митрополит Сергей... – "Не забывайте, что грех раскола не смывается мученической кровью! Со мной согласно большинство", – добавил авторитетно митрополит Сергей.

"Голоса надо Владыка не подсчитывать, а взвешивать, – возразил я. – Ведь с Вами не согласен митрополит Петр, законный Местоблюститель Патриаршего престола; с Вами не согласны митрополиты Агафангел, Кирилл и Иосиф; с Вами не согласны такие светочи, как митрополит Арсений, архиепископ Серафим Угличский, архиепископ Пахомий; епископы Виктор, Дамаскин, Аверкий и многие другие; с Вами не согласны оптинские старцы и соловецкие узники..."

"Истина ведь не всегда там, где большинство, – заметил протоиерей Добронравов, – иначе не говорил бы Спаситель о "малом стаде". И не всегда глава Церкви оказывается на стороне Истины. Достаточно вспомнить время Максима Исповедника".

"Своей новой церковной политикой я спасаю Церковь", – веско возразил митрополит Сергей.

"Что Вы говорите, Владыка!" – В один голос воскликнули все члены Делегации. "Церковь не нуждается в спасении, – добавил протоиерей Добронравов – врата ада не одолеют ее. Вы сами, Владыко, нуждаетесь в спасении через Церковь".

"Я в другом смысле это сказал", – несколько смущенно ответил митрополит Сергей.

"А почему Вы, Владыко, распорядились ввести в литургию молитву за власть и одновременно запретили молиться за "в тюрьмах и в изгнании сущих"? – Спросил я.

"Неужели Вам надо напомнить известный текст о властях апостола Павла? – Иронически спросил митрополит Сергей. – А что касается молитвы за "в изгнании сущих", то из этого прошения многие диаконы делают демонстрацию".

"А когда Вы, Владыко, отмените в Церкви "Заповеди Блаженства?" – Снова возразил я, – ведь из них тоже можно сделать демонстрацию".

"Я не изменяю литургии", – сухо сказал митрополит Сергей.

"А кому нужна молитва за власть? Ведь советской безбожной власти эта молитва не нужна. Верующие же могли бы молиться только в смысле мольбы "о вразумлении заблудших". Но молиться за антихристову власть невозможно".

"Ну какой тут антихрист"! – Отмахнулся митрополит Сергей.

"Но ведь дух-то антихристов, – настаивал я. – Но чем вызвана эта молитва? Вас заставили ввести это прошение?"

"Ну, я и сам нашел это необходимым".

"Нет, Владыко, ответьте, как перед Богом, из глубины Вашей архипастырской совести, заставили Вас это сделать, как и многое в Вашей новой церковной политике, или нет"?

Этот вопрос пришлось повторить упорно и настойчиво много раз, пока митрополит Сергей, наконец, ответил: "Ну и давят, и заставляют... но я и сам тоже так думаю", – поспешно и пугливо закончил он.

"А зачем Вы, Владыко, распорядились поминать рядом с именем митрополита Петра и Ваше имя? Мы слышали, что это тоже Вам приказано сверху с тем, чтобы вскоре отменить поминовение имени митрополита Петра вовсе".

Митрополит Сергей на это не ответил. (В 1936 году поминовение митрополита Петра, расстрелянного 10 октября 1937 года, было запрещено.)

"А Ваш "Временный Патриарший Синод" кем назначен? А кто занимается назначением и перемещением епископов? Почему смещен митрополит Иосиф, вопреки желанию своей паствы? Нам известно, Владыко, что все это делается негласным "обер-прокурором" Вашего Синода коммунистом-чекистом Тучковым, вопреки Вашим желаниям".

"Откуда Вы все это взяли?" – Несколько смущенно спросил митрополит Сергей.

"Это известно всем, Владыко".

"А кем окружили Вы себя, Владыко? – Добавил протоиерей Добронравов. – Ведь одно имя епископа Алексея (Симанского) может дискредитировать весь Ваш Синод".

Митрополит Сергей встал и сказал, что он подумает обо всем сказанном и даст через три дня краткий письменный ответ. Аудиенция была окончена. Через три дня митрополит Сергей дал письменный ответ, в котором в общих и туманных выражениях повторил прежние положения своей декларации.

Делегация вернулась в Петроград. А через краткое время начался раскол. Тем, кто разорвал с ним, митрополит Сергей отвечал прещениями, органы ГПУ помогали ему.

Члены петроградской делегации вскоре были арестованы и подверглись суровым карам. Старец владыка Димитрий получил десять лет концлагерей, протоиерей Добронравов был приговорен к десяти годам концлагерей, в 1937 году – новый приговор: расстрел (в 2000 году священномученик протоиерей Викторин Добронравов

канонизирован Архиерейским Собором Русской Православной Церкви). Меня сослали в Соловецкий концлагерь. С.А. Алексеев, ставший священником, в 1930 году был расстрелян.

Истинно русская Православная Церковь ушла в катакомбы, где остается до сего дня, словно невидимый град Китеж, сохраняя себя, как непорочная Невеста Христова.

Отложение епископа Димитрия Гдовского и верующих петроградцев.
От 14-16 декабря 1927 года.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Сие есть свидетельство совести нашей (2 Кор. 1, 12): непозволительно нам долее, не погрешая против уставов Святой Православной Церкви, пребывать в церковном единении с заместителем патриаршего Местоблюстителя Сергием, митрополитом Нижегородским и его Синодом, и со всеми, кто единомыслен с ними.

Не по гордости – да не будет, но ради мира совести отрицаемся мы лица и дел бывшего нашего предстоятеля, незаконно и безмерно превысившего свои права и внесшего великое смущение и "дымное надмение мира" в Церковь Христову, которая желающим зреть Бога приносит свет простоты и дань смиренномудрия (из послания Африканского Собора к папе Целестину).

И решаемся мы на сие лишь после того, как из собственных рук митрополита Сергия приняли свидетельство, что новое направление и устройство русской церковной жизни, им принятое, никакому изменению не подлежит.

Посему, оставаясь по милости Божией, во всем послушными чадами единой Святой Соборной и Апостольской Церкви и сохраняя апостольское преемство через патриаршего Местоблюстителя Петра, митрополита Крутицкого, мы прекращаем каноническое общение с митрополитом Сергием и со всеми, кого он возглавляет, и впредь до суда "совершенного Собора местности", то есть с участием всех православных епископов, или открытого полного покаяния перед Святою Церковью самого митрополита, сохраняем молитвенное общение лишь с теми, кто блюдет – "да не преступает правила отец... и да не утратим по малу неприметно той свободы, которую даровал нам Кровию Своею Господь наш Иисус Христос освободитель всех человек" (из 8-го правила 2-го Вселенского Собора). Аминь.

14/27 декабря 1927 года. Димитрий, епископ Гдовский.

Письмо епископа Димитрия Гдовского, временного главы Петроградской епархии, к отцам настоятелям своей епархии.
От 4 января 1928 года.

Дорогие о Господе отцы настоятели.

В ответ на прошение ваше от 30 декабря (ст. ст.), обращенное к моему недостоинству, отвечаю, что с любовью приемлю вас в свое молитвенное общение и архипастырское руководство и сам прошу усердно ваших святых молитв о мне

грешном, да даст нам Господь Бог, по богатству благодати Своей, пребыть верными единой Святой Соборной и Апостольской Церкви, возглавляемыми в порядке земного церковного священноначалия Местоблюстителем Патриаршим Петром, митрополитом Крутицким впредь до того времени, как совершенный поместный Собор Русской Церкви, представленный всем наличным епископатом, то есть теперешними изгнанниками-исповедниками, не оправдает нашего образа действий своей соборной властью, или же до тех пор, пока сам митрополит Сергей, пришел в себя, не покается в том, что погрешил не только против канонического строя Церкви, но и догматически против ее лица, похулив святость подвига ее исповедников подозрением в нечистоте их христианских убеждений, смешанных, якобы, с политикой, соборность – своими и синодскими насильственными действиями, апостольство – подчинением Церкви мирским порядкам, и внутренним (при сохранении ложного единения) разрывом с митрополитом Петром, не уполномочившим митрополита Сергея на его последние деяния, начиная посланием от 16/29 июля 1927 года. "Итак, братия, стойте и держите предания" (2 Сол. 2, 15).

Ваш богомолец Димитрий, еп. Гдовский.
Ленинград. 4/17 января 1928 г .

Источники. "Interview": St. Vladimir Russian National Calendar, 1960; Epistles of Vp. Dimitry: no. 7, Ibid., 1964; no. 8, Protopresbyter M. Polsky, Russia's New Martyrs, vol. 2, p. 9. The material on Vp. Dimitry, ets., in the following article is by Prof. S. Nesterov (Alexei Rostov), parts of which have appeared in Russia's New Martyrs, pp. 138-44, and in the Vestnik of the Canadian Archdiocese, Easter, 1971. – "Беседа" – Св. Владимирский русский национальный календарь, 1960 г.; "Послания еп. Димитрия" – № 7, там же, 1964 г. № 8; протопресвитер М. Польский "Новые мученики Российские", т. 2, стр. 9; материал о еп. Димитрии (и т.д.) в след. статье – профессора С. Нестерова (Алексей Ростов), части его появлялись в "Новых мучениках Российских", стр. 138-44, и в "Вестнике Канадской Архиепископии, Пасха, 1971 г.

II. Основатели катакомбной Церкви

Основатели катакомбной Церкви и их документы.

"Мой страх и трепет усиливаются еще более при мысли, что при силах и ревности, далеко не равных апостольским – современным вождям Церкви Христовой приходится бороться с гораздо более крепкими врагами и преодолевать гораздо более сильные препятствия и трудности своего служения".

Митрополит Иосиф.

"Вот кровавые раны на теле беззаветных пленников любви Христовой – раны, поднятые с незлобивою молитвою за мучителей на устах и в сиянии неземной радости на лице! Вот все ужасы гонений, терзаний, мучений – все роды и страсти смертей, коими ад покушался поколебать посланников Распятого, усугубляя лишь свое собственное поражение и посрамление!"

Митрополит Иосиф.

7. Митрополит Иосиф Петроградский

7.

Митрополит Иосиф Петроградский.
Начало катакомбной Церкви.

Память 20 ноября (+ 1937 г.)

"И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне".

Мф. 10, 28.

В истории Христовой Церкви было несколько критических моментов, когда официальное руководство Поместной Церкви отходило от Православия, и верующие какое-то время были в сомнении, не зная, за кем следовать или где найти истинную Церковь. В такие времена Господь наш Иисус Христос, верный Своему обетованию, что "врата ада не одолеют" Его Церковь, выдвигает борца, который говорит истину и ведет верующих к Православию. На заре Христианства таким борцом был святитель Марк Эфесский, который один из иерархов Греческой Церкви бесстрашно обличал нечестивый Флорентийский собор и побуждал православных верующих к пониманию того, что Римская Церковь впала в ересь и те, кто к ней присоединился, поставили себя,

таким образом, вне Церкви Христовой.

В XX веке, когда у Церкви появился более значительный враг в виде псевдорелигиозного тоталитарного атеистического коммунизма и когда действующий глава Русской Церкви митрополит Сергей в 1927 году объявил в своей декларации о принципиальном практическом и идеологическом сотрудничестве с силами антихристианства, то Господь поставил во главе армии истинных исповедников борца – митрополита Иосифа, чтобы противостоять и обличать эту разрушающую душу "легализацию" и увести верующих истинно Русской Православной Церкви в катакомбы.

Жизнь митрополита Иосифа (Петровых) до революции нам, по большей части, неизвестна, хотя в его сочинениях, которые начали появляться в русской религиозной прессе примерно в начале XX столетия, можно найти ее основные вехи. Так, мы знаем, что он родился 15 декабря 1872 года в Новгородской губернии в городе Устюжна, не так далеко от Тихвина, знаменитого своей чудотворной иконой Божией Матери, которую будущий иерарх очень почитал. В 1899 году он отправился в паломничество на Святую Землю, и, возможно, именно там искра православной веры впервые всколыхнула огнем горячего желаниия служить Христовой Церкви. Проведя всю ночь 18 июня в храме Святого Гроба, он вышел оттуда на рассвете и думал, идя по пустынным улицам Иерусалима: "Так было хорошо, как бывает только на Пасху, когда возвращаешься домой после службы, горя желанием обнять весь мир и, оторвавшись от земли, лететь далеко-далеко в необъятную ширь неба"! Всю жизнь он оставался верным Боговдохновенному энтузиазму своей юности. Годами спустя это чувство, обостренное аскетическими трудами и утонченными страданиями, побудило его стать исповедником и мучеником за Христа и Святую Церковь.

Писания митрополита Иосифа по вопросам духовной жизни открывают твердые основы православной патристической и аскетической литературы и черпают вдохновение в текстах церковно-служебных книг. В 1901 году, будучи иеромонахом, он написал точную, тщательно обдуманную статью по вопросу "Может ли православный христианин и как молиться за неправославных христиан?" Будучи уже архимандритом, он напечатал свою главную работу, целую книгу, составленную из коротких размышлений на духовные темы под заголовком "В объятиях Отчих. Дневник инока". Последующие отрывки из этой работы дадут представление о чувствах автора и способности глубоко проникать в духовные вопросы.

"Глубокие скорби, как золото в плавильной печи, очищают душу, дают ей жизнь, укрепляют и закаляют ее. Человек становится менее чувствительным к своим повседневным бедам и страданиям на земле, становится спокойнее, уравновешеннее, смотрит на мир более серьезно и трезво, становится менее подверженным земным страстям, а стремится к небесному, вечному, бесконечному".

"В человеке много созидательной энергии, надо только ее пробудить. Она пробуждается необходимостью, бедой, борьбой за существование, любовью к Богу, жадной спасения, осознанием хрупкости земной жизни и сладости жизни будущей и многим другим, чему учат средствами, которыми обладает Церковь Божия для направления и просвещения каждого человека, который к ней пришел".

"Чем больше мы доверяем помощи человека и защите со стороны других людей, тем дальше от нас спасительная и милосердная благодать и помощь Божия. И это естественно, так как, в конце концов, если мы получили помощь от Бога в то время, когда ожидали получить ее от людей, мы припишем эту помощь людям и славу Божию

превратим в славу людей. Поэтому Господь, чтобы помощь Его стала нам очевидной, делает даже так, чтобы наша беспомощность стала явной и очевидной, и чтобы все наши надежды мы возлагали только на Него!"

15 марта 1909 года архимандрит Иосиф был посвящен во епископа в Александро-Невской Свято-Троицкой лавре. Его слово при посвящении, приведенное ниже полностью, очевидно, пророческое. Проникнутое сознанием растущего анархического движения и неверия, которое уже разрушало саму основу православной русской цивилизации и готово было дать рождение ужасной революции, слова молодого иерарха звучат почти как манифест самой души Святой Руси, которая даже сегодня должна стоять против объединенных армий всемирного сатанизма.

"Ваше Святейшество, Богомудрые пастыри,

в эту единственно исключительную и святейшую минуту моей жизни, когда призвание Господа нашего – Гряди ко мне – коснулось и моего крайнего недостойнства, – радость, и трепет, и блаженство, и страдание объемлет убогую мою душу.

Перед мысленным взором моим встают лики святых апостолов, сонмы великих святителей – строителей и распространителей веры и Церкви Христовой на земле. От простого до многообразованного, от многонемоного до крепкого и богатого силами духа – принесли и положили они свою жизнь и все силы на алтарь Христовой любви, дали себя в пищу тому священному огню Христову, которым ныне благодатно пламенеет вся вселенная.

Коснуться и мне сему благодатному Огню, принести и мне мои слабые силы – или, лучше сказать, немощи – алтарю Церкви Вселенской, положить и мне мою жизнь в горнило Христова Пламени, услышать звание Господне на служение столь великому делу Божию и приять возможность ответить на этот зов подвигом высшего "Апостольского" выражения любви и преданности Сладчайшему Архиепископу Небесному, – о, как много в этом оснований для радости! Как достаточно этого, чтобы исполниться чувством неизглаголанного сердечного утешения и умиления!..

Но источник такой радости и утешения вместе представляет для меня и источник томящего трепета, опасений, сердечной скорби и страдания. Красота Апостольского подвига, красота высшего выражения любви и преданности Спасителю, высшего служения Церкви Божией на земле – предстает взору моему не как лишь слово, а как истинное дело, как сама живая действительность, вне всяких прикрас мысли и слова. А каких трудов, каких подвигов, каких страданий не дала нам эта действительность в пример, назидание и укрепление! Вот кровавые раны на теле беззаветных пленников любви Христовой – раны, подъятые с незлобивою молитвою за мучителей на устах и в сиянии неземной радости на лице! Вот все ужасы гонений, терзаний, мучений, – все роды и страсти смертей, коими ад покушался поколебать посланников Распятого, усугубляя лишь свое собственное поражение и посорамление!

Вспоминая все это – не по-человечески великое и славное, чем создалась великая и мощная доселе Церковь Христова, невольно спрашиваю я себя: уже ли и я способен понести все это? Уже ли и я имею достаточно оснований, достаточно мужества – стать наряду со столь славными воплотителями силы Божией и всего того, что создается силою любви Божией к человеку и силою любви человека к Богу?..

Но мой страх и трепет усиливаются еще более при мысли, что при силах и ревности, далеко не равных Апостольским – современным вождям Церкви Христовой приходится

боротся с гораздо более крепкими врагами и преодолевать гораздо более сильные препятствия и трудности своего служения. Святые апостолы имели дело все же с горячим, хотя бы и ложно направленным, стремлением к истине, тогда как нам – в наше время – приходится иметь дело с ожесточенным отрицанием истины и самой даже идеи Живого Бога и Его необходимости для сердца человеческого. При всех темных сторонах, недостатках и ошибках язычество и иудейство древности были все же честным исканием Бога, честным желанием служить Ему, живым и деятельным воплощением жажды общения с Ним. А нынешнее неверие, нынешние всевозможные – и ученые, и невежественные, и противорелигиозные, и противонравственные заблуждения и беснования и вся жизнь общественная – не выражают ли в людях совершенно нежелания знать Бога, нежелания даже допустить бытие Его, а желание – напротив – совершенно освободиться от Него, обойтись без Него, с одними лишь успехами горделивого ума человеческого и культуры?!

В такие-то тяжелые времена, с послушанием приемля возлагаемое на меня волею Божиею новое служение в Церкви Христовой, смиреннейше прошу вас, богомудрые архипастыри, низведите мне вашими святительскими молитвами от Господа сил крепость и силу к достойнейшему прохождению сего великого служения! На главу, покорную зову Божию, да снидет всесильная благодать Духа Божия и да со творит во мне недостойном волю и силу Свою.
Аминь".

С приходом революции силы неверия, чья власть была хорошо знакома иерархам, со всей яростью обрушилась на Русскую Землю, особенно на Православную Церковь, само существование которой было угрозой программе большевизма и укором тем остаткам совести, что еще оставались в обезумевших атеистах. Пока был жив патриарх Тихон, у Церкви был видимый центр единства. Даже когда Патриарх был под арестом, когда отступники "Живой церкви" овладели большинством православных церквей России и "прогрессивная" Константинопольская Церковь признала эту синагогу сатаны Православной Церковью России, подняв ее международный престиж, верующие все-таки, оставаясь со своим Патриархом, оставались православными, и их верность Патриарху сама стала проверкой их православия, и именно это больше, чем что-либо другое, разрушило власть Живой Церкви.

Но со смертью патриарха Тихона в 1925 году ситуация осложнилась. В условиях гонений невозможно было созвать церковный Собор для избрания нового Патриарха, и, предвидя это, патриарх Тихон назначил трех ведущих иерархов, один из которых (который не был бы в тюрьме или ссылке) стал бы по смерти Патриарха Местоблюстителем Патриаршего Престола и охранял бы внешнее единство Церкви. Из этих трех иерархов только один – митрополит Петр Крутицкий – был на свободе, когда умер Патриарх, и специальным актом, подписанным более чем пятьюдесятью епископами, он был поставлен Первоиерархом Русской Церкви. Сам митрополит Петр назначил трех заместителей Местоблюстителя на случай, если его самого арестуют или убьют, и один из них был митрополит Иосиф (в то время архиепископ Ростовский), а другим – митрополит (позднее – патриарх) Сергей. Митрополит Петр был арестован через несколько месяцев за отказ подписать декларацию, по которой Церковь лишалась бы внутренней свободы и попала под власть богоборческого режима. С 1925 по 1927 год ни один кандидат не смог удержаться на его месте больше, чем несколько месяцев, затем следовал арест, и стало ясно, что советское правительство не успокоится, пока не заставит очередного претендента подписать декларацию, угодную режиму. Такого претендента нашли в лице митрополита Сергия, который 16 (29) июля 1927 года, после освобождения из тюрьмы, где был несколько месяцев, выпустил позорную декларацию, которая сделала его и его последователей фактически агентами советского государства.

Официальная советская газета "Известия", опубликовав 19 августа эту декларацию, отметила, что "дальновидная часть духовенства уже вступила на эту тропу в 1922 году", указывая на Живую Церковь. Так богоборческий режим преуспел в введении обновленчества в саму патриархийную Церковь, и результатом стал решительный протест ведущих иерархов Русской Церкви, которые, увидев, что митрополит Сергей был явно настроен навязать свою волю всей Церкви, скоро начали порывать с ним общение.

Таким образом, сразу же стало ясно, что декларация находилась в вопиющем противоречии с 34-м апостольским правилом, будучи провозглашенной "без согласия всех" епископов, будучи в действительности самостоятельным делом самого Сергея под диктовку богоборческого режима, и поэтому единственным правильным для Сергея церковным путем был отзыв декларации ввиду такого всеобщего неодобрения со стороны собратьев-иерархов. Однако вместо этого, как будто чтобы доказать, что он больше не считается с мнением Церкви, а стал послушным орудием режима, он начал вместе со своим неканоническим "синодом", создание которого выходило за пределы его полномочий как заместителя Временного Местоблюстителя, беспрецедентный перевод епископов из епархии в епархию и отлучал всех, кто не соглашался с ним, создавая, таким образом, послушную "советскую" Церковь.

Митрополит Иосиф, одним из первых протестовавший против декларации, был быстро "переведен" из Петрограда, куда он прибыл только к сентябрю 1926 года. По акту синода от 19 октября 1927 года "митрополит Иосиф считается переведенным в Одесскую епархию и предполагается, что не будет искать легкую возможность жить в Ростове, что вызвало бы волнения среди верующих и в Ленинграде, и в Ростове..." В ответ митрополит Иосиф процитировал те каноны, которые запрещают ненужный перевод епископов из города в город и отметил, цитируя каноны: "Если бы я даже разрешил проделать со мной такое, противоречащее Собору святых Отцов, то это распоряжение все же было бы "полностью неканоничным", и все, кто был переведен, да "будут возвращены в собственную церковь". Отдав это дело на усмотрение "суда Божия", он отказался ехать.

В это время, осенью 1927 года, митрополит Иосиф еще рассматривал свое дело как частный случай и, как он отмечал в одном из нижеследующих документов, он был готов с бесчестием, отлучением, уйти на покой, чтобы не быть в союзе с Сергием, он не имел никакого намерения быть втянутым в какой-то раскол.

Однако вскоре стало ясно, что его случай был лишь маленькой частью столкновений, которые заставили содрогнуться всю православную Россию. Ведущие епископы, бывшие еще на свободе и могшие судить об этом деле, пришли к выводу, что Сергей сам уклонился в раскол своей декларацией, и его деспотические акты направлены против Церкви, и они поспешили объявить о своем отделении от него в конце 1927 и начале 1928 годов. Митрополиту Иосифу все это время власти не разрешали обосноваться в своей епархии в Петрограде (Ленинграде), но уже в декабре 1927 года он благословил своих vicarных епископов отделиться от Сергея и сам, будучи в Ростове, подписал вместе с митрополитом Агафангелом и другими иерархами Ярославскими послание митрополиту Сергию от 6 февраля 1928 года, в котором было объявлено об их отделении от него, пока он не покается в своих ошибках, и непризнании вместе никакого главы Церкви, кроме изгнанного митрополита Петра.

Петроград в это время стал самым центром церковных протестов против Сергея, и в бывшей столице едва ли нашлась бы хоть одна православная душа, которая не мучилась бы вопросом, за кем следовать. Многие на какое-то время отказывались от

любой церкви, не зная где найти Церковь Христову и чьи таинства можно принять. После подписания послания ярославских архипастырей митрополит Иосиф смело вступил в борьбу за Церковь и дал свое благословение духовенству и верующим Петрограда последовать его примеру отделиться от Сергия, предлагая этому движению собственное духовное руководство и попечение и доверяя управление Петроградской епархией открыто противостоящему Сергию викарному епископу Димитрию Гдовскому. Благословляя "доброе решение ревнителей Христовой истины", он молился, "да сохранит всех нас в единомыслии и святой ревности духа в переживаемом Церковью новом испытании".

Но против духовного оружия воинов Христовых зло собрало все силы первого в мире сатанинского режима. Запрещения, сделанные митрополитом Сергием, стали сигналом для ГПУ арестовывать и изгонять несогласных епископов; даже многих, кто посещал собственно "легальные" церкви Сергия, власти не пощадили, и главным результатом политики сергианства, если процитировать рожденные горьким опытом слова Бориса Талантова, сказанные сорок лет спустя в СССР, стало то, что "своими действиями митрополит Сергий не спас ничего, кроме собственной шкуры". На русскую землю и на верующих опустилась темная ночь искупительных страданий. Сергианство было отвергнуто верующими. По словам того же Талантова, "к началу II Мировой войны... большая часть оставшихся церквей не признавала митрополита Сергия". Из более чем ста епископов, про которых было известно, что в 1943 году они еще были живы, Сергий мог найти только восемнадцать (большая часть из которых были новопоставленными), готовых избрать его в том году "патриархом".

Митрополит Иосиф, благодаря своим решительным словам и действиям и своему положению одного из заместителей Временного Патриаршего Местоблюстителя, стал фактически главой движения за отделение, действуя от имени изгнанного Временного Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра, про несогласия с сергианами которого какое-то время не было известно. Такими мощными были влияние и пример митрополита Иосифа, что все, кто следовал за ним, стали называться иосифлянами, и до сегодняшнего дня все, кто защищает сергианство в Московской Патриархии, относятся к этому движению приверженцев Православия как к "иосифлянскому расколу".

В то время были сергиане, как и сейчас они есть, которые, хоть и признают, что на сторону иосифлян перешли лучшие из духовенства и верующих, тем не менее обвиняют их и порицают за "гордость", с которой они верили, что представляют истинную Русскую Православную Церковь. Действительно, высказывания митрополита Иосифа исключительно откровенные, абсолютно бескомпромиссные в принципе и нелицеприятные. Но те, кто находят "гордость" в таких словах, возможно, просто не осознают критического положения дел в то время. Когда Церковь предается и верующие в растерянности, не время для комплиментов и вежливых "диалогов" или для того, чтобы "симпатию" ставить выше истины. Для мужественных душ понимание того, что каждое слово может привести к тюрьме и смерти только подстегивает их смелое желание говорить правду без всяких приукрашиваний. И так это всегда было в Церкви Христовой. Ее защитники прославляются как герои. Что примечательно, полемика митрополита Иосифа и его последователей снова возникла в Советском Союзе в сочинениях Бориса Талантова и других откровенных критиков сергианской иерархии. Для сравнения, критика сергианства в русской эмиграции совершенно мягкая и безобидная.

Митрополит Иосиф сам был очень скоро арестован и сослан в ссылку в Среднюю Азию. Даже в изгнании и тюрьме власти преследовали религию и запрещали службы, и

так было по всей Русской Земле, в этом огромном концлагере, в период после 1927 года, когда "иосифляне" трансформировались в катакомбную Церковь. В полной мере о подвигах и страданиях этой Церкви будет известно только когда Богу будет угодно. Но и до этого страстно ожидаемого времени есть возможность поведать о некоторых фрагментах ее истории.

Следующий рассказ был написан собственноручно княгиней Натальей Владимировной Урусовой, которая смогла бежать из Советского Союза во время II Мировой войны и умерла в 1968 году в Нью-Йорке.

"В августе 1936 года в Алма-Ате жил относительно молодой архимандрит Арсений. От него я впервые узнала, что существует тайная катакомбная Церковь, возглавляемая митрополитом Иосифом Петроградским и организованная им по благословению митрополита Петра Крутицкого, с кем он, живя в изгнании в Чимкенте, в 150 километрах от Алма-Аты, все время поддерживал тайную связь. Архимандрит Арсений был посвящен митрополитом и имел возможность поддерживать его материально, зарабатывая на жизнь производством разных манекенов и вещиц для музеев. У него была глубоко под землей церковь, и в ней служили он и митрополит Иосиф. Митрополит во время одной из своих редких поездок в Алма-Ату тайно освятил ее. Отец Арсений долго и тяжело трудился, чтобы выкопать помещение для этой церкви. Мы очень уважали архимандрита Арсения, тем более что его любил митрополит Иосиф, и через отца Арсения мы могли связываться с митрополитом. В то время тот жил в Чимкенте. А до этого, в самом наеле ссылки, он жил в маленьком городке Аулиета, где ему не разрешили жить в комнате, а поселили в сарай со скотиной, где его кровать отделялась от животных перегородкой из кольев. Подземная церковь была в жилище архимандрита Арсения. На крышке от входа лежал коврик, под крышкой – лесенка в погреб. В одном углу погреба был лаз в земле, закрытый камнями. Камни сдвигались в сторону, и, согнувшись в три погибели, нужно было пройти три шага вперед и войти в крошечную церковь. Там было много икон, и горели лампы. Митрополит Иосиф был очень высокий, и тем не менее он дважды на моих глазах проделывал путь в эту церковь. Эта церковь создавала особое состояние души и разума, но я не скрываю, что страх быть обнаруженными во время служб, особенно ночью, трудно было победить. Когда во дворе начинал лаять большой, привязанный цепью пес, то его лай, хоть и приглушенный, все же слышно было под землей, и все тогда ждали крика и стука в дверь агентов ГПУ. Весь 1936 год и в 1937 году до сентября все было в порядке. Мой сын пел там с одной монахиней. 26 августа в мои именины приехал и почтил нас своим присутствием митрополит Иосиф. Какой замечательный, смиренный, стойкий молитвенник! Это, как в зеркале, отражалось в его лице и глазах. Очень высокий, с большой белой бородой и необыкновенно добрым лицом, он не мог не привлекать к себе, и хотелось никогда с ним не расставаться. Его церковное одеяние и длинные волосы были сверху прикрыты, иначе бы его немедленно арестовали прямо на улице; он был под наблюдением и не имел права куда-нибудь выезжать. Он сам говорил, что патриарх Тихон сразу же после своего избрания предложил назначить его первым своим заместителем. По какой-то причине это не было записано нигде в истории института временно заменяющих. Он признал митрополита Петра Крутицкого законным главой Церкви и до ареста последнего в сентябре 1937 года поддерживал с ним тайную связь, хотя ходили слухи повсюду, что митрополит Петр умер. Митрополит Иосиф просидел с ним за чаем больше часа. Он рассказал, что жить ему в почти десятилетней ссылке было исключительно тяжело. Он жил в сарае со свиньями, спал на досках, отгороженных несколькими кольями от животных. В этих условиях ему пришлось там терпеть и холод, и жару, и любую погоду, и зловоние. Однажды змея

спустилась по столбу с крыши прямо к его голове. Очевидно, такие условия и были причиной его болезни. Временами он жестоко страдал от приступов язвы, а, может быть, у него была какая-то опухоль внутри, возможно, и злокачественная, и он был на диете, которую ему помогал соблюдать архимандрит Арсений. Он все переносил с терпением праведника и, если рассказывал о своих трудностях, то только потому, что мы все рассказывали о жестокостях ГПУ.

"Отец Арсений рассказывал здесь об одной из форм пыток и издевательств. Когда нас провозили через Сибирь, стоял жестокий мороз. В поезде был банный вагон. Нас, совершенно голых, гнали через все вагоны в эту баню. Мы с радостью обливались горячей водой и немного согревались, поскольку и сами вагоны почти не отапливались. Не давая нам ничего, чтобы вытереться, с мокрыми головами, нас гнали обратно. На сцепках между вагонами нас специально останавливали, и наши мокрые ноги мгновенно примерзали к металлу. По команде двигаться мы с кровью отдирали от пола свои примерзши ступни..."

На следующий день, переночевав у отца Арсения, митрополит вернулся в свой город. Сейчас он жил в других условиях. Ему после нескольких лет было разрешено подыскать себе жилье в Чимкенте. Архимандрит Арсений устроил для него спокойную, тихую квартиру, следил за его питанием, не столько за количеством, а чтобы соблюдалась диета. Ему достали сначала цитру, а потом гармонь, и для митрополита, который был хорошим музыкантом, это была большая радость. Он положил на музыку псалмы и пел их.

23 сентября 1937 года в Алма-Ате и по всему Казахстану прошли аресты священников подпольных иосифлянских церквей после того, как сроки их ссылок за отказ признавать советские церкви закончились. Всех их приговорили еще к десяти годам без права переписки, и, как я позднее узнала, митрополит Иосиф тоже был среди них. Арестовали и архимандрита Арсения. После ареста моего сына, который был при мне, я побежала на рассвете к отцу Арсению и около его дома увидела автомобиль и входящих в дом агентов ГПУ. Меня они, к счастью, не увидели. Открыта была подземная церковь отца Арсения. Он однажды неосторожно поведал свой секрет внушающему по виду доверие пожилому человеку, а тот оказался связан с ГПУ. Вернувшись в Москву после моей трехлетней добровольной ссылки с сыном, я скоро узнала о существовании здесь тайных иосифлянских церквей, правильно сказать, не церквей, а служб в секретных помещениях, где иногда собирались 20-25 человек. Службы проводились шепотом, верующих строго проверяли, поскольку была возможность предательства. Люди приходили обычно на рассвете по условному сигналу. Они обычно осторожно стучали по водосточной трубе у окна, где кто-нибудь стоял и слушал. До прихода немцев в Можайск в 1941 году я мирно жила в этом городе и ездила на тайные службы в Москву".

В конце 1937 года митрополит Иосиф был казнен расстрельной командой за свое "преступление" – поддержку колеблющихся священников. За годы до этого он духовно подготовился к мученичеству. В своем "Дневнике инок", статье, опубликовано в сентябре 1905 года, он писал: "... любите врагов ваших (Лк. 6, 35). Сказать это просто, но – как трудно это сделать! Это гораздо выше, чем просто любовь к ближнему. Это высший триумф любви, истинное ее проявление, великолепнейшее выражение... Чтобы чье-то сердце могло воспламениться любовью к врагу, должно быть особое молитвенное состояние души, особый, небесный настрой сердца, должно быть это невыразимое и неопишное качество, которое переполняло душу первомученика Стефана, когда он, побиваемый камнями, с ангельски сияющим лицом молился за

своих убийц: "Господи! Не вмени им греха сего" (Деян. 7, 60). О, в этот великий для него момент как мало значило для него все земное! Что ему были палачи? Перед ним были открыты Небеса, Сын Божий одесную Отца; небесная слава лилась в его душу и наполняла ее невыразимым восторгом, и палачи со всей их жалкой злобой не только не могли этому помешать, но даже этому помогли; в этот момент они были даже, как бы то ни было, его благодетелями, ускоряющими его уход из тела и полное растворение его души в этих океанах небесного восторга и блаженства... В этот блаженный момент мог ли истязаемый страдалец звать иначе, чем голосом, полным любви к своим врагам?!"

Пример этого бесстрашного исповедника и воина Церкви Христовой не пропал напрасно. После самого патриарха Тихона имя митрополита Иосифа становится символом цельности и истинности Православной Русской Церкви. Даже после полувека террора и предательства истинная Православная Русская Церковь, хоть и тайная, не была побеждена. И до наших дней можно точно называть эту катакомбную Церковь или Церковью "тихоновцев", или Церковью "иосифлян", но точнее всего ее известное даже советским властям название – Истинно-Православная Церковь.

В следующей статье, взятой из "Атеистического словаря" (Москва, 2-е изд., 1966 г.), практическом руководстве для антирелигиозных агитаторов, можно видеть за преувеличениями и измышлениями советского разума истинную исповедническую Православную Церковь сегодняшней России. В этой статье можно также заметить, что сами Советы хорошо осведомлены об исторической преемственности, так как они датируют возникновение Истинно-Православной Церкви 1922-26 годами, то есть при патриархе Тихоне и его последователях; в то время как сергиане, как точно указали в 1927 году "Известия", ведут свое происхождение от "Живой церкви" того же периода.

"Истинно-Православная Церковь (ИПЦ). Православно-монархическая секта, берущая начало в 1922-26 годах, которая была организована в 1927 году, когда митрополит Сергей провозгласил принципы лояльного отношения к советской власти. Монархические элементы, объединенные вокруг ленинградского митрополита Иосифа (Петровых), или иосифляне, в 1928 году создали направляющий центр ИПЦ и объединяли все группы и элементы, которые выступали против советских порядков. ИПЦ имела в стране поддержку среди кулаков и вместе с другими антисоветскими элементами выступала против коллективизации и организовывала террористические акты против партийных и советских деятелей, восстания и так далее. Она направляла в деревни множество монахов и монахинь, которые бродили по сельской местности, распространяя антисоветские слухи. ИПЦ была широко разветвленной монархическо-восстанческой организацией. В ее составе были 613 священников и монахов, 416 кулаков, 70 бывших царских чиновников и офицеров. Более фанатичные члены, юродивые, выдающие себя за пророков, святых, целителей, членов императорской семьи, распространяя монархические идеи, вели пропаганду против руководства Православной Церкви, призывали народ не подчиняться советским законам.

Главные характеристики секты: 1) отрицание Православной Церкви, возглавляемой патриархом как продавшейся антихристу, миру; 2) признание каноническими только тех священников, которые были посвящены последователями Тихона; 3) одобрение православных обрядов; 4) пропаганда приближающегося "конца света"; 5) культ членов императорской семьи Романовых – их портреты хранятся как святыни, и верующие тайно отдают им почести; 6) принятие имен царя и его родственников руководителями секты; 7) хранение и распространение контрреволюционной монархической литературы; 8) основание в домах катакомбных церквей и монастырей. Институт

священничества сохранен, но во многих местах определенные обряды проводятся обычными верующими. По большим религиозным праздникам члены этой секты собираются у так называемых источников (озера, ручьи и т.п.), где ведут пропаганду различные ясновидящие, предсказатели, юродивые во Христе, которые особо почитаются в секте. Стараясь оградить членов секты от влияния советской действительности, руководители секты, чтобы запугать верующих, используют миф об антихристе, который предположительно правит миром с 1917 года. Поэтому, чтобы не попасть в его сети, христианам следует вести закрытый, отшельнический образ жизни, проводить все свободное время в молитве, не принимать участия в общественной жизни".

Советская пресса в последние годы привела достаточно свидетельств существования истинной Православной Церкви. Существование это нелегальное, и ее члены "приветствуются" правящим режимом как преступники. По необходимости ее основным принципом стало наставление митрополита Иосифа своим сторонникам в 1927 году: "Управляйтесь самостоятельно", и члены ее, как он и предвидел, "не только не епископы и не священники, а самые простые смертные".

Существование этой катакомбной Церкви сегодня – это, конечно, сигнал мировому Православию: век расцвета Православия в прошлом, век ухода в катакомбы приближается. В России эта истина более чем очевидна; среди многочисленных ее доказательств, возможно, самое впечатляющее – это история храма Христа Спасителя в Москве. Когда-то великолепный храм, памятник охранению Божию Русской Земли в 1812 году и явный символ веры всего народа, он был полностью разрушен советами, и до сегодняшнего дня на его месте не было ничего построено, и он остается зияющей дырой в центре столицы всемирного атеизма. Удивительное свидетельство его значения для русских людей даже сегодня можно найти в новелле "Искушение" советского писателя Юлия Даниэля; хотя сам он не был верующим, его наблюдения раскрывают нечто глубинное в недрах советской жизни. "Я встретил Мишку Лурье у станции метро "Дворец Советов" рядом с дощатым забором, окружающим раскоп. Интересно, здесь что-нибудь построят, или эта дыра так и останется памятником взорванному храму Христа Спасителя? Сколько лет уже торчат здесь эти доски, все афишами обклеены. "Мишка, когда эту церковь взорвали?" "Какую церковь? А, в 34 году..." Церковь взорвали 29 лет назад. Вопреки поговорке, святое место остается пустым. Конечно, я не спорю, от церкви пользы нет нисколько, это архитектурные памятники, не больше того, но все же... Взорвали Бога, а взрывная волна ранила человека, контузила его. Глухота, немота... Из-под повязки, из-под статей о гуманизме течет гной..." (Автор сейчас в тюрьме.)

Сейчас тот, кто ищет в Советском Союзе Церковь, находит дыру в земле, глубокую рану в православном русском народе, которую не спрячешь за фальшивым фасадом Московской Патриархии. А намного ли отличается ситуация в свободном мире? Здесь добровольное отступничество, обновленчество и ересь достигли во многом такого же результата, как и насилие атеистического режима в СССР. За блестящим фасадом почти всех свободных Православных Церквей с их триумфом экуменизма – такая же зияющая дыра в земле, вся бездна разницы, которая существует между официальными отступниками и простыми смертными – спасительными остатками православных верующих во многих странах. Уже сейчас эти верующие уходят в добровольные катакомбы отделения от иерархов-экуменистов-еретиков, собираясь вокруг немногих оставшихся истинно православных епископов. Таким образом Небесный Глава Церкви готовит их к большим испытаниям, которые, видимо, им предстоят. Пророчество святого прозорливого старца Игнатия Харбинского, сделанное около тридцати лет назад, больше не кажется относящимся к далекому прошлому: "Что началось в России,

закончится в Америке".

Но если такие ужасные дни действительно наступят для нас, то даже православная Америка, такая слабая, неискушенная, такая наивная, имеет все необходимое, чтобы встретить эти дни, – пример митрополита Иосифа и истинно православных христиан первой страны, которая испытала страшное иго сатанинского атеизма.

Святой новомученик Иосиф и все новомученики коммунистического ига, молитесь Бога о нас!

Послания митрополита Иосифа.

Ниже следуют главные послания, которые дошли до нас от первого главы катакомбной Церкви и которые демонстрируют его бесстрашную антисергианскую позицию при первом появлении сергианства.

Резолюция в поддержку Петроградских викариев.

(Документ от 25 декабря 1927 г.)

Для осуждения и обезвреживания последних действий митрополита Сергия, противных духу и благу Св. Христовой Церкви, у нас, по нынешним обстоятельствам, не имеется других средств, кроме как решительный отход от него и игнорирование его распоряжений. Пусть эти распоряжения приемлет одна всетерпящая бумага да всевмещающий бесчувственный воздух, а не живые души верных чад Церкви Христовой.

Отмежевываясь от митрополита Сергия и его деяний, мы не отмежевываемся от нашего законного первосвятителя митрополита Петра и когда-нибудь да имеющего собраться Собора оставшихся верных Православию святителей. Да не поставит нам тогда в вину этот желанный Собор, единый наш православный судья, нашего дерзновения. Пусть он судит нас не как презрителей священных канонов святоотеческих, а только лишь как боязливых за их нарушение. Если бы мы даже и заблуждались, то заблуждались честно, ревнуя о чистоте Православия в нынешнее лукавое время, и если бы оказались виновными, то пусть окажемся и особо заслуживающими снисхождения, а не отвержения.

Итак, если бы нас оставили даже все пастыри, да не оставит нас Небесный Пастырь, по неложному Своему обещанию пребывать в Церкви Своей до скончания веков.

Обращение к петроградской пастве.

(Написано 2 марта 1928 года в Ростове.)

Архипастыри Ярославской Церковной области – Агафангел, Митрополит Ярославский, Серафим, Архиепископ Угличский, бывший заместитель патриаршего местоблюстителя, Архиепископ Варлаам, бывший Псковский, Управляющий Дашедовским викариатством Ярославской епархии и Преосв. Евгений Епископ Ростовский – особым актом объявили о своем отделении от Митр. Сергия и о

самостоятельном отныне управлении вверенными им от Бога паствами. Акт, подписанный 27 января (9 февраля), настолько вызывается обстоятельствами времени и настроением верующих масс народа, и настолько обстоятельно обосновывает данное отделение, что я, проживающий в Ярославской области принял в нем участие и скрепил своею подписью.

Таким образом, все распоряжения Митр. Сергия отныне для нас не имеют никакой силы. Это дает мне основание вновь опротестовать свое незаконное удаление от Ленинградской паствы и требовать канонически правильного решения этого вопроса надлежащим судом Православных епископов. А до такого решения я считаю себя не в праве предоставить вверенную мне паству (по смыслу 16 правила Двукратного Собора) произволу неполюющихся нашим доверием Церковных администраторов, а перед Господом Богом и своею совестью приемлю долг принятия мер к умиротворению смущенной и взволнованной своей паствы. Для сего призываю прежде всего моих викарных епископов к единомысленному со мною служению Ленинградской пастве. Преосвященному Епископу Гдовскому Димитрию передаю временное управление Ленинградской епархией. Преосвященного Григория прошу также продолжать служение в св. Александровской Лавре в звании ее единомысленного со мною наместника.

Пастырей и всех верующих, призывая на них Божие благословение, прошу и молю довериться нашему руководству и архипастырскому попечению, мирно и тихо продолжая дело молитвы, душевного спасения и Богослужения, смиренно повинуюсь гражданской власти, не находящей пока возможности допустить мое недостойнство до непосредственного молитвенного общения со вверенной мне паствой, буду, находясь вдали, в постоянной молитвенной о ней памяти и попечении, прося возносить и мое имя за Богослужением по установленному порядку. Да услышит Господь наши общие стоны и да благословит миром и тишиною нашу многострадальную Церковь.

Письмо к одному Петроградскому архимандриту.

(Февраль 1928 г.)

Дорогой отче!

До последнего времени я думал, что мой спор с митр. Сергием окончен и что, отказавшись дать себя принести в жертву грубой политике, интриганству и проидам врагов и предателей Церкви, я смогу отойти спокойно в сторону, добровольно принеся себя в жертву протеста и борьбы против этой гнусной политики и произвола. И я был совершенно искренен, когда думал и говорил, что "ни на какой раскол я не пойду" и подчинюсь незаконной расправе со мной – вплоть до запрещения и отлучения, уповаю на одну правду Божию.

Но оказалось, что жизнь церковная стоит не на точке замерзания, а клокочет и пенится выше точки простого кипения. Мое "маленькое дело" вскоре же оказалось лишь малой крупницей столь чудовищного произвола, человекоугодничества и предательства Церкви интересам безбожия и разрушения этой Церкви, что мне осталось удивляться отселе не только одному своему покою и терпению, но теперь уже приходится удивляться и равнодушию и слепоте тех и других, которые еще полагают, что попустители и творцы этого безобразия творят дело Божие, "спасают" Церковь, управляют Ею, а не грубо оскорбляют Ее, издеваются над Нею, вписывают себя в число

Ее врагов, себя откалывают от Нее, а не они откалывают тех, которые не могут терпеть далее этой вакханалии грубого насилия и безобразно-кощунственной политики.

Может быть я терпел бы и это. Моя-де хата с краю, как теперь Ваша. Но, дорогой отче, я вдруг с особой болью стал чувствовать себя в значительной мере ответственным за нечестия Церкви. Ведь, как Вам не безызвестно, – я один из Заместителей Патриаршего Местоблюстителя, который связан страдальческим долгом не просто заменить арестованного предшественника, но быть ему и свободным предостережением на случай замены при возможности его духовного падения.

Конечно, такое падение должно бы в нормальных условиях жизни церковной, сопровождаться и судом и соборным решением. Но какой суд и соборное решение возможны теперь, при настоящих условиях?! И каким судом и соборным решением со мной, с архиереем, учинена расправа, допустимая по правилам лишь при большом грехе с моей стороны?! Почему же, требуя суда и соборного решения в одном случае, Вы допускаете отсутствие их в другом?!

Не есть ли такой аргумент тоже благодарный материал для отдела несообразностей в логическом задачнике?! Погодите, придет, мы надеемся, время, когда будут говорить о наших событиях и перед Судом. И кто тогда будет более обвиняемым, еще большой вопрос.

А пока дело обстоит так: мы не даем Церкви в жертву и расправу предателям и гнусным политикам и агентам безбожия и разрушения. И этим протестом не сами откалываемся от Нее, а их откалываем от себя и дерзновенно говорим: не только не выходили, не выходим и никогда не выйдем из недр Истинной Православной Церкви, а врагами Ее, предателями и убийцами считаем тех, кто не с нами и не за нас, а против нас.

Не мы уходим в раскол, не подчиняясь митр. Сергию, а Вы, ему послушные, идете за ним в пропасть церковного осуждения. Мы зовем Вас и укрепляем ваши силы на борьбу за независимость Церкви, только совсем не так, как Вы полагаете должным. Не согласимся с поработителями этой Церкви и убийцами Ее святой независимости, выявляющейся сейчас в Ее святом бесправии, а громким и решительным протестом против всякого соглашательства, лицемерных и лживых компромиссов и предательства интересов Ее интересам безбожного мракобесия и ожесточенной борьбы со Христом и Его Церковью.

Неужели Вы не видите несогласимое ничем противоречие и несообразность в Вашей дилемме: "Снимаете ли Вы с нас послушание Вам тем, что уходите в раскол, или, подчиняясь Митр. Сергию, укрепляете и в нас силы на борьбу за независимость Св. Церкви?" Я уйду в раскол?! Подчинение Сергию – борьба за независимость Церкви?! Милый мой! Да над этим посмеется любая ленинградская старуха!

Может быть, не спорю, "вас пока больше, чем нас". И пусть "за мной нет большой массы", как Вы говорите...

Но я не сочту себя никогда раскольников, хотя бы и остался в единственном числе, как некогда один из святых исповедников. Дело вовсе не в количестве, не забудьте ни на минуту этого: Сын Божий "когда вновь придет, найдет ли вообще верных на земле?" И может быть последние "бунтовщики" против предателей Церкви и пособников Ее разорения будут не только не епископы и не протоиереи, а самые простые смертные, как и у Креста Христова Его последний страдальческий вздох приняли немногие

близкие Ему простые души.

Итак, дорогой отче, не судите меня строго, особенно Вашим Вальсамоном. Полагаю, что он был далеко не то, что сами авторы Святых Правил, в понятном каждому смысле и без особых толкований... и что, во всяком случае, этот Вальсамон не может быть авторитетным и верным толкователем наших событий, непредусмотренных никакими толкованиями и правилами.

Не судите же меня так строго и четко усвойте следующее:

1. Я отнюдь не раскольник, и зову не к расколу, а к очищению Церкви от сеющих истинный раскол и вызывающих его.
2. Указание другому его заблуждений и неправоты не есть раскол, а, попросту говоря, введение в оглобли разнуздавшегося коня.
3. Отказ принять здравые упреки и указания есть действительно раскол и попрание истины.
4. В строении церковной жизни участники – не одни только верхушки, а все Тело церковное, и раскольник тот, кто присваивает себе права, превышающие его полномочия, и от имени Церкви дерзает говорить то, что не разделяют остальные его собратия.
5. Таким раскольником показал себя митр. Сергей, далеко превысив свои полномочия и отвергнув и презрев голос многих других святителей, в среде которых и сохраняется чистая Истина.

Вскользь Вы упоминаете, что в числе путей к истине "Христос указал нам еще один новый путь: да любите друг друга", каковой путь, по-видимому, Вы считаете мною упущенным из виду при моих действиях. На это я Вам напоминаю, отче, дивное заключение Митр. Филарета в слове о любви к врагам: "Гнушайтесь убо врагами Божиими, поражайте врагов отечества, любите врагов ваших" (Т. I, с. 285. Слово в Неделю 19 по Пятидесятнице. См. еще Апостола любви (2 Ин. 1, 10-11)).

Защитники Сергея говорят, что каноны позволяют отлагаться от епископа только за ересь, осужденную собором; против этого возражают, что деяния митр. Сергея достаточно подводятся и под это условие, если иметь ввиду столь явное нарушение им свободы и достоинства Церкви, Единой, Святой, Соборной и Апостольской.

А сверх того, каноны ведь многое не могли предусматривать.

И можно ли спорить о том, что хуже и вреднее всякой ереси, когда вонзают нож в самое сердце Церкви, – Ее свободу и достоинство? Что вреднее: еретик или убийца?

"Да не утратим помалу, неприметно, той свободы, которую даровал нам Кровью Своею Господь наш Иисус Христос, Освободитель всех человеков" (8 Правило III Вселенского Собора).

Источники. "Documents" and Urusova (p. 17), from Protopresbyter M. Polsky, Russia's New Martyrs, vol. 2, Jordanville, N.Y., 1957. pp. 1-10; writings of Metr. Joseph: Dushopolyeznoye Chteniye, 1901, 1905, 1906; address on consecration (p. 11): Appendix to Tserkovnie

Vedomosti, с. 1909, no 13-14, pp. 601 ff; Yuly Daniel (Nikolai Arzhak), Iskupleniye, Inter-Language Literary Associates, N.Y., 1964, p. 17. – "Документы" и Урусова (стр. 17) из протопресвитера М. Польского "Новые мученики Российские", т. 2, Джорданвилль, Нью-Йорк, 1957 г., стр. 1-10; сочинения митрополита Иосифа – "Душеполезное чтение", 1901, 1905, 1906; обращение о посвящении (стр. 11) – приложение к "Церковным ведомостям", 1909, № 13-14, стр. 601 и далее; Юлий Даниэль (Николай Аржак) "Искупление" – литературное содружество "Интер-лингва", Нью-Йорк, 1964 г., стр. 17.

8. Епископ Иерофей и иеросхимонах Серафим

8.

Епископ Иерофей и его друг иеросхимонах Серафим.

Память 16/29 мая (+ 1928 г.)

"Пастырь добрый полагает жизнь свою за овец" (Ин. 10, 11).

Первый мученик катакомбной Церкви, умерший за чистоту веры Христовой в самом начале нечестивого сергианства, был молодой и ревностный иерарх, хорошо знакомый патриарху Тихону – епископ Иерофей (Афонин), епископ Никольский, викарий Великоустюжской епархии. Земля его мученичества, северные равнины России, когда-то полные монахов-подвижников "Северной Фиваиды", снова полны святыми, но теперь мучениками и исповедниками Церкви Христовой.

Епископ Иерофей был очень любим и почитаем паствой. Его откровенность и его отказ подчиниться митрополиту Сергию и его новой церковной политике или молиться о

богопротивном советском государстве за Богослужениями привели его к мученическому венцу. В мае 1928 года, когда его пришли арестовывать, собралась толпа народа и не дала это сделать. Без дальнейших церемоний его убили выстрелом в голову. Так, упав мертвым в руки любящей его паствы, священномученик буквально исполнил слова Христовы, которые только что процитировал в послании своем к верующим: "Добрый Пастырь душу Свою полагает за овцы". И, как избранная жертва, он отправился прямо к Престолу Господню, к Первому Небесному Заступнику катакомбной Церкви, члены которой с этого времени должны были проходить через жесточайшие страдания и испытания, но тем не менее умножались в числе и стали единственными носителями чистоты Православной Церкви в России.

У епископа Иерофея был молодой друг – отец Серафим. Вот описание его жизни в изложении одной его родственницы – Елены Юрьевны Концевич.

"Отец Серафим родился в 1897 году и был назван Сергеем. Он провел детство в Петербурге, где его отец, Константин Военский, был главным хранителем и историком в архивах Министерства публичного образования. Странно, но было что-то схожее между семьей Военских и семьей Карамазовых из романа Достоевского. Отец семейства, с детства ведя свободный образ жизни, отличился легкомыслием, а его жена Ольга, раздраженная его поведением, постоянно с ним воевала, что приводило к неприятным сценам, так что атмосфера в доме была очень тяжелой. Это вредно сказывалось на хрупком и впечатлительном мальчике. Он рано понял, что отец его живет под властью своих страстей. Сергей не хотел быть похожим на него. Поэтому начал развивать силу воли. Он читал книги по этой теме, спал на голом полу и даже собирался попробовать йогу. А потом он как-то поехал на Валаам. Великолепие великого монастыря произвело на него глубокое впечатление, душа его нашла здесь свое прибежище. Он стал часто совершать паломничества на Валаам. Он даже уговорил поехать туда своего отца, и там совершилось чудо: отец его бросил курить, чего не в состоянии был сделать всю жизнь. В 1917 году Сергей окончил военную академию. Вихрь революции разметал членов его семьи: отец его закончил свою жизнь на Мальте, а Сергей с матерью оказался в городе Никольске, где они поселились в доме священника и жили в нищете. Здесь произошла очень важная для Сергея встреча с молодым епископом Иерофеем. Епископ рукоположил его во священника, и он стал служить на приходе. Между тем свирепствовавшая революция начала уничтожать священников. Епископ Иерофей представил отца Сергия патриарху Тихону уже как кандидата в епископа. Патриарх вызвал его в Москву. Отец Сергей поехал, встретился с Патриархом, а по возвращении в Никольск был арестован. В тюрьме он перенес обычные пытки, которыми атеистический режим мучил священников. У него развился туберкулез. Его, наконец, отпустили из тюрьмы "умирать дома", что действительно случилось очень скоро, в 1923 году, когда ему было всего 26 лет. На смертном одре его друг епископ Иерофей постриг его в великую схиму с именем Серафим и похоронил по церковному уставу. Я в первый раз встретила отца Серафима в 1915 году. Он был тогда студентом Сергеем и близко дружил с моим братом, учившимся в школе в Петербурге. Он был невысокий, стройный молодой человек с темными волосами и необыкновенно добрым и привлекательным лицом. У него были красивые темно-синие глаза. В нем было что-то не от мира сего. Когда пришло известие о смерти отца Серафима, я написала его отцу: "Дорогой дядя Костя, какой Вы счастливый. Вы – отец святого. В день Вашей смерти он придет за Вами и заберет Вас в ту страну, где он сейчас, где не будет слез или скорби, а вечная радость".

О, Господи, даруй отдых праведным душам рабов Твоих епископа Иерофея и иеросхимонаха Серафима и их молитвами даруй нам силу до последнего дыхания исповедовать истинное Православие. Аминь.

Послание Иерофея, епископа Никольского.
(Документ от 12 января 1928 года.)

Всем о имени Господнем соработникам на ниве духовной, причту и мирянам В.-
Устюжской епархии.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

"И дай нам едиными устами и единым сердцем славить пречестное и великолепное Имя
Твое".

Дорогие пастыри и верные чада Церкви Православной!

Вы знаете, что без единства нет спасения. Организм Церкви един: Христос – глава
Церкви; очи, уста, руки и ноги – это пастыри и учителя, а тело Церкви – все верующие
в Господа нашего Иисуса Христа.

Все тело движется одним духом и живет одним сердцем. Часть тела, не питающаяся
кровью сердца, – отпадает и погибает. Так отпали на ваших глазах обновленцы от
Церкви: они не захотели сообщаться первейшему в Церкви лицу, святейшему
патриарху Тихону, и теперь разлагаются понемногу, как негодная рука или нога,
отрезанная и брошенная в землю.

После обновленцев-"живоцерковников" отказались от единства Церкви
"автокефалисты", последователи архиеп. Григория Екатеринбургского (григориане), не
признавшие местоблюстителя митрополита Петра. Ныне единство Церкви нарушил
митроп. Сергей, заместитель митроп. Петра. Пока он был верным стражем порученного
ему патриаршего престола – вся Церковь считала его своим руководителем, а когда он
предпринял вольные начинания, не одобряемые ни народом церковным, ни собором
епископов, ни благословением митрополита Петра, – то никто не обязан идти путем его
заблуждений.

Так, во время живоцерковного обновленчества все истинные чада Церкви отложились
от обновленческого собора 1923 г. и их синода и постепенно объединились около
святейшего патриарха и епископов, имевших церковное общение с ним. Так и ныне
митрополиты Петр и Кирилл, митрополиты Иосиф Ленинградский, Арсений
Новгородский, Агафангел Ярославский, Арсений, викарий Московский, бывш.
Серпуховской (на покое), архиепископ Серафим Угличский, архиеп. Афанасий
Киевский, епископы: Дмитрий Гдовский, Виктор Воткинский, Серафим бывш.
Дмитровский (Звездинский, на покое), Иринарх Велико-Устюжский, епископы
изгнания и много других, а также группа столичного духовенства и делегации
уполномоченных от общин верующих, в различных формах заявляют митр. Сергию о
своем несогласии с ним и отложении от него.

Одни из них заявляют, что Сергей простер к патриаршему престолу руки, стремящиеся
опрокинуть его, т.к. в состав синода вошли лица, которым Церковь не доверяет.

Другие говорят, что Сергей внес политический уклон в церковную жизнь.

Третьи указывают, что митрополит Сергей избрал кривой путь дипломатического

хитрословия, соглашений и уступок – будто бы для спасения Церкви – и оставил прямой, но скорбный путь креста, т.е. терпения и твердости.

Наконец, он употребил обман, назвав свой синод православным и патриаршим, тогда как он устроен с попранием канонов Церкви: митроп. Петр, местоблюститель, не дал согласия на это дело, как не благословленное самим святейшим еще в 1924 г. Что не могли сделать живоцерковники и григорианцы, то сделал очень хитро митр. Сергей, связав Церковь с гражданской властью, выражая духовную покорность последней.

Декрет об отделении Церкви от государства для Сергея и его последователей не существует. Посему, для достижения своих планов, митр. Сергей, нарушая 9-е правило Халкидонского собора, пользуется даже не церковной силой. И сознавая ответственность перед Богом за врученную мне паству, я заявляю 10/23 янв. сего года епископу Софронию, назначенному на В.-Устюжскую кафедру от синода, что моя никольская паства и духовенство, кроме соборного причта, отвергнутого народом, не могут принять его, т.к. отложились от Сергея и от синода.

С другой стороны, я сообщил митрополиту Иосифу, что канонически присоединяю к нему духовенство и мирян Велико-Устюжской епархии, по благословению владыки Иринарха, законным заместителем которого я являюсь в настоящее время по всей В.-Устюжской епархии.

Много пришлось мне потерпеть всякой клеветы и скорби за свои архипастырские труды на благо Церкви. Если правила апостольские говорят, что клирики ничего не могут творить без воли своего епископа, то моя воля, выраженная в настоящем послании, тем более достойна всякого приятия. Но, желая слышать от вас, дорогие чада, что вы единокорны и единомысленны со мной, а также уважая свободу вашего самоопределения (см. Норм. устав общины), предлагаю огласить и обсудить мое послание на собраниях верующих, дабы все знали положение дела и свободно пришли в единение со мной, оставаясь верными патриаршему местоблюстителю, митрополиту Петру и всей Православной Церкви Русской, о чем прошу прислать мне письменное постановление.

Открыто выступили против меня и распространяют всякие злохуления, клеветы и нелепости лишь члены причта Никольского Сретенского собора и священник из обновленцев Сергей Аранович (Кудрило), да прот. Иоанн Голубев (Шанго). Они написали на меня необоснованные жалобы в синод, а прот. Михаил Красов (Вохма) лично отвез их в Москву; за что они запрещены в служении и находятся со мной в каноническом и молитвенном отлучении, пока не принесут искреннего раскаяния по чину обновленцев, или пока полный собор епископов не рассудит дела митр. Сергея и его сообщников (см. 10 прав. свв. апостолов).

Ставлю вам на вид этих наемников, они видят волка грядущего и убегают, не последуйте им, братия и чада мои, но будем иметь другой пример – доброго Пастыря. Добрый Пастырь душу Свою полагает за овцы. Аминь.

12/25 января 1928 г. получил ответ митрополита Иосифа (Ростов Ярослав.): "Управляйтесь самостоятельно. Наше оправдание: верность митрополиту Петру, Иосиф".

Иерофей, епископ Никольский.

Источники. Polsky's Russia's New Martyrs, Vol. 1 and 2; Helen Kontzevich, "God's People

Met in My Life", in Orthodox Russia, 1972; Andreyev's verification. – Польский "Новые мученики Российские", т. 1 и 2; Елена Концевич "В моей жизни встречались Божьи люди" в "Православной Руси", 1972 г.; свидетельства Андреева.

9. Епископ Виктор Глазовский

9.

Епископ Виктор Глазовский и его учение о свободе Церкви.

Память 19 апреля/2 мая (+ 1934 г.)

"Не знаете ли, что дружба с миром есть вражда против Бога?" (Иак. 4, 4)

Отец епископа Виктора (Островидова) был псаломщиком. Будущий владыка получил хорошее Богословское образование, в 1912 году опубликовал скрупулезное исследование "Новые богословы", где критиковал новое направление в Богословии, которое нашло выражение, главным образом, в книге митрополита (позднее патриарха) Сергия "Учение о спасении" (Казань, 1898 г.).

После революции 1917 года он был епископом Уржумским, позже Глазовским, викарием Вятской епархии. В 1922 году в очередной раз был арестован и пробыл в тюрьме до 1926 года. Когда вышла Декларация 1927 года, он первым возвысил голос протеста, и его паства присоединилась к нему в отделении от митрополита Сергия, что привело к его аресту и заключению в концлагерь на Соловках, где он пробыл с 1928 по 1930 год, работая бухгалтером на канатной фабрике примерно в полутора километрах от главной башни бывшего Соловецкого монастыря. Домик, где он жил и работал, находился на опушке леса; в глубине леса он совершал тайные Богослужения вместе с другими членами катакомбной Церкви.

На Соловках, несмотря на трагическое положение в советской России, епископ Виктор сохранил оптимистический взгляд на будущее и даже пытался заразить им более трезвомыслящего епископа Максима Серпуховского. Но через короткое время этот оптимизм, очевидно, исчез, так как свидетель, который видел его весной 1931 года в концлагере Май-Губа на севере, слышал, как он говорил: "Впереди нет ничего, кроме страданий". Летом того же года он был освобожден из лагеря, но сослан на три года на

берег реки Онеги в Архангельской области, где, по некоторым сведениям, поддерживал связь с катакомбными иерархами митрополитом Иосифом и епископом Дамаскиным. В конце 1933 года он был сослан в очередную ссылку в Северный край. Работал на лесоповале. Простудился, заболел воспалением легких. В больницу его не смогли отправить из-за разлившейся реки, и 2 мая 1934 года владыка Виктор отошел ко Господу

Его мужественный и бескомпромиссный дух виден в документах, которые он оставил после себя и которые обличают сергианство как глубокое заблуждение, которое отрицает саму природу Церкви Христовой.

Послания епископа Виктора.

Письмо к митрополиту Сергию.
(от 16 декабря 1927 г.)

Ваше Высокопреосвященство, Милостивый Архипастырь, Глубокочтимый и дорогой Владыко.

В октябре месяце я с сыновней любовью возымел дерзновение высказать Вашему Высокопреосвященству свою скорбь по поводу начавшегося губительного разрушения Православной Церкви "в порядке управления".

Такое разрушение Церкви Божией есть вполне естественное и неизбежное следствие того пути, на который поставило Вас Ваше "воззвание 16 июля", и которое для нас смиренных и боящихся Бога и для всех христоролюбивых людей является совершенно неприемлемым.

От начала до конца оно исполнено тяжелой неправды, и есть возмущающее душу верующего глумление над святой Православной Церковью, и над нашим исповедничеством за истину Божию. А через предательство Церкви Христовой на поругание "внешним", оно есть прискорбное отречение от Самого Господа Спасителя.

Сей же грех, как свидетельствует Слово Божие, не меньший всякой ереси и раскола, а несравненно больший, ибо повергает человека непосредственно в бездну погибели, по Неложному Слову: "иже отречется Мене пред человеки" и проч.

Насколько было в наших силах, мы себя самих и нашу паству оберегали, чтобы не быть нам причастниками греха сего, и по этой причине само воззвание возвратили обратно. Принятие возвания являлось бы пред Богом свидетельством нашего равнодушия и безразличия в отношении к Святейшей Божией Церкви, Невесте Христовой.

По страху же Божию для меня явилось теперь неприемлемым уже и Ваше распоряжение о моем перемещении: боюсь, – как пишет мне один святитель, – не будет ли выявление послушания с нашей стороны учтено "ими" (синодом) как одобрение содеянного "ими". И потому, если бы мне была предоставлена полная свобода передвижения, которой я не имею как административно высланный, то я тогда спросил бы себя: не придется ли мне за это послушание отвечать перед Богом, ибо оно по существу объединяет меня с людьми от Бога удалившимися. А что "воззвание", действительно, достойно многих слез, и что удаляет человека от Бога, – об этом я свои мысли изложил особо в форме письма к ближним, которое здесь прилагается.

Что же в дальнейшем? – В дальнейшем я бы молил Господа, и не только я, но и вся Православная Церковь, чтобы Он не ожесточил сердца Вашего, как некогда сердце фараона, но дал бы Вам благодать сознания содеянного греха и покаяния на жизнь. Тогда все верующие в радости и слезах благодарения Богу опять придут к Вам, как к отцу, пастыри – как к первопастырю, и вся Церковь Русская – как к своей священной главе.

Враг вторично заманил и обольстил Вас мыслью об организации Церкви. Но если эта организация покупается такой ценой, что и Церкви Божией как дома благодатного спасения человека уже не остается, а сам получивший организацию перестает быть тем, чем он был, ибо написано: "да будет двор его пуст и епископство его да примет иной", то лучше бы нам не иметь никогда никакой организации.

Что пользы, если мы, сделавшиеся по благодати Божией храмами Святого Духа, стали вдруг непотребными, а организацию себе получили? Нет. Пусть погибнет весь вещественный мир видимый, пусть в наших глазах важнее его будет верная гибель души, которой подвергается тот, кто представляет такие внешние предлоги для греха.

Если же ожесточение сердца пошло далеко, и надежды на покаяние не остается, то и на сей исход мы имеем просвещающее нас слово: "Тем же изыдите от среды их и отлучитесь, – глаголет Господь, – и нечистоте их не прикасайтесь, и Я приму вас и буду вам во Отца и вы будете Мне в сыны и дочери, – глаголет Господь Вседержитель" (2 Кор. 6, 14-18).

Вашего Высокопреосвященства Глубокочтимого Архипастыря во Христе брат,
сердечно преданный Виктор, Еп. Ижевский и Вотский.

Письмо к ближним.
(Декабрь 1927 г.)

Блюдите, да не прельщени будете (Лк. 21, 8).

Благодать Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами!

Други мои возлюбленные! С великой скорбью сердца скажу вам о новой лести, чрез которую враг наш диавол хочет увлечь души христианские на путь погибели, лишив их благодати вечного спасения. И эта лесть, увы, нам грешным, намного горше первых трех: живоцерковников, обновленцев, григориан, безумие которых без труда всем было явно, а это трудно тем, у кого ум и сердце обращены к земным вещам, ради которых люди привыкли отречься от Господа.

Но пусть узнают все, что последняя декларация, воззвание от 16/29 июля с. г. митр. Сергия – есть явная измена Истине (Ин. 14, 6).

Кого предали подписавшие "воззвание" и от кого они отреклись?.. (Деян. 14, 13) – Они отреклись от Святейшей Церкви Православной, которая всегда во всем чиста и свята, не имея в себе скверны или порока, или чего-либо подобного (Еф. 5, 27).

Ей они вынесли открытое пред всем миром осуждение, ими она связана и предана на посмеяние "внешним" как злодейка, как преступница, как изменница своему Святейшему Жениху Христу, – Вечной Истине, Вечной Правде. Какой ужас...

Св. Церковь, которую стяжал Себе Господь Кровью Своею от мира сего (Деян. 20, 28), и которая есть Тело Его (Кол. 1, 24), а для всех нас – дом вечного благодатного спасения от сей жизни – погибели, – ныне эта св. Божия Христова Церковь приспособляется на служение интересам не только чуждым ей, но и даже совершенно не совместимым с ее Божественностью и духовной свободой. Многие христиане поступают как враги креста Христова, – говорит Апостол... О земном (политике) они мыслят, забывая, что наше жительство на небесах (Фил. 3, 18-20) – "ибо не имеем здесь пребывающего града, но грядущего града себе взыскуем" (Евр. 13, 14).

И какое может быть объединение Церкви Божией с гражданской властью, какой бы она ни была, когда цели ее деятельности исключительно материально-экономического направления, и хотя внешне могут быть моральны, но чужды веры в Бога, или даже враждебные Богу. Между тем, цели деятельности Церкви исключительно духовно-нравственны, и через веру в Бога выносят человека за пределы земной жизни для достижения благодатью Божиею вечных небесных благ. "Разве не знаете, что дружба с миром – вражда против Бога. И кто хочет миру быть друг, становится врагом Богу?" (Иак. 4, 4).

Отсюда Церковь Христова по самому существу своему никогда не может быть какой-либо политической организацией, а иначе она перестанет быть Церковью Христовой, Церковью Божией, Церковью вечного спасения.

И, если ныне через "воззвание" Церковь объединяется с гражданской властью, то это не простой внешний маневр, но вместе с тяжелым поруганием, уничтожением Церкви Православной, здесь совершен и величайший грех отречения от Истины Церкви, какового греха не могут оправдать никакие достижения земных благ для Церкви. Не говори мне, что таким образом у нас образовалось Центральное Управление и образуются местные управления, и получается видимость внешнего спокойствия Церкви, или, как говорит воззвание, "законное существование Церкви", – это и подобное сему любят говорить и все раньше уловленные врагом диаволом в отпадении от Церкви Православной.

Что пользы, если мы сами, сделавшиеся и называющиеся Храмом Божиим (2Кор. 6, 16), стали непотребны и омерзительны в очах Божиих, а внешнее управление себе получили. Пусть же мы не будем иметь никогда никакого управления, а будем скитаться, даже не имея где главу приклонить, по образу тех, о которых некогда сказано: "Скитались в овечьих и козьих кожах, терпели лишения и озлобления. Те, коих не достоин был весь мир, блуждали по горам и пустыням, в пещерах и ущельях земли" (Евр. 11, 37-38). Но пусть путем таких страданий сохраняться души православные в благодати спасения, которой лишаются все, уловленные диаволом подобными внешними предложениями.

"Горе миру от соблазнов, ибо надобно придти соблазнам"; каждой душе предстоит быть испытанной и каждому месту просеяну, чтобы от соломы отделилось зерно хотя и в небольшом количестве, т. к. мало избранных, – сказал Господь; "но горе тому человеку, от которого соблазн приходит" (Мф. 18, 7). Мы же, други мои, не будем подавать соблазна Церкви Божией, чтобы нам не быть осужденными Судом Господним.

"Берегитесь, чтобы вас не ввели в заблуждение, ибо многие придут под именем Моим...и многих прельстят", предупреждает Господь (Лк. 21, 8), а св. Апостол, попечительствуя о нас, говорит: "Смотрите, поступайте осторожно, не как неразумные, но как мудрые, дорожа временем, потому что дни лукавы" (Еф. 5, 15-16).

Да не ожесточит Господь и сердца, подписавших воззвание, но да покаются и обратятся и да очистятся грехи их. Если же не так, то будем беречь себя от общения с ними, зная, что общение с увлеченными есть наше собственное отречение от Христа Господа.

Други мои, если мы истинно веруем, что вне Церкви Православной нет спасения человеку, то когда извращается истина Ее, не можем оставаться мы безразличными ночными почитателями Ее, но должны пред всеми исповедовать истинность Церкви. А что другие, хотя бы и в бесчисленном множестве, и хотя бы начальные иерархи, остаются равнодушными и даже могут употреблять в отношении нас свои прещения, то здесь ничего нет удивительного. Ведь и раньше нередко бывало, и четыре года тому назад так было, что отпадшие от истины составляли соборы, и Церковь Божию себя называли и, по-видимому заботясь о правилах, делали запрещения неподчинившимся их безумию, но все сие делали на свой позор и на вечную погибель.

"Верен Господь. Он утвердит нас и сохранит от лукавого".

"Господь да управит сердца наши в любовь Божию и в терпение Христово" (2Сол. 3, 3-5).

Епископ Виктор.

Ответы епископа Виктора на 15 вопросов ГПУ по поводу Декларации митрополита Сергия.
(документ от 18 января 1928 г.)

1.

- Как Вы оценили с церковной и гражданской точек зрения появление нового церковного течения – основания для Декларации от 29 июля 1927 года?

- С Церковной – неправильным учением о Церкви и о деле спасения нашего во Христе Иисусе – принципиальное заблуждение митрополита Сергия...

2.

- Как Вы смотрите на Декларацию и т.д.?

- Декларация есть удаление от истины Спасения. Она смотрит на спасение как на естественное нравственное совершенствование человека (языческое философское учение о спасении), а для осуществления его, безусловно, необходима внешняя организация. По моему мнению, это заблуждение, которое я обличал в лице митрополита Сергия в 1912 году...

Лично я вырос среди простого народа (сын церковного чтеца) и всю свою жизнь провел среди простого народа – в монастырях; как народ верует, так верую и я, а именно: мы веруем, что спасение во Христе Иисусе Благодатию Божией; эта Благодать Божия присуща только Православной Церкви и преподается нам через Святые Таинства, и что сама Церковь есть Дом вечного благодатного спасения от сей жизни-погибели, а не внешняя какая-либо организация политическая. Как благодатный Союз верующих, Церковь может не иметь и не должна иметь никакой политической организации среди своих членов (католическая церковь учит иначе), которые как граждане имеют одну общую для всех политическую гражданскую организацию, по которой они находятся в

зависимости от гражданской власти.

3.

- Синод появился без благословения митрополита Петра как временного главы Русской Православной Церкви. Митрополит Сергей, созвав его, превысил свои полномочия; ему был поручен только временный присмотр за Церковью. Он не хозяин Дома Божия, а лишь присмотрщик за Домом; потому и отношение мое к синоду и ко всей его платформе – отрицательное.

4.

- Персональный состав синода не имеет большого значения в деле его приемлемости. Неприемлема сама платформа, ибо она видит в Церкви внешнюю политическую организацию, которая объединяет с гражданской организацией власти СССР и сообразно с этим намечает соответствующую внешнюю политическую деятельность для Православной Церкви и тем толкает Церковь на путь новых потрясений и неожиданностей, извращает вместе с этим самое существо Церкви. По внутреннему существу своему Церковь должна быть не от мира сего, и именно по тем духовным интересам, которые она удовлетворяет для верующих членов. Она есть благодатный Союз для благодатного спасения верующих граждан.

5.

- Я предполагаю держать себя обособленно от Синода до тех пор, пока не примут участия в Церковной жизни митрополит Петр или митрополит Кирилл, в Православии которых я не имею данных сомневаться.

6.

- О дальнейшем развитии борьбы с новым течением.

- Лично я, как до сего времени, так и в будущем не намерен вести никакой борьбы, а только сберегаю себя и свою паству, чтобы не быть нам участниками чужих грехов, "синода". Тем из моих близких, кто обращается ко мне по поводу нового течения Церковной жизни, я разьясняю его, как понимаю сам. Далее сего дело не шло и, думаю, не пойдет, в виду того, что я слишком незначительная личность в сравнении с митрополитом Сергием и синодом. Да и вообще я не считаю себя способным к какой-либо административной организационной деятельности, так как не имел никогда в ней практики.

7.

- О целях.

- Только спасение своей души, так как верую, что они (синодалы) разрушают Православие, омирщают его, оземляют его и совсем извращают сущность Православной Церкви.

8.

- О методах, приемах борьбы и пр.

- Никакого определенного метода и приема борьбы у меня не было. Вместе с некоторыми (не всеми) священниками и мирянами мы заявили митрополиту Сергию, что мы отказываемся от его духовного руководства, если он не сознает своей ошибки вовлечения Церкви в несвойственные ей мирские задачи и тем самым не откажется от своей "декларации" от 29 июля.

9.

- Как проходила борьба и проч.?...

- До сего времени борьбы не было в точном смысле этого слова. Мы только отделили себя от тех, кто заявляет нам: "Мы ваше начальство, и потому за непослушание запрещаем" и проч. В отношении к подчиненным мне пастырям и мирянам, а тем более к чужим, я никаких запрещений, угроз, проклятий, лишений и проявления какой-либо злобы не предпринимал и никогда не предприму, так как дело веры, дело спасения есть дело свободы, дело совести, дело выбора, а не насилия.

10.

- О границах движения.

- Безусловно, все должно быть только внутри Церкви, как Дома Божия, ибо все течение возникло и имеет в виду исключительно душу и ее вечное спасение, а не внешние условия жизни человека.

11.

- О возможности затрагивания политической жизни граждан.

- Если правительство разрешит, то я мог бы лично явиться туда, где это имело место, разъяснить и успокоить. Никогда не откажусь ни от каких заданий со стороны правительства, не связывающих моей совести, чтобы только доказать, что мы не злоумышляем ничего против него.

12.

- Я служитель спасения, и те, кто ищет духовного вечного своего спасения, могут найти у меня всегда помощь в уяснении истины. Но, как мне кажется, интересуется этим более простой народ, который боится отпасть от Православия, а пастыри, к сожалению, остаются более равнодушными и безразличными, хотя они и образованны Богословски.

13.

- О лозунгах и пр.

- Православная Церковь есть единственная Благодатная Церковь, в которой Благодатью Божией и совершается наше спасение от этой жизни-погибели. Отпадение от Православия (обновленцы), извращение существа Православной Церкви (Синодалы) лишает человека благодати спасения.

14.

- О единстве Церкви и об отношении ее к государству.

- Единство Церкви может быть только благодатное, а не гражданское; для нас, по слову Божию, безразлично место, безразлична национальность и пр. Мне дорог и православный японец так же, как и православный русский.

Чисто политическая гражданская организация верующих возможна только как подсобное орудие гражданской власти, как это и было до революции. Государство одно само ведает всю внешнюю жизнь человека, а Церковь знает только исключительно духовные нужды верующих и все относящееся до молитвы. Мы весьма радуемся декрету об отделении Церкви от государства, но, к сожалению, правительство не верит искренности нашей радости.

15.

- О справедливости: а) социальной революции, б) власти СССР и в) ее укреплении.

- Принципы социальной революции – помощь бедным и угнетенным жизнью – истинны, и что правительство СССР проводит их в жизнь, это меня радует. По своему религиозному убеждению я могу допустить только эволюцию жизни, а не революцию, но против совершившегося факта не возражаю. По пунктам б, в – признаю справедливым, но при условии, что это укрепление не стеснит и не обрушится репрессиями на нашу веру Православную. Культурная борьба с верой тут не имеется в виду.

Из послания к пастырям.

(Документ от 28 февраля 1928 г.)

"Вы, оправдывающие себя законом, остались без Христа, отпали от благодати (Гал. 5, 4).

...И это падение их не малое и не тайное, но весьма великое и всем очевидное для имеющих ум (1Кор. 2, 16); а обнаружилось оно в известной "декларации" 16/ 29 июля и в последовавшем за ним дерзком разрушении Православной Церкви.

Декларация прельщенных есть гнусная продажа непродаваемого и бесценного, т. е. – нашей духовной свободы во Христе (Ин. 8, 36); оно есть усилие их, вопреки слову Божию, соединить несоединяемое; удел грешника с делом Христовым, Бога и Мамону (Мф. 6, 24) и свет и тьму (2 Кор. 6, 14-18). Отступники превратили Церковь Божию из союза благодатного спасения человека от греха и вечной гибели в политическую организацию, которую соединили с организацией гражданской власти на служение миру сему, во зле лежащему (1Ин. 5, 19).

Иное дело лояльность отдельных верующих по отношению к гражданской власти. При первом положении Церковь сохраняет свою духовную свободу во Христе, а верующие делаются исповедниками при гонении на веру; при втором положении она (Церковь) лишь послушное орудие для осуществления политических идей гражданской власти, исповедники же за веру здесь являются уже государственными преступниками.

Все это мы видим на деятельности митр. Сергия, который в силу нового своего отношения к гражданской власти вынужден забыть каноны Православной Церкви, и вопреки им он уволил всех епископов-исповедников с их кафедр, считая их государственными преступниками, а на их места он самовольно назначил непризнанных и непризнаваемых верующим народом других епископов. Для митр. Сергия теперь уже не может быть и самого подвига исповедничества Церкви, а потому он и объявляет в своей беседе по поводу "воззвания", что всякий священнослужитель, который посмеет что-либо сказать в защиту Истины Божией против гражданской власти, есть враг Церкви Православной. Что это разве не безумие, охватившее прельщенного? Ведь так рассуждая, мы должны будем считать врагом Божиим, например, Святителя Филиппа, обличившего некогда Иоанна Грозного и за это удушенного; более того, мы должны причислить к врагам Божиим самого великого Предтечу, обличившего Ирода и за это усеченного мечом.

...Вот почему св. Максим Исповедник, когда его уговаривали и страшными мучениями

заставляли вступить в молитвенное общение с неправомудрствующим патриархом, воскликнул: "Если и вся вселенная начнет причащаться с патриархом, я один не причащусь с ним". Почему это? Потому что он боялся погубить душу свою через общение с увлеченным в нечестие патриархом, который в то время не был осужден собором, а наоборот был защищен большинством епископов. Ведь церковная административная власть даже в лице соборов, не всегда и раньше защищала Истину, о чем ясно свидетельствует история святителей Афанасия Великого, Иоанна Златоуста, Василия Великого, Феодора Студита и др. Как же я могу оставаться впредь неразумно безразличным? Этого не может быть. Вот почему мы и встали на единственно возможный в нашем теперешнем положении выход – это путь исповедничества Истины спасения. Путь этот тяжел, это – путь подвига; но мы уповаем не на свои силы, но взираем на начальника веры и совершителя Иисуса (Евр. 12, 2). И дело наше есть не отделение от Церкви, а защита Истины и оправдание Божественных заповедей, или еще лучше – охранение всего домостроительства нашего спасения. Вот почему с обличением митр. Сергия выступил целый сонм архипастырей: митрополиты (Иосиф, Агафангел, Арсений), архиепископы, епископы и множество отдельных пастырей, которые заявляют митр. Сергию, что они не могут далее признавать его за руководителя Православной Церкви, а будут управляться самостоятельно до времени.

Смотрите же, други мои и сопастыри, чтобы не быть вам увлеченными духовными зверями. Довольно и прежнего, бывшего в недавнее время, падения; теперь мы будем ходить осторожно. Мир Божий, превосходящий всякое разумение (Фил. 4, 7) да исполнит сердца ваши и помышления ваши и да управит путь ваш во Христе Иисусе, Господе нашем. Аминь.

Епископ Виктор (печать с инициалами).

10. Архиепископ Серафим Угличский

10.

Архиепископ Серафим Угличский.

Заместитель Патриаршего Местоблюстителя, отказавшийся подписать отступническую Декларацию.

Память 22 октября/4 ноября (+ 1935 г.)

"Истинный христианин есть воин, продирающийся сквозь полки невидимого врага к Небесному своему Отечеству".

—Преподобный Герман Аляскинский.

Осенью 1930 года на начавшееся строительство Беломорского канала приходили этапы из Соловков; их принимали и первым делом отправляли в баню на санобработку (дезинфекция носильного платья и принудительная стрижка машинкой волос на голове, лице и по всему телу), затем медицинский осмотр врачами из заключенных. Тут я впервые увидел, - рассказывает свидетель, - работая лекпомом на приемке этапа, архиепископа Серафима – высокого, согбенного старца с уже остриженными под машинку № 1 головой и лицом. Часто потом с ним беседуя, многое узнал я от него, и о нем от прибывших с ним других архипастырей, из коих назову лишь архиепископа Пахомия Черниговского, ибо более молодые и сейчас еще могут быть еще в застенках, и всякое о них упоминание в печати может усугубить тяжесть их уз.

Архиепископ Серафим, в миру носивший фамилию Самойлович, родился 19 июля 1880 года, учился в Полтавской Духовной семинарии. Был командирован в начале XX столетия миссионером в Алеуто-Аляскинскую епархию Соединенных Штатов, где явился усердным сподвижником преосвященного Тихона, будущего Патриарха. В 1905 году принял монашество на Аляске. Владыка Тихон высоко ценил ревностного миссионера, сочетавшего личный аскетизм с умелым подходом не только к полудикой алеутской пастве, но и к американской администрации на Аляске. Всего он провел в Америке пять с половиной лет.

После того, как владыку Тихона назначили в 1907 году в Ярославль, он вызвал иеромонаха Серафима и назначил его в 1910 году настоятелем Толгского монастыря в шести километрах выше Ярославля. Кто хоть раз проезжал до 1920 года по Волге, помнит, что по остановке парохода у монастырской пристани, команда и пассажиры сходили на пристань и молились на молебне перед копией Толгской иконы Божией Матери (праздник 8/21 августа), прикладывались к святому образу, и пароход отходил, пока с пристани еще доносился монастырский хор: "Пресвятая Дево Богородице, верно Тя славящих спасай..."

Архимандрит Серафим написал серьезный исторический труд "История Толгского монастыря 1314-1914", готовясь праздновать в августе 1914 года 600-летие руководимой им обители. Для пользы своей и окрестной паствы он построил и открыл в полуверсте от монастыря на опушке прекрасного леса в 1913 году школу пчеловодства для мальчиков-сирот, которых призревала его обитель. Но за три недели до 600-летия обители вспыхнула мировая война. Настоятель устроил с первых же дней войны лазарет и деятельно помогал в годы войны и революции Высокопреосвященному Агафангелу в управлении епархией.

С 1916 года отец Серафим служил в Угличе, был настоятелем Алексеевского монастыря, возведен в сан архимандрита. Его мужество и присутствие духа спасло обитель от разгрома летом 1918 года, когда чекисты рыскали в дни Ярославского восстания по кельям, подвалам и склепам могил на монастырском кладбище в поисках "мятежников". Триста пятьдесят невинных ярославских граждан были расстреляны в ответ на убийство военного комиссара Нахимсона и продовольственного комиссара Закгейма...

В 1920 году отец Серафим был хиротонисан во епископа Угличского, в епархии,

полной памятью о Цесаревиче Димитрии, за 329 лет до мученика наших дней Цесаревича Алексия, принявшего столь же лютую кончину.+

+ Царевич Димитрий, убитый в 1589 году, в православном календаре поминается 15 мая.

В 1924 году епископ Серафим был возведен в сан архиепископа, и в тяжелые смутные дни после смерти патриарха Тихона он был назначен в 1926 году Заместителем Патриаршего Местоблюстителя и занимал этот пост с декабря 1926-го по март 1927 года, в период заключения митрополита Сергия (Страгородского).

Архиепископ Серафим категорически отказался подписать декларацию о сотрудничестве с советской властью, чего от него в то время требовали (практически ту же самую декларацию, которую впоследствии подписал митрополит Сергий), мотивируя это тем, что не считает себя полномочным решать основные вопросы принципиального характера без находящихся в заключении старших иерархов. 16 (29-го) декабря 1926 года он обратился с посланием к архипастырям, пастырям и пасомым Русской Церкви: "Подчиняясь воле Божией и принимая на свои слабые рамена возлагаемый на меня тяжелый крест, считаю долгом обратиться к собратиям – епископам, пастырям и православно-верующим, умоляя их хранить преданность и послушание Святой Православной Церкви, подчиняясь только законным представителям Патриаршей Православной Церкви". Он просил собратьев епископов до минимума сократить переписку и сношения с главой Церкви и предоставлял все дела, кроме принципиальных и общецерковных (как, например, избрание и хиротония во епископа), решать окончательно на местах.

Все предшественники архиепископа Серафима на посту Заместителем Патриаршего Местоблюстителя находились в заключении, он знал, что его ждет та же участь, а также выбранного им себе на случай ареста преемника. Поэтому, вступив в управление в декабре 1926 года, он не назначил себе преемника и на допросе в ГПУ на вопрос: "Кто же возглавит Церковь, если мы Вас не выпустим?" – Отвечал: "Сам Господь Иисус Христос". Допрашивающий в московском ГПУ удивленно взглянул на него и сказал: "Все у вас оставляли себе заместителей: и Тихон Патриарх, и Петр Митрополит". – "Ну а я на Господа Бога оставил Церковь, – повторил архиепископ Серафим, – и нарочно так сделал. Пусть всему миру будет известно, как свободно живет православным христианам в свободном государстве".

Через три дня он был выпущен и выслан в Углич, откуда правил Церковью до марта 1927 года, когда сдал управление выпущенному из тюрьмы митрополиту Сергию.

Четыре месяца спустя он обличил отступничество митрополита Сергия – декларацию 16/29 июля 1927 года и был арестован вскоре. В 1929 году приговорен к трем годам концлагеря и отправлен в Соловки. Там почти все время его томили на общих работах. Таская кирпичи на постройку двухэтажного здания, Владыка упал с лесов и переломал себе ребра, которые неудачно срослись, что сделало его инвалидом. Но никакие гонения не сломили его сильной воли.

Таким я увидел его впервые по прибытии с этапом соловчан осенью 1931 года на командировке "Новая Биржа" около северного семафора станции "Май Губа" Мурманской железной дороги.

Впоследствии мне довелось с ним ближе познакомиться. Попав на инвалидные работы, он часто обращался в амбулаторию, и мы, лекпомы, старались помочь Владыке, страдавшему двухсторонним хроническим плевритом при декомпенсированном миокардите и общем артериосклерозе.

Раз, в конце октября, в сырой ненастный день, проходя мимо землянки-дезокамеры, где производилась дезинфекция вещей при герметически закрытой двери, а заключенный-инвалид караулил снаружи камеру, чтобы не забрались воры, я услышал, что меня зовут по имени. Подойдя, увидел продрогшего архиепископа Серафима. "На эти посты ставят на два часа по очереди нас – инвалидов; я стою с 12 дня, и меня не сменяют". (Было около шести часов вечера.) Я побежал в барак инвалидов: "Где нарядчик?" – "Ушел в кино", – ответил писарь. – "Скажите ему, что я через нач. санчасти подам рапорт, что он держит на наружном посту заключенного Самойловича шесть часов вместо двух". Писарь струхнул и побежал в кино. Через десять минут прибежал обратно. "Нарядчик велел его сменить, а Вас просит не заводить истории". – "Хорошо, но через десять минут проверю". Действительно, он тут же растолкал дремавшего на нарах дряхлого полковника и послал его "бегом" сменить Владыку. Старик побежал к дезо-камере. Через полчаса я снова зашел в барак; продрогший Архиепископ с удовольствием пил кипяток из кружки, и я пожелал ему спокойного отдыха.

Он считался "запретником", то есть не имел права выхода из лагеря в административные здания вне покрытого колючей проволокой частоккола.

Раз он просил меня позвать работавшего в финчасти архимандрита Гурия (Егорова), ярого поклонника митрополита Сергия, впоследствии освобожденного из ссылки (концлагерную пятилетку он кончил в 1934 году) и хиротонисанного в 1946 году во епископы. С тех пор он возглавляет патриаршую Церковь в Средней Азии с титулом епископа Ташкентского и Средне-Азиатского.

Архимандрит Гурий нахмурился: "Ведь Архиепископ не "наш". Мне с ним и разговаривать неудобно. Я под благословение не вправе к нему подходить". – "Никто Вас не просит, отец Гурий. Но ведь он запретник, а мы с Вами имеем пропуски. Раз он, зная от меня, кто Вы, просит Вас прийти к нему в лагерь, – возразил я, – можем ли мы, сами заключенные, отказаться навестить заключенного в квадрате, если даже он для Вас еретик. Не лекпому учить архимандрита". Он смутился и пошел со мной. Я проводил его к амбулатории и оставил его вместе с вызванным мной в амбулаторию Архиепископом.

Стройный сорокалетний архимандрит-бухгалтер, кивнув головой, заговорил с согбенным дряхлым Архиепископом. Предмет их беседы мне неизвестен.

В марте 1932 года Владыку освободили и за шесть месяцев до срока, засчитав ему, согласно приказа 1931 года, 5 рабочих дней за 6, что устроили ему благочестивые заключенные УРО (Учетно-распределительный отдел), засчитывающие рабочие дни для скидки части срока. В 1934 году этот "либеральный" приказ был отменен.

Вскоре последовали новые аресты. Владыка слабел телесно, но духом был тверд. Он считал, что в эпоху гонений не должно быть единого централизованного Церковного Управления, епископ должен управлять сам своей епархией. Когда бывал на свободе, Владыка возглавлял тайную Церковь там, где проживал, ставил тайных священников, совершал тайные постриги.

От верующих я слышал, что Архиепископ из заключения не выходил. Говорили глухо,

что где-то он погиб без медицинской помощи в лишениях, чему поверить было легко, кто знал состояние его больного сердца еще в 1932 году. Позже стало известно, что он был расстрелян 4 ноября 1937 года в Сиблаге.

Больной владыка Серафим часто вспоминался мне в скитаниях по тюрьмам и ссылкам, когда, лишенный физического общения с верующими, я мысленно в молитвах поминал его; мне представлялось его кротко улыбающееся изможденное лицо и, склонив в молитве голову, я словно чувствовал на ней его исхудалую, огрубевшую, покрытую ссадинами архипастырскую руку.

Архиепископ Серафим написал несколько посланий, протестуя против Декларации митрополита Сергия. Как викарий Ярославской епархии, он подписал вместе с митрополитом Агафангелом, митрополитом Иосифом Петроградским (который был в то время в Ярославле), архиепископом Варлаамом Пермским и епископом Евгением Ростовским заявление об отделении от митрополита Сергия 6 февраля 1928 года. В то же самое время он послал следующее увещание митрополиту Сергию от собственного имени. Тон этого смелого протеста, основанного не на "букве закона", а на искренней заботе о благе Церкви Христовой, соединенной с чистосердечным сочувствием к заблуждающемуся митрополиту Сергию, делает его одним из классических документов епископов-основателей русской катакомбной Церкви.

Позднее, летом 1928 года, архиепископ Серафим послал новое послание, обличающее митрополита Сергия в тяжелом грехе "вовлечения нашей малодушной и нестойкой братии в неообновленчество".

Увещание архиепископа Угличского Серафима, обращенное к митрополиту Сергию и врученное ему 27 января / 9 февраля 1928 года.

Ваше Высокопреосвященство!

Более чем полугодовой срок, протекший со дня издания Вами Декларации 16/29 июля 1927 г., показал, что все надежды Ваши на "мирное устроение" наших церковных дел, "на приведение" в должный строй и порядок всего нашего церковного управления, напрасны, а Ваша "уверенность в возможности мирной жизни и деятельности нашей в пределах закона", совершенно несбыточна и никогда не может при настоящих условиях перейти в действительность.

Наоборот, факты чуть ли не ежедневно свидетельствуют, что еще труднее стало жить православным людям. Но особенно тяжело сознавать, что Вы, так мудро и твердо державший знамя Православия в первый период своего заместительства, теперь свернули с прямого пути и пошли по дороге компромиссов, противных Истине.

Вы повергли нас в область страшных нравственных мучений и сами себя сделали первым из таковых мучеников, ибо должны страдать и за себя, и за нас. Раньше мы страдали и терпели молча, зная, что мы страдаем за Истину и что с нами несокрушимая никакими страданиями сила Божия, которая нас укрепляла и воодушевляла надеждой, что в срок, ведомый Единому Богу, Истина Православия победит, ибо ей неложно обещана и, когда нужно, будет подана всесильная помощь Божия.

Своей Декларацией и основанной на ней церковной политикой Вы силитесь ввести нас в такую область, в которой мы уже лишаемся этой надежды, ибо отводите нас от

служения Истине, а лжи Бог не помогает.

Мы – лояльные граждане СССР, покорно выполняем все веления Советской власти, никогда не собирались и не собираемся бунтовать против нее, но хотим быть честными и правдивыми членами и Церкви Христовой на земле и не "перекрашиваться в советские цвета", потому что знаем, что это бесполезно и люди серьезные и правдивые не поверят.

Пока еще не поздно, пока еще не совсем захлестнула Вас пучина эта страшная, готовая бесславно и навеки поглотить Вас, соберите свои, еще недавно могучие умственные и нравственные силы, встаньте во весь свой духовный рост, издайте другую декларацию, в исправление первой, или хотя бы подобную той, которую Вы разослали в первый период своего заместительства, разрубите благодатными порывами духа – цепи, Вас сковавшие и выйдите на святую свободу. За Вас будут молить Бога все истинные сыны Церкви, на Вашу сторону сейчас же станут все добрые пастыри и мужественные Архипастыри. Вас духовно облобызуют все многочисленные страдальцы, этот голос свидетелей чистой Истины, удаленные от своих паств и от братий, за Вас будет сама непобедимая Истина. Она укажет Вам дальнейший путь, Она охранит и защитит Вас.

Дорогой Владыко. Я представляю, как Вы должны страдать. Почему же Вы, испытывая эти страдания сами, не желаете облегчить их тем, которые в свое время доверились Вам? С какой радостью я передавал Вам свои права заместительства, веря, что Ваша мудрость и опытность будут содействовать Вам в управлении Церковью.

Что же случилось?.. Неужели это роковое деяние бесповоротно?.. Неужели Вы не найдете мужества сознаться в своем заблуждении, в своей роковой ошибке – издании Вашей Декларации 16/29 июля 1927 г. ?.. Вы писали мне и искренне верили, что избранный Вами путь принесет мир Церкви... И что же Вы видите и слышите теперь? Страшный стон несется со всех концов России... Вы обещали вырывать по два, по три страдальца и возвращать их обществу верных, а смотрите, как много появилось новых страдальцев, страдания которых еще более усугубились при сознании, что эти страдания есть следствие Вашей новой церковной политики... Неужели этот стон страдальцев с берегов Оби и Енисея, с далеких островов Белого моря, от пустынь закаспийских, с горных хребтов Туркестана – не доносится до Вашего сердца?

Как же Вы могли своей Декларацией наложить на них и на многих клеймо противников нынешнего гражданского строя, когда они и мы по самой духовной природе своей всегда были чужды политики, строго до самопожертвования охраняя чистоту Православия?..

Мне ли юнейшему сравнительно с Вами писать эти строки, мне ли поучать многоопытного и многоученого святителя Церкви Российской, но голос моей совести понуждает меня снова и снова тревожить Ваше широкое и доброе сердце... Проявите мужество, сознайтесь в своей роковой ошибке и, если невозможно Вам издать новую декларацию, то для блага мира церковного передайте власть и права заместительства другому.

Я имею право писать Вам эти строки и делать это предложение, ибо многие теперь укоряют меня, что я поспешно и безоговорочно передал Вам права заместительства.

Испытавши на себе это бремя церковного управления, я верю, что Вы в тишине своей келии проливаете горькие слезы и пребываете в страшном томлении духа... И мы жалеем Вас и плачем вместе с Вами... и если идут отделения епархий и приходов от Вас

и Вашего "Синода", то это набат, страшный набат, истомленных верующих сердец, который мог бы донестись до Вашего сердца, зажечь его пламенем самопожертвования и готовности положить душу свою за други своя...

Господь да поможет Вам и благословит Ваше мужественное решение, которое подскажет Вам голос архипастырской совести и которое мы не диктуем, а с сыновней любовью предлагаем Вам для Вашего спасения душевного и блага Церкви.

Мне кажется, что одним из выходов из создавшегося положения – это обратиться Вам и всем православно-мыслящим верующим нашей страны свои взоры к старейшему иерарху Русской Церкви Высокопреосвященному Агафангелу Митрополиту Ярославскому.

Приникните к нему с любовью и доверием.

Он, несмотря на свои преклонные лета, остался мудр и силен духом. Ведь и пермское его воззвание было актом ревности о спасении Церкви.

Протяните к нему свои братские руки, скажите ему теплое братское приветствие, попросите его помочь Вам выйти из этого тягостного положения и передайте ему свои заместительские права впредь до возвращения к власти Высокопреосвященнейшего митрополита Петра. Мы архипастыри, вместе с Вами поможем ему и без организации "Синода" в управлении Церковью своими силами и разумением.

Серафим архиепископ Угличский, викарий Ярославской епархии, бывший Заместитель Патриаршего Местоблюстителя.

1928 года, 24 января/6 февраля.

Источники. Polsky's Russia's New Martyrs, Vol. 2, pp. 12-16. The author (who has also used the pen-names of S. Nesterov and Alexei Rostov) is still living in Italy, and is a correspondent for the Russian newspaper *Nasha Strana*, Buenos Aires, Argentina. Michael Z. Vonokourov, *memories*. – Польский "Новые мученики Российские", т. 2, стр. 12-16. Автор, который использовал также псевдоним С. Нестеров и Алексей Ростов, живет в Италии и является корреспондентом русской газеты "Наша страна", Буэнос-Айрес, Аргентина. Михаил Винокуров, мемуары.

11. Епископ Алексей и юродивая Феоктиста

11.

Епископ Воронежский Алексей и юродивая во Христе Феоктиста.

Память 21 октября/3 ноября (+ 1937 г.)

"Никто не обольщай самого себя. Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым. Ибо мудрость мира сего есть безумие пред Богом"

1 Кор. 3, 18-19.

Город Воронеж расположен в сердце Святой Руси, недалеко от святых монастырей Оптины, Сарова и Глинской пустыни с их святыми старцами, которые донесли истинные православные духовные традиции даже до нашего века.

Сам Воронеж в центре епархии, которая в 1903 году насчитывала восемнадцать монастырей, две с половиной тысячи монахов и монахинь, свыше тысячи церквей и часовен и почти три тысячи белого духовенства. Духовным сердцем города был благовещенский монастырь святителя Митрофания, в котором пребывали мощи этого великого святого XVIII века, первого епископа Воронежского. Позднее, в XVIII веке здесь был другой великий святой – святитель Тихон, окончивший свои дни в уединении неподалеку оттуда, в Задонском монастыре. Еще один святой человек (пока не канонизированный) – Антоний был епископом Воронежским в XIX веке, и это он радел о канонизации обоих своих святых предшественников.

Другим важным монастырем в Воронеже до революции был Свято-Алексеевский монастырь с тридцатью монахами, а главным женским монастырем была Свято-Покровская обитель с шестью сестрами.

I.

После революции 1917 года Воронеж был одним из главных центров сражений гражданской войны, в которой погибло множество людей. С начала революции Воронеж был славен своими новомучениками, только некоторых из которых перечислим здесь.

Отец Георгий Снесарев, священник больничной церкви иконы Знамения Божией Матери в городе Воронеже. Замучен в 1919 году. Ему нанесли шестьдесят три раны, сняли скальп. Палачи загоняли отцу Георгию под ногти гвозди и булавки. Он был изуродован настолько, что его опознали с большим трудом; родственники опознали его только по рукам.

В 1919 году, когда белые ушли из Воронежа и вошли красные, семь монахинь Митрофаньевского монастыря были сварены большевиками живьем в кипящей смоле

за то, что участвовали в молебне вместе с воинами Добровольческой армии.

Иеромонах Нектарий (Иванов), окончивший Московскую Духовную академию и служивший в семинарии в Воронеже, был умучен в 1918 году жесточайшими пытками: его таскали за ноги, переломали руки и ноги, забивали под ногти деревянные гвозди, "причащали" расплавленным оловом. Мученик молился: "Господи, дай рабу Твоему отойти с миром".

Архимандрит Димитрий был убит в 1918 году после того, как у него сняли кожу с головы.

В близлежащих городках были и иные мученики. Управлял епархией тогда митрополит Владимир Воронежский. В июле 1925 года архиепископа Петра (Зверева) послали помочь болевшему митрополиту, который умер на Рождество в следующем году. В 1926 году 15 ноября архиепископ Петр служил в Воронеже в последний раз. На следующий день он был арестован ГПУ и увезен на поезде, а в 1929 году умер на Соловках. Сохранились письма с Соловков этого святого новомученика (Польский, т. 2, стр. 56-66).

II.

После ареста архиепископа Петра vikарный епископ Алексей (Буй) возглавил Воронежскую епархию. Епископ Алексей был высокий и худой, вдохновенный проповедник, великий постник и истинный монах. У него не было академического Богословского образования, и раньше он был епископом Козловским, vikарием Тамбовской епархии. Богослужения совершал внимательно и сосредоточенно.

В Воронеже, как и во всей России, то было тяжелое время. Революция сопровождалась величайшей анархией и беспорядками; гонения на Церковь не ослабевали, и агенты ГПУ использовали всевозможные уловки, чтобы поймать людей в "незаконных" действиях или заявлениях. В Воронеже ГПУ старалось изо всех сил, чтобы раздуть разногласия в среде духовенства и использовать сказанные в запале или подслушанные агентами слова как обвинения. В то время Святая Русь была еще жива и были еще святые, как в предыдущие столетия. В Воронеже проживала женщина святой жизни Феоктиста Михайловна (О ней дальше).

Как раз в это время, в середине 1927 года, была опубликована Декларация митрополита Сергия, и в Воронеже, как и во всей России, верующие были в растерянности. Все взгляды обратились на епископа Алексея, и он ответил смелым неприятием Декларации и заявлением, что является сторонником митрополита Иосифа Петроградского.

Это послание было подписано также шестью священниками Воронежа – протоиереями Иоанном Андреевским, Николаем Пискановским, Петром Новосильцевым, Павлом Смирнским, Александром Филиппенко и Иоанном Стеблиным-Каменским. Эти смелые священники пострадали следующим образом.

Протоиерей Иоанн Андреевский имел огромное значение в деле поддержания Православия в Воронеже. Первый восстал против обновленчества, затем не согласился с митрополитом Сергием. Арестован в 1928 году. Сослан в Среднюю Азию. Когда епископ Алексей услышал о его аресте, он в тот же день бесстрашно пришел в церковь, в которой раньше служил этот священник, и утешил его скорбящую паству.

Вернувшись из ссылки, скрылся и пропал без вести.

Протоиерей Николай Пискановский был арестован и сосан на Соловки, где содержался с 1928 до 1931 года. Умер в 1935 году в ссылке в Архангельске от туберкулеза. Он плел там рыбачьи сети, непрерывно творя при этом молитву Иисусову. Он был духовником всего катакомбного духовенства и верующих в Соловецком концлагере. Все епископы на Соловках, отказавшиеся принять Декларацию митрополита Сергия, питали к нему большое уважение, и все любили его за доброту, отзывчивость, постоянное душевное спокойствие и умение утешить любого в горе.

Протоиерей Александр Филиппенко был впервые арестован и сослан в 1927 году, и в то время почти все члены его семьи умерли от голода. Будучи в 1927 году в административной высылке в Воронеже, он присоединился к тем, кто выступил против Декларации митрополита Сергия. Вскоре принял монашество и стал архимандритом. Потом проживал нелегально в Мичуринске (Козлове), работал печником, обслуживал катакомбную церковь.

Протоиерей Иоанн Стеблин-Каменский страдал в Соловецком лагере с 1924 по 1927 год. Он стал целибатным (безбрачным) священником после службы морским офицером. Снова был арестован в 1929 году. Сохранилось его письмо пастве, написанное в тюрьме в 1929 году (Польский, т. 2, стр. 191-193). Это документ, напоминающий исполненные любви послания апостольских мужей древней Катакомбной Церкви.

Все остальные священники, не согласные с митрополитом Сергием, были арестованы в 1930 году; особенно пострадали тогда монахи Свято-Алексеевского и Свято-Митрофаньевского монастырей.

Свято-Алексеевский монастырь до его закрытия после Пасхи 1931 года был центром для местного и странствующего духовенства со старым "тихоновским" православным мировоззрением, выступавшим против обновленчества, а затем сергианства. Не оставалось больше ни одной церкви такой направленности.

После закрытия Свято-Алексеевского монастыря и уничтожения его духовенства часть населения, оставшаяся верной своим пастырям и их взглядам, осталась полностью без окормления, без Богослужений, но не желала при этом идти в открыто сергианские церкви. Редко и случайно удавалось тайным священникам совершить Богослужение у кого-нибудь на дому. Только доверенные люди с такими же взглядами знали о нем и сообщали другим единомышленникам о службе. Священник обычно приходил служить ночью, на день прятался в каком-нибудь сарае, а на следующую ночь отправлялся куда-либо еще. Во время служб люди обычно пели тихо и через окошко следили, не идет ли кто. Если раздавался стук в дверь, то сначала прятали священника, а потом уже открывали. Бывали случаи, когда управляющие домом не знали, что было Богослужение, так как службы совершались, когда те уходили на работу. Некоторые члены тайной Церкви в России, выехавшие за границу в 1943 году, были тогда в церкви впервые за тринадцать лет.

За свое послание епископ Алексей был временно отстранен митрополитом Сергием, а потом, 1 февраля 1930 года, арестован и умер в тюрьме.

О последних днях жизни епископа Алексея у нас есть воспоминания недавно опочившего протоиерея Сергия Щукина, который так вспоминает свою встречу с ним: "Летом 1936 года мы были отправлены под конвоем в Ухто-Печерский концлагерь

(далеко на Севере). Переезд занял почти целый месяц, поскольку каждые два-три дня мы делали остановку в следующих пунктах: Харьков, Орел, Сызрань, Вятка и Котлас. В Котласе железная дорога заканчивалась, и дальше нас отправили на баржах по Северной Двине и Вычегде до Усть-Выми. Оттуда на грузовиках нас развезли по разным лагерным пунктам.

Сначала в этом конвое не было священников, только политические и криминальные элементы. Но на каждой остановке наш состав менялся – некоторые оставлялись, другие добавлялись. И в Сызрани к нам присоединился архиепископ Алексей, служивший ранее в Воронеже и Козлове. Он был пожилым человеком примерно шестидесяти пяти лет, высоким, крупного телосложения, с нездоровым цветом лица. Но самым необычным было то, что Владыка имел при себе два больших тяжелых чемодана. Он не мог нести их сам, поэтому вынужден был принимать помощь от других. У других людей в конвое были только узелки с сухарями и одеждой, чтобы не привлекать внимания уголовников. И каждый нес свой узелок сам, а ночью клал себе под голову.

Вполне естественно, что появление Владыки с двумя чемоданами сразу вызвало интерес у воров в нашей камере. Мы с товарищами познакомились с архиереем и посоветовали ему быть осторожным, особенно ночью, когда уголовники охотятся за чужим добром. Но Владыка чувствовал себя плохо и, пожав плечами, ответил: "Что я могу сделать? Пусть забирают... Ночью я все равно буду спать". Потом мы решили, что ночью по очереди будем следить за чемоданами Владыки.. Преступникам, конечно, не понравился такой поворот событий, и утром они не скрывали своей злости, но Бог охранил нас от беды... В тот же вечер нас доставили на станцию для дальнейшего передвижения. Такие переходы НКВД всегда организует ночью, чтобы не привлекать внимания местных жителей. Мои товарищи донесли чемоданы Владыки, и нас погрузили в одно из отделений "стольпинского" вагона...

При Царском правлении люди в таких поездах получали горячую пищу дважды в день, а при советской власти им давали только "сухой паек" – 400 грамм черного хлеб, 20 грамм сахара и кусок селедки. Воду давали лишь дважды в день – утром и вечером. Поэтому, получив утром чашку чая, а потом поев соленой рыбы, заключенные весь день мучились от жажды.

Всю дорогу владыка Алексей лежал и дремал. Он говорил мало и редко; ясно было, что он был болен. И он ничего не ел. Конечно, и вагон, и окружение действовали на него угнетающе. На следующий день, когда мы прибыли на станцию Котлас, нас отделили от Владыки. Хотя его направили в тот же самый Ухто-Печерский лагерь, но поместили в другой барак, и мы его больше не видели.

Судя по физическому состоянию владыки Алексея, лагерный режим был ему не по силам. Он не мог работать и поэтому мог рассчитывать только на самый скудный рацион – 300 грамм хлеба и раз в день жидкий суп. Даже если бы кто-то мог послать ему продуктовые посылки, то это можно было бы сделать только после того, как он сообщит свой адрес. И если бы даже его положили в лагерную больницу, то он не получил бы там никакого лечения, поскольку не было никаких лекарств. Никто не думал и о диете для заключенных, пища была самая грубая и однообразная. Следует предположить, что Владыка не долго прожил в таких условиях. Такова была лагерная система в НКВД – освободиться от тех, кто не способен работать..."

Влияние епископа Алексея на будущее развитие истинно православной катакомбной Церкви в России было огромно. Советские исследователи считают его основателем

"секты", называемой "буевцы". Одна недавно изданная книжка о подпольном Православии в Советском Союзе дает общий обзор этого движения (которое, очевидно, является только местной частью более обширного "иосифлянского", или катакомбного движения), взятый из советских источников, которое прослеживается на протяжении примерно двадцати лет после ареста епископа Алексия: + "Советские ученые случайным образом предоставили довольно детальную информацию об одной из ветвей иосифлян, которая позволяет проникнуть в суть этого движения. Организация буевцев возникла в Тамбове в ответ на события 1927 года, возглавил ее епископ Алексей (Буй) из Воронежа, и эта организация родственна с более обширным иосифлянским движением... Движение, которое было начато епископом Алексием и стало известно под его фамилией – "буевцы" – стало частью массы подобных движений, более-менее объединенных под крылом иосифлянского отделения. Но поскольку движение буевцев обрело свою индивидуальность и имело собственное историческое влияние, его можно считать отдельно.

+ Вильям Фостер "Подпольная Русская Православная Церковь", Лондон, издательство Оксфордского университета.

Движение буевцев возникло, главным образом, как местное движение с центром в Воронеже и с ростом его влияния распространилось на окружающие места. Однако согласно советским исследованиям это движение напрямую было связано со многими другими регионами. Движение в организационном плане кажется довольно сложным и хорошо обоснованным... Размах движения трудно определить, но оно явно было довольно существенным и способным привлечь сторонников... Советские исследователи тридцать лет спустя насчитали следы примерно сорока объединений с общим количеством членов свыше семисот человек, принадлежавших к движению буевцев в 1930 году. Однако в виду особых обстоятельств, вызванных подпольным существованием Церкви, трудно представить, что советские историки-исследователи смогли определить более одной части последователей такого движения, и эти цифры не могут иметь большой ценности в определении размеров, силы и влияния этого движения.

Сам Буй был арестован 1 февраля 1930 года, но арест главы движения, давшего ему свое имя, кажется, не очень помешал движению буевцев. На протяжении, по меньшей мере, еще трех лет они с большим усердием продолжали свою работу, и их влияние ощущалось еще следующие десять лет" (стр. 69-71).

"Хотя центр организации был в Воронеже, оно пользовалось большой поддержкой в местностях вокруг Тамбова более чем на сто километров к северо-востоку, и активно действовало на больших территориях на Кавказе и Украине. Конечно, на это движение были яростные нападки, конечным результатом которых было обвинение его лидеров и роспуск организационно структуры в 1930 или 1931 годах. После самых первых нападков движение было реорганизовано и, снова согласно советским исследователям, в 1932 году имело около двухсот человек последователей. Советский академик Митрохин утверждает, что "в конце 1932 года организация буевцев закончила свое существование, самые активнее ее члены были осуждены за антисоветскую деятельность", но далее говорит, что ее приверженцы, несмотря на прошедшее вроде бы разрушение структуры этого движения, устроили антисоветскую агитацию во время избирательной кампании 1939 года: "Во время коллективизации буевцы, как и сходные с ними организации по всей стране, проводили яростную агитацию против колхозов. Поскольку число церквей, которыми могли пользоваться буевцы, было далеко от

необходимого, распространился культ нелегальных мест поклонения, это давало движению большое преимущество, люди из многих деревень ходили туда, а не в нормальную церковь, где они бы находились под контролем властей... Эсхатология играла значительную роль в доктрине буювцев. Более поздние советские исследователи полагают, что этот эсхатологический мотив переплетался с определенными надеждами на восстановление монархии" (стр. 107-109).

Позднее "организация буювцев включала людей, которые стали затем руководителями Истинно Православной Церкви и даже после того, как движение было ликвидировано в организационной форме, эти люди продолжали свою подпольную православную деятельность все тридцатые годы". Далее, согласно советскому источнику (Митрохин), используемому в этой книге, "эта самая организация (буювцы) послужила и идейно, и организационно стартовой площадкой для последователей Истинно Православной Церкви в 1946-52 годах. Среди членов Истинно Православной Церкви в это время мы постоянно встречаем или активных буювцев, или людей, которые в одно время были с ними связаны" (стр. 181-182).

Таким образом, советские источники сами подтверждают связь мужественной позиции епископа Алексия в 1927 году с более поздней Истинно Православной Церковью, которая, как мы знаем из многих других источников, существует до сего дня, тайная и гонимая, как и раньше.

III.

Послание епископа Воронежского Алексия (Буя)

"Для меня нет большей радости, как слышать,

что дети мои ходят в Истине" (3 Посл. Ин. 1, 4).

Стоя на страже Православия и зорко следя за всеми проявлениями церковной жизни не только во вверенной нашему смиренному епархии, но и вообще в патриархате, мы к великому нашему прискорбию обнаружили в последних деяниях возвратившегося к своим обязанностям Заместителя Патриаршего Местоблюстителя Сергия, митрополита Нижегородского, стремительный уклон в сторону обновленчества, превышение прав и полномочий, представленных ему, и нарушение святых канонов (решение принципиальных вопросов самостоятельно, перемещение и увольнение архиереев без суда и следствия и т.п.). (Св. Кирилла пр. 1; Ап. пр. 34).

Своими противными духу Православия деяниями митрополит Сергей отторгнул себя от единства со Святой, Соборной и Апостольской Церковью и утратил право предстоятельства Русской Церкви.

Православные святители и пастыри пытались всячески воздействовать на митрополита Сергия и вернуть его на путь прямой и истинный, но "ничтоже успели".

Ревнуя о славе Божией и желая положить предел дальнейшим посягательствам митрополита Сергия на целостность и неприкосновенность Святых канонов и установленного церковного порядка и незапятнанно сохранить каноническое общение со своим законным главою – Патриаршим Местоблюстителем

Высокопреосвященнейшим митрополитом Петром Крутицким –
Высокопреосвященнейший митрополит Иосиф и единомысленные с ним православные
архипастыри осудили деяния Сергия и лишили его общения с собою.

Будучи волею Божиею и благословением Заместителя Патриаршего Местоблюстителя
Серафима, архиепископа Угличского, от 16/29 февраля 1927 года, обличен высокими
полномочиями быть стражем Воронежской Церкви, с оставлением одновременно и
епископом Козловского округа, и вполне разделяя мнения и настроения верных
православных иерархов и своей паствы, отныне отмежевываюсь от митрополита
Сергия, его Синода и деяний их, сохраняя каноническое преемство через Патриаршего
Местоблюстителя митрополита Петра.

Назначенного Патриаршим Местоблюстителем Высокопреосвященнейшим Петром
митрополитом Крутицким от 16-го декабря 1925 года третьим в заместители
Патриаршего Местоблюстителя Высокопреосвященнейшего Иосифа избираю своим
духовным руководителем.

Молю Господа, "да сохранит Он мирну страну нашу", да утвердит и соблюдет Церковь
Свою Святую от неверия, ересей и раскола и дарует нам ревность и мужество "ходить в
оправданиях Своих без порока".

Управляющий Воронежской епархией

епископ Козловский Алексей

(Печать) Января 9/22 дня 1928 г.

Память свят. Филиппа, митрополита Московского.

Воронеж.

IV.

Блаженная Феоктиста, Христа ради юродивая.

Память 22 февраля (; 1936 г.)

В то время, когда архиепископ Петр и епископ Алексей подвизались в Воронеже, жила
там замечательная святая, Христа ради юродивая блаженная Феоктиста Михайлова.

Два следующих рассказа поведали два бывших жителя Воронежа, лично знавшие
блаженную. Первый из них, архимандрит Митрофан из храма святителя Тихона
Задонского в Сан-Франциско, духовный сын чудотворца архиепископа Иоанна
(Максимовича), рассказал нам следующее: "Человеку трудно избавиться от гордости,
победить ее. Человеческое естество не выдерживает обличения и будет всегда
стараться защитить себя, отвести обвинения, даже если и не прав. А путь юродивых –
особый путь, самый прямой к Богу. Они находят радость в том, чтобы препобеждать
свою гордость. Феоктиста Михайловна намеренно навлекала на себя гонения:
издевались над ней, ненавидели ее, даже били. Кто она была и откуда – никому не было
известно. Говорили, что жена крупного морского офицера, погибшего в японскую II
войну, и что после этой трагедии, разочаровавшись в обыденной жизни, она обратила

свой внутренний взор ввысь и приняла на себя подвиг юродства. Бог вознаградил ее за это даром прозорливости, которым она помогала страждущим ближним.

Была она ниже среднего роста, худенькая, изможденная, с благородными чертами лица. Жила в Воронежском Алексеевском монастыре до его закрытия в 1931 году, а потом находила приют у разных людей. Ей буквально негде было приклонить голову. Время от времени жила она также в Новочеркасске, где была весьма тоже уважаема. Говорили, что там она была принята у атамана Войска Донского; несмотря на вооруженную охрану вокруг его дома, она повсюду проходила свободно, даже в его личные покои. Не зря она утешала людей в Новочеркасске; там было катастрофическое положение: город был почти полностью уничтожен коммунистами, потому что казаки были опорой Царского правительства и из-за своего свободолюбивого нрава считались угрозой для советского режима. И в Воронеже, и в Новочеркасске у нее был свой круг людей, которых она навещала.

Я знаю ее с детства. Как-то мать моя привела меня в женский монастырь к ней в гости. Феоктиста Михайловна сама ухаживала за мной, наливала чай.

В Воронеже был выдающийся пастырь, протоиерей Митрофан, он очень чтил ее, принимал с великим почетом. Он тоже пострадал как мученик в 1931 году.

Вид у нее был особенный. Носила солдатские ботинки самого большого размера и никогда не зашнуровывала. Ходила намеренно по лужам. Ботинки наполнялись водой, и она шла, не обращая внимания.

У нее была клюка – палка с наконечником, просто сук. Всегда носила эту палку. Дорогой закрывала форточки в домах клюкой. Буйная была. Но все же было явно ее дворянское происхождение, аристократический вид. Идет и крепко ругается. Но посмотрит добродушными глазами. Очень меня любила, часто приходила в гости.

Феоктиста Михайловна имела дар прозорливости, который в последние годы особенно ярко проявлялся. Вот случаи, которые я лично на себе испытал.

1. Было страшное советское время, двадцатые годы. Отец мой священник, и я боялся за него. Долго его не видал. После долгой разлуки как-то прибыл и был ночью у отца: очень радовался свиданию с родными. Утром Феоктиста Михайловна присылает одну ей прислуживающую девушку, чтобы я немедленно ушел от отца и пришел к ней. Очень не хотелось, так как время было опасное и я приехал ненадолго.

Девушка ушла и через некоторое время приходит с тем же повелением опять от Феоктисты Михайловны. И так три раза, пока я не пошел. Прихожу, думаю, в чем же дело столь спешное. А она сидит за самоваром и преспокойным образом, как ни в чем не бывало, разливает чай, угощает и ведет самую преспокойную беседу о погоде и расспрашивает о моем житье-бытье. Пришлось смириться и покориться.

Через час приходит мать в слезах. Оказывается, как только я послушался и ушел к Феоктисте Михайловне, пришли с обыском к отцу и арестовали отца. Несмотря на все попытки, я никогда не смог ничего узнать о его дальнейшей судьбе. Был бы я дома, меня бы непременно забрали бы тоже. Феоктиста Михайловна спасла мне жизнь. Затем она приняла совершенно иной вид и посоветовала мне поспешить уехать из города.

2. Следующий случай относится к смерти моей матери. Я очень любил свою мать и очень страдал, когда она умерла. Когда я узнал о смерти моей мамы, то так обозлился на

безвыходную советскую действительность, ежедневное издевательство, окружающее меня, что от горя и с досады и возмущения не стерпел, пошел и напился, до того здорово, что еле добрался до квартиры, где жил. У Феоктисты Михайловны жила одна строгих правил, с высшим образованием девушка, посвятившая ей свою жизнь. Ее звали Анна Васильевна. И вот ей я написал о смерти матери, чтобы передала Феоктисте Михайловне. Получаю письмо от нее, где говорится: Феоктиста Михайловна просит Вам передать, что она пьяных терпеть не может. Так прозорливая знала, что я сделал.

3. Я служил в Орле, был взят на одну работу. Когда узнали, что я сын священника, не получил денег. Уже несколько месяцев продолжается задержка мне денежной выдачи. Денег нет. Очень волновался, что будет дальше. Пишу письмо Анне Васильевне для Феоктисты Михайловны. Вдруг получаю ответ через два дня: "Феоктиста Михайловна просила Вам передать, что она сделала "распоряжение" заплатить Вам деньги". В это время я был в Ельце. Я ожил надеждой, иду на телефонную станцию звонить в Орел, в трест, узнать, в каком положении находится дело с моей оплатой. И слышу: "Где Вы? Мы Вас ищем, чтобы заплатить Вам". Вот и "распорядилась" дорогая Феоктиста Михайловна.

4. Идем раз с Феоктистой Михайловной по улице, а навстречу идет молодая цветущая дама. Видно, Феоктисте Михайловне что-то было о ней открыто, так как вдруг ни с того ни с сего как ударит ее по спине изо всех сил, а потом еще добавила непечатное слово, видимо, связанное с ее тайным пороком. Та так и замерла, но прошла дальше, так как, наверное, знала, за что ей влетело.

Анна Васильевна рассказывала, что ночи Феоктиста Михайловна не спала, проводила в молитве и бодрствовании. Когда приходила в гости, то делала вид, что насекомых вытаскивает и давит, и все чесалась. Этим, конечно, вызывала у людей осуждение. При чужих начинала говорить всякую чепуху, иногда ругательствами переплетает. Как только чужие уйдут, начинает беседу прозорливой старицы. У нее был исключительный ум, особая тонкость выражения! Видно было, что она хорошего воспитания.

В Воронеже была большая площадь, с одной стороны – областной комитет партии и областной исполнительный комитет, и там памятники Ленину и Сталину. Везде парадные чекисты стоят. Раз она подошла к этим памятникам и при всем народе помочилась. Потекла лужа. Ее сразу же забрали в ЧК, а она там на столе запачкала "побольшим". Подержали и отпустили как ненормальную.

У нее была знакомая Аниська, которая очень ее любила. Она однажды заболела и собралась умирать, так как никто не мог помочь ей. Приходит к ней Феоктиста Михайловна. Ей говорит Аниська, что умирает. "Притворяется", – отвечает Феоктиста Михайловна, подходит к ней, берет за руку действительно умирающую и говорит – "Аниська, вставай!" Та моментально встала и начала им готовить обед, и на этом кончилась вся ее болезнь. Это было в Воронеже.

У одной женщины был обыск. Был у них малый запас денег, которые она спрятала из сумки в шкаф. Вдруг нагрянули обыскивать ее. Все обыскивали. Мысленно она возопила о помощи: "Феоктиста Михайловна, спаси!" Обыскивающий толкнул сумку, и ничего не увидел. Буфет передвигал, а денег не нашел.

Другое свидетельство о Феоктисте Михайловне дается духовной дочерью архиепископа Петра (Зверева), бывшей в Воронеже в двадцатых годах; сейчас она

монахиня, мать Ксения, живет в обители в Калифорнии.

"Кажется, так давно это было, что с трудом уже вспоминается... Блаженная Воронежская Феоктиста Михайловна... Вижу ее – небольшого роста, одетую в длинную юбку и какое-то невзрачное пальто, на голове что-то много накручено, или несколько платков, или, может быть, один толстый, как бы байковый. Ходила она по большей части по мостовой, бывала с нею какая-то сопровождающая ее, возможно, монахиня или послушница из Покровского девичьего монастыря, так как жила она там среди оставшихся, случайно не изгнанных сестер, в давно разоренном монастыре, превращенном в так называемый рабочий городок.

В какой-то из келий и жила Феоктиста Михайловна. Поскольку теперь там жили миряне, а школьники были напичканы коммунистической пропагандой, Феоктисту Михайловну часто сопровождала ватага мальчишек – малолетних хулиганов. Обычно он не обращала на них внимания, но иной раз останавливалась и, повернувшись к ним, что-то говорила. По большей части приходилось видеть ее издали, приближаться к ней с некоторой опаской, потому что всем было известно, что она сумасшедшая. Были семьи, которые она навещала и, возможно, гостила у некоторых. Все старые жители знали ее как святую и очень ее уважали.

Когда 10/23-го ноября 1925 года ГПУ арестовало епископа Петра Воронежского, его паства тяжело переживала разлуку с ним и обратилась к блаженной Феоктисте Михайловне: "Скоро ли вернется Владыка"? "Когда приедет Владыка?" Она отвечала: "Мясоедом приедет". И действительно, ГПУ не задержало его, он вернулся домой, в Воронеж, как раз вовремя, к похоронам митрополита Владимира Воронежского 28 декабря, то есть когда закончился пост, после празднования Рождества Христова.

2-го февраля 1926 года владыка Петр стал архиепископом Воронежским и стал жить тогда в небольшом домике недалеко от Алексеевского монастыря. Здесь Феоктиста Михайловна постоянно навещала Владыку (видимо, он вообще был в дружбе с блаженной), причем она прямо проходила в его келию и садилась на его кровать, где ждала его, пока Владыка отпустит непрестанно приходивших к нему. Называл Владыка ее всегда по имени и отчеству.

Помню еще. В верхнем храме Алексеевского монастыря в честь Воскресения Христова были две чудотворные иконы Божией Матери: "Живоносного Источника", помещавшаяся справа, на возвышении, куда вели ступеньки с металлическими перильцами, а с левой, на таком же точно возвышении помещалась икона "Троеручицы". И вот как-то все молившиеся в храме были весьма смущены поведением Феоктисты Михайловны: она забралась на возвышение к иконе Божией Матери Троеручицы, стала спиной к иконе и начала кого-то сильно обзывать довольно некрасивыми выражениями. Через некоторое время воры влезли в ризницу, перепиливши чугунные решетки и похитили что-то ценное. Тогда люди поняли, что это ее выступление относилось к тем злодеям.

Говорили, что если она давала хлеб, то это к хорошему. Рассказывали, что раз она пила чай у кого-то из сестер в Девичьем монастыре, вдруг вскочила и выплеснула из блюдца воду во двор, а в это время у кого-то поблизости загорелась сажа в трубе. Так Феоктиста Михайловна "залила" пожар этим своим прозорливым действием.

От одной рабы Божией она отказалась принять булку, сказав: "Она тебе самой нужна, ты столько-то (она сказала, сколько) проживешь с ней одной (больше нечего, мол, будет есть тебе)".

Праведная Феоктиста видела стремительное уничтожение православных церквей и памятников в Воронеже в тридцатые годы, что было лишь частью сатанинской программы, проводившейся по всей многострадальной русской земле и вызывавшей ненависть почти всех русских людей. Режим террора достиг такого размаха, что люди думали, будто какие-то сумасшедшие вырвались на волю и захватили бразды правления. Тысячи людей арестовывали и бросали в тюрьмы беспричинно. Профессор П. Кусаков, живущий сейчас в Южной Америке, был тогда молодым человеком, но все еще хорошо помнит блаженную Феоктисту. Он рассказывал нам, что эти аресты были каким-то кошмаром, после которых люди становились ко всему безразличными. Те немногие, которые оставались на свободе, думали только об одном – как выжить самим и помочь своим оказавшимся в беде близким. Вдобавок ко всему по всему южному региону, который всегда был житницей России, свирепствовал голод (как следствие дел человеческих), умирали тысячи невинных людей.

Все это блаженная Феоктиста видела и переживала с оставшимися христианами. К середине тридцатых годов все церкви были закрыты, их или снесли до основания, или превратили в складские помещения. Христианство ушло в глубокое подполье, и немногие верующие глубокой ночью украдкой пробирались на Богослужения. Сердце блаженной, так много доброго сделавшей для людей, не выдержало. 22 февраля 1936 года (по старому стилю) у Феоктисты Михайловны пошла горлом кровь, и она умерла. Говорили, что перед смертью она оделась во все белое, чтобы встретить Жениха своего – Христа. Умерла она в обители, похоронена на сельском кладбище, и в Воронеже о ней забыли. Но в любящих сердцах по всему миру, где только есть свидетельство и понимание русских катакомбных святых, образ ее живет.

Источники. *Polsky's Russia's New Martyrs, Vol. 2; Memoires of Rev. Sergei Shukin, Archimandrite Mitrofan, Nun Xenia, and Peter Kusakov.* – Польский "Новые мученики Российские", т. 2. Воспоминания прот. Сергия Щукина, архимандрита Митрофана, монахини Ксении и Петра Кусакова.

12. Архиепископ Пахомий Черниговский

12. Архиепископ Пахомий Черниговский.
Его брат архиепископ Аверкий и их послание.

Память 11 ноября (+ 1937 г.)

"Тот, кто обрел любовь, ощущает Христа каждый день и каждый час и этим становится бессмертен. Любовь слаще, чем жизнь. Тот, кто обрел любовь, хранится Богом".
Св. Исаак Сирин.

В семье Кедровых, уроженцев Вятки, было три брата-епископа. Отец их, Петр Кедров, был священником. Своим сыновьям дал хорошее церковное воспитание и Богословское образование.

Старший сын Петр, будущий иерарх-мученик Пахомий Черниговский, родился 30 июля 1876 года. Он был по натуре серьезным, мягким и кротким, а, подрастая, стал задумчивым и тянулся к Церкви. Закончив Вятскую Духовную семинарию, он поступил в Казанскую Духовную академию в то время, когда ректором там был архимандрит, затем епископ Антоний (Храповицкий), будущий митрополит и первоиерарх Русской Зарубежной Церкви. Учился вместе с будущим архиепископом Феодором (Поздеевским). Дух обучающихся в то время был исключительно пылкий; это истинно была одна духовная семья или, скорее, маленькая армия студентов с монашеским мышлением, и сердцем ее был молодой владыка ректор. С неподдельной

любовью он вдохновлял своих учеников неиссякаемой жаждой претворения в жизнь православной истины, и это в то время, когда в православной Святой Руси прокладывали себе дорогу революционные идеи. Студентов готовили тщательно, хорошо понимая дух времени, и они горели желанием идти в мир и учить евангельским истинам. Богослужения в академии, строго уставные, в которых все принимали участие, были живым источником вдохновения для студентов. Обязанностью юного Петра было возжигать свечи, что он и делал с присущей ему глубокой серьезностью.

Будучи чрезмерно ревнивым в своей вере, Петр решил буквально исполнить завет Господа: "Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя" (Мф. 5, 29), и однажды ночью попытался выжечь себе правый глаз свечей. С ним в комнате жил тогда Василий Максименко, будущий архиепископ Виталий Джорданвилльский. Ночью Петр разбудил его скрежетом зубов, пытавшийся таким образом вытерпеть боль. Увидев, что случилось, Василий с криком спас глаз товарища. Однако ожоги были такие серьезные, что на веке и брови потребовалось хирургическое вмешательство, и на всю жизнь остался шрам.

В 1900 году Петр окончил академию, во время учебы в которой, в 1898 году, владыка Антоний постриг его в монашество с именем Пахомий. При своем переводе в Волынскую епархию владыка Антоний взял молодого иеромонаха с собой, и тот исполнял труды миссионерские, живя в Троицком Дерманском монастыре близ Почаевской лавры преподобного Иова. В 1911 году его посвятили во епископа Новгород-Северского, он стал викарием Черниговской епархии. А скоро стал епископом Черниговским – епархии, знаменитой мощами святителя Феодосия Черниговского, канонизированного в 1896 году. Во время революции владыка Пахомий участвовал в Соборе 1917-18 годов, а 30 октября 1917 года сделал доклад, касающийся процедуры избрания Патриарха, и в этом докладе отразил мнение своего наставника, владыки Антония, которого не только искренне почитал, но и перенял у него пастырское рвение.

Это качество осталось у него на всю жизнь. Это ясно видно в его послании против "легализации" 1927 года так же, как в его пастырской деятельности в период после гражданской войны в России. Когда Белая армия, а с ней его возлюбленный митрополит Антоний, отступала, и красные взяли страну под полный контроль, Россия была в совершенной разрухе, транспортная система парализована, но это не останавливало доброго пастыря. Взяв свой посох, архиепископ Пахомий посещал все приходы своей епархии пешком! Поскольку левый берег Днепра согласно новому административному делению принадлежал Черниговской епархии, он должен был также посещать окрестности Киева, и так побывал и в пещерах Киевской лавры.

Будучи архиепископом Черниговским, он оставался настоятелем местного монастыря, где подвизался. Город Чернигов в это время еще жил жизнью Святой Руси, и по его улицам ходили праведники, одним из которых был Христа ради юродивый Михаил Блаженный.

В миру праведный Михаил был уважаемым инженером. Однажды ему поручили построить большой мост. Мост был сооружен согласно расчетам. И вот этот мост однажды рухнул, убив несколько человек. Инженер был так потрясен известием об этой трагедии, что, сняв с себя дорогой деловой костюм, надел длинную рубаху и навсегда ушел из дома. Он стал юродивым Христа ради. Он ел очень мало, почти всегда был бездомным, целые ночи простаивал на коленях в молитве и почти ничего не говорил, повторяя только: "Каюсь!" Блаженный Михаил обрел великую святость, он часто посещал архиепископа Пахомия. Когда в 1922 году он умер, весь город

оплакивал его смерть и принимал участие в погребении, которое с горькими слезами на глазах совершал владыка Пахомий. Тайны о будущем России и всего мира, открывшиеся этому святому юродивому о Христе, были, несомненно, поведаны им и владыке Пахомию, с которым у них были родственные души и который мог понять и сохранить тайны Божии в своем сердце.

В том же году коммунистические власти много раз пытались арестовать архиепископа Пахомия. Однажды они ворвались в собор во время Божественной литургии, чтобы прямо там его арестовать. Но верующие, плотной толпой закрыв проход к алтарю, в тот раз помешали их намерениям. ГПУ не собиралось отказываться от своих зловещих планов. У Владыки была привычка надолго оставаться в алтаре после службы, и в один день, когда там был лишь он и его келейник, агенты ГПУ ворвались в святилище и схватили свою жертву. Так в первый раз был арестован архиепископ Пахомий. Его освобождали только для того, чтобы снова и снова арестовывать. Все эти аресты были для него непрерывной чередой кошмаров, которые начали подрывать его душевное спокойствие.

Примерно в то же самое время коммунистические власти по всей России начали кощунственное "исследование" святых мощей, открывая гробницы многих святых в попытке "научно" доказать публике, что святые останки тоже подвержены тлению. Они устраивали ужасные спектакли святотатства, вызывая этим многочисленные протесты и сопротивление народа. Многие за это пострадали – были арестовываемы и гонимы. Но "научные исследователи" сами были посрамлены, потому что должны были признать, что мощи действительно были нетленными, чего они научно не могли объяснить, и это было опубликовано во всех газетах. Православные верующие радовались такому исходу, но власти тем не менее делали свою работу – они поместили мощи святых в атеистических музеях как "мумии". Некоторые душевно чуткие епископы умерли от отчаяния и скорби во время этой кампании издевательств над святыми, как, например, архиепископ Анатолий Иркутский.

Архиепископу Пахомию также пришлось пострадать в этой кампании. Требовали разоблачить и выставить на обозрение публики мощи святителя Феодосия. Обычно атеистическая комиссия "ученых" сама перетряхивала мощи, но архиепископ Пахомий, проявив твердость, надел епитрахиль и поручи и сам открыл мощи, проливая при том слезы боли в присутствии множества верующих, также плакавших и рыдавших, видя, что коммунисты даже мертвых не оставляют в покое. (Архиепископ Леонтий Чилийский, близкий друг владыки Пахомия, сохранил для нас редкую фотографию открытия мощей святителя Феодосия Черниговского, показывающую скорбного владыку Пахомия, держащего мощи и окруженного горюющей паствой.) После этого мощи были конфискованы, перевезены в Петроград и выставлены в музее атеизма вместе с мертвыми крысами и костями ископаемых. Но верующие, подкупив охранников, тайно по ночам совершали службы перед мощами. Очевидно, в связи с этим владыка Пахомий был арестован.

После ареста и высылки в 1922 году из Черниговской губернии он нашел убежище в Свято-Данииловом монастыре в Москве, настоятель которого был последним до революции ректором Московской Духовной академии – архиепископ Феодор (Поздеевский), который как-то еще ухитрился продолжать ее труды. Архиепископ Феодор дал приют многим изгнанным епископам; временами в монастыре, который после 1927 года стал центром духовенства, не принявшего отступническое сергианство, жило до десяти епископов. Архиепископ Феодор был в формальной оппозиции даже патриарху Тихону, когда тот готов был идти на уступки к коммунистическому правительству. В этом монастыре послушник Киево-Печерской лавры Василий,

будущий архиепископ Леонтий Чилийский, встретил архиепископа Пахомия и видел, как тот сослужил патриарху Тихону. Он даже получил письмо от архиепископа Пахомия (оно сохранилось), в котором исповедник, давая свое благословение, писал, что сомневается в том, что "Господь даст нам встретиться вновь".

Младший брат архиепископа Пахомия Поликарп, тоже имевший Богословское образование, перед тем как стать монахом преподавал Новый Завет в Духовной семинарии в Вильне. В 1910 году он был пострижен с именем Аверкий, а в 1915-м стал епископом Острожским с проживанием в Богоявленском монастыре в Житомире. Паства там хорошо его приняла. Он был молод, со светлыми вьющимися волосами, очень благочестивый, энергичный дружелюбный и на вид он был полон жизни и здоровья. Был стоек в вере, открытый, доступный – его очень любили. Всегда говорил проповеди. Служил весьма торжественно и любил совершать крестные ходы на большие расстояния, проходя деревни и городки, всю дорогу с людьми пел и проповедовал, зримо показывая дорогу веры, которой надлежит идти христианам в эти опасные времена. Любил также всенощные бдения, оканчивавшиеся на рассвете, и часто совершал их, привлекая много народа. Потом его арестовали, подорвали его здоровье. Потом освободили и снова арестовали, после того как он вместе со своим братом написал послание против декларации митрополита Сергия. 10 ноября 1937 года он был приговорен к расстрелу и 27 ноября расстрелян в Уфе.

В 1927 году позорная декларация митрополита Сергия с ее "легализацией" Церкви (на условиях Советов) нанесла сильный удар по православным верующим, которые, пока притесняли их, но не затрагивали основ Церкви, еще утешались. Архиепископ Пахомий был одним из первых, кто выступил с протестом, написав вместе со своим братом архиепископом Аверкием важный документ, который мы приводим ниже, адресованный не прямо митрополиту Сергию, а верующим в целом. Он дает подробную картину того, в каких условиях оказалась Церковь в результате декларации.

Вскоре после написания этого послания архиепископ Пахомий был арестован и выслан сначала на Соловки, потом, в 1931 году, в лагерь рабского труда на Май-Губе, где строили Беломорканал. Профессор Нестеров, бывший там в то время, рассказывал, что архиепископ Пахомий прибыл туда почти что инвалидом, с параличом лицевых нервов. Из-за физической слабости он не мог быть использован на строительстве и поэтому был сослан в 1932 году в лагерь для инвалидов Кузема. Но даже и там его нагружали физическим трудом, что для него было очень трудно – носить воду, печь хлеб и так далее.

Профессор Нестеров рассказывал об одном случае из того периода, очень характерном для Владыки. Один из заключенных профессоров работал в конторе Куземского лагеря писарем. Он должен был в срочном порядке составить список тех, кого посылали в другой рабочий пункт в лагере, и должен был работать всю ночь. Профессор был измучен и раздражен. Утром архиепископ Пахомий пришел в контору и спросил профессора, знает ли тот, куда и когда их посылают. Профессор ответил резко: "Владыка, Вы мне мешаете"! И еще кое-что грубо добавил. Архиепископ Пахомий смиренно поклонился ему до земли, прося прощения за то, что помешал тому своим вопросом. Профессор расстроился и в свою очередь попросил прощения за грубость у архиерея.

В личном разговоре с профессором Нестеровым архиепископ Пахомий часто обличал политику митрополита Сергия более резко и категорично, чем в своем послании. В это

время результаты политики митрополита Сергия были уже видны и по отношению к судьбе Церкви в целом, и по отношению к гонимым епископам в частности. Вместо обещанной легализации в ускоренном темпе шла ликвидация Церкви и духовенства. Епископы и священники томились в тюрьмах безо всякой надежды на освобождение. Высылки и аресты не только не прекратились, но даже возросли.

Архиепископ Пахомий признавал главой Церкви не митрополита Сергия, а митрополита Кирилла, что соответствовало указаниям патриарха Тихона. И когда в местах заключения, где было собрано множество епископов, священников и верующих, было образовано какое-то подобие Церкви, архиепископ Пахомий признал главой этой Церкви архиепископа Серафима (Самойловича) Угличского, который в то время был заключенным и работал писарем в женском концлагере в Май-Губе. В отсутствие архиепископа Пахомия все церкви Черниговской епархии поминали митрополита Сергия до 1930 года, а те, кто вслед за своим архипастырем отказался принять "легализацию", должны были ездить в Киев в общину игумении Софии для принятия Святых Таин.

У братьев-епископов Пахомия и Аверкия был еще один брат – Михаил, который между двумя войнами преподавал Богословие в Польше в Кременецкой и Виленской семинариях. После Второй Мировой войны он стал монахом и был хиротонисан во епископа Вроцлавского, был архиепископом Гданьским и Щецинским, умер в 1951 году.

Братья-епископы Пахомий и Аверкий, как ясно видно из их документа, принадлежат к исповедникам Российской Истинно Православной Церкви XX столетия. Их послание, сдержанное по тону и даже советуемое не порывать сразу с митрополитом Сергием (позднее они сочли необходимым разорвать этот союз), так точно описывает ошибки новой церковной политики митрополита Сергия, что кажется созвучным нашим дням, отстоящим от того послания на десятилетия, когда результаты этих ошибок ослепляюще очевидны всем. Самое главное, как со всеми отцами-основателями катакомбной Церкви в России, послание делает основной упор на духовную свободу, без которой Церковь может стать просто еще одним инструментом мирских властей.

Послание нельзя найти в обычных печатных и рукописных источниках того периода, но оно было сохранено Е.Н. Лопушанской, секретарем епископа Дамаскина Глуховского, который был викарием архиепископа Пахомия и твердым оппонентом декларации. Она посвятила всю свою жизнь сохранению трудов и свидетельства о епископе Дамаскине и незадолго до своей смерти в Сан-Франциско в 1972 году смогла напечатать это послание вместе с другими материалами о епископах-исповедниках, противостоявших митрополиту Сергию.

Послание братьев архиепископа Пахомия Черниговского и архиепископа Аверкия Житомирского.

Документ конца 1927 года.

Мы до сего времени не могли якобы договориться с властью и не пользуемся правами, якобы предоставленными законами советской республики всякой религии, и это совсем не потому, что наша Церковь контрреволюционна. Наши архипастыри и церковники миряне, томящиеся в узах изгнания и горьких работах, совсем не занимались какой-

либо противоправительственной деятельностью. Теперь это уже известно всем. Истинная же причина скорбных явлений заключается в коренном расхождении наших основных религиозных воззрений на мир Божий и жизнь человеческую, на цели и задачи нашего земного существования с воззрениями коммунистическими, которые полагаются советским государством в основу жизни своих граждан: то, что для нас святыня и неприкосновенная истина, то для безбожника опиум (дурман), предрассудок, обман и шарлатанство, а, может быть, и контрреволюция – например, идея патриаршества, святые иконы, святые мощи, наши святые таинства и наши богослужения, и самая вера во Христа распятого. Так вновь подтверждается всем миром вечная правда слов великого апостола Павла: "Слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых – сила Божия. Мы проповедуем Христа распятого, для иудеев соблазн, для эллинов безумие, для самих же призванных, иудеев и эллинов, Христа – Божию силу и Божию премудрость" (1 Кор. 1, 18, 23-24). "Мудрость мы проповедуем между совершенными, но мудрость не века сего и не властей века сего преходящих. Но проповедуем Премудрость Божию, тайную, сокровенную"..., которой никто из властей века сего не познал (1 Кор. 2, 6-8). У них бог века сего ослепил умы (2 Кор. 4, 4), душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому, что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому что о сем надо судить духовно" (1 Кор. 2, 14).

Итак, союза Церкви с государством, в отношении нашей Православной Церкви и Советского Союза, быть не может по причине коренного различия в основных воззрениях той и другой стороны. Возможна лишь условная договоренность в практических взаимоотношениях исключительно на основе принципа отделения Церкви от государства.

В самом деле, можно ли вообразить советское государство в союзе с Церковью? Государственная религия в антирелигиозном государстве! Правительственная Церковь при безбожном правительстве! Это бессмыслица, это противоречит природе Церкви и советского государства, это неприемлемо как для искренне религиозного человека, так и для честного безбожника.

Между тем, эту бессмыслицу на наших глазах пытаются осуществить в действительности. Наши теперешние руководители церковной жизни, "имея некоторый кругозор", начали проводить "новый курс церковной политики". Но этот новый путь сбивается на старые пути и сводится к попытке организовать государственную правительственную церковь, как это было в Российской Империи.

Уже в декларации митрополита Сергия и его Синода, опубликованной с издевательским и кощунственным предисловием в "Известиях" от 19. 8. 1927 г., среди других неудачных положений и выражений допущено такое, которое свидетельствует о затирании авторами этого прискорбного документа – границы между Церковью и государством. Как же возможно искреннему человеку безоговорочно заявить, что радости и огорчения Советского Союза, как родины нашей, являются таковыми же для Церкви Православной. Советский Союз есть государство и такого тождества радостей и горестей у Святой Церкви не может быть ни с каким государством, тем более с таким, которое вовсе не скрывает, что желало бы уничтожить всякую религию, вообще... Увлекаясь церковной политикой, забыли наши предстоятели наставления св. апостола: "Не преклоняйтесь под чужое ярмо с неверными: ибо какое общение праведности с беззаконием? Что общего у света со тьмой? Какое согласие между Христом и Велиаром? Или какое сочувствие верного с неверным" (2 Кор. 6, 14, 15).

Если большинство архиереев, пастырей и мирян, прочтя эти подобные им

выражения в декларации м. Сергия, не поспешили с протестом, то именно, по причине опасения преждевременным выступлением вызвать разделение в Церкви и вследствие надежды, что в своей деятельности м. Сергий и Синод поправят те ошибки, которые допущены ими на бумаге. Но, увы, действительность не оправдала наших упований; нужно иметь в виду, что вообще при союзе Церкви с государством, располагающим внешнею силою и всеми средствами чисто физического воздействия, при малейшем нарушении идеально справедливых взаимоотношений, страдающей стороной всегда является Церковь, и даже свобода ее внутренней жизни легко нарушается при обычном стремлении последнего превратить церковно-административные учреждения в органы своего управления. Тем более государство антирелигиозное и в отношении Церкви недружественное, для которого некоторые неприкосновенные устои ее внутренней жизни и ее нравственный авторитет является не заслуживающими внимания предрассудками, конечно, церемониться не будут. Оно использует церковный аппарат (раблепный синод, покладистых предстоятелей) в своих политических целях (совсем не на пользу святой веры) и поставит Церковь в унижительное положение.

Принцип духовной свободы Церкви и невмешательства Церкви в политику сейчас же таким государством будет нарушен, – что мы уже видели в действительности.

Вот почему м. Сергий, поступая вопреки советскому закону о положении "Отделения Церкви от государства", стал на весьма опасный путь.

Какой же результат? Теперь уже выяснилось, что м. Сергий и его Синод попали под ужасное давление агентов власти даже внутри церковной своей деятельности. Так, назначение и перемещение епископов совершается при чрезвычайно близком участии советской власти, на местах административные и охранные органы наблюдают за тем: принимаются ли населением присланные Синодом м. Сергия архиереи (православные архиереи являются к своим пасомым под защитой милиции); возносятся ли имя м. Сергия на богослужениях, молятся ли за власть, – (считающие молитву шарлатанством, издевающимися над ней). Непризнающие м. Сергия церковные деятели уже ссылаются в Соловки, где количество архиереев возрастает с каждым годом; и даже вопрос о размещении и перемещении клириков в священнослужении решается больше советскою властью, чем церковною. Архиерейские кафедры, вопреки указаниям Собора 1917-18 гг., десятками закрываются, чем ослабляется Церковь, а назначенные архиереи, прибывая на места, обязаны предварительно докладывать в известных правительственных учреждениях, свои намерения и планы церковной работы и получать руководящие указания. Теперь власть гражданская не имеет нужды своими средствами устранять неудобных ей церковных деятелей, она отдает об этом приказ (тайный) Синоду или местному архиерею.

Митрополит Сергий является полным рабом, послушным орудием в руках известных нам лиц, представителей отдельных советских учреждений и утратил вполне свой морально-церковный авторитет, вопреки слову апостола (2 Тим. II, 15), ибо за каждым его даже церковным распоряжением, нам запуганным и подозрительным, мерещится внушение от "внешних". Сверх того, наш церковно-административный аппарат ставится в непозволительную близость с охранными органами советской власти, чего никогда в истории Церкви не бывало и допущено быть не может. Словом, такого унижения и оплевания Святая Церковь еще не переживала.

Так заповедует нам святой апостол Павел: "Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее, чтобы освятить ее, очистить банею водной посредством слова, чтобы представить ее Себе славною Церковью, не имеющей пятна или порока или чего-либо подобного, но дабы она была свята и непорочна (Ефес. 5, 25-27), как невеста Христова.

Не унижайте же Святой Церкви, не грязните ее непорочных одежд.

Святая Церковь может быть подвергнута внешним бедствиям: гонениям и стеснениям, но отказаться от своей духовной свободы и достоинства не может, напротив, в бедствиях она еще более внутренне просветляется и непрестанно обновляется (2 Кор. 4, 16-17). Таков закон духовной жизни и отдельного христианина и всей Церкви Христовой, почему узы и скорби мы понимаем как милость Божию, ибо увенчивает за них Господь верных Своих рабов. (2 Кор. 4, 17). Но на унижение Святой Церкви, на попрание ее внутренней свободы, Церковь никогда не согласится. Нельзя свободу Церкви и ее достоинство предавать на поправление, "чтобы не быть гонимым за крест Христов. (Гал. 6, 12), по слову апостола.

Легализация, которую стараются проводить м. Сергий и его Синод, является совершенно неприемлемой и невозможной, потому, что она противоречит советским законам (беззаконна, нелегальна), противна природе вещей, природе Церкви и советского государства, противна разуму, ибо стремится соединить несовместимое. Такая реформа не может пройти в жизнь практически, она видимо проваливается. В церковном отношении она преступна, ибо продает свободу внутренней жизни Церкви и кощунственно унижает ее святость и достоинство.

Как проект противников Церкви Божией и христианской религии, реформа м. Сергия является вполне продуманной (не им, конечно), последовательной мерой в целях расстройства Святой Церкви, разложения религиозной жизни страны. Но православный митрополит и патриарший Синод не могут поддерживать таких задач.

Но если бы в новой церковной политике м. Сергия не заключалось ничего преступного, в отношении Церкви предосудительного, то ее все же необходимо было бы отвергнуть по одному тому, что, нисколько не улучшив внешнего положения Церкви, на что она претендовала, она вызывает великое смущение и соблазн в церковном народе и вообще у большинства верующих, от иерархов до мирян.

Сердце доброго пастыря, естественно сжимается от нестерпимой скорби при виде этой потрясающей картины великого церковного разорения, наполовину произведенного рукою предстоятеля Церкви. Не нужно нам таких реформ церковных. Лучше мы все вновь и вновь пойдем в узы и изгнание, лишь бы сохранить души вверенного нам народа Божия. Ибо все дадим великий ответ за гибель чад своих. "Горе миру от соблазнов, ибо надобно прийти соблазнам, но горе тому человеку, через которого соблазн приходит" (Мф. 18, 6-7 и 10). Св. апостол Павел учит: если вы лично имеете действительную духовную свободу и высшее разумение, так, что внешнее не смущает вас, и если вы даже правы в своих необычных для большинства поступках, но если эти поступки смущают немощную совесть брата, берегитесь, чтобы свобода ваша не послужила соблазном для немощных... И от знания твоего погибнет немощный брат, за которого умер Христос. А согрешая, таким образом, против братьев и уязвляя немощную совесть их, вы согрешаете против Христа (1 Кор. 8, 9-13).

"Итак, будем искать того, что служит к миру и ко взаимному назиданию" (Рим. 14, 15-20). Это говорит апостол относительно пищи, но у нас вопрос общецерковной жизни значительно важнее вопроса о пище и о наших личных поступках и соблазн в этой области получается более глубокий. "Не подавайте соблазна ни иудеям, ни эллинам, ни Церкви Божией, так как и я угождаю всем во всем, ища не своей пользы, но пользы многих, чтобы они спаслись" (1 Кор. 10, 24 и 32-33). Вот обязательное правило для всех пастырей церковных – искать не своей пользы, но пользы многих, чтобы они спаслись.

Главное каноническое основание законности власти в Церкви Русской и м. Петра, и м. Сергия (на время отсутствия м. Петра) заключается в том, что как тот, так и другой, были признаны и поддержаны в своем временном положении епископатам Русской Православной Церкви в целом. Кроме того в нашем вопросе важно вспомнить некоторые личные качества Сергия.

Безукоризненный монах, скромный, благоговейный архипастырь, глубокий церковный мыслитель, автор богословской книги возвышенного отеческого духа "Православное учение о спасении", добрый воспитатель духовного юношества в духовных академиях и весьма полезный церковный деятель, которого мы все так чтим и любили. Правда, в практической своей деятельности м. Сергий при слабости воли всегда имел нужду опираться на более сильных волей своих друзей. Когда же эта опора отнималась от него почему-либо, он начинал часто колебаться и делать ошибки безволия, (Увы, в 1922 году м. Сергий дошел даже до признания Высшего Церковного Управления. В настоящее время м. Сергий не только намеренно лишен своих друзей, но и окружен определенным подбором людьми, вошедшими в его Синод не по его выбору. Под влиянием этого нового окружения и давления от "внешних", после неоднократного заключения в московской внутренней тюрьме, м. Сергий принял свой новый "курс" церковной политики, которую после продолжительного сопротивления, наконец, признал "правильной" и обязательной для христианина и отвечающей нуждам Церкви.

Несомненно далее, что в этом своем предприятии м. Сергий не ставил себе злых целей в отношении Святой Церкви. Конечно, он надеялся достигнуть мира в церковной жизни, освобождения заключенных. Словом, доверчивый человек уповал устроить (когда он выполнит предъявленные ему требования и будут исполнены данные ему обещания) внешнее благополучие Церкви, ожидал от того и внутреннего благоустройства религиозной жизни.

Самый принцип задачи м. Сергия – приведение внешних форм церковной жизни в согласие с современными общественно – политическими условиями, как истинная легализация, является в сущности, правильным и, повторяем, по апостольскому наставлению и духу. Но слабовольный, хотя и незлонамеренный наш предстоятель, подвергаясь настойчивому внешнему воздействию, не удержался в церковных границах сего принципа, переоценив значение для религиозной жизни внешних условий, и средствами для своей правильной цели избрал не исповедание церковной истины, а личную хитрость, неискренность, политиканство. Поднявши такое неподходящее в церковной деятельности оружие, м. Сергий сам от него пострадал, ибо сыны века сего всегда бывают искуснее сынов света в пользовании этим оружием.

Но понадеялся м. Сергий на свою мудрость, на мирские средства вместо того, чтобы всецело уповать на милость и помощь Божию, на силу истины Христовой, вооружившись подвигами чистоты и исповедничества и постоянной готовности терпеть скорби и гонения, каковыми подвигами верующих Церковь Божия украшается и вечно обновляется, а не радостями жизни, как проповедают обновленцы. А мирские средства борьбы, как негодные для христианского духовного деятеля, апостол Павел совершенно отвергает и осуждает. Он бичует даже тень лицемерия (Гал. 2, 11-14), заповедует всем христианам отвергать ложь, говорить истину каждый "ближнему своему" (Еф. 4, 25 и Кол. 3, 9).

Митрополит Сергий, устанавливая взаимоотношения Церкви и советского государства, практически уклонился от основной правильной идеи, определяющей эти отношения и, избрав мирские методы деятельности, нарушил традицию Православной Церкви относительно церковной политики, в то же время не удержался и на почве советского

закона. А на таком неистинном основании, что доброе может быть воздвигнуто? Но принципиального отступления от Истины, веры и Церковного учения м. Сергий не допустил и канонического строя Церкви не нарушил. Во всяком случае, грех его не догматического и не канонического характера, а практической слабости и практических ошибок, неправильного направления церковной политики, административных действий. А так как его политика оказалась в результате вредной и унижительной для Церкви Божией, то ее нужно изменить, исправить или же убрать неудачного администратора, может быть, наложить на него эпитимию, но не отлучать от Церкви, как апостата, не разрывать с ним канонического общения, прежде соборного суда, как с еретиком и раскольником...

Хотя в настоящее время собрать полный Собор епископов для обсуждения общих вопросов (в том числе и вопроса об общественной политике и отношения Церкви к государству) нет возможности, но подать свой голос архиереи могут при наличии ошибок и неприемлемых действий предстоятеля, уже достаточно выяснившихся, они даже обязаны выступить и могут даже потребовать от предстоятеля, чтобы он исправил ошибки и оставил ложный путь мирских ухищрений в церковном деле...

Объявить преждевременный разрыв с предстоятелем или уклониться от участия в церковном управлении, уйти на покой – это значит, оставить свою паству во время бедствий Святой Церкви, отойти в сторону, уступая место противнику – лишь бы не запачкать своих чистых одежд среди общего смятения и утешать себя тем, что мы непричастны греху предстоятеля. Но ведь мы тем совершаем грех бесчувствия в скорбях и страданиях Святой Церкви, тогда как ответственность за церковную жизнь с нас не снимается. В древние времена церковных бедствий многолетний отшельник оставляет пустыню, чтобы послужить умиротворению страждущей Церкви. Святой апостол Павел поборает в себе пламенное желание соединиться через смерть со Христом в небесных обителях, чтобы жить в скорбной плоти для пользы своей паствы (Фил. 1, 21-26).

Очень многих архипастырей, претерпевших современные испытания или отбывающих свои узы, нам приходится встречать до их уз и после, и не однажды и в узах беседовать с ними лично или переписываться, и мы с полной твердостью можем заявить, что одобрения делу м. Сергия, как оно теперь протекает, они никогда не дадут. Напротив, все дружно высказываются почти одними и теми же словами, что они скорбят и смущены весьма, хотя и не находят возможным разрывать общения с м. Сергием.

Но почему же они не подают своего голоса, не заявляют протеста? А потому, что они изолированы, а вследствие того недостаточно осведомлены и не решаются окончательно высказаться без достаточных данных, тем более, что знают, какое значение будет придано их отзыву. Узникам известна лишь из печати декларация м. Сергия, и она то вызывает смущение, скорби, опасения за жизнь Святой Церкви. А как на деле проводится ее реформа – откуда могут знать заключенные и ссыльные в тундрах Сибири и болотах зырянских.

Если же временный заместитель патриаршего местоблюстителя будет упорствовать в своей затее и не освободит своего поста, то мы уйдем от них всею Церковью, ибо епископат имеет право и основание лишать их тех полномочий, которыми он же облек их к созиданию, а не расстройству (2 Кор. 10, 8) церковной жизни. Безвольный и нетвердый человек не может руководить церковной жизнью в наше время. М. Сергий не сумел выполнить завета апостола: "Со внешними обходиться благообразно, пользуясь временем" (Кол. 4, 5), внешне подклонился "под чужое ярмо" (2 Кор. 6, 14) и должен исправить свою ошибку; если же не в силах сам этого сделать, пусть

предоставит другим, освободив место предстоятеля Русской Православной Церкви. Если же м. Сергей преслушает голос Церкви, будет упорствовать в своей политике и претендовать на власть первоиерарха, тогда он, конечно, окажется церковным бесчинником и отщепенцем.

Верные миряне, как малые дети, стремятся грудью заслонить от поругания и грубых оскорблений свою Матерь – Святую Церковь, которая всем нам дороже жизни и свободы. Но бессильны дети. Должны выступить отцы. Вы, архипастыри и Владыки, на вас возложена Господом великая ответственность за судьбы Святой Церкви, вам вверена ее защита, вы дадите ответ Господу Богу за души чад ваших духовных, за которых умер Христос. К вам обращается слово Христово: "Говорю вам, друзьям Моим, не бойтесь убивающих тело и потом не могущих ничего более сделать, но скажу вам кого бояться: бойтесь того, кто по убиении может ввергнуть душу вашу в геену, ей, говорю вам того бойтесь" (Лк. 13, 4-5).

Узы служителей Христовых служат к большему успеху благовествования, как и при апостоле: "большая часть из братьев в Господе, ободрившись узами моими, начала с большею смелостью безбоязненно проповедовать слово Божие... Я тому радуюсь и буду радоваться, – пишет святой апостол Павел, – ибо знаю, что это послужит мне во спасение по вашей молитве и содействием Духа Иисуса Христа" (Фил. 1, 14 и 18-19). Ему да будет слава в Церкви во веки веков. Аминь.

Примечание. В 1905 году 17-го февраля в Санкт-Петербургской Духовной академии на молебне м. Сергей говорил речь о том времени, когда гражданский закон перестанет быть защитой и крепкой стеной для Церкви Русской. Тогда, – предсказывал наш теперешний предстоятель, – потребуют от нас не красивых фраз, не заученных силлогизмов, а духа и жизни, потребуют веры и пламенной верности, проникновенности Духом Христовым... Потребуют, чтобы мы писали не чернилами, да еще заимствованными, быть может, из чужих чернильниц, а кровью из нашей собственной груди... Ответим ли мы на эти запросы, выдержим ли это огненное искушение, устоим ли на этом поистине страшном суде. Ведь судить будет не наше благожелательное начальство, не мы сами, а судить нас будет сама Божия Церковь, сам народ православный, который вверил нам церковное дело и который без всякого сожаления отвернется от нас, выбросит нас вон, если найдет в нас "гроб повапленный", и "соль, потерявшую силу". Вот теперь начался над нами суд Святой Церкви. Сбудутся ли и прочие предсказания м. Сергия и, прежде всего, на нем самом?

Послесловие издателя (Е.Н. Лопушанская).

Нет, его собственные пророческие слова митрополит Сергей не исполнил. В центре бури, которая окружала его, он остался невредимым. Он выглядел совершенно бесчувственным, равнодушным к тому, что происходило вокруг него. Под ударами молотов падали вековые, подлинные святыни Православия на Русской Земле. За полярным кругом и в песках Туркестана исчезали те, кого он знал, с кем учился, с кем стоял пред алтарем, кто, идя на Голгофу, упрекал его в предательстве Церкви. Он пережил все, даже свою декларацию, которая осталась листком бумаги.

Подобным же образом братья-епископы владыки Пахомий Черниговский и Аверкий Волынский исчезли в пространстве советских владений. От них осталось лишь это послание. Тот, кто прочитает его внимательно, глубоко вникая в каждое слово, ясно представит себе и их страдания, и их пламенную веру, и непоколебимую твердость.

Они боролись и видели впереди все более сгущающиеся тучи и приближающуюся и собирающуюся против всего христианского мира бурю.

Его последние годы.

Что касается последнего периода жизни этого Отца Церкви последнего периода Христианства, у нас есть детальная картина воспоминаний его племянника, сейчас архимандрита, живущего в Америке. Это испытание очень характерно для тех нечеловеческих времен, когда ненавистный коммунизм навязывался среднему классу общества – обычным людям, которые старались жить мирно и спокойно, никому не вредя.

"Я родился в 1915 году. Мой отец был священником, как и отец моей матери. Мы жили в деревне Кушин-Кубшинское Вятской епархии. Братья моей матери были будущие епископы Пахомий и Аверкий, которых мы, семь братьев, подрастая, совсем не знали и позднее сожалели об этом. Мы ходили в местные школы. Со стороны школьной системы было ужасное предубеждение против всех детей из семей духовенства, хотя церкви были уже закрыты и ношение священнических одеяний строго запрещено. Тем не менее, когда обнаруживалось, что какой-то ученик – сын священника, то конца не было преследованиям абсолютно невинного ребенка. Эти мучения кончались только тогда, когда ребенок подписывал заявление об отказе от своих родителей как "врагов народа". Такое заявление потом оглашалось публично, и ребенок сам ставил на себе пожизненное клеймо.

Мой отец был арестован. В его отсутствие власти закрыли церковь, заколотили дверь досками и повесили объявление, оповещавшее верующих о ее закрытии. В действительности это значило, что церковь открыта для вандалов. Потом моего отца освободили из тюрьмы с явным намерением, чтобы он пришел к паперти своей оскверненной церкви и с болью наблюдал, как снимают колокола, а дальше, как он знал, их отправят на переплавку и сделают пушки, чтобы убивать людей. Потом наша церковь была разрушена. Другие церкви были превращены в гаражи, зернохранилища, инкубаторы... Часовни обычно превращали в общественные уборные. Отец сидел дома, поскольку не имел права даже работать.

Однажды мой старший брат Александр признался маме, что в школе требуют, чтобы он подписал бумагу с отказом от отца. Если он не откажется, то его исключат из школы. Александр не намеревался подписывать никакое отречение, он считал это предательством отца, которого любил и уважал. Чтобы избежать последствий отказа, последнюю неделю он тайком уходил в лес, когда другие дети ходили в школу, и возвращался домой, когда уроки в школе кончались. Но он знал, что долго так продолжаться не может. Мама рассказала все отцу. Он позвал Александра и сказал: "Садись, сынок. Бери ручку и пиши отречение". Мальчик отказался. Тогда отец сурово потребовал, чтобы он писал, и начал диктовать текст отречения сам. Мальчик заплакал. Тогда отец начал его уговаривать: "Сашик, мальчик мой дорогой. Я старый, скоро меня снова арестуют, и я там умру. А перед тобой вся жизнь. Веди себя разумно, мальчик мой. Ты должен получить образование, занять хорошее положение, иначе ты в этом обществе погибнешь. Я знаю, что ты меня любишь, ради меня подпиши эту бумагу, это тебе поможет". Но брат мой был стоек в отказе предать своего отца и не подписал отречение. А на следующий день он ушел из дома, и мы не видели его много лет. Вскоре после этого случая мой отец, священник-мученик Владимир Загарский, был арестован и сослан в Комсомольск на Амуре. Там он работал на лесозаготовках и осушении болот. И там он утонул в 1937 году.

Через несколько лет в солнечный день появился неожиданный гость – наш Александр! Он был здоровый, счастливый и привез нам много подарков. Он рассказал, что, не желая предавать любимого отца, ушел в большой город. Ему было тогда всего двенадцать лет, и он присоединился к шайке малолетних преступников. Когда его задержала милиция, он назвал вымышленным именем и рассказал о себе придуманную историю. Его отправили в школу, он получил хорошую профессию и теперь имел хорошо оплачиваемую работу и собирался жениться. И он не предавал своего отца. Какой вдохновляющий пример чести и храбрости в ребенке!

После ареста отца мне тоже пришлось переехать в другой город, в Яранск, где было много школ. Я там жил у брата моей матери, вдового священника Николая, с его сыном Борисом и сестрой моей матери тетей Верой, старой девой. Там я ходил в школу. Вскоре после моего приезда я стал замечать что-то странное: на чердаке часто слышались чьи-то шаги. Но я боялся спросить, кто это. Я также заметил, что моя тетя каждый день носила наверх, на чердак, еду. Однажды летним днем, когда мы с двоюродным братом играли наверху в амбаре, мы услышали странный шум. Из амбарного окна мы ясно видели, что какой-то большой бородатый мужик выталкивает нашу тетю из окна чердака. Мы закричали, не надо ли ей помочь, но она быстро ответила: "Нет, нельзя, чтобы он вас увидел". Оказалось, что она принесла наверх обед, а этот мужчина хотел сбежать. Моя тетя помешала ему выпрыгнуть из окна, а он попытался оттолкнуть ее с дороги, когда мы увидели его. Но даже после этого мы не осмеливались открыто спросить ее о нем. Однако я догадался, а она потом подтвердила, что это был мой дядя архиепископ Пахомий.

Когда на Соловках или в тюремном трудлагере в Май-Губе, или еще где-то его пытали, он перенес такие неопишуемые муки, что стал инвалидом и не мог делать работу, которую от него требовала жестокая лагерная администрация, и из-за этого попал в список потенциальных "мертвецов". Душа его не могла больше выносить нечеловеческие условия, и он помешался в уме. Конечно, в таких случаях коммунисты, в соответствии с указаниями Ленина, уничтожают свои жертвы, чтобы не обременять себя заботой о них. Но моего дядю выпустили, чтобы сам вид сумасшедшего епископа дискредитировал веру в Бога среди простых людей, что послужило бы делу продвижения мирового атеизма. И так, чтобы показать заботу Советского Союза о больных людях, его внешний вид привели в полный порядок, тепло одели, и в сопровождении конвоя моего бедного дядю "милостиво" привезли обратно к семье с "северного курорта" к молчаливому изумлению брата и сестры, которые приняли его и стали о нем заботиться. Его поместили на чердак, чтобы не привлекать внимание соседей, чтобы его, "служителя культа", не расстреляли на месте, что повлекло бы еще череду тяжелых последствий. Тетя Вера исключительно заботилась о нем. Он был заперт, и до того дня в амбаре я его никогда не видел. Очевидно, в моменты просветления он сознавал, какой обузой был для своих близких, и, естественно, пытался сбежать. В этом состоянии я увидел его в первый раз. Несмотря ни на что, он выглядел очень привлекательно – высокий, статный; истинно невинный страдалец за грехи мира.

Тем временем вышел еще один декрет коммунистов: по всей России ни единому человеку не разрешалось владеть золотом или серебром; их нужно сдать властям. Те граждане, которые не хотели добровольно сдать такие вещи, рисковали тем, что к ним в любой момент дня или ночи могут ворваться с бесцеремонным обыском, все осмотреть и забрать, что захочется. И люди, у которых и так уже отняли все, что представляло хоть какую-то ценность, покорно понесли сдавать свои часы, обручальные кольца, ложки, вилки и тому подобное, чтобы их не терроризировали. Одна пожилая женщина,

школьная подруга моего дяди Николая, принесла ему три или четыре чайные ложечки – все, что осталось у нее от матери, и попросила его спрятать их для нее, чтобы она могла их продать, когда наступят еще худшие времена. Он не мог ей отказать. Ложечки спрятали за кирпичом в печке. Но когда пришли с обыском, их нашли. Дядю моего судили и приговорили к трехлетнему заключению. Я был на суде, и абсурдность этого дела меня изумила. Но я очень хорошо понял, что это только предлог, чтобы уничтожить хороших, честных людей, потому что они были помехой коммунистической программе установления на земле сатанинского правления. Мой дядя, священник Николай, был увезен и пропал навсегда. Еще один новомученик в моей семье.

Для тети Веры стало очень трудно заботиться о моем дяде, владыке Пахомии. Однажды она позвала меня и сказала: "Попрощайся со своим дядей". Она решила отвезти его в город Кукарка рядом с Котельничем и поместить его в психбольницу. Я очень хорошо помню это расставание. Установилась зима, повсюду лежал белый искрящийся снег. Дядя спустился в теплом пальто, в черной монашеской шапке на голове, его большая черная борода еще не поседела тогда. Он спокойно посмотрел на меня. Он не благословил меня, потому что мы боялись, просто обнял и ушел. Странное нежное чувство наполнило мое сердце, как какая-то прекрасная грустная музыка, которая звучит, хотя звук уже давно замер. Вот вся моя встреча с дядей новомучеником Пахомием.

Через два месяца тетя Вера получила письмо из больницы, где сообщалось о смерти ее брата. Она долго молча плакала. Наступила весна 1937 года. Было тепло, солнечно, расцвели цветы. Тетя собрала вещи и поехала в Кукарку навестить могилу брата. Но в больничном кладбище на могилах стояли одинаковые кресты. Она нашла могилу брата, опустилась на колени и долго плакала. Больничная сестра, проходившая мимо, спросила о причине ее слез. Она рассказала, что оплакивает недавнюю смерть брата. "Здесь люди редко умирают своей смертью, – сказала сестра, – брата твоего убили, как и всех остальных, сделали укол с ядом". Это тетя Вера рассказала мне, вернувшись из своей поездки.

Много лет спустя, уже в Южной Америке, я встретил архиепископа Леонтия, который хорошо знал моего дядю. Он был келейником у моего дяди в Черниговском монастыре. Он многое рассказал мне про дядю – как он сопровождал его на Всероссийский Собор 1917-18 годов, который избрал патриарха Тихона; как они встретили там многие святых иерархов Божиих – архиепископа Феодора из Даниловского монастыря и других. О владыке Пахомии у архиепископа Леонтия сохранилось много теплых воспоминаний, и, когда он рассказывал о нем, лицо его светилось счастьем. Видно было, что он очень любил архиепископа Пахомия. Он рассказал мне, что когда он жил в Черниговском монастыре, где дядя был настоятелем, то они часто гуляли, любясь красотой природы. Однажды, гуляя по монастырской роще в окружении цветущих деревьев и цветов, слушая пение птиц и любясь большими пушистыми облаками, проплывающими по лазурно-голубому небу, владыка Пахомий сказал своему поэтически настроенному келейнику, что будет учить наизусть церковные службы, готовясь к тому близкому времени, когда христиане будут лишены всего и не будет требников, никакой церковной утвари... что ему надо выучить наизусть целые главы Евангелия, чтобы он мог совершать молебны и другие службы в нужный момент. Он подарил Леонтию свой портрет с трогательной надписью. Я унаследовал от владыки Леонтия этот портрет, и он принадлежит всем тем, кто любит новомучеников".

Вот что архиепископ Пахомий подарил одному из своих верных последователей, молодому послушнику Василию, 24 мая 1923 года; это цитата из его любимого св.

Исаака Сирина:

Дорогой Вася Ф.

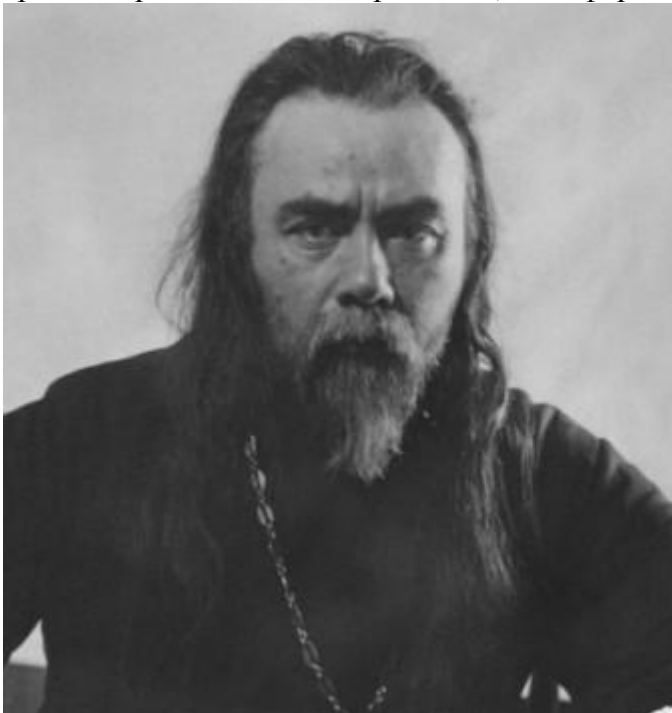
Рай, из которого был изгнан Адам, есть любовь Божия. И с тех пор радость не посещала его, хотя он в поте лица возделывал землю. Тот, кто обрел любовь, ощущает Христа каждый день и каждый час и через это становится бессмертным. Любовь слаще, чем жизнь. Тот, кто обрел любовь, облачается в Самого Бога.

Помощью Божией тело пребывает целомудренным. Целомудренное тело в глазах Божиих ценнее, чем чистая жертва.

Из св. Исаака Сирина.

Недостойный архиепископ Пахомий.

Источники. Archbishop Nikon's Biography of Metropolitan Anthony Khrapovitsky, vol. I, p. 188, vol. IV, p. 201. I.M. Andreyev, History of the Russian Church from the Revolution to our Days, Jordanville, 1950. Archpriest M Polsky, Russia's New Martyrs, vol. 2, pp. 91-92, vol. 3 in manuscript. Archpriest M Polsky, The Canonical Situation of the Russian Orthodox Church, Jordanville, 1948. E.M. Lopeshanskaya, Bishop-Confessors, San Francisco, 1971, pp. 10-25. Archbishop Leonty of Chile, Memoirs (manuscript). Irene Mashin, unpublished memoirs on Archbishop Abercius; Recollections of Archimandrite Anastassy of Bryte, California. – "Биография митрополита Антония (Храповицкого) архиепископа Никона, т. I, стр. 188, т. IV, стр. 201; И.М. Андреев "История Русской Церкви от революции до наших дней", Джорданвилль, 1950 г.; протопресвитер Михаил Польский "Новые мученики Российские", т. II, стр. 91-92, т. III в рукописи; протопресвитер Михаил Польский "Каноническая ситуация Русской Православной Церкви", Джорданвилль, 1948; Е.М. Лопушанская "Епископы-исповедники", Сан-Франциско, 1971, стр. 10-25; архиепископ Леонтий Чилийский "Воспоминания" (в рукописи); Ирина Машина, неопубликованные воспоминания об архиепископе Аверкии; воспоминания архимандрита Анастасия Бритского, Калифорния.

13. Протоиерей Валентин

13.

Протоиерей Валентин.

Проповедник исихазма в миру.

Память 20 октября (+ 1931 г.)

"Духовная жизнь – это такое царство, куда не проникает мудрость мира".

Епископ Феофан Затворник.

К сожалению, об этом ревностном церковном учителе чистого, мистического Православия нам известно недостаточно. То малое, что мы о нем знаем, дошло от его либеральных современников, которые, как правило, не желали признавать уникальность и единообразие святоотеческой философии, которая для него была самой сутью жизни. В этом отношении он был их врагом, тем, кого они не могли понять – очевидно, из-за его искреннего обращения. Божественное учение о Боге и человеке, сохраненное сквозь столетия и обогащенное в спасительном окружении Православной Церкви – это безбрежный океан мудрости, и к нему следует приближаться с благоговейным трепетом, чтобы не загрязнить никакой его аспект нашей греховностью и гордостью. Его ни в коем случае нельзя улучшить смелым мирским мировоззрением. Пытливый ум отца Валентина был наполнен страхом и изумлением перед доступной реальностью обожествления. В этом отношении он был не от мира сего, но оставался в миру как пастырь, который вел людей к царству рассудительности, исихазма и неотмирности. И когда пришло крестное испытание в форме сергианства, он сразу же проник в его фальшивую суть и немедленно публично отрекся от него, издав свое собственное "Отделение от митрополита Сергия" и защитив таким образом святоотеческое мировоззрение. Его две доступные краткие работы "Монашество в миру" (1921 г.) и "Против общей исповеди" (1926 г.) дают нам достаточное свидетельство его значения как современного апостола незамутненного Православия во времена растущего отступничества.

Из немногих известных нам деталей биографии можно предположить, что он происходил из аристократической семьи, получил хорошее образование и был исключительно талантливым и впечатлительным молодым человеком. Его большие глаза серьезно смотрели на мир. В пятнадцатилетнем возрасте он уже мог дискутировать о Канте с профессиональными философами, и скоро он начал крестовый поход против пороков общества, в котором защищал безжалостное умерщвление плоти. Его выступления производили ошеломляющее впечатление. Он печатал, по меньшей мере, два журнала ("Проблемы религии" и "Живая жизнь"), разбирающие христианские вопросы в обществе, чьи интеллектуальные лидеры через иностранные вкусы и моды отвлекали православных христиан от Христа. В 1905 году он уехал из Москвы в Петербург, чтобы найти соратников для "Христианского братства борьбы". Он опубликовал книгу под названием "Антихрист", которая имела большой успех. Горячо защищал монашество от декадентствующих вольнодумцев своего времени, прикрывавшихся консервативным Православием. Для этого ездил на Кавказ к монахам-аскетам, а позднее свои впечатления от этих пустынников воплотил в книге "Граждане небес, или мои путешествия среди анахоретов Кавказских гор" (Москва, 1915 г.).

После революции он женился и был посвящен в священники, был настоятелем

московской церкви Никола Большой Крест на Ильинской улице. Там в 20-х годах его красноречивые проповеди собирали множество прихожан, для которых они были как богатые яства посреди всеобщей скудости истинно православной духовности в России того времени. Он побывал в Оптиной пустыни и стал духовным сыном старца Анатолия, которому посвятил свой шедевр "Шесть чтений о таинстве исповеди и ее истории", в котором разгромил практику общей исповеди, ставшей в его дни модной среди либерального духовенства.

Отец Валентин был горячим сторонником непрестанной молитвы Иисусовой. Он считал, что монашеская дисциплина в наши дни всеобщего охлаждения среди христиан не только возможна, но необходима, чтобы сохранить "соль земли", то есть православные основы в сердцах людей, которые изобретательно атаковал дух секуляризации. Помня об этом, он провел серию бесед (в 1921-26 годах), используя строго монашеское учение "Лествицы" преподобного Иоанна Лествичника, в которых стремился приложить это учение к обычной повседневной жизни в современном мире, ставшем действительно враждебным Христианству.

Один его из друзей, С.И. Фудель, дает нам короткое описание духовного мира этого пастыря не от мира сего.

"Отец Валентин Свенцицкий, с одной стороны, был как бы обычный семейный священник, с другой, опытный учитель непрестанной молитвы. Это поразительный факт, что еще в 1925 году, в центре Москвы этот человек вел в приходских храмах свою горячую проповедь великого молитвенного подвига. Он много сделал и для общей апологии веры, но главное его значение в этом призыве всех на непрестанную молитву, на непрестанное горение духа.

"Молитва, – говорил он, – воздвигает стены вокруг нашего монастыря в миру". Он же выразил в краткой формуле разрешение всей сложности вопроса о внутреннем церковном зле. "Всякий грех в Церкви, – сказал он, – есть грех не Церкви, но против Церкви". Он также учил, что непрестанную молитву не надо прекращать и во время Богослужения. Вернувшись после ссылки в Москву в 1925 году, я был раз на литургии у отца Валентина Свенцицкого. Я пришел к ее концу, и, когда он вышел с заамвонной молитвой, меня поразило его лицо. Я иначе не могу передать моего впечатления, как сказать, что это было лицо человека, который только что принес себя в жертву, принес реально и мучительно, и вот сейчас выходит к нам, никого еще не замечая от потрясения. А свою глупость я проявил и здесь. Вместо того, чтобы подождать его для разговора, мне нужного, я вошел в алтарь. И вот он властно поднял руку, останавливая меня, и сказал: "Сюда могут входить только верующие в Бога. Вы в Бога веруете?" Мы не виделись три года, а он, получив обо мне неверные сведения, проверял меня, дерзнувшего войти в святая святых. Помню, в 1922 году в Бутырской камере, во время бесконечного обычного хождения по ней, я среди других людей точно столкнулся с отцом Валентином и глупо почему-то спросил: "Вы куда?" И вдруг лицо его удивительно просветлело внутренним теплом, и он сказал: "К вам". Он был такой уединенный, скрытый в себе, строгий и нетерпимый, несущий что-то от своего предка – польского кардинала. А тут был ясный и тихий луч чисто русской святости, доброй и всевидящей святости старцев. Он шел прямо ко мне, к душе, которую он тогда, наверное, ограждал от какого-то зла. Так тюрьма может просветить и освятить душу, раскрыть в ней чудесно то, что в другое время и не разыщешь".

В 1927 году его свободный дух не мог смолчать, и он открыто выступил против митрополита Сергия, который по духу был его полной противоположностью.

Мы хорошо знаем, какие страдания пришлось пережить всем тем, кто открыто выступил против декларации. Лев Регельсон в своей "Трагедии Русской Церкви" отмечает, что митрополит Сергей в 1929 году объявил всех противников его декларации контрреволюционерами, подлежащими аресту; пятнадцать епископов были арестованы сразу же. Аресты проводились очень просто: агент ГПУ приходил к епископу и спрашивал: "Как Вы относитесь к декларации митрополита Сергея?" Если епископ отвечал, что он ее не принял, то агент заключал: "Это означает, что Вы контрреволюционер". И епископ автоматически арестовывался. Так погибли все те, кто поднял голос протеста. И судьба отца Валентина не могла быть другой.

В истории Православия отец Валентин обрел победный венец от Господа, ибо он сохранил огонь истинно христианского вдохновения и отметил суть тонкого искушения врага нашего спасения, ведя, таким образом, прямо в Рай паству, доверенную ему Богом, Которому вечная слава и честь. Аминь.

Отделение протоиерея Валентина Свенцицкого.

Документ от 1927 года.

"Митрополиту Сергию.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Сознавая всю ответственность перед Господом за свою душу и за спасение душ вверенной мне паствы, с благословения Димитрия, епископа Гдовского, я порываю каноническое и духовное общение с Вами и организовавшимся при Вас совещанием епископов, незаконно присвоившим себе наименование – "Патриаршего Синода", а также со всеми находящимися с Вами в каноническом общении, и не считаю Вас более Заместителем Местоблюстителя Патриаршего престола на следующих основаниях:

Декларация Ваша от 29 июля и все, что общеизвестно о Вашем управлении Церковью со времени издания Декларации, с несомненностью устанавливает, что Вы ставите Церковь в ту же зависимость от гражданской власти, в которую хотели поставить ее два первых "обновления", - вопреки св. канонам Церкви и декретам самой власти гражданской.

И "Живая Церковь", захватившая власть Патриарха, и григорианство, захватившее власть Местоблюстителя, и Вы, злоупотребивший его доверием, – вы все делаете одно общее, антицерковное обновленческое дело, причем Вы являетесь создателем самой опасной его формы, так как, отказываясь от церковной свободы, в то же время сохраняете фикцию каноничности и Православия. Это более чем нарушение отдельных канонов!

Я не создаю нового раскола и не нарушаю единства Церкви, а ухожу и увожу свою паству из тонкой обновленческой ловушки: "Да не утратим по молу, неприметно, той свободы, которую даровал нам Кровию Своею Господь наш Иисус Христос, освободитель всех человеков" (из 8-го правила III Вселенского Собора).

Оставаясь верным и послушным сыном Единой Святой Православной Церкви, я признаю Местоблюстителем Патриаршего Престола митрополита Петра, признаю и тех епископов, которые, не присваивая себе самочинно общецерковной власти, уже

порвали с Вами каноническую связь, по их свидетельству: "впредь до суда совершенного Собора местности", то есть с участием всех православных епископов или до открытого и полного покаяния перед Святой Церковью самого митрополита.

г. Москва, 12.01.1928 г. (н. ст.)
Протоиерей Валентин Свенцицкий".

Источники. Polsky's Russia's New Martyrs, Vol. 2; Regelson, The Tragedy of the Russian Church; Zernov, The Russian Religious Renaissance, pp. 105-6; Nadezhda (periodical), No 2, 1979 and No 5, 1981. – Польский "Новые мученики Российские", т. 2. Регельсон "Трагедия Русской Церкви"; Зернов "Русский религиозный ренессанс", стр. 105-6; "Надежда" (периодическое издание), № 2, 1979 и № 5, 1981.

14. Епископ Дамаскин

14. Епископ Дамаскин. Строитель невидимого града Господня.

Память 2/15 сентября (+ 1937 г.)

"Две любви построили два града: град Божий и град человеческий".
Блаженный Августин.

Епископ Дамаскин, в миру Дмитрий Дмитриевич Цедрик, родился в 1878 году в Херсоне, в семье бедного почтового чиновника. Вся семья была проникнута возвышенным христианским духом. Это показывает хотя бы тот факт, что брат епископа Дамаскина, Николай, пошел в священники и уже в самом начале революции в 1917 году был расстрелян за бесстрашное исповедание веры и обличение большевиков.

Первые годы революции.

Иеромонахом епископ Дамаскин появился в Киеве в 1919 году. Киевский митрополит Антоний (Храповицкий), лично зная и ценя иеромонаха Дамаскина, назначил его епархиальным миссионером. Он поступил слушателем в Киевскую духовную

академию. Одновременно он был зачислен в число братии Михайловского Златоверхова монастыря.

Не в характере епископа Дамаскина было оставаться бездеятельным и сосредотачиваться только на самом себе. Он находит маленькое Владимирское братство в одном из уютных переулков недалеко от монастыря. Что бы ни происходило на улицах Киева, – а это был период гражданской войны, какая бы ни была погода, иеромонах Дамаскин неизменно является в праздничный день в 6 часов в братство, служит молебен с акафистом, а затем произносит проповедь, даже если количество присутствующих было невелико. В один ненастный зимний вечер при выходе из братства на улице послышались выстрелы. Дверь на улицу немедленно заперли на ключ. Через некоторое время, так как ничего не было слышно, все вместе вышли на улицу. На противоположной стороне ее на блестящем снегу отчетливо выделялась темная фигура убитого. Епископ Дамаскин заволновался: "Какие мы христиане! Около нас убивают, а мы прячемся вместо того, чтобы помочь!"

События гражданской войны заставили иеромонаха Дамаскина покинуть Киев и направиться в Крым, где он скоро, в 1920 году, был возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем живописного Георгиевского Балаклавского монастыря, взорванного в начале второй Мировой войны коммунистами вместе с размещенными там ими же ранеными и эвакуированными. Вскоре после установления советской власти в Крыму, в 1922 и в 1923 годах, архимандрит Дамаскин дважды арестовывался и провел девять месяцев в тюрьме. Потом его выслали из Крыма.

Из Крыма он отправился в Москву к Святейшему Патриарху Тихону, который хиротонисал его в епископа Глуховского, викария Черниговской епархии. Вскоре Владыка был назначен временно управляющим епархии, так как архиепископ Пахомий был арестован. Деятельность епископа Дамаскина в Черниговской епархии была кратковременной, но кипучей. Даровитый проповедник и миссионер, смелый и энергичный, епископ Дамаскин большую часть времени проводил в поездках по городам и селам Черниговской епархии. Епископа Дамаскина неоднократно арестовывают в Чернигове. Ряд предварительных тюрем, где в камерах, рассчитанных на 20 человек, сидело по 70-80. Среди заключенных, как и везде, незаурядный епископ пользовался известностью и уважением. Всюду, где бы епископ Дамаскин не оказывался, при первой же возможности он устраивал «домашнюю церковь». Так было в Туруханском крае, так было и в других местах.

В общей сложности епископ Дамаскин с арестами пробыл в Черниговской епархии около двух лет. Затем, по примеру других епископов, он был выслан сначала в Харьков, потом арестован и отправлен в Москву, где сидел в Бутырской тюрьме. В то время уже сложился обычай, что архиереи, высылаемые не по этапу, большей частью проезжали через Москву и непременно служили торжественную панихиду в Донском монастыре на могиле святейшего патриарха Тихона. Этим они как бы подчеркивали свою солидарность с ним, верность его заветам и готовность идти по его крестному пути. В Москве владыка Дамаскин присоединился к Даниловскому братству епископов-исповедников, возглавляемому архиепископом Феодором (Поздеевским).

Ссылка в Полой.

В Бутырской тюрьме в Москве епископа Дамаскина в 1925-26 годах продержали несколько месяцев. Единственным его утешением в это время, как он рассказывал, было чтение Библии на английском языке, которую кто-то подарил там владыке. Из

Бутырской тюрьмы епископа Дамаскина выслали в Туруханский край, где местом жительства ему был указан Полой, находившийся на 250 километров севернее Туруханска и на 40° севернее полярного круга. Добраться туда можно на пароходе только в течение короткого лета, а в другое время – по замерзшему Енисею на собаках. Епископ Дамаскин выехал туда ранней осенью. Навигация по Енисею уже прекратилась, а санный путь еще не установился. Поэтому ему пришлось прожить несколько месяцев в Красноярске, большом и богатом рыбопромышленном городе на реке Енисее с многочисленными церквями и монастырями и колокольным звоном. Появление там епископа Дамаскина произвело сенсацию. Никаких житейских затруднений он не встретил. Все духовенство Красноярска с чрезвычайной предупредительностью отнеслось к ссылке епископа, ожидавшему отправки за полярный круг. Монахи и монахини многочисленных монастырей этого города и его окрестностей, на которые советская власть еще не наложила свои руки, очевидно, за дальностью расстояния, сочли своим долгом побывать у епископа Дамаскина и получить его благословение.

Но скоро замерз широкий Енисей, и епископ Дамаскин должен был в сопровождении конвоя ГПУ отправиться в дальний путь. В длинные узкие сани с подвижным крытым верхом впрягли не то шесть, не то двенадцать собак. Путешествие продолжалось около шести недель.

Ко времени прибытия епископа Дамаскина в Полой он, собственно, не заслуживал названия поселка, потому что состоял фактически из одного только двора, в котором жила семья охотника. Был еще домик, в котором жили два сосланные архиерея. И, наконец, полуразрушенный домик с дырявой крышей и развалившейся печкой, с щелями шириной в два пальца в дощатых стенах – будущая келия епископа Дамаскина.

Полярное лето вместе с весной продолжается месяц. В это время тундра оживает, покрывается ковром северных ягод – морошки, черники и так далее. Но зато с наступлением лета, появляются мириады мучительных комаров-гнусов и болотной мошкары. Она облепляет лицо и проникает даже за сапоги, до крови искусывает ноги. Местные жители смазывали лицо от укусов комаров дегтем. Епископ же Дамаскин носил сетку. Настолько мучительны были эти укусы комаров и мошек, показывают следующие слова епископа Дамаскина в одном из писем: «Где же это сохранилась египетская казнь!»

Летом белые ночи, точно освещенные фосфорическим светом. Зимой морозы, доходящие до 65° и больше, около полугода – полярная ночь круглые сутки, колеблющаяся полутьма, смягченная блеском снега и густые сумерки, прерываемые северным сиянием. И снег, все засыпающий, покрывающий, окутывающий, защищающий от жестких морозов, обезвреживающий широкие щели в стенах дощатых домов.

Растительность – вековые кедры на берегу Енисея и кустарники. Здесь пригодились епископу Дамаскину его агрономические познания. Он все-таки завел маленький огород и посадил зелень, которой так не хватает жителям Заполярья и из-за отсутствия которой там свирепствует цинга. Эта зелень и посылки, на этот раз спасли епископа Дамаскина от нее. Целыми стадами бегают олени, бродят белые полярные медведи.

Таковы природные и климатические условия, в которые ставили ни в чем неповинных епископов гонители Христианства. Могли ли они не отражаться на здоровье?

Как же устроил свою жизнь в Полое епископ Дамаскин? Первое время ему и

сопровождаяшему его иподьякону пришлось поместиться у проживавших уже там епископов, поскольку полуразрушенный домик, освободившийся за смертью хозяина, требовал большого ремонта. А ремонт можно было произвести только весной-летом. К этому времени прибыл келейник и работа закипела. Знакомый с плотничьим мастерством, епископ Дамаскин сам заделал дыру на крыше. Научил келейника кустарным способом готовить и высушивать кирпичи. Из них вместе с иподьяконом, он заново переделал печку. Щели в стенах оставили – их лучше всего «заделывал» снег. Трудолюбивый и находчивый, епископ Дамаскин с помощью келейника же изготовил предметы первой необходимости, а также деревянный престол, склеивая доски рыбным клеем. Воспользовавшись частицей мощей из своего наперсного креста, владыка сумел из чистого платка с начертанным на нем крестом сделать антиминос.

Почта, проходящая через Туруханск на собаках раз в месяц, привезла епископу Дамаскину несколько посылок с пшеничной мукой и виноградным вином от его многочисленных друзей и почитателей. На том месте, куда раньше не ступала христианская нога, служится каждый день литургия.

«И всех вас, близких и родных, – пишет своему духовенству епископ Дамаскин, – вижу стоящими со мной за престолом». Когда обедня служилась первый раз, присутствовать пришли немногочисленные жители Полоя, не имевшие понятия о Христианстве. Услышав церковное пение, детвора запрыгала и сама запела, так что стоило больших усилий ее уговорить.

Обедней начинался день епископа Дамаскина. После обедни он обедал, потом брал четки в руки и занимался чтением Священного Писания, полученной почтой и так далее, или поучал келейника. Потом, с четками же в руках, отправлялся на прогулку на берег Енисея. Благодаря чрезвычайной прозрачности полярного воздуха, с высокого берега реки открывался вид на такой далекий горизонт, что, по словам келейника, казалось, что видна даже Украина.

После прогулки совершали вечернее Богослужение. В промежутки между Богослужениями производились все текущие работы, причем свои вещи владыка стирал сам и сам пек просфоры. К тому еще надо добавить, что поддерживать топку приходилось круглые сутки, чтобы не замерзнуть, благо дров кругом сколько хотите: берите любое упавшее дерево, рубите, колите и топите. Освещались коптилками с рыбьим жиром, свечами, когда их присылали, лампадками. Можно представить, сколько то и другое давало дыма и копоти и как губительно отражалось на здоровье епископа Дамаскина!

В Полое епископ Дамаскин оказался оторванным от всего совершавшегося на родине: он жил так, как могли жить затворники еще при Иоанне Грозном. На столе у епископа Дамаскина Священное Писание, история Церкви, жития святых. Он, прежде всего, православный монах и в своем вынужденном затворе продолжает искать Царствие Божие внутри себя. В письме от 28.1.1928 г. он пишет из Полоя: «Необходимо понять и то, что состояние этого Царствия Божия на земле совершенно независимо от внешних условий и форм общественной жизни, как и то, что плоды обладания этим Царством ощущаются каждым верующим также совершенно независимо от его материального и общественного положения и дают ему возможность жить в мире и радости среди лишений, унижений, испытаний. Этим объясняется тот мир и свет, коими претворяется горечь заключений и злоключений в радость у наших исповедников и та готовность на большие скорби, которая является результатом их скорбей».

Но естественно, что это ощущение темного царства приводит к эсхатологическим настроениям. И в этом отношении епископ Дамаскин представитель своей эпохи. Вся предреволюционная эпоха отличается именно такими неясными эсхатологическими предчувствиями, сильнее всего это у Владимира Соловьева в его «Трех разговорах» и пророческое стихотворении «Панмонголизм». Тихо на смену Вифлеемской звезде поднимается красная пятиконечная. Она тоже знаменует наступление другой эпохи, предвещает появление чего-то нового на горизонте истории человечества. После сумерек должна наступить ночь. Епископ Дамаскин и его современники вступили в полосу ночи.

Чуткий, восприимчивый епископ Дамаскин реально ощущает этот мрак и призывает противопоставить ему тот свет, который дает Христианство каждой верующей душе. «И великое благо наше в том, что каждый верный, будучи носителем этого света в себе самом, не потеряется и не заблудится среди окружающего мрака. Только необходимо почаще приобщаться этого света». Такова в кратких чертах настроенность епископа Дамаскина в Полое.

В один из зимних дней необыкновенное событие – кто-то едет... Это везут митрополита Кирилла Казанского в поселок еще севернее Полоя. Митрополит Кирилл переходил из одной ссылки в другую. Наконец, его везут в Туруханский край, почти на самый полюс. Какая встреча в Полое!

Это в XX веке! На Западе шумит джаз, гремит музыка, переливается колокольный звон... Открыты театры и кино, открыты и храмы. Но одинаково и легкомысленным, и глубокомысленным, и верующим, и неверующим безразлично, что творится на Востоке, за полярным кругом.

Неизвестно, был ли епископ Дамаскин знаком с митрополитом Кириллом раньше. Ясно только одно – что после встречи в Туруханском крае они стали навсегда друзьями.

Владыка Дамаскин и митрополит Кирилл принадлежат к тем, которые победили сатану кровию Агнца и словом свидетельства своего и не возлюбили душ своих даже до смерти, смерти же крестной. В своем послании митрополиту Сергию епископ Дамаскин пишет: «Мы уже побеждали, а Вы нам помешали»... Победа эта, или как называет ее епископ Дамаскин, «царский путь», которым шла Церковь до декларации, заключалась в самоотверженном исповедничестве всего духовенства до последнего.

В Полое же застала епископа Дамаскина декларация митрополита Сергия. Насколько велико было произведенное ею на него впечатление, видно из того, что епископ написал по этому поводу сто пятьдесят писем. Отправить такое большое количество писем по почте было невозможно – они дошли бы не туда, куда предназначались. Поэтому епископ Дамаскин решил расстаться со своим единственным келейником и послать его с этими письмами в Москву, некоторые крупные города и на Украину, чтобы часть писем доставить лично, а большую часть опустить в ящики в разных городах. Епископ Дамаскин остается в своей заполярной келии один. Но всему приходит конец, и пришел конец его ссылке.

Возвращение в центральную Россию.
Декларация митрополита Сергия.

Перед епископом Дамаскиным встал вопрос, – что ему делать, как устроить свою дальнейшую жизнь? Как ему устроить свою дальнейшую жизнь? Душа епископа

Дамаскина раздваивается: с одной стороны, его тянет от мира, с другой – он не может остаться пассивным зрителем крушения самого дорогого для него – Русской Православной Церкви.

Из Красноярска 28 ноября 1928 года он пишет: «Был у меня план остаться в сибирской тайге еще на 3 года, определенные мне после окончания туруханской ссылки... Сибирь показалась мне наиболее надежным убежищем в моем положении. Однако письма и телеграммы близких побудили меня изменить план и я сегодня выезжаю в г. Стародуб, Брянской губернии, куда «единодушно» приглашает меня духовенство. Ранее Стародуб входил в Черниговскую епархию. Склонило меня к поселению в России еще желание ближе познакомиться с положением, повидаться кое с кем».

Хотя ему не разрешалось посещать Москву, ему удалось по пути съездить туда и лично повидаться с митрополитом Сергием. Он писал: "Усматриваю промыслительность в своей болезни – ведь иначе я не мог бы быть в Москве, теперь же я не только пожил там и повидался с нужными людьми, но еще имел продолжительную беседу с митрополитом Сергием. О результатах беседы скажу следующее: если издали я еще предполагал возможность данных, коими бы оправдывалось поведение его, то теперь и эти предположения рушились – теперь никаких оправданий у меня для митр. Сергия и компании нет!"

Поселившись в Стародубе, епископ Дамаскин не чувствует себя ни спокойно, ни твердо. Он все время в ожидании какой-то перемены. 21 мая 1929 года он пишет: «Получил приглашение от митрополита Серафима Ленинградского (Чичагова) быть его помощником и, разумеется, отказался, как и раньше от сергиевских предложений».

По своему обыкновению епископ Дамаскин проявляет кипучую энергию. Он видится с большинством своих друзей, ведет с ними и дружественными ему епископами деятельную переписку и готовит выступление против митрополита Сергия. Делает он это после ряда колебаний, сомнений, стоит ли вообще обращаться к митрополиту Сергию с укоризненным посланием? Но деятельное начало в епископе Дамаскине берет верх над началом созерцательным, аскетическим.

Как воспринимает епископ Дамаскин то, что он видит? Сугубо церковно. Из Стародуба он пишет 23 декабря 1928 года: «Как чудовищно велико совершающееся ныне преступление – убийство детских душ! Есть ли у современных детей чистые радости? Теперь кажется вся атмосфера переполнена флюидами зла и тления. Теперь только сохраняющие в себе благодать Христову изолированы ею от влияния этих сатанинских флюидов».

И далее: «Поделюсь с вами еще тем своим убеждением, что весь смысл настоящих испытаний состоит в том, что пришло время очистить нашу жизнь, жизнь веры, жизнь Таинств Христовых от внешних наслоений. Слишком ясно стало, что для многих, особенно «теплохладных», внешняя форма религиозной жизни совершенно заменила сущность такой жизни, потому-то и стал возможным тот внешний успех безбожников. Что касается такого их успеха, то рассматриваю его так: успех их несомненен в деле развращения детского и юношеского поколения.

А в своем послании митр. Сергию по поводу его декларации, епископ Дамаскин пишет: «Рассматривая настоящий скорбный путь российской Церкви в перспективе вечности, приходишь к проразумению высокого смысла всех настоящих испытаний. Угасание духа веры в массах, принижение спасительных идеалов в Церкви, забвение пастырями своего долга, умножение на этой почве беззакония и «иссякание любви многих» не

могли не привести к тяжелым последствиям. Во всяком организме угасание духа вызывает конвульсии. Слишком далеко стоим мы в нашей церковной жизни от заповедей Христа, от руководства учением святых апостолов, от заветов святых отцов, мучеников и исповедников. Тяжкие скорби необходимы стали, чтобы хоть таким путем обратить наше внимание на великий грех призванных к святости носителей имени Христова».

«В случае же, если советская власть, рассудку вопреки, будет упорно продолжать рассматривать Православие вообще как контрреволюцию – ну, что же? Пойдем на Голгофу. Предварительно же Церковь должна выполнить свой долг перед миром и в этом направлении – выступить с авторитетным словом предупреждения к погибающему народу.

Правда мира заколебалась.

Ложь стала законом и основанием человеческой жизни.

Слово человеческое утратило всякую связь с Истиной, с Предвечным Словом, потеряло всякое право на доверие и уважение. Люди потеряли веру друг в друга и потонули в океане неискренности, лицемерия и фальши».

«Все же, если бы не произошло такого значительного угасания духа веры и любви среди верующих в предшествующий период, верные слуги князя тьмы не нашли бы среди нас столько добровольных и невольных пособников себе».

Долгая изолированность епископа Дамаскина от советской жизни, оторванность от постепенного процесса советизации привела к недоучету им реального соотношения сил в окружающей его действительности.

В репрессивных мероприятиях советской власти, помимо непосредственных результатов, таился глубокий смысл. Между архиереями и священниками, томившимися в концлагерях и тюрьмах, и массой верующих, как бы твердо стоять в вере они не старались, выростала пропасть взаимного непонимания. Исповедники силились поднять верующих на более высокую ступень и приблизить их духовный уровень к своему. Масса верующих, отягощенная житейскими и семейными заботами, ослепленная пропагандой, наоборот, невольно опускалась. Призраками грядущего золотого века сытости, полной свободы от всяких внешних и внутренних ограничений, подчинения человеку сил природы, заманчивыми перспективами, в которых фантазия переходила в науку (безболезненные роды, прямое сообщение с Америкой через Северный полюс, изменение климата Арктики, использование солнечных лучей и т.д.), большевики захватили в свои сети подавляющее большинство народа. Только отдельные личности могли сохранять приподнятость духа.

Епископ Дамаскин и митрополит Сергей.

Пребывание епископа Дамаскина в Стародубе ознаменовалось энергичной борьбой его против новой церковной политики митрополита Сергея, изложенной им в декларации от 19 августа 1927 года. Ряд посланий епископа Дамаскина и, в особенности, послание митрополиту Сергию по поводу его декларации исчерпывающе освещают причины этой борьбы. Резюмируя кратко их содержание, можно сказать, что причиной протеста против декларации внешнего порядка были – превышение митрополитом Сергием, только временным, а не полномочным заместителем митрополита Петра, власти, присвоение себе всей этой власти без канонических на то оснований. Узурпацией

власти митрополит Сергей ставил под вопрос каноническую законность и действительность всех проведенных им мероприятий, начиная с декларации.

Одно несомненно, что такого рода деятельность митрополита Сергея все более развивающаяся, служит к разрушению Церкви, к принижению ее достоинства и авторитета, к подрыванию веры в миротворительное дело ее.

«Когда я раздумываю над деятельностью митрополита Сергея, мне вспоминаются слова предсмертного послания митрополита Вениамина: «Теперь нам надо оставить свою ученость, самомнение и дать место благодати». Со стороны митрополита Сергея мы видим как раз обратное этому завету священномученика. Он и сам закрывает глаза на грозную опасность, перед коей поставлена наша Церковь, и других отвлекает от должного приготовления себя к этой опасности. Вместо того, чтобы быть выразителем истинного церковного сознания, коим еще прежде покаянного возвращения в Церковь митрополита Сергея был определен путь ее дальнейшего шествования и выявлена воля не уклоняться от определенного ей свыше крестного пути, митрополит Сергей трусливо прячется от неизбежных при прямом шествовании скорбей и предается врагам Церкви, ради сохранения внешнего благополучия и других влечет по тому же пути».

Несмотря на расстрел многих епископов, заточение патриарха, закрытие храмов, разгон монастырей – несмотря на жестокие преследования и уменьшение количества верующих, церковная жизнь расцвела таким пышным цветом, каким она не цвела, может быть, последние столетия. При всех храмах выросли сестричества, обслуживавшие храмы и занимавшиеся благотворительностью, в особенности заключенного духовенства, крепкие приходские советы, защищавшие храмы. Устраивались сборы на заключенных, духовные концерты, духовные беседы, лекции, всенощные моления. Соборы и оставшиеся еще монастырские храмы, в которых совершалось уставное богослужение, всегда были переполнены. Освобожденная от внутренней опеки государства, очищаемая преследованиями, Церковь вздохнула полной грудью. Ей не страшны были гонения и не ущемляло лишение материальных благ. Верующие из своего скудного бюджета всегда нашли бы средства для содержания не только духовенства, но и духовных академий, если таковые были бы дозволены. Церковь становилась государством в государстве и духовная сила ее выигрывала. Авторитет духовенства, находившегося в ссылках и заточениях, был неизмеримо выше авторитета духовенства в Царское время, находившегося в других условиях. Епископ, пользовавшийся для своего передвижения извозчиком, трамваем или даже ходивший пешком, привлекал больше почтения со стороны верующих, чем в Царское время разъезжавший в карете. Обыкновенно верующие на дворе, на улице ожидали своего архипастыря, провожали его до извозчика, до трамвая, а то и до убогого жилища. Если епископ сидел в тюрьме, он получал такое количество передач, что не только кормил свою камеру, но передавал и в другие. Стоило пройти слуху об ожидающемся освобождении, как к воротам тюрьмы собирались верующие, где-нибудь по близости пристраивался верующий извозчик, чтобы в нужную минуту торжественно подъехать: «Благословите, владыка, доставить Вас домой»!

Советская власть спохватилась и параллельно с внешним требованием пошла на вмешательство во внутренние дела Церкви, на воздействие на ее духовную жизнь. Вот это посягательство именно на внутреннюю жизнь Церкви под видом легализации, размеры и границы которого нельзя было предвидеть, а цель была ясна, явилось причиной горячего протеста, в частности епископа Дамаскина.

«То, что принимается Вами под названием «легализации», в сущности является

кабальным актом, не гарантирующим для Вас решительно никаких прав, на Вас же налагающим тяжкие обязательства. Иного и ожидать было наивно. Коммунистическая власть откровенна и последовательна. Она открыто заявила себя враждебной религии и государственной целью своею поставила уничтожение Церкви... Она не перестает открыто и ясно заявлять о своих богоборческих задачах как через представителей высшего правительства, так и через своих мелких агентов. Поэтому весьма наивно и даже преступно думать, что так называемая «легализация» со стороны советской власти хоть частичной целью своею поставляет благо Церкви. А если цель легализации не благо, то значит, зло».

«Неужели вам не приходит в голову то, что даваемые вами сведения ничего общего с церковными интересами не имеют? А не мелькнула ли у вас мысль о том, что если эти требования отчетности немного углубить, да вы будете добросовестно их выполнять, то верующие с отвращением отвернутся от вас как открытых агентов охранных органов, тем более, что сами власти постараются выставить вас именно в таком свете? Особенно крепко пораздумайте над тем, что настоящая ваша легализация в планах объявившей войну Церкви власти является ступенью к превращению всех вас в таких же покорных слуг по разрушению Церкви, какими являются в руках власти безусловно все обновленцы».

«Нам кажется, что митр. Сергей поколебался в уверенности во всемогуществе Всепреодолевающей Истины, во всемогущество Божию, в роковой миг, когда он подписывал декларацию. И это колебание, как страшный толчок, передалось всему телу Церкви и заставило его содрогнуться... Неисчислимы, бесконечно тягостны внутренние последствия декларации – этой продажи первородства Истины за чечевичную похлебку лживых и неосуществимых благ. Но, кроме внутренних потрясений, конечно, она будет иметь и другие последствия, более очевидные и осязаемые».

Мистически глубже всего оценивает епископ Дамаскин внутреннюю сущность декларации в своей статье «Печать Христова и печать антихристова», хотя совершенно не упоминает о ней.

«Почему же антихристова печать, как в том уверяет нас св. Иоанн Богослов, будет накладываться не на чело и на руку одновременно, а на чело или на руку? Также и у св. Андрея, арх. Кесарийского: «Постарается он, чтобы на всех наложено было начертание... частью на правой руке, чтобы научить обольщенных быть дерзновенными в обольщении и тьме. Это произойдет потому, что в то время найдутся люди, которые будут уверять, что можно и дозволительно признание богоборческой антихристовой власти, лишь бы в душе оставаться христианином. От таких антихрист и не будет требовать, чтобы они разделяли его образ мышления, т.е., иначе говоря, всем таковым он не будет накладывать печать на чело их, а станет требовать от них лишь признания своей власти, что и есть по св. Ипполиту – печать на руке, так как через признание человеческой власти, которая будет богопротивна, богоборна, незаконна и наполнена всяким нечестием, христианин тем самым отсекает от себя всякую возможность делания благих и правых дел, ибо в его вере отсутствует главный признак правости – исповедание Бога Богом и признание Его выше всех стоящим Существом. Все таковые, хотя и будут носить имя христиан, на самом деле представляют собою, по делам рук своих, истинных слуг антихриста, обольстивших их поклонением своему образу, что и есть начертание зверя. Покаяние для таких, по учению Св. Церкви, невозможно, а невозможно оно потому, что Печать Христова и печать антихриста несовместимы с собой и принятие одной отгоняет наличие другой. Отгнание через начертание зверя Благодати Святого Духа наполнит сердца всех таковых первым признаком –

боязливостью, которая приведет их к легкой гибели. Св. Ипполит пишет: «Наоборот, если кто бывает лишен Духа Святого, т.е., если кто не имеет на себе или утерям печать дара Духа Святого, даруемого во святом миропомазании, тот боязливо борется со страхом, скрывается, настоящей временной смерти страшится, прячется от меча, не выносит наказания, так как постоянно думает об этом мире» и т.д.

Иными словами – Православие, всякая религия и коммунизм несовместимы, потому что одно исключает другое. И в этом епископ Дамаскин солидарен с митрополитом Кириллом.

Епископ Дамаскин и митрополит Петр.

Кто же, в конце концов, мог решить вопрос, по какому пути вести корабль: по пути Святейшего Патриарха Тихона или митрополита Сергия? Этот спор между «тихоновцами» и «сергианцами» мог решить только митрополит Петр, канонический Заместитель Святейшего Патриарха. Дисциплинированный, ни на йоту не желающий отступить от канонов, епископ Дамаскин мечтает о том, чтобы раздался голос митрополита Петра и прозвучал на всю Православную Церковь.

Но митрополит Петр в глухой деревушке Хэ Обдорского района Тобольской области. Как до него добраться? Написать письмо и послать по почте? В лучшем случае, оно не дойдет... Поехать лично? Задержат по дороге. Остается одно: послать к митрополиту Петру доверенное лицо передать ряд документов, иллюстрирующих положение в Церкви, письмо с просьбой сказать свое слово и привезти ответ в той форме, какую митрополит Петр сочтет наиболее приемлемой. Замысел чрезвычайно трудно осуществимый! Прежде всего, нужны большие деньги.

Тем не менее, в распоряжении епископа Дамаскина оказалась настолько большая сумма денег, что он мог, не теряя времени, выслать гонца. Был уже май месяц. Учитывая климатические условия местопребывания митрополита Петра, с этим делом надо было спешить.

«...Паломник наш уехал раньше получения посылки. Дольше я не мог его задерживать. Помолитесь там, чтобы Господь благословил мое начинание. Я представил туда полную картину самого разнообразного материала, послал и копии сергиевских распоряжений и обращений. Ответа можно ждать лишь в августе...» (Письмо от 21 мая 1929 г.)

Позднее он писал: «Паломник наш благополучно все сдал, уже вернулся с ответом пока на словах, а на бумаге получится вскоре. Все, мною посланное, оказалось там совершенной новостью. Сразу ответа нельзя было послать по обстоятельствам чисто внешнего характера. Посланный говорит, что после ознакомления дедушка (так условно митрополита Петра называет епископ Дамаскин), говорил о положении и дальнейших выводах из него почти моими словами».

Посланник с трудом добрался до той глухой деревушки, где находился митрополит Петр. Чего стоило одно сознание, что в советских условиях его могли проследить по дороге, захватить, раздуть дело о широкой контрреволюционной организации в Церкви с террористическими целями! А, приехав на последнюю станцию, как добраться до деревушки, находящейся в двухстах километрах от железной дороги, не возбуждая при незнании дороги опасений? Не менее трудно было, уже попав в деревню, разыскать в ней митрополита Петра. Никто из местных жителей, инородцев и дачников, не

предполагал, что старый больной монах, ютившийся в углу избы среди многочисленной семьи хозяина – Предстоятель когда-то могучей и пышной Православной Церкви.

Посланец застал митрополита Петра совершенно больным. Остаться в деревне и ждать ответа было бы опасно и для посланца, и для митрополита Петра. А внимательное прочтение и изучение двадцати двух документов и принятие по ним решения требовало времени и сил, которые у митрополита Петра уже угасали.

Замечательно, что, несмотря на всю бдительность охранных органов советской власти, посланцу епископа Дамаскина все-таки удалось проскользнуть незамеченным и не навлечь беды ни на себя, ни на посланного его епископа.

Со все растущим напряжением ожидал епископ Дамаскин ответа от митрополита Петра. «Впрочем, чего, собственно, я жду? – так пишет он в октябре. «Я прихожу к мысли, что даже решительное слово м. П. не изменит существенно положения, ибо сущность совершающегося великого греха не многим понятна. Может быть, правильно оставить всех в спокойном неведении творимого греха... Мне начинает думаться, что главной нашей задачей должна быть поставлена задача о внутреннем укреплении самих себя, о накоплении в себе духовных сил, о приуготовлении себя к горшим испытаниям...» (Письмо от 5 октября 1929 г.).

Митрополит Петр голос из своей ссылки не подал. Но он обратился непосредственно к митрополиту Сергию. Владыка Петр был тех же взглядов, что и другие твердые исповедники веры.

Епископ Дамаскин обыкновенно писал свои послания под копирку в нескольких экземплярах и посылал друзьям. Каждому из них поручалось переписать от руки или на машинке тоже под копирку несколько экземпляров и разослать по приложенным адресам. Адреса были самые разнообразные: тут была и Сибирь, и Кавказ, и Украина, и Урал – все концы Советского Союза. Эта деятельность епископа Дамаскина – последняя вспышка его неутомимой энергии. Затем последовал перелом и переход в подпольную Церковь после окончательного отхода от митрополита Сергия.

Град Божий епископа Дамаскина.

В чем заключается этот перелом? В возвращении к мысли, которой руководился епископ Дамаскин, будучи еще иеромонахом: путем терпеливой и длительной проповеди среди тщательно избранных, в условиях домашней обстановки, уединенной келии и так далее создать крепко спаянное церковное братство искренно преданных идее Православия верующих, маленькую Церковь, которая тем не менее была бы заметна на поверхности общественной жизни, чем глубже пустила бы корни в сердца людей. Тогда это было в предведении исполнения предчувствия Владимира Соловьева. Теперь – на основании фактов.

«Те «чада Божии», что не пали под напором сатанинского урагана, не расшиблись обломками великого крушения, ясно сознают положение и совершенно спокойно и уверенно возьмутся за создание истинной Церкви Христовой на сохранившемся фундаменте ее, без излишней нервности, без ненужных сетований, ибо самый процесс их строительства и составляет весь смысл жизни их... Приступите непосредственно ко святому строительству и сразу обретете и мир, и ясность души, и покой, и предведение. Помните, что строителями Церкви являются не одни священнослужители, а все

верующие, все стремящиеся ко Христу. И наш путь ко Христу по преимуществу выражается этим строительством. Самое же строительство состоит в том, что мы сами себя полагаем кирпичиком святого здания Церкви Христовой, яже есть Тело Его. Если наше внутреннее составляется из Любви Христовой, наши мысли, чувства и воля цементируются Благодатию Христовой. Если мы сознательно этот свой кирпичик будем полагать на основание Церкви для дальнейшего строительства, то Сам Наздатель Вселенной укажет для него место, так что никакие бури уже не сдвинут, не свергнут его. Перед лицом происшедшего великого разрушения, по-видимому, каждому из нас надлежит начинать возведение здания от фундамента его. Пример первых строителей дает нам определенные формы такой работы. Продумайте их, ближе познакомьтесь с ними у апостолов, св. мучеников и исповедников, по писаниям святых Отцов того периода».

Епископ Дамаскин обращает мысли своих друзей и почитателей к временам мучеников и исповедников, потому что после тысячелетней истории Христианство на Руси отброшено к временам до Константина Великого, к временам Нерона, Диоклетиана...

«Понесем свои собственные кирпичики на незыблемый фундамент Христовой Правды, Божественной Истины, вечного спасения. Без многословия, без громких фраз создавайте сначала маленькую ячейку из немногих лиц, стремящихся ко Христу, готовых начать осуществление евангельского идеала в жизни своей. Объединяйтесь для благодатного окормления вокруг кого-либо из достойных пастырей и займитесь каждый в отдельности и все сообща к приготовлению себя к все большему служению Христу... Объединение хотя бы нескольких лиц такой жизни уже являет маленькую Церковь – Тело Христово, в коем обитает Дух и Любовь Христова... Если мы не соделаемся членами Тела Христа, храмом Духа Его Животворящего, то Дух этот отойдет от мира, и страшные судороги умирающего мирового организма будут естественным результатом сего».

Епископ Дамаскин верит в победу Христианства... «Ваши рассуждения об утре и вечере Христианства неправильны, ибо как бы исключают наличие дня. Я иначе смотрю на положение. Назначение Церкви – постоянная борьба, посему-то она и называется «Церковью воинствующих», воинствующих с «князем мира сего», т. е. со всем тем, что всяческими путями и средствами принижает дух человека, привязывает, как бы смешивает его с материей, постепенно заглушает в нем небесные зовы, лишает его возможности даже восчувствовать свою истинную природу, истинное назначение его в жизни в мире сем, даже ожесточает его против Света Вечного, Каковой уже здесь для оземлившегося духа становится болезненно мучительным, почему и происходит восстание против Света, усилия загасить остающиеся лучи Его в мире сем. Все это вмещается в одно слово – зло. Пока происходит сознательная борьба с этими условиями жизни в царстве князя мира сего, со злом, до тех пор и продолжается день Христовой Церкви...

Радостно сознавать, что только этот Свет обладает животворящим свойством бесконечно создавать, возжигать новые светильники Света среди тьмы, по-видимому уже все собою покрывшей. Поэтому пусть временно тьма покрыла землю (от часа шестого до часа девятого), пусть светильники некоторых Церквей сокрыты под сосудами, дабы не быть загашенными сатанинским вихрем, как у большинства, – малое время покоя от Господа (может быть даже время, когда тьма возомнит свое дело уже завершенным), и светильники откроются, соединятся, зажгут множество иных, загашенных было светильников, сольются в великий пламень веры, который при попытках загасить его, будет лишь больше возгораться, ибо много угасших и восчувствовавших муку мрака и холода тартара предпочтут лучше сгореть на костре

пламени веры, чем вновь погрузиться во мрак...»

Но это так в мечтах. А в советской действительности в тот момент? «...Итак, нас меньшинство... Что же? И надо отступить пред натиском воинствующего безбожия? Да не будет сего! Как бы мало нас ни было, вся сила Христовых обетований о неодолимости Церкви остается с нами. С нами Христос – Победитель смерти и ада. История Христианства показывает нам, что во все периоды обуревавших Церковь соблазнов и ересей носителями истины церковной и выразителями ее являлись немногие, но эти немногие огнем веры своей и ревностным стоянием в Истине постепенно зажигали всех. Тоже будет и теперь, если мы – немногие – выполним свой долг перед Христом и Церковью Его до конца.

Безбоязненное исповедание веры и упования своего и твердое стояние в церковных установлениях – является убедительнейшим возражением на сергианский уклон, и несокрушимой преградой направленным на Церковь враждебным силам, «Не бойся же, малое стадо, ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство».

Уже в этот период своей жизни в Стародубе епископ Дамаскин постепенно приучает своих друзей и последователей к мысли, что Христианство вынуждено будет уйти в подполье, чтобы сохраниться в чистоте и нетленной красоте духа. Чем дольше он живет на свободе, тем больше рассеиваются его иллюзии относительно возможности влиять на широкие слои народа, когда-то как будто еще так недавно, называвшегося «Богососцем». Но окончательно созревает эта мысль в Соловках (в конце 1933 года). Забегая вперед, надо сказать, что оттуда он приехал убежденным сторонником отхода от митрополита Сергия и перехода на поллугальное, а затем и подпольное существование Православной Церкви.

Последующие ссылки епископа Дамаскина.

В ноябре 1929 года епископ Дамаскин снова арестован. На этот раз одним из главных обвинителей его в контрреволюции был ставленник митрополита Сергия – стародубский благочинный, ревностный сторонник декларации. А местом ссылки – Соловки. Там епископ Дамаскин встретил многих своих единомышленников, с которыми ранее был знаком только по переписке. К сожалению, в этот период переписка с епископом Дамаскиным была очень затруднена – письма не доходили, ответы не получались. Выпущенный на свободу, епископ Дамаскин об этом своем пребывании почти ничего не рассказывал, кроме того, что голод заставлял находившихся в Соловках собирать на берегу моря ракушки, всякого рода улитки, чтобы как-нибудь утолить его. Это был период проведения коллективизации сельского хозяйства и вызванного ею острого голода.

И еще одно рассказывал епископ Дамаскин: отдохнуть от окружавшего его «бедлама» он уходил в лес. А там, как рассказывали другие ссыльные того же периода, его заставляли коленопреклоненным, погруженным в глубокую молитву.

По-видимому, опыт жизни в Стародубе и тесное соприкосновение с миром концлагерей (по сравнению с которым даже Полой казался раем), где политических смешивали, а подчас и подчиняли уголовным, наложили глубокий отпечаток на дальнейшее направление мыслей епископа Дамаскина. Он уже уклоняется от широкой деятельности, не пишет длинных посланий, обращенных к широким кругам верующих. Он убедился, что в условиях советской действительности и общего разложения возможна только подпольная Церковь. А самое главное, он увидел массовый отход от

религии, успех антирелигиозной пропаганды, растущее вширь и вглубь безбожие. Надо было спасать уже не большинство, а меньшинство.

Верующие 1934 года – это малое стадо, это не званые, но избранные. И надо думать об устройении этого малого стада. Епископ Дамаскин нашел свое малое стадо в последний свой приезд в Киев. Он объезжает знакомые города, навещает своих единомышленников.

Между прочим, он посещает в Киеве одного видного киевского протоиерея, профессора Киевской Духовной академии. Оно зовет этого протоиерея к своей маленькой пастве. Протоиерей наотрез отказывается – он не пойдет в подполье, он останется в крошечной церковке... Почему-то отказ этого протоиерея производит на епископа Дамаскина потрясающее впечатление. С ним делается сердечный припадок. Неужели до сих пор – а уже со времени издания декларации прошло больше шести лет – не ясно, что вместо «легализации» Церкви усиленными темпами идет ликвидация Церкви? На что еще надеяться?

Друзья епископа Дамаскина и почитатели стараются держать втайне его местопребывание. Но как уберечь Владыку, который не снимает рясы, не обрезывает свою длинную бороду, не теряет за столько лет архиерейскую осанку и с архиерейским посохом ходит «инкогнито» по Киеву, когда ему запрещено вообще показываться на Украине! Он не умеет прятаться. Он мыслит так: «Все мы вменихомся яко овцы на заклание»!

Еще раньше вскоре после выступления митрополита Сергия епископ Дамаскин мыслил о судьбе Русской Православной Церкви в образе двух апокалиптических церквей: Филадельфийской и Лаодикийской. Церковь Святейшего Патриарха Тихона – это Церковь Филадельфийская: «И Ангелу Филадельфийской Церкви напиши: ...Ты не много имеешь силы, и сохранил слово Мое, и не отрекся имени Моего» (Откр. 3,7-8). «Побеждающего сделаю столпом в храме Бога Моего, и он уже не выйдет вон; и напишу на нем имя Бога Моего и имя града Моего, и имя Мое новое» (Откр. 3, 12). И рядом с Церковью Филадельфийской – Церковь Лаодикийская – митрополита Сергия. «...И Ангелу Лаодикийской Церкви напиши: «...Советую тебе купить у меня золото, огнем очищенное, чтобы Тебе обогатиться и чтобы не видна была срамота наготы твоей, и глазной мазью помажь глаза твои, чтобы видеть» (Откр. 3, 14 и 18).

Епископ Дамаскин заповедует своим последователям, по возможности, не работать на государственной службе. Кто может шить, пусть работает на дому. Кто может заниматься каким-либо другим ремеслом, пусть старается заниматься им так, чтобы жить христианской жизнью и удаляться зла. «Блажен муж, который не идет на совет нечестивых». Лучше довольствоваться меньшим, но сохранять свободу духа».

Подъем в Небесный Град Божий.

1 августа 1934 года епископ Дамаскин снова арестован. Но какая разница с предыдущими годами – никаких передач, ни пищи, ни одежды, ни денег! Никаких записок! Кто исчез за воротами тюрьмы, тот вычеркнут из жизни навсегда.

Через много месяцев доходят слухи о том, что епископ Дамаскин на этот раз в каком-то колхозе Казахстана, работает бухгалтером. Медленно, кружным путем доходят слухи, как с разными этапами гоняли епископа Дамаскина на север, потом оттуда на юг. С ним – его любимый духовный сын – отец Иоанн Смоличев, в свое время блестящий

священник, прекрасный проповедник, исповедник, полуобезумевший после первой ссылки – так нещадно избивали его там, преимущественно по голове. Отец Иоанн не мог идти... Епископ Дамаскин сбросил котомку со своими вещами, отдал их какому-то верующему и взвалил отца Иоанна на плечи... Так двигались они на север. Ничего не дошло о том, что случилось дальше с отцом Иоанном и каким путем попал епископ Дамаскин с севера на юг. Вести вообще перестали доходить. Последнее известие было в 1937 году: в Казахстане епископ Дамаскин был арестован. После этого – полное молчание.

После ежовского террора во второй половине тридцатых годов распространилась легенда о кончине епископа Дамаскина. Что вместе с очередным этапом везли его на далекий север. Где-то на берегу великой сибирской реки глубокой осенью ждал паром. В последнюю минуту привели еще одного священника, одетого в легкий подрясник – в таком виде его взяли, в таком и повезли. Епископ Дамаскин снял с себя верхнюю рясу и со словами «у кого две одежды, дай неимущему», закутал в нее священника. Но надорванное здоровье не выдержало стужи, он тут же на пароме, на котором этап должен был ехать несколько дней, умер. Тело его завернули и опустили на дно великой сибирской реки.

Но была и еще одна версия смерти епископа Дамаскина. Что заключили в одну из сибирских тюрем. Из общей камеры перевели в штрафную одиночку – без окон, без освещения. На полу этой камеры – замерзшая вода, стены покрыты инеем. В этом холоде и мраке, может быть даже без пищи, продержали епископа Дамаскина, пока он не получил отморожение ног третьей степени и не началась гангрена... Трудно представить без ужаса эти страшные дни гефсиманского томления епископа Дамаскина. В тюремном лазарете епископ Дамаскин скончался об общей гангрены на почве отморожения ног.

Однако то были только слухи. Спустя годы стало известно, что владыка Дамаскин был приговорен к "высшей мере наказания" – расстрелу и 15 сентября 1937 года в Казахстане расстрелян – в Карлаге в городе Караганде.

В XX веке русские православные у себя на родине присутствовали при восхождении своей Церкви на Голгофу, ее распятия, крестной смерти, положения во гроб до Светлого Воскресения по воле Божией. Весь остальной мир, пока еще называющийся христианским, прошел мимо подножия креста, на котором распята Русская Православная Церковь, равнодушно, холодно, подчас даже с насмешкой – как проходили книжники и фарисеи. Никто не протянул губку, чтобы утолить ее предсмертную жажду. Никто не обвил ее чистой плащаницей, не принес благовоний. Это не сделал ни один из восточных патриархов, которых всегда так щедро одаривало русское государство. Для них Москва действительно была «Третьим Римом», поддерживавшем их морально, материально и политически.

В Европе не сумели понять простой вещи: трагедия Русской Православной Церкви – начало трагедии всего Христианства. Наступление на Христианство ведется с двух сторон, тиски сжимаются. На идеологическом фронте исподволь проводится искусная работа по подмене Христианства антихристианством, пользующимся христианскими и церковными терминами и формами для вящего успеха безбожной пропаганды. Для этой же цели провозглашается даже совместимость отступничества с Христианством.

Русская Православная Церковь десятилетия несет крест исповедничества и молитвами ее великих исповедников нашего времени врата ада ее не одолеют. В краткой случайной беседе архиепископ Николай Охридский по поводу русского

исповедничества сказал: «В настоящее время у престола Всевышнего голоса русских заглушают все остальные»!

Источник. E. Lopushanskaya (see Sources). – Е. Лопушанская (см. "Источники").

15. Митрополит Кирилл Казанский

15.

Митрополит Кирилл Казанский.

Первый Временный Заместитель патриарха Тихона.

Память 7/20 ноября (+ 1937 г.)

"Господь сохранил для Своих избранных епископа, который не согласился отступить от своей веры ради мира с врагами Церкви Христовой. Да будет благословенно его имя из рода в род".

Сергей Нилус.

Перед смертью патриарх Тихон оставил документ, касающийся его временного Местоблюстителя, который должен был занимать Патриарший Престол, пока не смогут свободно избрать нового Российского Патриарха. Коммунистическая программа, которая была навязана многострадальной Святой Руси и которая в действительности была не атеистической, а скорее антитеистической, уже предвещала, что такие свободные выборы вряд ли могут состояться. В своем выборе трех преемников-иерархов Патриарх-Мученик обозначил путь, по которому должна следовать Церковь: эти люди были, прежде всего, отмечены строгим блюдением Православия и смелостью в его исповедании – качествами, которые готовили их к тому, чтобы стать великими исповедниками, такими, какие были в Церкви в ее первый, катакомбный период. Первым из этих столпов твердости в неподдельном Православии был митрополит Кирилл Казанский – величественная фигура в Русской Церкви и вдохновитель катакомбной Церкви.

Константин Иларионович Смирнов (будущий митрополит Кирилл) родился 26 апреля

1863 года. В 1887 году он окончил Санкт-Петербургскую Духовную академию. После свадьбы был рукоположен во священника, но скоро овдовел, был пострижен в монашество и назначен главой православной миссии в Урмии (в Персии). В 1904 году он был посвящен во епископа Гдовского, викария Петербургской епархии, где стал духовно очень близок великому светочу веры святому праведному Иоанну Кронштадтскому. Святой пастырь был очень привязан к молодому иерарху, и в своем завещании святой Иоанн попросил, чтобы по его смерти отпевал его молодой епископ Кирилл. Когда в 1908 году святой умер, епископ Кирилл выполнил эту просьбу с большой любовью и тщанием, положив тело в гроб и отпев его в присутствии многих иерархов, старших его по сану. Святой Иоанн хорошо знал и очень уважал высокие духовные качества епископа Кирилла.

Во время празднования Богоявления в Петербурге в 1909 году епископ Кирилл показал себя выдающимся борцом за церковную истину и традицию. Под влиянием мирских "научных" элементов было официально объявлено, что вся вода, которую нужно было освящать для праздника, в Петербургской епархии должна быть предварительно доведена до кипения, и таким образом великую агиасму нужно было совершать над исходящими паром сосудами. Один церковный орган того времени отметил: "Полену дров, нужному для кипячения воды и уничтожения микробов, было оказано больше веры, чем Богу... К счастью, не все еще отступили от якоря нашего спасения, и в том же Петербурге Господь сохранил для избранных Своих одного епископа, не согласившегося поступиться своей верой ради мира с врагами Христовой Церкви. Если мои записки когда-либо узрят свет, то пусть они и сохраняют имя этого верного слуги Божия и архипастыря в подкрепление веры и благочестия изнемогающих моих братьев. Кирилл Гдовский — имя этому епископу. Да будет благословенно имя его в род и род... Вода была освящена епископом Кириллом Гдовским, в сослужении архимандритов лавры, прямо в проруби Невы. Местная полиция приняла меры и никого из публики за водой на Иордань не допустила" (С.А. Нилус. «На берегу Божией реки»).

В том же 1909 году, очевидно, в связи с этим инцидентом епископ Кирилл был переведен в Тамбовскую епархию. 6 мая 1913 года он был возведен в сан архиепископа. В Тамбове его трудами было подготовлено прославление святого Питирима Тамбовского, которое совершилось в июле 1914 года с большой торжественностью.

Во время революции он был одним из ведущих иерархов Русской Церкви, принимал активное участие во Всероссийском Соборе 1917-18 годов. Его доклад Собору "Об общем образовании", который он подготовил после взаимодействия с Временным правительством и беседы лично с Керенским, обнажил истинные антихристианские планы тех, кто сверг Царя и надеялся воспитывать будущие поколения без влияния Церкви.

Когда его возвели в митрополита Казанского (весной 1918-го), он был вскоре арестован (в ноябре 1919 года); прибыл в свою епархию, отбыв свой тюремный срок, в 1920 году. После нескольких месяцев пребывания в Казани был снова арестован за то, что сотрудничал с американской организацией, помогавшей продовольствием умирающим от голода, вызванного революцией. В этой работе у митрополита Кирилла было много преданных помощников, одна из которых игуменья Иулиания (чьей непосредственной обязанностью было снабжать едой и помогать заключенным епископам), оставила рассказ, который освещает те "подпольные" условия, при которых верные архипастыри Христовы должны были направлять свою паству в то время.

"Примерно в 1919 году епископ Гурий был арестован. Он был проректором (академии) в Казани, когда митрополит Кирилл был ректором. Поэтому митрополит (бывший в

Москве) связался со мной по поводу посылки некоторых вещей владыке Гурию. Как оказалось, он заранее договорился с ним, как можно отправить ему в тюрьму Святые Дары. Для этого он дал мне маленькую коробку с тем, что по виду было маленькими кусочками белого хлеба, и сказал, что их нужно записать среди других припасов, которые надо было передать. Я расстроилась, что беру с собой Святые Дары, и вообще идея их нести мне не понравилась, и я сказала об этом Владыке. На это он ответил мне: "Какое Вам до этого дело, я Вас посылаю". Но, немного подумав, он предложил мне взять у него Святые Дары рано утром того дня, когда я должна была идти с передачей владыке Гурию в Бутырскую тюрьму. Так и было сделано. Скоро я ходила с передачами для самого владыки Кирилла, но недолго. В 1920 году митрополит Кирилл был в Таганской тюрьме. В той же тюрьме в это время, возможно даже в одной камере, были владыки Феодор и Гурий. В Таганской тюрьме все еще действовали старые правила: за хорошее поведение узников переводили в категорию "исправившихся", и они пользовались определенными привилегиями. В Таганской тюрьме было пять узников этой категории – митрополит Кирилл, архиепископ Феодор, епископ Гурий, Александр Дмитриевич Самарин и Владимир Федорович Джунковский. Кроме обычных общих посещений, им разрешалось раз в неделю в определенный день принимать посетителей, не разделенных с ними решеткой. При обычных посещениях, когда много людей говорили с узниками через двойную решетку, было почти невозможно беседовать из-за шума и крика. Кроме того, эти встречи длились только пять минут. С другой стороны, визиты к "исправленным" длились пятнадцать минут, и можно было даже передать вещи в руки узников. При таких обстоятельствах я должна была говорить с митрополитом Кириллом и передавать ему вещи много раз. Когда митрополит был в ссылке, мы могли помогать ему не только посылками, но и снабжать церковными служебными книгами".

Один раз, когда митрополит Кирилл был сослан в Туруханск, он жил вместе с архиепископом Афанасием (Сахаровым), в биографии которого мы находим некоторую информацию о страданиях митрополита Кирилла.

Во время их общей ссылки два архипастыря обычно молились вместе. Однажды, когда владыку Афанасия посадили в одиночку, и ему было очень трудно, митрополит Кирилл начал молиться за него по молитвослову, по уставу праведного Парфения Киевского и последовательно читая евангелия. Внезапно епископа Афанасия освободили. Его заключение было таким коротким, что митрополит Кирилл еще не закончил читать евангелие от Иоанна, они закончили читать его вместе.

Епископ Афанасий до конца жизни сохранил лучшие и самые добрые воспоминания о митрополите Кирилле. Он любил рассказывать истории о нем, среди которых была следующая.

"В 1924 году, когда был еще жив патриарх Тихон, владыка Кирилл возвращался из ссылки из района Коми (Зырян). Он был вызван в Москву, чтобы явиться к советскому чиновнику по вопросам культов Евгению Тучкову, со строгими инструкциями никого не навещать по пути. Тем не менее, когда митрополит Кирилл добрался до Москвы, он прежде всего пошел к Патриарху, который только что подписал соглашение, принимающее в церковное общение обновленца Красницкого. Когда митрополит Кирилл спросил, по какой причине тот согласился на такое неправославное действие, патриарх Тихон сказал ему: "У меня сердце болит, что так много архипастырей в тюрьме. Власти обещают мне освободить их, если я приму Красницкого". На это митрополит Кирилл ответил: "Ваше Святейшество, не беспокойтесь о нас, архипастырях. Нам сейчас только в тюрьмах и предназначено быть".

Услышав это, Патриарх вычеркнул имя Красницкого из недавно подписанного документа. Позднее, при встрече митрополита Кирилла с Тучковым, когда обсуждался вопрос о Красницком, Тучков в оскорбительной форме упрекнул его за то, что тот не послушал Патриарха, который хотел принять Красницкого.

"Я не понимаю Вас, – сказал владыка Кирилл. – Ровно год назад на этом самом месте Вы обвиняли меня в чрезмерном послушании Патриарху, а сейчас требуете прямо противоположного".

После смерти Патриарха не было возможности законно созвать Собор, чтобы избрать нового Патриарха: большинство иерархов были в тюрьме или ссылке. Кроме того, едва ли было вероятно, чтобы Тучков разрешил им созвать Собор.

Архиепископ Иларион (Троицкий), бывший в то время в концлагере на Соловках, предложил провести выборы нового Патриарха, собрав подписи разных архиереев. Вместе с единомысленными ему епископами, также бывшими на Соловках, он написал воззвание на эту тему к епископам Русской Церкви. В этом воззвании он рекомендовал избрать Патриархом владыку Кирилла. Один епископ, которого как раз должны были освободить из Соловков, положил воззвание в свой чемодан, имевший двойное дно, и таким образом оно было вывезено из лагеря. В пользу кандидатуры митрополита Кирилла было собрано большое количество подписей. Но едва только это Соловецкое воззвание попало в руки митрополита Сергия (Страгородского), как о нем стало известно властям, и оно было немедленно конфисковано. Те епископы, чьи подписи стояли в воззвании, заплатились за это увеличением репрессий. Инициатор воззвания тоже не остался безнаказанным. Уже больной и едва стоящий на ногах после приступа тифа архиепископ Иларион был отправлен в Ленинград под конвоем в жестокий мороз в одной тонкой рясе. Достигнув места назначения, он вскоре умер.

До того, как "временно исполняющим обязанности" стал митрополит Сергей, Тучков предлагал этот пост тем иерархам, которых патриарх Тихон выбрал своими преемниками, то есть митрополитам Агафангелу и Кириллу. Сообщалось, что митрополиту Агафангелу запретила принять этот пост юродивая Христа ради, которую он очень уважал – слепая Ксения из города Рыбинска. Она сказала ему: "Если ты его примешь, то потеряешь все, что раньше приобрел".

Когда Тучков вызвал митрополита Кирилла, последний согласился принять этот пост, если коммунистические власти не будут ему ставить в дальнейшем свои условия. "Если мы решим снять какого-нибудь епископа, – сказал Тучков, – Вы будете обязаны помочь нам". На это митрополит Кирилл ответил: "Если окажется, что иерарх нарушил церковный канон, тогда да, но в ином случае я скажу ему: "Брат, я ничего против тебя не имею, но советские власти требуют от меня удалить тебя, и я обязан сделать это". На это Тучков резко возразил: "Нет, нет, не так. Вам придется заставить его поверить, что Вы это делаете по собственной воле, и Вам придется найти какой-нибудь предлог для удаления его". При таких условиях, конечно, владыка Кирилл отказался занять Патриарший Престол. Говорят, что потом он сказал Тучкову: "Послушайте, Евгений Александрович, Вы не канон, а я не бомба, которой Вы надеетесь взорвать изнутри Русскую Церковь".

Митрополит Кирилл был немедленно сослан. На место ссылки его везли в маленькой лодке по верховьям реки Вычегды. Вооруженные охранники, его сопровождавшие, не озадачивались питанием своего узника, и только лодочники из жалости тайно давали иерарху-страдальцу хлеб. Когда они прибыли на место назначения, митрополита Кирилла передали на попечение хозяина маленькой бревенчатой избы. Последнего

проинструктировали ничего не давать митрополиту. Владыка Кирилл сделал удочку и пытался прокормиться рыбой, которую варил в старой жестяной банке. Он был в таком состоянии (и физического истощения, и нравственный мучений), что разразился горькими слезами, когда верная монахиня Евдокия, найдя его в этой глуши, увидела его сидящим на берегу за своим занятием. Протопресвитер Михаил Польский немного рассказывает о дальнейшей судьбе митрополита Кирилла: "На допросах в ГПУ ведутся разговоры на общие темы и даже затеваются религиозные диспуты. Если обнаружатся ваши ум и познания, уже не говоря о рассуждениях, о действиях властей, то вы оказываетесь определенно вредным человеком. Счастлив только тот, кто умеет притвориться глупеньким, не умеет ни на что ответить, не так, как я, несчастный, который сразу не выдержал и вступил со следователем в религиозный диспут. Митрополит Казанский Кирилл за годы своей бесконечной ссылки имел недели две свободы в самой Москве. Агент ГПУ требовал от него повлиять на Патриарха или по вопросу об ответе архиепископу Кентерберийскому, или еще по какому-то поводу, не помню. Митрополит несколько раз отмалчивался на пристаивания агента, но, наконец, сказал ему: "Ну и умный же вы человек!.." Взбешенный агент дал митрополиту Кириллу только полчаса на сборы. Митрополита отправили сначала в Усть-Сысольск, а затем, весной 1925 года, в лесные дебри, причем две недели продолжалось путешествие по реке в лодке. Митрополиту не давали есть, оставляли спать на холоде, вне лесных изб, в которых чекисты сами ночевали, дергали его за бороду и издевались над ним так, что Митрополит стал просить себе смерти. Более года прожил он под владычеством коммуниста в лесу, где было только две охотничьи избы". ("Положение Церкви в Советской России", стр. 42-43.)

В 1924 году, когда митрополит Кирилл отказался вступить в Живую Церковь, куратор от органов безопасности Тучков пообещал ему, что он "сгниет в тюрьме", и, действительно, до конца своей жизни он переходил из тюрьмы в ссылку, а оттуда в еще более отдаленную ссылку. Будучи в ссылке в 1925 году, когда патриарх Тихон уже умер, он не мог исполнять обязанности Временного Местоблюстителя, и этот пост перешел ко второму из выбранных Патриархом – митрополиту Петру Крутицкому. Когда заместитель последнего, митрополит Сергей, издал свою позорную декларацию в 1927 году, митрополит Кирилл был в ссылке в отдаленной деревне в Туруханском крае на далеком севере, за Полярным кругом, страдая там от болезни почек. Оттуда он послал откровенные письма и митрополиту Сергию, и епископу Дамаскину Глуховскому, который был в ссылке в тех же местах, порвав всякие отношения с митрополитом Сергием и объявив его действия потерявшими законную силу, и утверждал, что он превысил свои полномочия введением новой церковной политики, даже не посоветовавшись при этом с Временным Местоблюстителем. Бывшая в то время секретарем епископа Дамаскина Е. Лопушанская, которая недавно опубликовала одно такое письмо, отмечает также, что "в 1931 году все епископы в ссылке признавали митрополита Кирилла, а не митрополита Сергия главой Православной Церкви" ("Епископы-исповедники", стр. 35).

20 ноября 1937 года митрополит Кирилл был расстрелян вместе с митрополитом Иосифом (Петровых) в городе Чимкенте в Казахстане как "главный вдохновитель" катакомбной Церкви.

Источники. Polsky. *New Martyrs of Russia*, Vol. 2. Jordanville. NY. 1957, and *The Condition of the Church in Soviet Russia*. Jerusalem. 1931; *A Pastoral Wreath to Fr. John of Kronstadt*. St. Peterburg. 1911; E. Lopushanskaya. *Bishops Confessors*. San Francisco. 1971; manuscript material from Alexei Rostov, Abbes Juliana. Prof. I.M. Andreev; L. Regelson, *The Tragedy of the Russian Church*, Paris. 1977; "Le Messenger", No 107. Paris. 1973; (all in

Russian). In English: W. Fletcher. The Russian Orthodox Church Underground. 1917-1970. Oxford. 1970. – Польский "Новые мученики Российские", т. 2, Джорданвилль, Нью-Йорк, 1957 г. и "Положение Церкви в Советской России", Иерусалим, 1931 г.; "Пастырский венок отцу Иоанну Кронштадтскому", Санкт-Петербург, 1911 г.; Е. Лопушанская "Епископы-исповедники", Сан-Франциско, 1971 г.; рукописный материал от Алексея Ростова, игумении Иулиании. Проф. И.М. Андреев. Лев Регельсон "Трагедия Русской Церкви", Париж, 1977; "Ле Мессажер", № 107, Париж, 1973 (все на русском языке); на английском – В. Флетчер "Русская Православная Церковь в подполье", 1917-1970, Окфорд, 1970 г.

Письма митрополита Кирилла.

Самым выдающимся из иерархов Русской Церкви после смерти патриарха Тихона был, несомненно, митрополит Кирилл Казанский. Выбранный патриархом Тихоном как первый из трех Местоблюстителей, которые займут его место в случае его смерти или недееспособности, он был также выбран большинством голосов (72-мя) находившихся на свободе в 1926 году епископов в неудавшейся попытке избрать нового Патриарха тайным голосованием. Будучи в ссылке после 1925 года, он не мог занять пост Местоблюстителя, который поэтому достался второму кандидату патриарха Тихона митрополиту Петру Крутицкому, но его голос был все-таки самым авторитетным во всей Русской Церкви в то время.

После декларации митрополита Сергия в 1927 году мнение митрополита Кирилла об этом документе и о "новом курсе" церковной деятельности ожидали поэтому с нетерпением. Это мнение пришло, наконец, примерно через два года из туруханской ссылки на далеком севере, где был тогда митрополит Кирилл. В этом письме своему другу епископу Дамаскину и еще больше в своей дальнейшей переписке с митрополитом Сергием и другими епископами вплоть до 1934 года митрополит Кирилл излагает, возможно, яснее, чем любой другой иерарх того времени экклезиологическую природу ошибки митрополита Сергия. Его высказывания о природе единства Церкви и единого мышления, о необходимости отказать в канонической легальности Церкви, о вопросе разрыва союза и о присутствии или отсутствии благодати в Московской Патриархии и тех, кто отделился от нее, остаются очень актуальными для наших дней.

Письмо № 1. 6/19 июня 1929 г.

(Адресовано епископу Дамаскину (Цедрику), который, как и он, был в ссылке в Туруханском крае, но был тогда освобожден и временно проживал в Стародубе. Из книги Е. Лопушанской "Епископы-исповедники", Сан-Франциско, 1971 г., стр. 27-35. Регельсон определяет дату письма 2/15 мая, а адресатом – Казанского викария епископа Афанасия (Малинина), но это более раннее письмо, чье содержание во многом повторяется в более длинном письме епископу Дамаскину.)

Христос среди нас, возлюбленный о Господе собрат, дорогой Владыка,
Преосвященнейший Епископ.

Многосодержательное письмо Ваше от 1/3 получил в отдание Пасхи: Воистину Воскресе Христос! Писанное Вами отцу Иоанну я читал, благодаря доброму вниманию ко мне соседа моего. И сказанное Вами отцу Иоанну и мартовское письмо Ваше меня

утешило — не содержанием своим скорбным, а обнаружившимся здесь единодушием и единомыслием нашим в суждении о происходящем церковном соблазне...

Недоумения по отношению к м. Сергию и возглавляемой им Церкви могли возникнуть только потому, что верующие почувствовали в административно-церковной деятельности м. Сергия превышение тех полномочий, какие предоставлены ему званием заместителя местоблюстителя

Патриаршего Престола. Для меня лично не подлежит сомнению, что никакой заместитель по своим правам не может равняться с тем, кого он замещает, или заменить его. Заместитель назначается для распоряжения текущими делами, порядок решения которых точно определен действующими правилами, предшествующей практикой и личными указаниями заменяемого. Никаких, так сказать, «учредительных прав, в роде реформы существующих служебных учреждений, открытия новых должностей и т.п. не может быть предоставлено без предварительного испрошения согласия и указаний заменяемого. Коренное же изменение самой системы управления церковного, на что отважился м. Сергей, превышает компетенцию и самого местоблюстителя...

(Далее следует специфическое обсуждение института заместителя местоблюстителя при патриархе Тихоне, чтобы показать, как митрополит Сергей превысил свою власть.)

Посему до тех пор, пока м. Сергей не уничтожит учрежденного им Синода, ни одно из его административно-церковных распоряжений, издаваемых с участием, так называемого временного Патр. Синода, я не могу признать для себя обязательным к исполнению. Такое отношение к м. Сергию и его Синоду я не понимаю, как отделение от руководимой м. Сергием части православной Церкви, так как личный грех м. Сергия относительно церковного управления не повреждает содержимого и этой частью Церкви православно-догматического учения, но я глубоко скорблю, что среди единомышленных м. Сергию архипастырей, в нарушение братской любви уже применяется кличка «отщепенцев», «раскольников» по отношению к несогласным с ним и обличающим их неправду.

Ни от чего святого и подлинно церковного я не отделяюсь; страшусь только приступить и прилепиться к тому, что признаю греховным по своему происхождению и потому воздерживаюсь от братского общения с м. Сергием и единомышленными ему архипастырями, так как нет у меня другого способа обличить согрешающего брата. Известные мне неоднократные попытки личных письменных братских увещаний, обращенных к м. Сергию со стороны почившего митрополита Агафангела, митрополита Иосифа с двумя его викариями, арх. Углицкого Серафима и епископа Вятского Виктора не могли вернуть м. Сергия на надлежащее место и к подобающему образу действий. Повторять этот опыт словесных убеждений было бы бесполезно. Посему архипастырям и вместе со всеми, кто считает учреждение, так называемого «Врем. Патр. Синода» погрешительным, воздержание от общения с м. Сергием и единомышленными с ним архиереями, признаю исполнением своего архипастырского долга. Этим воздержанием с моей стороны ничуть не утверждается и не заподозревается якобы безблагодатность совершаемых сергианами священнодействий и таинств (да сохранит нас всех Господь Бог от такого помышления), но только подчеркивается нежелание и отказ участвовать в чужих грехах...

Посему литургисать с м. Сергием и единомышленными ему архипастырями я не стану, но в случае смертной опасности со спокойной совестью приму елеосвящение и последнее напутствие от священника сергиева поставления или подчиняющегося учрежденному им Синоду, если не окажется в наличии священника, разделяющего мое

отношение к м. Сергию и, так называемому Врем. Патр. Синоду. Подобным образом, находясь в местности, где все храмы подчиняются «Врем. Патр. Синоду», я не пойду в них молиться за общим богослужением, но совершить в одном из них литургию в одиночку или с участием единомышленных мне клириков и мирян верующих, если бы таковые оказались в наличии, признаю возможным без предварительного освящения храма. По моему мнению, так же может поступать каждый священнослужитель, разделяющий мое отношение к м. Сергию и учрежденному им Синоду.

Что касается мирян, то участвовать деятельно в церковно-приходской жизни приходов, возносящих имя м. Сергия за храмовым богослужением в качестве возглавляющего архипастыря, по совести не следует... Но само по себе такое возношение имени м. Сергия не может возлагаться на ответственность мирян и не должно служить для них препятствием к посещению богослужения и принятию Святых Даров в храмах, подчиняющихся м. Сергию, если в данной местности нет православного храма, хранящего неповрежденным свое отношение каноническое к Местоблюстителю Патриаршего Престола. Молиться же с м. Сергием наряду с остальными архипастырями и вообще православными христианами (запись в поминовение на проскомидии, на молебнах и т. п.), не является грехом. Это долг всех православных христиан, пока общее церковное отлучение не объявит учиненное м. Сергием злоупотребление доверенной ему церковной власти грехом к смерти (Мф. 18, 15-17; 1 Ин. 5, 16)...

В настоящее время м. Сергий не скрывает уже неискренности своего заявления, что Синод существует при нем и с ним падает. В беседе с Вами он прямо заявил: «Будущие преемники мои вынуждены будут считаться с установленным мною положением в Церкви». Но в этом заявлении гораздо больше человеческой самоуверенности, чем богопросвещенного разума своего и церковного положения. Понятно после этого, что послушание м. Сергию, державшееся только на нравственном авторитете, само собой прекратилось со стороны всех искренних православных людей. Все такие сказали и в своей совести, и в слух другим, что общение с Вселенской Церковью они хранят через Местоблюстителя Патриаршего Престола, но не через его частного уполномоченного.

Для меня лично все изложенное здесь представляется достаточным прощупыванием канонической почвы под своими ногами и обращение к м. Сергию с громоздким посланием, кажется мне, не нужным преувеличением церковного значения м. Сергия и подливанием масла в огонь, сомнений и так сжигающего бедного Владыку. Недостатка в братских увещаниях по отношению к нему за эти два года не было. Но м. Сергий глух к ним. Не расслышит он и нового, хотя и более старого окрика.

Поэтому достаточно, кажется мне, для личного Местоблюстительского уполномоченного частного доведения до его сведения, со стороны каждого несогласного с церковной его деятельностью, что деятельность эта идет мимо нас и поощрять своим согласием и послушанием мы не можем. Можно прямо просить, чтобы пока существует, так называемый, «Врем. Патр. Синод», м. Сергий не трудился бы присылать данному корреспонденту свои распоряжения, так как за ними, по архипастырской совести, не может быть признано обязательное значение...

Дух Святой, всегда в Церкви пребывающий, да ведет нас сквозь горнило нынешних тяжелых испытаний к вящему выявлению своей Правды, да никако же умазится ниже малую часть нашего упования, ниже помыслом растворимся в окружающем нас лукавстве мира сего.

Еще одно послание, относящееся примерно к тому же времени, которое циркулировало в среде епископата, содержит важные мысли по вопросу церковной дисциплины.

Из письма № 2 (1929 г.)

"Я никого не сужу и не осуждаю, но и призвать к участию в чужих грехах никого не могу, как не могу осуждать и тех иерархов во главе с митрополитом Иосифом, которые исповедили свое нежелание участвовать в том, что совесть их признала греховным. Это исповедание вменяется им в нарушение ими церковной дисциплины, но церковная дисциплина способна сохранять свою действенность лишь до тех пор, пока является действительным отражением иерархической совести Соборной Церкви; заменить же собою эту совесть дисциплина никогда не может. Лишь только она предъявит свои требования не в силу указания этой совести, а по побуждениям, чуждым Церкви, неискренним, как индивидуальная иерархическая совесть непременно станет на стороне соборно-иерархического принципа бытия Церкви, который вовсе не одно и то же с внешним единением во что бы то ни стало. Тогда расшатанность церковной дисциплины становится неизбежной, как следствие греха. Выход же из греха может быть только один – покаяние и достойные его плоды. И кажется мне из моего далека, что этого покаяния одинаково ждут и ленинградцы (то есть митрополит Иосиф и те, кто с ним), и осуждающие их ташкентцы (то есть сергианские иерархи)".

Копия первого из этих писем была послана митрополиту Сергию, и от него последовал следующий ответ от 5/18 сентября 1929 года (из текста книги Регельсона, стр. 469): "...Не признавая нас, таким образом, ни раскольниками, ни безблагодатными и не имея, следовательно, дозволенных оснований для раскола, Вы, однако, с нами порываете общение. Можно ли с Вами согласиться, что раскола Вы не учиняете и остаетесь в мире со Св. Церковью? Вы порвали с нами евхаристическое общение и в то же время не считаете ни себя учинившими раскол, ни нас стоящими вне Церкви. Для церковного мышления такая теория совершенно неприемлема – это попытка сохранить лед на горячей плите. Из всех видимых связей церковного тела – евхаристическое общение есть самое существенное, настолько, что при его отсутствии остальные связи единства не удержат".

Еще до этого письма 24 июля/6 августа митрополит Сергей и его "Синод" объявили таинства епископов, которые отделились от него, лишенными благодати, сравнивая их "расколы" с обновленцами. "Таинства, совершенные в отделении от церковного союза... последователями бывшего митрополита Ленинградского Иосифа (Петровых), бывшего епископа Гдовского Димитрия (Любимова), бывшего епископа Козловского Алексия (Буя), как также бывших в состоянии отлучения, подобным же образом недействительны, и те, кто выходят на этих раскольников, если они были в расколе крещены, должны быть приняты через таинство святого помазания; Браки, заключенные в расколе, подобным же образом должны быть завершены через церковное благословение и чтение заключительной молитвы в венчальном чине "Отец, Сын и Святой Дух". Те, кто умирают в обновленчестве и в указанных расколах, не могут быть похоронены по церковному обряду, нельзя служить по ним поминальную литургию, невзирая на просьбы родных" (Регельсон, стр. 168-169). Это действие, совместно с письмом митрополита Сергия, вызвало новое послание митрополита Кирилла, адресованное на этот раз прямо митрополиту Сергию, в котором он особо рассматривает "богохульство" лишенных благодати в таинствах или сергиан, или

несергиан.

Письмо № 3. 28-30 октября / 10-12 ноября 1929 г.

Из книги Регельсона, стр. 168-169, 469-471.

"О хулах этих я узнаю впервые от Вас; о единственно же возможном для меня отношении к ним Вы имеете полную возможность судить хотя бы по тому ужасу, с каким "отталкивал я от себя мысль о безблагодатности совершаемых сергианами священнодействий и таинств". Вы сами отмечаете этот мой ужас и, приобщая после сего и меня к таким хульникам, говорите просто неправду. Если хулы такие действительно кем-нибудь произносятся, то они плод личного темперамента говорящих, плод – скажу Вашими словами – "беспросветной темноты одних и потери духовного равновесия другими". И как горько, Владыко, что потерю духовного равновесия обнаруживаете и Вы в равную меру. Для своей христианской любви, имеющей по Вашему сознанию "некоторую смелость верить, что грозное изречение Господа ("Всякий грех и хула простятся человеку, а хула на Духа не простится человеку," – Мф. 12, 31) не будет применяться к этим несчастным со всею строгостью, Вы, однако, не осмеливаетесь найти более любовный способ воздействовать на них, как постановление Вашего Синода от 6 августа 1929 г. за № 1864, воспрещающее, несмотря ни на какие просьбы, отпевать умерших в отчуждении от Вашего церковного управления. Не говоря уже о перемазывании крещеных, тем же Св. Миром помазанных, каким намазуют и послушные Вам священники, или о перевенчании венчаных. В апреле Вы в заботе о заблудших хлопочете о снятии клятв Собора 1667 г., а в августе – вызванный Вашей деятельностью не для всех еще ясный спор церковный закрепляете как непримиримую церковную вражду.

Не забудьте, что вражду такую Вы создаете своим синодским постановлением главным образом с теми, кто за время существования обновленчества разных призывов своим православным чутьем, не зная писаных законов, безошибочно определяли подлинную церковную правду и возвращали к ней самих пастырей, пошатнувшихся было на своей церковной стезе, вследствие книжнического пользования писанными церковными правилами. В постановлении Вашего Синода за № 1864 послышался мне подобный же приговор иудейских первосвященников: "Народ сей, иже не весть закона, проклят суть" (Ин. 7, 49).

Происходит это от того, конечно, что отрицательное отношение к Вашей деятельности по управлению церковному Вы с Синодом воспринимаете как отрицание самой Церкви, ее таинств и всей ее святости. Поэтому же Вас так изумляет, что, воздерживаясь от совершения с Вами литургии, я не считаю, однако, ни себя, ни Вас стоящими вне Церкви. "Для церковного мышления такая теория совершенно неприемлема, – заявляете Вы, – это попытка сохранить лед на горячей плите". Если в данном случае есть с моей стороны попытка, то не к сохранению льда на горячей плите, а к тому, чтобы растопить лед диалектически-книжнического пользования канонами и сохранить святость их духа. Я воздерживаюсь литургисать с Вами не потому, что тайна Тела и Крови Христовых будто бы не совершится при нашем совместном служении, но потому, что приобщение от чаши Господней обоим нам будет в суд и осуждение, так как наше внутреннее настроение, смущаемое неодинаковым пониманием своих церковных взаимоотношений, отнимет у нас возможность в полном спокойствии духа приносить милость мира, жертву хваления. Поэтому во всей полноте свое воздержание я отношу только к Вам и единомысленным с Вами архиереям, но не к рядовому

духовенству и тем менее к мирянам. Среди рядового духовенства очень немного сознательных идеологов Вашей церковной деятельности...

Как бы ни подчеркивали Вы строгость суждения канонов, на какие ссылаетесь в обличение непослушных Вам, Ваши толкования производят малое впечатление и на непослушных и на все церковное общество, совершенно перестающее доверять диалектической канонике, развившейся у Вас до ужасающих размеров с появлением обновленчества. Вспомните, как на основании канонического буквализма учредительный, обновленческий так называемый Собор 1923 г. осудил Патриарха не только на лишение сана, но и монашества. Поэтому не злоупотребляйте, Владыко, буквой канонических норм, чтобы от святых канонов не остались у нас просто каноны. Церковная жизнь в последние годы слагается и совершается не по буквальному смыслу канонов. Самый переход патриарших прав и обязанностей к митрополиту Петру совершился в небывалом и неведомом для канонов порядке, но церковное сознание восприняло этот небывалый порядок как средство сохранения целостности патриаршего строя, считая последний главным обеспечением нашего православного бытия, особенно ввиду обновленческого отрицания идеи Патриаршества".

На это письмо митрополит Сергей ответил письмом от 20 декабря / 2 января 1930 года, защищая свои "права", как обладающего всей патриаршей властью. Вскоре после этого письма митрополит Сергей и его послушный Синод объявили, что митрополит Кирилл был предан церковному суду и освобожден от управления епархией; в отличие от митрополита Иосифа и других более откровенных оппонентов митрополита Сергея он, однако, не был полностью запрещен или отлучен.

Больше ничего не было сделано ни одним из иерархов до 1933 года, когда митрополиту Кириллу был предоставлен краткий период свободы (в городе Гжатске) от ссылок и тюремных заключений. 15/28 июля этого года он адресовал последнее письмо митрополиту Сергию, подытоживая свою позицию. (Текст из книги Регельсона, стр. 175-179). Оно начинается таким образом – со ссылкой на семидесятый год своей жизни, который только что наступил:

"Достигнув возраста, являющегося, по слову Св. Псалмопевца, начальным пределом земной человеческой жизни (Пс. 89, 10), стоя, так сказать, в преддверии могилы, сознаю свой долг разъяснить своим собратьям-архипастырям, пастырям и верующему народу, почему я считаю Вас узурпатором церковной власти и отказываюсь повиноваться административно-церковным распоряжениям Вашим и учрежденного Вами Синода. Между тем у меня нет непосредственной возможности довести свое исповедание до слуха Церкви и потому я вынужден это сделать, обращая его к Вам, дерзновенно утверждающему себя первым епископом страны; может быть и по искреннему заблуждению и во всяком случае с молчаливого попустительства части собратий епископов, повинных теперь вместе с Вами в разрушении канонического благополучия Православной Русской Церкви".

Остальная часть этого послания еще раз подробно описывает причины, по которым митрополит Кирилл отказывается признать власть, на которую предъявляет свои требования в Церкви митрополит Сергей.

В течение этого времени на свободе митрополит Кирилл вошел в активный контакт (и сам подбадривал, и организовывал) с "непоминающими" митрополита Сергея, теми, кто поминал только имя митрополита Петра на Богослужениях, а теперь создавали отдельную церковную организацию, позднее названную Катакомбной Церковью. В

двух посланиях, написанных до его следующего ареста в июле 1934 года, он дает каноническое основание для своей деятельности, которое продолжает быть каноническим основанием до сего дня не только для "непоминающей" катакомбной Церкви в России, но и для Русской Зарубежной Церкви. Декрет патриарха Тихона от 7 /20 ноября 1920 года, который митрополит Кирилл цитирует как точное каноническое основание для церковной организации, утверждает, что тем, кто отрезан от церковного центра в Москве, следует организовать как можно лучше в их обстоятельствах, выбрав старшего из своей среды главным иерархом.

Письмо № 4, январь 1934 год.

(Из книги Регельсона, стр. 179-181.)

Из ответа на мнение некоего о необходимости митр. Кириллу объявить себя Местоблюстителем до времени освобождения митрополита Петра.

"Неблагополучие в Русской Православной Церкви видится мне не со стороны содержимого Ею учения, а со стороны управления. Сохранение надлежащего порядка в церковном управлении со смерти Святейшего Патриарха Тихона и до созыва законного Церковного Собора обеспечивалось завещанием Святейшего Патриарха, оставленным в силу особого, ему только данного и никому не передаваемого права назначить себе заместителя. Этим завещанием нормируется управление Русской Церковью до тех пор, пока будет исчерпано до конца его содержание. Несущий обязанности Патриаршего Местоблюстителя иерарх сохраняет свои церковные полномочия до избрания Собором нового Патриарха. При замедлении дела с выбором Патриарха Местоблюститель остается на своем посту до смерти или собственного добровольного от него отречения или устранения по церковному суду. Он не правомочен назначить себе Заместителя с правами, тождественными его местоблюстительским правам. У него может быть только временный заместитель для текущих дел, действующий по его указаниям. Вот в этом пункте и является погрешность со стороны митрополита Сергия, признающего себя в отсутствие митрополита Петра имеющим все его местоблюстительские права. Его грех в превышении власти, и православный епископат не должен был признавать такую власть и, убедившись, что митр. Сергей правит Церковью без руководства от митр. Петра, должен был управляться по силе Патриаршего Указа 7/20 IX. 1920г., готовясь дать отчет в своей деятельности митрополиту Петру или Собору. Если до созыва Собора Местоблюститель умирает, то необходимо снова обратиться к Патриаршему завещанию и в правах Местоблюстителя признать одного из остающихся в живых, указанных в Патриаршем завещании иерархов. Если ни одного в живых не окажется, то действие завещания кончилось, и Церковь сама собой переходит на управление по Патриаршему Указу 7/20.IX.1920г., и общими усилиями епископата осуществляется созыв Собора для выбора Патриарха.

Поэтому только после смерти митрополита Петра, или его законного удаления я нахожу для себя не только возможным, но и обязательным активное вмешательство в общее церковное управление Русской Церковью. Дотоле же иерархи, признающие своим Первоиерархом только митрополита Петра, вознося его имя по чину за богослужением, и не признающие законной преемственности Сергиева управления, могут существовать до суда соборного параллельно с признающими; выгнанные из своих епархий, духовно руководя теми единицами, какие признают их своими архипастырями, а невыгнанные руководя духовной жизнью всей епархии, всячески

поддерживая взаимную связь и церковное единение.

Для меня лично выступление сейчас представляется невозможным, так как я совершенно не уверен в характере отношений митрополита Петра, чтобы убедиться в подлинности настроений последнего, чтобы решить, как поступить. Во всяком случае быть явочным порядком Заместителем митрополита Петра без его о том распоряжения я не могу, - но если митрополит Петр добровольно откажется от местоблюстительства, то я в силу завещания Святейшего Патриарха и данного ему мною обещания исполню свой долг и приму тяготу местоблюстительства, хотя бы митрополит Петр назначил себе и другого преемника, ибо у него нет права на такое назначение".

Письмо № 5, февраль 1934 года.

(Из книги Регельсона, стр. 181-184.)

Неназванному иерарху.

"Христос посреди нас! Ваше Высокопреосвященство, Преосвященнейший Владыко, возлюбленный о Господе собрат архиепископ...

Строки Ваши, полные снисходительности и доверия ко мне, грешному, доставили мне глубокое утешение. Спаси Вас Господи! Вас огорчает моя неповоротливость и кажущаяся Вам чрезмерная осторожность. Простите за это огорчение и еще потерпите его на мне. Не усталостью от долгих скитаний вызывается оно у меня, а неполным уяснением окружающей меня и всех нас обстановки. Ясности этой недостает мне не для оценки самой обстановки, а для надлежащего уразумения дальнейших из нее выводов, какие окажутся неизбежными для ее творцов. Проведение их в жизнь, вероятно, не заставит себя долго ждать, и тогда наличие фактов убедит всех в необходимости по требованию момента определенных деяний.

Но разве мало существующих уже фактов? – можете спросить Вы. Да, их не мало, но восприятие их преломляется в сознании церковного общества в такой разнообразии оттенков, что их никак не прикрепить к одному общему стержню. Необходимость исправляющего противодействия сознается, но общего основания для него нет, и митрополит Сергей хорошо понимает выгоду такого положения и не перестает ею пользоваться. В одном из двух писем ко мне он не без права указывает на эту разногласицу обращаемых к нему упреков и потому, конечно, не считается с ними. Обвинение в еретичестве, даже самое решительное, способно только вызвать улыбку на его устах, как приятный повод лишний раз своим мастерством в диалектической канонике утешить тех, кто хранит с ним общение по уверенности в его полной безупречности в догматическом отношении.

Между тем среди них немало таких, которые видят погрешительность многих мероприятий митрополита Сергея, но, понимая одинаково с ним источник и размер присвоенной им себе власти, снисходительно терпят эту погрешительность, как некое лишь увлечение властью, а не преступное ее присвоение. Предъявляя к ним укоризну в непротивлении и, следовательно, принадлежности к ереси, мы рискуем лишить их психологической возможности воссоединения с нами и навсегда потерять их для Православия. Ведь сознаться в принадлежности к ереси много труднее, чем признать неправильность своих восприятий от внешнего устройства церковной жизни. Нужно, чтобы и для этого прекраснодушия властные утверждения митрополита Сергея

уяснились как его личный домысел, а не как право, покоящееся на завещании Святейшего Патриарха. Всем надо осознать, что завещание это никоим образом к митрополиту Сергию и ему подобным не относится.

Воспринять патриаршие права и обязанности по завещанию могли только три указанные в нем лица, и только персонально этим трем принадлежит право выступать в качестве временного церковного центра до избрания нового Патриарха. Но Передавать кому-либо полностью это право по своему выбору они не могут, потому что завещание Патриарха является документом совершенно исключительного происхождения, связанного соборной санкцией только с личностью первого нашего Патриарха. Поэтому со смертью всех троих завещанием указанных кандидатов завещание Святейшего Тихона теряет силу, и церковное управление создается на основе указа 7/20 ноября 1920 года. Тем же указом необходимо руководствоваться и при временной невозможности сношения с лицом, несущим в силу завещания достоинство церковного центра, что и должно иметь место в переживаемый церковно-исторический момент.

Иное понимание патриаршего завещания, утверждаемое митрополитом Сергием, привело уже к тому, что завещание, составленное для обеспечения скорейшего избрания нового Патриарха, стало основой для подмены в церковном управлении личности Патриарха какой-то коллегиальной "Патриархией". Почует ли на этом начинании митрополита Сергия благословение Божие, мы не дерзаем судить, доколе законный Собор своим приговором не изречет о нем суда Духа Святого, но, как и все обновленчеству сродное, не можем признать обновленное митрополитом Сергием и церковное управление нашим православным, преемственно идущим от Святейшего Патриарха Тихона, и потому, оставаясь в каноническом единении с Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Петром, при переживаемой невозможности сношения с ним признаем единственно закономерным устройство церковного управления на основе патриаршего указа 7(20) ноября 1920 года.

Твердо верю, что православный епископат при братском единении и взаимной поддержке сохранит с Божьей помощью Русскую Церковь в исконном Православии во все время действительности патриаршего завещания и доведет ее до законного Собора...

Сдается мне, что и Вы сами и Ваш корреспондент не разграничиваете тех действий митрополита Сергия и его единомышленников, кои совершаются ими по надлежащему чину в силу благодатных прав, полученных через таинство священства, от таких деяний, кои совершаются с превышением своих сакраментальных прав по человеческим ухищрениям в ограждение и поддержание своих самоизмышленных прав в Церкви. Таковы деяния епископа Захарии [Лобова] и священника Потапова, о коих Вы упоминаете. Это только по форме тайнодействия, а по существу узурпация тайнодействий, а потому кощунственны, безблагодатны, нецерковны, но таинства, совершаемые сергианами, правильно рукоположенными во священнослужении, не запрещенными, являются, несомненно, таинствами спасительными для тех, кои приемлют их с верою, в простоте, без рассуждений и сомнения в их действительности и даже не подозревающих чего-либо неладного в сергианском устройении Церкви. Но в то же время они служат в суд и осуждение самим совершителям и тем из приступающих к ним, кто хорошо понимает существующую в сергианстве неправду и своим непотворением ей обнаруживает преступное равнодушие к поруганию Церкви. Вот почему православному епископу или священнику необходимо воздерживаться от общения с сергианами в молитве. То же необходимо для мирян, сознательно относящихся ко всем подробностям церковной жизни.

Заключение.

Письма митрополита Кирилла, дошедшие до нас, все связаны с одним и тем же вопросом – каноническим положением митрополита Сергия в Русской Православной Церкви. Но его значение выходит далеко за рамки просто вопроса о канонической "правильности" или "неправильности". Каноны были составлены, чтобы навести порядок в среде христианской, а не надевать на них смирительную рубашку законности, и, таким образом, письма митрополита Кирилла, полные осознания этого – это руководство для нас в трудностях и часто в небывалых канонических условиях Православия XX века. Отступничество в наше время до уникальной в истории Христианства степени распространяется, главным образом, не через ложные учения или отклонения от канонов, а скорее через ложное понимание Православия теми, кто в догматическом учении и каноническом положении может разбираться превосходно. Правильное "православие", лишенное духа истинного Христианства – вот смысл сергианства, и с ним нельзя сражаться, называя его ересью, которой оно не является, или подробно разбирая его канонические неправильности, которые встречаются только случайно и по отношению к чему-нибудь маловажному.

К сожалению, немногие, кажется, способны понять это в наши дни обманчивого свехупрощения. Митрополит Сергей сам, несмотря на его репутацию Богослова, не мог разобраться в позиции митрополита Кирилла, которая является ничем иным, как выверенным "Царским путем" православной выдержанности между крайностями обновленчества и сергианской законностью с одной стороны и слишком торопливым обвинением в сергианской ереси и отсутствии благодати – с другой. Позиция митрополита Кирилла тем более важна, что ситуация в Греческой Церкви XX века была очень похожа на то, что происходит в Русской Церкви: календарная реформа также не была вопросом ереси или (главным образом) нарушением канонов, и отрицание благодати в таинствах или приверженцами нового календаря, или приверженцами старого календаря послужило только увеличению духа отделения и мешало возможности примирения тех, кто придерживается традиций, и тех, кто помимо своей воли пошел за реформами. Митрополит Кирилл взялся за организацию отдельной Церкви с большой неохотой, и он делал так не потому, что верил, что он и его последователи в одиночестве образуют истинную Церковь, но только для того, чтобы избежать зависимости от тех, чья вера была скомпрометирована, даже хотя они все еще были частью одной Церкви по отношению к другим русским юрисдикциям идентично положению митрополита Кирилла по отношению к сергианскому Синоду, и ее отношение к другим Православным Церквям свободного мира движется в том же направлении, хотя союз с ними еще формально не порван. Призыв митрополита Кирилла к сдержанности, таким образом, весьма применим и в наши дни.

То, что отметил митрополит Кирилл, – важное различие между истинностью таинств сергианских священников и "узрпацией священнодействий" – выражалось в таких действиях, как отлучение митрополитом Сергием тех, кто не соглашался с его "новой церковной политикой", и это относится и к нашему времени. "Буквальное" применение канонов, которые так сурово осуждает митрополит Кирилл, не может понять это различие; и, таким образом, некоторые люди могут оказаться в положении, которое может быть "легально правильно", но в то же время глубоко нехристианским, как будто христианская совесть вынуждена повиноваться любой команде церковных властей до тех пор, пока эти власти формально "каноничны". Эта слепая концепция послушания ради послушания – одна из главных причин успеха сергианства в нашем веке – и внутри, и вне Московской Патриархии. Конечно, христианская совесть не принимает отлучений церковных властей, сделанных под политическим и другим нецерковном

давлением (от турецкого ли султана на Константинопольскую Патриархию в XIX веке или от коммунистических властей на Московскую Патриархию в XX веке), но сделать из этого вывод, что все таинства такой церковной власти лишены благодати – это какое-то церковное законничество.

Письма митрополита Кирилла представляют, возможно, с наибольшей ясностью истину, что закон и учение Церкви Христовой никогда не могут быть делом просто бездушного "послушания". Катакомбная Церковь в России до наших дней (насколько нам известно) вместе со свободной Русской Зарубежной Церковью не отрицает таинства Московской Патриархии, но они не поддерживают с ней общения; таким образом, они не участвуют в нехристианских действиях, совершаемых во имя "православия" московским руководством под давлением коммунистов, но они также не лишены солидарности с исповедником в Московской Патриархии – отцом Димитрием Дудко, полный канонический союз с которым невозможен только из-за того, что его руководство, в основном, политическое.

Наконец, упор митрополита Кирилла на единодушие тех, кто идет по пути истинного Православия, показывает нам наш собственный сегодняшний путь. Руководители "мирового православия" проводят разрушительную политику обновленчества и отступничества, но рискованно пытаться определить точную границу, за которой они и особенно их невольные последователи безнадежно оставляют Православие. Это суждение делать не нам. Но нам дано твердо стоять в истинной традиции Православия, переданной нам нашими Отцами, воздерживаться от союза с теми, кто участвует в отступничестве от истинного Христианства, и находить единомышленников, которые решили быть верными Православию до смерти. На таком фундаменте Православная Церковь твердо стоит по сей день в Советской России, ожидая дня, когда она сможет свободно и открыто явить Христу свидетельство верности.

16. Архиепископ Варлаам

16.

Архиепископ Варлаам,
его брат епископ Герман и их письма.

7/20 февраля (+ 1942 г.)

"Слава безграничности милости Господней. Жизнь – это борьба и страдание ради полного блага и Господа. Чем больше мы страдаем в унижении, тем больше очищаемся и воспаряем духом".

Архиепископ Варлаам.

Тогда в этой ужасной Вологодской тюрьме он еще не умер. Архиепископу Варлааму, этому выдающемуся иерарху, скорбящему за Русскую Землю, предстояло умереть от голода зимой 1942 года. Лишенный своего епископского, духовного и просто человеческого достоинства, абсолютно заброшенный, без каких-либо средств к существованию и практически парализованный (из-за сильнейшего варикоза вен), он был оставлен умирать как "враг народа". И он, и весь народ знали очень хорошо, кто был врагом человечества на земле – безбожная власть, которая как паразит, захватила власть и безжалостно уничтожала человеческое достоинство и святость в многострадальной Святой Руси. И здесь, на грязном соломенном матрасе, едва прикрытый какими-то мешками и весь в уже замерзших насекомых лежал святой человек. Завывающий снаружи ветер с порывами дождя и снега уже пел свою похоронную песню, громко отдаваясь в тюремных стенах или повторяя эхом слабо слышимые вопли и крики пытаемых и расстреливаемых, которые, согласно ленинской системе, должны были быть "уничтожены, как насекомые", чтобы освободить место для новой породы людей – коммунистического класса в "бесклассовом обществе".

В полной мертвой тишине он лежал там в одиночестве долгое-долгое время, ощущая торжественное таинство человеческих страданий в этой "долине слез", нашей земной юдоли, слушая биение своего сердца, которое скоро, как умирающее эхо смертных мук его братии, прекратится... И только теплое на вид, мягкое одеяло падающего снега, покрывающего кровавые преступления злодеев, скрывало все, что было грубого и злого, и отражало в своей белизне чистоту грядущего века.

I.

1878 – 1913

Тамбов, старый патриархальный город в сердце Святой Руси, был родиной двух выдающихся братьев-епископов, значение которых заключается не только в факте, что они отдали свои жизни как исповедники Христа, но также в их святоотеческом учении, касающемся страдания как верного средства обретения очищения, самопознания, обожествления. Во время исторического и внезапного перелома, когда повсюду, как единственная истина, пропагандировалась антихристианская, материалистическая философия, не оставляющая места Христианству даже как взглядам меньшинства,

многие люди оказались на грани отчаяния. Тогда такие учителя – утешители душ, как эти братья, хорошо знающие святоотеческое учение о человеческой душе и ее духовных законах, оказывали необходимую помощь, чтобы справиться с мрачной реальностью советской повседневной жизни, такой враждебной и неестественной для тысячелетнего опыта Святой Руси.

Будущий иерарх Варлаам родился 8 июня 1878 года в зажиточной и благочестивой купеческой семье Степана Рященцева и в крещении был назван Виктором. В 1896 году он окончил Тамбовскую классическую гимназию и поступил в Казанскую Духовную академию. Его младший брат Николай, будущий епископ Герман, тоже учился в Тамбовской классической гимназии, а после ее окончания в 1902 году последовал по стопам брата в ту же академию в Казани.

Когда Виктор прибыл в академию, ее ректор владыка Антоний (Храповицкий) только что был посвящен во епископа, и атмосфера в академии была тогда самая наилучшая. Все студенты жили в полную меру Богословского и аскетического вдохновения. Все были единокорны под управлением ректора-энтузиаста, который был и энергичным миссионером – воспитателем, интеллектуалом, бывшим в курсе учений своего времени. Центром этой академической семьи были монашеского духа церковные службы в часовне, где часто совершались пострижения студентов, желавших посвятить жизнь служению в Святой Православной Церкви.

Виктор сразу же с головой окунулся в бурную деятельность и стал незаменимым прислужником в алтаре. Их духовным наставником стал схииеромонах Гавриил из ближнего Седмиезерного Богородичного монастыря, ученик оптинского старца Амвросия. Этот старец с бесхитростной детской душой был глубокий прозорливец, которому открывалось будущее. В отрочестве он был долгое время прикован болезнью к постели, это дало ему большую возможность заниматься молитвой Иисусовой и приобрести в этом значительный опыт. Он был совершенно открытым, его привлекательная и любящая личность на всю жизнь скрепляла узы отношений духовных отца и сына с теми, кому посчастливилось его знать. Он продолжал поддерживать близкие отношения со всеми своими духовными сыновьями вплоть до своей кончины в 1915 году. Один из одноклассников Виктора, будущий преподобномученик архимандрит Симеон, составил биографию старца, дивную, отличающуюся литературными достоинствами книгу, показывающую живой облик святого, пребывающего в глубокой вере. Еще один его одноклассником был будущий архиепископ Черниговский Пахомий.

Ректор, молодой епископ Антоний, будущий первый кандидат в Патриархи в 1918 году и первый Первоиерарх Русской Зарубежной Церкви, произвел на Виктора глубокое впечатление. Сначала его обязанностью было прислуживать в алтаре во время Божественной литургии, стоя с посохом епископским и глубоко погружаясь в смысл службы, когда благодать Божия осеняет жизнь на земле. В 1900 году он окончил академию, а в следующем году 8 октября был пострижен в монашество своим ректором, подготовил же его к постригу старец Гавриил. Прямо на следующий день он был рукоположен во иеродиакона, а назавтра стал иеромонахом. Ему дали имя Варлаама, древнего святого, обратившего индийского принца Йоасафа и вдохновившего его стать монахом.

Новый монах был очень близок к своему ректору-епископу, и, когда в 1900 году последнего перевели епископом в Уфу, тот взял своего молодого ученика в Уфимскую семинарию преподавателем и назначил его в 1903 году инспектором, вверив в его попечение все церкви старообрядцев, только что присоединенных к Православной

Церкви. Это послушание, послушание благочинного по единоверческим церквям, должно быть, было связано с тем, что старообрядцы с их страстью к "правильности" были иногда непредсказуемы.

Епископ Антоний был, в первую очередь, бесстрашным защитником Церкви, апологетом, деятельным в своем рвении, прямым в суждениях, любящим, скорым и обходительным. Он жаждал увидеть возрождение патриаршего управления Церковью и вдохновлялся византийскими корнями русской цивилизации, отличающимися от западных корней, и при этом оставался представителем своего времени.

Его молодой ученик отец Варлаам, с другой стороны, хоть и шел по его стопам, отличался обдуманностью действий и мягкостью в обращении с людьми, чем завоевал себе большое уважение со стороны и коллег, и студентов. В 1906 году, будучи уже архимандритом, он стал ректором Полтавской семинарии, где опубликовал свои апологетические труды, среди которых "Вера и причины неверия", "О христианском воспитании детей", "В труде – жизнь", "Теософия пред судом Христианства" и иные. Главной целью его учения было привлечь слушателей и читателей к неотмирности Христианства. Вот пример его проповеди, которая была опубликовано в 1911 году в периодическом издании "Русский инок" (март, № 6) на его любимую тему – поиски Небесного града.

Не имамы зде пребывающего града, но грядущего взыскуем.

Небо есть истинное отечество наше, вечное, святое, безопасное от всяких врагов, от всякого разрушительного действия стихий, которые сами сжигаемы разорятся (2 Петр. 3, 10). Не приблизится к нему никакой неприятель; не истребит его огонь, как часто бывает это с земными нашими селениями; не потопит вода; не подвержено оно разрушению, как все на земли, но бесконечные веки стоят непоколебимо (Евр. 12-28). Нет там бедных и богатых, потому что не будет там и снedaемых жадностью к богатству: нет болезни, печали, воздыханий, но вечное благосостояние, вечная радость; "вечная радость над главою их", – говорит пророк Исаия, провидя Духом Божиим блаженство праведных (Исаии 51, 11).

Отцы и братие о Господе! Будем стремиться туда в горния обители путем добродетельного жития, да преподается вам обильно вход в вечное царство Господа нашего и Спаса Иисуса Христа (2 Петр. 1, 11).

Не взойдет в Царствие Небесное человек с жестоким сердцем, и работающий своим греховным страстям. Как взойдет на Небо тот, кто всю жизнь работает житейской суете, кто ежедневно томится жгучею жаждою земных удовольствий, им отдал свое сердце и к ним прилагался, как магнит к железу; а к благам духовным и небесным ни малейшего вкуса не развил, - не говорю - не укрепил, – а совсем не имеет? Введите его пожалуй, хоть для примера, если бы то было позволено, в Горния Селения, ему и там будет скучно, потому что там не то, что здесь: нет любимых его предметов, нет земных сокровищ, которыми лелеял и ублажал сердце свое. Расположения, наклонности душевные, приобретенные здесь, переходят с нами и в тот век, и какая мука будет там, за гробом, всем которые умерли с своими земными греховными наклонностями, которые всегда заглушали и подавляли небесные потребности души, не успев принести всесердечного в них раскаяния? Вот откуда тогда произойдет, тот неумирающий червь, о котором так часто говорит в Евангелии Спаситель наш: этот червь – живущий и не умирающий и по смерти греховной нашей наклонности, кои ничем удовлетворены

быть не могут. Но к этому неумирающему червю присоединятся еще огонь неугасающий, огонь лютейший; ибо сказано: червь их не умирает, и огонь не угасает (Мк. 9, 44, 46, 48).

Итак, если мы чаем Царствия Небесного, ради которого вышли из мира и поселились в пустынях, то надобно нам стяжать небесной правды; если искренно желаем по смерти жить на Небе, то должны небесно пожить на земле.

Царствие Небесное отверсто, Праведный Судия ждет нашего к Нему обращения, милостиво призывает нас к Себе, показывает уже уготованные обители всем любящим Его и стремящимся к Нему, и говорит: "Приидите ко Мне вси труждающиеся, и Аз упокою вы" (Мф. 11, 28).

Здесь все временно, а там вечно. Не имамы зде пребывающего града, но грядущаго взыскуем (Евр. 13, 14). Аминь.

II.

1913 – 1927

В 1913 году 13 января он стал епископом Гомельским, викарием Могилевской епархии. Его викариат был на юге, так сказать, в тени прославленной Почаевской лавры. Хиротония была совершена в Петербурге, в Свято-Троицком соборе Свято-Алекса́ндро-Невской лавры. В торжественный момент, когда нареченный епископ произносит свою первую проповедь, после которой его должны посвятить, он сказал следующее:

"Ваши Преосвященства, Богопросвещенные архипастыри и отцы!

Воля Господа через святость вашу призывает меня, грешника, к высшему служению в Церкви Христовой – служению епископскому. Я не знаю, что произнести и что сказать в этот пугающий час. Одно не буду скрывать: высота этого истинно апостольского служения и глубина ответственности перед Богом за каждую душу пастырей и паствы наполняют мое сердце великой тревогой и страхом, и я стою как будто без ответа. Я знаю мои духовные немощи, вижу свой духовный беспорядок, но также знаю, что Господь часто призывает, не взирая на достоинства человека. Он избирает "немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; и незнатное мира и уничиженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее" (1 Кор. 1, 27-28). Из гонителя Он сделал себе первого апостола. Поэтому я смиряюсь и в ничтожности своей подчиняюсь призыву Господа: да совершится воля Божия в моем смирении. Я следую ей со страхом, но и с готовностью, ибо верю, что Господь все устраивает для нашего блага, для нашего спасения; со страхом, но и с готовностью принимаю на себя брань и крест, которые неотделимо связаны с епископским служением.

Это служение состоит, прежде всего, в отказе от личной жизни. Епископ должен забыть о собственных интересах и своих заботах. Он должен жить не для себя, а для своей паствы. Он должен пропустить через свою душу и ум души и мнения своей паствы со всеми их слабостями, скорбями и страданиями, он должен на свои плечи поднять кресты их всех и в самом себе переживать мучительную борьбу добра со злом каждого из них: плакать над падениями, поднимать падших, быть (по выражению апостола

Павла) "в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос!" (Гал. 4, 19), изнемогать и воспламеняться за каждую христианскую душу (2 Кор. 11, 29).

Но, чтобы отречься от личной жизни, нужно умереть для любви к себе, умереть для страстей, так как и то, и другое отделяют нас от Христа и от наших ближних, нужно исполниться отношением, которое было у Павла, когда он сказал: "Для меня жизнь – Христос, и смерть – приобретение. (1 Фил. 1, 21).

Эта борьба невыразимо трудна для грешного человека, но это важно. Иначе пастырская деятельность будет бесплодна, иначе сам пастырь будет просто наемным работником и услышит глас осуждения от Того, Который положил жизнь Свою за паству и призвал Своих последователей делать то же самое.

К этой внутренней борьбе пастыря всегда присоединяется внешняя, заключающаяся в трудной внешней ситуации с пастырской деятельностью. Мир и диавол восстают против слуг Христовых, и от этого происходят всевозможные клеветы, оскорбления и даже преследования. Если даже простой пастырь часто ослабевает под этим крестом, что должен выстрадать архипастырь? Кто может описать его душевные муки, его частые слезы, видимые и невидимые? Больше того, времена ныне наступили тяжкие: многие отступают от веры, восстают на Христа и на Его святую Церковь. Ныне, когда путь истины – в поношении от многих (см.: 2 Пет. 2, 2), пастырю уже нельзя молчать и молча переносить скорби. Нужно защищать истину и громко свидетельствовать о ней, быть как бы исповедником. А быть исповедником – значит быть священномучеником. Таков и есть путь святительский.

Я снова вспоминаю апостола Павла, который так описывает его путь исповедника. За Христа и за дело Его, говорит он, "я был (...) в трудах, безмерно в ранах, более в темницах и многократно при смерти. От иудеев пять раз дано мне было по сорока [ударов] без одного; три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпел кораблекрушение, ночь и день пробыл во глубине [морской]; много раз [был] в путешествиях, в опасностях на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе, в опасностях в пустыне, в опасностях на море, в опасностях между лжебратиями, в труде и в изнурении, часто в бдении, в голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в наготе. Кроме посторонних [приключений], у меня ежедневно стечение [людей], забота о всех церквах" (2 Кор. 11, 23-28).

Какую веру и упование на Господа нужно иметь, какую чистоту личной жизни, какое отречение от себя и любовь к пастве, чтобы подобающе вынести эту борьбу, бесстрашно свидетельствовать истину Христову, вынести скорби и страдания с радостью, не потерять мужества даже в гонениях, гореть рвением, как Господь, ища спасения своей братии! Наконец, какой здравый смысл и опыт нужно иметь, чтобы безопасно довести корабль Церкви в гавань спасения! Епископ – кормчий этого корабля.

"Кормчий духовный тот, – говорит преподобный Иоанн Лествичник, – кто получил от Бога и чрез собственные подвиги такую духовную крепость, что не только от треволнения, но и от самой бездны может избавить корабль душевный ("Слово особенное к пастырю", гл. 1, п. 2) .

И опять же, я признаю мою слабость и вижу все мое ничтожество, но все равно со смирением предаюсь воле Божией и отгоняю от себя уныние, ибо это Бог, что действует внутри нас (см.: Фил. 2, 13), и пастырь не одинок, с ним и через него

действует всемогущая благодать Божия, исцеляя слабость и восполняя то, чего не достает. "Дал нам Бог духа не боязни, но силы и любви и целомудрия (2 Тим. 1, 7).

И на эту благодать я питаю надежду, я надеюсь также на ваши святые молитвы. Молитесь, о иерархи Божии, чтобы Дух Святой мог очистить всю скверну моей души, чтобы Он мог мне дать мудрость и силу хорошо управлять паствой Христовой во славу Божию и ради спасения чад Христовых и чтобы я смог удостоиться на Страшном Суде стоять по Его правую руку и слышать беззвучный глас, призывающий верующих наследовать Царствие Божие. Аминь".

Едва он начал свою архипастырскую деятельность, как разразилась Первая Мировая война с трагическими последствиями в особенности для юга, который стал линией фронта. Однако перед этим его участие в миссионерской деятельности Почаевской лавры было счастливейшим временем за всю его епископскую деятельность. Лавра преподобного Иова только что увидела великое духовное возрождение благодаря типографии братства внутри нее, возглавляемого еще одним его однокурсником – архимандритом Виталием (Максименко, позднее – архиепископ Джорданвилльский, Нью-Йорк). Своим апостольским рвением отец Виталий пробуждал местных жителей, которых долгие годы силой подчиняли униатам, и тысячи из них привел в Православную Церковь. Епископ Варлаам активно участвовал в этой истинно христианской деятельности и обычно собирал огромные толпы паломников на религиозные торжества в Почаеве, произнося пламенные проповеди, призывающие православных быть истинными христианами, стремящимися в течение своей земной жизни к Небесному Отечеству. Действительно волнующими были моменты, когда толпа из тысячи или более паломников была на всенощных в монастыре, воодушевленно молитвенно пела перед иконой преподобного Иова, а на стены собора в это время проецировались гигантские слайды, освещающее славное православное прошлое лавры и всей Святой Руси как оплота чистого, неповрежденного Христианства. Один епископ, Серафим, ходил на эти Почаевские празднества за сотню с лишним километров со всей своей паствой крестным ходом с хоругвями – такая горячая была тогда вера у православных. Уровень российского монашества тогда был очень высок: во многих монастырях были свои святые, и монашество, вдохновленное аскетической практикой египетских и афонских монахов, дорожило монашеским благочестием ради духовных даров, совершенно непохожих на политическую ориентацию драчливых орденов Запада.

Но близка уже была революция. Она пронеслась по стране, как какой-то ужасный вихрь. Епископ Варлаам хорошо понимал значение того, что происходило в России; сатанинская природа уничтожения Христианства была очевидна. Сама система доносов, лжи, террор сначала со стороны ГПУ, а потом НКВД были, несомненно, подобием деятельности сатанинских сил, существующих в славянской иерархии управления и подчинения, описанной в святоотеческой литературе (см., например, откровение падшего Феофила в Житиях святых). Богоборный план Ленина изменить человечество, уничтожив достоинство человека как образа Божия был достаточно ясен, и он подействовал на многих людей, не имеющих духовной зрелости. Владыка понимал, что то, что происходило, было духовной, а не только политической переменой в России. Вот где просчиталась Белая армия, недостаточно это понявшая. Где только мог, епископ Варлаам произносил проповеди, но главным образом он сосредоточился на мобилизации духовных сил своих собственных и своих единоверцев, укрепляя смиренномудрие.

С 3 сентября 1923 года владыка Варлаам – епископ Псковский. Этот город дорог ему,

потому что его брат, будущий епископ Герман, окончив в 1906 году Казанскую академию, преподавал в Псковской семинарии. Этот город также напоминал им об их общем Казанском старце отце Гаврииле, который свои последние годы жизни провел в Свято-Елиазаровском монастыре близ Пскова. Но умирать старец Гавриил поехал в Казань, где умер среди своих любимых чад, и отец Герман ездил туда, чтобы принять участие в его похоронах.

Жизнь владыки Германа не очень отличалась от жизни его брата. До революции он был инспектором, а затем ректором Вифанской семинарии в окрестностях Свято-Сергиевой лавры. Там он знал святых, людей высоких духовных устремлений, и вспоминал тот край исчезающей Святой Руси годы спустя в отдаленных северных пределах Сибири с теплыми чувствами и слезами, как если бы Вифанская семинария была для него раем.

Летом 1922 года епископ Герман был арестован и сослан в Тобольск, а потом последовал крестный путь через концлагеря на Соловках, в центре России, в Коми, закончившийся в 1937 году на далеком Севере: он был расстрелян 15 сентября в Сыктывкаре. Но он был хорошо готов к тому, чтобы принять свою участь.

Епископа Германа всегда влекла уединенная отшельническая жизнь. Будучи в ссылке в Арзамасе, он встретил святых прозорливых матушек из закрытой Дивеевской обители, и одна из них предсказала ему, что его мечта об уединенной отшельнической жизни исполнится – только в изгнании вместо монастыря. У него была утонченная душа и поэтическое видение жизни. Его диссертация в академии "Нравственные воззрения преподобного Симеона Нового Богослова", высоко оцененная в академических кругах, несомненно, оказала большое влияние на формирование его духовного мировоззрения. С каким смирением и юмором он описывает в своих письмах, как он чистил отхожие места, вычерпывал их содержимое, получая при этом возможность подражать святому Иоанну Дамаскину! Вместе со своим братом он оставил множество писем, адресованных его духовным дочерям, членам катакомбной обители, где было много иносказаний из-за строгой почтовой проверки. Но какое богатство духовной утонченности и мудрости содержится в этих письмах! Какой прекрасный классический язык, возвышенный и лирический! Воистину это сокровища, вышедшие из катакомб XX века.

III.

1927 – 1942

С декабря 1924 года епископ Варлаам в течение года был епископом Могилевским. Как все изменилось к тому времени! Его все время переводили из-за постоянных арестов епископов. 13 июля 1927 года он стал епископом Пермским, а когда временно служил в Ярославле, вышла позорная декларация митрополита Сергия. Этот документ не был для него неожиданным, но он был абсолютно неприемлем для любой православной души. Вместе с местными иерархами епископ Варлаам подписал документ протеста.

Из обращения ярославских епископов к митрополиту Сергию, 6 февраля 1928 года.

Ваше Высокопреосвященство,

В своем обращении к чадам Православной Церкви 29 июля 1927 года, Вы в категоричной форме объявляете такую программу Вашей будущей руководящей деятельности, осуществление которой неминуемо принесло бы Церкви новые бедствия, усугубило бы Ее недуги и страдания. По Вашей программе, начало духовное и Божественное в домостроительстве Церковном всецело подчиняется началу мирскому, во главу полагается не всемерное попечение об ограждении истинной веры и христианского благочестия, а никому и ничему ненужное угодничество "внешним", не оставляющее места для важнейшего условия устройства внутренней церковной жизни по заветам Христа и Евангелия – свободы, дарованной Церкви ее Небесным Освободителем и присущей самой природе ее (Церкви). Чадам Церкви и прежде всего, конечно, епископату Вы вменяете в обязанность – лояльное отношение к гражданской власти.

Мы приветствуем это требование и свидетельствуем, что мы всегда были, есть и будем лояльны и послушны гражданской власти; всегда были и есть и будем честными и добросовестными гражданами нашей родной страны, но это, полагаем, не имеет ничего общего с навязываемым Вами политиканством и заигрыванием и не обязывает чад Церкви к добровольному отказу от тех прав свободного устройства внутренней религиозной жизни церковного общества, которые даны самою же гражданской властью (избрание общинами верующих духовных руководителей себе).

На место возвращенной Христом внутри-церковной свободы Вами широко применяется административный произвол, от которого много терпела Церковь и раньше. По личному своему усмотрению Вы практикуете бесцельное, ничем не оправдываемое, перемещение епископов, часто вопреки желанию их самих и их паствы, назначение викариев без ведома епархиальных архиереев, запрещение неугодных Вам епископов в священнослужении и т.д.

Все это и многое другое в области Вашего управления Церковью, являясь, по нашему глубокому убеждению, явным нарушением канонических определений Вселенских и Поместных соборов, постановлений Всероссийского Собора 1917-18 гг., и усиливая все более и более нестроения и разруху в церковной жизни, вынуждает нас заявить Вашему Высокопреосвященству: "Мы, епископы Ярославской Церковной области, сознавая лежащую на нас ответственность пред Богом за вверенных нашему пастырскому руководству чад наших и почитая священным долгом своим всемерно охранять чистоту Св. Православной веры и завещанную Христом свободу устройства внутренней религиозно-церковной жизни, в целях успокоения смущенной совести верующих, за неимением иного выхода из создавшегося рокового для Церкви положения, отныне отделяемся от Вас и отказываемся признавать за Вами и за Вашим Синодом право на высшее управление Церковью.

Настоящее решение наше остается в силе впредь до сознания Вами неправильности Ваших руководственных действий и мероприятий и открытого раскаяния в Ваших заблуждениях, или до возвращения к власти Высокопреосвященного митрополита Петра.

Агафангел, митрополит Ярославский.

Серафим, архиепископ Угличский (викарий Ярославской епархии, бывший заместитель Патриаршего Местоблюстителя).

Митрополит Иосиф (3-й из указанных Патриаршим Местоблюстителем Заместителей).
Архиепископ Варлаам (бывший Пермский, временно управляющий Любимским викариатством).

Евгений, епископ Ростовский (викарий Ярославской епархии).

В ответ на этот протест митрополит Сергей не нашел ничего лучше, как издать указ, в котором все те иерархи, которые не согласились с его декларацией, были автоматически объявлены "контрреволюционерами", и в качестве таковых подлежали аресту агентами ГПУ как враги народа. Епископ Варлаам и все остальные сразу же направили еще одно послание, утверждая, что они не протестовали против права митрополита Сергея на управление, но что они не согласны с его политикой. Тем не менее, все иерархи, которые тем или иным образом выразили несогласие и не последовали слепо за митрополитом Сергием, действительно были арестованы, и большинство из них навсегда бесследно исчезли. Епископ Варлаам тогда был временным управляющим Любимским викариатством в Ярославской епархии. 11 апреля 1928 года он был официально освобожден от своих архипастырских обязанностей митрополитом Сергием и Временным при нем патриаршим Синодом. 7 сентября 1929 года за свою оппозицию митрополиту Сергию был арестован и заключен в тюрьму, и всю оставшуюся жизнь провел в страданиях – длительное тюремное заключение сменялось короткими периодами относительной свободы в ссылках. Ярославская тюрьма в более поздние годы считалась одним из самых зловещих и жестоких мест в советской системе, но и ссылка была немногим лучше. В 1931 году он был на Соловках, в 1933-м – в ссылке в Вологде.

Состояние полного отчаяния, которое в те годы испытывали в особенности священники, было таким сильным, что мало кто делал какое-нибудь различие между ним и смертью. Они знали, что были осуждены на казнь, и вопрос только в том, когда приговор будет приведен в исполнение. В этом отношении то было счастливейшее время их жизни, так как встреча со Христом была близка.

Один свидетель, который годы спустя знал отца Димитрия Дудко, утверждал: "В лагерях мы часто встречали наших братьев – священников и тайно служили литургию, иногда на деревянном ящике, иногда на чьей-нибудь спине; в то время мы постоянно думали, позволительны ли такие вещи. Жажда быть со Христом была сильнее, чем любое препятствие. Иногда знакомые с воли присылали Святые Дары. Там, за решетками и колючей проволокой, как в каких-нибудь православных миссиях, мы тайно совершали все святые церковные обряды. Я крестил, венчал и отпевал, и проповедовал".+ Есть воспоминания, что один священник, не принявший сергианства, отец Александр, каждый день приходил на работу рано, на рассвете, и, встав на колени, на пеньке служил литургию. Некоторые люди видели, как луч света спускался с неба прямо в чашу, преображая его и окружающих.++

+ Отец Николай Трубецкой "Вестник", Париж, 1979, № 128.

++ Воспоминания княгини Н. Урусовой.

Чистый человек, смиренный и добрый монах, с мягким, любящим сердцем, любивший долгие церковные службы по монашескому уставу, архиепископ Варлаам жестоко страдал от того, что был разлучен со своими духовными детьми, которые относились к нему как к старцу и незаменимому духовному наставнику. Когда была возможность, он писал им письма-наставления. Для тех, кто был "на свободе", эти письма были, как глоток свежего воздуха в удушающей советской действительности. Они дышали духом истинного христианского смирения. Вместе с письмами его брата они составляют то, что сегодня можно было бы назвать христианским учением о том, как переносить страдания в обществе, которое стало враждебным и ненавидящим по отношению к

обычным людям.

IV.

Письма из ссылки о духовной жизни.

Письма, которые сохранились и благодаря самиздату, попали в свободный мир, были написаны с 1923 по 1936 год, после которого о епископе Германе вообще ничего не было слышно. Имеется семь писем архиепископа Варлаама и тридцать девять его брата. Они были написаны, чтобы подбодрить их духовных детей, и главная тема одна – душевное спокойствие и руководство в обретении главной добродетели – смиренномудрия. Они также содержат в завуалированной форме кое-какие сведения об их авторах – о постоянных гонениях, о жизни то в тюрьме, то в ссылке и опять в тюрьме; и изумляет отсутствие в них озлобленности. Вот некоторые главные пункты их учения.

1. Письма содержат анализ моделей поведения нашей падшей природы со святоотеческой, духовной и психологической точек зрения.
2. Уроки, которые они дают, происходят из их личного опыта в глубоко трагической ситуации, которую они вынуждены терпеть: ссылка, постоянный недостаток всего необходимого для повседневной жизни, преследования, повторяющиеся изгнания (в случае с епископом Германом) и физическая немощь (архиепископ Варлаам).
3. В них виден дивный душевный покой, глубоко поэтическое внутреннее вдохновение, они полны пересказами (из-за отсутствия книг в ссылке) возвышенных святоотеческих писаний об аскетической жизни или лирическими отступлениями на темы прошлой жизни, или скрытой красоты даже и жизни настоящей. Вкратце, в письмах дана аскетическая философия любви к Богу и к жизни.
4. Значения страданий. Страдания – это когда наш дух или наше "эго" должны отделиться от собственного представления о справедливости и принять справедливость Божию, которая сурова для нашей души; другими словами это значит принять волю Божию вместо своей, так чтобы мы могли стать орудиями Божиими.
5. Значение духовного счастья. "Какое счастье и какая бескрайняя и вечная радость быть, по меньшей мере, частично причастными к тем Ранам, которые исцелили всех, и быть, по меньшей мере, минутной частицей той могучей вечной Силы, которая всем созданиям указывает вечно древний и вечно новый путь к Воскресению через самоотвержение и любовь," – писал епископ Герман. Вот некоторые отрывки из писаний братьев-епископов.

Письма епископа Валаама.

1. О правильном духовном подходе.
(Письмо архиепископа Варлаама игумении М.)

Вы хотите видеть свое исправление от немощей и упущений и этим оправдаться; вот это-то и не совсем правильно, вчитывайтесь в то, что писал раньше: Ваша душа еще не

восприняла всего там сказанного; сразу и нельзя, не удивляйтесь: уяснится постепенно с Божией помощью. Кратко повторяю:

1. Оправдываемся не исправлением, не добрыми делами, – все это бывает у нас подмочено общей нашей греховностью и все это обязаны мы делать по своей богоподобной природе, – а оправдываемся смирением и покаянием: «жертва Богу дух сокрушен, сердце сокрушено и смиренно Бог не уничижит» (Пс. 50, 19). Об этом найдете кое-где в письмах оптинского старца Макария. Поэтому благо, что у Вас есть погрешности и немощи: при покаянии и сокрушении Вашем они введут Вас в Рай. А если не окажется их, то упование на свою исправность может Вам сильно помешать тайным самоценом, фарисейским упованием на понесенные труды, добродетели: «заслужила – заплати».

2. Далее пишете: «боюсь часто причащаться, не исправляюсь, грехи одни и те же». Хорошо, а белье и платье свое стираете часто, не сердитесь на их неисправность, на то, что всегда покрываются одной и той же пылью и грязью? Не наоборот ли? Так же смотрите и на чистоту души: чем больше заботится о ней человек, тем лучше; чем чаще смывает грязь, тем приятнее Господу: и не смущайтесь, что грязь одна и та же, лишь бы хуже не было, и то ладно. Безразлично, чем бы ни запорошилась чистота души: пришло время – и надо стирать, смывать нечистое покаянием. И Господу один кающийся грешник приятнее, чем десять самодовольных праведников.

3. «Хотелось бы быть похожей на М., а теперь, боюсь, не быть бы ниже мирских». Это значит, хотите опять в праведницы, не любите смирения, все хотите к высоте. Это все лукавый хочет из Вас на все лады сделать такую, чтобы Вы подумали о себе: «несмы, якоже прочии человецы» (Лк. 18, 11). А почему зазираете Вы мирских? Разве не знаете, многие мирские будут выше монахов. У мирских много бывает смирения мытарева, терпения, сокрушения, а у монахов очень часто – самоцен, черствость сердца, фарисейская праведность («потрудился – заплати»). Смиренный ни с кем себя не сравнивает, всех видит лучше себя и ближе к Богу, себя же в некоторых отношениях считает хуже демонов. Конечно, до такого смирения нам не дорасти, но хотя бы во всем и за все себя укорять в сердце (не на словах, это часто бывает лишь гордой рисовкой), никого не осуждать и ни над кем не возвышаться.

4. «Упускаю правило, устаю...» Ну и что же? Ведь спасаемся мы не правилом, а смирением и вздохами к Богу вообще. Вы же как будто придаете большое значение количеству поклонов и прочему читаемому. Нет, все это может оказаться медью звящей: все дело в сокрушении сердечном. Вам полезно правило установить не количеством, а временем, например: утром можете помолиться один-два часа. Вот, не спеша, с сокрушением сердечным, а местами с остановкой, если усладилось и умягчилось сердце, и совершайте что-либо из Вашего правила, не задумываясь выполнить все. Так может случиться, что Вы пройдете всего только 1/2 или 3/4 прежнего правила, и назначенное время кончилось, дальше дела послушания (уборка, печка и т.п.). И что же? Не смущайтесь, кончайте на том, сколько успели, и знайте, что Господь больше с Вас не спросит, а за спешку никогда не похвалит. Ему нужно Ваше сердце, а не учет поклонов, не механизм вычитывания. Иной, быть может, один канон или акафист будет читать целый час, но с плачем и отрываясь для сердечных воззваний к Богу, – вот это настоящая молитва. Можно и Евангелие, и Псалтирь читать, опять, без глав и разметок, а по силе и по времени, заботясь о качестве, чтобы читать с самоуглублением, а не со спешкой. Ради дела послушания и заботы о ближних надо всегда сокращать время моления своего, так как послушание выше поста и молитвы, и не смущаться, а сознавать важность служения ближним. Количество поклонов и некоторая исправность в правиле необходимы для новоначальных, чтобы приучить их

к молитве, а когда молитве навыкли уже до некоторой степени, то числом поклонов связывать свое чувство не следует, а лучше молиться свободно, сообразуясь лишь с количеством времени.

5. «Побраните меня и укажите недостатки». Прежде всего, Вас надо похвалить за откровенность и ревность о спасении. А побранить Вас надо за преувеличенную любовь к исправности, за высчитывание добрых дел и подвигов и за упование на них, почему и не видите безграничной ценности смирения, превышающей все наши дела и хромлющие добродетели. Этот слабый фундамент, можно сказать, из песка и очень терпим только при начале духовной жизни, а дальше повредит подвизающимся: легко при внешней исправности (вычитка правил, соблюдение постов) и при свободе от внешних падений перейти к духовному самоцену и гордыне, а отсюда к святости или прозорливству с левой стороны. Скорее выбросьте этот фундамент из головы и из сердца, бросьте ценить подвиги, исправление правил и т.п. Делайте всякое доступное добро и несите всякий подвиг как приказ от Бога, ничуть не расценивая его, ибо ценность не в них, а в стяжании чрез них смирения, веры, глубокой чистоты, покаяния, сокрушения, наконец, любви к Богу и к ближним. Никто не хвалит ученика, когда он еще учится, но когда получит диплом. Все подвиги – это только уроки (подпорки), а диплом – в смирении, сокрушении, чистоте (возможной). Другой придет во все это через скорби или болезнь, без особых подвигов и правил, и он будет не ниже подвизавшихся. Вот и делайте свой душевный фундамент, ища самоукорения, покаяния, терпения, сокрушения и надежды крепкой, необманной на милость Божию. И на Страшном суде праведники сознаются только в своем смирении и никчемности, а не в добрых делах, хотя их и делали. Вот истинное настроение.

2. О «добрых» настроениях и самомнении.

Унылый не верит в милосердие Божие, а основывается на своих гнилых подвигах и якобы исправлениях. Он склонен забывать и носится с собой, как курица с яйцом. Постоянно ставит термометр к своему настроению. Увы, плоды себялюбия.

Ни пред каким грешником не превозноситься и не уповать на свою исправность и отсутствие озорства: самоцен может съесть все наши подвиги и добродетели, если они есть. Кроткое терпение чужих грехов, хотя и самое трудное дело, но зато и самое прибыльное и верное.

3. О терпении.

Где терпение, там больше спасения; сравнительно спокойная жизнь, хотя бы и с добрым молитвенным настроением, все-таки ниже беспокойной с плохим молитвенным настроением. Такова истинная расценка подобных вещей.

4. Чего надо бояться.

Надо бояться не погрешностей, а сердечной холодности, самодовольства, беспокаянного настроения.

5. Об исправности.

Мы все помешаны на самоцене, поэтому и при малой исправности в каком-либо отношении набиваем себе цену и незаметно делаемся тонкими фарисеями: хвалимся тем, что сотворила с нами благодать (не мы) по милости Божией, а не за наши заслуги. Поэтому в духовном отношении исправность больше нам может повредить, чем неисправность с покаянным чувством. Вы скажете: «При исправности можно каяться». А в чем каяться, раз видим себя исправным? Тут один шаг и до прелести. Исправности истинной быть не может. Поэтому святые отцы учат, что делами мы не оправдимся, хотя и обязаны их делать (силою Божией), как птичка обязана петь, ибо на то и создана, а мы... «созданы на дела благая», такова наша природа. Смешно, например, гордиться, что у нас две руки и две ноги: такова природа; и делать добро – природное дело души. И если мы не творим, то тяжко грешим, нарушая природу и волю Божию. Вот и нужно каяться и сокрушаться, и за сокрушение Господь прощает грехи по Своей милости. Если бы даже жили и без греха, вполне исправные, то Господь спас бы нас опять за смирение и любовь к Нему беззаветную, как было и с Богородицею, а не за исправность. Поэтому подвизаться можно, но не для оправдания своими подвигами и делами, а для стяжания большего смирения и покаяния. Поэтому если кто постится и молится не для стяжания смирения, а для богоугождения и своего оправдания, то ошибается.

6. О немощах.

Не унывайте в немощах и не считайте их за своих врагов, – наоборот, они, хотя и невзрачные, но наши духовные друзья-мытари.

7. О скорбях.

Скорби показывают, а вместе прокладывают путь к вечным неземным радостям и переживаниям, идеже Господь, Матерь Божия и святые.

Думается, пришло время, Господь призывает Своих и очищает скорбями для перехода в небесную жизнь, для этого ведь и живем. Буди воля Божия и милость Его! Будем на это уповать и готовиться предстать Богу ежедневно, жить, как в Страстную неделю.

8. О сокрушении.

Видение и оценка каких-либо своих подвигов и дел увеличит греховный и лживый самоцен и умалит всецелую надежду на единое милосердие Божие: дескать, я потрудился, а потому помилуй. Самое же верное и приятное Богу от нас следующее: «Господи, ничего не имею, не смею и очей поднять, помилуй мя по великой Твоей милости». И милость будет тем больше, чем больше будет сокрушения и упования на Бога, не на дела и что-либо свое.

9. Внутренний храм.

Много не плачте о храме, ведь у каждого из нас по милости Божией есть или должен быть свой храм – сердце: зайти туда и молись сколько есть сил и времени. Если этот храм не устроен или будет в забвении (без внутренней молитвы), то и видимый храм мало поможет.

Письма епископа Германа.

1. Письмо от 17/30 мая 1925 г.

Мы с Вами не достигли того духовного состояния, когда чисто духовное, вернее, благодатная энергия препобеждает не только немощь нашей плоти и тела, но окрыляет связанный этим бременем наш тоже не всесильный и без Бога бескрылый дух. До поры до времени все мы живем богатыми естественными, от природы и родителей нам данными физическими и духовными запасами. Дух Божий и Господь действует через эту нашу физическую свежесть и энергичную душевность. И сама жизнь в эту пору открывает нам еще не все лицо свое, потому в нас так много бодрости и еще чаще хорошего идеалистического и всякого другого задора. Но эта полоса рано или поздно кончается, наступает для всякого своя Гефсимания с ее бореньями и изнеможением до кровавого пота, а потом и Голгофа. То и другое и мучительно и страдно, и всего чаще страдно именно тем, что дух наш должен отрешиться от своей праведности (как бы чиста и идеальна нам ни казалась она) и примириться с праведной волей Божией, для нашей душевности всегда стеснительной и трудной.

Вы пишете, что к 1-му мая должно быть "то-то", и от этого стонет все Ваше сердце и Вы говорите: "Это воля Божия, в ней ничего не может быть мучительного", а все же Вы мучаетесь. Вспомните кровавый пот Гефсимании, вспомните эти постоянные слова нашего Учителя, что идти за Ним можно только "взявши крест", и все это должно сказать Вам, что переход нашего духа в волю Божию всегда мучителен, как и всякий вообще переход от более простой формы бытия в более совершенную и высшую, как всякое и физическое и тем более духовное рождение. Мы имеем здесь на земле только начало этого всецелого переходения нашей воли в волю Божию, нашего разума (даже верующего) в Разум Божественный, нашей маленькой и несовершенной любви в совершенную и всеохватывающую Любовь Триипостасную. Когда человек уже более полно, положительно (то есть любя это, считая за единую правду жизни) становится на сторону этой Вечной Правды или совершенно отталкивается от нее, то он уже больше не живет и обязательно умирает. Он прошел все, что может дать эта жизнь и созрел для будущего.

Смысл личной Гефсимании – внутренне страдая и трепеща, терпеливо выполнять нам заповеданное, не нервируя себя тем, почему это так, а не иначе, потому что одинаково иногда к Богу приводят как сильные потрясения от живого восприятия добра, так и страшные падения. Иуда все время был со Христом и Его предал; разбойник все время был без Христа и в Него уверовал. Если бы ни в жизни Господа, ни в истории нашей веры не было ясных указаний на эти смены светлого и темного и конечного торжества светлого, то и тогда, конечно, было бы страшно, но мы должны обвеселять свое сердце словами апостола Павла, сказанными про иудеев и язычников, быть может, приложимыми и к теперь живущим: "ибо всех заключил Бог в непослушание, чтобы

всех помиловать" (Рим. 11, 32). Мы к тому же не знаем, как близки или далеки от нас скорбь "дней тех", которой никогда не было и которую не могут вынести даже избранные, если б ради них Господь не сократил дни ее. Мы живем во время, когда нужны слишком большие потрясения, чтобы не только разбудить мысль человека, но чтобы вернуть человека к средоточию всего истинно человеческого – к его сердцу. Понятна отсюда Ваша физическая и душевная усталость. Будем нести покорно крест Его, ожидая если не здесь, то там от Господа отдыха и полного откровения глубочайшего смысла всего, что нас теперь так ранит и бьет.

2. Письмо от 30 августа 1932 г.

Вот уж кончается скоро и август. Невольно, несмотря на острые повседневные заботы, думы и тревоги, отодвигающие куда-нибудь в глубь души все прежнее, вспоминается сегодня Гефсиманский праздник [Успение Богородицы, 15 августа], наполненный народом тихий скит, продолжительное и умирительное служение около гроба Пречистой, торжественное хождение с Ее Плащаницей по аллеям скита под красный звон колоколов, обильная трапеза с цветной капустой и душистым смородиновым квасом, и Вифания с шикарным ректором, и уютный посад с домиком недалеко от лавры. В этом воспоминании переплетаются и чисто духовные переживания с житейскими и земными, какие трудно отделить друг от друга, как невозможно рассечь душу и тело и изменить их таинственное сочетание. Все это затянуто какой-то нежной, щемящей сердце, голубоватой, как дали в ясный день летний, дымкой грусти, а все настоящее, при всех духовных преимуществах своих перед прошлым, кажется таким жестоким, грубым и суровым. Будет ли когда возможность сочетать это прежнее, без его греха, с настоящим, без его жестоких потрясений и невзгод, в одно светлое целое, где во всем был бы Христос, Его не вечерний свет и взаимная любовь, без которой так бесприютно и тоскливо в настоящее время?! А пока Его меч разделения рассекает когда-то близких и единомысленных, и нет Его кроткого смирения и мира даже среди тех, кто одинаково называется Его именем. Но я верю, что это будет, и душа каждого прошедшего через муку лишений, падений, измен, малодушия и отрицания снова, не устами только или мимолетным движением чувств, а всею жизнью своей воспоет Ему "осанна" как Единому Победителю смерти и зла.

3. Письмо от 5/18 октября 1933 г.

Мне кажется, происходит не только одно разрушение твердыни и того, что для многих святое святых, но происходит очищение этих святынь, их освящение через огонь жестоких испытаний и проверок, разрушение форм, подавляющих своей своеобразной, но часто во многом земной красотой действенность закованного в них смысла и содержания; образуются новые формы, облегчающие проникновение в них и заполнение именно тем духом и жизнью, какие отрицаются часто их творцами и часто во имя осознанной и преднамеренной борьбы с Ним принципиально отрицаются, чтобы как бы нарочно чрез Голгофу уничтожения воскреснуть в силе. Посмотрите, как жизнь фактически стала аскетична, как самоограничение, небывалое самоотречение становится не исключением, а правилом всякого человека, как необходимо все разрозненное и почти во всех самых разнородных по содержанию областях жизни идет к единству чрез коллективизм и т.д. и т.д. Вы скажете: но все это не во имя Его, а против Него. Да, это верно. Сейчас все с Его печатью в скорби, в Гефсимании и на Голгофе. Это верно. Но также несомненно, что все усилия и творчество направлены на

создание таких форм жизни, какие в своей принципиально-идейной части все Им предуказаны, без Него не могут быть осуществлены и неминуемо приведут к Нему. "Все чрез Него, Им и к Нему", и только или непомерная скорбь, или неглубокое продумывание этих великих слов Апостола мешает видеть, что все это совершается. Невольно припоминаются слова Златоуста: "Бог творит Свою волю чрез тех самых людей, которые препятствуют и противодействуют. Он врагов Своих употребляет в орудие Своей славы, дабы знал ты, что Божия определения никто не расторгнет и высокой десницы Его никто не отвратит". Древнему Израилю чрез развалины своего чудного храма, чрез долгие годы лишения его умиляющих душу служб и целое море слез надо было прийти к иному дому Божию, в каком, однако, они увидели Того, о Ком говорили и жертва и пророчество. Магдалина пришла к Нему чрез ужас одержимости, Мария Египетская – чрез пещь разврата и неистового блуда, разбойник – чрез муки креста. Вот, мне думается, те вехи, какие должны быть поставлены всякой скорби, и особенно невыносимым по грусти воспоминаниям. Вы и, быть может, большинство из нас были около Него, Вы даже у ног Его, когда Он благоухал благодатью и окружен был величием чудес и светом благоговения; теперь не уstraшитесь Его поруганий, Гефсимании и Голгофы, чтобы если не вокруг себя, то в самой себе увидеть непобедимый свет Его истины и воскресения...

Помоги Вам Господь в наступающую зиму со всеми заботами и тревогами. У всех теперь жизнь идет через узкие врата, и тот, кто их покорно принимает как неминуемый, единственный и спасительный путь, куда счастливее тех, кто нервничает, злобится на их неудобство и как будто ждет, чтобы его затолкали и протолкнули чрез них.

4. Письмо от 2/15 декабря 1936 г.

Я думаю, переживаемое Вами в той или иной степени испытывают сейчас весьма многие, и только шум текущей действительности и грандиозной перестройки, требующей крайнего напряжения всех душевных сил человека, приглушает эти тихие стоны души и мешает понять их вещей смысл. Ваше состояние – отражение общей болезни и отнюдь не есть что-то безнадежное, от чего надо допускать себя до психастении. Не без воли Божией мы поставлены в этот круговорот страстей, борьбы и всяческих дерзаний и падений. Он никого не искушает злом, и если отнять от окружающей нас действительности дух непомерной гордыни и чувственности, то на всем мы увидим отсвет Его Истины и Его заповедей. Его законы вложены в мысли и сердца людей. Это неискоренимо, как природа. И хотя жидущие всячески игнорируют Его и хотят устранить Его и даже память о Нем из жизни, но Он остается краеугольным камнем и силой основных идей нового общества. В этом залог и просветления, и обращения, и духовного обновления, а для страдающих и болеющих над этим "отступлением" – ободрения, спокойствия и терпения...

Не унывайте! Мы всегда без Него наги и бессильны. Он и вчера, и сегодня, и вовек Тот же. Разве Он может быть не с нами, когда кругом и в нас самих такая буря?! А с Ним все можно выдержать и мужественно встретить все испытания. Он силен мгновенно отнять всю боль от Вашего сердца и исцелить болезнь Вашей души, но этого не делает, потому что лучше этим переболеть, а для этого надо просить у Него только терпения.

V.

Смерть праведника.

Информация, которая у нас есть о последних годах жизни архиепископа Варлаама, исходит из скудных упоминаний об этом периоде в письмах его брата, основанных на том, что писали ему его духовные дочери после своих посещений архиепископа Варлаама.

В 1931 году епископ Герман пишет: "С июля я живу в Великом Устюге. В здешних краях Коле (подразумеваю себя) пришлось повидать и пережить много тяжелого, но теперь он живет более-менее спокойно. Вития (это об архиепископе Варлааме) недавно поехал ему на смену к Зосиме (имея в виду Соловецкий концлагерь в монастыре преп. Зосимы)".

1932 год: "Варля на станции Медвежья Гора около Петрозаводска (концлагерь со свирепейшими условиями)".

1933 год: "На днях был очень обрадован, что действительно Божий голубь [владыка Варлаам] выпущен из неволи, но еще не знаю подробностей. Это тем радостнее, что на это очень мало было надежды, и говорили, что даже он умер. А много, очень много моих братий и собратий, и особенно там, откуда вывел меня Господь, уже переселились в вечный покой. Только вчера получил оттуда письма, и жутко по-человечески читать и, больше того, чувствовать, как смерть стоит почти над каждым, с кем ты связан не только общим путем, но и единством упований; но, с другой стороны, в этом умирании чувствуешь и что-то искупительное и воскресающее... Сердечный привет маме и Виктору".

В декабре того же года: "Витя пока благополучно в Вологде [в ссылке]".

1934 год: "Варля по-прежнему живет в Вологде".

1935 год: "Варлаам, видимо, совсем стал инвалидом: не может ходить более нескольких минут от крайней утомляемости сердца".

В июне 1936 года: "Они поехали через Вологду, чтобы повидать болящего... Двое из самых близких были у него. Маленькая комнатка с грязными обоями, отделенная от хозяев тонкой перегородкой с занавеской вместо двери. Бедно покрытая кровать, около нее столик и два других стола у стен. Вот и вся обстановка. Пишут, что он худой, бледный и совершенно седой. Чувствуется скудость – как им показалось (это так и есть), приятная для болящего. Он принял их очень ласково, интересовался жизнью брата и посоветовал ему больше заниматься внутренним миром, чем делами внешними, хотя и добрыми. В этом тоже много правды. Дал им духовные советы и очень их утешил. Спаси его Христос. Он доволен своею болезнью, приковавшей его к кровати и сделавшей его почти затворником. Я сам глубоко верю в промыслительность этого; это спасает его от утомительных передвижений и несомненно помогает ему еще больше накопить то духовное тепло, какое так нужно в наше холодное время. Его брат [сам епископ Герман] пока живет в тех же условиях. Вы, вероятно, знаете про болезнь [арест], которая захватила его близких. Для него это великая скорбь, хотя все случившееся не без воли Божией, которая лучше нас знает, как надо вести каждого человека к его конечной и вечной цели".

И в декабре он пишет: "Не лучше ли мне подражать своему брату Вите, который живет как затворник".

Это последние известные нам слова епископа Германа.

В письмах самого архиепископа Варлаама упоминаний о нем самом еще меньше; мы можем только догадываться, что у него было на сердце. "Быть келейником очень хорошо для спасения души. Что до меня, я пошел бы к кому-нибудь келейником, но, увы, у меня нет ни сил, ни возможности. С ногами сейчас получше... Но мое общее состояние хуже. Перед масленицей у меня был удар. Доктор дважды меня посещал. Сейчас, слава Богу, лучше. Все утомительное для меня вредно, поэтому я должен был сократить время своей молитвы. Мне нужен свежий воздух, но все, что я могу, это выйти на улицу на десять минут... Во время Великого поста я читал всю псалтирь и сокращаю часы. Псалмопевец говорит: "Вспоминаю дни древние, размышляю о всех делах Твоих..." (142, 5) Для тебя тоже очень полезно вспоминать святые вещи в твоей жизни. Это не тщеславие, а утешающее облегчение для души; это заменяет духовное чтение".

После этих немногих слов, относящихся примерно к 1936 году, архиепископ Варлаам был заброшен. Письма от его брата приходили реже и реже, пока совсем не прекратились. 15 сентября 1937 года епископ Герман был расстрелян в кошмарной системе тюрем и трудовых лагерей, которая тогда возглавлялась маньяком Ежовым. Число гостей архиепископа Варлаама тоже значительно сократилось, так как их тоже постигла схожая судьба. Боль в ногах и по всему телу усиливалась, и глубоко внутри его почти неподвижного тела поселилась постоянная и всепроникающая простуда. Тянулись годы угасания. Его больное сердце все еще продолжало биться.

В мире шла война. Надежда русского народа на то, что его освободят от атеистического ига, все возрастала с каждым днем войны и лишений. Возрастали и страдания людей, так как власти из страха усиливали гнет. Ни у кого не было времени для архиепископа Варлаама. И в своем покинутом состоянии он все понимал и беспрестанно молился о мире. Он знал о венцах славы, которые Бог возложит на тех, кто страдал, на тех, кто взрастил в себе доброту сердца, всепрощающую любовь и глубокое понимание человеческой слабости... И он молился о всех.

Он еще не умер в ужасной вологодской тюрьме... Слушая величественное пение завывающей снежной бури, многоголосый хор, который катился, как волны по постоянно меняющемуся морю жизни, он не мог не молиться своему покровителю – преподобному Варлааму, этому дивному аскету древности. Говорят, что перед смертью человека его святой покровитель вместе с его ангелом-хранителем приходят, чтобы сопроводить душу в другой мир. Этот святой пришел в Индию и встретил Царевича Иоасафа, который должен был унаследовать все земные богатства великого царства. Но Варлаам, исполненный небесного рвения сделать его наследником Царствия Небесного, обратил его ко Христу. И Небеса открылись ему, и он увидел смысл человеческого существования и то, что приготовлено для любящих Бога Жизнодавца. О, какое блаженство он испытал, когда отделился от тела и попал в Небесное Царствие Христово! Он увидел, какая невыразимая радость ожидает смертных за все страдания, перенесенные в этой долине слез, в нашем земном царстве! Жизнь этих святых представляет истинное открытие Рая, и об этом страдающий иерарх Варлаам, сейчас полузамерзший и покрытый снегом в своем убогом убежище, так много раз читал в молодости, что не мог не вспомнить: "Помолившись так со слезами, он, после многих коленопреклонений, опустился на пол в изнеможении... он видит себя в обществе каких-то необыкновенных существ, в местах, которых он никогда не видел, именно, в какой-то большой равнине, украшенной прекрасными, душистыми цветами, различными деревьями, отягощенными неизвестными ему чудесными плодами, прекрасными и очень соблазнительными на вид. Листья деревьев весело шумели под

веянием тихого ветерка, распространяя приятный аромат. Тут же стояли троны из чистого золота, украшенные драгоценными камнями, от которых исходил чудный блеск, и ложе, покрытое покровом, краса которого невыразима словом. Текущие светлые воды услаждали взор. По этой чудной, прекрасной равнине те необыкновенные существа вели его по направлению к великолепному городу с блистающими золотыми стенами, которые оканчивались неприступными зубцами из такого камня, какого никогда никто не видел. О, как выразить всю красоту, весь блеск этого города?! Свет солнечных лучей ярко освещал улицы города, по которым бодро шли войска, сами представляющие из себя свет, поющие песни, неслыханные ухом смертного. И услышал Иоасаф голос, говоривший, что сие есть место отдохновения праведных, радость тех, которые сумели угодить Господу" (преподобный Иоанн Дамаскин).

Наконец, мороз перестал его донимать, и мягкий искрящийся снег, как молния, мягким светом высветил душе праведного иерарха Варлаама дорогу ввысь, где почивают праведники. И он поднялся к месту, уготованному для праведников, чтобы присоединиться к святым, вечно славящим Бога. Аминь!

Святые новомученики Варлаам и Герман, молитесь Бога о нас!

Игумен Герман (Подмошенский).

Архиепископ Варлаам умер в тюрьме № 1 города Вологды 20 февраля 1942 года.

Источники. Polsky's Russia's New Martyrs, Vol. 2; "Russian Monk", March 6, 1911; Archbishop Nikon, Biography of Metropolitan Anthony Khrapovitsky, Vol. I; Archimandrite Symeon, Schema- Archimandrite Gabriel, Elder of Pskov; Regelson, The Tragedy of the Russian Church; St. John of Damascus, Life of Sts. Ioasaph and Barlaam; "Nadezhda" (periodical), No 5; "Vestnik", Nos. 107 and 109. – Польский "Новые мученики Российские", т. 2; "Русский инок", 6 марта 1911 г.; архиепископ Никона "Жизнеописание митрополита Антония (Храповицкого)", т. I, архимандрит Симеон "Схиархимандрит Гавриил, старец Псковский"; Регельсон "Трагедия Русской Церкви"; преподобный Иоанн Дамаскин. "Душеполезная повесть о жизни Варлаама и Иоасафа"; "Надежда" (периодическое издание), № 5; "Вестник", №№ 107 и 109.

III. Русские катакомбные святые

"О, дивное и славное воинство новых мучеников! Кто возможет достойно прославить вас? Истинно благословенна земля, пропитанная вашей кровью, и святы места, принявшие ваши тела".

Архиепископ Иоанн (Максимович).

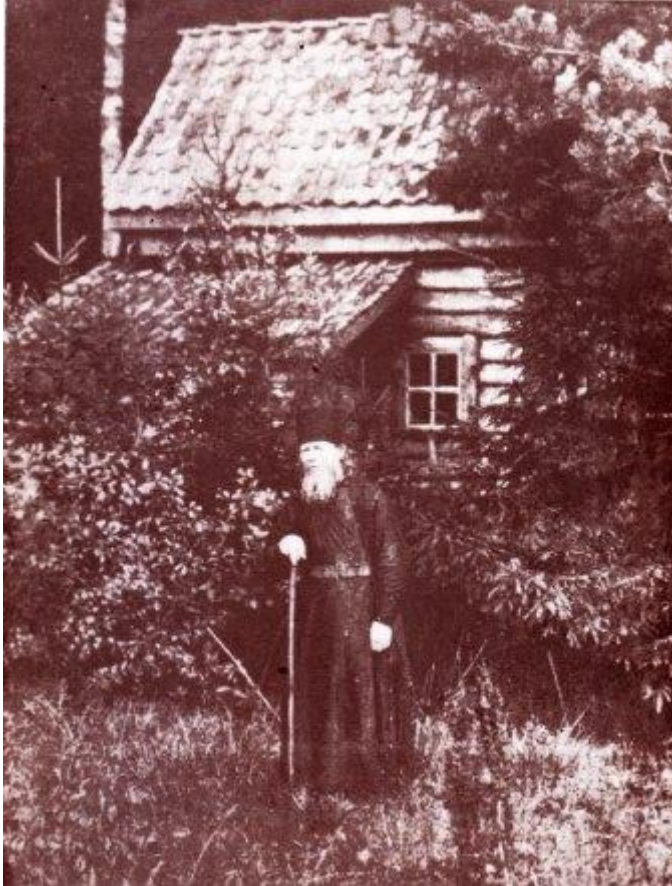
Вступительное примечание.

Советское преследование религии, породившее новомучеников, не было случайным явлением. В древние времена гонения на христиан были результатом плана со стороны языческих императоров, таких как Диоклетиан и Юлиан-Отступник – плана по уничтожению Христианской веры. Подобным же образом план уничтожить религию, и в частности Православное Христианство, было центральной частью советской

политики с самого начала, и жестокие меры, требуемые для выполнения этого плана, были предусмотрены и указаны коммунистическим правительством на высшем уровне. Следующий отрывок из письма основателя коммунистического режима в России можно считать основным документом, показывающим это:

"Если необходимо для осуществления известной политической цели пойти на ряд жестокостей, то надо осуществлять их самым энергичным образом и в самый кратчайший срок, ибо длительного применения жестокостей народные массы не вынесут. ... Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше".

Из письма Ленина Молотову от 19 марта 1922 года.

17. Старец Анатолий Младший

17.

Старец Анатолий Младший и последние оптинские монахи-исповедники.

Память 30 июля/12 августа (+ 1922 г.)

"Испытайте самих себя, в вере ли вы" (2 Кор. 13, 5).

Неудивительно, что монастыри, бывшие прежде славой Святой Руси, стали главными целями для разрушения в атеистической кампании революционеров по искоренению религии. Одной из величайших трагедий стало разрушение знаменитой Оптиной пустыни, прославленной ее Богоносными старцами, преемниками учеников великого святого Отца преподобного Паисия (Величковского). В XIX веке Оптина достигла

высокого уровня духовной жизни, привлекая буквально тысячи паломников, среди которых были знаменитые русские писатели и философы Гоголь, Тургенев, Достоевский, Киреевский, Леонтьев, Толстой, Вл. Соловьев и другие.

Оптинские старцы, близкие к народу, воспитывали в простом русском человеке чувство глубокой верности Господу Иисусу Христу. И когда пришло испытание революцией за веру Христову, отдали свои жизни. Такими были отцы оптинские.

Несколько книг было написано о последнем великом оптинском старце отце Нектарии, окончившем свою жизнь мучеником. Здесь, однако, позвольте нам изложить для потомков скудные сведения, касающиеся других, менее известных и даже неизвестных монахов-мучеников.

Когда Советы закрыли и разрушили монастырь в 1925-27 годах, они также попытались замолчать свои кровавые злодеяния. Так, например, одному монаху, отцу Пантелеимону, отрубили голову; были разрушены многие здания, знаменитая библиотека рукописей была вывезена и в 1930-х годах распродавалась на аукционах в Париже; некоторые из этих книг были спасены гонимыми оптинскими монахами и другими людьми, дорожившими ими и надеявшимися увидеть в них знаки будущего возрождения Оптиной пустыни.

"Прибыв в город Козельск Калужской губернии в пяти верстах от Оптиной, мы пошли пешком через прекрасный, покрытый зеленью, луг. Он раскинулся перед нашим взором, как прекрасный ковер, украшенный разноцветными цветами. А на склоне горы над рекой Жиздрой виднелась Оптина – эта великая Пустынь, "Фиваида" наша, "Заиорданье"... Подошли к Жиздре. Там паром нас ждал, готовый переправить нас через реку. Его обслуживали смиренные иноки Оптиной. И вот вступаем на почву святой обители, где все овеяно трудами, подвигами оптинских пустынножителей, их слезами и молитвой – непрестанной... Спрашиваем, – как пройти в скит к старцу Анатолию. Тогда он был еще иеродиаконем, но к нему уже ходили за советами и указаниями. Идем к старцу чрез монастырский фруктовый сад, минуем ограду монастырскую, попадаем в монастырский лес – сосновый, величественный, деревья в два-три обхвата. Идем дорожкой, ведущей прямо в скит. Вот, наконец, подходим. Видим колокольню скита. Направо – хибарка. Это – дом, где жили великие старцы Оптинские. Еще направо – домик скитоначальника. Подходим к воротам. Стучим. Выходит согбенный монах: "Что вам надо?". Мы отвечаем, что пришли передать письмо от О.П. Менгден старцу Анатолию. Последний принял нас с любовью. В беседе с ним открылся нам дар его прозорливости... На всю жизнь осталась память об этой беседе..." + И действительно, в личности отца Анатолия было что-то похожее на свежесть залитых солнцем диких цветов, молоджавость и тихая радость.

+ Мемуары канадского миссионера архимандрита Амвросия (Коновалова).

С юных лет преподобный Анатолий, в миру Александр Потапов, возжелал стать монахом и уйти в монастырь, но мать его этого не хотела, и он, подобно преподобному Сергию Радонежскому, поступил в монастырь только после ее смерти – в 1885 году. Многие годы провел в скиту келейником у великого старца Амвросия. После его смерти, будучи еще иеродиаконем, старчествовал в скиту, и вскоре стал общепризнанным старцем Оптиной Пустыни.

Он впитал дух оптинского подвижничества – суровое, напряженное бодрствование

духа, скрытое в своей келлии, той "расселины в скале, где Господь говорил к Моисею", – по выражению преподобного Исаака Сирина, простое искреннее отношение ко всему внешнему, видимому, – к братии, посетителям, природе, свету Божию. Уставной ход жизни обители, с ее Богослужением, старцами, насыщенный духовно-просветительной деятельностью, воспитали в нем великого аскета, делателя Иисусовой молитвы, проводившего ночи напролет в молитве. От утомления он часто задремывал в церкви во время чтения псалтири, и те, кто не знал о его ночных бдениях, поглядывали на него укоризненно. Это внутреннее делание, однако, принесло ему такое душевное состояние покоя и мира, которое позволило ему, в полном согласии со всеми предшествовавшими старцами, стать великим благодетелем для всего общества, воспитавшего тысячи русских душ в духе истинно христианского благочестия. Неспроста он высоко ценил святителя Тихона Задонского, и как величайшую драгоценность дарил людям его книгу "Об истинном Христианстве". Почти полвека спустя один его духовный сын с трепетом вспоминает: "Еще в 1921 году, благословляя меня на пастырство, старец Анатолий сказал мне: "Возьми "Истинное Христианство" Тихона Задонского и живи по его указаниям".

Усвоив основы монашеского духовничества у великого Амвросия, старец Анатолий властно руководил монашеской внутренней жизнью. Откровение помыслов – самое сильное оружие в руках духовника и старца. Старец Анатолий принимал от монахов исповедание помыслов. Эта сцена производила сильное впечатление. Сосредоточенно, благоговейно подходили монахи один за другим к старцу. Они становились на колени, беря благословение, обменивались с ним несколькими короткими фразами. Некоторые быстро, другие немного задерживались. Чувствовалось, что старец действовал с отеческой любовью и властью. Иногда он употреблял внешние приемы. Например, ударял по лбу склоненного пред ним монаха, вероятно, отгоняя навязчивое приращение помыслов. Все отходили успокоенные, умиротворенные, утешенные. И это совершалось два раза в день, утром и вечером. Поистине, "житие" в Оптиной было беспечальное и, действительно, все монахи были ласково-умиленные, радостные или сосредоточенно-углубленные.

У отца Анатолия был удивительный дар видеть движения души человека, его мысли и чувства. "Написали мне в 1916 году, что старец Анатолий Оптинский собирается в Петербург и остановится у купца Усова. Все мы втроем – брат, сестра и я – в положенный день отправились к Усовым. Когда мы шли к Усовым, брат и сестра заявили, что им нужно от старца только его благословение. Я же сказала им, что очень бы хотела с ним поговорить. Вскоре показался сам старец и стал благословлять присутствующих, говоря каждому несколько слов. Отец Анатолий внешнею очень походил на иконы преподобного Серафима: такой же любвеобильный, смиренный облик. Это было само смирение и такая, непередаваемая словами, любовь. Нужно видеть, а выразить в словах – нельзя! Когда до нас дошла очередь, старец благословил брата и сестру, а мне говорит: "А ведь ты поговорить со мной хотела? Я сейчас не могу – приди вечером". Старец уразумел мое горячее желание, хотя я не выразила его словами!.." +

+ Воспоминания Елены Карцовой, в замужестве Концевич.

Последние годы преподобный Анатолий жил недалеко от церкви, почти напротив, в ограде монастырской. Смятенье в народе, вызванное революционным безбожием, устремляло верующих к старцам Анатолию и Нектарию за духовной поддержкой. Отец Анатолий хотя и был моложе и еще не седовласый, находился в центре внимания, а

отец Нектарий был в тени. В смирении своем старец Нектарий, когда завидит народ издалека, спрашивает: "Вы к кому?", а сам ведет к старцу Анатолию не подозревающих, с кем они имеют дело.

Советские власти начали преследовать монахов по всей России. Оптиная стала государственной собственностью, а безбожное государство, очевидно, не знало, как использовать монастырь. Благодаря усилиям местных верующих монастырь получил статус государственного музея с разрешением одной церкви продолжать действовать. Среди монахов было ужасное смятение, некоторых арестовали, а некоторые просто ушли, куда глаза глядят. Но православных верующих приходило еще больше, они стекались в святое место в поисках утешения.

Пришла череда страданий и к старцу Анатолию. Его красноармейцы обрили, мучили и издевались над ним. Он много страдал, но когда возможно было, принимал своих чад. К вечеру 29 июля 1922 года, когда приехала комиссия, долго расспрашивали и должны были старца арестовать. Но он, не противясь, скромно попросил себе отсрочку на сутки, дабы подготовиться. Келейнику, горбатенькому отцу Варнаве, грозно сказали, чтобы готовил старца к отъезду, так как завтра увезут, и на этом уехали.

Воцарилась тишина, и преподобный начал готовиться в путь. На другой день утром приезжает комиссия. Выходят из машины и спрашивают келейника отца Варнаву: "Старец готов?" – "Да, – отвечает келейник, – готов", и, отворив дверь, вводит в покои преподобного. Каково же было их удивление, когда взору их предстала такая картина: посреди келлии в гробу лежал "приготовившийся" мертвый старец! Не попустил Господь надругаться над Своим верным рабом и в ту же ночь принял Своего готового раба.

Духовная дочь преподобного Анатолия Е.Г.Р. свидетельствует: "В 1922 году, перед Успенским постом, получаю от батюшки Анатолия письмо, которое оканчивается так: "Хорошо было бы тебе приехать отдохнуть в нашей обители". Сразу не собралась, не поняла, почему батюшка зовет приехать, а когда приехала в Оптину, то было уже поздно: на другой день был девятый день со дня смерти дорогого батюшки. Грустно было: чувствовалась потеря близкого человека, которого никто заменить не может. К девятому дню съехались различные лица, в разговоре с которыми я узнала, что не я одна опоздала: были и другие опоздавшие, которых батюшка вызывал или письмом, или явившись во сне. Но были и такие, кто застали еще батюшку живым". Его положили рядом с могилой старца Макария, чьи мощи потом обрели нетленными.

На следующий год, как раз перед Пасхой, монастырь окончательно ликвидировали. Все оставшиеся монахи были арестованы и высланы, церкви опечатаны, могилы старцев осквернены, а скит превращен в санаторий. Настоятель отец Исаакий и старец Нектарий попали в тюрьму в Козельске, но последний был вскоре освобожден и выслан за семьдесят километров от монастыря, где жил в доме преданного ему верующего до своей смерти в 1928 году, закончив, таким образом, славную эру Оптиных старцев.

В одной из многих популярных книг об Оптиной пустыни, которая появилась как раз перед революцией, "На берегу Божией реки" есть трогательное описание святого ребенка, пятилетнего сына духовной дочери отца Анатолия. Когда она была беременна им, то горячо молилась своему любимому святому – преподобному Сергию Радонежскому, обещая посвятить ребенка ему. Однако во время посещения прославления преподобного Серафима в Сарове (1903 г.) почувствовала, как ребенок сильно толкнулся в ее чреве, и она задумалась, не следует ли ей назвать ребенка Серафимом, но потом увидела сон и назвала все-таки сына Сергеем. Через пять лет,

"когда Вера и Сережа уходили из нашего монастыря, я пошла проводить их. В это время я увидела, что один из наших самых старых и почтенных монахов отец А. выходит, чтобы встретить нас. Мы приблизились к нему и склонились, чтобы принять благословение. Сережа, вытянув вперед ручки, сказал: "Благословите меня, Батюшка". Вместо этого старый монах сам до земли склонился перед Сережей и сказал: "Нет, сперва ты благослови меня". И, к нашему изумлению, ребенок правильно сложил пальчики и благословил старца, как священник". "Какое будущее ожидает этого мальчика?" – Спрашивал в заключение автор.

И ответ на этот вопрос, по свидетельству Н.В. Урусовой, пришел из Святой Катакомбной Руси треть столетия спустя:

"Когда мои сыновья были в 1937 году арестованы и по сообщению ГПУ были высланы на десять лет без права переписки, то о моем материнском горе и говорить нечего. Много-много горьких слез пролила, но ни единой даже мимолетной мыслью не роптала, а искала только утешения в Церкви, а оно могло быть только в катакомбной Церкви, которую я везде искала и милостью Божией всегда находила очень скоро, и горе свое изливала истинным, Богу угодным священникам, которые там совершали тайные Богослужения. Так было, когда после ареста сыновей я из Сибири уехала в Москву. Сестра моя, которая, к ужасу моему, признавала советскую Церковь, не была арестована, несмотря на то, что была фрейлиной. Она мне указала на одну бывшую нашу подругу детства, с которой она расходилась в вопросах Церкви, так как та принимала горячее участие в тайных Богослужениях. Меня встретила эта дама и другие члены этой святой Церкви с распростертыми объятиями...

Проживая у сестры подолгу, я посещала все Богослужения, которые производились у частных лиц в разных районах Москвы. Был у нас священнослужителем и духовником отец Антоний, уже немолодой иеромонах. Постоянно слышу: "Как велик старец, что скажет старец и так далее". Я спросила отца Антония, где могла бы я увидеть этого старца, чтобы излить свое горе и получить утешение? Когда о нем упоминали, то говорили с необычайным благоговением и называли святым и необычайным. "Нет, – сказал отец Антоний, – этого никак нельзя, все, что Вам потребуется от него, я буду ему передавать". В 1941 году в Можайске я познакомилась с одной дамой, высланной из Москвы за арест мужа и единственной дочери. Она оказалась тоже членом катакомбной Церкви, и была с самых первых лет священства старца его духовной дочерью. Она мне сообщила, что старец (имени не назвала) живет сейчас в двух верстах от Можайска, и она тайно посещает его Богослужения. На мой вопрос, нельзя ли ей попросить принять меня, она ответила: "Нет, это невозможно, так как все молящиеся лишены этого, так как ГПУ его двадцать пять лет разыскивает, и он переходит по всей России с одного места на другое, будучи оповещен, как видно, Духом Святым, когда надо уйти". Конечно, я скорбела, но делать было нечего. День Святой Троицы в том году был 7-го июня. Как ничего не бывает случайным, так было и тут: я не могла быть в Москве, и с грустью сидела вечером накануне одна у себя в комнате. Слышу легкий стук в окошко, взглянула и поразилась. Стучит немолодая монахиня, одетая по-монашески, несмотря на строжайшее запрещение носить такую одежду. Дело было под вечер. Я отворила дверь, и она вошла ко мне со словами: "Батюшка старец отец Серафим, приглашает Вас завтра утром к себе, и если желаете, то можете исповедаться и приобщиться Святых Таин". Она указала мне, какой дорогой идти и быть осторожной: перед самой деревней было поле ржи, уже колосившейся, и советовала идти согнувшись. Дорога через это поле как раз упиралась в избу, где жил Старец, а прямо напротив через дорогу был исполком. Нечего и говорить о моем чувстве, когда монахиня, крайне приветливая своим светлым лицом, ушла. Звали ее мать Н. При Старце были две монахини, другую звали мать В. Они неразлучно были с

ним. Старец жил иногда даже месяца два спокойно и совершенно неожиданно в разные часы дня и ночи вдруг говорил: "Ну, пора собираться"! Он с монахинями надевали рюкзаки, где были все Богослужебные предметы, и немедля уходили куда глаза глядят, пока Старец не остановится и не войдет в чью-нибудь избу, очевидно, по наитию свыше. Рано утром я пошла. Вхожу не с улицы, а, как было указано, с проселочной дороги, в заднюю дверь. Передо мной – дивный, еще совсем не старый монах. Описать его святую наружность не найду слов. Чувство благоговения было непередаваемо. Я исповедовалась, и дивно было. После совершения Богослужения и принятия мною Святых Таин, он пригласил меня пообедать. Кроме меня была та дама, о которой я писала выше. Обе монахини были и еще одна духовная дочь, приехавшая из Москвы. О, милость Божия: я никогда не забуду той беседы, которой он удостоил меня, не отпуская в течение нескольких часов.

Через день после того счастья духовного, что я испытала при посещении отца Серафима, я узнала от той дамы, что на другой день, когда сидели за чаем, отец Серафим встал и говорит монахиням: "Ну, пора идти!" Они мгновенно собрались и ушли, а через полчаса, не более, пришло ГПУ, ища его, но Господь его укрыв.

Прошло три месяца, немцы уже были в Можайске, когда опять легкий стук в окно и та же монахиня Н. пришла ко мне со словами: "Отец Серафим в Боровске, который сутки был занят немцами (сорок верст от Москвы), прислал меня к Вам передать свое благословение и велел открыть Вам, что он – тот Сережа, которому поклонился иеромонах А. (в Оптиной)".

Эра Оптиной прошла, монастырь разрушен. Но после такого откровения из катакомб поработенной России разве можно сказать, что оптинские традиции умерли? Разве можно хотя бы предположить, какие новые тайны жизни Святой Руси ожидают Божиего времени, чтобы быть явленными недостойному миру?

Келейник Варнава.

Судьба уже упоминавшегося келейника старца Анатолия отца Варнавы после закрытия Оптиной пустыни была схожа с судьбой всех верующих того времени. Его арестовали, унижали, мучили и сослали куда-то в ссылку. К 1932 году он был посвящен в иеромонаха и служил в маленькой деревянной часовне на территории Свято-Сергиевой пустыни на Финском заливе. С тех пор этот монастырь был долгое время закрыт и пострадал от обычного вандализма. Сегодня почти ничего не осталось от когда-то знаменитого монастыря, построенного молодым отцом Игнатием (Брянчаниновым); здесь преподобный Герман Аляскинский провел ранние годы своего монашества до отъезда на Валаам. Отец Варнава вернулся из тюрьмы, бездомный и слабый, в Свято-Сергиеву пустынь, где его с любовью приняли какие-то добрые люди. Рана на его ампутированной ноге не заживала, причиняя постоянно сильную боль. У него не было протеза, и он должен был использовать простую деревяшку, которая и не давала зажить ране, но тем не менее, он никогда не пользовался ни костылями, ни даже тростью. Там я с ним встретилась, и он стал моим духовником.

Гонимые верующие знали его как последнего носителя духа Оптиной – абсолютного смирения и кротости. Когда он служил, то переносился в другой мир. Он был, очевидно, прозорливым, очень опытным священником-духовником, которому открывалась душа грешника и который знал, как лечить болящие и страждущие души.

Отец Варнава был из крестьянской семьи, но хорошо образован. В молодости работал на рудниках, где пострадал от аварии и потерял ногу. Когда он лежал в больнице, решил стать монахом. Бог его исцелил, и он отправился в Оптину, где вскоре стал келейником старца Анатолия, и был удостоен лицезреть блаженную кончину этого великого Старца. Если бы не закрытие большевиками Оптиной с ее прославленным институтом старчества, отец Варнава по праву стал бы старцем-преемником. Он был человеком с истинно духовным мышлением, и его слово пользовалось уважением.

Он был высокий, с большой черной бородой и длинными темными, до плеч волосами, уже седеющими. У него был особый, пронзительный взгляд, глаза были темные, добрые и светились, словно излучая какой-то внутренний свет, особенно во время Богослужения. Он никогда не улыбался, но весь его облик был радостным. Его чувство юмора подчеркивало его простоту и покорность воле Божией. Он учил полному монашескому отречению от своей воли.

Я помню, что я испытывала во время первой моей исповеди у него.

С трепетом опустилась на колени перед аналоем. В первый раз в жизни душа моя полностью сама раскрылась. Я ясно чувствовала близость Господа. Когда опытный Старец задавал мне вопросы, в душе всплывали давно забытые грехи. Я призналась, что раньше я, человек в вере неопытный, вообще не считала их за грехи. Но здесь они вдруг показались мне тяжкими грехами. И душа, освободившись от их тяжести, окрылилась чистосердечной радостью и безграничной преданностью Старцу – носителю благодати. Хотелось поведать ему все, потому что он понимал все в свете мудрости и любви Христовой. Он был не просто свидетель исповеди, но передавал свет и благодать. Это была моя первая настоящая исповедь. Только тогда я поняла, что это такое. Тьма, окутывающая мое сознание, начала таять, и мне начали открываться законы духовной жизни. В первый раз в жизни я начала сознательно стремиться к Свету. И я была не одна такая. Сколько других людей он привел также к этому Свету.

Осенью 1932 года отец Варнава был арестован и выпущен через два года. Он ушел в катакомбы – служил литургии, принимал исповеди в своем маленьком однокомнатном домике. С этого времени его истинная натура проявлялась в своей полной глубине. Он был действительно истинным оптинским старцем.

В 1938 году его снова арестовали, и больше о нем ничего не было слышно. Из информации, полученной о его местонахождении, ясно, что он тогда, в 1938 году, принял мученичество.

Святой преподобномучениче Варнаво, моли Бога о нас.

Наталья Г. фон Китер, рукопись.

Иеромонах Варнава (Клыков) был расстрелян в Ленинграде 26 марта 1938 года.

Иеромонах Никон Оптинский.

Сегодня было прочитано евангелие, которое предназначено читать на воспоминание преподобных – это Евангелие блаженств. Последнее блаженство такое: "Блаженны вы, когда возненавидят вас люди и когда отлучат вас, и будут поносить, и пронесут имя

ваше, как бесчестное, за Сына Человеческого. Возрадуйтесь в тот день и возвеселитесь, ибо велика вам награда на небесах" (Лк. 6, 22-23).

Когда я читал это евангелие, я вспомнил случай в Оптиной пустыни. Это великий монастырь, который был прославлен в недавние времена своими прозорливыми старцами.

Когда в России разразилась печальной памяти революция и богоборческий режим начал свою борьбу против религии, в монастырь была послана так называемая "комиссия по ликвидации".

В обители был такой иеромонах Никон. У него был туберкулез. Он читал и пел на клиросе. И когда эта "ликвидационная комиссия" начала свою работу, когда они стали арестовывать монахов, отца Никона тоже арестовали. Он был добрейший из людей. Его осудили, побрили, над ним издевались, плевали на него, оскорбляли и, наконец, уже больным человеком отправили в концлагерь. Там он умер от туберкулеза. Он уже доживал последние дни, когда написал письмо своей знакомой монахине. (Этой монахиней была моя мать, и, когда она читала нам это письмо, мы, дети, сидели, слушали и плакали.)

Я бы хотел поделиться с вами тем, что он написал: "Нет предела моему счастью". Почему? Потому что он пришел в монастырь ради Христа. И поэтому Спаситель, если люди ненавидят вас и отлучают вас от себя и поносят вас за Христа, обещает: "Возрадуйтесь... и возвеселитесь, ибо велика вам награда на небесах". Продолжение письма: "И я верю Господу моему, что эти слова относятся и ко мне, и с нетерпением жду того счастливого мгновения, когда отделюсь от сего бренного тела и соединюсь с Господом моим".

Мне вспомнилось это письмо, которое говорит нам, как смотреть на скорби. Если человек терпит их Христа ради, он обретет награду. И это великий источник наставлений для нашей земной жизни. Через многие скорби входим мы в Царстве Небесное. И поэтому, если у кого-то скорбь и он терпит ее ради Господа с радостью, это будет шаг в Царствие Небесное.

Сохранился текст еще одного письма, которое новомученик Никон послал из Оптиной пустыни в то время (в середине 20-х годов), когда вся братия там чувствовала, что приближается конец его жизни. Это прочувствованное, поэтическое письмо, адресованное его горюющей матери – все, что осталось после этого мученика.

Письмо матери иеромонаха Никона Оптинского, 1922 г.

Христос посреде нас, дорогая мамаша!

Мира и радования о Господе Иисусе усердно тебе желаю и прошу твоих святых молитв и родительского благословения.

О себе что писать мне? Я жив и здоров, нужд никаких особых не имею, необходимое все получаю, тружусь несколько в письмоводстве, много занят бываю различными делами по обители или, вернее, делами, касающимися вообще нашего общего жития, пою на клиросе и, наконец, служу, предстоя Престолу Божию во святом алтаре.

Что касается моей внутренней жизни и по келлии, и по душе, то это далеко не всем можно знать. Келлия моя в длину имеет 5 аршин, в ширину 3 арш. 6 верш. в одно окно. Келлия для меня дороже всяких пышных домов и чертогов.

Что касается условий нашего общего жития, то это дело сложное и вместе очень простое: сложное – ибо трудно изложить на бумаге все, что сейчас представляет бывший монастырь, и все, что мы переживаем и предпринимаем, простое – ибо "Аще не Господь созиждет дом, всеу трудишася зиждущие", по псаломскому слову (Пс. 126, 1). Да, нужно принимать меры возможные, подсказываемые здравым разумом и непротивные духу христианского и иноческого жития, но, принимая их, успеха ожидать должно всецело от руки Господней.

Гордость человеческая говорит: мы сделаем, мы достигнем, – и начинаем строить башню Вавилонскую, требуем от Бога отчета в Его действиях, желаем быть распорядителями вселенной, мечтаем о заоблачных престолах, – но никто и ничто не повинуется ей, и бессилие человека доказывается со всею очевидностью горьким опытом. Наблюдая опыт сей из истории и древних, давно минувших дней и современных, прихожу к заключению, что непостижимы для нас пути Промысла Божия, не можем мы их понять, а потому необходимо со всем смирением предаваться воле Божией. Это первое.

Затем второе: никто и ничто не может повредить человеку, если сам себе он не повредит, напротив, кто не уклоняется от греха, тому и тысяча спасительных средств не помогут. Следовательно, единственное зло есть грех: Иуда пал, находясь со Спасителем, а праведный Лот спасся, живя в Содоме. Эти и подобные этим мысли приходят мне, когда поучаюсь я в чтении св. Отцов и когда гляжу умственно на окружающее.

Что будет? Как будет? Когда будет? Если случится то и то, куда приклониться? Если совершится то и то, где найти подкрепление и утешение духовное? О, Господи, Господи! И недоумение лютое объемлет душу, когда хочешь своим умом все предусмотреть, проникнуть в тайну грядущего, неизвестного нам, но почему-то страшного. Изнемогает ум, планы его, средства, изобретаемые им – детская мечта, приятный сон. Проснулся человек – и все исчезло, сталкиваемое суровой действительностью, и все планы рушатся. Где же надежда? Надежда в Боге.

Господь – упование мое и прибежище мое (Пс. 17, 3)! В предании и себя и всего воле Божией обретаю мир душе моей. Если я предаю себя воле Божией, то воля Божия и будет со мной совершаться, а она всегда благая и совершенная. Если я Божий, то Господь меня и защитит, и утешит. Если для пользы моей пошлется мне какое искушение – благословен Господь, строящий мое спасение. Даже при наплыве скорбей силен Господь подать утешение великое и преславное... Так я мыслю, так я чувствую, так наблюдаю и так верую.

Из этого не подумай, что я много пережил скорбей и испытаний. Нет, мне кажется, что я еще не видал скорбей. Если и бывали со мной переживания, которые по поверхностному взгляду на них по своей видимости казались чем-то прискорбным, то они не причиняли мне сильной сердечной боли, не причиняли скорби, а потому я не решаюсь назвать их скорбями. Но я не закрываю глаза на совершающееся и на грядущее, дабы уготовить душу свою во искушение, дабы можно было мне сказать псаломскими словами: "Уготовихся и не смутихся" (Пс. 118, 60).

Я сообщал тебе, что у нас было следствие, ревизовали дела нашего Товарищества. Это

следствие не кончено еще, суда еще не было. Когда будет суд, и чем он кончится – Бог весть. Но, несомненно, без воли Божией ни со мной, в частности, ни вообще с нами ничего совершиться не может, и потому я спокоен. А когда на душе спокойно, тогда чего же еще искать?

Сейчас я пришел от всенощной и заканчиваю это письмо, которое начал еще перед всенощной. Господи, какое счастье! Какие чудные глаголы вещаются нам в храме. Мир и тишина. Дух святыни ощутительно чувствуется в храме. Кончается служба Божия, все идут в дома свои. Выхожу из храма и я.

Чудная ночь, легкий морозец. Луна серебряным светом обливает наш тихий уголок. Иду на могилки почивших старцев, поклоняюсь им, прошу их молитвенной помощи, а им прошу у Господа вечного блаженства на Небе. Могилки эти много вещают нашему уму и сердцу, от этих холодных надгробий веет теплом. Пред мысленными взорами ума встают дивные образы почивших исполинов духа.

Эти дни я неоднократно вспоминал батюшку Варсонофия. Мне вспоминались его слова и его наставление, данное мне однажды, а может быть, и не однажды. Он говорил мне: "Апостол завещает: "Испытывайте себя, в вере ли вы" (2 Кор. 13, 5), – и продолжал: – Смотрите, что говорит тот же Апостол: "Течение скончах, веру соблюдох, а теперь мне готовится уже венец" (2 Тим. 4, 7–8). Да, великое дело – сохранить, соблюсти веру. Поэтому и я вам говорю: испытывайте себя, в вере ли вы. Если сохраните веру, можно иметь благонадежие о своей участи". – Когда все это говорил мне почивший Старец (а говорил он хорошо и с воодушевлением, насколько помнится, вечером, при тихом свете лампы в его дорогой, уютной старческой келлии), я почувствовал, что он говорит что-то дивное, высокое, духовное. Ум и сердце с жадностью схватывали его слова. Я и прежде слышал это апостольское изречение, но не производило оно на меня такого действия, такого впечатления.

Мне казалось: что особенного – сохранить веру? Я верую и верую по-православному, никаких сомнений в вере у меня нет. Но тут я почувствовал, не скажу, что понял, а именно почувствовал, что в изречении этом заключается что-то великое; что, действительно, велико: несмотря на все искушения, на все переживания житейские, на все соблазны – сохранить в сердце своем огонь святой веры неугасимым, и неугасимым даже до смерти, ибо сказано: "Течение скончах", т.е. вся земная жизнь уже прожита, окончена, уже пройден путь, который надлежало пройти, я уже нахожусь на грани земной жизни, за гробом уже начинается иная жизнь, которую уготовала мне моя вера, которую я соблюл. "Течение скончах, веру соблюдох". И заповедал мне дивный Старец проверять себя время от времени в истинах веры Православной, чтобы не уклониться от них незаметно для себя. Советовал, между прочим, прочитывать "Православный катехизис" митрополита Филарета и познакомиться с "Исповеданием веры Восточных Патриархов".

Ныне, когда поколебались устои Православной Российской Церкви, я вижу, как драгоценно наставление Старца. Теперь, как будто, пришло время испытания: в вере ли мы. Ведь надо знать и то, что веру соблюсти может тот, кто горячо и искренно верит, кому Бог дороже всего, а это последнее может быть только у того, кто хранит себя от всякого греха, кто хранит свою нравственность. О, Господи! Сохрани меня в вере благодатию Твоею!

Мысль о возможности сохранения веры лишь при доброй нравственности не моя, это учение и евангельское, и святоотеческое. Вот что говорится в Св. Евангелии от Иоанна, гл. 3, 19–21: "Свет прииде в мир, и возлюбиха человецы паче тьму, неже свет: беша бо

их дела зла. Всяк бо делаяй злая ненавидит Света и не приходит к Свету, да не обличатся дела его, яко лукава суть: творяй же истину, грядет к Свету, да явятся дела его, яко о Бозе: суть соделана".

Светом тут Христос называет Себя. Он убеждает современных Ему иудеев оставить искания славы от человеков, при котором невозможно искание славы от Единого Бога, при котором человек неспособен к вере; они лишь насмеялись... "Како вы можете веровати, славу друг от друга приемлюще, и славы яже от Единого Бога не ищите?" (Ин. 5, 44).

И епископ Игнатий (Брянчанинов), указывая на эти слова евангельские, говорит, что, подобно другим страстям, страсть тщеславия уничтожает веру в сердце человеческом: подобно им, оно делает сердце человека не способным для веры во Христа, для исповедания Христа... Поэтому, усердно прошу твоих святых молитв, да охранит меня Господь от всякого зла, т.е. греха во всех его видах, – тогда никакое внешнее положение не сможет повредить мне.

Хотел я лишь кратко сообщить тебе, что я здоров и жив, и паче всякого чаяния, увлекся писанием. Когда же писал, я едва успевал следить за мыслью и записывать то, что она мне диктовала. Все это как-то невольно вылилось из-под пера и есть глубокое мое убеждение...

Да хранит всех вас Господь. Прошу у всех святых молитв, а я, по мере сил моих немощных, всегда памятую молитвенно о всех. Прости.

Благодать Господа и Бога нашего Иисуса Христа и любви Бога и Отца и причастие Святаго Духа буди со всеми вами. Аминь.

15/28–16/29 ноября 1922 г.
Оптина Пустынь.
Уже 2-й час ночи.

Монах-мученик Викентий.

Родился монах Викентий (Никольский) в 1888 году в семье петербургского крупного чиновника. Он кончил юридический факультет и интересовался очень философией. Философия захватила его мысли и чувства. И в это время он был далек от Церкви и от Христа. Вот в это время скоропостижно скончался один из его братьев. Смерть брата окончательно перевернула его жизнь. Первое движение было отказаться от жизни. Ницше, которого он изучал в этот момент, как бы нашептывал ему о самоубийстве. Препятствовала только любовь к матери. Он хотел подготовить мать, а потому секретно ушел из дома и скрылся в своем имении, где зимой никто не жил. Но родители узнали о его местопребывании и отправили к нему старушку-родственницу, монахиню. Как бы случайно, на столе в той комнате, где скрывался будущий монах Викентий, она оставила книгу владыки Феофана "Что такое духовная жизнь и как на нее настроиться?"

Эту книгу он прочитал и с увлечением стал читать произведения Владыки-затворника. Вскоре он познакомился с архиепископом Тульским и Белевским Парфением (Левицким), о котором отец Викентий вспоминал с особой благодарностью, называя

его тайным подвижником и считая его смиреннейшим человеком. Владыка Парфений и направил его в Оптину пустынь.

Он приехал в Оптину тогда, когда настоятелем был архимандрит Ксенофонт.

Начало жизни в монастыре – послушанием отца Викентия были кухня и чтение правила уже тогда больному настоятелю отцу Ксенофонту. Руководство же духовной жизни было в руках отца Нектария, который после смерти отца Иосифа был выбран для всей братии духовником и старцем. Отец Нектарий был делателем Иисусовой молитвы. В этом он был научен великим старцем отцом Анатолием (Зерцаловым). Вот это делание Иисусовой молитвы, навывокновение хождения в памяти имени Божия – и был тон всей жизни отца Викентия. Его жизнь определилась этим деланием. Вся внешность обуславливалась этим настроением жизни. Его ничего не интересовало в жизни. Одна цель – пребывание в имени Господа. Все было радостно. В монастырском послушании не замечалось трудностей, так как трудность была в трезвенном делании духовном. Пекарня, просфорня, канцелярия и самое лучшее – почтальон. От монастыря до города Козельска, до почты было четыре версты. Какая была отрада этот путь в восемь верст (туда и обратно). В это время и совершалось послушание старческое о трезвении и молитве.

В этом фазисе жизни застала монаха Викентия революция. Он не искал выхода в эти трудные первые годы революции, когда постепенно разрушался монастырь.

Как говорил отец Викентий, его отец препятствовал поступлению его в монастырь. Он был очень огорчен, что сын разломал путь своего восхождения в гражданской жизни. В эти же революционные годы отец, бывший сановник, писал своему сыну-монаху:

"Отец Викентий (так обращался отец к сыну), как ты был прав. О, как бы я хотел изменить свою прожитую жизнь. Как бы я хотел с юности теперь принять путь твоей жизни. Я умираю и вижу свой гроб. Плачу. Недостойный раб Христов..." ...Это письмо отца к сыну укрепляло монаха Викентия в те минуты, когда революционная волна, разрушающая монастыри, заставляла насельников монастыря искать какого-то устройства. Отец Викентий ничего не искал. Он по-прежнему был в послушании старца и творил свое духовное дело. Вот в это самое время, когда монастырь Оптинский должен был расселить своих насельников, старец Нектарий отдал священнику приходскому отца Викентия, дабы под сенью приходского храма сохранялась жизнь подвижника-монаха. Господь помог нам зреть горящую свещу, поставленную Господу, – пишет этот священник.

Трудно сказать, что делал этот монах. Одно скажу только, что сейчас я плачу, вспоминая прошлое. Знаю, что я не всегда умел хранить этот тонкий художественный сосуд Божией благодати.

За два с половиной года жизни у нас, он ни разу не был по своему желанию за оградой нашей церкви. Он ни разу не сел за стол за трапезу. Он ни с кем не беседовал ради интереса своего. Он никому не навязывал своего учительства. И в то же время все чувствовали в нем Божию силу.

И безбожники, которые выслали его от меня, как-то странно обращались с ним. Казалось, они боялись его святости. Его выслали, как и меня, в административную ссылку. Невольная была мысль: как то он будет дальше жить? Он написал старцу с точки зрения окружающих советских людей – бессмысленность: он просил старца благословить его быть нищим. Ведь нищих в Советском Союзе не было. Старец

благословил. И я знаю, что Господь не оставил Своего раба. Близкие наши не оставляли отца Викентия.

В 1933-ем году он возвратился из первой ссылки и попал как раз в общую чистку Козельска от Оптинских монахов. Он был вновь арестован, сослан в Ташкент. И там скончался в первый же месяц своей ссылки от тромбофлебита.

Знаю, что перед его арестом один из наших киевских монахов посетил его еще в Козельске и рассказывал мне, что он жил в избушке, которая напоминала собою пещеру. Полная бедность. Нищета. Но в этот момент он был богачом. Только богатством не земли, а Неба. Он уже был подготовлен, чтобы уйти преподобномучеником. Отец Викентий никогда не был в сане: он всю жизнь остался только монахом. Отец Архимандрит перед расселением монахов предлагал отцу Викентию сан. Отец Викентий подчинился, но сказал отцу Архимандриту, что если бы отец Архимандрит спросил его, как он хочет, то он бы ответил, что хочет остаться просто монахом. Отец Архимандрит решил тогда оставить его монахом".

Святой преподобномучениче Викентие, моли Бога о нас!

Источник. М. Polsky, *The New Martyrs of Russia*, Vol. 2, pp. 220-222. – М. Польский "Новые мученики Российские", т. 2, стр. 220-222.

18. Епископ Аркадий

18.

Епископ Аркадий.

Пастырь катакомбных общин.

Память 16/29 декабря (+ 1937 г.)

"Лисицы имеют норы, и птицы небесные – гнезда; а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову. А другому сказал: следуй за Мною".

Лк. 9, 58-59

Один из таких буквально последователей Христа в наши дни был смиренный пастырь паствы Христовой по имени Аркадий, что по-гречески означает "пастух". Он родился 25 апреля 1889 года и при крещении получил имя в честь святого Аркадия, сына святых Ксенофонта и Марии, память которых 26 января. Его отец, священник Иосиф Остальский, был арестован в 1922 году, заболел тифом, скончался в тюрьме во время следствия. Его мать, Софья Павловна, была благочестивая женщина и духовно поддерживала своего сына до самого конца своей жизни.

Подготовившись к службе в Церкви, молодой человек женился и стал священником, служил в храме в городе Староконстантинове Волынской губернии. Молодым священником он прибыл в мой город Житомир прямо с фронта в 1917 году и получил маленькую церковь в центре города. Там организовал братство мирян в духе ранних христиан. А его супруга, у которой были мирские взгляды, оставила его и вышла замуж за большевика. Отец Аркадий спокойно дал ей развод и ушел жить к своей матери. Это дало ему возможность полностью посвятить себя церковному служению и пастве.

Он совершил паломничество в Саров. Его близость к великому преподобному Серафиму подвигла его на решение принять монашество, и в Сарове он принял постриг.

С силами и задором молодости он обратил свое внимание на защиту Православной веры, привлекая множество верующих своими пламенными проповедями. Каждое утро и вечер он совершал Богослужения. И эти страстные апостольские службы изливали поток горячей радости и веры на души гонимых христиан. Он весь горел. Он никогда не отдыхал и никогда не думал о себе. Он был до такой степени бескорыстным, что мог первому встречному нищему отдать все, что у него было. Суровая советская действительность с ее всевозрастающей нищетой и отсутствием самого необходимого для жизни давала, конечно, христоролюбивому пастырю широкую возможность заниматься благотворительностью. Завидев в холодную ночь обнищавшего человека в рваных штанах, отец Аркадий, не сомневаясь ни минуты, отдавал ему свои. И, поскольку всегда ходил в рясе, этого не было заметно. И только его мать, заботившаяся о его одежде, обнаруживала его очередной акт милосердия и с улыбкой говорила соседкам: "Вчера Аркаша пришел домой без штанов".

Молитва отца Аркадия обладала большой силой. В нашей церкви во время служб не было никаких разговоров или движения, все молились сосредоточенно, как Батюшка в алтаре. Часто все в церкви непроизвольно падали на колени. Все пели. С каждым годом гонения на Церковь усиливались, и верный пастырь переносил испытания и постоянно подвергался опасности. Чека преследовала верующих, повсюду закрывали храмы, и верующих выгоняли с работы просто из-за их религиозных убеждений. А отец

Аркадий, постоянно горящий небесным огнем, привлекал к себе все больше и больше верующих и объединял их в единокорной верности Богу.

Он сразу организовал братства мирян с целью донести Христианство страждущим русским людям. Я была членом Свято-Николаевского братства. Мы все горели энтузиазмом. Тех, кто хотел вступить в братство, принимали торжественно, они давали обет выполнять цели братства; требовалась, прежде всего, преданность чистоте Православия – никогда не отказываться от него даже под угрозой смерти, во-вторых, ношение скромной одежды, потом пощение и так далее. Принятие в братство проводилось очень торжественно. Все должны были провести необходимую подготовку для исповеди и принятия Святого Причастия. Потом все оставались в церкви, и до чтения евангелия мы должны были повторять слова, которые говорил отец Аркадий – правила братства – и подтверждать их клятвой. Потом нам все давали большие зажженные свечи, которые мы должны были хранить до смерти. Потом мы принимали Святое Причастие.

В нашем братстве было несколько групп: одна группа – миссионерская, которую вел сам отец Аркадий и целью которой было бороться с сектантами, атеистами и живоцерковниками; потом была группа певчих, группа, которая посещала больницы, заботясь об одиноких больных и бедных многодетных семьях, потом похоронная группа, в чьи обязанности входило не только наблюдать, чтобы верующие были похоронены согласно церковному обряду, но также доставать гробы и доставлять их на кладбища, и, поскольку время было очень трудное, часто мы должны были тащить гробы на маленьких повозках или санках на кладбище и даже копать могилы. Не забывайте, какие это были исключительно тяжелые годы! Была также группа благотворителей.

Сначала у отца Аркадия было две церкви – маленькая Благовещенская и побольше, посвященная Трех Святителям, которая раньше была семинарской, а другие здания семинарии занимали различные учреждения. Когда деятельность братства стала слишком заметной, его членам повезло получить бывшую старообрядческую церковь святого Игнатия Богоносца, где мы просуществовали до 1937 года, но в том году церковь закрыли, и члены братства стали собираться в кладбищенской церкви. В братстве было два священника – отец Иулиан Красицкий, который позднее был вынужден бежать, и отец Иоанн Сиров, оставшийся до самого конца и тайно совершавший службы. Так, он крестил моего ребенка в 1939 году, хотя за это могли немедленно выслать. Но Бог хранил его, и я общалась с отцом Иоанном до прихода немцев.

В 1921 году вышел указ патриарха Тихона, запрещающий давать церковные сосуды в руки неверующих, особенно святыне потиры, освященные благодатью Господней. Отец Аркадий, как преданный сын Церкви, последовал призыву Патриарха и не выдавал церковные ценности. Но сатанинская власть делала свое злое дело. Однажды, сразу после Божественной литургии, отец Аркадий был арестован агентами чека. Это было в 1922 году, в пасхальную седмицу. Когда чекисты его забрали, толпа людей двинулась за арестованным отцом Аркадием к зданию чека. Чекисты схватились за винтовки и со злостью стали кричать: "Расходитесь по домам, или начнем стрелять!" Все молчали, теснее прижимаясь друг ко другу и затаив дыхание. И тогда вперед выступила монахиня по имени Серафима и храбро сказала: "Нет! Мы не уйдем, пока вы не освободите отца Аркадия или не арестуете нас всех вместе с ним". Тогда солдаты опустили оружие. Мы стояли стеной, и они начали заталкивать нас в здание чека. Толпа была огромной, и, арестовав тридцать пять женщин и семнадцать мужчин, им пришлось закрыть двери. Нас посадили в подвал. Среди нас были руководители хора, и

темное здание сразу наполнилось пасхальными песнопениями. Тогда нас выгнали во двор рядом с гаражом и начали по одному допрашивать, а потом вытолкнули на улицу. Нам давали подписать бумагу, что отец Аркадий начал мятеж, но никто ее не пописал. Потом к бумаге сделали приписку, что люди сами отказались покидать своего духовного отца. И это подписали все до единого, как сговорившись. Среди арестованных были молодые девушки по шестнадцати лет, включая меня, и мы подписали. Известие об аресте отца Аркадия мгновенно распространилось по городу, и в здание чека понесли бесконечное количество передач с едой для него. Хватило и всем арестованным, и даже охранникам.

Тем временем отца Аркадия допрашивали по поводу восстания и отказа выдать церковные ценности. На открытый суд созвали много свидетелей. Они все говорили одно и то же, описывая отца Аркадия как прекрасного человека, бескорыстного, посвятившего всю свою жизнь единственно служению Богу и людям. Было приведено много примеров его доброты и исключительного самопожертвования. Против него не было ни одного свидетельства. Но судья, молодой, очень гордый и самоуверенный, с циничной откровенностью заявил, что все описание отца Аркадия, данное свидетелями, его не оправдывает, а скорее отягощает выдвинутое против него обвинение, так как идеи, которые он проповедует и воплощает в жизнь, противоречат идеалам советской власти, и такие люди не только не нужны советскому правлению, а исключительно для него опасны.

Сначала отца Аркадия приговорили к смертной казни, а потом дали пять лет тюрьмы. Он отсидел более двух лет в нашем городе Житомире, что немного облегчило его судьбу, так как между ним и нашим братством был постоянный контакт. В конце 1924 года его освободили по амнистии. В тюрьме его полюбили не только узники, но и охранники, благодаря чему ему несколько раз удалось причастить осужденных, которых потом выводили на расстрел. Много душ он спас. И, конечно, он помогал своим сокамерникам едой, которую ему передавало наше братство.

В сентябре 1926 года отец Аркадий был хиротонисан во епископа Лубенского, викария Полтавской епархии, но в своей епархии не был. По пути к своей пастве, когда прибыл в город Лубны, был арестован и сослан в Казань, откуда ему удалось сбежать.

В 1928 году владыка Аркадий нелегально поселился в Ленинграде, где встречался с нашими (катакомбными) иерархами, проводил тайные Богослужения на Киево-Печерском подворье и вдохновлял катакомбные братства.

Потом он уехал в Москву, где был арестован и посажен в злославную Бутырскую тюрьму, а позднее отправлен в Соловецкий концлагерь. Свидетель вспоминает триумфальное совершение отцом Аркадием Божественной литургии в Москве: церковь была залита светом, и среди множества любящих и внимательно слушающих верующих стоял молодой архипастырь, и повсюду была духовная радость, красота и возвышенная молитва. А потом вдруг – ужасная ночь на железнодорожном вокзале, его высылка на Соловки. Через толпу женщин, которые собрались, чтобы проводить его, группа вооруженных красноармейцев провела епископа Аркадия в тюремный вагон, отгороженный колючей проволокой, и потом в следующий раз мы увидели любимого пастыря, когда он трижды благослови нас через решетку тускло освещенного окна движущегося поезда. Когда он вернулся из Соловков, в начале 1937 года, он был почти неузнаваем – седой старик.

Председатель нашего братства княгиня Наталья Ивановна Оржевская и другие проделали весь путь до Соловков, чтобы получить разрешение повидать его, но им не

разрешили даже принять от него благословение. В большой комнате стояли два ряда столов. В одном ряду за столами сидели посетители, в другом – узники. Между рядами взад-вперед прохаживалась целая толпа охранников, производя такой шум, что приходилось буквально кричать, чтобы быть услышанными. И, конечно, им не разрешили приблизиться, чтобы получить благословение из-за "опасности инфекции". Годы спустя епископ Аркадий рассказал, что ему предлагали добровольно остаться на Соловках в должности кассира и даже обещали прекратить постоянную слежку при условии, что он откажется от сана, но он предпочел жизнь, полную лишений, сохраняя в сердце Господа Бога.

После освобождения с Соловков епископу Аркадию не выдали обычное советское свидетельство личности, без которого само существование человека становилось нелегальным, и это обрекло его на постоянные скитания. Ему, однако, удавалось тайно посещать свои катакомбные братства. Несколько раз он навещал свою мать в Житомире, где его приезды всегда вдохновляли и поддерживали и священников, и нас, грешных.

Фактически наше Свято-Николаевское братство после 1922 года было лишено постоянного руководства, но нам удалось продержаться до 1937 года, когда была закрыта последняя церковь и, конечно, братство не было зарегистрировано, но оставшиеся его члены продолжали собираться в часовне на кладбище. Когда епископ Аркадий тайно посетил Киев, виделся со схиэпископом Антонием. Передвигался он, как правило, ночью, чтобы не вызывать подозрений, и побывал даже в Грузии и Сибири, но позже снова был арестован. Вся жизнь его была в страданиях за Христа. Едва успевал вернуться из одной ссылки, как в тот же месяц его арестовывали и снова ссылали. Между свободой и ссылкой не было большой разницы.

Когда он давал свои монашеские обеты целомудрия, послушания и нестяжания, это было как у его покровителя святого Аркадия Вяземского и Новоторжского (память 28 января, 11 июня и 14 августа). Святой Аркадий, Христа ради юродивый древней Святой Руси, бездомный, вел скитальческую жизнь, часто молясь на одной большой скале. Сейчас, став в своих скитаниях новым бездомным Аркадием распятой Святой Руси, разве мог он не остановиться на месте монастыря его святого в городе Вязме? И почитая скалу, на которой древний аскет стоял на коленях в молитве, современный исповедник должен был осознать, что он был лишен даже холодной скалы, на которой мог бы на какое-то время остановиться и помолиться.

Однажды, когда его силы были подорваны постоянным одиночеством, бездомностью и страхом за будущее, тайно пребывая в Москве, епископ Аркадий поддался искушению повидаться с митрополитом Сергием. Чтобы это сделать, ему пришлось пройти через большие трудности и опасности. А когда он, наконец, увидел митрополита Сергия и рассказал ему о своей ситуации, последний, не слушая его, резко спросил: "Вы зарегистрировались в ГПУ? Пока там не регистрируетесь, я говорить с Вами не буду". Когда владыка Аркадий выходил из кабинета митрополита, то отметил, что и у митрополита Сергия, и у всех его священников был сытый вид и хорошая одежда, а, когда он посмотрел на людей, ожидавших у кабинета в надежде увидеть митрополита и получить от него помощь и поддержку, таких нуждающихся, несчастных, он понял, что у него другой путь и что он должен продолжать свои злополучные скитания. И он ушел...

Над ним было широкое звездное небо, в сердце у него был мир. Он был лишен всего, что может быть у человека. Но никто не мог лишить его того, что горело в его сердце

пастыря! Ибо он был пастырем катакомбной паствы Христовой, и в нем горел огонь чистого Православия, и он смело продолжал свой путь, раздавая Хлеб Жизни своим братьям о Христе, разбросанным, как звезды над ним, по широким просторам русской земли. Так, наконец, в 1937 году он оказался в Калуге, где 22 сентября был арестован и пропал навеки. Это были годы ежовской чистки, когда многие исчезали бесследно, и катакомбная Церковь ушла в глубокое подполье, не обнаруживая никаких следов своего существования до наступления угодного Богу времени, когда из ее груди воссияет на весь мир ослепительная слава русских катакомбных святых...

Святой новомучениче Аркадие, моли Бога о нас!

Епископ Аркадий был расстрелян 29 декабря 1937 года на Бутовском полигоне под Москвой.

Источники. This account was compiled from materials supplied to the St. Herman Brotherhood by Bishop Arcadius' spiritual daughter, Irene Mashin, who also supplied the photographs and gave corrections to chapter 8 Polsky's *Russia's New Martyrs*, Vol. 2, pp. 84-87. – Этот рассказ из материалов, предоставленных Братству преподобного Германа духовной дочерью епископа Аркадия Ириной Машиной, которая также предоставила фотографии и дала исправления в главу 8 книги Польского "Новые мученики Российские", т. 2, стр. 84-87.

19. Епископ Андрей Уфимский

19.

Епископ Андрей Уфимский.
Иерарх "Церкви пустыни".

Память 4/17 сентября (+ 1937 г.)

"И заключу с ними завет мира и удалю с земли лютых зверей, так что безопасно будут жить в степи и спать в лесах. Дарую им и окрестностям холма Моего благословение".
Иез. 34, 25-26

Епископ Андрей, в миру Александр Алексеевич Ухтомский (из княжеского рода Ухтомских) родился 26 декабря 1872 года. Вместе со своим братом Алексеем, который позднее стал известным ученым, он получил высшее образование в Московской Духовной академии, возглавляемой сначала архиепископом Антонием (Храповицким), будущим митрополитом и Первоиерархом Русской Зарубежной Церкви, и позднее – архиепископом Арсением (Стадницким), позднее митрополитом Новгородским. Оба этих иерарха на Соборе 1917-18 годов были кандидатами на Патриарший престол. После окончания академии Александр, которому было тогда двадцать три года, принял монашеский постриг и рукоположен в сан иеромонаха.

Впоследствии, в проповеди перед своим рукоположением во епископа, владыка Андрей вспоминал, каким страхом он был объят, когда молодым монахом принял на себя такую ответственность: "Я испытывал ужасные муки с тех пор, как впервые услышал слова, произнесенные при рукоположении: "Прими этот Завет (Тело Христово) и блюди его целым и незапятнанным до последнего вздоха. В этом ты должен дать ответ в великий и страшный день Второго Пришествия Господа Бога и Спасителя Иисуса Христа". Я думал так: "Как я могу хранить этот великий Завет, который был доверен мне, Тело Христово, если я не могу даже хранить себя?" Я чувствовал тогда, что Святые Таины Евхаристии были, поистине, пламенем, попадающим недостойных. Целых два года я не находил мира, совершая Святые Таины, и трепетал от страха пред моим недостойнством, готовясь оставить это великое и благоговейное призвание. Но встреча с великим батюшкой Иоанном Кронштадтским спасла мою душу от последующей скорби, муки и продолжения почти болезненной борьбы в моей душе. Когда я спросил его совета, отец Иоанн сказал: "Да, мы все виновны перед Святыми Таинами, но мы должны быть верны нашему священному долгу ради послушания Святой Церкви. оплакивая наши собственные грехи, мы должны, тем не менее, исполнять волю Христовой Церкви и следовать распоряжениям Церкви, которые мы узнаем через наших архипастырей". Эти слова отца Иоанна были поистине целительным бальзамом для моей израненной и грешной души, которая терзалась в различных сомнениях; они установили мое мировоззрение и указали мне путь в жизни; я начал понимать его только как самое точное исполнение послушания Церкви, как самый совершенный способ служения Святой Церкви, народу Божию и людям Божиим, которые были искуплены драгоценной Кровью Христовой" (приложение к "Церковным ведомостям" за 1907 год, № 49).

В 1899 году он был возведен в сан архимандрита и назначен инспектором Казанской миссионерской школы.

Он начал свою работу православного просвещения в родной Казани молодым иеромонахом, в миссионерской семинарии. Его все глубоко уважали и любили. Было

известно, что ночи он проводил в молитве, позволяя себе лишь краткий отдых на жесткой кровати без одеяла и подушки. Он постоянно постился, не ел даже рыбу. Когда его состоятельные почитатели дарили ему корзины свежих фруктов, он сразу же отдавал их семинаристам и детям. Люди изумлялись, видя, что он употребляет только две-три просфоры и несколько стаканов чая в день, и при этом никогда не жаловался на слабость или упадок энергии. Напротив, его работоспособность и активность были поразительны.

Приняв сан архимандрита, он стал настоятелем старинного Свято-Преображенского монастыря в Казани, умело управлял им, произносил пламенные проповеди, основал обитель для девочек-татарок, был замечательным духовным наставником, печатал журнал и брошюры и организовывал миссионерские конференции.

Однажды, в революционном 1905 году, рабочие порохового завода в десяти километрах от Казани подняли бунт в результате коммунистической пропаганды и убили одного из восьми управляющих. Была взорвана бочка со взрывчаткой, из-за чего во всех окрестных домах вылетели стекла из окон. Архимандрит Андрей немедленно вскочил на лошадь и, бесстрашно рискуя своей жизнью, поскакал к заводу. Там он встал на возвышение и молча ждал, пока толпа затихнет. Над ним смеялись, оскорбляли, швыряли в него комья грязи и гнилые яблоки, но он стоял спокойно, глядя на толпу и молча молясь. Толпа, видя его миролюбие и бесстрашие, постепенно успокоилась, и тогда Архимандрит начал говорить. Речь его была короткой, но настолько убедительной, что вся толпа покаялась, осознав, какой грех они совершили, убив невинного человека. Они освободили остальных управляющих и возобновили работу после того, как с почтением проводили отца Андрея к его монастырю.

В скором времени, 4 октября 1907 года, он был посвящен во епископа Мамадышского, викария Казанской епархии, с сохранением прежних обязанностей.

В 1911 году его перевели в Сухум, но вскоре (в 1913 году) он вернулся епископом в Уфу, к востоку от Казани, где жило много мусульман. Он хорошо делал свое миссионерское дело, много разъезжал, и по всей России его знали и любили. Предчувствуя приближение революции, он призывал всех православных верующих объединиться вместе за Царя, Помазанника Божия, но в то же время не скрывал своего отрицательного отношения к богатым эксплуататорам бедных и показал себя верным учеником митрополита Антония, критикуя синодальную систему церковного управления и призывая к восстановлению Патриаршества.

Когда произошла февральская революция, епископ Андрей был одним из немногих иерархов, открыто отказавшихся поминать за богослужениями "Временное правительство", узурпировавшее власть в России. Большевицкий переворот воспринял отрицательно, и, видя его истинную сатанинскую сущность, начал призывать народ к формированию православного правления. Вскоре он был арестован, и, хотя несколько раз его освобождали, фактически он никогда больше не был свободен, его просто переводили из тюрьмы в тюрьму, из одной ссылки в другую.

Но люди не забывали его, и многим удавалось повидать его в тюрьме или передать посылки с едой. И каждый раз, когда он освобождался и возвращался к своей пастве, это для людей было целым событием. НКВД пытался использовать его популярность как наживку, чтобы выловить активных приверженцев Церкви, но епископ Андрей был всегда так осторожен и предусмотрителен, что эти попытки неизменно проваливались.

Надо отметить борьбу епископа Андрея против ложного направления – обновленчества

"Живой Церкви". Некоторым его соратникам и духовным детям она принесла венец подлинно мученический; история одной из них, юной студентки Валентины, стала известна в свободном мире.+ Но самым значительным его служением Церкви была его мужественная борьба за истину против сергианства открытым объявлением того предательства Церкви и ловушкой для верующих, и в этой борьбе его голос благодаря его известности был громко слышан. Когда в 1927 году вышла декларация митрополита Сергия, объявляющая о "союзе" с советским правительством и обещающая различные свободы, владыка Андрей был в далекой ссылке в Кзыл-Орде в Казахстане, но даже оттуда донесся его тревожный призыв к верующим. Он призвал людей не верить митрополиту Сергию и отделиться от него, предсказывая, что все "обещания" будут нарушены и наступит еще худшее рабство. Сначала, как свидетельствует бывший житель Уфы, действительность, казалось, противоречила словам многоуважаемого иерарха, и число его последователей уменьшалось. Но вскоре его влияние и авторитет встали во главе церковной жизни в Уфимской области. В начале 1930 года за несколько месяцев закрылось в два раза больше церквей, чем за все время до "легализации" митрополита Сергия; налоги на Церковь выросли в пять раз, все верующие, которых освободили из тюрем за принятие декларации, были снова арестованы. Короче говоря, сергиане не обрели ничего, потеряв свободу совести. К этой несчастной группе сергиан принадлежал преемник епископа Андрея в Уфимской епархии епископ Иоанн, которого владыка Андрей посвятил с этот сан с большим риском для себя.

+ См.: "Студентка Валентина" в книге протопресвитера Михаила Польского "Новые мученики Российские". Т. 2, стр. 253-254.

Верные поняли теперь, насколько прав был епископ Андрей, и он возглавил тайную Церковь в Уфе, уведя ее глубоко в "пустынь". Они начали такую жизнь, какую можно сравнить только с жизнью первых христиан исторической катакомбной Церкви. Люди собирались на молитву до рассвета в пещерах, в лесах, в уединенных крестьянских домиках. Между периодами заключений и ссылок епископ Андрей укреплял Церковь, посвящая епископов и священников и вдохновляя верных идти на святое мученичество, равное тому, что перенесли великие мученики древней Церкви. В частности, катакомбной Церковью была принята как прославленная святая новомученица Лидия.+ Еще до смерти патриарха Тихона епископ Андрей присоединил несколько групп единоверцев к Православной Церкви, и теперь они тоже вошли в катакомбную Церковь, которая, духовно свободная, продолжила расти, к большому волнению ее врагов. "Многие не верят, что существуют катакомбы, – заключает свидетель из Уфы. – Пусть не верят. Существование духовного мира тоже отрицается глупцами, но из-за этого он не перестает существовать. Кажется, гонения на последних христиан превосходят гонения на первых".

+ См.: "Лидия и воины Кирилл и Алексей" в книге протопресвитера Михаила Польского "Новые мученики Российские". Т. 2, стр. 249-253.

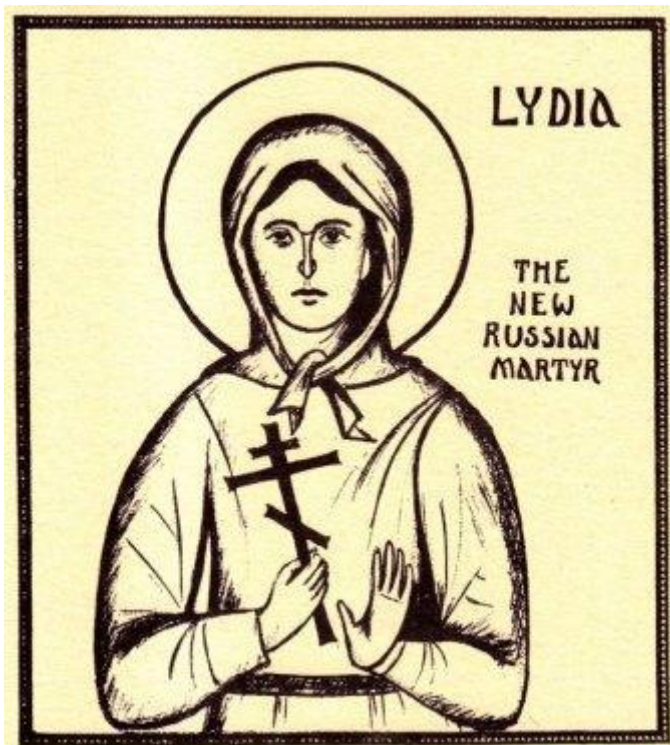
У нас есть следующий рассказ сокамерника епископа Андрея о последнем периоде его жизни: "В мае 1932 года я был переведен из внутренней тюрьмы ГПУ в госпиталь изолятора, отделения цинговых больных Бутырской тюрьмы. Через два дня архиепископ Андрей Уфимский, который был доставлен в Москву из Казахстана по окончании срока ссылки, был переведен в это же отделение. До этого, с февраля 1932 года до мая он содержался во внутренней тюрьме ГПУ в одиночке, а затем 4 дня,

поскольку не было другого места – во втором отделении для душевнобольных, затем несколько дней – в пятом отделении (венерическом) и, наконец, его перевели в четвертое (цинговое) отделение, так как он действительно болел цингой. В 1920 году я был с владыкой Андреем в Омской тюрьме. Теперь его трудно было узнать. Почти не осталось волос на его голове и лице, в результате цинги почти все волосы у него выпали. Он стал совершенно дряхлым, худым, но, как и прежде, оставался смиренным, добрым, ободряющим и отзывчивым. Он обвинялся в организации нелегальных православных общин (то есть катакомбной Церкви), которые были против советского закона, и также – в агитации и пропаганде против большевизма. В тюремной камере владыка Андрей своими рассказами обычно приковывал к себе всеобщее внимание. И нужно отметить, что он имел такое влияние на всех заключенных, даже на уголовников и безбожных коммунистов, что никто в его присутствии не решался богохульствовать и кощунствовать. Владыка реагировал на любые проявления несправедливости в тюрьме (за что не раз его лишали передач, присланных друзьями). Главного архиерея Советской России, главу Московской Патриархии архиепископ Андрей считал предателем Христа. К тюрьме, наказанию и другим злоключениям он относился спокойно, стойко и больше страдал за тех, кто был рядом с ним, чем за самого себя. На своих союзников он имел ободряющее влияние. Большие посылки присылали ему местные жители, как только узнавали о его прибытии в тюрьму. Посылки не всегда ему передавало тюремное начальство, но и те, которые он получал, он разделял с теми, кто не получал ничего. 4 сентября 1937 года он был расстрелян в Ярославском политическом изоляторе".

Так закончился земной путь владыки Андрея, умолк его голос. Его тело – в братской могиле, где лежат сотни других жертв мрачного времени советского атеизма. Но память о нем остается живой и украшена духовной красотой истинного христианского мученичества.

Образ князя, ставшего монахом, чтобы проповедать духовную свободу во Христе даже в катакомбах, подлинно вдохновляющий, жив и сегодня. На обороте портрета, который он подарил в 1912 году одному человеку, страдающему в скорби, он собственноручно написал короткие слова ободрения, которые сегодня для нас звучат как бы из лучшего мира, в котором он теперь пребывает: "Я плачу, люблю и молюсь".

Источники. (All in Russian): Theological Encyclopedia, Vol. VII, 1906, article "Kazan"; Orthodox Russia, 1948, No 3; 1949, Nos. 8-9; 1952, Nos. 5 and 9; No 5. Orthodox Life: 1966, No 6. M. Polsky, The New Martyrs of Russia, Vol. 2, pp. 250. Unpublished letters and manuscripts of Rev. N. Deputatoff, Abbess Juliana, Nun Tabitha, Prof. S.V. Grotov, Rev. M. Polsky. M. Popovsky, "Protopop Avvakum of the 20th Century", Russian Life, August 19, 1981. Nadezhda, No. 3, 1979. – (Все на русском): Богословская энциклопедия, т. VII, 1906 г., статья "Казань"; "Православная Русь", 1948 г., № 3, 1949 г., №№ 8-9, 1952 г. №№ 5 и 9, 1981 г., № 5; "Православная жизнь", 1966 г., № 6; М. Польский "Новые мученики Российские", т. 2, стр. 250; неопубликованные письма и рукописи прот. Николая Депутатова, игумении Иулиании, монахини Тавифы, проф. С.В. Гротова, протопр. Михаила Польского, М. Поповского, "протопопа Аввакума 20-ого столетия"; "Русская жизнь", 1981 г., 19 авг.; "Надежда", № 3, 1979 г.

20. Новомученица Лидия

20.

Новомученица Лидия
и с ней воины Кирилл и Алексей.

Память 7/20 июля (+ 1928 г.)

"За Тебя умерщвляют нас всякий день, считают нас за овец, обреченных на заклание".
Рим. 8, 36.

Лидия – дочь священника в городе Уфе, имя и фамилия которого не называется, как и фамилия ее мужа. С детства отзывчивая, ласковая, всеми любимая и боявшаяся греха и всего того, что запрещено Богом, по окончании женского училища, девятнадцати лет вышла замуж и потеряла мужа в гражданской войне, с уходом Белой армии.

Отец ее, с начала обновленческого раскола, устроенного большевиками в Русской Церкви в 1922 году, присоединился к расколу. Дочь, кланяясь отцу в ноги, сказала: "Благослови меня, отец, уйти от тебя, чтобы я не связывала тебя в спасении души твоей". Старый священник знал свою дочь, как и сознавал сделанную им неправду. Он заплакал и, благословляя Лидию на самостоятельную жизнь, пророчески сказал ей: "Смотри, дочь, когда увенчаешься, скажи Господу, что хотя сам я оказался не в силах на подвиг, но тебя не удержал – благословил". – "Скажу, папа", – сказала, лобзая его руку, Лидия и этим тоже пророчески предвосхитила свое будущее.

Лидии удалось поступить в Лесное ведомство, которое помещалось тогда в здании Духовной семинарии; в этом она видела предопределение Божие, так как ей удалось

спасти многое из прекрасной семинарской церкви, которую в это время переделывали в клубы лесных работников.

В 1926 году Лидию перевели в Леспромхоз, на работу в низовом аппарате. Здесь она непосредственно столкнулась с простым народом, который горячо любила и который отвечал ей тем же.

Огрубевшие от работы в тяжелых условиях, лесорубы и возчики с удивлением рассказывали, что в конторе Леспромхоза, где их встречала Лидия, у них появлялось чувство, подобное тому, почти заглохшему, когда до революции они ходили встречать чтимую в губернии икону Богородицы из села Богородского под Уфой. В конторе не слышалось больше сквернословия, взаимооскорблений и криков. Затухали злые страсти, люди нежнели друг к другу.

Это было удивительно и замечено всеми, в том числе и партийным начальством. За Лидией наблюдали, но ничего подозрительного не обнаруживали: в легализованные безбожниками церкви она не ходила совершенно, а тайные Богослужения посещала редко и осторожно.

ГПУ знало, что в епархии работают тайноцерковники, но никак не находило способов выявить и выловить их.

С провокационной целью обнаружить неуловимых, ГПУ внезапно вернуло из ссылки епископа Андрея, в миру князя Ухтомского, который был глубоко чтим народом и всеми течениями тайной церкви; ГПУ надеялось, что тайноцерковники потеряют осторожность, метнутся к любимому владыке и выявят себя.

Так бы оно и могло случиться, но хранитель Своей Церкви Сам Господь; Он дал владыке Андрею евангельскую кротость и мудрость. Владыка знал, зачем его везут в Уфу и принял свои меры. По его указанию, только одна церковь в Уфе – в честь Симеона Праведного Верхотурского – про настроение которой ГПУ прекрасно знало ранее, приняла Владыку открыто.

В сторожке этой церкви и поселился Владыка. Эта церковка стала фактически кафедральным собором епархии в недолгие дни относительной свободы епископа Андрея. Больше ни одной церкви из епархии к владыке Андрею не примкнуло, а тайно у него перебивала вся епархия. ГПУ ошиблось: вместо выявления тайноцерковников, происходило углубление и расширение внутренней, по-прежнему недоступной шпионам, тайной Церкви.

Лидия никому не рассказывала, что говорил ей Владыка во время часовой беседы, и сам Преосвященный тоже никому не открыл этого. Только однажды, при разговоре о старом священнике, отце Лидии, Владыка сказал осуждавшему его молодому священнику: "У отца протоиерея есть великая защита пред Господом: святая Лидия", – и прервал осуждающий разговор.

ГПУ, убедившись в провале своего плана, прекратило и дальнейшее пребывание владыки Андрея на свободе: он был вновь арестован и послан в ссылку. "Неправедно от паствы твоя изгнан был еси, отче преподобне. Приобщился еси страстям и горьким заточениям", – написала Лидия на обороте портрета Владыки. Портрет этот с надписью мученицы, по воле Господа, сохранился: его забыли снять со стены девичьей комнаты-кели при последнем обыске и аресте Лидии, и он был передан лесорубами церкви, которая и хранит его как священное воспоминание о девушке-мученице и

исповеднице и исповеднике-епископе.

Лидия была арестована 9-го июля 1928 года. Секретно-оперативный отдел давно разыскивал машинистку, которая снабжала рабочих Лесного ведомства печатными брошюрами житий святых, молитвенниками, речами и поучениями старых и новых исповедников веры Христовой. Было замечено, что в машинке этой машинистки у буквы "к" нижняя ножка сломана.

Частных машинок в Советском Союзе никто не имел, а учреждения проверить не трудно, и Лидия была обнаружена.

ГПУ поняло, что в его руки попала нить к раскрытию всей тайной Церкви.

Десять дней непрерывных допросов не сломили мученицу: она просто отказалась говорить что-либо. 20-го июля выведенный из терпения следователь передать Лидию "спецкоманде" по допросам.

В четвертой камере подвала ГПУ, которое помещалось тогда в здании бывшей гостиницы "Россия", на Александровской улице работала эта "спецкоманда". По коридору подвала ходил постоянный часовой, которым был в этот день Кирилл Атаев, рядовой 23-х лет. Он видел Лидию, когда ее привели в подвалы. Предыдущие десятидневные допросы высушили силы мученицы, и она не могла сойти по ступенькам вниз. Рядовой Атаев, по окрику начальства, под руки свел ее в камеру допроса.

– Спаси тебя Христос! – Сказала часовому Лидия, почувствовав в красноармейце искру сожаления к ней по деликатной бережливости его крепких рук.

И Христос спас Атаева.

Слова мученицы, девушки-жены, с глазами, полными боли и недоумения запали в его сердце. Теперь он уже не мог равнодушно слушать ее непрерывный плач и крик, как слушал ранее такие же крики и плач других допрашиваемых. Лидию мучили долго. Пытки ГПУ обычно построены так, чтобы на теле пытаемых не оставалось особо заметных следов, но при допросе Лидии с этим не считались.

Плач и крик Лидии шел почти непрерывной нотой более полутора часов.

– Ведь тебе же больно: ты же плачешь и кричишь, значить больно, – спрашивали в перерывах утомленные палачи.

– Больно! Господи, как больно! – Отвечала прерывистым стоном Лидия.

– Так чего же ты не говоришь? Еще больней будет! – Недоумевали мучители.

– Нельзя мне сказать... Нельзя... Не велит... – стонала Лидия.

– Кто не велит?

– Бог не велит.

Палачи придумали что-то новое для мученицы. Их было четверо – нужен был еще один человек. Крикнули в помощь часового.

Когда Атаев вошел в камеру, увидел Лидию, понял способ ее дальнейшего мучения и свою роль при этом – в нем совершилось чудо, подобное неожиданным обращениями древних мучителей. Вся душа Атаева оттолкнулась от сатанинской мерзости и святое исступление охватило его. Не сознавая, скорее всего, что он делает, красноармеец из

своего же служебного револьвера тут же на месте убил стоявших перед ним двух палачей. Не отстремел еще второй выстрел, как стоявший сзади чекист ударил Кирилла кованой рукояткой своего нагана по голове. У Атаева еще хватило силы повернуться и схватить ударившего за горло, но выстрел четвертого свалил его на пол камеры.

Кирилл упал головой к растянутой ремнями Лидии, Господь дал ему возможность перед смертью еще раз услышать от мученицы слова надежды.

И смотря прямо в глаза Лидии, брызгая кровью, Кирилл прохрипел присоединение к Господу:

–Святая, возьми меня с собой.

–Возьму, – светло улыбнулась ему Лидия.

Звук и смысл этого разговора как бы открыл двери потустороннего мира, и стоявшим двум живым чекистам ужас помрачил сознание.

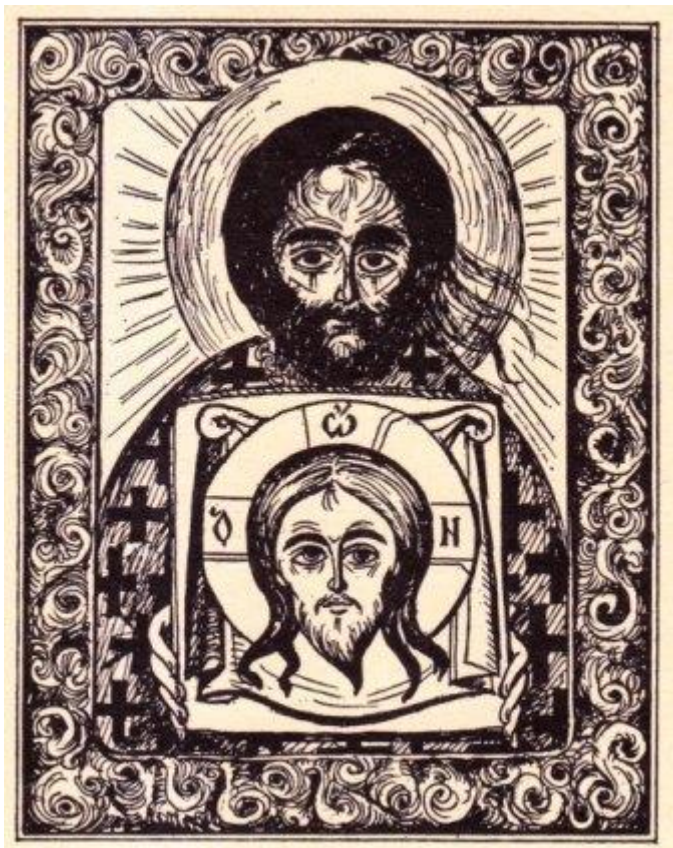
С безумным воплем начали они стрелять в беспомощные и угрожающие им жертвы, и стреляли до тех пор, пока не кончились обоймы их револьверов. Прибежавшие на выстрелы люди увели их, безумно кричавших, и сами выбежали из камеры, охваченные неведомым страхом.

Один из этих двух чекистов помешался окончательно. Другой вскоре умер от нервного возбуждения. Перед смертью этот второй рассказал все своему другу, сержанту Алексею Иконникову, который обратился к Богу и принес Церкви эту повесть, за ревностное распространение которой сам потерпел мученическую кончину.

Всех трех: Лидию, Кирилла и Алексея канонизировало церковно-народное сознание тайной Церкви как святых.

За молитвы мучеников Твоих – Лидии, Кирилла и Алексея – Господи Иисусе Христе Боже наш, спаси народ русский.

Источник. М. Polsky, *The New Martyrs of Russia*, Vol. 2, pp. 249-53. – М. Польский "Новые мученики Российские", т. 2, стр. 250.

21. Молодой отец Владимир

21.

Молодой отец Владимир.

Новый чудотворец катакомбной Церкви.

Память 3/16 августа (+ 1930 г.)

"Покажи на мне знамение во благо, да видят ненавидящие меня и устыдятся".

Пс. 85, 17

У меня с детства была близкая подруга Н.Б. Она была намного старше меня и вышла замуж на два года раньше. В первый же год у нее родился сын Владимир. С самого рождения мальчик поражал своими большими черными, как бы грустными глазами и необыкновенно смирным характером.

На второй год родился у ней сын Борис, тоже удивлявший всех с первого дня появления на свет, но, наоборот, с чрезвычайно беспокойным характером и живостью. Обоих этих мальчиков я любила нянчить и возиться с ними. Владимир каким родился, таким и рос. Никогда, еще с самых младенческих лет, не хотел играть с другими детьми. Сядет тихонько в уголок, и иногда странным казалось, о чем думает эта маленькая головка? Отец и мать, оба верующие и религиозные, очень беспокоились за него. Одно, что он любил – это ходить в церковь. Когда пришло время отдать его в гимназию, то мать его мне говорила: "Я не знаю, как Вова сможет учиться, мне

думается, что он совсем неспособный и вообще какой-то не совсем нормальный: ничто его не интересует, всегда молчит и о чем-то не по годам думает..."

Все классы прошел первым учеником! Религиозность его родители стали понимать, но когда по окончании гимназии он объявил им о желании идти для дальнейшего образования в Духовную академию, они были поражены. Они еще не уяснили себе его стремления к духовному пути и настояли на том, чтобы он сперва окончил университет, а потом, если его намерение останется неизменным, то они его благословят идти в Духовную академию. "Ты еще очень молод, – говорили они, – послушай родителей". Он исполнил их желание и прошел курс юридических наук в Московском университете. Прошел не за четыре, а за три года, что тогда разрешалось. По окончании поступил в Духовную академию, был посвящен в диаконы и затем в священники в 1917 году.

Он не захотел быть женатым, но по уставу Церкви не имел права быть безбрачным. Семья его была дружна с одной тоже благочестивой семьей, в которой молоденькая дочь умирала в чахотке. Доктора не давали ей жизни больше месяца. Она знала молодого Владимира и знала, что умирает. Она сделала великое дело: согласилась обвенчаться с ним, чтобы он, оставшись вдовцом, имел право на священство. Она была так слаба, что с ее стороны это была святая жертва. Вернувшись из церкви домой, она уже не вставала и через две недели скончалась.

Владимир вступил на путь, к которому стремился и был избран Богом с рожденья. С самого начала стал пользоваться уважением и любовью прихода. В 1924 году он и его родители были высланы на "вольную", так называемую ссылку в город Тверь. Они не имели права покидать город и должны были всегда быть под надзором ГПУ. Служить он имел право. Проповеди его отличались полным бесстрашием с самого начала, а когда вышла декларация Сергия, он призывал верующих не подчиняться ей. Проповедь, по словам слышавших, была необычайная по силе духа. Днем он пришел к родителям проститься, так как его кто-то предупредил, что он ночью будет арестован. Он просил их ни при каких условиях, даже в момент смерти, не приглашать священника, вошедшего в контакт с ГПУ. В ту же ночь он был арестован и расстрелян в Москве (в 1930 году).

Его брат Борис, когда началось брожение революции, поддался пропаганде, вступил в комсомол, а затем, к великому горю родителей, стал членом союза безбожников. Отец Владимир при жизни старался вернуть его к Богу, умолял одуматься и, вероятно, много молился о душе брата, но не поколебал его, и после убийства отца Владимира в 1928 году Борис стал председателем союза безбожников в городе Петропавловске в Казахстане, куда уехал, женившись на девушке-комсомолке, тоже безбожнице.

Я знаю, что родители его, как и его невесты, сказали им, что если они не исполнят церковного брака, то они от них отрекутся. Несмотря на крайнюю разницу воззрений и целей жизни, Борис любил отца и мать. Они с невестой решили исполнить требования родителей, издеваясь над таинством, все же тайно повенчались. Тайно потому, что иначе были бы расстреляны. Больше я ничего о них не знала, так как в Москве не жила.

В 1935 году была на несколько дней в Москве, где встретила Бориса. Он радостно бросается ко мне со словами: "Господь, по молитвам брата отца Владимира на Небесах, вернул меня к Себе".

Вот что он мне рассказал:

"Когда мы венчались, то мать моей невесты благословила ее образом "Нерукотворного Спасителя" и сказала: "Только дай мне слово, что вы его не бросите, пусть он сейчас не нужен вам, только не бросайте". Он, действительно, не был нам нужен и лежал в сарае, в сундуке с ненужным хламом. У нас через год родился мальчик. Мы оба сильно хотели иметь ребенка и были его рождению очень счастливы, но ребенок родился больной и слабенький, с туберкулезом спинного мозга. Средства мы сумели сохранить кое-какие и не жалели денег на врачей, да и получал я достаточно. Все они говорили, что в лучшем случае, при хорошем уходе и лежа всегда в гипсовом корсете, мальчик может дожить до шестилетнего возраста. Тут мы уехали в Казахстан, надеясь на лучший климат, и там я был председателем союза безбожников и гнал Церковь. Ребенку пять лет, здоровье его хуже и хуже. До нас дошел слух, что в город Петропавловск выслан на поселение знаменитый профессор по детским болезням. От нашего селения нужно было ехать двадцать пять верст на лошадях до ближайшей станции. На Петропавловск всего один поезд в сутки. Ребенку совсем плохо, и я решил поехать и пригласить профессора к нам. Когда я подъезжал к станции, то поезд на моих глазах ушел. Я опоздал на несколько минут. Что было делать: оставаться сутки ждать, а там жена одна, и вдруг ребенок умрет без меня? Подумал и повернул обратно. Приезжаю и застаю следующее: мать, рыдая, стоит на коленях у кровати, обняв уже холодеющие ножки мальчика.

Местный фельдшер только что ушел, сказав, что это последние минуты. Я сел за стол против окна, взял голову в руки и предался отчаянию. И вдруг вижу как наяву, что отворяются двери сарая и из них выходит покойный брат отец Владимир, он держит в руках, лицом от себя, наш образ Спасителя. Я обомлел, вижу, как он идет, как на ветру развеваются его длинные русые волосы, слышу, как он открывает входную дверь, шаги его слышу. Я весь остолбенел и похолодел, как мрамор. Он входит в комнату, подходит ко мне, молча передает мне образ в руки и как видение исчезает. Я не могу передать словами, что испытал, но я бросился в сарай, отыскал в сундуке образ и положил его на ребенка. Утром он был совершенно здоров! Приглашенные лечившие его врачи только руками разводили. Сняли гипс. Следов туберкулеза нет. Тут я все понял, я понял, что есть Бог, понял молитвы брата!

Я немедленно заявил о своем выходе из союза безбожников и не скрывал произошедшего со мной чуда. Везде и всюду я возвещаю о случившемся со мной и призываю к вере в Бога. Не откладывая, мы уехали под Москву к моим родителям, где они поселились по окончании срока ссылки. Окрестили сына, дав ему имя Георгий".

Я простилась с Борисом и больше его не видела. Когда приехала в Москву в 1937 году, то узнала, что после крещения он с женой и ребенком уехал в Кисловодск на Кавказе. Борис везде открыто говорил о своем заблуждении и спасении. Через год он, будучи совсем здоровым, неожиданно скончался, и врачи не определили причины. Его убрали большевики...

Источник. *Memories of Natalia Urusova, Orthodox Russiz*, 1957, no 5, pp.8-10. – "Воспоминания Натальи Урусовой", "Православная Русь", 1957 г., № 5, стр. 8-10.

22. Отцы Исмаил и Михаил

22.

Отцы Исмаил и Михаил. Катакомбные братья-священники.

Память 1/14 октября (+ 1937 г.) – отец Исмаил

Память 28 августа/10 сентября (+ 1988 г.) – отец Михаил

"И будете ненавидимы всеми за имя Мое; претерпевший же до конца спасется".
Мк. 13, 13

Исмаил и его младший брат Михаил Рождественский были сыновьями священника Новгородской губернии и годы юности провели там. В 1919 году Исмаил окончил Московскую Петербургскую Духовную академию, женился и, став священником Преображенского собора в Тихвине, стал вести очень серьезную и ответственную священническую жизнь. После декларации митрополита Сергия в 1927 году он стал твердым иосифлянином, непреклонно противостоящим "легализации" Церкви и уверенным шагом идущим по пути святых апостолов и исповедников, за что его, конечно, преследовали. Добрый пастырь жизнь свою полагает за овец своих. Однажды мы слышали, как он сказал: "Иду на Голгофу. Кто пойдет за мной!?" И он отправился в ссылку на Урал, а затем на поселение в село Быстрица Вятской области. В душах тех, кто любит и почитает его, он жив и поныне, и, конечно, в трудные моменты нами ищется помощь у него...

Своими честными и чистыми взглядами отец Исмаил привлекал большое количество верующих. Мы жили недалеко от того места, где была его церковь, и среди нас ходили слухи об этом высокочтимом, выдающемся пастыре. Мы впервые посетили его церковь в 1926 году и после этого твердо решили ходить туда каждое воскресенье и по праздникам. Мы внимательно слушали его проповеди, видели, как проникновенно, внимательно, ответственно он проводит службы, и нам все больше и больше нравилось бывать там.

Множество людей приходило на литургию и всенощную. Временами не все помещались в церкви, и часть людей стояла в саду и ждала, зная, что Батюшка обязательно выйдет и благословит их. Было также довольно много бесноватых женщин

из ближних и дальних мест. Они очень любили отца Исмаила, несмотря на то, что иногда его присутствие сильно действовало на них. Они кричали, угрожали, плевались и часто падали на пол с пеной во рту. Но отцу Исмаилу достаточно было прочесть молитвы и прижать к их губам святой крест, чтобы все это прекратить, и через минуту они приходили в себя, сами вставали на ноги, осматриваясь вокруг. Мне не раз приходилось это видеть. Страдающие женщины иногда дрожали даже при виде его преданных, послушных духовных чад.

Мы никогда не забудем замечательное явление, которое наблюдали во время молебна, который отец Исмаил служил перед иконой Божией Матери "Утоли моя печали". Когда он читал евангелие, у нас на глазах вокруг его головы, как сияние, появилось маленькое розовое облако. Это было незадолго до его ареста и мученической смерти в 1937 году. Не менее впечатляющим не только для нас, но и для многих других в церкви был случай прозорливости этого замечательного священника. Человек, который жил в двадцати километрах отсюда, никогда не приходил в нашу церковь, хотя слышал об этом исключительном священнике, привлекающем к себе людей. В воскресный день он решил проверить слухи и пришел в конце литургии, встал в толпе верующих и услышал, как отец Исмаил говорит: "Ну, спасибо тебе, раб Божий Петр, что молишься за меня", и увидел, что тот посмотрел в его сторону. Того человека действительно звали Петром, и это так его поразило, что с того дня он стал постоянным прихожанином этой церкви и близким отцу Исмаилу человеком.

Все же наш бедный отец Исмаил тоже знал горести, даже от своих близких. После того как он начал проводить тайные службы в катакомбной Церкви, однажды в одиннадцать часов вечера он постучал в нашу дверь, прося пристанища на ночь. В то время у него уже не было своей квартиры рядом с церковью, потому что все отобрали. Он ходил от дома к дому и останавливался там, где люди не боялись принять его. На этот раз, дойдя от своей духовной дочери до нашего дома по темной, неосвященной дороге, он рассказал нам, что она неожиданно отказалась его пустить. Проведя ночь у нас, он отправился снова в путь, и ни в малейшей степени не изменил своего отношения к той своей духовной дочери, зная, что она вынуждена была отказать ему в ночлеге, потому что его искали, собирались арестовать, а у нее была семья, за которую она боялась.

Однажды к отцу Исмаилу на исповедь пришла малознакомая женщина. Вернувшись домой, она, чтобы угодить дочери, которая была замужем за атеистом, заявила, что священник ударил ее, когда благословлял. Отец Исмаил имел привычку как бы впечатывать знак креста в лоб и плечи. Последовал суд, ему присудили исправительные работы. Когда он вернулся домой, его снова арестовали и осудили, больше о нем никто из его чад не слышал. Ему не было сорока пяти лет, и у него остались жена и трехлетний сын. Когда его провожали в последний раз, люди порывались бежать за поездом, но красноармейцы отгоняли их прикладами. Мы всегда будем помнить его дорогие, сияющие серые глаза, чистые, как у ребенка, и немного наивные, его улыбку и благословение из окна вагона...

Профессор И.М. Андреев, посещавший катакомбные службы отца Исмаила под Петроградом, сообщил нам, что отец Исмаил был расстрелян в 1937 году во время ежовских чисток [его расстреляли в Вятке 14 октября].

Трагична и судьба брата отца Исмаила – отца Михаила, который был моложе его на шесть лет. Михаил был рукоположен во священники в 1925 году под влиянием брата и сначала служил в церкви в Стрельне вместе с ним. Когда отца Исмаила арестовали, он полностью передал паству отцу Михаилу.

Глубокое понимание Христианства отцом Михаилом и его вера в будущую жизнь, для которой земная жизнь – лишь приготовление, иногда просто изумляла людей. И поэтому к отцу Михаилу приходило все больше верующих, как прежде к его арестованному брату. Он совершал Богослужения, которые сначала были еще в церкви с благоговением, углубленно и внимательно. Его проповеди, которые он считал необходимыми, были проникнуты желанием учить людей любить Бога истинной, жертвенной любовью, готовя душу к неизбежным испытаниям и, быть может, к смерти за Него.

Незабываемые трапезы после литургии были большой радостью, несмотря на скудную пищу и, вдобавок, строгое соблюдение поста! За столом сидели бедные и несчастные люди. Ко всем отец Михаил относился одинаково, каждого подбадривал. После того как один такой бедняк был похоронен бесплатно, к вдове относились с особенной добротой, и ей предложили все сорок дней после похорон питаться за общим столом. Это была апостольская семья, все были друг другу, как родные, каждый страдал за других. Почти не имея дохода, поскольку паства была очень бедная, оба брата жили одной мыслью – помогать, а не получать.

В те страшные времена, когда людей сажали в тюрьму или ссылали без суда и следствия единственно за веру в Бога, отец Михаил немедленно отправлялся туда, куда его звали, рискуя жизнью, поддерживаемый только своей верой в Бога Вездесущего. Он шел даже, чтобы поддержать неверующих в их предсмертные часы, если по наитию свыше надеялся пробудить из зачерствевшие души. И умирающий неверующий, глядя на лицо, склоненное над ним с любовью, смягчался и... каялся.

В 1930 году отца Михаила с супругой тоже арестовали и сослали в разные места, двоих детей забрали бабушка с дедушкой. Через три года его освободили, и тогда он мог служить только тайно, не имея права даже жить в одном месте. Его супруга не смогла перенести такую, полную страданий, жизнь и, по освобождении из тюрьмы не вернулась к нему, а нашла себе другого мужа. Все же, отец Михаил хотел ее увидеть и ждал, когда она приедет навестить детей. У него не было дома, где бы он мог видиться с ней или детьми, и, конечно, он не мог встречаться с ними на катакомбных службах, поэтому виделся с нею в разных местах за городом, а детей часто видел у нас. Однажды его бывшая жена захотела взять детей погостить в Алма-Ату, где тогда жила. Отец Михаил попросил нас пойти с ним проводить их на станцию. Билеты были уже куплены, и мы сидели там, ожидая поезд, когда вдруг маленькая девочка объявила, что не хочет ехать, а хочет остаться с отцом. Однако мальчик поехал, а когда вернулся, он был уже совсем другим.

После декларации владыки Сергия отец Михаил, конечно, стал иосифлянином, как и его брат, и не разрешал нам никаких контактов с сергианской Церковью. Однажды он ужасно рассердился на меня, когда я просто повернулась посмотреть на сергианскую церковь, проходя мимо по улице.

После того как разразилась Вторая Мировая война, жизнь стала еще страшнее. Отец наш стал молиться еще больше и начал готовить всех принять еще более тяжелый крест. Мы все были готовы к смерти. Службы проходили где-нибудь в маленькой деревне, в какой-нибудь избушке, расположенной далеко от главной дороги, и начинались они в пять утра. Когда и где будет совершаться служба, передавали из уст в уста, и люди собирались, но старались приходить по одному, в разное время, так, чтобы не привлекать ничье внимание. И после службы тоже уходили по одному.

Временами на службах было мало людей. Каждый человек был хорошо знаком отцу

Михаилу, все "наши" люди. Ни один новый человек не принимался в катакомбную Церковь, пока его, его жизнь, его взгляды не проверят. Если вы рассказывали о Церкви кому-то постороннему, то могли невольно стать предателем.

Вместо престола в алтаре был простой стол; на нем лежали евангелие, крест и был святой потир. На стенах – иконы. Кто должен был петь, вставали у входа. Было много лампад, освещавших комнату. Доставали свечи из пчелиного воска, очевидно, у тех, кто их делал. Все бывало спокойно, чинно, благоговейно. В чтении и пении не разрешалось добавлять или убавлять ни одной буквы, службы были полные. С началом проскомидии все собирались на литургию.

Это не забывается! Такую молитву невозможно пережить снова за всю жизнь! Отец Михаил с распростертыми руками, со слезами, катящимися по щекам... Все плакали вместе – и о себе, и о нем, у которого, помимо всего прочего, были такие переживания в семье. Он служил медленно, проникновенно... Когда на улице лаяли собаки, наши сердца застывали, но для этого мы и были призваны и старались себя укрепить.

Трудно описать обычными словами духовное состояние человека на таких катакомбных службах. Это совсем не похоже на любую службу в нашей свободной Русской Зарубежной Церкви, хотя это то же самое Православие. Прежде всего, это полное бесстрашие, мир в душе, небесная, неземная радость, желание не уходить, не прекращать молитву. Хотелось только быть с верными, пусть нас забирают, пусть лишают жизни!

Пасхальная служба была совершенно небесной. Отец Михаил был в белом льняном облачении. Его лицо было незабываемым: оно все светилось изнутри небесной, ангельской улыбкой.

Он всегда был спокоен. В те опасные моменты, когда, не имея крыши над головой и ради своей паствы не желая быть арестованным, проводил ночь у нас, весь наш страх куда-то исчезал, и мы были готовы отправиться за ним в любую ссылку. Он был и другом, и братом, и отцом, и матерью. Если он должен был провести службу у нас, то приходил в обычной одежде с чемоданчиком в руке, в котором было его облачение, и под шум керогазов на общей кухне мирно и спокойно совершал службу. И Бог хранил его!

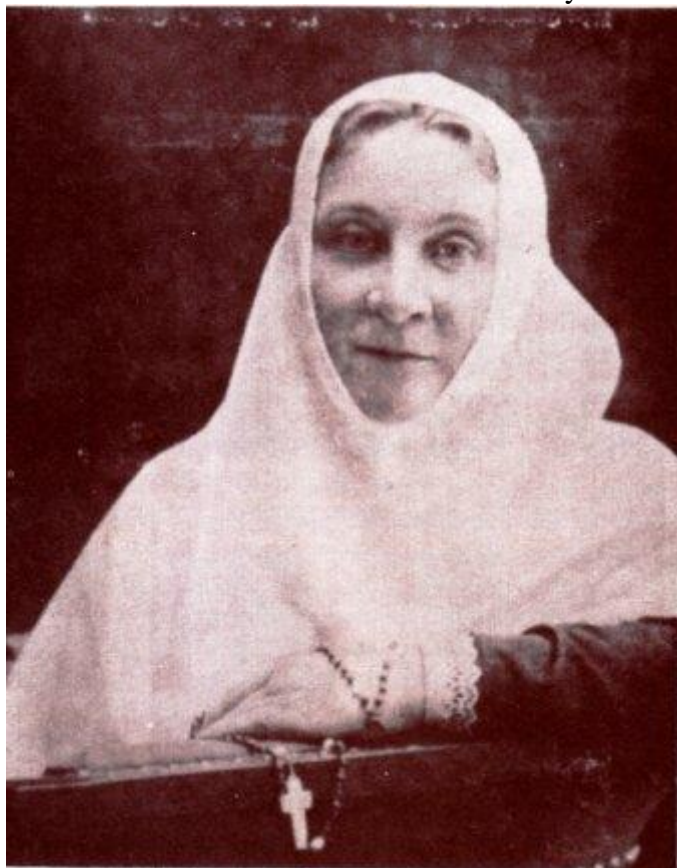
Слова, которые сказал нам отец Михаил в последний раз, когда мы его видели, были замечательными. Бушевала Вторая Мировая война. Приближающийся враг уже бомбил Петроград, когда отец Михаил тайно посетил нас ночью по пути к своей духовной дочери в город, чтобы причастить ее. Все наши мольбы не ходить, потому что опасно, или перейти вместе с нами на оккупированную территорию, были напрасны, ничто не могло его остановить. Он сел за наш стол, попросил подойти к нему и сказал: "Послушайте внимательно. Скоро мы все расстанемся. Многие из нас не останутся в живых, будут убиты. Но помните: неважно, где вы можете оказаться, в час вашей смерти я приду к вам, исповедую и причащу. И сам отведу вас в небесные чертоги к алтарю Божию, свидетельствуя о вас, ибо мой брат отец Исмаил, доверил вас моей заботе как духовных детей, и я должен держать ответ за вас".

Это были его последние слова нам. Он встал, благословил нас и вышел в ночь, наполненную оружием, огнем, смертью.

Вот сведения о дальнейшей судьбе отца Михаила:

Он был арестован в Ленинграде 19 января 1943 года – прямо во время литургии. Осужден Военным трибуналом и приговорен к десяти годам лагерей. Находился в заключении в Воркутинских лагерях [где вполне мог быть знаком с отцом одного из составителей этой книги игумена Германа (Подмошенского) мучеником Димитрием]. В 1953 году срок был увеличен еще на десять лет. 7 октября 1955 года был освобожден "на поруки". Проживал в Брянской области, окормлял остатки иосифлянских общин в Ленинграде и Воронеже. В 1962 году был вновь арестован, но вскоре освобожден. В 1981–1982 годах был кандидатом в епископы Русской Православной Церкви Зарубежом. С 1985 года тяжело болел. Преставился ко Богу 10 сентября 1988 года. Был похоронен в городе Луга Ленинградской области.

Источник. Alexis and Zinaida Makushinsky. – Алексей и Зинаида Макушинские.

23. Схиигумения София Киевская

23.

Схиигумения София Киевская.

Катакомбная игумения Покровской обители.

Память 22 марта/4 апреля (+ 1941 г.)

"Праведник веселится и радуется".

Притчи 29, 6.

Бесстрашное стояние за Истину Христову новомучеников российских имеет неоценимое духовное значение. Особенно мужественный акт утверждения, где нужно искать Истину, в то время когда многие этого не видели; исповедники в 1927 году и позднее сохранили для последующих поколений вкус Православия. Сейчас, когда прошло много лет, история показала, что эти "упрямые мятежники", последователи митрополита Иосифа Петроградского, были абсолютно правы, и теперь их значение стало равным тому, какое было у великих исповедников Православия в древние времена.

К таким исповедникам принадлежит и игумения София, чья смелость была прямым результатом ее высокой духовности и истинного православного мировоззрения. Она достигла духовной зрелости во время подъема святости в России, когда Русская Земля готовилась принести себя в жертву Богу, ввергнутая в кровавые руки коммунистов – богоненавистников.

Будущая игумения София (Гринева) родилась в семье богатого землевладельца. Район Тулы и Калуги, освященный Оптиной пустыней и его дивным влиянием на все стороны религиозной жизни, был тем местом, где юная София воспитывалась и духовно формировалась. Когда умер ее отец, дети какое-то время оставались в обители ее родного города Белева, находившейся под прямым духовным влиянием оптинских старцев, а тамошняя игумения была прежде гувернанткой в их семье. Они часто бывали в Оптиной пустыни, где когда-то старец Анатолий пророчески назвал 12-летнюю Соню "игуменией". Но обнаружилось, что у нее очень хороший голос, и ее послали в консерваторию готовиться к карьере оперной певицы. Однако это не удовлетворяло сердце Божией избранницы, стремившейся к высшему, душа же ее жаждала монашеской брани.

Недалеко от имения Гриневых жила богатая помещица Знаменская, дочь которой Анна только что окончила высшее образование, даже не помышляла о жизни в высшем обществе, а, полная религиозного рвения, стала учительницей в сельской школе. Воспламененная стремлением к монашеству, она часто устраивала духовные беседы с пением акафиста, заканчивающиеся поздно ночью. Их посещали более четырехсот человек. Анна и София стали близкими подругами. Однажды поздним зимним вечером, спеша, одна через лес на беседу Анны, София встретила волка, и смерть ее казалась неминуемой, поскольку волки, наполнившие эти места, убивали не только скот, но некоторое время назад убили даже вооруженного офицера. София мысленно поклялась в эту минуту стать монахиней, если останется в живых. Она сотворила над волком крестное знамение, и тот сразу же бросился в чащу. Вскоре София сильно простудилась и потеряла голос. На этом закончилась ее жизнь и дела в миру. К этому времени Анна попросила и получила свою долю земли из отцовского наследства и вместе с десятью другими молодыми женщинами обосновалась в отдаленной и пустынной лесной местности и стала вести строгую монашескую жизнь с благословения сразу нескольких святых – праведного Иоанна Кронштадтского, старца Амвросия Оптинского, старца Варнавы Гефсиманского и других. Из досок и веток они построили себе хижину, спали на земляном полу, подкладывая под голову камень вместо подушки, ели сухари и лишь в праздничные дни съедали немного теплого жидкого ячменного супа. Скоро об этой истинно монашеской жизни в скиту стало известно, и София присоединилась к Анне. Анна со своими духовными дочерьми заготавливала дрова, выкопала колодец, рубила деревья и построила прекрасную церковь, посвященную Святой Троице, где они совершали весь дневной круг молебных чтений. Жизнь была трудной, но труды их щедро вознаграждались. Община процветала, в ней было вскоре более шестисот сестер,

сиротский приют, дом для престарелых, большой огород и фруктовый сад, кирпичный завод и подворья в Москве и Петербурге. Но Анна, достигнув такого успеха, потерпела духовную катастрофу: увлеклась спиритизмом и покинула обитель. В обители начались разногласия, и некоторые сестры ушли к святому старцу Герасиму Калужскому, который только что открыл Свято-Николаевскую обитель для своих духовных дочерей.

Отец Герасим, сам духовный сын старца Амвросия Оптинского, тоже имел духовного сына – Мишу, который позднее получил имя своего старца – Герасим. Позже он стал таким же прозорливым, как его старец, и основал Свято-Сергиевский скит, где нес духовное исцеление многим страждущим. Его и Софию связывала духовная дружба, которая продолжалась всю жизнь. Позднее они посылали друг другу для исцеления духовного страждущих людей. Следуя его совету, София еще с одной сестрой оставила обитель и отправилась основывать свою самостоятельную общину. На берегу прекрасной реки Оки стояла заброшенная церковь святого Иоанна Милостивого. Там молодые сестры обосновались, чтобы продолжать свой "узкий путь" в бедности, ежедневных церковных службах и трудах. Их жизнь вдохновила последователей, и новая община, посвященная иконе Пресвятой Богородицы "Отрада и Утешение", быстро росла и скоро стала источником духовного просвещения и для работников местной фабрики, которые были, в основном, бывшими заключенными.

Когда церковные власти заметили успешные труды игумении Софии, в 1913 году ее поставили во главе одной из крупнейших обителей в России, Покровской обители в Киеве. Она приняла это послушание в надежде помочь финансово собственной нуждающейся обители. Городская обитель в Киеве была настолько большой, что содержала большую больницу для города вдобавок к другим благотворительным учреждениям. Но матушка София оставалась такой же простой и доступной, как и прежде. Там ее и застала революция.

Будучи истинной воспитанницей оптинских старцев, с которыми она постоянно поддерживала связь, она трезво оценивала сущность революции и знала, чего от нее ожидать. Так, когда начались нападки со стороны "Живой Церкви", ее обитель была одной из первых, которые выступили против нее, хотя сама она уже была арестована. Агентами ГПУ в обитель был насильно назначен новый епископ для служения литургии. Когда женщины, посещавшие ее, в конце службы подходили целовать крест, то одна за другой они плевали на руку епископа, державшую крест, и таким образом был положен конец "инновациям" в Покровской обители, а епископ осознал и покаялся. Услышав об этом, епископ Дамаскин (Цедрик) с горечью воскликнул: "Если бы не женщины, кто бы еще защитил Церковь? Так пусть защищают ее, как умеют!"

Игуменья София несколько раз арестовывалась и освобождалась в период до 1927 года, до декларации митрополита Сергия, предавшего этой декларацией Церковь. Мать София и ее священники, во главе с молодым отцом Дмитрием Ивановым, были первыми в Киеве, которые открыто ее отвергли. К несчастью, немногие из других священников ее поддержали, а большинство местных епископов вообще отмолчались, фактически приняв декларацию. Из-за этого и в обители начались разногласия, и игуменья София решила, что лучше будет оставить обитель и сделала это с двадцатью сестрами-единомышленницами и отцом Дмитрием. Одна богатая женщина по фамилии Бабенко предложила ей свой летний дом в пригороде Киева Ирпени в качестве убежища для них. Как раз в это время поблизости обнаружился чудотворный источник. Жить там, конечно, было нелегко, поскольку все иосифляне подвергались активным преследованиям. В доме, где жили монахини, был зал, украшенный картинами. Ночью их снимали и заменяли иконами, и всю ночь перед ними горячо молились. Утром картины возвращали на место, и никто из посторонних не знал, что

это была катакомбная церковь, служившая духовным центром истинно православных христиан всего Киева и окрестностей.

Существует противосергианский документ – письмо, написанное кем-то из окружения игумении Софии своей подруге за границу в 1933 году. Чтобы обмануть советскую цензуру, ситуация в Церкви описывается как дискуссии "докторов". Человек, получивший письмо, конечно, сразу же понимал, что "доктор Сергиев" – это митрополит Сергей, "старики Петров и Кириллов" – пожилые иерархи, митрополиты Петр и Кирилл, отказавшиеся принять декларацию. "Клиники и аптеки" – церкви, а "лечение" – Святое Причастие и другие святыя таинства. Вот этот документ.

"У нас никто из наших не имеет ничего общего с докторами Сергиева и в его лечебницах не лечимся. Он совершенно незаконно действовал, так как старик доктор Петров его только назначил своим заместителем для текущих дел, когда должен был уехать, а он незаконно без пленума всех докторов выбрал управление, которое всеми делами правит. Старики Петров и Кириллов это управление не признают, и оба в гонениях и скорбях. Муж мой был сильно возмущен действиями доктора Сергиева, так как все ревнителю истинной гомеопатии лишены возможности лечиться, ибо все аптеки в руках тех, которые все захватили. Трудно тебе объяснить, но если все знаешь, то неприемлемо. Одно тебе скажу: я все время в Чернигове была без доктора и ездила в Киев [к матушке Софии], когда нужно было, то есть раз или два в год. Здесь тоже: дети не лечились".

Ведущим иерархом-исповедником против сергианства в Киеве был владыка Дамаскин (Цедрик), светлая личность, человек, духовно очень близкий игумении Софии. Он писал пламенные призывы, показывающие разрушительность политики митрополита Сергия во всех направлениях. Эти призывы тайно переписывались православными, и некоторые из них попали в свободный мир, где их распространили, и они были напечатаны. + Епископа Дамаскина глубоко заботило будущее истинного, незамутненного Православия в России. Эту озабоченность разделял с ним его друг митрополит Кирилл и, конечно, игумения София. Единственным ответом на церковную ситуацию, как он думал, было готовиться к концу мира и прекратить думать о церковной "организации". Его часто арестовывали, освобождали на короткое время, а потом снова и снова ссылали. Однажды, когда и владыка Дамаскин, и матушка София – оба на короткое время оказались на свободе, он постриг ее в великую схиму. Есть редкая фотография его и матушки Софии с ее паствой, снятая, вероятно, в 1934 году, между двумя его последними арестами; он сидит в центре, а Матушка – слева от него.

+ Елена Лопушанская "Епископы-исповедники". Сан-Франциско, 1971 г.

Священник игумении Софии отец Димитрий Иванов был подлинный исповедник. Его героическое стояние за Православие и его пламенные проповеди дорого ему обошлись. Он долгое время был в тюрьме, потом его освободили и арестовали во второй раз. Его сильно избивали. Наконец, после того как почти до смерти замучили, отправили в ссылку на север, в Архангельск. Его супруге удалось поехать вместе с ним; он был так слаб, что не мог держаться на ногах. Они приехали в Архангельск, не зная ни одной души в этом городе. Отец Димитрий упал посреди улицы и просто лежал, не в силах двинуться. Доктор, проходивший мимо, взял его в свой дом и ухаживал за ним, и у него на руках отец Димитрий отдал Богу душу. Матушка его позднее рассказывала об этом. Все члены ирпенской общины были арестованы, все в один день, и сосланы на Камчатку, в оленеводческий колхоз. Бабенко, ставшая монахиней, прислала оттуда

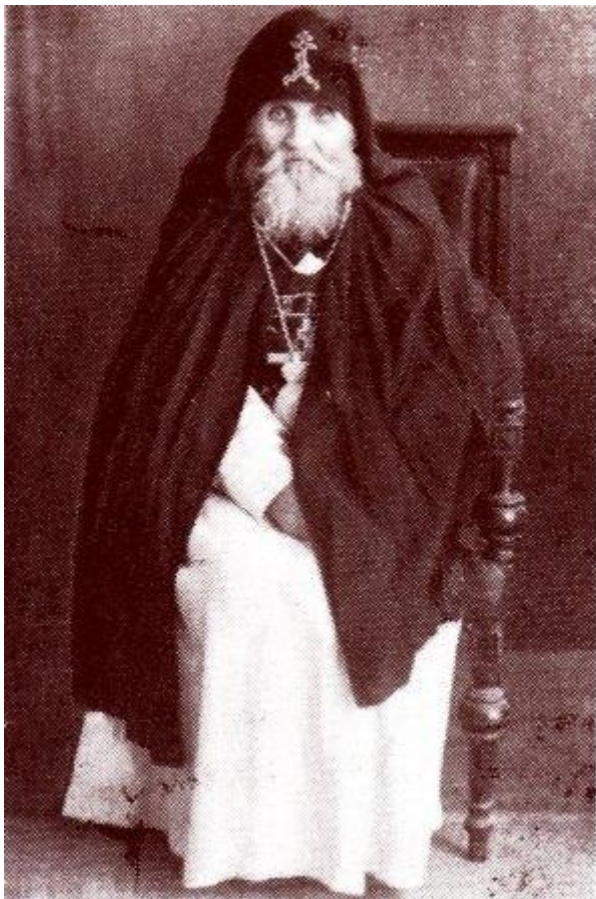
восточку, и больше о них ничего не было слышно. Так пришел конец Ирпенской гавани истинного Православия.

Игуменья София была арестована прежде других членов своей общины и поэтому не была сослана с другими сестрами на Дальний Восток, ее переводили из одной тюрьмы в другую, в основном, в европейской части России. Ее сестрам здесь и там удавалось следить за ее передвижениями, пока, наконец, из-за нечеловеческих условий в тюрьме она заболела очень серьезно – астмой и другими болезнями – и была отпущена из тюрьмы на волю умирать. Даже когда она была в тюрьме, она была опасна для Советов – богоненавистников. Судя по одной более ранней встрече, которая у нее была с одним убежденным атеистом, она, должно быть, бросала вызов верованиям и предрассудкам материалистов в тюрьмах, развенчивая их философскую несостоятельность и приводя таким образом их души к Богу. Однажды до революции женщина, которая знала о глубоко укорененном православном мировоззрении матушки Софии, умоляла ее повлиять на своего сына, убежденного атеиста. Исключительно умный и талантливый, он делал завидную карьеру в своей инженерной специальности и не поддавался ни на какие увещания принять Православие. Мать София говорила с ним о религии, но он отвергал ее слова, хотя ей удалось уговорить его поехать в Саровский монастырь, куда она как раз собиралась. Спор между святой монахиней и атеистом был нелегким, но ее святыми молитвами совершилось чудо, которое до глубины души потрясло инженера. Он не только стал верующим, но буквально переродился духовно. Его прежняя жизнь совершенно опротивела ему, и он не мог больше продолжать ее. Он оставил работу, бросил все, что имел, надел простую крестьянскую одежду и пешком отправился в Соловецкий монастырь. Бывший атеист стал паломником с молитвой Иисусовой на устах.

Последнее утро многострадальной жизни игуменьи Софии наступило тогда, когда она была среди своих духовных дочерей в колхозе в селе Покров рядом с Серпуховом, где была катакомбная обитель. Она была в состоянии крайнего истощения, не принимала никакой пищи в течение нескольких дней. После утренних молитв, когда ее комнату привели в порядок, мать София попросила, чтобы ее оставили одну, и начала читать свою любимую книгу – Евангелие, и тут сестры услышали, как она кашляет и задыхается. Агония продолжалась три часа, но она была в полном сознании, и глаза ее были ясными. Потом она обратила взор на икону, в последний раз закрыла глаза и отошла ко Господу. Это было 22 марта (4 апреля) 1941 года.

Перед моим мысленным взором навсегда останется одна картина: игуменья София сидит на диване, на полу по-турецки сидит молодой отец Димитрий Иванов. Они счастливы, они шутят и смеются. Она рассказывает о бесхитростности детей, ее приютских сирот... Несмотря на свое веселое настроение, они хорошо знают, что завтра коммунисты не пощадят их и они должны быть готовы ко всему. Но их вера в Бога не позволяет им впасть в отчаяние, поэтому они такие радостные и счастливые.

Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят. Аминь.

24. Схиепископ Макарий

24.
Схиепископ Макарий
и "святая ночь" русского монашества.

Память 19 марта/1 апреля (+ 1944 г.)

"...а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир. Если Меня гнали, будут гнать и вас".

Ин. 15, 19-20

Все, что нам известно о схиепископе Макарии, содержится в изложенных воспоминаниях; но и этого несомненно достаточно, чтобы представить портрет святого, новомученика катакомб XX века. Эти воспоминания написаны православными русскими, на себе испытавшими коммунистическое иго, спасшимися на Запад после Второй Мировой войны и описавшими свой опыт. Это свидетельства из первых рук о событиях катакомбной жизни схиепископа Макария они слышали из собственных уст самого епископа.

1. Свято-Макариевская пустынь.

В окрестностях Петрограда в начале 30-х годов оставался лишь один маленький монастырь, куда многие совершали паломничество – пустынь святого Макария Римлянина.

Рано утром мы сели на поезд и доехали до станции Любань. Нас, паломников, было 30 человек. Остановившись попить чаю в монастырском подворье в городке, мы пешком направились в монастырь.

Сперва дорога пролегла через поля. Вокруг нас качались колосья ржи, затем мы миновали поля с овсом, затем розовые поля цветущей гречихи, по которым ветер гнал сиреневые волны. Мы, горожане, радовались открытому пространству, солнцу, природе.

Передохнув в деревне, мы вошли в лес. Отец П., ведущий нас, начал читать наизусть акафист Божией Матери "Всех Скорбящих Радосте". Все подхватили припев, а потом и песни канона. Молитва продолжалась долго, наконец, последние звуки затихли вдали, но лес все тянулся такой густой и нескончаемый, как всегда. Все утомились и шли молча. Наши ноги распухли и начали болеть.

Мы шли и шли, и густому зеленому лесу не было конца. Сгустились сумерки, и уже не знали, сколько нам осталось идти. Над лесом появилась луна, ее лучи освещали нам путь. Наконец мы вышли на поляну. С холма сбегал ручеек, за ним показался храм. На фоне неба выделялся силуэт колокольни, под ним виднелись темные крыши монастырских корпусов. С далекого расстояния до нас донесся звук монастырского колокола. Мы так давно не слышали церковных колоколов! Все оживились и почти бегом спустились со склона, надеясь успеть к началу вечерни.

В давние времена здесь, на крошечном островке твердой земли, окруженном со всех сторон непроходимыми болотами, поселился и проводил отшельническую жизнь преподобный Макарий Римлянин. Его мощи почивали под спудом в монастырской церкви. На месте его кельи была выстроена маленькая часовня. Монахи расчистили большую поляну в лесу для храма и жилых корпусов, проложили дорожки, распахали участки под поле и огороды. Большевики отобрали поля, лишив монахов средств к существованию. Верующие приносили из города мешки с сухарями, и монахи готовили из сухарей хлеб для себя и паломников.

Множество нищих и юродивых о Христе нашли убежище в монастыре. Одним из них был Миша, хорошо известный нам еще по Александро-Невской лавре в Петрограде. Его громкий голос был хорошо знаком всем нам, и мы с уважением относились к этому седовласому старику с молодыми черными глазами. Я помню, как один раз, когда врач неаккуратно удалил мне зуб, щека у меня распухла и болела несколько месяцев. Я была вынуждена носить повязку. Миша подошел однажды ко мне во время литургии и прошептал на ухо: "Иди в Новодевичий монастырь, возьми маслица от лампы перед образом святого Мученика Антипы и помажь свою щеку. Посмотри на себя – ты думаешь, что поступила правильно, пойдя лечиться к доктору?" Я обернулась, но он уже отошел. Я пошла на литургию в Новодевичий монастырь, но матушки, продававшие свечи, не знали, где находится образ святого мученика Антипы. С трудом мы смогли найти небольшую икону. Я поступила, как научил меня Миша: помазала щеку маслом и взяла немного масла из лампы с собой. Вскоре все прошло:

воспаление прекратилось и челюсть перестала болеть. Раньше этот Миша был интеллигентом – атеистом, инженером. Но когда Господь коснулся его души, Миша избрал для себя суровый аскетический жизненный путь юродства о Христе. После моей встречи с ним в монастыре он исчез. Мы слышали, что он был арестован и застрелен по прихоти следователя.

Время, когда я приехала в монастырь, было трудным и страшным. “Молись преподобному Макарию и Иверской Божией Матери!” – Утешил меня отец Н.. Икона Божией Матери в монастыре была особенной. Пресвятая Дева была изображена в полном монашеском облачении, в мантии и с четками в руках.

Настоятель монастыря, епископ Макарий, редко выходил из своей кельи и еще реже беседовал с паломниками, за исключением некоторых его духовных чад. Несколько раз мы встречались с ним в коридоре в храме, но однажды мне выпала возможность посетить его и побеседовать с ним. Сдержанный, серьезный, скорбный, он производил сильное впечатление на паломников. Если кто-нибудь из них вел себя шумно или вообще неприемлемо, или пропускал церковные службы, Владыка через своего келейника просил такого оставить монастырь. Молодежь побаивалась его и старалась не нарушать строгих монастырских правил.

Утренняя начиналась в 4 часа, за ней следовала ранняя литургия. Затем в 9 утра были поздняя литургия и молебен, заканчивавшийся между полуднем и часом дня. В 4 часа дня совершалась вечерня или бдение, акафист или панихида. Службы заканчивались между 8 и 9 часами. Затем следовал ужин и около полуночи молитвы ко сну.

Проведя в монастыре некоторое время, я должна была возвращаться в город. В станционном городке, в храме монастырского подворья, я отстояла всю ночь. Я стояла на коленях перед образом святого Макария. Мне казалось, что своим взглядом он ободрял меня. И действительно, все прошло хорошо и я вернулась домой, избежав ареста.

Мы посещали пустынь еще несколько раз. В жестокие морозы в конце Рождественских праздников мы приехали в монастырь, чтобы вместе с монахами отпраздновать память преподобного Макария. Отец П. хотел, чтобы Владыка соборовал его. Наше духовенство давало соборование не только серьезно больным. В те страшные времена каждый жил под угрозой внезапной насильственной смерти в условиях, когда будет невозможно приступить к Святым Таинствам. Монахи и многие из мирян обычно собирались во время Рождественских праздников или Великого поста, чтобы получить соборование.

В тот день отец П. служил литургию в маленькой церкви, построенной на месте отшельнической кельи Преподобного. Владыка Макарий пришел помолиться с нами. Я подошла к Владыке под благословение и сказала ему о желании отца П. “Почему отец П. так хочет получить соборование?” – Спросил Епископ. “У него тяжелый груз на душе”, – ответила я. Владыка строго посмотрел на меня и внезапно слезы показались на его глазах. Он зарыдал, не сдерживаясь. “Если бы вы только знали, какие тяжелые испытания предстоят нам всем, какие страдания! Наш монастырь будет разорен, наши святыни осквернены!”

Он продолжал рыдать. Испуганный послушник хотел было броситься к Владыке, но отец П. остановил его. Все остались на своих местах.

Я стояла перед скорбящим иерархом, глубоко потрясенным, охваченным

предчувствием надвигающейся бури. Он как будто говорил сам с собой, забыв обо мне. Понемногу придя в себя, он подошел к иконе Преподобного, облобызал ее и, выйдя из храма, пошел к воротам монастыря. Его высокая темная фигура ярко выделялась на фоне чистого белого снега, искрившегося в ярких лучах зимнего солнца.

В течение года его пророчество исполнилось. Аресты в “Святую ночь” (когда тысячи духовенства и верных были арестованы в одну ночь) стерли с лица земли оставшиеся монастыри и монашествующих. В ту ночь я тоже была арестована.

Владыку отправили в концлагерь в Сибири, где он был ночным сторожем.

Монахиня Вероника (Котляревская).

2. Испытания схиепископа Макария.

Эта история – рассказ о бездомных скитаниях, на которые был осужден катакомбный иерарх-исповедник, чьим единственным преступлением стало то, что он был приемником апостолов Христовых и его сердце принадлежало прежде всего Христу.

Схиепископ Макарий, в миру Кузьма Васильевич, был старшим сыном в многодетной семье Васильевых. Он родился в деревне Губа Тихвинского уезда Новгородской губернии в 1871 году и с детства тянулся к церковным службам с их неотмирным пением. Подростком он отправился в Санкт-Петербург, где часто посещал Александро-Невскую лавру и внимательно слушал вдохновенные проповеди иеромонаха Арсения, профессионального миссионера, боровшегося с сектантами. Отец Арсений был известен в народе, о нем писали в газетах, его знал и уважал сам К.П. Победоносцев.

Желая создать миссионерский монастырь с афонским уставом, он возродил пустынь святого Макария Римлянина, расположившуюся в болотистой местности в Новгородской губернии, недалеко от Петербурга. На рубеже столетий в Макарьевом монастыре спасалось около двухсот монахов, были выстроены каменная церковь и четыре жилых корпуса, подворье в ближайшем городке и гостиница, привлекавшие многочисленных паломников.

Когда Кузьма в возрасте 23 лет впервые пришел в монастырь, он оказался среди множества молодых людей, искавших монашества и миссионерской жизни. Послушником он заготавливал дрова и выполнял другие послушания, как вспоминал один из его друзей, отец Конон, поступивший в монастырь одновременно с ним. В 1897 году он был пострижен игуменом Арсением и получил имя Кирилла. В 1900 он уже иеромонах и настоятель монастырского подворья в Любани. Там он проходил свое служение в течение пяти лет. В 1906 году отец Арсений отправился на Афон как миссионер для борьбы с движением “имяславцев”, и отец Кирилл стал его приемником на посту игумена монастыря. К несчастью, отец Арсений на Афоне поддался ереси, с которой поехал бороться, и не вернулся в родной монастырь. Монастырь, однако, продолжал процветать, даже революция его не затронула, благодаря окружавшим его непроходимым болотам. Он не привлекал внимания большевиков, которые все равно не смогли бы использовать его здания.

В 1923 году, согласно указу Патриарха Тихона, отец Кирилл был хиротонисан во епископа архиереями Серафимом Колпинским и Михеем Архангельским. Он получил титул епископа Любани, маленького городка, где находились монастырское подворье и

гостиница. В это время были хиротонисаны многие новые епископы, чтобы, несмотря на постоянные аресты, остававшиеся на свободе могли управлять паствой. Однако в 1924 году епископ Кирилл и сам был арестован. Большевики, искусственно вызвав в стране голод, повлекший гибель сотен и тысяч людей, заставляли иерархов отдать церковные ценности: потиры и кресты, якобы для помощи голодающим. В действительности, конечно, они продавали церковное достояние за границу для укрепления соввласти. В то время погибло много ни в чем не повинных людей. За предполагаемое утаивание церковных ценностей Свято-Макариевского монастыря, его настоятель был арестован и приговорен к пяти годам заключения. Его отправили в “Кресты” – печально известную тюрьму в Ленинграде, а оттуда в концлагерь в Вологодской губернии – один из концлагерей, созданных согласно ленинскому плану ликвидации нежелательного “мыслящего” элемента. В колонии он ухаживал за скотиной и выполнял другие хозяйственные работы. После трех с половиной лет, проведенных в заключении, Владыка освобожден по амнистии и вернулся в свой монастырь. Там, намереваясь посвятить себя молитве и порвать все связи с миром, он принял великую схиму с именем своего любимого святого Макария – основателя монастыря.

Он жил в келье на втором этаже; его келейником был иеродиакон Вукол, бывший крестьянский мальчик из ближней деревни. Ежедневно Владыка служил раннюю литургию в боковом алтаре, не архиерейским чином, а как простой священник, только с маленьким омофором поверх фелони. Все остальные службы он проводил стоя на клиросе, одетый в вышитую мантию схимника. Он всегда был погружен в молитву и казался живущим уже в мире святых. Но, конечно же, он не мог долго избегать встречи с богоненавистой властью коммунистов.

18 февраля 1932 года, во время “святой ночи” страданий русского монашества, он был арестован вновь – на этот раз со всей братией, и это стало концом монастыря святого Макария Римлянина, просуществовавшего много столетий. За короткое время большинство монастырей погибло.

Схиэпископ Макарий снова оказался в “Крестах”, где провел два месяца предварительного заключения. Затем получил относительно “мягкий” приговор к трем годам вольной ссылки в город Верный (Алма-Ата). Сперва его доставили в тюрьму этого города и лишь позже послали на вольное поселение в деревню Георгия около города Фрунзе. По слабости здоровья он был освобожден от работы, но по ночам должен был сторожить сено. Однажды ночью он пошел в церковь, чтобы исповедаться, и потихоньку вернулся. За это его вновь арестовали и восемь месяцев продержали в тюрьме в очень тяжелых условиях.

В 1935 году, отбыв срок “вольного” поселения, схиэпископ Макарий вернулся домой, в свой монастырь, уже лежащий в руинах. Что он мог сделать? Его келейник, также прошедший тюрьму, вновь был рядом. Вместе они поселились в Чудово, городке неподалеку от Любани. Но теперь встал вопрос, как жить? Где они смогут добывать себе пропитание? В Советском Союзе те, кто отбыл наказание по 58 статье, могли получить прописку, лишь предъявив свою “рабочую карту”. У епископа, конечно, ее не было, и несколько лет он жил без “вида на жительство”. Но Господь помогал ему, и он жил нелегально в верующей семье.

В этот период он служил тайно как катакомбный иерарх, совершая таинства где необходимо, крестя, рукополагая священников, посвящая катакомбных епископов. В 1937 году массовые аресты духовенства возобновились, и он, прячась от неизбежного ареста, выехал в Среднюю Азию, где провел год. Потом вернулся в Чудово, где, в

конце концов, сумел получить необходимый “вид на жительство”. Там Владыка оставался до войны и прихода немецких войск, когда он оказался в гуще боевых действий.

Отец Вукол неотлучно был с ним все это время. Война продолжалась. С появлением советских партизанских войск стало особенно опасно. Вместе им удалось перебраться в одну из близлежащих деревень и найти прибежище в маленькой хижине. Они задержались в деревне дольше, чем предполагали, наступил голод. И в мирное время в тех местах не было изобилия продуктов из-за бедности почвы.

В одну из ночей старушка, в чьем доме они остановились, увидела странный сон: около ее бедного жилища остановилась золотая колесница. В ней была величественная Царица, сказавшая: “У Меня здесь есть старец, он очень устал. Ему нужно дать отдохнуть”. Так сама Царица Небесная заступилась за страдающего старца-схимника. На следующий день католический ксендз пришел к старушке и сказал: “Я слышал, что православный епископ и его келейник живут здесь”. Услышав это, владыка Макарий сам вышел к нему, и ксендз рассказал, как они могут выехать в Псково-Печерский монастырь. Они не мешкая взяли на плечи свои котомки, взяли свои дорожные посохи и отправились в монастырь. Вскоре они благополучно достигли цели своего путешествия, где монахи встретили их с любовью и почетом. Этот монастырь после революции оказался на территории свободной от большевиков Эстонии, и это позволило ему избежать общей участи тысяч монастырей на многострадальной Русской Земле. Это было процветающее государство, жирное и обеспеченное. Схиэпископ Макарий вновь стал ежедневно служить раннюю литургию и даже начал мечтать вернуться в обитель к своему любимому преподобному Макарию и вновь восстановить монастырь. Но Господь видел, что верный исповедник Его уже готов поселиться в вечной обители. В страшные годы жизни в Советской России его почитали тысячи православных людей за его святые молитвы, помощь и доброту в служении ближним. Многие люди рисковали жизнью и свободой, чтобы облегчить страдания архипастыря во время его бесчисленных ссылок и гонений. Для них он был ревнителем истинного Православия, стоявший на страже заветов Святой Церкви ценой своих личных страданий. Большевики не смогли сломить сего праведника. Страданиями он заслужил себе венец небесный. Теперь для него настал час исхода в Небесную Обитель.

В ночь на 1 апреля 1944 года Печеры жестоко бомбила советская авиация. Бомбардировка продолжалась всю ночь, в четыре налета с интервалом 40-50 минут. К счастью для монастыря, мощные двухтонные бомбы упали вне его стен. Внутри монастыря взорвалось около десятка бомб меньшего калибра. Одна из этих бомб упала вблизи трапезной и с корнями выворотила старый дуб. Осколок бомбы влетел через окно в келью схиэпископа Макария и убил его наповал. На аналое лежали раскрытое Евангелие и часослов; они были залиты кровью Епископа. Часы остановились в 9 часов 47 минут вечера. Все монахи прятались в бомбоубежище, но святитель Макарий отказался пойти с ними и оставался на молитве в своей келье. Бомбардировка нанесла монастырю большой ущерб, но особенно много человеческих жертв было в Печерах.

Протоиерей Герасим Шорец.

Так сей святой исповедник встретил своего Господа – в день Воскресения Христова, 1 апреля. Тело епископа Макария было погребено в пещерах, от которых Псково-Печерский монастырь получил свое название. Советская бомба оборвала земную жизнь исповедника Божией правоты, пострадавшего в СССР и воистину заслужившего имя новомученика в нашем многострадальном веке.

3. "Святая ночь" русского монашества.

Свидетельница из Германии, Наталья Георгиевна фон Китер поделилась с нами своими воспоминаниями о преследовании православных христиан в то время.

“Святой ночью”, как назвал ее народ, была ночь с 17 на 18 февраля 1932 года. Я хорошо помню ее, поскольку 16 февраля умерла моя мать. Незадолго до этого она приняла постриг и была монахиней в миру. 18 февраля наш духовник иеромонах Вениамин должен был прийти на похороны. Я долго ждала и решила позвонить ему. Мне сказали: “Он не может прийти; вы понимаете”. Пауза затянулась, и я без слов поняла, что он в опасности. Я хотела найти другого священника, но во всем Петрограде не было священников, кроме обновленцев. В тот день не было священников ни в одном храме. Я побывала на Валаамском подворье. Все священники оттуда были арестованы. Мне повезло, и я нашла доброго батюшку на кладбище. Удивительно, но он не был обновленцем, а ведь только обновленцев оставили на свободе.

Вскоре я услышала о трагедии, происшедшей в Свято-Макариевском монастыре и с одним мальчиком-подростком поспешила туда, поскольку знала, что в монастыре не осталось ни одного человека. Церковь была заколочена и охранялась агентами НКВД. Это был невероятный случай в нашей советской жизни. Величайшей святыней монастыря были вериги преподобного Макария Римлянина, столетия выставлявшиеся для почитания верующими. Их нужно было спасти.

Наша дорога к монастырю пролегла через густой лес и болота. Нам с трудом удалось избежать трясины. Обходя дороги, на которых нас могли заметить, мы пропели молебен преподобному Макарию. После долгих блужданий наконец достигли монастыря. Разбив окно, мы пробрались в храм и увидели ящик, набитый церковными ценностями. Я взяла святые вериги Преподобного, несколько икон и книг. Святой Макарий сокрыл нас своей мантией от глаз агентов НКВД и чудом мы не были изловлены. Я хранила вериги дома, ожидая такого времени, когда можно будет отдать их Церкви. Но и мне было опасно держать их дома. Тогда я ненадолго отдала их на сохранение своей подруге, близкой мне по духу молодой женщине, соратнице в винограднике Господнем. Она убрала их в ящик своего ночного столика. Внезапно ее брат, школьник, был арестован и обвинен в религиозной пропаганде. Агенты НКВД ворвались в дом для обыска. Они перевернули все вверх дном, заглянули в каждую коробочку, и только ящик, в котором хранились вериги, не был открыт. Ничего не найдя, они освободили брата моей подруги. Это было подлинное чудо. Воистину преподобный Макарий сохранил нас всех. После этого случая я отдала вериги одной надежной монахини, которая забрала их в Москву. Где они теперь?”

День 18 февраля 1932 года (по новому стилю). Это сияющий и страшный день, Страстная пятница русского монашества – отвергнутый и неизвестный миру день, когда все русское монашество в одну ночь исчезло в концентрационных лагерях. Все было совершено в ночной тишине с ведома митрополита Алексия – об этом есть надежные свидетельства. В Ленинграде были арестованы: сорок монахов Александро-Невской лавры; двенадцать монахов Киевского подворья (остальные были арестованы еще в 1930 году); десять монахов Валаамского подворья; девяносто монахинь Новодевичьего монастыря; шестнадцать монахинь подворья игуменьи Таисии Леушинской; двенадцать монахов Федоровского собора; восемь монахов из кинонии Свято-Александро-Невской лавры “Большое Охотко”; около ста монашествующих из

других ленинградских храмов. Всего триста восемнадцать человек. В ту же ночь все монахи и братия пустыни преподобного Макария Римлянина были арестованы и привезены в Ленинград, как опасные преступники, самое присутствие которых угрожает обществу. С ними обращались как с ядовитыми насекомыми, которых нужно раздавить...

Волна арестов, как гром прокатилась над Русской Землей, сметая монашеское население, бывшее славным стражем народной нравственности и национальных ценностей. Были захвачены многие из белого духовенства и мирян, так или иначе близкие по духу к монахам. К примеру, пламенные проповеди приходского священника Александра Медведского послужили причиной его ареста. Все арестованные были высланы в Казахстан, оттуда никто уже не вернулся.

В то же время, только в Ленинграде многие храмы были закрыты и разрушены (Краснов-Левитин дает их точный список, смотреть стр. 222 его книги). Даже приходская церковь, к которой принадлежал известный ученый И.П. Павлов (он лично ездил в Москву, пытаясь отстоять ее) была затронута и, как только Павлов умер, этот величественный архитектурный памятник, посвященный Знамению Пресвятой Богородицы, был взорван динамитом, и от него не осталось и следа. В это время, конечно, все 1400 русских монастырей, бесчисленные скиты и новые монашеские общины были закрыты и, за небольшим исключением, уничтожены.

“Все мы, – отзывается свидетель, – стали жалкими в тот страшный период, жалкими до отвращения. Каждый чувствовал, как они (власти) садистки плевали в наши души и насмерть били наших матерей у нас на глазах. Это было ужасное чувство обиды и гнева, но все были беспомощны. Весной 1932 года я познал это состояние на собственном опыте (Краснов-Левитин). Эти люди и подумать не могли, что вскоре после “Святой ночи” свободолюбивые Соединенные Штаты Америки признают советскую тиранию, как законное правительство. И в это же время сергианские “епископы”-марионетки провозглашали на весь мир, что христиане в России свободны.

Источники. (All in Russian): Nun Veronica, *Memories*, published by Russian Life Press, San Francisco, 1954; Archpriest Gerasim Shoretz in Polsky's *The New Martyrs of Russia*, Vol. I, p. 181, Vol. II, p. 284; L.P., *The Death of Schema-Bishop Macarius*, in "Orthodox Russia," – 13-14, 1944; A. Krasnov-Levitine, *Likhie Godi*, Paris, 1977, pp. 215-20; Natalia G. Von Kieter, manuscript. – (Все на русском): Монахиня Вероника. “Воспоминания”. Сан-Франциско, 1954; протоиерей Герасим Шорец в книге Польского “Новые мученики Российские”. Т. 1, стр. 181, т. 2, стр. 284. Л.П. “Смерть схиэпископа Макария” в “Православной Руси” № 13-14, 1944 г.; А. Краснов-Левитин “Лихие годы” Париж, 1977, стр. 215-20; Наталья Г. фон Китер, рукопись.

25. Отец Николай Загоровский

25.

Отец Николай Загоровский,
в монашестве иеромонах Серафим.

Память 30 сентября/13 октября (+ 1943 г.)

"Святость есть не просто праведность, за которую праведники удостоиваются наслаждением блаженства в Царстве Божием, но такая высота праведности, что люди настолько наполняются благодати Божией, что она от них течет и на тех, кто с ними общается. Велико их блаженство, происходящее от лицезрения славы Божией. Будучи преисполнены и любви к людям, происходящей от любви к Богу, они отзывчивы на людские нужды и на их моления и являются ходатаями и предстателями за них пред Богом".

Святитель Иоанн (Максимович).

После 1914 года И.М. Концевич (+ 1965) посещал Харьковский университет и снимал комнату в доме отца Николая Загоровского. Он часто прислуживал отцу Николаю в церкви и сопровождал его, когда тот служил молебны в частных домах, ограждая его от стекавшегося и теснившего его народа. Таким образом, молодой Концевич был

известен почитателям отца Николая как студент-церковник, что в то время было редкостью. Эти почитатели отца Николая позднее, в годы гражданской войны в России, очень помогали ему, а один из них даже спас ему жизнь.

Профессор Концевич дважды читал лекцию об отце Николае в Сан-Франциско. Материалом для этого ему послужили прежде всего его личные воспоминания. Пользовался он также сведениями, полученными им от дочери отца Николая Лидии Николаевны Бобрищевой, умершей в Париже в 1964 году, а также много сведений сообщила ему Ульяша Ноздрина, которая сопровождала отца Николая в изгнании и была пострижена им в монахини с именем Магдалины (затем она была монахиней в Леснинской обители во Франции). Следующий рассказ был составлен женой профессора Концевича Еленой Юрьевной из записей его к лекции, и поэтому у него более сжатая и короткая форма, через которую, тем не менее, незамутненным просвечивает святой и светлый облик отца Николая. Фотографии взяты из архива профессора Концевича.

Профессор Концевич отмечал, что лицо отца Николая напоминает лицо греческого философа Сократа, но выражение его лица сравнить ни с кем нельзя. Оно сияло добротой и дружелюбием, высшей добродетелью. Этот человек притягивал к себе каждого.

Отец Николай происходил из древнего княжеского рода, обедневшего и перешедшего в духовное сословие. Отец его, отец диакон Михаил Феоктистович, жил на окраине Ахтырки, называвшейся Гусыницей. Он был человеком мягкого характера, не от мира сего. Кроме церкви ничего для него не существовало, он не входил в вопросы, касающиеся дома и семьи. Зато жена его, Параскева Андреевна, рожденная Роменская, была властной женщиной. Она отличалась исключительным природным умом и большими способностями. Оставшись очень рано вдовой, она поставила на ноги троих детей: Михаила, Анну и самого младшего – Николая. Мать-дьяконица была безграмотной, однако понимала значение образования и старалась всеми силами дать таковое детям. Старший сын, Михаил, очень одаренный, окончив семинарию, поступил в академию, но по бедности не окончил таковой и рано умер от чахотки. Младший рос на лоне природы на Гусынице среди крестьянских детей. Его лучший приятель назывался Яшко. С ним они потихоньку курили и чуть не устроили пожар на сеновале. Летом ловили раков и рыбу в реке Ворскле. В лесу собирали ягоды и грибы. Коля Загоровский был чрезвычайно живой, веселый, подвижный. С детства любил народные песни, а также свой родной малороссийский язык на котором впоследствии охотно изъяснялся в домашней обстановке.

Поступив в семинарию, он стал писать стихи. Но учиться не любил, особенно ненавидел математику. И еще в детстве, вместо того чтобы идти в школу, он "ховался", забравшись на грушу, или в колоду, которая по-украински называется "жлукто", куда ссыпали золу для стирки белья. Мать, изловив его, накидывала ему веревку на шею и вела с позором по всей деревне в школу. Когда пришло время учиться в семинарии, Коля все же там оказался среди самых лучших учеников, одаренным литературным талантом. В старших классах преподаватель русского языка устраивал спектакли. Молодой Загоровский при этом обнаружил исключительный талант комика. Стоило ему появиться на сцене – это вызывало бурю смеха в рядах публики. Однажды местный архиерей, заинтересованный такой необыкновенной способностью семинариста, пожелал увидеть его игру. Как полагается, Владыку усадили в первом ряду, в кресле. На сцене появился комик, и сразу же зала разразилась сплошным хохотом. Архиерей смеялся со всеми. Чем дальше продолжалась игра, тем общий смех возрастал. Владыка

смеялся и смеялся, без удержу, пока его смех не превратился в настоящую истерику. Пришлось его вынести из зала на кресле.

Слава Загоровского как комического актера распространилась далеко за пределами семинарии. Знаменитый на Украине артист-предприниматель приглашал его в состав своей труппы, предлагая ему завидный оклад. Но Параскева Андреевна слышать не хотела об этом: "Я хочу тебя видеть в золотых ризах, иначе прокляну!" – Заявила она сыну. Пришлось покориться.

Супруга отца Николая Екатерина Ивановна была образованная, как полагалось – епархиалка. Было у них двое детей. Село, где протекало его пастырство, называлось Мальжино. Это была непроходимая глушь. Отцу Николаю там негде было проявить свою богато одаренную натуру. Драму, которую пережил молодой священник, легко себе представить. Икона Божией Матери, им столь прославляемая, была несомненно свидетельницей его горьких слез и душевного страдания. Действительно, как могла такая кипучая натура примириться с прозябанием в глухом и диком захолустье? И как должна была быть глубока внутренняя борьба этого человека, чтобы смогло совершиться превращение артиста-комика в знаменитого духовного проповедника и народного пастыря! Но такое перерождение совершилось в действительности: блестящие душевные таланты преобразились в духовные. Явное чудо было налицо. Икона Божией Матери, почитаемая отцом Николаем как чудотворная, написана в итальянском стиле и вовсе не является копией древней иконы "Взыскание погибших". А между тем отец Николай дал ей именно такое наименование! Последнее наводит на мысль, что юный иерей был на краю отчаяния, и Сама Божия Мать поставила его на правильный путь. Икону "Взыскание погибших" отец Николай впоследствии украсил драгоценными камнями.

Народ полюбил отца Николая и окружил его тесным кольцом, но когда пришло время дать детям образование, он перевелся в Харьков и стал настоятелем городского больничного храма. Здесь отец Николай продолжал, как и в деревне, служить перед иконой акафисты и произносить проповеди. Его не смущало, что вначале присутствовали одна или две старушки, но, конечно, ему не могло не быть грустно видеть отсутствие народа. Такое положение, однако, длилось недолго: очень скоро народ повалил валом. Слава о нем как о Златоусте распространилась по всему Харькову. Маленький больничный храм стал набиваться так туго, что стены от людского дыхания становились мокрыми. За обедней отец Николай произносил две проповеди, одну из которых посвящал Евангелию дня. Кто-то сказал: "Батюшка говорил сегодня недолго, только полтора часа". Уходил он из храма чуть ли не в 3 часа дня.

При Батюшке образовался особый хор, с которым он посещал частные дома для служения молебнов. Его приглашали нарасхват. После молебна пили чай и общим хором пели "псалмы" – духовные стихи. Многие из них были написаны самим Батюшкой. И.М. Концевич и молодой человек, которого звали Демочкой, иногда сопровождали Батюшку.

Вокруг отца Николая стал собираться женский монастырь. Устройство его шло полным ходом, и все приготовления были закончены, когда разразилась революция. Официально монастырь так и не был никогда открыт, но существовал тайно. Одной из будущих монахинь была Уляша Ноздрина. Она, было, собиралась выйти замуж, но однажды вошла в церковь в то время, когда произносил проповедь отец Николай. Это решило навсегда ее судьбу: жениху она отказала и избрала монашеский путь. Уляшу выбрал отец Николай в спутницы, когда настало время изгнания.

Отец Николай устраивал народные паломничества. В одном из них принимал участие И.М. Концевич. В этом паломничестве участвовало несколько тысяч человек. Шли группами, и перед каждой несли крест, иконы, хоругви. Шли с пением, но так, чтобы следующая группа не могла слышать пения ей предшествовавшей. Перед ней несли другой крест, иконы, хоругви, и шло уже свое пение. Таких крестных ходов было множество. Незадолго до конца пути отец Николай поднялся на пригорок и обратился к народу со словом. Он сказал, что предстоит моление о дожде, ибо царила злейшая засуха.

Когда пришли на место, народ расположился в лесу вокруг Куряжского монастыря. Так как храмы не могли вместить всех пришедших, всенощная служилась всю ночь на возвышении в лесу. Все это время, до самого рассвета, иеромонахи исповедывали пришедших людей. Когда утром служилась литургия, причастники причащались из всех чаш, имевшихся в монастыре. Это заняло пол дня. Когда причащение окончилось, отец Николай произнес следующее слово: "Теперь мы будем служить молебен о дожде. Падите все ниц и молитесь Богу до тех пор, пока не закапают на землю небесные слезы". Народ упал на землю. И вдруг на чистом небе стали появляться тучи, и на пыльную землю, действительно, стали капать тяжелые, как слезы, крупные капли дождя, вздымавшие пыль на дороге... Когда начался дождь, народ, было, кинулся к отцу Николаю, но монахи его окружили и увели в монастырь. Все бросились, кто куда мог, чтобы укрыться. Когда все укрылись, разразился сильнейший ливень.

После трапезы пришел к отцу Николаю звонарь и спрашивает: "Прикажете ли звонить сбор?" Отец Николай задумался, опустил голову. Потом сказал: "Звоните!"

Дождь продолжал лить, как из ведра... Но как только стал раздаваться звон на обратный путь, дождь сразу прекратился. Возвращаясь домой в Харьков, толпа богомольцев шла по улицам с ветвями в руках и с восторженным пением "Христос Воскресе!" Жители города открывали окна, пораженные недоумением при виде такого ликования двигавшейся толпы людей.

Популярность отца Николая среди простого народа была необычайна. В Харькове после японской войны развелось особенно много злоумышленников. Знаменита была Сонька Золотая Ручка. Жили воры на Холодной горе. Но вот кто-то из них смертельно заболевает. Были случаи, что посылали за отцом Николаем, которого тогда вели ночью по глухим тропинкам. Псаломщик дрожал и трясся от страха. В пещере, куда их приводили, лежали в углу награбленные шубы. Но никто из грабителей не обижал отца Николая. Только после революции какой-то революционер-бандит сорвал с него золотой крест.

Еще в период жизни в Харькове от стояния на ногах во время долгих служб и молений у отца Николая образовались на ногах раны. Но он над собой острил, говоря, что, если ноги его не несут, то ему приходится самому их нести.

С годами отец Николай начал старчевствовать по благословению оптинского старца отца Анатолия (Потапова).

Началась революция. Массы людей, группировавшихся вокруг отца Николая, не были, надо думать, революционно настроены. Влияние отца Николая было очень велико и далеко простиралось. Еще в самом начале, учитывая все это, большевики призвали отца Загоровского и предложили ему войти с ними в известное соглашение. От него

требовалось только одно: не произносить против коммунистов проповедей. Они даже предлагали ему субсидию золотом на его благотворительность. На это предложение отец Николай ответил, что он служит Единому Богу и никому больше. Вскоре его арестовали и посадили в тюрьму. Возможно, что арест отца Николая последовал после того, как он с толпой народа отстоял от разгрома монастырь, где находилось местопребывание харьковского архиерея, каким в то время был владыка митрополит Антоний (Храповицкий). Как только весть об аресте отца Николая распространилась, площадь перед тюрьмой покрылась вся крестьянскими подводами, полными деревенской провизией. Пока отец Николай содержался в тюрьме – все узники кормились привезенным ему питанием.

Видя такую великую народную любовь к отцу Николаю, власти решили, что спокойнее будет, если его удалить из Харькова. Ему было предложено покинуть город и уехать подальше. Отец Николай, взяв с собой Ульяшу, уехал в Петербург. Многие монахини хотели его сопровождать, но выбор его мудро остановился на Ульяше – прежде всего из-за ее беззаветной преданности и крепкого здоровья. В шутку он говорил ей: "У тебя не голова, а котел". Правда, она много не рассуждала, зато была предана не на словах, а на деле. Кто бы мог перенести все то, что она перенесла!

Итак, отец Николай и Ульяша оказались в Петербурге. Это было время, когда появилась так называемая Живая Церковь. Ходя по городу, отец Николай с Ульяшей кругом обходили, где стояли живоцерковные храмы. Оба они с интересом осматривали дворцы, и это не только в Петербурге, но ездили в Царское Село, Петергоф, и прочее. Однажды они вошли в церковь, близкую от их жилья. Тут на отца Николая с криком гневно набросилась бесноватая: "Ах ты, плешивый, ах ты, плаксивый – и сюда ты явился мучить нас?" Кругом стоявшие люди недоумевали, глядя на скромную фигуру отца Николая, одетого в простое крестьянское платье. Но скоро люди почувствовали, что перед ними находится не совсем обыкновенный человек, как ни старались изгнанники держаться в тени. Вот пример. Отец Николай лежал в тот день больной. Раздался звонок. Ульяша открывает дверь и видит – на пороге стоят цыгане. "Здесь живет батька, который гадает?" – спрашивают они. "Нет", – отвечает Ульяша. "Как же", – говорят цыгане, – "нам ведь дали адрес: Боровая, 46. Скажите Батьке, что у нас украли лошадь". Ульяша идет к отцу Николаю и говорит: "Пришли цыгане, но вы их принять не можете. У них украли лошадь. Если вы их примете – мы пропали. Нам же нельзя никого принимать". "Хорошо", – говорит отец Николай, – "принять их нельзя, но все же скажи им, чтобы поискали лошадь у соседа". Через несколько дней цыгане снова явились, но теперь с кулками провизии. Лошадь была найдена у соседа.

Другой случай был такой. Отец Николай никогда никуда не ходил – только в церковь. Вдруг пришла женщина и умоляет его напутствовать умирающую. Против всех своих правил, отец Николай собрался и пошел, взяв с собой им почитаемую икону Божией Матери "Взыскание погибших". В мансарде на кровати лежала молодая женщина без памяти. Из уст ее струилась окровавленная пена. Двое детей горько плакали. "Деточки, – сказал отец Николай, – молитесь Божией Матери – Она услышит детскую молитву". Батюшка начал молебен с акафистом перед принесенным им образом. Слезы текли ручьями по лицу отца Николая, он буквально обливался слезами. После молебна ему говорят: "Батюшка, Вы же не прочли отходной!" – "Не нужно", – ответил он. Вскоре пришли к отцу Николаю благодарные дети и принесли ему цветы и вышитый пояс, какой носило духовенство в России. После этого пришла и сама выздоровевшая женщина. Она, хотя и была без сознания во время молебна, но чувствовала, как в нее вливается живая сила. Она стала преданной духовной дочерью отца Николая, пока он жил в Петербурге.

Вот еще достопамятный случай прозорливости отца Николая. Пришлось Батюшке с Уляшей искать новую квартиру, так как к ним стало ходить чересчур много народа. Они нашли прекрасное помещение. Уляша обрадовалась и весело заговорила: "Вот хорошо! Здесь, Батюшка, поставим вашу кроватку, здесь стол". Но отец Николай стоит бледный и ничего не говорит. Наконец, он обратился к хозяйке: "Скажите, что тут у вас произошло?" Оказалось, что здесь повесился чекист. Конечно, это помещение они не наняли.

В 1930 году отца Николая арестовали за отказ принять декларацию митрополита Сергия и посадили в КПЗ в Петербурге.

Пребывание в Петербурге, тогда – в Ленинграде, окончилось для отца Николая знаменитой "Святой ночью" – по выражению верующих петербуржцев, когда в одну ночь в арестовали пять тысяч человек из тех лиц, кто особо был предан Церкви.

Тюрьма, куда заключили отца Николая, была настолько переполнена, что несчастный иерей Божий простоял на ногах девять дней, пока один урка не сжалился и не уступил ему место под столом, где он мог лечь на пол. После этого отца Николая сослали в Соловки. Матушка Екатерина Ивановна, в сопровождении верной Уляши, предприняла далекий путь, чтобы навестить Батюшку. Когда они обе прибыли и им разрешили его увидеть, он вышел к ним бритый, исхудавший. Это было время поста. Но при передаче провизии требовалось, чтобы продукты непременно были мясными. Уляша состряпала котлеты из чечевицы, которые сошли за мясные.

После пребывания на Соловках отец Николай с другими узниками был отправлен на крайний север на поселение. Шли они пешком по тундре, переступая с кочки на кочку. Донимала мошкара. В одном месте путники заночевали в покинутой часовне. Проснувшись, отец Николай увидел, что он спал под образом "Взыскание погибших". Это его обрадовало несказанно, он почувствовал, что находится под покровом Царицы Небесной. Он лишь один дошел до места назначения, остальные не выдержали и умерли в пути.

Уляша, жертвенная, как всегда, и здесь не оставила Батюшку. Она приехала к нему на телеге одна, везя корзину с провизией. Проехала тысячи верст. Путь шел тайгой. Часто она бывала поражена зрелищем колыхающегося на небе северного сияния. Сам Бог ее хранил, и она добралась благополучно. Батюшка охранялся часовыми. Уляша не потерялась. Солдат она называла Петькой, или Ванькой, хлопала их по спине, вспоминала им их собственную мамку. "Это мой дядька, – говорила она им, – он взял меня к себе, сиротку, и воспитал. У тебя тоже есть мамка – вспомни о ней! Отпусти ко мне дядьку обедать!" Разрешение давалось, и Батюшка ходил обедать к Уляше.

Наконец, в 1935 году, отец Николай отбыл свой срок наказания. Его отпустили жить, где он захочет, кроме Харьковской губернии. Взглянув на карту, он увидел, что ближайшим городом к Харькову будет Обоянь Курской губернии. Вот они едут в поезде и уже приближаются к цели. Они говорят между собой о том, что, выгрузившись из вагона, совсем не знают, что дальше делать. Их разговор услышала ехавшая с ними просто одетая особа, оказавшаяся женой ссыльного священника, которого она ездила навестить. Зорко всмотревшись, она признала в лице отца Николая духовное лицо. Матушка сообщила своим спутникам, что в Обояни существует тайный женский монастырь. Она дала им его адрес. Добравшись туда, путешественники позвонили. Им открыла двери мать привратница. Узнав, что они просят их приютить на

ночь, монахиня категорически им заявила, что это невозможно: они сами скрываются и если начнут пускать к себе посторонних, это сейчас же привлечет к ним внимание. "Все же доложите о нас игумении", – попросил отец Николай. Мать игумении не заставила себя ждать, она скоро вышла и приветливо их пригласила разделить с монахинями трапезу. Что же оказалось? В ночь их приезда явился Игумении во сне преподобный Серафим и сказал: "К тебе прибудет харьковский Серафим, ты его прими". Батюшка заплакал и сказал: "Я отец Николай". Но в действительности он был в Соловках тайно пострижен и назван Серафимом. Он не ожидал, что еще вернется в мир и что жизнь его продолжится и принял тайно монашество. В то время Уляша этого не знала, но впоследствии, уже живя в Обояни, при служении отцом Николаем литургии, она слышала, как он, причащаясь, именовал себя иеромонахом Серафимом.

Квартиру в Обояни они не замедлили найти. Отец Николай днем никогда не выходил на улицу. Только глубокой ночью он выходил на двор подышать свежим воздухом. Он ежедневно служил литургию. Проскомидия с бесконечным поминовением живых и умерших тянулась часами. Иногда ночью являлись к нему его харьковские монахини, и он так руководил их тайным монастырем.

Уляша жила в Обояни в полном послушании у Батюшки. Она была им пострижена в монашество и названа Магдалиной. Поступила она работать в госпиталь в качестве санитарки. Неожиданно пришло распоряжение: все малограмотные обязаны сдать экзамен по программе десятилетки – иначе увольнение. На несчастье, учитель русского языка на курсах при госпитале сделал предложение Уляше: она ему отказала, и он люто ее возненавидел. Отец Николай стал Уляше давать уроки. Наступили экзамены. Батюшка написал сочинение под заглавием "Утро в поселке" и приказал Уляше взять его с собой на письменный экзамен и переписать, когда объявят тему. Заданной темой было действительно "Утро в поселке". К устному экзамену отец Николай порекомендовал Уляше выучить наизусть одно стихотворение. "Когда спросят, кто его знает – ты подыми руку". О нем действительно спросили, и одна Уляша знала эти стихи наизусть. Так удалось миновать злобу учителя русского языка. С математикой было сложнее. Сам отец Николай был очень плохим математиком. Он пригласил учителя и, раскрыв учебник по алгебре, указал ту страницу, которую Уляша должна была усвоить. Спросили на экзамене именно это самое. Уляша сдала десятилетку и из санитарки стала медсестрой.

Наступило время Второй Мировой войны. Из госпиталя города Обояни отправлялся на фронт отряд медицинского персонала. В нем была и Уляша. Отец Николай должен был остаться один – старый, больной, неработоспособный, измученный тюрьмами и ссылками... На железнодорожной платформе происходила посадка медицинского персонала. Поименно всех вызывали и сажали в поезд. Осталась не вызванной одна Уляша. Поезд ушел... Уляша поспешила домой. И что же она увидела? Отец Николай стоял на молитве. Коврик, на котором он стоял, был весь мокрым от слез.

Город Обоянь заняли немцы. Солдаты были размещены по всем домам. Захватили они и домик, где помещался отец Николай. Ему было предложено спать на полу. Однако солдаты были так поражены видом Старца, непрестанно пребывающего на молитве, что не только не заняли его ложа, но даже снимали обувь, входя в его комнату, чтобы не потревожить молящегося.

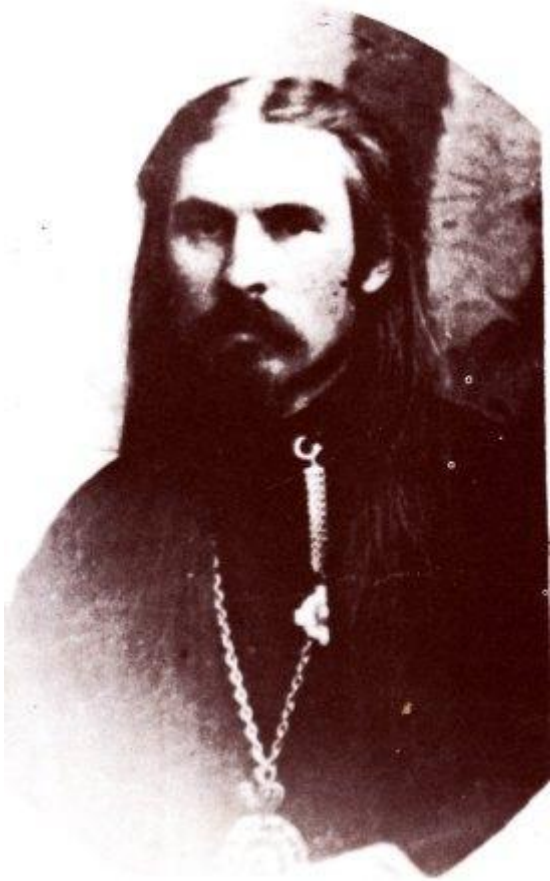
Вскоре на санитарном автомобиле он был перевезен домой, в Харьков. Здесь отец Николай совершал в своем доме Богослужения при большом стечении народа. Война кончалась. Началось немецкое отступление. Отец Николай решил двинуться на Запад,

ибо, как он говорил, большевиков он не был в силах снова увидеть. Когда он переезжал границу своего отечества, то горько заплакал. Но его уже ожидало Отечество Небесное. Жизнь его оборвалась при приезде в город Перемышль. С ним случился удар. Его положили в больницу, где он прожил несколько дней. Умер он накануне праздника Покрова Пресвятой Богородицы 30 сентября (13 октября) 1943 года.

Все произошло точь-в-точь, как он описал свою смерть в одном стихотворении, написанном лет двадцать перед этим, в бытность его в Петербурге, еще в начале революции.

В этом стихотворении описаны последние теплые дни ранней осени. Цветы отцветают. Падают на землю, шурша, осенние листья. Кротко улыбается умирающая природа, и с ней вместе кончат свои земные дни и сам священно-поэт. Как он описал, так все и произошло в действительности: стояла именно такая осень. Батюшка, который не отличался особой красотой при жизни, на смертном одре был более чем прекрасен. Лик его носил отпечаток нездешнего мира, непередаваемой словами красоты. Приоткрылась как бы дверь в желанную, нездешнюю страну, где "праведницы сияют, яко светила".+

+ Когда святитель Иоанн (Максимович) узнал незадолго до смерти, что подготавливается это жизнеописание отца Николая, он очень обрадовался и сказал, что в дни своей молодости в Харькове он хорошо знал отца Николая и очень уважал этого праведника и исповедника.

26. Епископ Онуфрий

26.

Епископ Онуфрий.

Святой закланный Агнец.

Память 19 мая/1 июня (+ 1938 г.)

"Издали явился мне Господь и сказал: любовью вечною Я возлюбил тебя".

Иер. 31, 3

"Без Меня не можете делать ничего".

Ин. 15, 5

"Богу же все возможно".

Мф. 19, 26

I.

Пока советские власти фанатично пытались искоренить Христианство и насадить на его месте нереальную, утопическую мечту о земном блаженстве – идею, осужденную Отцами Церкви столетия назад как опасную ересь хилизма – Господь воспитал людей, который способны были воплотить в реальность счастье, которое только обещают коммунисты. Сейчас, когда прошло много лет с тех пор, когда с такими разрушительными и отрицательными последствиями были опробованы мифические цели коммунизма, для каждого, кто обладает здравым смыслом, стало достаточно ясно, что это была ошибка, обман и искушение дьявола, сатанинская прелесть. Действительно, если когда-либо и были сомнения по поводу существования зла на земле, советский эксперимент с коммунизмом "научно" доказал, что зло действительно существует, и не в теории, а на практике. С другой стороны, истинное блаженство, то есть состояние глубокого счастья и спокойного удовлетворения в сердце человека, а также в обществе, в его законах и правлении – разве это тоже не реальность? Глубокая, всеобъемлющая радость, покоящаяся в груди человека и в каждом аспекте его деятельности производящая добро – это Христос! Божии святые нашли источник этого счастья. Твердо стоя на земле, не предаваясь нетерпеливым полетам фантазии, они действительно обладают истинным счастьем. Его надо искать в неразрывной цепи святости, которая коренится в Самом Христе и передается через Его учеников к нам сегодняшним.

Как раз перед тем как разразилась революция в России был целый "сон свидетелей", искавших не только своего личного счастья и счастья других в спасительном укрытии Святой Православной Церкви, но усердно трудившихся, чтобы преобразовать мирское общество, используя принципы жизни во Христе. Одним из таких благодетелей общества был епископ Онуфрий, который, отдав Христу свою жизнь, обрел истинное счастье еще в этом мире и делился им со своей братией. Люди, знавшие его и записавшие для последующих поколений драгоценные крупинки сведений о нем, все свидетельствуют о глубокой духовной радости, которую они испытывали при общении с ним – тем, кто был со Христом – и терпеливо ожидают того долгожданного момента, когда откроются Небесные врата и они снова увидят своего любимого архипастыря.

На рубеже XX столетия Россия изобиловала святыми монастырями. Почти каждый месяц возникала новая монашеская община, в некоторых из них было большое число ревностных аскетов. Начало выходить много высококачественных религиозных журналов ("Странник", "Душеполезное чтение", "Христианское чтение", "Душеполезные беседы", "Русский паломник", "Русский инок", "Кормило" и т.п.). Были очень популярны паломничества к святым мощам и отдаленным монастырям. Одним словом, распространение монашеского идеала было с охотой поддержано обществом, которое отдавало Богу своих лучших сыновей и дочерей, как жертвоприношение. И эти "жертвы" с готовностью вступали на выбранный путь и вскоре своими приобретенными Богоугодными добродетелями служили всей Святой Руси.

Литература, посвященная праведникам того времени, показывает внутренний союз, существовавший между людьми и любящим их Богом Иисусом Христом. Во множестве печатаемые повествования о жизни этих угодников Божиих давали Богобоязненной молодежи реалистический и доступный идеал, к которому можно стремиться. Одним из юношей, который рано начал стремиться к этому идеалу, был будущий святой аскет иеромонах Онуфрий.

II. Молодой епископ.

Епископ Онуфрий родился 2 апреля 1889 года. Он был сыном Максима Гагалюка и при крещении назван Антоном. Окончил Холмское Духовное училище и Холмскую Духовную семинарию. Затем поступил в Санкт-Петербургскую Духовную академию, по окончании которой в 1915 году принял монашеский постриг, был рукоположен во иеромонаха и служил в храме села Михайловское неподалеку от станции Парголово Финляндской железной дороги. С июня 1915 года преподавал русскую церковную историю в Пастырско-Миссионерской семинарии при Григорие-Бизюковом монастыре в Херсонской епархии.

Однажды, когда он посещал прихожанина, ему предложили виноград. Он отказался, рассказав при этом об одном случае, произошедшем в ранние годы его пребывания в монастыре и показывающем его аскетическое рвение. Монастырь был расположен в винограднике, и, чтобы пройти из церкви в свою келью, он должен был проходить через ряды винограда. Однажды в воскресный или праздничный день летом, причастившись на литургии, молодой Онуфрий возвращался в келью из храма со священным ощущением по принятию Таин. Его внимание привлекло обилие и аромат винограда. Он остановился. Вокруг были мир, покой, все залито солнечным светом, и в душе тоже воцарился покой... "Как чудно все, сотворенное Богом", – подумал он. Захотелось отломить и съесть кисть винограда. Но так как была еще середина лета, кисточка отрывалась плохо. Безуспешно попытавшись оторвать ее руками, он нагнулся, чтобы откусить зубами. В этот момент в голове его промелькнула такая мысль: "Он, который только что вкусил Пищи Небесной Тела и Крови Сына Божия, сотворившего мир и все в нем, унижает свое достоинство, как бессловесный скот, наклонившись и кусая". И чтобы не забывать об этом, он решил больше никогда в жизни не притрагиваться к винограду. И он выполнил это, повторив таким образом то, что сделал святой Савва Освященный, никогда не евший яблок после того, как в детстве съел украденное яблоко.

О нем молодом вспоминают, как о не очень высоком, но статном человеке приятной наружности, с длинными светлыми волосами, сдержанном и аскетически выглядевшим. Его мать вспоминала, что его "обычной едой были просфора, немного картофеля без

соли и кусок хлеба" и что ночи он проводил в молитве. Лицо его было худое, бледное, с тонкими чертами, словно вырезанное из слоновой кости или из ароматного воска – воистину лик святого.

Его речи были очень впечатляющи, особенно проповеди. Он казался таким, земным, таким доступным, таким близким людям, словно родственник, и в то же время всегда был немного отдален, отделен от прозаической части жизни – человек не от мира сего. И он был полон жизни, словно знал тайну глубокого, простого счастья, и чувствовал он сильно и глубоко. Люди сразу же ощущали его духовную силу, их притягивало его душевное тепло, и они следовали за ним в ту потустороннюю реальность, куда он вел их посредством церковных служб, где Бог близок и присутствует в Святых Таинах; они слушали вдохновляющие рассказы о Богоугодных праведниках, которые благодаря своей близости к Богу совершали чудесные деяния во имя Его, и его пламенные проповеди, которые укрепляли верующих в горячем желании следовать за Христом на Голгофу. Его собственная вера, так ясно выраженная в его словах и поступках, действовала, как искра, воспламеняющая верных. Но скоро, как оказалось, пришло время, когда вся святость, обретенная Святой Русью, была подвергнута испытанию в виду растущего беззакония и безумия богоборцев.

Кафедру епископ Онуфрий имел в церкви святителя Николая, которая впоследствии (в 1930-31 году) была разрушена, как и Вознесенская (в 1928 году). Покровская оставалась, но там позже сделали склад зерна. В недолгое его служение в 1923 году в Кривом Роге было "торжество Православия". Старые, молодые и совсем малые наполняли церковь до отказа, где он служил. Приезжали из соседних деревень и простаивали долгие службы. Многие из молодежи забыли всякие развлечения, кино, танцы, и многих его влияние удержало в дальнейшем, несмотря на окружение и агитацию от безбожия и комсомола.

Осенью 1923 года его арестовали. Когда прошел слух о его отъезде, народ бросился на станцию. Вся станция была оцеплена милицией и на перрон никого не пускали. Массы людей облепили железнодорожную насыпь перед полотном дороги. Поезд отошел от станции и еще медленно проходил перед ними. Владыка Онуфрий стоял у окна с решеткой и благословлял народ. Не поддается описанию происшедшее: в великом горе люди падали ниц, отдавая последний поклон своему архипастырю. Слезы всех и громкий плач создавали единый общий вопль, который стоял над осиротелой толпой до тех пор, пока поезд не скрылся из вида.

Находясь в ссылке в Харькове 1924–25 годах, епископ Онуфрий по поручению и благословению Святейшего Патриарха Тихона управлял Одесско-Херсонской и Елисаветградской епархиями.

В последующие годы не раз арестовывался. Содержался в Харьковской и Бутырской в Москве тюрьмах, был в ссылке в Коми-Пермяцком национальном округе. В 1929 году после ареста содержался в Тобольской тюрьме, был отправлен в ссылку в Сургут. С декабря 1929-го до следующего ареста в марте 1933 был епископом Старооскольским. С июня 1933 года – архиепископ Курский и Обоянский. В июле 1935 года вновь арестован. Последней его тюрьмой стала тюрьма города Благовещенска Хабаровского края, в которой 1 июля 1938 года он был расстрелян.

Следует отметить, что прекрасный одесский собор, который, в конце концов, взорвали, был в те годы закрыт коммунистами. После обычного процесса снятия крестов и тому подобного двери заколотили, и долгое время он оставался в таком состоянии. Одна студентка университета, которая жила поблизости, случайно заметила, что иногда в

глухую ночь внутри мелькал огонек. Проследив за происходящим, она обнаружила, что там совершают свои отвратительные "черные мессы" сатанисты. Проводя дальше свое смелое расследование, она убедилась, что коммунисты, открыто пропагандируя атеизм, в действительности – антиатеисты и практикующие сатанисты (как стало известно всем после прихода немцев). Это также видно по их ненависти к Церкви, иконам, крестам, монашескому и священническому одеянию – по всему, что напоминает им о Боге, которого они ненавидят (см.: "Православный путь", 1960 г., стр. 89).

III. Борец против обновленчества.

Мать епископа Сиэттлийского Нектария была духовной дочерью оптинского старца Нектария, с благословения которого была позднее пострижена в монахини. Хотя в двадцатые годы уже мощно действовали антихристианские силы, еще было возможно, хотя и с большими трудностями, связаться с оптинскими старцами. И она была в постоянном контакте с ними, живя в то время в Харькове. Ее сын Олег (будущий епископ Нектарий) был тогда мальчиком, прислуживал в алтаре. Он вспоминает следующее: "Епископ Онуфрий прибыл в Харьков в разгар борьбы православных с "Живой Церковью" и сразу же доказал, что он – истинный столп Православия. Первое впечатление о нем было у всех, что этот человек – не от мира сего. Он был очень худой и бледный, словно у него был туберкулез. Был великий аскет, что видно было в каждом его жесте и в глубокой сосредоточенности, самоконтроле и постоянной молитве. Когда он входил в алтарь, одно его присутствие устанавливало полную тишину даже среди самых шумных прислужников. Это было, как будто входил святой. Во время Богослужений для него не существовало ничего, кроме молитвы. Много раз у меня была возможность помогать ему в алтаре. Он служил с исключительным благоговением. Воистину стоял пред Богом, когда совершал литургию, полностью погруженный в молитву. Во время служб требовал абсолютной тишины. Однажды, когда стоял на кафедре во время Божественной литургии в церкви, полной народа, какая-то сумасшедшая женщина несколько раз выкрикнула: "Владыка Онуфрий", что эхом отдалось по храму. Люди стали выталкивать ее из храма, а она продолжала медленно и протяжно кричать: "Владыка Онуфрий". У Владыки была такая выдержка, что он даже глазом не моргнул, продолжая стоять, словно по стойке "смирно" перед Самим Богом. Он служил так, как будто пребывал в другом мире. Нам часто казалось, что он присутствует здесь лишь телесно.

Он жил в Харькове не более двух-трех лет, и за это время все прониклись к нему большой любовью и уважением. Моя мать была духовной дочерью оптинского старца Нектария. Но поскольку Оптина была очень далеко от Харькова, а времена были тяжкие, возникало много вопросов, которые она не могла задать старцу Нектария. Она обратилась к епископу Онуфрию, и он начал довольно часто посещать наш дом. Он также глубоко уважал и почитал святого старца Нектария Оптинского и мог ответить на многие его вопросы, которая моя мать во время поездок туда привозила от Старца. Я был тогда слишком юн, чтобы все понять и запомнить.

Недалеко от Харькова была Свято-Николаевская обитель, она была закрыта коммунистами, и все монахини вынуждены были ее покинуть. Игуменья снимала в Харькове несколько домов, где они жили, соблюдая монашеский устав. Епископ Онуфрий также жил там. Он посещал трапезы, проводил беседы, и вообще его присутствие очень их поддерживало в те жуткие времена гонений.

Советы использовали Живую Церковь в качестве своего оружия, и по всей южной

России оставались только две маленькие церкви, бывшие истинно православными, остальные были разрушены, закрыты, преданы на поругание или отданы Живой Церкви. Таким образом, маленькая церковь на окраине Харькова бывала не только полна православными верующими, но одно время имела двадцать четыре священника, совершавших службы. Эти священники были, конечно, из закрытых церквей или переводились с одного места на другое. Так, они были бездомные, и епископ Харьковский Константин дал им пристанище. Епархия епископа Онуфрия была в Елисаветграде, и его резиденция в Харькове была лишь временной.

Следующий случай показывает епископа Онуфрия как любящего пастыря, строго блюдущего чистое Православие. Однажды к нему пришел священник из Живой Церкви и попросил владыку Онуфрия принять его обратно в лоно Православия. На это Владыка ответил, что это не в его власти и посоветовал ему ехать в Москву к патриарху Тихону, а пока позвал игумению и благословил ей принять бедного голодного священника со всей любовью, пригласить к трапезе, обогреть и снабдить всем необходимым для поездки в Москву. Но сам он не стал выходить к трапезе, чтобы не молиться вместе со священником "Живой Церкви".

Духовная дочь епископа Онуфрия, которая сохранила для нас один из его портретов и прекрасное стихотворное посвящение ему, вспоминает о нем следующее:

"В годы, когда епископ Онуфрий был в Харькове, он посетил одно антирелигиозное собрание в оперном театре на улице Рымарской. Епископ Онуфрий, отвечая одному оратору-атеисту, спросил его: "Христа продали за тридцать сребреников, за сколько Вы продали Его?" Этот вопрос вызвал в зале такую бурю, что собрание невозможно было продолжать и всем велено было расходиться. Вопрос о настоящей причине атеиста был ясен!

Когда епископа Онуфрия посадили в харьковскую тюрьму, советские власти заплатили одному пьяному преступнику, чтобы тот убил его. Преступник, ворвавшись в камеру с топором в руке, столкнулся с епископом. "Чего ты хочешь?" – Спросил Владыка. – "Убить тебя". – "Что я тебе сделал? Ну, давай, убей меня". Но сам вид святого так повлиял на совесть закоренелого уголовника, что он был тронут до слез. Он бросил топор и, обливаясь слезами, сидел у ног епископа, а тот говорил ему о Христе. Такая картина предстала перед глазами тюремщиков, когда они вошли. Так преступника и заперли в одной камере с епископом".

Дети-мученики Харькова.

Во время пребывания епископа Онуфрия в Харькове там случился пожар в новой гимназии Батурина на улице Маскалова. Мать троих детей, которые ходили в эту гимназию, рассказывала следующее.

В канун Благовещения, 25 марта, администрация этой школы – атеисты специально устроили показ антирелигиозных фильмов с угощением. Были приглашены все школьники и дошкольники. Во время показа фильма, направленного против Божией Матери, раздался крик: "Пожар! Дети, бегите, спасайтесь!" Горела вся будка кинемеханика. Началась страшная паника, полный беспорядок. Деревянная лестница уже тоже горела, и в ужасе и отчаянии дети стали прыгать из окон четвертого этажа. На улице под окнами росла гора детских тел. Прыгнувшие первыми все были мертвы, но дети той женщины остались живы, потому что упали сверху на погибших. Узкая

Батури́нская аллея была завалена трупами, а толпа охваченных паникой сбежавшихся людей мешала пожарным. Эта мать, прибежавшая к школе, увидела свою старшую дочь Веру, державшую вместе с другими детьми полотно, на которое из окон прыгали другие. Охваченная ужасом мать стала искать двоих младших детей в страшном смещении живых и мертвых и вскоре увидела туфли самой младшей дочери – Люси. Вытянув ее, всю в крови и саже, увидела, что та жива. Жив оказался и сын Виктор. Бог спас их. Через два дня состоялись общие похороны жертв пожара, конечно, без священников. Вдоль всей длины улицы Маскалова были открыты двери всех жилых домов, и по мере продвижения похоронной процессии из каждой двери выносили два, три или четыре маленьких гробика и вливались в процессию. Говорили, что многие родители, потерявшие своих детей в этом пожаре, повредились в уме. Ввиду слухов, ходивших по Харькову о причине этой катастрофы, глава НКВД опубликовал статью, в которой предупреждал, что распространители "лживых слухов" будут наказаны. Общее число детей, погибших в этом пожаре, никогда официально не сообщалось. Эти невинные страдальцы стали жертвами коммунистической чумы, и их кровь, как кровь Авеля и Вифлеемских младенцев, взывает к Небу.

IV. Прозорливый пастырь.

После окончания очередной ссылки в 1929 году епископу Онуфрию было запрещено проживание в крупных городах с прикреплением к определенному месту жительства, чтобы ограничить его влияние на людей; и он выбрал мелкий провинциальный город Старый Оскол, где, хотя и под надзором, пользовался относительной свободой. Его славу святого запечатлела для нас женщина, жившая позже в Нью-Джерси, в США Мария Мостыко.

Старый Оскол – это древний городок, расположенный на вершине невысокого холма, раньше он был известен своими прекрасными церквями. Большевики разрушили все эти церкви. На их месте ничего не было построено, в некоторых местах остались полуразрушенные старые стены, грозящие обрушением на неосторожных прохожих. Город был окружен пригородами и деревушками, большинство церквей в которых были закрыты или использовались как зернохранилища.

"В конце двадцатых годов я жила с родителями рядом со Старым Осколом в Курской области. Мы часто ходили в город навестить мою старшую сестру, которая училась там до 1929 года. В соседнем доме от того, где жила моя сестра, у меня была подруга. Во время одного из таких визитов подруга моя, узнав, что мы пришли, прибежала к моей сестре и стала просить меня пойти вместе с ней в церковь святителя Николая, где в тот день служил святой иерарх епископ Онуфрий. Мы пришли в церковь, и меня сразу поразила внешность епископа: он был худой, высокий, с бледным, почти прозрачным лицом и очень похож был на Христа, как Того изображают на иконах. Он служил размеренно, без спешки. Церковь была заполнена людьми, молившимися с глубокой сосредоточенностью. Но что больше всего меня поразило, так это то, что, когда после литургии я подошла к епископу вместе с другими под его благословение, он назвал меня по имени, хотя никогда прежде меня не видел.

На следующий день я были свидетелем большого чуда: когда епископ поднял потир во время освящения Святых Даров, вдруг громко закричал ребенок. Оказалось, что этот ребенок, сидя на руках у матери, стоявшей напротив алтаря, увидел через Святые врата, что епископ весь охвачен огнем, поэтому он и закричал, прижимаясь к матери: "Мама, смотри! Священник сгорит – он весь в огне!" Ребенок долго не мог успокоиться,

повторя одно и то же, хотя мать уговаривала его, что никакого огня нет. Все в церкви слышали крики ребенка, но не видели никакого огня. Когда после окончания литургии мать подошла к епископу за благословением, она сказала ему, что произошло, но тот, в смиренном своем, сказал, что это было просто в воображении ребенка.

Некоторое время спустя, в конце тридцатых годов, одна благочестивая женщина, которая неизменно каждый день посещала церковь, рассказала мне и моей свекрови о чудесном исцелении, полученном ею через заступничество епископа Онуфрия. Эта женщина страдала от сыпи, которая не только вызывала боль и зуд по всему телу, но и заставляла ее жить в полной изоляции, так как была чрезвычайно заразной. Две монахини, навещавшие ее, заразились. Лечение медикаментами не приносило никакого облегчения. В таком состоянии она не могла позволить себе навещать епископа Онуфрия, боясь его заразить, но, услышав об исцелениях, происходившим по его молитвам, наконец, набралась смелости написать ему письмо – как святому. Однажды она встала на колени перед иконой Святой Троицы, которая висела в углу над ее кроватью, и долгое время со слезами молилась Богу, взывая также к епископу как к Божию угоднику, даровать ей исцеление. Устав от молитв, заснула прямо на полу. В полудреме ей виделось, что епископ рядом с ней и вместе с ней молится перед святой иконой, потом он снял икону со стены, трижды благословил ее, снова повесил икону на место и исчез. Тут она проснулась. Она увидела, что икона и все остальное на своих местах, но сразу почувствовала, что полностью исцелилась от болезни: она не чувствовала зуда, не видела никаких язв. Была абсолютно здорова! Одновременно с ней исцелились и две сестры – монахини, которые от нее заразились. Она помылась и сразу же побежала к епископу поблагодарить за чудесное исцеление. После этого чуда каждый день посещала храм Божий, не пропуская ни одной службы".

Вот еще несколько случаев – свидетельств прозорливости епископа Онуфрия.

1) У одной молодой девушки, которая часто ходила в церковь и очень любила службы, совершаемые епископом Онуфрием, был жених, живший далеко от нее. Время от времени он наезжал в Старый Оскол. Может быть, это был студент, который здесь проходил практику. Он встретил эту девушку, они влюбились друг в друга, и молодой человек обещал вернуться и жениться на ней. Епископ похвалил этого молодого жениха и сказал девушке, что для того, чтобы он вернулся и они были счастливы в семейной жизни, ей необходимо продолжать ходить в церковь, каждый день дома читать евангелие и каждое воскресенье причащаться. За три дня до назначенного времени возвращения жениха девушка заболела, епископ причастил ее, и она тихо отошла в мир иной. Мать девушки плакала и обвиняла епископа, что он не предупредил их о приближающейся горе, но епископ ответил, что если бы он сказал молодой, цветущей, здоровой девушке, что она скоро умрет, то она могла бы впасть в отчаяние и лишена была бы Царствия Небесного. А поскольку она провела это время, посещая церковь, исповедуясь и причащаясь, то обручилась с Самим Небесным Женихом, Который взял ее к Себе.

2) В церкви села Ямское служил старый священник, отец Иоанн, которого очень угнетало преследование Церкви – закрытие церквей, аресты священников. Чтобы утешить его, Владыка сказал ему, что он будет служить в этой церкви до самой смерти. Батюшка поверил словам прозорливого епископа, и все прихожане радовались этому. Однако вскоре отец Иоанн был арестован вместе с другими священниками; некоторые были расстреляны, а других, отца Иоанна в том числе, посадили на поезд и отправили в ссылку. Старый священник был совершенно измучен дорогой, и, по неизреченной милости Божией, начальство сочло, что он безнадежен, и его со словами: "Пусть там умирает, зачем нам труп везти?" выбросили его из поезда. Мимо случилось проходить

нескольким крестьянам из ближней деревни, и, узнав в нем по внешности священника и обнаружив, что он еще жив, они позаботились о нем, говоря, что Господь послал им Своего ангела. Отец Иоанн поправился, вернулся в свое село и продолжил служить в церкви до прихода немецкой армии. Когда стало известно, что отец Иоанн умер в Ямском, люди, настроенные скептически, когда отец Иоанн был арестован и выслан, теперь убедились, что епископ Онуфрий действительно прозорлив.

3) Когда я жила в Старом Осколе во время Второй Мировой войны, то часто ходила покупать молоко у одной женщины, державшей корову. Однажды, когда я, как обычно, пришла к ней за молоком, то услышала стоны ее больного брата, у которого ноги почернели до колен и причиняли ему мучительную боль. Меня поразило, как эта женщина кричит на своего брата-страдальца и проклинает его. У этого брата раньше было свое жилье, но он его потерял, а в больницу его не брали, потому что больницы были переполнены ранеными. Я начала стыдить ее, напоминая, что так обращаться со своим больным братом – не по-христиански. Но она продолжала его клясть и угрожала, что выбросит на улицу, как собаку, потому что он заслуживает еще худших страданий. Объясняя это кажущееся жестоким отношением, она рассказала мне такую ужасную историю про своего брата. Он был коммунистом и работал палачом в НКВД. Ему хорошо платили, у него была чудесная квартира. Его работа состояла в расстреле священников и других осужденных. Он даже хвастался, что получает по пятьдесят рублей "за каждый затылок". (У Советов было в обычае заставлять осужденных поворачиваться к палачу спиной, и он стрелял им сзади в затылок.) Ее брат надеялся убить и епископа Онуфрия, за которого рассчитывал получить сто рублей, но епископ предсказал: "Он не увидит моей смерти – я умру в ссылке, но он будет жестоко наказан за свои злодеяния". И так его слова исполнились.

4) Я часто видела одного священника, который отказался от своего сына и стал атеистом, чтобы угодить большевикам. Он даже богохульствовал и клеветал на епископа Онуфрия. Владыка предсказал, что, если он не покается, то примет ужасную смерть. Ну, и, как вы думаете, что случилось? Он упал с лестницы второго этажа. Благодаря его атеистической пропаганде ему назначили хорошую пенсию. Вскоре после этого случая он снова упал с той же самой лестницы и разбился насмерть, оставив жену с тремя маленькими детьми.

5) Однажды Владыка ехал на очень малой скорости, потому что вокруг его экипажа собралась целая толпа. Один студент-атеист, много слышавший о епископе, протолкнулся поближе, чтобы взглянуть на него. К его удивлению, епископ, заметив его в толпе, ласково кивнул ему и осенил крестным знаменем. Позднее этот студент уверовал в Бога и пожелал стать священником. Потом его арестовали, выслали и расстреляли, как сообщили друзья его родителям, вернувшимся из ссылки.

6) В Стрелецкой слободе Старого Оскола была церковь в честь чудотворной Казанской иконы Божией Матери, которую большевики планировали использовать под зернохранилище. Прихожане горячо молились и просили молитв епископа Онуфрия, чтобы их церковь была спасена от осквернения. Они спрятали свою местную чудотворную икону и со страхом ожидали, что случится с ними дальше. Епископ помолился и сказал прихожанам, что им не стоит сокрушаться, так как церковь не будет использоваться под зернохранилище. И действительно, когда начальство пришло проинспектировать церковь, они подняли часть половых досок, и им показалось, что под полом клубятся миллионы червей, когда в то же время присутствующие в церкви прихожане никаких червей не видели. Советские чиновники подали рапорт, что использовать церковь в качестве зернохранилища нельзя ввиду ее неподходящего состояния, и таким образом церковь была сохранена, хотя ее закрыли. Церковь стояла

закрытой до прихода немцев, а после этого ее сразу открыли, и возобновились церковные службы.

Так же замечательно и другое чудо, о котором сообщили очевидцы. Начальство было недовольно тем, что на службы владыки Онуфрия в Старом Осколе приходит так много людей, и решили его вызвать и запретить ему проводить миссионерскую деятельность в таких масштабах. Когда епископ Онуфрий вошел в кабинет, он с изумлением увидел, как эти советские начальники вскочили с мест, словно их дернуло током, срывая при этом с голов шляпы. Когда епископ ушел, они стали упрекать друг друга и спрашивать каждого, почему он вскочил и снял головной убор. Между собой они договорились, что во время следующего визита епископа останутся сидеть на своих местах, не снимая головных уборов. Однако из этого ничего не вышло: когда епископа Онуфрия снова вызвали в их кабинет, случилось то же самое. Епископ, войдя, сказал им, чтобы они подняли с пола свои шляпы и оставались сидеть. Чиновники нервно возразили: "Нет, нет, мы можем немного постоять, а Вы, пожалуйста, садитесь, отдохните немного, а потом идите домой; когда Вы снова потребуетесь, мы за Вами пришлем".

Владыка Онуфрий приехал в Старый Оскол со своей матерью. Там он попал под надзор НКВД, ему запретили посещать дома прихожан, даже больных, что его очень огорчало. Убедившись, что невозможно держать свет "под спудом" даже в глухом углу, что люди приходят издалека, чтобы повидать своего любимого архипастыря, безбожные власти снова арестовали Владыку и выслали его. Его мать умерла вскоре после его высылки из Старого Оскола.

Любящие прихожане начали посылать ему посылки в тюрьму, как раньше приносили их ему на квартиру. Владыка все распределял среди нуждающихся в своем окружении. Заключение очень любили Владыку и всегда старались выполнить за него самую трудную работу. Всего епископа высылали двенадцать раз.

Потом посылки, высылаемые ему, стали возвращаться почтой назад, так что, видимо, епископ был уже не на земле, а в Небесном Доме вместе с остальными российскими новомучениками, пострадавшими от коммунистов-богоборцев.

V. Дорога в Дальлаг НКВД.

В июле 1935 года епископ Онуфрий был вновь арестован, а в марте 1936-го отправлен этапом в Дальлаг НКВД в Дальневосточный (Хабаровский) край.

Чтобы добраться туда, потребовалось более девяти месяцев. Заключение, как скот, набили в товарные вагоны и везли под охраной вооруженных надсмотрщиков. На каждой остановке на крышах и под вагонами проводили тщательный обыск возможных беглецов. Узников, умерших на этом этапе пути, сбрасывали с мостов в реки или выбрасывали из поезда в лес. В Чите всех заключенных тщательно обыскали, несколько раз на дню проверяли по спискам, еще раз обыскивали, обшаривая все тело, и отправили в лагерную баню, где полностью обрили, не сделав исключения и для священников: один охранник держал руки священнослужителя за спиной, другой держал голову, а третий брил волосы.

На третий день всех заключенных выстроили и погнали в гавань, где посадили на баржу и отправили сперва по реке Шилка, а потом по Амуру в Благовещенск. Там они остановились на ночь, а на следующий день снова такая же переключка, обыск,

санитарная проверка и распределение по рабочим группам. Конечно, как всегда, комиссия признала всех пригодными для физического труда. В тот же день их отправили в другой лагерь на окраине города длинной колонной в более чем тысяча человек – "трудоармия", как называли своих жертв советские начальники. Проходя вдоль реки Бугунда, они увидели на высоком живописном месте, окруженном лесом, бывший Свято-Успенский монастырь (основанный в 1905 году), на вершине церкви вместо креста развевался красный флаг с каббалистической эмблемой серпа и молота. В этом лагере было уже семь тысяч заключенных. Вновь прибывших поместили в бараки, сделанные из дырявых досок и окруженные забором и колючей проволокой, по всем углам – сторожевые вышки с пулеметами. Утром, после водянистого "супа" из чечевицы, их погнали через охраняемые ворота на работу – копать землю. Некоторым трудбригадам выдали лопаты, другим кирки или тачки, чтобы возить землю. Некоторые узники годами работали там, перетаскивая землю на расстояние более километра туда и обратно.

В этом лагерном муравейнике уже было несколько епископов, некоторые из них были старше шестидесяти лет. Никто из них не скрывал своего сана, они давали советы другим узникам и всячески им помогали. Здесь, работая все дни, а иногда ночи, иерархи вспоминали слова Христа, сказанные святому Петру: "Истинно, истинно говорю тебе: когда ты был молод, то препоясывался сам и ходил, куда хотел; а когда состаришься, то прострешь руки твои, и другой препояшет тебя, и поведет, куда не хочешь" (Ин. 21, 18).

Любые церковные службы были, конечно, строго запрещены. Но у нас есть свидетельства о том, как это тем не менее делалось в традициях катакомб: людей отпевали, крестили, рукополагали в священники, даже во епископы (если были вместе несколько епископов). Как правило, все заключенные постоянно перемещались из одного лагеря в другой, поэтому иерархи должны были совершать посвящения быстро, до того, как их пошлют дальше на север, на ужасную Колыму или в "Лагерь полярной смерти".+

+Есть книга с таким названием. Автор Роберт Конквест.

Колыма – это гористый район вдоль реки Колымы, притоки которой простираются от Северного Ледовитого океана на юг к Охотскому морю у Магадана. Эти места стали известны с начала тридцатых годов двадцатого века как перспективный район промышленной добычи золота, но с середины тридцатых годов стали известны всему миру как район сосредоточения системы трудовых лагерей, где советское государство творило неопишуемые зверства. Магадан, главный порт, обслуживающий этот район, был местом большого пересыльного лагеря, и его название часто используется для обозначения всего северо-восточного края Сибири, усыпанного многочисленными лагерями смерти. В этих лагерях смерти "враги народа" трудились, как бессловесный скот, при отрицательных температурах, погибая от холода, голода и истощения обычно через короткое время после прибытия сюда из-за недостатка нормальной еды, одежды и жилых помещений. Хотя первоначально целью этих лагерей была добыча золота с использованием труда заключенных, через несколько лет они стали площадкой для истребления миллионов людей, единственное "преступление" которых состояло в том, что их образ мыслей не соответствовал атеистическому режиму. После того как их в вагонах для скота провезли через Сибирь, а потом партиями по несколько тысяч человек отправляли морем из Владивостока в Магадан или порты на побережье Северного Ледовитого океана, узников рассылали по разным местам лагерной системы,

где заставляли работать какое-то время перед тем, как предать смерти. Единственные, у кого был хоть какой-то шанс выжить, были обычные преступники, бывшие иногда достаточно сильными, чтобы вынести суровые условия. Когда они становились физически бесполезными, "контрреволюционеры" просто уничтожались – сотнями за день. С конца тридцатых до конца пятидесятих годов Колыма была, возможно, самым безжалостным концентрационным лагерем во всем мире, сравнимым с Темниковским и Соловецким лагерями двадцатых годов и лагерями Беломорканала тридцатых. В каждом из них ежегодно уничтожались миллионы людей сами образом жизни, рассчитанным на то, чтобы подорвать человеческий дух. Колыма – это воплощение советских достижений, плод хилиазма, прообраз царства антихриста на Земле.

VI. Агнец, ведомый на заклание.

Чтобы отправить на Колыму, узников набили в трюм "Сахалина" и по реке Амур отправили в Николаевск. Оттуда на кораблях американской постройки (купленными в США на золото, добытое рабским трудом на Колыме) узники пересекли Охотское море и добрались до Магадана. Высади в Охотске, заключенных под вооруженной охраной пешком погнали в дальний путь через густую тайгу до берегов реки Колымы. В лесу днем, а особенно ночью тучи злобно жалящих комаров превращали незащищенных, измученных и совершенно истощенных людей в окровавленные, опухшие, едва движущиеся тени в лохмотьях. Все выбивались из сил, чтобы не упасть и двигаться вперед, иначе охранники их просто "приколют", то есть несчастных оттаскивали в кусты и втыкали в живот острый кол, чтобы они не сбежали. Было хорошо известно, что охранник не отвечал за смерть заключенного, а за сбежавшего рисковал собственной головой.

Для подтверждения таких бесчеловечных действий давайте вспомним, что писали узники Соловецкого лагеря и лагеря Беломорканала. В то время, когда Соловки были в ведении палачей Дзержинского и Берии, туда были сосланы священник по фамилии Успенский и его сын. Сын скоро стал охранником. Он сопровождал группы узников из одного лагеря в другой; очевидно, его жестокость завоевала ему доверие в НКВД. Однажды зимой, в бурю, он должен был сопровождать группу заключенных, в которой был его собственный отец. Уже старый и больной, тот не мог идти прямо по глубокому снегу, часто спотыкался, падал, колонне из-за него, очевидно, приходилось замедлять ход. Тогда сын-негодяй велел отцу отойти с дороги в кусты и там застрелил его. Выстрелы эхом прозвучали в лесу, в соловецкой метели, под завывание северного ветра, укрывшего нового священика облачением из белого снега. Следующей весной тело протоиерея с пулей в затылке было обнаружено нетленным – святые мощи. А сын, Успенский, совершивший такое злодеяние, был награжден начальством НКВД повышением по службе и пользовался временным доверием в их среде. Следующие несколько лет он служил начальником Медвежьегорского лагеря и всех концлагерей за Онежским озером, пока его самого не расстреляли во время ежовской чистки. В его время помощником его в Повенецком районе Беломорканала был еще один жестокий негодяй, бывший старовер Иконников.

Выжившие в том страшном переходе, наконец, дошли до реки. На берегу было несколько мрачных бараков и разваливающаяся пристань для пароходов. Здесь всех узников погрузили на баржу, и небольшой парходик ("кукушка") вытащил ее на середину реки и повел вниз по течению вдоль ее золотых берегов, девственных лесов, доставляя на золотые рудники новую партию рабов, где уже десятки тысяч им подобных, приговоренных к быстрой смерти, копошились, как муравьи, день и ночь,

добывая ценой собственной жизни золотого тельца для безбожных советских идолопоклонников.

Концентрационный лагерь на Колыме в районе Магадана был таким же, как все советские лагеря: забор из колючей проволоки, вышки с вечно бдительными охранниками, вечерние переключки, скудная еда и нечеловеческие условия труда... Единственная разница была в том, что с Колымы некуда было бежать, и никто не хотел быть сожранным дикими зверями. Дни отдыха часто заменялись работой в честь какого-нибудь советского достижения или одного из тиранов, подобных Ленину или Сталину. Навигация обычно прекращалась в начале сентября, и поступление новых рабов откладывалось до весны. Люди, погибшие в течение зимы, летом заменялись новыми "врагами народа", и так продолжалось год за годом. Такой была атмосфера, в которой епископ Онуфрию довелось закончить свой земной путь.

Один из свидетелей, протоиерей Василий Архангельский, союзник священноисповедника епископа Афанасия (Сахарова) писал: "Особенно памятливы некоторые случаи, когда мы особенно скорбели о потерянном рае... возможности служения. Великая Пятница <...>, а мы на лесоповале, в болотистой чаще дремучего леса, увязаем в тину, с опасностью провалиться в так называемые волчьи ямы, занесенные снегом, и, кто попадал в них, сразу погибали. И в такой обстановке мы исповедались друг у друга... открыли друг другу все сокровенные мысли..." Многие верующие, признав в своем товарище по несчастью священника или епископа и хорошо зная, что нет никакой надежды в будущем вернуться к жизни в миру, просили постричь их в монахи, и таким образом принимали свою судьбу как монашеское послушание. Эти тайные монахи заполняли бреши в рядах видимых духовных воинов, сражающихся чистотой своих искупительных страданий со злыми силами врага нашего спасения. Мы знаем некоторых из тех, кто принял постриг подобным образом, и знаем, что их свидетельство правдиво. Там они встречали истинных святых. Кто может понять чудные видения, которые открывались этим невинным агнцам Христовым, когда их вели на заклание? Кто может сказать, какую цену платят сегодня, в наши жестокие времена, за сохранение Православия? Действительно, это их молитвами и их самопожертвованиями еще держится мир.

Здесь теряется для близких последний след земного существования епископа Онуфрия. Его святость, несомненно, привела многих в Рай. В 1938 году до его далекой паствы на юге европейской России дошел слух, что он был застрелен при попытке к бегству, но проверить это невозможно. Мало кто вернулся из советского ГУЛага.

Понятно, почему коммунистам необходимо было мучить и уничтожить такого доброго человека: зло ненавидит добро и свет, потому что они – отражение Бога. Те, кто действительно верит в коммунизм как идеалистическую философию, конечно, не могут объяснить, почему, чтобы принести счастье людям на земле, нужно было мучить и погубить такое воплощение добра и добродетели, как епископ Онуфрий. Но мы можем понять это, основываясь на православном святоотеческом учении о духовной слепоте: коммунисты причиняют такие страдания, потому что совесть у них нечиста, они сами обмануты, а их возвышенные мечты об улучшении человечества – это только мираж, скрывающий действительно убийственную суть их системы.

Пусть пример тех, кто, как епископ Онуфрий, страдал и обрел победу над слугами антихриста, спасет нас от этого ужасного обмана! Аминь.

Игумен Герман.

Источники. Palsky's Russia's New Martyrs, Vol. 2; Regelson, The Tragedy of the Russian Church; R. Conquest, Kolyma, the Arctic Death Camps; M. Mostiko, "Bishop Onouphry" in Orthodox Russia, No 6, 1972; Archimandrite Seraphim Verbin, "New Martyr Archimandrite Gennady" in Orthodox Path, 1963; personal memoirs by Bishop Nektary of Seattle, Vera Kontzevitch, Rev. Sergei Shukin, Matushka Alexandra Pawliusik. – Польский "Новые мученики Российские", т. 2; Регельсон "Трагедия Русской Церкви"; Р. Конквест "Колыма, лагеря полярной смерти"; М. Мостыко "Епископ Онуфрий" в "Православной Руси", № 6, 1927 г.; архимандрит Серафим (Вердин) "Новомученик архимандрит Геннадий" в "Православном пути", 1963 г.; личные воспоминания епископа Нектария Сиэттлийского, Веры Концевич, прот. Сергия Щукина, матушки Александры Павлюсик.

27. Священномученик Илия Четверухин

[*Вячеслав Иванович Марченко*](#)

27.

Священномученик Илия
и его матушка Евгения Четверухина.

Память 5/18 февраля (+ 1932 г.)

"Когда человек полностью отдается вечной Истине или, наоборот, полностью отвергает Ее, он больше не живет и должен умереть. Он прошел через все, что может дать эта жизнь, и созрел для будущей".

Св. Герман, новомученик.

Жизнь отца Илии тесно связана с праведной супругой, данной ему Богом, которая полностью разделила его страдания и радости. Евгения была очень благочестивой девушкой, думавшей стать монахиней, но по совету старца Варнавы из Гефсиманского скита искавшей благочестивого жениха. Родители Илии возлагали на него большие надежды, поскольку он блестяще учился в университете. Но после встречи с Евгенией они вдвоем начали серьезно читать духовные книги, он оставил университет и заманчивую карьеру и поступил в Духовную академию в Свято-Троицкой Сергиевой лавре.

Семья Евгении жила в послушании святым старцам. Ее мать знала многих старцев и часто бывала у них. Видя это, Илья Николаевич тоже пожелал иметь старца, который бы его направлял. Евгения посоветовала ему отправиться в Гефсиманский скит к старцу Варнаве. На следующий день он пошел туда. Старец встретил его по-доброму, принес откуда-то самовар и стал угощать чаем, и говорил, глядя его по голове: "Ты – мой мученик. Ты – мой исповедник". Потом дал ему несколько наставлений и отпустил. Счастливым молодой человек вернулся в гостевой дом. У него был, наконец, духовный наставник, которому он мог доверить всю свою жизнь. Вечером он пошел в церковь и с изумлением услышал, что поминают новопреставленного иеромонаха Варнаву! Каковы же были его изумление и скорбь, когда он узнал, что всего через несколько часов после того, как он ушел, старец Варнава умер. Расстроенный, он вернулся домой.

Но Господь не оставил неисполненным искреннее желание его верующей души. Через некоторое время его товарищи по семинарии предложили ему поехать вместе с ними в Зосимову пустынь, которая находится недалеко от Троицкой лавры, чтобы повидать старца-отшельника отца Алексия (позднее он будет участвовать в выборах Патриарха). Илья охотно согласился. Старец встретил их тепло и вскоре стал духовным отцом Ильи и его невесты. Когда он впервые увидел их вместе, то воскликнул: "Какой он высокий и какая она маленькая!" Действительно, Илья был очень высоким и сильным, настоящий богатырь, а Евгения была маленькой и хрупкой девушкой. С благословения старца Алексия они встречались друг с другом дважды в месяц дома у Евгении, и дважды в месяц он писал ей письмо, которое ее мать всегда предварительно прочитывала. Так прошло несколько лет.

Евгении исполнилось двадцать пять лет, и по тем временам она считалась уже не молодой. Как раз вышел новый закон, что студенты академии могут жениться. Один московский Старец, в послушании у которого была семья Евгении, пытался ускорить их свадьбу. Илья послушался Старца и пошел к родителям Евгении. Но здесь его ждало неожиданное препятствие. Отец Евгении наотрез отказался отдавать ее замуж за Илью, поскольку у него не было средств содержать семью. Илья рассердился и ушел, хлопнув дверью. Однако мать Евгении убедила его еще раз поговорить с отцом. И он должен был все время повторять, что они смогут жить на собственные средства, хотя в действительности у них была только небольшая сумма денег, которые Евгения заработала уроками музыки и с благословения матери отложила на приданое. Наконец, отец согласился. Они тихо и скромно отпраздновали свою свадьбу и сразу же отправились в свадебное путешествие в Зосимову пустынь, чтобы под руководством своего любимого старца подготовиться к принятию Святых Таин.

Вся семья Евгении очень уважала старца Алексия. Один из ее родственников, который

позднее стал монахом, часто ездил в Зосимову пустынь и снова и снова видел один и тот же сон. – Кажется, что это был какой-то праздник. Основатель монастыря отец Зосима стоял в Царских вратах и помазывал елеем всех подходивших. После помазания в свих сияющих белых облачениях они проходили прямо через Царские врата. Этот сон, особенно потому, что он повторялся так часто, и потому, что женщины тоже входили в алтарь, очень тревожил молодого человека. Наконец, когда он увидел сон в шестой раз, пошел к старцу Алексию. Старец не объяснил значение сна, а лишь спросил, много ли там было людей. "Много, Батюшка, целая толпа". – "Ну, слава Богу, слава Богу", – радостно повторил Старец.

Молодые провели в монастыре почти целый месяц. Вернувшись, они сняли жилье в Сергиевом Посаде рядом с лаврой. Жили очень бедно, но, как и обещали отцу Евгению, только на свои деньги. Матушка всегда отмечала, что за всю их жизнь она никогда ни у кого копейки не одолжила. А жили они так бедно, что в день Евгения могла положить в печку только шесть поленьев, и в доме поэтому никогда не было очень тепло.

Когда у них родился первый ребенок, они послали телеграмму сестре Евгении. Приехав, та заявила, что знала о рождении ребенка до того, как получила телеграмму. "Преподобный Серафим явился мне во сне и сказал, чтобы я вас поздравила с рождением сына по имени Сергей". И действительно, они назвали своего первого сына Сергеем, а второго Серафимом.

Отец Илия закончил академию до того, как разразилась революция. После рукоположения он недолго служил в одной бедной церкви, а потом его перевели в церковь святителя Николая в Толмачах в Москве (в этом храме в течение двадцати восьми лет в сане диакона служил его духовный отец иеросхимонах Алексей Зосимовский), где он служил до своего ареста в 1923 году.

Отец Илия был пламенным священником. Он никогда не сокращал службы. Вслух читал стихиры, которые нужно было петь, и часто читал каноны. Матушка ходила в церковь каждый день и руководила хором. В то печальное время после революции церковь святителя Николая в Толмачах была источником духовного света для многих верующих. Одна женщина, прихожанка отца Илии, вспоминает: "О, наша церковь в Толмачах, сияющая чистотой! Но там было так холодно, что ноги примерзали к полу!" Но в любых обстоятельствах Матушка все же не оставляла упования на Бога.

Так, однажды, в праздник святителя Николая, Матушка вернулась из церкви домой и, сунув руку в карман, обнаружила, что он пуст, а в этот день она обычно собирала прихожан у себя дома на скромное угощение. Матушка быстро вернулась в церковь и спросила Батюшку, есть ли у него деньги. С виноватым видом он дал ей только несколько медяков. Делать было нечего, и Матушка пошла домой. По пути она размышляла, как хорошо было бы, имей она хотя бы два рубля. Она бы купила немного гороха, немного растительного масла, еще что-нибудь, и было бы достаточно. С такими мыслями пришла домой.

Был теплый весенний день, и перед их крыльцом образовались огромные лужи. Ноги у нее были просто обмотаны тряпками, потому что в те дни обувь достать было невозможно, и в этих обмотках она стала прыгать через лужи. И вдруг заметила тщательно сложенные рублевые бумажки, которые, как две маленькие лодочки, плавали по воде. Она выудила их и стала спрашивать прохожих, не потерял ли кто два рубля. Но все отказывались. Тогда Матушка, возблагодарив Бога и повторив: "Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам", занялась приготовлением скромной трапезы.

В другой раз Матушка с Батюшкой отправились в Зосимову пустынь. В то время монастырь уже не мог кормить проходящих туда, потому что и монахом едва хватало. Но как раз в тот день у Батюшки с Матушкой у самих не было ни копейки. Все же Матушка не передумала идти, но сходила к старому псаломщику попросить, чтобы он присмотрел за детьми в их отсутствие. По пути повторяла: "Возложи на Господа заботы твои, и Он поддержит тебя" (Пс. 54, 23). Это было характерно для Матушки: слова Писания, которые для большинства людей были просто книжными словами, бездумно заучивались, для нее были живыми и реальными. Придя домой, она неожиданно наткнулась на большой предмет в льняном мешке. Матушка испугалась, что там труп, и чуть не убежала, но заметила, что предмет недостаточно велик, чтобы быть телом, и, пересилив себя, подошла к мешку. Решив, что там, возможно, подкинутый ребенок, заглянула в мешок и буквально застыла на месте: в нем было полно всякой еды – мясо, растительное масло, хлеб, словом, все, что им нужно было для путешествия. Возможно, кто-то привез это из деревни, чтобы продать в городе, но, убоявшись милиции, бросил мешок у дороги.

Конечно, не всегда бывало у Матушки так удачно, но она никогда не теряла присутствия духа. Однажды незнакомая женщина пришла к ней и предложила купить целый мешок муки за довольно маленькую сумму. С трудом, по копейке она набрала эту сумму и отдала деньги той женщине, которая привела ее на железнодорожную станцию, где, по ее словам, был склад. Придя туда, сказала Матушке подождать, пока она сходит за товаром. Матушка ждала ее несколько часов, а потом, наконец, сама пошла туда и обнаружила, что дверь крепко заперта, а внутри никого нет. Ей было тяжело возвращаться домой, где ее нетерпеливо ждали голодные Батюшка и дети. По дороге она думала о том, как следует молиться о таких людях. В конце концов, они помогают нашему спасению, в то же время, несомненно, разрушая собственные души. Войдя в комнату и встретив изумленные взгляды семьи, сказала: "Встаньте, дети. Давайте молиться: "Слава Богу за все!" Нас ограбили".

Но все эти потери были незначительны в сравнении с той скорбью, которая охватила Матушку, когда умер младший сын Ваня. Он играл со старшими детьми на улице и простудился, а, поскольку Матушка не могла ухаживать за ним все время (она каждый день пела в церкви), простуда переросла в менингит. В это самое время Матушка сломала руку. На нее навалилось все сразу: смертельная болезнь сына, сломанная рука, голод. Но она все равно умудрялась каждый день быть на Богослужениях. Страдания Вани были так невыносимы, что он сам говорил: "Мама, правда, я тоже мученик?" Он умер в один день со старцем Алексием. Отец Илия в прощальном слове сказал, что в этот день умер маленький ребенок, страдавший больше, чем взрослые, хотя и не имевший грехов. Монахиня, бывшая в алтаре, подошла к Матушке и сказала: "Дорогая Матушка, я поздравляю тебя – один твой сын уже в Раю!" К концу жизни Матушка не вспоминала про Ваню. Она говорила: "У меня было пятеро детей". А потом с виноватой улыбкой добавляла: "Я не помню всего, что было в моей жизни. Господь забрал самое трудное в ней из моей памяти".

II

Отец Илия вел аскетическую жизнь. Только две недели в году он проводил со своей семьей в деревне, где дети отдыхали, пока церковь ремонтировали и приводили в порядок. Он вообще служил каждый день, не пропуская и не сокращая ничего в службах. Вечерами после Богослужений были духовные беседы.

Матушка каждый день следила, чтобы Батюшка поел до полуночи. Он приходил домой каждый день после одиннадцати часов. Утром Батюшка, бывало, еще спал, а уже кто-нибудь из духовных дочерей прибежал посмотреть, не встал ли он (большинство в приходе составляли молодые люди). Матушка никогда не ворчала по этому поводу, а только говорила: "Вот пришла раба Божия со своим несчастьем". А потом, позднее, эта раба Божия вызывалась на клирос для беседы. Позже епископ Иоанн сказал Матушке (она ходила в его церковь после смерти отца Илии): "Твой Батюшка был моим идеалом, а ты была его верной помощницей во всем".

В то трудное голодное время они смогли сохранить красоту и великолепие в оформлении церкви и богатство облачений. Как они гордились своим Батюшкой, когда он служил в великолепном, прекрасном облачении или когда читал и толковал им труды святых Отцов. Однажды после особенно яркой беседы о святителе Иоанне Златоусте Батюшка шел вдоль клироса, и Матушка тихо сказала ему: "Он показал нам высоту смиренномудрия" (из тропаря святого).

Был 1930 год. Повсюду шли обыски, аресты, ссылки. Некоторые прихожане церкви были арестованы вместе со многими своими родственниками. Батюшку вызвали в НКВД и пообещали, что, если он откажется от сана, его не тронут. Некоторые его друзья пытались устроить его на хорошее место искусствоведа в Третьяковской галерее. Не зная, что делать, Батюшка пришел домой, и Матушка вдохновила его на исповедничество.

Скоро были именины отца Илии, пришли гости. Батюшка оживился, был очень весел, шутил. Только поздно вечером гости разошлись, но через несколько минут одна прихожанка вернулась и шепнула Матушке, что за ней очень внимательно наблюдала милиция. Матушка поблагодарила девушку и вышла на улицу. К ней подошли трое мужчин и спросили, где живут Четверухины. Матушка указала на дом, назвала номер квартиры, а сама быстро побежала домой. "Батюшка, за тобой пришли", – сказала она, войдя в комнату. Батюшка надел епитрахиль старца Алексия и прочел молитву на начало всех добрых дел. Он не успел закончить последние слова, когда раздался грубый стук в дверь. Матушка встретила их низким поклоном. "Входите". Они спешили и спросили ее, немного сконфузившись: "Это Вы показали нам дом?" – "Да". – "Ну, собирайтесь". Они в общем были не злые и позволили им попрощаться друг с другом. Пока Матушка быстро собирала все необходимое, они провели поверхностный обыск. Выходя, один из них сказал: "Ну, Матушка, Вы можете спать спокойно, мы Вас больше не потревожим". – "Как я могу спать спокойно?" – Возразила Матушка. Всю ночь она провела в молитве и слезах, но к утру все же задремала, и ей привиделась необычайно величественная Госпожа, Которая сказала ей: "Не бойся. Они ничего не сделают Батюшке в тюрьме. Я вступлюсь за него".

"У Вас действительно есть власть над тюрьмой?" – В изумлении спросила Матушка. – "У Меня есть власть везде. Не бойся, они ничего не сделают ему в тюрьме, но молись Адриану и Наталье". И с этими словами величественная Госпожа исчезла. Матушка проснулась, недоумеая, почему Божия Матерь (она поняла, что являлась именно Пречистая Дева) велела ей молиться Адриану и Наталье. Когда она прочитала их житие (память 26 августа) и узнала, что Адриан был мученик, а Наталья пострадала за сочувствие к нему, поддерживала его, ей стало ясно, почему Пресвятая Богородица велела ей молиться этим святым.

После ареста Батюшки на Матушку обрушились новые несчастья. Их выгнали из квартиры, и какое-то время они скитались, пока их не приютила одна семья. Детей

выгнали из школы. Их громадную библиотеку украли. Но самым большим несчастьем стала смерть единственной дочери. Машенька была последним ребенком в семье. Когда Матушка ждала ее, пошла к старцу Алексею, который в то время был еще жив. Он спросил: "Кто там?" И она ответила: "Грешная Евгения". – "Ты одна?" – "Нет, Батюшка, нас двое". Подойдя под благословение, спросила: "Батюшка, кто у меня будет?" – "Дочь, только тебе надо будет шить ей свадебный наряд". Матушка была удивлена: конечно, если будет девочка, надо будет шить ей свадебный наряд". И только после смерти Машеньки она поняла слова Старца – дочь ее стала невестой Христа.

Дочь умерла от простой детской болезни: ее слабый организм (ей было только пять лет) не смог бороться сразу против голода, холода и болезни. В таких обстоятельствах (в то время умерла также мать Евгении) ее поддерживало, как она сама говорила, только одно – молитва святителя Иоанна Златоуста, которую она часто повторяла: "Слава Богу за все"!

III

Из-за всех этих несчастий Матушка смогла поехать к мужу только через два года. Он был тогда в лагере в районе реки Красная Вишера. Трудно было добираться до его отдаленной деревушки по весенней распутице, но, наконец, она достигла места назначения. Она привезла отцу Илие Евангелие и бутылочку Святой воды. Евангелие у него сразу же отобрали, а бутылочкой заинтересовались: "Что это?" – "Для вас это просто вода, а для меня она святая. Это мое лекарство", – ответила Матушка. И ей разрешили отдать ее отцу Илие.

Батюшка, как сразу же заметила матушка Евгения, страшно изменился. Он не благословил ее, а, наоборот, сказал: "Здесь я больше не священник". Он выглядел измученным и сломленным. Их встреча длилась долго, и Батюшка смог все ей рассказать.

В тюрьме, куда его привезли после ареста, он был помещен в особую камеру. Маленькое помещение было набито битком, и на первый взгляд казалось, что свободного пространства нет вообще. Батюшка не знал, что делать, но кто-то ему крикнул: "Заползай под нары!" Батюшке при его высоком росте было нелегко это сделать, но, наконец, ему удалось заползти под нары и лечь там на грязный, заплесанный пол.

В такой обстановке да еще при криках и ругательствах в камере невозможно было заснуть. Батюшка вспомнил своих духовных детей и то, как они его уважали, и разразился слезами. Он рассказал также, как их вели в Красную Вишеру по насту. Тонкая корочка льда ломалась под ногами, и заключенные на каждом шагу проваливались по пояс в снег. Человек, который шел рядом с Батюшкой, сказал: "Я всегда любил лес, а сейчас я его ненавижу", и погрозил лесу кулаком. Промокшие до костей, ничего не евши и не пивши весь день, они пришли на ночевку в избу. Измученные люди моментально попадали на пол и заснули мертвым сном.

Но отец Илия не мог заснуть в глухой ночи. Из самой глубины его души вырвался стон: "Господи, почему Ты оставил меня? Я верно служил Тебе; я всю жизнь отдал Тебе. Сколько акафистов и канонов я прочитал, как усердно я служил тебе в церкви! Почему Ты оставил меня так страдать? О, Матерь Божия, о, святитель Николай, о, преподобный Серафим, все святые Божии! После всех моих молитв вам почему я так мучаюсь?"

Всю ночь он изливал душу Господу. Потом вдруг, как будто небесное дуновение тронуло душу страдальца неземным утешением, и свет веры духовно осветил его сердце и начал греть невыразимой, всепоглощающей любовью ко Христу, которую словами святого Павла, "человеку не лезть есть" выразить (см. 2 Кор. 12,4). Когда наступило утро, он был новый человек, заново рожденный, словно "крещенный огнем". И после этой ночи он больше не мог жить обычной жизнью. Он сказал Матушке: "Не думай, что даже если я выберусь отсюда, я когда-нибудь буду служить, как прежде. Старый мир ушел навсегда, и возврата нет". Мир, к которому он привык, исчез для него навсегда, ибо мелькнувшая перед его взором картина потустороннего мира была дарована ему заступничеством Пресвятой Богородицы, как Она обещала Матушке, новой святой Наталии. И для него оставалось два пути: или сдаться и стать обычным советским гражданином – рабом, или полностью умереть для этого мира. Его честный характер не позволял ему нести "иго священничества" в условиях атеистического гнета. Он понял это и выбрал смерть как союз с Животворящим нашим Господом Христом!

Уже при расставании батюшка Илия сказал Матушке: "Знаешь, я сейчас горю непрерывной любовью ко Христу. Здесь я пришел к пониманию, что нет ничего лучше, ничего чудеснее, чем Он. Я умру за Него!" Они попрощались, и Матушка отправилась в долгую и трудную дорогу обратно домой. Когда она приехала, ее ждала телеграмма. В клубе лагеря был пожар, сгорело двенадцать человек, в том числе отец Илия. Какое совпадение – само имя Илия значит "пылающий"!

После смерти Батюшки Матушка долго болела, а потом начала писать воспоминания. В это время у нее был сон. Ей привиделся, как живой, отец Петр Лагов (священник, расстрелянный за несколько лет до этого). Он сказал ей: "Дорогая Матушка, молись преподобному Сергию, преподобному Серафиму и священнику-мученику Памфилу. Давай молиться вместе: "Преподобне отче Сергие, моли Бога о нас! Преподобне отче Серафиме, моли Бога о нас! Мучениче Памфиле, моли Бога о нас!" Проснувшись, Матушка подумала, что их семья всегда почитала преподобных Сергия и Серафима и она назвала двоих сыновей именами этих святых, но она никогда даже не слыхала о священномученике Памфиле. Придя в церковь и раскрыв mineи, она обнаружила, что в этот самый день (16 февраля) память мученика Памфила пресвитера. Прочитав житие этого святого, узнала, что святой Памфил был высокообразованным пресвитером, имел огромную библиотеку и умер вместе с одиннадцатью другими мучениками, некоторые из которых были сожжены на костре.

IV

Жизнь Матушки была поле этого нелегкой. Она жила одна, без мужа, с ребенком на руках, но все-таки, как и прежде, каждый день пела и управляла хором в церкви. После смерти отца Илии ходила петь в церкви святителя Григория Неокесарийского на Полянке, где служил епископ Иоанн (Широков) и где до своего ареста, после того как закрыли храм святителя Николая в Толмачах, служил сам отец Илия. Владыка был довольно молод, не старше сорока лет. Сам строгий аскет, он требовал от певчих точного исполнения типикона. Долгие монашеские службы и интенсивная жизнь прихода не нравились властям. В 1937 году во время Великого поста за Владыкой пришли. Кто-то заранее предупредил его, и он был готов к аресту. Когда милиция попросила его на несколько минут выйти, Владыка подошел к Матушке и сказал: "Дорогая Матушка, если я через пятнадцать минут не вернусь, начинайте вечерню без меня". Конечно, он не вернулся – никогда.

Матушка очень почитала память епископа Иоанна. Она никогда не выпускала из рук четок, полученных от него. Они со временем совсем истерлись от постоянного использования. Их положили ей в могилу.

Началась Вторая Мировая война. Новые несчастья посыпались на Матушку. Один ее сын был арестован, двоих других отправили на фронт, откуда старший не вернулся. Она сама голодала. Но всегда оставалась той же спокойной Матушкой, уповающей на Бога. Однако однажды засомневалась, видя, какие несчастья обрушились на верующих, и спросила себя, не пришел ли действительно в России конец Христианства? С этими мыслями легла спать и увидела сон. Божия Матерь сказала ей: "Пока перед ракой преподобного Сергия горит лампада, Русская Церковь будет стоять". Все-таки Матушка продолжала сомневаться и помолилась: "О, Мати Божия, если это действительно Ты, пусть я увижу этот сон еще раз". На следующую ночь она увидела этот сон еще раз. Рассказывая об этом, Матушка неизменно добавляла: "А лампада все еще горит".

Прошли годы. Матушка вела прежний образ жизни. Вокруг нее всегда были люди, потому что после смерти Батюшки, выполняя его просьбу, она взяла на себя руководство его духовными детьми. В условиях, когда даже многие священники отступились от веры, она сохранила для Церкви много людей. Сразу после конца войны Матушка получила письмо от своего младшего сына – он возвращался с фронта. Все окна в ее доме были побиты, и она захотела починить их перед его приездом. Но на это требовалось, по меньшей мере, сто рублей, а у нее не было ни копейки. Как всегда, Матушка прибегла к молитве. И вот на следующий день к ней пришла молодая девушка и дала сто рублей. Матушка, конечно, была поражена таким даром от девушки, которую она вообще не знала. Но та объяснила, что ей во сне явилась ее мать, умершая некоторое время назад и бывшая раньше прихожанкой отца Илии. Она сказала: "Дай матушке Евгении сто рублей на помин моей души". И так Господь еще раз чудесным образом помог Матушке в ее нуждах.

К концу своей земной жизни Матушка получила от Бога несомненный дар прозорливости. Однажды она шла в церковь с одной из своих духовных дочерей. Своей обычной быстрой походкой прошла мимо двух деревенских мальчиков, которых видела в первый раз. Не останавливаясь, погладила их по голове и сказала: "Николай и Сергей". Ее спутница решила проверить и спросила имена мальчиков. Они действительно были Николай и Сергей.

На долю Матушки выпало уже так много испытаний, но, очевидно, Господь пожелал до конца испытать ее веру и таким образом продемонстрировать лишившемуся разума миру всю верность Его рабы. В возрасте восьмидесяти лет Матушка упала и сломала ребро. А из-за неправильного лечения ее мышцы атрофировались, и она уже не вставала с постели до самой смерти. Она лежала так десять лет, проведя время в чтении, молитве и духовном окормлении многих людей. На девяностом году жизни из-за небрежного ухода на теле у нее образовались такие страшные пролежни, что те, кто ее мыл, могли видеть не прикрытые кожей косточки позвоночника. Она очень страдала. Ее невестка (она жила со своим младшим сыном) часто дразнила ее и спрашивала: "Вот Вы все отдали Богу – и мужа, и детей, а как Он Вам отплатил?" Матушка отвечала: "Кого Бог любит, того и наказует".

В последние годы своей жизни Матушка всерьез взялась за написание своих воспоминаний. Она глубоко осознавала все значение своей судьбы и судьбы своих близких. Она любила вспоминать, что была свидетельницей многих канонизаций

святых, особенно преподобного Серафима Саровского и святителя Гермогена Московского. И часто добавляла: "И я умру, когда будет канонизация". Она не говорила, кто будет канонизирован, но, очевидно, имела в виду новомучеников, поскольку за месяц до своей смерти сказала: "Вы знаете, и мой Батюшка, и владыка Иоанн, и отец Петр Лагов, и все они – они все святые мученики", и с особым значением повторила: "Святые мученики".

За несколько дней до смерти пригласили священника, чтобы она могла причаститься. А после того как ее причастили, эта едва живая старлица вдруг ясным, четким голосом сказала: "Любимый Батюшка! Спаси Христос! Какое счастье!" Священник встал около ее кровати на колени и сказал: "Дорогая Матушка, когда ты будешь с Богом, помяни и меня, грешного".

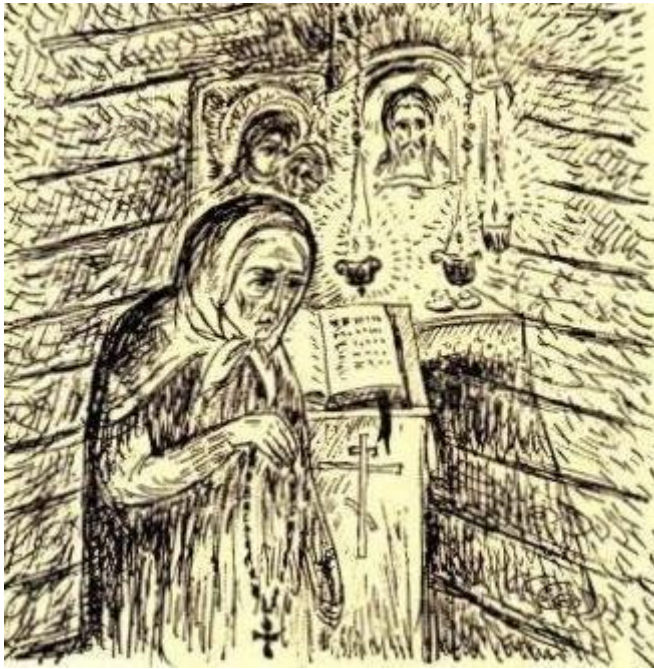
Через несколько дней после этого Матушка умерла. Ее дети и все мы стояли вокруг нее и видели то, что никогда не видели прежде и не увидим позже: ее лицо начало меняться, и из обычной скромной старушки, которой она казалась при жизни, она преобразилась в необычайно прекрасную женщину. Один из ее сыновей прошептал: "Наверно, она только что встретилась с Батюшкой". Через минуту все закончилось, душа ее отлетела, Матушка приняла обычный свой вид и умерла.

Матушка Евгения прожила долгую и чрезвычайно трудную жизнь. Она никогда не говорила громких слов, никогда никого не учила, но сам образ этой скромной, почтенной годами женщины был лучшим уроком христианского благочестия для тех, кто в наше безбожное время хочет жить по заповедям Христовым. Как и святая Наталия, которая пережила святого Адриана и почила в мире, она тоже была мученицей вместе с ее умученным Батюшкой отцом Илией.

Монахиня Мария (Эрастова).

Авва Лот, посетив авву Иосифа, сказал ему: отец мой! по силе моей я исполняю малое молитвенное правило, соблюдая умеренный пост, занимаюсь молитвою, поучением и безмолвием, стараюсь наблюдать чистоту, не принимая греховных помыслов: что надлежит мне еще сделать? Старец встал и простер руки к небу: персты его соделались подобными десяти возженным светильникам. Он сказал авве Лоту: если хочешь, – будь весь, как огонь. Не можешь соделаться монахом, если не будешь пламенеть весь, как огонь.

Алфавитный Патерик.

28. Старица Агафия Белорусская

[Вячеслав Иванович Марченко](#)

28.

Старица Агафия Белорусская
и ее служение катакомбной Церкви.

Память 5/18 февраля (+ 1939 г.)

"Течение совершил, веру сохранил; а теперь готовится мне венец правды"
2 Тим. 4, 7-8

I

Матушка Агафья – так звали рабу Божию Агафию истинно верующие христиане, которые почитали ее за Богоугодную аскетическую жизнь. Но перед тем как начать описание этой, осмелимся сказать, благословенной жизни, кратко опишем верующих, посещавших ее.

Когда в нашем Отечестве произошла революция, верующие сразу же почувствовали антихристианский дух. Многие поднялись на борьбу против сатанинской власти. Но были и такие, кто фактически не мог вступить в бой против большевизма, к ним принадлежала матушка Агафия. Будучи в возрасте примерно ста лет, она проводила ночи в молитве с верующими, молясь Богу о спасении России. Она не имела другой возможности бороться против большевиков, кроме как словом Божиим. Распространяя его среди верующих, учила их не подчиняться советской власти ни при каких обстоятельствах, даже если придется пострадать, как впоследствии случилось со многими. До революции она была известна, наверное, только немногим людям. Но во время революции и после нее, особенно в страшные тридцатые годы, она стала широко известна жителям места, где она жила, и близлежащих районов.

Те, кто пострадал от ужасов революции и гонений на истинную Церковь, не ходили в так называемую "обновленческую" церковь. Характерно, что священники, которые подчинились советскому правительству, презирали этих бескомпромиссных людей, говоря: "Что бы вы ни делали, в конце концов, вам придется придти к нам".

Сначала истинные священники (матушка Агафия называла их так, потому что они не подчинились советскому правительству) совершали Богослужения в церквях, но когда против них начались гонения, они ушли в мир и стали служить тайно. Это духовенство основало катакомбную Церковь, места служения в которой были известны только верующим. Эти священники останавливались у матушки Агафии и часто совершали Богослужения у нее. Сообщения о них распространялись среди верующих. Таким образом, матушка Агафия стала известна большой группе людей, преданных катакомбной Церкви. Во время их посещений Матушки обнаружилась ее прозорливость, которая привлекала еще больше людей, ищущих истинную Церковь.

II

Старица Агафия родилась в деревне Шарыловка недалеко от Гомеля, в западной части Святой Руси. Родилась в 20-х годах XIX века. Ее родители были простые крестьяне, очень благочестивые. Они с раннего детства учили свою единственную дочь усердно молиться. Она родилась с параличом и не могла ходить и даже вставать на ноги. Ее родителям, рано утром уходившим работать в поле, приходилось оставлять ее дома. Они сажали ее в кровать наподобие детской, со стенками, под раскидистой грушей в саду и уходили. И девочка целый день оставалась там одна. Единственное, что она могла делать – это молиться. Вечером родители возвращались и заносили ее в дом.

Однажды, когда ей было двенадцать лет, и родители, как обычно, ушли работать, а она тихо лежала в саду, неожиданно появилась Прекрасная Жена, словно сошла с икон Богородицы, и сказала: "Раба Божия Агафия, вставай!" "И я, – вспоминала позднее матушка Агафия, – стала горько плакать и сказала, что не могу встать, но с самого рождения вот уже двенадцать лет лежу". Но Жена Та повторила: "Вставай и иди. Иди в дом!" – "Но как я могу встать?" – Вопросила Агафия. Тогда Жена взяла ее за руку и подняла, и ноги у нее в этот момент стали крепкими, словно никогда и не болели. Тогда Жена сказала ей: "Возьми постель и отнеси ее в дом. Приберись в доме, все приведи в порядок до прихода родителей. Растопи печь и приготовь для них ужин. Иди в сарай и покорми скотину. А когда все сделаешь, садись на печь и тихонько их жди. Когда родители придут и попросят тебя сесть с ними поужинать, не спускайся с печи, пусть они поедят одни. Сказав это, Она исчезла. Агафия поняла, что это была Сама Божия Матерь. Позднее матушка Агафия говорила, что Богородица сказала ей и кое-что еще, но она никогда не открывала, что именно.

Тогда она от всего сердца возблагодарила Бога и в первый раз пошла на своих окрепших ногах в дом. Прибралась, подмела пол. А когда скотина – коровы, овцы, свиньи – вернулись с пастбища, она в первый раз в жизни их ласково погладила. Загнала их в хлев, подоила коров, процедила молоко, а, приготовив ужин, выгребла золу и отнесла ее в яму, поставила ужин в печь, чтобы не остыл, а потом забралась на печь и стала ждать. Когда пришли родители, они не увидели во дворе скотину. Испугавшись, что что-то случилось, быстро прибежали в сад – под грушей никого не было! Тогда побежали в дом и увидели, что их дочь тихонько сидит на печи. "Доченька, кто тебе помог туда забраться"? И она рассказала родителям, что произошло и как она все сделала в первый раз в своей жизни. И закончила: "Идите,

ужинайте". Мать достала из печи еду, поставила на стол и стала звать дочку ужинать. Но девочка не хотела спускаться, сказав, то Жена Та не велела ей слезать с печи и ужинать с ними. Но родители заплакали и запричитали, упрашивая ее спуститься, чтобы они могли посмотреть, как она, в двенадцать лет, наконец-то пошла своими ногами. Девочка не выдержала и, спустившись с печи, села за стол. После ужина, когда она хотела встать из-за стола, вдруг почувствовала, что колени ее словно приклеились друг к другу (ноги у нее вновь были парализованы), и заплакала, вспомнив, что не выполнила наказание Божий Матери.

И до конца жизни осталась с больными ногами. Девять лет непрерывно плакала и молилась. Целые ночи проводила в постели на коленях, плача и от боли, и от горя. Мать утешала ее, давая кусочек сахара. Тогда на какое-то время девочка переставала рыдать. Она была у них единственной дочерью. К двадцать одному году, слава Богу, начала медленно передвигаться сама, но не чувствовала ног выше колен.

Медленно передвигаясь, она все-таки двенадцать раз совершила паломничества в Киево-Печерскую лавру – больше чем в двухстах километрах от их деревни. Она уже старалась вести жизнь аскетическую и молитвенную. Жила в саду своих родителей в маленькой бревенчатой избушке в одну комнату, построенной для нее. А когда родители умерли, осталась одна и проводила жизнь в аскетических трудах и молитве. Матушка Агафия рассказывала нам, что она удостоилась еще раз видеть Богородицу, но не говорила, как и когда это произошло. У нее был дар прозорливости, и много людей приходило к ней как к Старице. Они обычно собирались у нее, чтобы вместе молиться Богу, читали псалтирь и пели акафисты. А после молитв матушка Агафия всегда наставляла Закону Божию.

После смерти родителей она взяла к себе мальчика-сироту, который помогал ей в работе по саду и в других делах. Она воспитала его, и он стал чтецом в их церкви. В молодости она сама всегда ходила на все службы, а когда состарилась, для нее сделали маленькую тележку и катали ее на этой "коляске" в храм, и в храме во время службы она сидела в ней. К ней приходило издалека много людей, и они с любовью возили ее в храм. Когда после революции это стала "Живая Церковь", она перестала там бывать.

Мальчика-сироту звали Андреем. Позднее он женился, построил дом, у него было четыре сына. А Матушка осталась жить в доме родителей, и однажды он сгорел дотла. С помощью Андрея и одного богатого мужика по имени Кирей, который жил в Столыпинском поместье, ей построили другую избу – прямо рядом с тем местом, где росла груша. Этот Кирей сделал для нее и гроб, который хранился в ее доме. Но и этот дом, вместе с гробом, тоже сгорел. Для нее построили еще один дом и сделали еще один гроб, и они тоже сгорели. Тогда Андрей взял ее к себе домой, а его сыновья ухаживали за ней.

III

В начале тридцатых годов оставалось очень мало истинных священников, так как многих из них сослали в концлагеря и посадили в тюрьмы. Те, кого не выслали, не могли удовлетворять религиозные потребности всех верующих. Были случаи, когда священники, подчинившиеся советскому правительству, во время Богослужений демонстративно срывали с себя церковные облачения, швыряли их наземь и во всеуслышание отрекались от своего сана и веры в Бога. Эти действия вызывали ужас в людях, часть из которых становилась атеистами, но другие стали искать катакомбную

Церковь, которая наставляла и направляла в истинно православном духе. Пропаганда атеизма тоже совратила много людей. Если некоторые из них вернулись позднее к Богу, это было благодаря молитвам таких людей, как матушка Агафия.

Верующие, жаждавшие слова Божия, посещали матушку Агафию, прося ее совета и молитв. Она давала советы всем, кто приходил к ней с чистым сердцем, но были случаи, когда она не хотела принимать людей, и через какое-то время становилось ясно, что они впали в какой-то грех. Люди, посещавшие ее, получали указания насчет того, как вести себя по отношению к советской власти. Она часто говорила: "Деточки мои (так называла она православных), не подчиняйтесь советской власти, потому что она не от Бога. Ни под каким предлогом не вступайте в колхозы. Пусть ваше добро забирают, но сами туда не ходите, ничего не подписывайте". Запись в колхозники, которые предположительно "добровольно" записывались в колхоз на 99 лет, она рассматривала, как какую-то форму антихристовой печати (если 99 перевернуть, то получаются две цифры из "числа зверя" в Апокалипсисе 13, 18). Она говорила, что им следует избегать переписи. "Прячьтесь от переписи антихриста – ничего хорошего от этого не выйдет. Особенно она рекомендовала им избегать голосования, и почти все, кто к ней ходил, избегали и голосования, и переписи.

Среди ее многочисленных посетителей было много семейных людей, у которых были дети школьного возраста. Она говорила родителям, чтобы их дети-школьники не вступали в октябрята, пионеры, комсомольцы и так далее. Также советовала, чтобы их дети не делали прививки, которые периодически делались в школах. Это объяснялось фактом, что однажды дети, зараженные во время прививки, умерли.

Касательно советской Церкви она говорила: "Это не настоящая Церковь. Она подписалась служить антихристу. Не ходите туда. Не принимайте никаких таинств от ее слуг. Не участвуйте в молитве с ними. Придет время, когда в России откроют настоящие церкви, и восторжествует истинная православная вера. Тогда людей будут крестить так, как когда-то их крестил святой Владимир. Когда церкви откроются в первый раз, не ходите в них, потому что это будут не настоящие церкви, а когда их откроют во второй раз, тогда идите – это будут настоящие церкви.+ Я не доживу до этого времени, но многие из вас доживут. Атеистическая советская власть исчезнет, и все слуги ее погибнут". Многие ее предсказания уже исполнились, а то что она говорила отдельным людям – исполнилось все.

+ После того, как почти все церкви в России были закрыты в конце 1930-х годов, церкви "были открыты в первый раз" при Сталине.

IV

Я знала старицу Агафию с юности, когда жила с родителями в деревне Дятловка примерно в шести километрах от нее. Но в 1914 году моя семья переехала поближе к Минску, километров за 35-45 от Матушки. Тем не менее, мы, деревенские девушки, часто присоединялись к пожилым женщинам в их пеших паломничествах к ней. Много людей навещало ее, и она принимала нас всех с любовью, что вызывало в нас чувства почтения и покаяния, даже слезы. Вся атмосфера, окружавшая ее, вызывала Богобоязненный, благоговейный страх.

Ее бревенчатая избушка была небольшая, но вмещала много людей. В углу комнаты

было множество икон, были большие подсвечники с горящими свечами. Постоянно горели три масляных лампы. Перед углом с иконами был аналой с псалтирью; ее читали, а часто пели.

Матушка была низенькая, вся беля, будто сделанная из воска. Глаза у нее были светло-серые и излучали свет. Она говорила очень медленно, мягко, нараспев, неспешно расхаживая при этом мелкими шажками по своему скромному жилищу. Большую часть времени она проводила за прялкой, творя при этом непрестанную молитву Иисусову. Люди приносили ей в подарок сотканный ими лен, но она отдавала его бедным и священникам на рясы. Кто бы к ней ни приходил, она всегда заставляла их пообедать или поужинать с ней, а сама ела очень мало. По понедельникам, средам и пятницам соблюдала строгий пост. Одежду носила простую, крестьянскую.

Она почти никогда не улыбалась. Любила и умела научить, и во время своих бесед часто неторопливо и торжественно осеняла себя крестом. Ее беседы были очень интереснее, обычно в форме притч, некоторые из которых оказывались предсказаниями. У нее был изумительный дар прозорливости, чему мы живые свидетели. Были также случаи настоящих чудес.

Однажды по дороге к Матушке из Дятловки я шла с группой молодых женщин, и одна из них Меланья, сказала, что Матушка, наверно, неграмотная и не умеет читать, потому что не ходила в школу, и все же она так много знает из евангелий и Библии. Когда мы пришли и немного отдохнули, Матушка, которая сидела на своей постели, сказала девушке – своей помощнице: "Мотя, достань мне книгу из сундука". Та достала ее и дала Матушке. Это была большая книга на старославянском языке. Я сидела рядом с Матушкой на ее кровати из твердых досок. Она положила книгу мне на колени и стала показывать на разные отрывки, говоря: "Они говорят, что я неграмотная, а давай-ка почитаем эту часть и эту", и она начала читать вслух.

Незадолго до ее смерти одна неграмотная деревенская женщина по имени Евгения пришла к ней и встала сзади. Матушка позвала ее и попросила почитать псалтирь. Скопфуженная женщина сказала, что не умеет читать. Но Матушка велела ей: "Бери, бери книгу. Открывай и читай". Евгения взяла книгу и, ко всеобщему изумлению, начала читать первый раз в своей жизни и так хорошо, словно делала это годами. Воистину, это было чудо.

К Матушке приходили многие священники и бездомные скитальцы, служившие в катакомбной Церкви, а также монахи из закрытых монастырей и схимники, жившие в чаще леса. Сама Матушка рассказывала о них тем, кто ее навещал. Очевидно, в ее келье совершался полный круг суточных Богослужений, что было большим утешением для лишенных Церкви. Они стекались к ней как к настоящей матери во Христе. Паломники из святых мест привозили ей освященный хлеб, который она как благословение раздавала своим духовным детям. Они привозили и воду из Святой Земли, Иерусалима и с Горы Афон, и она делилась с нами. Она велела нам в полночь зачерпывать обычной воды в ведерки и приносить ей, а сама вливала в них капли освященной воды. Так верующие, даже те, кто по тридцать лет не ходил в церковь, всегда имели святую воду. Когда, как часто бывало, приходили с обыском и видели бутылки со святой водой, то всегда думали, что там водка, и, не веря хозяевам, для проверки обязательно отпивали.

В 1935-37 годах схимник, очевидно, из закрытого Гомельского монастыря, отец Евгений, святой жизни человек, часто появлялся у Матушки ради духовного совета, а потом снова исчезал. Его искали власти. Когда в двадцатых годах появилась обновленческая "Живая Церковь", Матушка всем не советовала ходить туда, не

крестить там детей и не венчаться. Когда началась позорная "коллективизация", она говорила, чтобы не вступали в колхозы, и многие из нас ее слушали и не вступали туда. В то время ее начало посещать еще больше людей, даже колхозники, она просила нас их не впускать. Потом (в конце тридцатых годов) православных священников больше не осталось: все были арестованы и высланы, а большинство их погибло.

Одна молоденькая девушка, Галка, которая часто приходила к Матушке, как-то раз вошла, как обычно. Матушка при всех сказала, что видела сон, в котором Галка падает в глубокую яму. Скоро мы узнали, что она ушла в "Живую Церковь" к обновленцам и полностью отошла от Матушки.

В другой раз к Матушке пришли три пожилые женщины, одна из них из Дятловки. Матушка им рассказала, что видела такой сон: она хочет раздать им хлеб, но его хватает только для одной, а двоим другим уже не достается. И оказалось, что эти двое тоже ходили к обновленцам.

Коллективизация отличалась абсолютно бесчеловечным обращением с ни в чем не виноватым крестьянством, которое буквально уничтожалось. Как раз перед ней, в 1937 году, был хороший урожай пшеницы. Мы сжали ее, но перед тем, как молотить, ее надо было немного подсушить. Поэтому оставили ее сушиться в амбаре, и некоторые из нас, женщин, решили тем временем навестить Матушку и принести ей немного муки. Мы заняли муку у соседки Насти и отправились в путь. Когда пришли к Матушке и стали готовить ужин, она сказала: "Нет, деточки мои, блинов мы не поедим". Мы возразили: "Мы тебе муки принесли и блинов напечем, а дома у нас пшеницы много". Но она несколько раз повторила: "Нет, нет, не поедим мы блинов, никаких блинов". Вернувшись домой, мы к великому своему горю узнали, что председатель сельсовета Блюмкин распорядился забрать всю нашу пшеницу. А чтобы расплатиться за муку, которую мы заняли у Насти, мы отработали у нее в огороде. Так что мы действительно не поели никаких блинов.

Когда на сотни километров вокруг не осталось ни одного священника, а подошла Пасха, люди обратились к Матушке с вопросом, как и где можно освятить наши куличи и другую снедь для Пасхи. Она дала следующий совет: "Идите в лес и там в полночь начинайте петь "Воскресение Твое, Христе Спасе", "Христос Воскресе" и другие пасхальные гимны, которые поются обычно хором, а куличи положите на землю и там оставьте до рассвета. А когда на них падет утренняя роса, знайте, что они уже освящены. Сам Господь их освятил!" Так верующие и делали. Несколько семей собирались вместе и проводили пасхальную ночь в лесу, потому что собираться в домах было уже опасно. Позднее даже в лесу собираться стало опасно, поэтому мы обычно выставляли горшки с пасхальной трапезой во дворе на высокое место на всю ночь на Божие благословение. И верим, что Сам Бог благословлял и еду, и нас через молитвы нашей святой матушки Агафии.

Сразу после смерти моего пятилетнего сына Евсея я пошла со своим горем к Матушке, взяв с собой горсть земли с его могилы, потому что его похоронили без священника. Когда пришла, Матушка приветствовала меня, как всегда, с радостью. О моей утрате она уже знала. Мы с ней сами пропели на упокоение души и панихиду и улеглись на ночь. Утром матушка спросила меня: "Ты видела своего сыночка?" Я ответила отрицательно. "А я, душа моя, видела его, – сказала она. – Если бы ты только знала, как он там счастлив, то попросила бы Господа забрать и других своих сыновей". Действительно, мир иной был ей близок!

Раньше, в 1922 году, когда я как-то пришла к ней, она сказала, что ее посетил святитель

Феодосий Черниговский и сказал, что коммунисты хотели исследовать его мощи, но он восстал из гроба и пришел к ней. Вскоре стало известно, что его мощи после того как советские власти их открыли, были кем-то украдены, и их местонахождение с тех пор неизвестно.

V

Моя супруга видела часто Матушку, но я, хотя очень этого хотел, не имел такой возможности. Потом однажды Матушка прислала сказать, что хочет видеть нас обоих. Я боялся идти, потому что у меня не было документов (советские власти требовали специальное разрешение на любой уход с места жительства). А потом вдруг я увидел сон – две женщины в белых облачениях, блестящие белые волосы и нимбы вокруг их светлых голов. Я смог понять, что одна из них – это старица Агафия, но другую не мог узнать. Я мог только предположить, что это могла быть или ее мать, или, страшно сказать, Сама Пресвятая Богородица. Проснувшись, я решил идти и наконец повидать старицу Агафию, несмотря на опасность. И вот мы пошли, и по дороге все было хорошо. Когда пришли и вошли в ее маленький дом, я сразу ее узнал по сну, виденному мной. Но так и не узнал, кто была та, вторая в моем сне.

Ее жилище представляло собой довольно маленькую крестьянскую избу в одну комнату, стены были покрыты иконами, горели три лампы; ее кровать были из досок, покрытых домотканым половичком; было несколько аналоев и подсвечники с горящими свечами. Она встретила нас, сидя на своей кровати. Были люди, которые за ней ухаживали. Андрей еще жил там.

Я подошел к ней и склонился, чтобы принять благословение, но она не дала поцеловать свою руку, а положила мне ее на голову и стала целовать мою голову. Я не хотел, чтобы она это делала, говоря, что я грешник. Она подняла мою голову и сказала: "Почему, миленький, ты не хочешь, чтобы я поцеловала твою голову?" Очевидно, она предвидела все страдания, через которые мне предстояло пройти в ближайшем будущем и которые, действительно, начались после 1938 года, когда я был арестован.

Мы немного отдохнули, послушали ее приятную беседу, потом поужинали и вместе помолились Богу. С ней было хорошо, уютно, и хотелось плакать не от горя, а от умиления, того неописуемого чувства тепла и нежности, когда вашего сердца касается Божия благодать. Уложив нас спать на полу и попросив лечь у аналоя и икон, она сама, сидя на кровати, молилась Господу всю ночь, постоянно торжественно крестясь.

Утром, когда мы встали, помолились и позавтракали, я сказал ей, что у меня в Черниговской области в деревне М. есть сестра. Тогда она благословила нас идти к ней и сказала: "Идите спокойно, деточки мои, куда вам надо. Я буду молиться Богу о вас". И так мы "нелегально" прошли больше пятидесяти километров, повидали мою сестру и с Божией помощью благополучно вернулись домой. Больше мне не пришлось видеть старицу Агафию .

Старица Агафия часто встречалась с праведниками, жившими по всей округе. Многие были настоящими прозорливцами, как и она. То были или ее духовные дети, или ее духовные единомышленники, которым она посылала наших людей из катакомб для духовного наставления и утешения. Я любил их посещать и чувствовал свое духовное родство с ними: мы все стали противниками духу антихриста, овладевшего нашей, когда-то славной и святой, а сейчас обнищавшей и несчастной страной Россией.

Ксения – праведница из Лоева.

В городке Лоев на Днепре жила святая женщина, болевшая в течение тридцати лет. Ее парализовало сразу после свадьбы. Муж ее пять лет прожил с ней, но потом не выдержал и ушел. Через какое-то время он узнал, что она стала известна как прозорливая и к ней ходит много людей, и вернулся к ней. За ней ухаживали девушки и благочестивые женщины, поскольку двигать она могла только руками, ноги ее не слушались. Матушка Агафия знала ее и посылала к ней людей, так как она могла утешить страждущее сердце.

В 1940 году я с моим другом Афанасием решили отправиться в Киев купить кое-какую одежду. Поскольку пароход до Киева останавливался в Лоеве, мы решили плыть на нем. Но когда пришли в Лоев, Днепр уже быстро замерзал, и мы побоялись, что можем застрять во льду и поэтому нашу поездку в Киев решили отложить и сходить вместо этого к прозорливой больной Ксении. Но не знали, где она живет, а уже стало темнеть.

А в это самое время она попросила приготовить еду для двоих гостей, сказав, что к ней должны прийти два путника – Тихон и Афанасий. Потом она велела своему мужу идти в определенное место на улице, где он встретит двоих молодых людей, которые ее ищут. И он нас нашел, спросил, не мы ли ищем больную и, когда мы в удивлении кивнули, отвел нас к ней. Как только мы открыли дверь, она начала петь псалм, который мы хорошо знали и любили, и мы, воодушевленные всеми этими чудесами, присоединились к ней:

"Завтра, завтра в дом Закхея
Гость таинственный придет.
И, бледнее и немее,
Перед ним Закхей падет.

Мытарь смутен, беспокоен
Вскликнул встретивши Его:
Недостоин, недостоин
Посещенья Твоего!

Гость священный, Гость небесный!
Ты так светел, так лучист!
Но сердечный дом мой тесный
И не прибран, и не чист!

Где же Гостю послужу я?
Тут и там все был порок,
Тут и там, где не гляжу я,
Вижу все себе упрек.

Чем же Гостя угощу я?
Добрых дел минувших дней,
Все ищу и не найду я,
Весь я в ранах и грехах.

Был ответ: "Не угощенья,
Не здоровых Я ищу,
Завтра к чаше исцеленья
Я болящих допущу.

Завтра собственной кровью
Благодатию Отца,
Духом мира и любовь
Весь зайду я к вам в сердца.

Хоть бы вся душа истлела
В знойном воздухе грехов,
Моего вкусивши Тела
Возродится к жизни вновь".

Как в надежде чист душою,
Будто кто-то говорит:
"Завтра, завтра Гость Закхея
И тебя ведь посетит".

О, приди же, Гость священный,
С чашей жизненной Своей:
Ждет грехами отягченный,
Новый ждет тебя Закхей!"

Потом, помолясь Богу, мы ужинали, и во время ужина читали вслух духовные книги. Потом нас определили на ночлег. Когда утром мы уходили, она сказала нам не ездить в Киев, а все купить в этом городке и спокойно вернуться к своим семьям.

Праведный Парамон – мученик.

В городском поселке Брагине жил чистой жизнью шестидесятипятилетний одинокий мужчина. Родители его давно умерли, и он в их доме жил один-одинешенек много лет, проводя жизнь в постах и молитвах. Домик был небольшой и стоял на окраине, его окружал большой сад. В поселке – две церкви, и, когда они расписались в верности советской Церкви (митрополиту Сергию), он перестал в них ходить и молился дома.

Однажды в июне я посетил этот город. Я был с моим другом Афанасием – не с тем, что в прошлый раз, а с другим. Было воскресное утро, и мы шли в церковь. Подойдя ближе, увидели, что на крыше церкви вместо православного креста – красный флаг и серп с молотом. Мы пошли в другую церковь, но и она была отмечена таким же клеймом антихриста. Тогда мы решили совсем не ходить в церковь, а вместо этого навестить знакомого нам Парамона.

Он был очень рад нас видеть. Парамон был плотный, немного ниже среднего роста, с лысой головой и довольно большой бородой, еще не поседевшей. Он пригласил нас в дом, все стены которого были увешаны иконами, было много лампад, горевших перед святыми иконами. Он даже показал нам портреты Царя и новомученика Николая II. Они были спрятаны в большой кладовке, стены которой украшало много старых редких портретов. Осмотрев все, что он показал, мы вышли в сад. Он был пышный, со

множеством высоких и тенистых деревьев, изобилующих плодами. Ему как-то удалось почти до конца уберечься от колхозов и всех ужасов и лишений адской советской системы, при которой все уничтожалось коммунистической властью.

Здесь, в саду, он рассказал нам о чуде, которое наблюдал в этом самом саду как раз неделю назад. Первого июня он вдруг увидел в воздухе несколько необычно больших птиц, обвитых небесно-голубыми лентами. Пока он на них смотрел, птицы стали парить над его садом. Вдруг одна из них опустилась в сад и спросила его: "Что ты видишь, Парамон?" Окаменев, он сказал: "Не знаю". Птица молвила: "Мы летим на Восток проложить путь для Восточных Царей на Запад". И она взмыла ввысь к своей стае, полетевшей на восток. Через неделю разразилась война, а вскоре местные партизаны узнали о портретах Царя у Парамона и его образе жизни, и в этом самом саду его долго пытали, а потом убили. Он умер смертью мученика в июле 1941 года.

Новомучениче Парамоне, моли Бога о нас!

Иеросхимонах Евгений.

Много удивительных людей посещали матушку Агафию – тайные пустынники из чащи леса, схимники и странствующие бездомные катакомбные священники. Одним из таких был отец Евгений, который был родом не из наших мест. Он тайно служил в нескольких селах. Люди говорили, что он человек ученый и что Бог многое открыл ему: он давал людям весьма полезные светлы.

Он был высокий, очень энергичный, совсем седой. Должно быть, ему было лет восемьдесят или больше. Он ходил в подряснике, лишь иногда пряча его под рваной крестьянской одеждой. Когда появлялся этот святой старец, люди сразу об этом узнавали и шли к нему за духовной помощью.

Одна бедная деревенская девушка заболела опасной болезнью и, доверяя Богу больше, чем людям, хотела совершить доброе дело – принести в дар воск для церковных свечей. И дала такой обет, но не могла ничего найти, кроме нескольких метров льна для полотенец. Она принесла это Старцу, который, конечно, ничего не знал о ее обете. Когда она пришла к нему, то увидела, что в избе, где он остановился, сидят и терпеливо ждут множество людей. Как только она переступила порог, прозорливый Старец повернулся к ней и спросил: "Принесла мне, что обещала?" Расстроенная, она сказала, что у нее только ткань, а воск она не смогла найти. Улыбаясь, он принял ее дар и сказал: "Ты достанешь воск как-нибудь в другой раз".

Однажды он остановился на две или три недели в деревне на берегу Днепра у крестьянина Акима. Бог открыл ему, что местный сельсовет собирался отобрать у этого человека все сено, тулуп, лошадь со всей упряжью и другое. И отец Евгений надел этот тулуп, сказав, что он ему очень хорошо подходит и что в нем хорошо бы навестить матушку Агафию. Походив в нем немного по дому, он снял тулуп и повесил его обратно на стену. А то жена крестьянина уже испугалась, что он не вернет его. Тем временем Аким запряг лошадь, чтобы ехать к матушке Агафии. Отец Евгений вышел и сказав: "Да, поедем сейчас", сел в повозку и, показав на стог сена, добавил: "Продай все это сено и выпей. Нам оно не потребуется". Но Аким сказал: "Что ты говоришь, Батюшка, на что мы будем жить? У нас ничего не будет!" Строго и печально посмотрев на него, отец Евгений произнес: "Именно так мы и будем жить – ничего не имея!" Аким правил, ничего не понимая. Они навестили Матушку и вернулись обратно. В тот самый

момент, когда они въехали во двор, появился председатель сельсовета. Он забрал и тулуп, и сено, и лошадь с упряжью. Так исполнились все предсказания отца Евгения. Потом бедная крестьянская жена горько жалела, что они не отдали ему тулуп.

Однажды моя жена пошла с несколькими женщинами повидать матушку Агафию, чтобы послушать ее духовные наставления и помолиться вместе с ней. Идти им надо было больше сорока километров. Когда пришли, после обычных приветствий Матушка повернулась к моей жене и озабоченно сказала: "Чадо мое, иди обратно, поторопись. Тебе нужно быть дома". Жена хорошо знала, что она прозорливая, и поэтому поторопилась домой. Едва вошла в дом, как явились сотрудники НКВД арестовывать меня. Благодаря Матушке Агафье мы успели попрощаться.

VI

Все это время советские власти хотели арестовать матушку Агафию, но боялись, зная, что она прозорливая. Когда она жила у Андрея, они арестовали его жену Мотю (Матрену). Потом одна вдова, жившая со своей четырнадцатилетней дочерью в поселке Мохове, взяла ее к себе, и советские арестовали и эту вдову. Тогда Андрей забрал ее обратно, и за ней стали ухаживать его сыновья. Потом арестовали и выслали Андрея со всей его семьей. После этого дважды приходили арестовывать ее, но не могли.

Матушка Агафия больше чем за год вперед предсказала свою смерть; она говорила нам об этом и была готова к ней. Для погребения она приготовила одежду всю ярко-зеленого цвета. Говорила нам, что ее заморят голодом до смерти. Мы говорили, что ни при каких условиях этого не допустим, но она отвечала: "Деточки мои, вам не разрешат приходить ко мне. Поставят вооруженную охрану – и я умру". И все произошло так, как она говорила.

То, что она говорила верующим о советской власти, то же самое она говорила и коммунистам. Она не боялась и называла их "безбожниками – слугами сатаны". Когда в НКВД сообщили, что старуха по имени Агафья учит людей не подчиняться Советам, называя советскую власть безбожной и говоря, что она от антихриста, то четырех молодых энкаведешников послали арестовать ее и доставить в Гомель. Когда они пришли к ней домой, их охватил ужасный страх, и они побоялись ее трогать. Один говорил другому: "Забирай ее", а другой отвечал: "Нет, ты забирай", а потом сказал: "Я боюсь ее трогать, она у меня к рукам приклеится". Он говорил так, потому что было известно, что у нее ноги "склеены вместе", и они считали ее какой-то ведьмой. Ей тогда было 119 лет. И так они ничего не смогли с ней сделать.

Тогда пришел приказ уморить ее голодом. В феврале 1939 года вооруженные охранники окружили ее бедное жилище, и никому не разрешалось даже подходить близко. Охранники были там все время – день и ночь, их регулярно меняли. Прошло две-три недели.

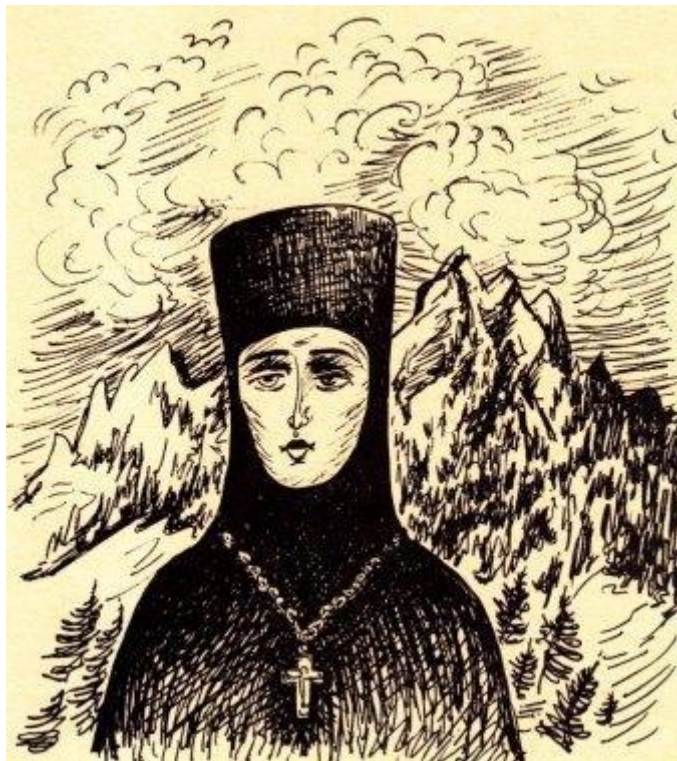
Верующие приходили, смотрели на дорогую их сердцам избушку на холме, знали, что там умирает без помощи Божия святая, помогающая стольким людям, и ничего не могли сделать, чтобы ей помочь. Стражникам велено было стрелять, если потребуется.

Потом донесся печальный крик, как похоронный звон: "Идите хоронить Агапку", ее не стало. Священника не было. Местные жители похоронили ее на сельском кладбище. Когда хоронили, мы там не были, приходило было опасно. Мы, ее духовные дети,

собрались в деревне Бурицкой в шестидесяти с лишним километрах оттуда и всю ночь, не выходя из дома, читали отпевание и пели панихиду, поскольку найти священника было совершенно невозможно. Мы, женщины и девушки, разделили между собой всю псалтирь, по одной кафизме, так что чтение продолжалось сорок дней. И так мы молились о ней Богу не только сорок дней, а весь год. Мы не забываем нашу дорогую Матушку, которая спасала нас и питала духовной пищей во время ужасного голода.

Святая мати Агафие, моли Бога о нас!

Тихон и Фекла Т.

29. Игуменья Антонина и жители пещер

[Вячеслав Иванович Марченко](#)

29. Игуменья Антонина и жители пещер в горах Кавказа.

Память 1/14 марта (+ 193-? г.)

"Тогда начнут говорить горам: падите на нас! и холмам: покройте нас!"

Лк. 23, 30

Следующий рассказ – это свидетельство подлинного члена катакомбной Церкви княгини Наталии Владимировны Урусовой, которая сама перенесла бескровное мученичество в послереволюционные годы и вплоть до Второй Мировой войны. Ее преступление было в том, что она была твердо верующей христианкой, принадлежала к дворянской семье, поддерживала "иосифлян" и была матерью сыновей-мучеников.

Во Владикавказе, недалеко от вокзала был женский Иверский Богородицкий монастырь.

В монастыре я бывала почти каждый день. Сошлась со многими монахинями, но особенно с доброй матушкой игуменьей Феофанией. Она не была образованной и, видно, происходила из крестьянской семьи, но была чудной смиренной души.

Наступил 1922 год. Прихожу я как-то к ней, и она мне говорит: "Я хочу открыть Вам один секрет, о котором, кроме меня, матушки казначеи и моей келейницы, рясофорной монахини, никто не знает. Пойдемте". Она провела меня через несколько комнат, и в последней, из которой вела винтовая лестница на чердак, сидела другая игуменья. Я сразу поняла, что это игуменья, так как у нее на груди был золотой крест. Она была очаровательна, не только ласковой, какой-то чарующей духовной красотой, но и наружной необычайной красотой. Еще сравнительно молодая. Ей нельзя было дать сорока лет, как ей было. Три месяца, несмотря на зимние морозы, ее скрывали на чердаке и только изредка спускали вниз в эту комнату, чтобы обогреться. Тайна хранилась полная. Ей носила еду и все нужное только келейница. С ней тоже мы очень скоро сошлись и тоже привязались друг к другу. Она была очень образованная, из хорошей дворянской семьи.

Она мне рассказывала свою историю [матушка Антонина (в миру Покровская Вера Александровна) – прим. ред.]. Была игуменьей женского монастыря в городе Кизляре на Кавказе. В начале революции, когда грабили все кругом, и монастыри особенно, к ним ворвалась толпа бандитов-большевиков, разорила все, ограбила и застрелила несколько сопротивлявшихся монахинь.

Когда на короткое время Кизляром овладела Белая армия, то кто-то неизвестный указал им на лиц, разоривших монастырь и убивших монахинь. Они были расстреляны. Когда же Белая армия отступила и большевики стали уже полными хозяевами положения, то стали доискиваться, кто выдал их белым. И вот ее, ни в чем не повинную, обвинили и приговорили расправиться с ней. Господь помог ей бежать ночью, и она дошла до Владикавказского монастыря, где игуменья Феофания ее и спрятала. По всему Кавказу были расклеены объявления: "Кто укажет местонахождение бывшей игуменьи Кизлярского монастыря Антонины, получит за ее голову 3000 руб. золотом". Целых полтора месяца я с ней виделась почти каждый день. Один раз в очень морозную ночь, когда сверх обыкновения лежало и снегу много, в час ночи стучат в мое окно. Все проснулись и перепугались. Кто ночью может стучать, как не ГПУ? Отвернула занавеску и глазам не поверила. Вижу в белой бараньей шубе матушку Антонину, и поддерживают ее с двух сторон мать казначея и келейница Анфиса. "Скорее, скорее отворите, – спрячьте матушку!"

Вошли. Мы погасили свет, чтобы не обращать ночью внимания, и что же услышали? Услышали о необычайном явном чуде Божиим. За несколько дней перед этим, о чем я не знала, пришла в монастырь молодая девица, назвавшаяся княжной Трубецкой. Она в слезах просила игуменью ее принять, говоря, что отца и мать ее расстреляли, имение разграбили, и она осталась одинокой в своем горе. Так подделалась и сумела войти в доверие, что игуменья по простоте душевной не только обласкала и приняла, но вскоре рассказала ей о тайне матушки Антонины. Девица тут же скрылась, это был агент ГПУ, разыскивающий матушку Антонину. В ту же ночь монастырь был кругом обложен войсками, никто не мог выйти. Пришли с обыском, требуя выдачи ее. Когда к ней прибежала келейница сообщить ей об этом, она сказала: "Ну, что же делать? Если Господу угодно, чтобы меня нашли, пусть будет так, а если на это Его воли нет, то Он закроет людям глаза и они, видя, не увидят. Пойдем и выйдем посреди них". На нее

надели шубу, пошли и просто вышли на глазах у всех красноармейцев из ворот. Командир кричит: "Кто сейчас вышел из ворот, кого вывели?" Они все слышат, так как еще были тут же, за несколько шагов, а красноармейцы отвечают: "Никого мы не видели". – "Да как же, вышел кто-то в белой бараньей шубе и две монахини ее вели". Но все отрицают и не понимают, что такое неладное с командиром. Обыскали, перевернули все и должны были уйти ни с чем. И так ее привели ко мне. Я, конечно, была счастлива, что могла ее спрятать, хотя у нас и было очень для нее рискованно находится, так как мы сами ожидали ежеминутного ареста. Я говорю: "Мне больно то, чем я смогу кормить матушку, ведь мы так плохо питаемся", а монахини говорят: "Да мы будем два раза приносить обед и ужин". Просидели они до утра, матушка Антонина осталась у нас, а они пошли в монастырь и скоро принесли ей еду, что и продолжалось ежедневно по два раза в день в течение двух недель, что у нас жила. Ее нельзя было не полюбить. Дети души в ней не чаяли, и даже муж мой, довольно вообще равнодушный ко многому, уважал и с удовольствием беседовал с ней.

В то время бывали случаи, что можно было за деньги получить тайное убежище у ингушей в горах. Монастырь хотел это сделать, но они запросили такую сумму невероятную, что и все имущество, оставленное монастырю после ограбления, не смогло бы уплатить за нее. Мы решили, что у нас она останется на Божью волю и ничего не предпринимать, тем более, что мы ее так все полюбили. Она страдала ужасно при мысли, что, если ее найдут, то ответит не только она, но и мы. Во всем ее деле было, конечно, чудо и исключительный Промысл Божий. Ведь когда ее в ночь обыска не нашли в монастыре, при чудовищной слежке ГПУ никто не проследил, куда ходят с едой два раза в день монахини.

Так прошло две недели. Я ей, в общей комнате моей с пятью детьми, отделила уголок за занавеской из марли, где была кровать; над головой – икона, и горела висючая лампадочка, принесенная из монастыря. Один раз вижу я, что матушка всю ночь, стоя на коленях, так горячо молится в слезах. Мне через марлю видно, и я спать не могла, ее душевное состояние передавалось и мне.

Рано утром она обращается ко мне и говорит: "Исполните, пожалуйста, мою просьбу. Пойдите к блаженной Анастасии Андреевне и, ничего не говоря ей другого, скажите только: "Матушка Антонина просит Вашего благословения"". Я пошла, она как всегда вышла с приветствием, назвала Марией, спросила, в чем у меня нужда. Я ей сказала, что матушка Антонина просит ее благословения. "Да! Да!.. скажи ей, чтоб ничего не боялась, что задумала и о чем молилась, пусть, пусть исполнит, пусть идет в большой казенный красный дом, пусть идет".

Я передала матушке Антонине ее ответ, и лицо ее просияло. "Я решила сама себя сегодня отдать в руки ГПУ, я очень мучаюсь тем, что вы можете ответить за меня, и если молилась и все же был страх и колебание, то теперь, после слов блаженной меня ничто и никто удержать не может". И дети, и я – в слезы. На что можно надеяться? ГПУ – ведь это непередаваемая страсть. Она ушла, простившись с нами тоже со слезами, но с удивительно спокойным лицом, как бы еще больше просветлевшим и похорошевшим. Она была в мантии и с золотым игуменским крестом на груди. Несмотря на все приказы и требования, она не снимала монашеского одеяния. Прошло немного больше часа. Все мы сидели молча, отдавшись горю, и думали о ее судьбе, как вдруг моя одиннадцатилетняя Наташа, смотревшая в окно, закричала: "Матушка идет!" Она вошла такая радостная, такая необычайно хорошая, что описать нельзя словами. Вот что она нам рассказала: "Я пришла в ГПУ, дежурный спросил, по какому делу. Я ответила, что скажу и назову себя только начальнику. Подошли другие с требованием подчиниться порядку и зарегистрироваться, а я сказала: "Передайте начальнику, что я

желаю его видеть и не ему не подчинюсь". Они пошли и доложили. Тот велел передать, что никому не разрешено нарушать закон приема; я ответила, что хочу говорить только с ним. В это время приоткрылась дверь в коридор, и начальник сам выглянул. Увидев меня, он сказал: "Пройдите". Я вошла. "Что вам угодно?" – "Вы за мою голову даете три тысячи рублей, я вам ее сама принесла..." – "Кто Вы?" – "Я – игуменья Антонина Кизлярского монастыря". Он был до того поражен, что встал и говорит: "Вы... Вы игуменья Антонина? И Вы пришли сами к нам?" – "Да, я сказала, что принесла вам свою голову". Он достал из ящика стола мою фотографию, я достала из кармана такую же. "Вы свободны... идите, куда хотите!"

Когда я уходила, он сказал: "Через год я обязан дать Вам какое-либо наказание по закону".

Никто не проследил, куда она пошла из ГПУ, никто нас не тронул. Она поселилась открыто в монастыре, где прожила год.

Впоследствии я узнала, что ее назначили на один год прислуживать в коммунистической гостинице Ростова. Она все так же не сняла ни мантии, ни креста. Ни один коммунист не допускал ее прислуживание, все относились без злобы и оскорблений и кланялись ей. В 23-м году еще возможны были такие факты, но, конечно, возможны как продолжение бывшего с ней явного чуда. Через 12 лет я встретила в Казахстане, в городе Актюбинске, где жила с высланным туда сыном, тоже с ссыльным архимандритом Арсением. Как-то я вспомнила о ней в разговоре, и вдруг он говорит: "Матушку Антонину, да я ее хорошо знаю и могу Вам о ней сообщить. По окончании срока наказания, она собрала около себя 12 монахинь и поехала в Туапсе с целью высоко в горах основать тайный скит. В то время многие монахи из разоренных монастырей надеялись отшельнически поселиться в горах для избавления от гонений большевиков. Но ГПУ было хитрее. Лесниками были поставлены сыщики и агенты, которые обнаружили все скиты и жилища отшельников, из которых почти все были на месте расстреляны. Когда игуменья Антонина поднялась на вершину большой высокой горы, то встретила с одним монахом из того скита, где был и я. Наши монахи предложили и немедленно исполнили и вырыли, как было и у нас, под корнями громадных деревьев вроде пещеры для помещения и затем оборудовали и церковь. Недолго прожили мы, с радостью помогая им в трудах. Из 14 монахов меня одного как еще юного по сравнению с другими не расстреляли, а сослали на восемь лет в дальний лагерь Сибири, по окончании восьми лет – в Алма-Ату на поселение. Игуменья Антонина и ее монахини были арестованы, но не расстреляны на месте, а куда-то увезены. О дальнейшей судьбе этой замечательной монахини ничего не знаю".

И это все, что княгиня Наталья Владимировна Урусова рассказала об этой святой игумении в своих воспоминаниях, которые вышли под названием "Материнский плач Святой Руси". Однако протопресвитер Михаил Польский, публикуя этот материал во II томе "Новых мучеников Российских" (стр. 248) добавляет к ее рассказу свои собственные воспоминания, связанные с югом России (т. III в рукописи, публикуется ниже), давая более широкую картину страданий христиан на Кавказе и освещая жизнь мучеников, до того неизвестных.

"В 1928 году или в начале 1929 года в Кавказских горах была отыскана и расстреляна группа имяславцев, монахов-подвижников, высланных с Афона после известного имяславского движения. Во главе их стоял Павел Дометич Григорович, дворянин, помещик и ротмистр из Киевской губернии, который после двадцати лет монашества по призыву в армию был на войне 1914 года и после ее окончания, в революцию

вернулся в Кавказские горы и носил имя Пантелеимона. Составитель этой книги был с ним лично знаком, как и с другими имяславцами, потому что в 1918 году во время гражданской войны и власти белых на Кубани, у кубанских миссионеров (среди которых был и он) состоялось несколько совещаний с имяславцами в целях примирения их с Православной Церковью в догматическом споре об имени Божиим. Был выработан целый ряд догматических положений, которые и были подписаны обеими сторонами. Имяславец монах Мефодий был законно рукоположен в иеромонахи для бывших имяславцев и отправлен к ним в горы. Но вскоре между ними опять произошел спор. Отец Мефодий остался верен выработанным православным положениям и покинул горы, но в дороге на одной из станций был расстрелян большевиками. Расстрелянные через десять лет после этого монахи-подвижники и пустынножители были, конечно, представлены большевиками как опасная контрреволюционная организация. В 1930 году пишущий эти строки сам пытался остаться в России и в Кавказских горах, но, повстречав пустынножителей, выяснил, что пребывание там делается невозможным: все оказались на учете в ближайших селениях, а некоторые ушли в "непроходимые" дебри и на вершины, о месте пребывания которых никто не знал. Рассказ о матушке Антонине нам объясняет, что и с последними было покончено.

Мученики Нового Афона.

Нужно упомянуть, что самым крупным монашеским центром в этом регионе был знаменитый монастырь святого апостола Симона Кананита, больше известный как Новый Афон. В 1928 году было разрушено все, что оставалось от этой истинной лавры с несколькими сотнями обитателей строгого монашеского уклада. За сравнительно короткий период своего существования, начиная с конца XIX века, монастырь обрел и великую славу, и большое богатство, он был очень хорошо устроен и был примером для других монастырей по всему православному миру. В тот год все монастырское имущество было разграблено, все порушено, и, наконец, те сто сорок монахов, которым удалось избежать арестов вначале, спрятавшись в лесу, были пойманы и доставлены в новочеркасскую тюрьму. Монахов допросили и после их отказа сделать заявление о признании ими советской власти властью от Бога установленной разделили на группы и отправили в камеры пыток в подвале здания НКВД. Там жестоко били и пытали. Ночью их вывезли за десять километров от Новочеркасска и, выстроив у стены, расстреляли. Про эту стену все жители города хорошо знали.

Все православные христиане должны помнить этих мужественных рабов Христовых, принявших за верность Ему мученическую смерть.

Святой отшельник Макарий.

Во время гонений на Церковь и ее священнослужителей в лесу в ущельях кавказского предгорья, около станции Подгорной по Владикавказской железной дороге в глуши, в 20 километрах от жилья появился старец-отшельник. Это было в 1923 году. Прибыл он из центральной России, но точно никто не знал откуда.

В глухом месте в лесу была у него выкопана пещера. Там он жил и там была у него устроена церковка. Катакомбная поистине церковь. В ней престол был сделан из камня, были иконы и бедная, но вся необходимая церковная утварь. Отец Макарий в этой

церкви совершал Богослужения, а когда о нем узнали верующие люди, стали приходить к нему. Здесь причащались Святых Таин, и совершались всякие требы. Число приходящих к отцу Макарию возрастало и дошло до того, что почти каждый день у него были молящиеся.

Отцу Макарию было около 65 лет. Это был действительно подвижник, молитвенным подвигом прославившийся и прославленный от Бога даром прозорливости. Он говорил людям их сокровенные помыслы и дела. Началось паломничество из окрестных станиц Кубани и городов. Паломников отец Макарий встречал всегда версты за две от своей пещеры и провожал их к себе. Его никто не предупреждал о приближении паломников, он сам прозревал это духом. Верующие люди находили здесь духовную отраду и окормление. Ведь в это время церковей почти не осталось во всей округе, и люди искали пастыря, как осиротевшие овцы.

До 1928 года жил в своем уединении отец Макарий. В этот страшный год большевики решили покончить с этой церковкой. Они уже знали о ней, но еще не добирались. Потом отправились на его поиски и арестовали его. Тайно не смогли забрать отца Макария. Народ узнал о его аресте и бросился к нему прощаться. Отец Макарий шел под стражей, благословлял народ, прощаясь с ним. В далекой ссылке был замучен пастырь гонимой катакомбной Церкви.

Святые, укрытые Богом.

После Второй Мировой войны в русских эмигрантских кругах ходила брошюра под названием "Почему я тоже верю в Бога". В ней автор, который раньше был летчиком и атеистом, описывает, как его отправили выследить группу монахов и священников, прячущихся высоко в горах Кавказа. Это, должно быть, было в самом начале войны. Однажды он заметил на высокогорном плато группу оборванных людей. Увидев самолет, они бросились бежать. Пилот ясно видел, как они, очевидно, направляясь в сторону своего убежища, бежали к глубокой расщелине, рассекающей плато. Добежав до бездны, они, перекрестившись, продолжили бежать по воздуху (!) и, благополучно достигнув другой стороны расщелины, скрылись из виду среди скалистых утесов. Ошеломленный летчик сразу же поверил в Бога, Который укрыл своих верных рабов от глаз злых людей, но дал ему возможность быть свидетелем этого великого чуда русских катакомбных святых ради спасения его души.

Источники. Polsky The New Martyrs of Russia, NY, 1957. Vol. 2, pp 244-249 and Vol III, manuscript; N. Urusova, manuscript. – Польский "Новые мученики Российские", Нью-Йорк, 1957, т. 2, стр. 244-249 и т.3, рукопись; Н.В. Урусова "Материнский плач Святой Руси".

30. Шестьдесят священников-мучеников

[Вячеслав Иванович Марченко](#)

30.

Шестьдесят священников-мучеников,
убитых на Качугском-Нижнеудинском тракте.

"Итак всякого, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцем Моим Небесным".

Мф. 10, 32

В 1930, 1931, 1932 годы я посещал все места Сибири, – пишет свидетель, – а в 1933 году наша поездка в город Иркутск, Нижнеудинск и Балаганск.

Город Качуг – на берегу реки Лены, двести верст от города Иркутска, с Качуга на Нижневартовск – Балаганск вел тракт. Тракт проходил исключительно по тайге, населения никакого нет, на строительстве были только заключенные. В Качугских лагерях в то время царил неслыханный произвол. Людей ни за что расстреливали, били палками, пороли нагайками, плохие бытовые условия, в бараках помещалось шестьдесят-восемьдесят человек, сплошные нары, причем двухэтажные. В случае если кто из заключенных не выполнит дневное задание, то лагерная охрана палачей имела полное право издеваться над ним и держала заключенных на производстве по целой неделе под открытым небом. Люди умирали с голоду и холоду.

Из города Иркутска на Нижнеудинск мы выехали пароходом "Бурят". С Нижнеудинска мы ехали подводами по Качугскому тракту, вернее по просеке, и сто с лишним верст отъехали от правого берега реки Ангара по направлению Качуг. В это время я работал как водомерный наблюдатель.

С 8-22 июля 1933 года наша экспедиционная партия остановилась на несколько дней, причем недалеко от концентрационного лагеря, которые в это время назывались "фалангами": "фаланга" № 35, № 3, № 9 и так далее. В том районе была более подходящая почва для сельского хозяйства, на схеме уже был обозначен совхоз. Погода стояла весьма хорошая. После ужина мы сидели до поздней ночи у костра. Мы часто слышали какие-то крики, которые эхом раздавались по тайге. Для нас было еще неизвестно, что это за крики.

Ночь была ясная и тихая, свежий сибирский воздух разливал душистый аромат таежных цветов по долине. И век не забыть мне этой долины, буду я помнить ее всегда! Наш сладкий утренний сон был нарушен каким-то унылым человеческим стоном. Все мы быстро поднялись. Начальник экспедиционной партии, уроженец города Иркутска, быстро взял в руки бинокль, другие установили два нивелира, и мы, берясь за работу, стали всматриваться в движущуюся толпу по направлению к нам; из-за кустарника трудно было понять, в чем дело.

Шло шестьдесят человек заключенных, по мере их приближения мы могли хорошо разглядеть, что все они были истощены от недоедания, от непосильного физического труда. Что же видели? – У каждого из них веревка через плечо: они тянут сани, в июле месяце – сани! А на санях стояла бочка с человеческими испражнениями!..

Сопровождавший конвой, очевидно, не знал, что на территории концентрационного лагеря находится экспедиция. Мы отчетливо слышали приказ конвоя: "Лехай и не вертуйхайся", то есть ложись и не шевелись. Один из конвоиров побежал обратно в лагерь, то есть на "фалангу", очевидно они нас посчитали подозрительными, может быть шайкой белобандитов. Б.Н. почему-то быстро определил положение заключенных и сказал: "Мы продлили им жизнь на несколько минут". Первоначально мы этих слов не поняли. Быть может, прошло 15-20 минут, и мы были окружены взводом лагерной охраны. К нам приближались стрелки, винтовки держа на боевом взводе, как будто собирались вступить в штыковой бой. К нам подошли командир взвода и политрук.

Они потребовали от нас документы. После проверки документов, они объяснили нам, что эти шестьдесят человек приговорены к расстрелу как элемент, чуждый советской власти.

Уже готова была яма для этих шестидесяти. Политрук предложил нам зайти в палатки; мы зашли в свои палатки. Шестьдесят мучеников – это были священнослужители. В июльское тихое утро мы отчетливо слышали многих священников, их слабые голоса доходили до нас. Из числа палачей кто-то спрашивал по очереди становившихся около ямы священников: "Вы последний свой дух совершаете, говори, есть Бог или нет?"

Ответ святых мучеников был твердый и уверенный: "Да, есть Бог!"

Раздался первый выстрел. У нас, сидящих в палатках, сердца бились... Раздался второй, третий выстрел и так далее. Священников по очереди подводили к яме, стоявшие около ямы палачи каждого священника спрашивали, есть ли Бог? Ответ был один: "Да, есть Бог!" Мы живые свидетели, видели своими глазами и слышали своими ушами, как люди перед смертью исповедовали Бога.

Пройдут, быть может, еще года, десятилетия, но эта могила на Качугском-Нижеудинском тракте должна быть найдена. Все и повсюду православные не должны забыть этих святых мучеников, которые отдали свою жизнь за веру.

Источник. Archpriest Michael Polsky The New Martyrs of Russia, Jordanville, NY. Vol. 2, pp 214-216. – Протопресвитер Михаил Польский "Новые мученики Российские", Джорданвилль, Нью-Йорк, т. 2, стр. 214-216.

31. Григорий Крестоносец

[Вячеслав Иванович Марченко](#)

31.

Григорий Крестоносец.

Предчувствие Рая новомучениками.

Память 6 ноября (+ 1936 г. – ?)

"Это те, которые пришли от великой скорби; они омыли одежды свои и убелили одежды свои Кровию Агнца. За это они пребывают [ныне] перед престолом Бога и служат Ему день и ночь в храме Его".

Ап. 7, 14-15

В Темниковских трудлагерях я был назначен в бригаду лесорубов. Рубить мы должны были тот лес, который стал известен по всему миру тем, что там жил отшельник преподобный Серафим. Это было, должно быть, году в 1934-м. Одно время моим напарником, с которым мы вместе пилили, был кубанский казак примерно моего роста, но сильный, крепкий на вид. Он выглядел здоровым, тогда как все остальные заключенные были бледные. Мне было немного страшно работать с таким напарником. У меня было слабое сердце, я боялся, что не смогу за ним угнаться, и он будет меня

подгонять грубостями и оскорблениями. Но когда я взялся за пилу, он сказал: "Давай не будем торопиться, брат, а будем работать в спокойном темпе". – "А почему? Ты что, нездоров? Какая у тебя группа?" – "С группой у меня все в порядке – первая. Я здоров. Но кому нужна наша работа? Одному диаволу. Нас всех заставляют работать на него".

Приятно удивленный, я сказал: "Давай немного поработаем, а потом ты мне расскажи, что это значит – работать на диавола". Я перекрестился. Он сделал то же самое, сказав: "Это хорошо, что ты молишься. Бог нас защитит от беды, но не позволит выполнять дневную норму".

Мы срубили дерево и, когда начали распиливать его на куски, Григорий заговорил: "Советское правительство хочет построить коммунизм без Бога, чтобы потом этим хвастать и поносить имя Божие. Тот, кто помогает атеистам в этом строительстве, участвует в войне против Бога, он богохульствует вместе с ними. Но мы, христиане, должны быть воинами Христовыми. Бог попустил нам попасть в плен к сатане, мы сейчас его узники. Но мы не должны служить ему и помогать в войне против Бога. Работать на коммунистов – это грех, непростительный грех".

Философия молодого казака тронула меня до глубины души, до слез. Через три дня нашей совместной работы он отказался работать вообще, его отослали в другой лагерь, и я потерял его след.

Прошел год, я очутился на Алтае, в Осиновке. Однажды теплым весенним вечером вскоре после Пасхи, возвращаясь после работы в наш барак, мы услышали громкое слаженное пение многих голосов. Они пели "Христос Воскресе из мертвых". Я не пошел в свой барак, меня, как и остальных тянуло в сторону поющих. За последним, клубным баракком было огороженное колючей проволокой место, а на нем примерно сто пятьдесят узников, по виду совсем не похожих на нас. Это были "крестоносцы". Они были в гражданской одежде, но все с обритыми головами. На груди или на левом рукаве у них были пришиты белые кресты одинакового размера. Люди были разных возрастов – от двадцати до шестидесяти лет. Они были худые, как скелеты, но их бледные лица светились счастьем. Женщин среди них не было, их держали в другом лагере.

Когда я пробрался через толпу к забору из колючей проволоки, человек с той стороны подбежал ко мне. Я узнал моего старого друга – казака Григория, хотя лицо его сейчас было бледным и изможденным. Через колючую проволоку нам удалось обменяться пасхальным лобзанием. Как и все эти "крестоносцы", он был худой и изможденный, но его вдохновенное лицо буквально светилось неземной красотой. Он торопливо рассказал мне о своих новостях.

"Батюшка, я последовал твоему совету и бросил курить. После Темниковских лагерей у меня такого желания и не возникало. Там, спасибо одиночке, у меня созрело желание вступить в эту группу воинов Христовых – "крестоносцев". Лагерное начальство пыталось заставить нас работать, они нас уговаривают, но мы отказываемся. Мы проводим время в молитве, пении и чтении – готовимся к смерти... У нас забирают наши книги, но вольные работники в лагере нам их возвращают. Бог нас питает. Нам выдают двести-триста граммов хлеба в день и немного горячей воды – "суп". Люди, которые здесь, в лагере, работают, дают нам немного дополнительного хлеба, кашу и другую еду. Нас постоянно переводят из одного лагеря в другой, и везде нас пытаются принудить выйти на работу. Когда нас перевозят на машинах, то голод чувствуется сильнее, нас специально для этого дольше держат в пути.

После Темникова я уже побывал и на Соловках, и в Вишере, и на Урале, и в Котласе, и в Томской тайге... Сейчас нас привезли сюда, но здесь тоже продержат лишь несколько дней. Здесь тоже есть "крестоносцы". Нас соберут вместе и отправят в Обдорск, в глушь, куда ссылают всех верующих, отказавшихся сотрудничать с Советами. Там нас просто вышвырнут на голое место. Там все поможет большевикам с нами расправиться – голод, холод, цинга. Но там, вдали от мира и ближе к Богу, душа действительно свободна, чтобы трудиться над своим спасением. И Бог укрепляет истинных рабов Своих чудесными видениями. Там, говорят, сияет райский свет... Присоединяйтесь к нам, отче. Езжайте с нами завоевывать мученический венец. Среди нас два священника, говорят, из Твери, и миряне из Воронежа и других мест".

С непередаваемой радостью и неописуемым волнением я слушал Григория. Все мое существо горело сочувствием и благоговейным почтением к этому святому движению духовных героев, которые "переносили страдания, как добрые воины Иисуса Христа" (см.: 2 Тим. 2, 3). Однако сам я не был готов участвовать в их подвиге.

Очень скоро эта выгородка за колючей проволокой близ клубного барака была окружена вооруженной охраной, и доступ к "крестоносцам" был запрещен. Тем не менее, мы еще три дня продолжали слышать их пасхальное пение. Потом они исчезли. Я слышал, что их действительно послали в Обдорскую тайгу близко к берегу Северного Ледовитого океана, откуда никто не вернулся.

Протопресвитер Николай Масич.

Источники. Protopresbyter Nicholas Masich. Word of the Church, Australian church periodical, No 11, 1979; also his letters to the St. Herman of Alaska Brotherhood not long before his death. – Протопресвитер Николай Масич "Мир Церкви", периодическое издание Церкви в Австралии, № 11, 1979 г.; его письма в Братство преподобного Германа Аляскинского, посланные незадолго до смерти.

IV. Сергианство в Московской Патриархии

IV

Сергианство

как его видят в Московской Патриархии.

"Горе пастырям, которые губят и разгоняют овец паствы Моей! говорит Господь".
Иер. 23, 1

32. Пробуждение сознания в Московской Патриархии

[Вячеслав Иванович Марченко](#)

32.

Пробуждение сознания в Московской Патриархии.

Все ужасные последствия "Декларации" митрополита Сергия 1927 года, которые предсказывали первые иерархи катакомбной Церкви, действительно произошли. Советское правительство использовало "Декларацию" прежде всего как средство преследования катакомбной Церкви "законным путем", но "легализация" не принесла никакой пользы и сергианским иерархам: почти всех их тоже преследовали, и к концу 1930-х годов Русская Православная Церковь была фактически ликвидирована, оставались открытыми только очень немногие храмы.

Вновь они были открыты во время Второй Мировой войны, и было это не по воле митрополита Сергия, а из-за вторжения Гитлера, для борьбы с которым потребовалось воззвать к религиозным и патриотическим чувствам русского народа.

После Второй Мировой войны Московская Патриархия явилась международному религиозному сообществу в точности такой организацией, как предвидели катакомбные иерархи – рупором пропаганды советского правительства, которое без малейших сомнений пускало в ход любую ложь для оправдания советской тирании. Если верить представителям Московской Патриархии, бесстыдно повторяющим это вплоть до нынешних дней, то нет и никогда не было никаких преследований по религиозным соображениям при советском правлении: клирики, пострадавшие от властей – это "политические преступники", а церкви закрывались потому, что этого требовал народ.

Христианская совесть, однако, не может принимать такую ложь. И, таким образом, через два десятилетия совестливые люди внутри самой Московской Патриархии (а другой организации Православной Церкви в России нет) начали выступать, сначала протестуя против новых преследований хрущевского периода (1959-64 годы), когда московские иерархи в лучшем случае были пассивными наблюдателями, а в худшем участвовали в них, а затем начали глубоко критиковать сергианскую политику, которой Патриархия придерживается со времени "Декларации" 1927 года в целом.

Здесь мы представляем троих критиков сергианства из членов Патриархии. Они не являются членами катакомбной Церкви, и можно критиковать их взгляды как не отражающие катакомбную позицию – отдельную от сергианской церковной организации. И все же их критика является замечательным подтверждением правоты катакомбной позиции, и это дает нам надежду, что в конце концов, по крайней мере, с падением советского режима, лучшая часть Московской Патриархии примет гонимую Церковь и ее исповедание на основе бескомпромиссных христианских принципов.

33. Борис Талантов

[Вячеслав Иванович Марченко](#)

33.

Борис Талантов.

Православный исповедник в атеистическом обществе.

Память 22 декабря/4 января (+ 1970/1971 г.).

4 января 1971 года в тюремной больнице города Кирова (до переименования – Вятка), на 68-м году жизни от сердечной болезни скончался Борис Владимирович Талантов. При советской власти он умер в бесчестии как политический преступник, находясь в заключении с сентября 1969 года за написание ряда исключительно откровенных и подробных сообщений о преследовании православных христиан атеистическим режимом и руководящими иерархами Московской Патриархии – "преступление", которое в Советском Союзе относилось к разряду "антисоветской деятельности".

Жизнь Бориса Талантова представляет собой типичную биографию православного христианина в Советском Союзе, достигающую высшей точки в последние годы его жизни, с редкой смелостью правдиво описавшего религиозную ситуацию в СССР. Его жизнь является примером "шокирующей правды", выраженной в заявлении писателя Анатолия Кузнецова, бежавшего из СССР на Запад в 1968 году: "Невозможно одновременно быть советским гражданином и порядочным человеком". Борис Талантов был честным человеком, который до конца своей жизни оставался настоящим

православным христианином, не запятнавшим свою совесть, и именно поэтому в советской системе единственно возможным для него местом была тюрьма.

Основные события его биографии описаны им самим в его "Письме к генеральному прокурору СССР", датированном 26-м апреля 1968 года. Последующие цитаты взяты непосредственно из этого документа.

Борис Талантов родился в 1903 году в Костромской губернии в семье священника. В 1922-23 годах он был студентом Института Межова в Москве. "Мои ближайшие родственники и я сильно страдали от беззаконий и произвола государственных служб безопасности во время правления Сталина. Мой отец в возрасте 62-х лет в 1937-м году был осужден тройкой и, несмотря на болезни и возраст, был сослан в Темниковские лагеря (Саровский монастырь), где ныне отбывает наказание писатель Ю.М. Даниэль. 5 февраля 1940 года я обратился с прошением к генеральному прокурору РСФСР, в котором содержалась просьба о досрочном освобождении моего отца по состоянию здоровья. Лишь 19 декабря 1940 года, после продолжительного молчания, мне пришло уведомление из секретариата генерального прокурора о том, что мой отец умер в лагерях 12 марта 1940 года. Единственной причиной его ареста и заключения являлось то, что мой отец был священником. Мой брат Серафим Владимирович Талантов работал инженером по гидравлике в городе Вологда и в 1930 году, в возрасте 22-х лет, был арестован и осужден безо всяких на то причин. Он погиб в лагерях при постройке Беломорканала. Из-за моего происхождения спецслужбы в период с 1930 по 1941 годы угрожали и лично мне. В 1954 году за религиозные убеждения я был исключен из педагогического института. Официально – за дисциплинарные провинности. Честно трудясь всю свою жизнь, как это видно из моих документов, я, несмотря на это, постоянно пребывал в страхе, что меня арестуют и отправят "гнить в тюрьму", или же уволят с работы с занесением в "черные списки". Поэтому я счел своей обязанностью написать письмо в газету "Правда", выражая свой протест против тирании и беззаконий, творимых КГБ".

Это письмо, вызвавшее ярость у советских чиновников по отношению к его автору, Талантов анонимно отправил 18 июля 1957 года. "Я не знаю, дошло ли мое письмо до редактора "Правды", но я точно знаю, что с ним ознакомились в Кировском КГБ. В нем, проведя экспертизу почерка, установили, что письмо принадлежало мне. 29 июля 1958 года меня вызвали в КГБ, где я подписал бумагу о том, что я являлся автором письма, а также выразил сожаление, что по слабости духа не поставил под ним своего имени. 14 августа 1958 года я был уволен с работы в Кировском политехническом институте "по собственному желанию".

Не испугавшись такого давления, Талантов написал еще ряд писем, на этот раз всегда подписывая их своим именем. Вот что он говорит об этих письмах:

"1. Письмо в журнал "Наука и религия", содержавшее опровержение лжи антирелигиозной пропаганды. Выслано 31 октября 1960 года, ответа на него получено не было.

2. Письмо в газету "Известия", озаглавленное "Массовые уничтожения памятников церковной архитектуры в Кирове и области". Выслано 19 февраля 1963 года. Ответа от редактора газеты я не получил, но летом 1963 года на собрании в Кирове один из выступавших московских докладчиков, очевидно по указанию редактора "Известий", предложил подвергнуть меня за мое бунтарское письмо принудительному лечению, то есть заключить меня в психиатрическую лечебницу.

3. Письмо в газету "Известия" – "Советское государство и Христианская религия", полученное редактором газеты 19 декабря 1966 года".

Последнее письмо было переработкой открытого письма патриарху Алексию, написанного Талантовым и подписанного еще 12 верующими. "В письме содержались в основном описания вопиюще бессовестных поступков местного епископа Иоанна, ставившего своей целью разрушение церковной жизни в регионе. По этой причине верующие требовали от Патриарха немедленного снятия епископа Иоанна с кафедры. Кроме всего прочего в письме отмечалось, что в промежуток с 1960 по 1964 год гражданские власти незаконно закрыли в Кировской области 40 церквей (что составляло 53% от общего количества церквей в этой области), сожгли в этих церквях иконы и иконостасы, а церковные ценности разворовали".

"Открытое письмо патриарху Алексию" каким-то способом попало за границу, и 8 декабря 1966 года было зачитано на Би-Би-Си. 14 февраля 1967 года за написание этих писем я был вызван в управление КГБ по Кировской области. Мне было предложено убрать мою подпись с "открытого письма кировских верующих", о котором стало известно за границей. В письменном объяснении я отметил, что как автор данного письма, а равно и письма, отправленного редактору "Известий", я подтверждаю подлинность моей подписи и буду продолжать отстаивать истинность того, о чем говорится в письмах. В тот же самый день КГБ провело обыск в моей квартире и изъяло мои рабочие документы, содержавшие наброски моих комментариев к различным трудам по философии.

Позже, 25 февраля, я узнал из передачи по Би-Би-Си, что в то же самое время, когда я подтвердил подлинность своей подписи в КГБ, митрополит Никодим, находясь в Лондоне, заявил об анонимности авторства моего письма и сказал, что по этой причине письмо является фальшивкой. Он дал понять, что готов подкрепить свои слова клятвой на кресте и Библии. Данное утверждение митрополита Никодима очень меня расстроило, так как из переписки с Московским Патриархатом я был убежден, что митрополит Никодим знает о моем авторстве данного письма и не может в нем сомневаться. Поэтому 22 марта я направил письмо патриарху Алексию, в котором опроверг утверждение митрополита Никодима об анонимности моего письма и подтвердил истинность приводимых в нем фактов.

Кроме моей, "Открытое письмо" содержало еще 7 подписей. В начале апреля все подписавшие письмо были по одиночке вызваны в Кировский горсовет для дачи показаний по этому поводу. Допрос вела секретарь горсовета Л. Останина, назвавшая меня "опасным человеком, которого поддерживают за границей", и пригрозила тюремным заключением тем, кто в будущем будет подписывать письма подобного рода. Невзирая на угрозы, ни один из допрашиваемых не отозвал своей подписи от письма.

В то же самое время агенты КГБ добрались до нескольких верующих, подавших прошение об открытии в Кирове второй церкви. Этим верующим обвинили в связи со мной, назвав меня "опасным политическим преступником". В заключение, один из преподавателей Политехнического института, где я преподавал высшую математику в 1955-58 годах, публично назвал меня "врагом народа", как во времена Ежова.

Другим результатом написания Талантовым этих писем была статья в советской газете "Кировская правда" от 31 мая 1967 года, "содержавшая клеветнические предположения, грубые угрозы и голословные обвинения в мой адрес", и в которой также использовались материалы из личного архива Талантова, конфискованного КГБ 14

февраля 1967 года – тем самым было продемонстрировано существование тесных рабочих отношений между советской прессой и политическим ведомством, занимавшимся преследованиями верующих. Трагическим итогом было то, что "моя жена, Нина Агафангеловна Талантова, страдавшая от повышенного кровяного давления, не смогла перенести угроз и клеветнических обвинений, содержащихся в статье, выдержанной в стиле запугивающих материалов против псевдодругов народа ежовского периода. 7 сентября 1967 года с ней случился сердечный удар, и она умерла 16 сентября 1967 года.

В день ее смерти я хотел, чтобы над ней совершили обряд миропомазания, как она и просила. Однако настоятель единственного открытого в Кирове храма преподобного Серафима Саровского, заявил мне, что местные власти запретили совершать миропомазание на дому. Этот прискорбный случай показывает, что православные христиане Кирова лишены даже тех возможностей, которые существовали при Сталине".

Талантов и сам был уже серьезно болен.

В результате своей деятельности Борис Талантов был арестован 12 июня 1969 года и 3 сентября того же года приговорен к двум годам тюрьмы за антисоветскую деятельность. В своем обращении к суду он еще раз отметил, что по-прежнему не отказывается ни от чего им написанного, что все его письма содержат лишь правдивый фактический материал. Борис Талантов подчеркнул, что он остается верным Православию, своим идеалам и убеждениям. Он также попрощался со своими друзьями, поскольку не надеялся вернуться из тюрьмы живым. Так и произошло.

Для верующих как в СССР, так и за границей Борис Талантов являлся вдохновляющим примером христианского мужества, способного противостоять невероятным преградам. Московский интеллигент Анатолий Краснов-Левитин, который и сам попал в тюрьму за свое правдолюбие, так описывает Бориса Талантова в статье "Драма в Вятке", написанной во время ареста Талантова и затем опубликованной в журнале "Посев" (за октябрь 1969 год):

"Я видел его всего лишь один раз: невысокий худой пожилой человек с маленькой серой бородкой, сутулый, с дешевым маленьким портфелем в руках, неразговорчивый. По внешности – типичный человек из лесной глуши. Когда во всех газетах и журналах было полно глупой клеветы против верующих, а иерархи сидели на месте, боясь сказать хоть слово в защиту Церкви – в это время простой вятский учитель боролся за Церковь. Он боролся при помощи пера, писал поразительные письма всюду, куда можно было, он боролся словом, обличая произвол властей и преступное потворство церковной иерархии. Ему, пожилому человеку, было очень трудно, потому что в провинции он был совершенно один... В провинции люди более робкие, чем в Москве, власть более деспотичная, а ее произвол носит более циничный характер... Однако оказалось, что у этого кроткого маленького пожилого человека железная воля, титаническая энергия и великое сердце. Этого человека не сломали ни болезни, ни личные беды. Он – герой, но герой немногословный, скромный, тихий. Он пожертвовал своей жизнью просто, как бы естественно, не изображая из себя кого-либо. Он ровным и спокойным голосом свидетельствовал о правде и спокойно и тихо взошел за это на Голгофу".

Так Борис Талантов жил и умер – бесстрашным исповедником Святого Православия. Благодаря смелым письмам, направленным против преследования Церкви государственной властью и советским церковноначалием, Борис Талантов как бы стоит

во главе тех многих верующих, чьи откровенные петиции и протесты достигли свободного мира за последние 25 лет: верующие Почаева, два московских священника, архиепископ Гермоген и другие. Но по глубине анализа Талантов превосходит их всех и выводит их протесты на гораздо более высокий уровень.

Борис Талантов был философом; в одном из своих писем он упоминает, что его записи и комментарии к различным философским трудам были выкрадены КГБ. Используя свое философское мышление как в личной трагедии, так и в трагедии других верующих в Советском Союзе, он проник к истокам самых "корней" современной Московской Патриархии. Проблема заключается не просто в несправедливости, преследованиях и лжи, против которых верующие так бесстрашно протестуют в течение последних 25-ти лет – проблема заключается в самой сущности "сергианства": том договоре, который митрополит Сергей (Страгородский) заключил с советской властью в 1927 году. Талантов развивает эту мысль в своем труде "Сергиевщина, или приспособление к атеизму (Иродова закваска)".

Однозначно опровергая тот в общем благоприятный образ митрополита (патриарха) Сергия, который сложился на Западе, Талантов утверждает, что "корни тяжелого церковного кризиса, который сейчас обнаружился, были заложены именно патриархом Сергием". Вышеупомянутая Декларация 1927 года явилась не "вынужденным документом церковной власти, которая стремилась сохранить количество приходов", но "это обращение и вся последующая деятельность митрополита Сергия были предательством Церкви". "Своей ложью и приспособленчеством митрополит Сергей не спас никого, кроме самого себя". Сергианство "было не только чудовищной ложью, но и низким предательством Церкви и верующих. Этим заявлением митрополит Сергей прикрыл чудовищные преступления Сталина и стал послушным орудием в его руках". Даже открытие некоторых церквей во время Второй Мировой войны вовсе не было результатом сергианского компромисса. "Открытие церквей при целом ряде условий не было заслугой патриархов Сергия или Алексея, но лишь актом атеистического режима, совершенным для успокоения людей, под давлением простого народа".

В своей еще более откровенной статье "Секретное участие Московской Патриархии в борьбе Коммунистической Партии Советского Союза против Православной Церкви" Талантов указывает цели, для осуществления которых Московская Патриархия превратилась в "послушное орудие атеистического режима". На родине "Московская Патриархия и большинство ее епископов тайно принимают участие в действиях атеистического режима, направленных на закрытие церквей и борьбу с Православной верой". За рубежом, "при помощи бесстыдной лжи и клеветы", Патриархия пытается скрыть "беззаконное закрытие храмов, притеснения верующих и тайные административные меры, направленные на подрыв веры в самом СССР... Во-вторых, лживая и предательская деятельность Патриархии направлена на создание и развитие всемирного псевдохристианского движения, идущего по абсолютно ложному пути, максимально далекому от святоотеческого Православия, и таким образом подрывающего его. В качестве примера последнего утверждения Талантов приводит требование Московской делегации на Всеправославном Соборе 1961 года на Родосе "отречься от христианской апологетики и идеологической борьбы с современным атеизмом".

Подводя итог, Талантов предупреждает: "Деятельность Московской Патриархии за границей является сознательным предательством Русской Православной Церкви и Православной веры. Московская Патриархия на международной арене действует на пользу антихристианства".

Ни один из русских критиков Московской Патриархии не делал более решительных заявлений. Слова Талантова полностью совпадают с мыслями епископов-иосифлян, демонстрируя всем, что предупреждения иосифлянских епископов о последствиях декларации митрополита Сергия были совершенно справедливы и полностью исполнились. В связи с этим, актуальным является вопрос об отношении Б. Талантова к деятельности "Иосифлянской" или катакомбной Церкви в СССР. Талантов пишет об этом в одной из своих статей. "Семья Слобожаниных воспитала своих детей в Христианской вере, а их дом служил для распространения Христианства среди жителей их деревни. В их доме верующие, называющие себя истинно-православными христианами, собираются на молитву, поют псалмы и читают Библию. Единственным их отличием от других православных является непризнание ими патриарха Алексия и подчиняющихся ему епископов, которых истинно-православные считают изменниками Церкви. В июне 1961 года Народный суд вынес М.Л. Слобожанину приговор в тунеядстве и отправил его в ссылку на пять лет... В конце 1962 года тот же суд лишил Татьяну Слобожанину родительских прав и отправил ее в ссылку, а дети были определены в детский дом" ("Из письма к генеральному прокурору", стр. 131). Из приведенной цитаты понятно, что Талантов поддерживает истинно-православных христиан в их борьбе против тирании со стороны государства и официальной церковной иерархии. Как отмечает Джон Дэнлоп, границы "официальной" и "катакомбной" Церквей достаточно расплывчаты. Труды Бориса Талантова говорят о глубоком разделении внутри Московского Патриархата, разделении между "сергианской" иерархией и ее "коммунистическим христианством" и настоящими православными верующими, которые всеми доступными им средствами сопротивляются нечестивым попыткам "приспособления к атеизму". Борис Талантов обвиняет в предательстве православных христиан в России и тех на Западе, которые не отвергают возможности переговоров с Московской Патриархией, потому что она "подвергается преследованиям", но в то же время не замечают гонений на верующих со стороны самой Патриархии.

Судьбы Русской Православной Церкви известны лишь Господу, но мы надеемся, что когда-то она снова станет свободной. Письма Бориса Талантова указывают на этот день. Хотя первоначальной их целью было сопротивление современным автору деяниям, направленным против Православия, благодаря своей глубине эти письма выходят за пределы злободневных целей. Несомненно, что труды Бориса Талантова будут использованы в качестве свидетельств на Поместном Соборе, который будет собран свободной Русской Церковью. В этом Соборе будет также принимать участие и Зарубежная Церковь, а результатом Собора станет оценка ситуации, возникшей из-за коммунистического ига и сергианства.

Борис Талантов был не только полемистом и философом – во-первых, и, прежде всего, он был просто православным христианином. Черты его христианского характера, которые можно не заметить в его общественно-политических письмах – его терпение, упование на волю Божию и христианскую любовь – хорошо видны из письма, написанного Талантовым в тюрьме незадолго перед смертью (7-го декабря 1970 года). Письмо было опубликовано в Вестнике Русского Студенческого Христианского Движения, Париж, № 4, страница 168.

"Ваши письма были для меня большой радостью, потому что, узнав 2 октября 1969 года о Ваших злоключениях, я очень о Вас волновался и горячо молился Богу об избавлении Вас от искушений.

Я выражаю свою сердечную благодарность Вам и Вашим друзьям за вашу великую доброту, оказанную мне в такое тяжелое для меня время. Искренняя и жертвенная

любовь среди нас, христиан, есть знак того, что мы – ученики Христовы. Знание этого само по себе утешает и ободряет нас, независимо от состояния, в котором мы находимся. Для меня, старого большого человека, заключение является очень тяжелым испытанием. Но здесь я встретил несколько по настоящему верующих заключенных, которые, по возрасту младше меня, присматривали за мной и помогали мне, как будто бы я был их отцом. Подобно этому, верующие на свободе также поддерживали меня своими письмами, в которых очевидно проявляется христианская любовь.

С 6-го ноября я нахожусь в госпитале из-за болезни сердца. Окулист обнаружил катаракту обоих глаз и сказал, что мне необходима операция, иначе я полностью ослепну. Но все эти беды не сломали моего духа и веры: я по-прежнему могу писать и читать письма, слава Богу.

Я нахожусь в добром духе и с благодарностью приму от Господа все мои горькие испытания.

Я горячо молю Бога о Вашем здоровье и о здравии всех православных христиан. До сохранит Вас Господь от всех злоключений и бед и дарует Вам Свою радость.

Ваш друг, Борис Талантов".

34. Сергиевщина, Иродова закваска

[Вячеслав Иванович Марченко](#)

34.

Сергиевщина, Иродова закваска.

Борис Талантов.

Два текста, приводимых ниже, имеют огромное значение для понимания происходившего с Русской Православной Церковью во времена коммунистического ига. Они были написаны настоящим исповедником Православия, который умер в тюрьме в Советском Союзе в 1971 году за написание этой и ей подобной работе. Они представлены здесь как прямой ответ на обращение самого автора: "Это предательство... должно стать известно всем верующим в России и за границей, потому что подобная деятельность Патриархии... представляет собой большую опасность для всех верующих". Тексты в основном состоят из документов, предлагающих прямые и неопровержимые доказательства сознательного предательства Русского Православия собственными иерархами.

Русское Православие сегодня – преданное его иерархами в СССР и представленное только частью свободных епископов за границей и частью верующих на родине и за рубежом – живет в ожидании восстановления истинного и канонического церковного порядка. Это, несомненно, случится лишь в случае Собора с участием всех частей Русского Православия, который состоится после падения коммунистического режима и на котором будут оправданы все, сохранившие верность Православию. Для этого восстановления истинного порядка работы Бориса Талантова будут неоценимым свидетельством, потому что их автором был человек, который сознательно боролся с Советским игом с начала его возникновения; и таким образом его письма знакомят нас изнутри не только с жизнью Русской Церкви в эти годы, но, что более важно, с отношением к ним православных христиан. Раньше об этом было известно от тех, кто бежал из СССР, но изнутри страны не исходило ничего, кроме однообразной пропаганды со стороны Московской Патриархии, целью которой было сокрытие правды. Эта цель Московской Патриархией была достигнута – ей удалось одурачить целые поколения доверчивых церковных деятелей Запада. Но ныне, что является кульминацией десятилетия протестов, правда о верующих в России и их положении стала известна.

Борис Талантов, как видно из приводимых текстов, никуда не ушел из Московской Патриархии. Даже хотя он испытывал симпатии к членам истинно-Православной (катакомбной) Церкви, которых он знал, он все же называет эту Церковь "сектой". Не осуждая тех, кто остается в Московской Патриархии, мы, за границей, не можем не считать, что разрешение современного кризиса Московской Патриархии, который, как верно отметил Талантов, является кульминацией предательства 1927 года – не может исходить только от Патриархии, но в его разрешении должно принять участие все Русское Православие: верующие в катакомбах, которые продолжают хранить верность заветам митрополита Иосифа и других епископов, в 1927 году объявивших "сергианскую" церковь расколом; истинные верующие, которые остались в Патриархии, и Русская Православная Церковь Заграницей. Весьма маловероятно, что Талантов мог иметь доступ к неискаженной информации об РПЦЗ. Поэтому нужно помнить, что в приводимых ниже документах дается не полная картина о русском Православии, но скорее неискаженное мнение православного христианина из СССР, члена Московской Патриархии. Эти тексты, однако, без сомнения являются одними из важнейших документов, которые будут использованы в будущем для составления "полной картины" о происходившем в русском Православии.

Два текста представлены здесь полностью, без каких-либо пропусков или добавлений; такими, какими они были доставлены (в рукописи) в 1968 году из абсолютно надежного источника в Париже Майклом Бродо из Центра по изучению религии и коммунизма. Заголовки и все курсивы и дополнения (в скобках) в тексте принадлежат автору, все комментарии – в сносках. Тексты опубликованы в этой книге с любезного разрешения Бродо.

I. Сергиевщина, или приспособление к атеизму. Иродова закваска.

В Англии вышла в свет книга Никиты Струве "Христиане современной России",+ в которой он, как и другие на Западе, в общем одобряет деятельность патриарха Сергия, сравнивая его даже с преподобным Сергием Радонежским и патриархом Гермогеном, на Западе патриарха Сергия чуть ли не считают святителем Православной Церкви в России. Такая неверная оценка деятельности патриарха Сергия основана на том, что

западным исследователям неизвестны подспудные факты и явления жизни Русской Православной Церкви. Корни тяжелого церковного кризиса, который сейчас обнаружился, были заложены именно патриархом Сергием.

+ Лондон, 1967. Первоначально издана в Париже на французском языке в 1963 году; Никита Струве – русский интеллектуал "Парижской" школы, редактор "Вестника русского студенческого христианского движения".

В своем обращении к верующим 19 августа 1927 года митрополит Сергий+ изложил новые основы деятельности Управления Церкви, которые тогда же были названы Е. Ярославским++ "приспособлением" к атеистической деятельности СССР.

+ Обращение (декларация) митрополита Сергия в действительности было выпущено 16/29 июля 1927 года, но впервые было опубликовано в официальной советской газете "Известия" 19 августа.

++ Емельян Ярославский – Емельян Михайлович Ярославский (настоящие имя и фамилия Миней Израилевич Губельман) – революционер, деятель коммунистической партии, идеолог и руководитель антирелигиозной политики в СССР. Председатель "Союза воинствующих безбожников".

Приспособленчество состояло, прежде всего, в ложном делении всех духовных потребностей человека на чисто религиозные и общественно-политические. Церковь должна была удовлетворять чисто религиозные потребности граждан СССР, не затрагивая общественно-политических, которые должны были разрешаться и удовлетворяться официальной идеологией КПСС. В дальнейшем развитие это приспособленчество вылилось в теорию советских богословов, по которой коммунистический строй общества является единственным счастливым и справедливым, якобы указанным самим Евангелием. При этом не допускалось никакой критики (обличения) официальной идеологии, порядков и действий властей. Всякое обличение действий гражданских властей или любое сомнение в правильности официальной идеологии считалось отклонением от чисто религиозной деятельности и контрреволюцией. Церковное Управление во главе с митрополитом Сергием не только не защищало верующих и церковнослужителей, попавших в концлагеря за обличения произвола и насилия гражданских властей, но и само с рабской угодливостью высказывалось за осуждение таких людей как контрреволюционеров. По существу, приспособленчество к атеизму представляло собой механическое соединение христианских догматов и обрядов с социально-политическими взглядами – официальной идеологией КПСС. Фактически вся религиозная деятельность свелась к внешним обрядам. Церковная проповедь тех священнослужителей, которые строго придерживались приспособленчества, была совершенно оторвана от жизни, а потому оказывала ничтожное влияние на слушателей. В результате этого интеллектуальная, общественная и семейная жизнь верующих, воспитание молодого поколения остались вне церковного воздействия. Это таило большие опасности для Церкви и Христианской веры. Нельзя поклоняться Христу и в то же время в общественной и семейной жизни говорить ложь, творить неправду, совершать насилия и мечтать о земном рае. Впоследствии приспособленчество к атеизму завершилось еретическим учением Х. Джонсона о новой религии, которая должна, по его мнению, заменить Христианскую и явиться синтезом Христианства и марксизма-ленинизма. (См. Х. Джонсон

"Христианство и коммунизм" Москва, 1957 г.)+ Ныне абсурд учения Джонсона очевиден.

+ Хьюлетт Джонсон – небезызвестный "Красный настоятель Кентербери", "христианский" апологет коммунизма, написал книгу под заголовком "Христианство и коммунизм". То, что советские власти позаботились, чтобы эту книгу сразу же перевели и напечатали в Москве, показывает, что они совсем не против "религии" – коммунистической формы религии!

Обращение митрополита Сергия 19 августа 1927 года произвело тяжелое впечатление на всех верующих как пресмыкательство перед атеистической властью. Одни мирились с ним как с неотвратимым злом, а другие решительно выступали с осуждением его. Часть епископов и верующих откололись от митрополита Сергия. Епископы, осудившие обращение митрополита Сергия, скоро были арестованы и сосланы в концлагеря, где они и умерли. Отколовшиеся верующие образовали так называемую ИПЦ (Истинно Православная Церковь), которая с самого начала ее возникновения и до настоящего времени является запрещенной.

Современные влиятельные атеисты рассматривают приспособленчество как модернизацию религии, политически полезную для КПСС и безвредную для материалистической идеологии. "Это (приспособленчество, – наше пояснение – Б.Т.) – один из путей угасания религии" (Журнал "Наука и религия" № 12, 1966 года, страница 78).

Многие и у нас, и на Западе считали и считают обращение митрополита Сергия вынужденным выступлением Церковного Управления, в целях сохранения во время деспотии И. Сталина церковных приходов и священнослужителей. Но это не верно. Коммунистическая партия увидела в этом обращении слабость Церкви, готовность нового Церковного Управления исполнять беспрекословно любые приказания гражданской власти, готовность выдать на произвол властей, под видом контрреволюционеров, церковнослужителей, дерзнувших обличать произвол и насилия. Вот как это оценил в 1927 году Е. Ярославский: "С религией, хотя бы епископ Сергей прикрасил ее в какие угодно светские одежды, с влиянием религии на массы трудящихся мы будем вести борьбу, как ведем борьбу со всякой религией, со всякой церковью" (Е. Ярославский "О религии" Москва, 1957 г., стр. 155).

Объективно это обращение и последующая деятельность митрополита Сергия была предательством Церкви. С конца 1929 года и по июнь 1941 года происходило массовое закрытие и варварское разрушение церквей, аресты и осуждения тройками и негласными судами почти поголовно всех церковнослужителей, многие из которых просто были физически уничтожены в концлагерях.

В 1930 году Папа Пий XI выступил перед мировым общественным мнением с протестом против преследования христиан в Советском Союзе. Как реагировал на все это митрополит Сергей? Он в Богоявленском соборе города Москвы с крестом в руках выступил с заявлением, что в Советском Союзе никакого гонения на верующих нет и никогда не было. Отдельных священников и верующих, по его заверению, судят не за веру, а за контрреволюционные выступления против Советской власти. Такое заявление было не только чудовищной ложью, но и низким предательством Церкви и верующих. Этим заявлением митрополит Сергей прикрыл чудовищные преступления И. Сталина и стал послушным орудием в его руках.

Следует заметить, что хотя большинство епископов в 1927 году признавали митрополита Сергия своим главой, однако в своей деятельности они не придерживались "Обращения" и в своих проповедях мужественно обличали произвол, беззакония и жестокость гражданских властей, призывали народ твердо стоять за веру и помогать гонимым. Поэтому они за свои проповеди скоро были посажены в концлагеря и там погибли. Конечно, много церковнослужителей и верующих было посажено в концлагеря без всяких оснований, как потенциально опасные элементы. В этих условиях мужественное выступление митрополита Сергия в защиту правды и веры могло бы иметь большое значение для судеб Русской Православной Церкви, как большое значение имела для Польской Церкви мужественная борьба за веру и правду кардинала Вышинского в конце сороковых годов.

Что же митрополит Сергей спас своим приспособленчеством и чудовищной ложью? К началу Второй мировой войны в каждой области осталось от многих сотен церквей 5-10, большинство священников и почти все епископы (за исключением немногих, сотрудничавших с властями подобно митрополиту Сергию) были замучены в концлагерях. Таким образом, митрополит Сергей своим приспособленчеством и ложью никого и ничего не спас, кроме своей собственной особы. В глазах верующих он потерял всякий авторитет, но зато приобрел благоволение "отца народов" И. Сталина.

Большинство оставшихся церквей не признавало митрополита Сергия.

Обращение митрополита Сергия к верующим – гражданам СССР 22 июня 1941 года было воспринято истинно верующими как новое пресмыкательство перед деспотической властью и новое предательство интересов Церкви. Все верующие в России считали и считают Вторую Мировую войну как гнев Божий за величайшее беззаконие, нечестие и гонение на христиан, имевшее место в России с начала октябрьской революции. Поэтому в час грозных испытаний не напомнить народу и правительству об этом, не призвать народ к покаянию, не потребовать немедленного восстановления церквей и реабилитации всех невинно осужденных граждан СССР было великим грехом, великим нечестием. Митрополит Сергей опять явил себя послушным орудием атеистической власти, которая в этот момент хотела использовать в своих целях религиозные чувства своих граждан с наименьшими для атеизма уступками.

Восстановление церквей в определенных и узких пределах было государственной политикой И. Сталина, а не результатом деятельности митрополита Сергия. В то время в народе и в армии открыто говорили о коренных изменениях внутренних порядков в стране. Народ надеялся, что сразу после окончания войны будут объявлены: свобода занятий и в частности роспуск колхозов, свобода партий и свобода совести. Открытие церквей было той костью, которую И. Сталин бросил народу, утомленному войной и голодом. Само открытие церквей происходило под контролем госбезопасности. Эти же органы подыскивали часто священников из числа тех, кто остался на свободе или отсидел свой срок заключения. В Западной Украине были случаи, когда священники отказывались служить под началом митрополита Сергия, а позднее патриарха Алексия, и их те же органы водворяли в концлагеря. Во многих областях Патриархия и новые епископы никакого участия в открытии церквей не принимали. Были случаи, когда новые епископы под тем или иным предлогом даже противодействовали открытию церквей и назначению в их приходы священников, сидевших в концлагерях. Восстановление церковной жизни было неполным, внешним и временным. С 1949 года КПСС стала незаметно переходить к новому давлению на Церковь.

Итак, открытие церквей в узких пределах не было делом рук патриарха Сергия или патриарха Алексия, но это открытие совершала сама атеистическая власть под давлением простого народа для успокоения его.

Патриарх Сергий, а позднее патриарх Алексей, подобрали и поставили новых епископов, которые, в отличие от прежних епископов, погибших в концлагерях, как правило (были, конечно, исключения) были послушны патриархам и хорошо усвоили Иродову закваску, то есть приспособленчество к сильным мира сего. Вот как, например, выразил приспособленчество в своей проповеди 28 мая 1967 года епископ Кировский Владимир: "Мы должны приспособляться к новым обстоятельствам и условиям жизни подобно ручейку, который, встречая на своем пути камень, обходит его. Мы живем вместе с атеистами и должны считаться с ними и не должны делать ничего, что им не нравится".

Интересно, что Б.В. Талантову в КГБ 14 февраля 1967 года сказали почти то же самое: "Вы, – сказал сотрудник КГБ, обращаясь к Талантову, – требуете открыть все закрытые церкви, но вы живете вместе с атеистами и должны считаться с их желаниями, а они не желают, чтобы были открыты церкви".

В серафимовской церкви города Кирова 20 января 1966 года – в день памяти Собора Иоанна Крестителя – один священник в своей проповеди сказал: "Иоанн Креститель всех очень просто учил – слушайте во всем начальников". Из этого видно, что новый епископ, усвоив приспособленчество к атеизму, стал послушным орудием в руках атеистической власти, и это является самым губительным для Церкви результатом многолетней деятельности митрополита, а затем патриарха Сергия.

Приспособленчество к атеистической власти ярко и четко изложено в книге "Правда о религии в России", изданной под редакцией патриарха Сергия в последние годы его жизни при участии митрополита (а затем патриарха) Алексия и митрополита Николая.+

+ Митрополит Николай (Ярушевич) Крутицкий – печально известный апологет Московской Патриархии и советского режима за рубежом после Второй Мировой войны. Позднее он впал в немилость и умер при загадочных обстоятельствах в 1961 году.

В этой книге патриарх Сергий и митрополиты Алексей и Николай категорически утверждают, что в СССР никогда не было гонений на христиан, что сообщения западной печати об этих гонениях – злостные выдумки врагов советской власти, что епископы и священники с 1930 по 1941 гг. были осуждены советскими судами исключительно за свою контрреволюционную деятельность, что само Церковное Управление в свое время было согласно с их осуждением. Чудовищная ложь этого утверждения видна уже из того, что очень многие священники, расстрелянные и погибшие в лагерях при И. Сталине, были реабилитированы при Н.С. Хрущеве. Самые мужественные борцы за правду и Христианскую веру объявляются в этой книге раскольниками, политиканами и чуть не еретиками. Эта книга должна быть предана проклятию: она будет вечным позорным памятником патриарху Сергию. И теперь мы с полным основанием приспособленчество к атеистической власти можем назвать именем митрополита Сергия – сергиевщиной.

Спасло ли приспособленчество (сергиевщина) Русскую Православную Церковь?

Из изложенного ясно, что оно не только не спасло во времена деспотизма И. Сталина Русскую Православную Церковь, но, наоборот, способствовало потере подлинной свободы совести и превращению Церковного Управления в послушное орудие атеистической власти.

Категорическое отвержение кардиналом Вышинским приспособленчества к атеистической власти и его последовательная и твердая борьба за Евангельскую правду и подлинную свободу совести привела к тому, что сейчас в Польше церковь действительно независима от государства и пользуется значительной свободой.

Итак, ложью нельзя защищать Церковь.

Приспособленчество – маловерие, неверие в силу и Промысл Божий.

Приспособленчество несовместимо с истинным Христианством, так как в основе его лежит ложь, угодничество сильным мира сего и ложное разделение духовных потребностей на чисто религиозные и общественно-политические. По учению Христа, вера должна направлять интеллектуальную, семейную и общественную жизнь каждого христианина. "Вы соль земли", "Вы свет мира" (Мф. 5, 13 и 14), – говорит Христос, обращаясь к своим последователям. В соответствии с этим кардинал Вышинский говорит: "В Польше Церковь должна пронизывать все: книги, школу, воспитание, культуру народа... живопись, скульптуру и архитектуру, театр, радио и телевидение... общественную и экономическую жизнь" (Цитируется по журналу "Наука и религия" № 1, 1967 года).

II.

Тайное участие Московской Патриархии в борьбе КПСС с Православной Христианской Церковью (Кризис церковного управления).

Легализация, которую насаждал митрополит Сергей, привела к тому, что, начиная с 1960 года, Московская Патриархия и большинство епископов тайно участвуют в организованных действиях Совета по делам Русской Православной Церкви, направленных на закрытие церквей, ограничение распространения веры и уничтожение ее в нашей стране.

Большинство епископов в 1960-64 годах отстранились от борьбы против закрытия церквей и отзыва священников. Многочисленные жалобы верующих в Московскую Патриархию против незаконного закрытия церквей и отзыва священников оставались без ответа. Более того, сама Патриархия выпустила циркуляр касательно слияния приходов, имеющих недостаточный доход. В результате злоупотреблений были закрыты, согласно этому циркуляру, и многие церкви, у которых был достаточный доход. Сейчас атеисты, стоящие у власти, вместе с митрополитом Никодимом утверждают, ссылаясь на этот циркуляр, что предположительно все церкви, закрытые в 1960-64 годах, имели недостаточный доход. Эта ложь повторяется в статье в "Кировской правде" 31 мая 1967 года "С открытым забралом".

Некоторые епископы, например, епископ Иоанн (в Кирове) сами закрывали церкви и изгоняли достойных священников. Все это стало известно теперь из "Открытого письма верующих" и многих других материалов. Неопровержимым доказательством того, что Московская Патриархия тайно участвовала в закрытии церквей является факт, что

никто из епископов (за несколькими исключениями, например, архиепископ Гермоген, которого Патриархия сняла затем с его епархии), а также Московская Патриархия никогда нигде не выступили с протестом против незаконного закрытия церквей и отстранения священников и, более того, они даже вступили с заявлениями, что в СССР в 1960-1964 годах не было массового незаконного закрытия церквей. Церкви, согласно их утверждениям, закрывались, потому что не имели достаточного дохода.

С целью ограничить распространение веры и уничтожения ее в народе епископы безоговорочно подчинялись всем устным распоряжениям властей, которые были направлены на ограничение и уничтожение веры, и требовали того же от священников. Так, например, епископ Иоанн Кировский объявил своим священникам, что любому из них, кто не будет беспрекословно выполнять распоряжения властей, будет запрещено служить. В то же время священники и епископы, выполняя устные распоряжения властей, людям объясняли, что это распоряжение церковной администрации и даже обосновывали их законность и необходимость. Сама Патриархия выпустила ряд циркуляров, направленных на ограничение и уничтожение веры. Таким был, например, циркуляр № 1917, требовавший, чтобы священникам вменялось в обязанность записывать данные тех, кто заказывал службы, крещения, отпевания и т.п. Все это детально обсуждается в письмах московских священников, в "Открытом письме кировских верующих" и других письмах и жалобах верующих.

Вот главные меры, направленные на ограничение и уничтожение веры, которые проводятся Советом по делам Русской Православной Церкви с участием духовенства.

1. Обязательная регистрация паспортов перед совершением заказанных кем-либо служб.+ 2. Детям школьного возраста не разрешается крещение, исповедь, причастие. 3. Нищих изгоняют из церквей и церковных дворов. 4. Верующим запрещается проводить ночь на паперти. 5. Установление времени для проведения заказанных служб в сельских церквях Кировской области в летнее время – с десяти вечера до пяти утра. 6. Запрещение причащения и помазания больных на дому без специального разрешения.++

+ Это важное правило – часть общей системы террора, которому все еще подвергаются верующие в СССР. Эти записи передаются местным властям на места работы и т.д., и верующий, осмелившийся заказать крещение, отпевание или еще что, вскоре оказывается без работы и вообще подвергается общественному бойкоту.

++ Спустя несколько месяцев после того, как это было написано, это правило было применено против умиравшей жены Талантова.

Некоторые епископы, например, епископ Кировский Иоанн, своим аморальным поведением, скандальными выходками и деспотическим своеобразием подрывали веру у людей, а Московская Патриархия, зная о нетерпимом поведении таких епископов из многочисленных жалоб верующих, не только не вызывала таких епископов на церковный суд, но даже продвигала их. Достойных священников снимали с их приходов и заменяли такими. Все это привело к разращению духовенства и полному уничтожению веры в Церкви.

В соответствии с адаптацией к атеизму проповеди в Церкви, как правило, стали схоластическими лекциями, далекими от жизни, на религиозные темы. Из-за того, что они не соответствуют месту и времени, они никоим образом не могут воздействовать

на слушающих. В таких проповедях отсутствует даже малейшее упоминание о таких пороках, ошибках и грехах в современном мире, как ложь, лесть, распад семей, нравственное развращение, атеистическое воспитание детей, раблепный страх перед властителями мира сего, несправедливость.

Московская Патриархия отказалась от христианской апологетики, идеологической борьбы с атеизмом – главным принципом своей деятельности и внутри страны, и за ее пределами.

Такое религиозно-нравственное поучение со стороны современной Русской Православной Церкви не может заинтересовать молодое поколение или положительно на него действовать. Таким образом, религиозно-нравственное научение Русской Православной Церкви таково, что оно не может вести к распространению веры среди молодого поколения. Одним этим уже подрывается продолжительное существование Церкви.

В каждой епархии ощущается острая нехватка священников даже для того малого количества церквей, которые еще открыты. Для распространения веры и ее укрепления важно в каждой епархии стремиться к увеличению числа достойных священнослужителей, преданных Церкви и подготовленных к содействию распространения веры. Но епископы абсолютно устранились от подбора, обучения и подготовки священников, чем определенно подрывают веру и Церковь.

Число духовных училищ и количество занимающихся в них настолько мало, что не может восполнить даже естественную убыль священников. Образование и обучение в духовных училищах поставлено таким образом, что из них выходят бюрократы в рясах, готовые любым способом адаптироваться к внешним обстоятельствам, чтобы только обеспечить себе безопасную, легкую и спокойную жизнь в атеистическом государстве. В них убито главное – духовность, мужество и стремление к справедливости. Дух семинарий (и академий) – это адаптация. В духовных школах проводится интенсивный отбор студентов в тайные агенты КГБ, особенно в иностранных подразделениях академий.

Таким образом, в настоящее время Московская Патриархия и большинство епископов тайно участвуют в организованных акциях атеистического режима (КПСС), которые направлены на закрытие церквей, ограничение распространения веры и ее уничтожение в нашей стране.

Деятельность Московской Патриархии за рубежом направлена, в первую очередь, на то, чтобы посредством бесстыдной лжи и клеветы прикрыть массовое незаконное закрытие церквей, притеснение верующих и их организаций и тайные административные меры, направленные на подрыв веры в СССР.

Во-вторых, деятельность Патриархии направлена на то, чтобы при помощи лжи и обмана направить, насколько возможно, развитие христианского движения во всем мире на ложный путь, таким образом подрывая его.

Таким, например, было предложение Московской Патриархии на конференции Православных Церквей на острове Родос отказаться от христианской апологетики и идеологической борьбы против современного атеизма.+ Деятельность Московской Патриархии за границей – это сознательное предательство Русской Православной Церкви и Христианской веры. Она выступает на мировой арене как тайный агент всемирного антихристианства.

+ Это случилось в 1961 году. Вопрос об атеизме и средствах борьбы против него был в повестке дня этой конференции, но был снят по протесту митрополита (тогда архиепископа) Никодима (Ротова).

Митрополит Никодим предает Церковь и христиан не из-за страха, а для своего благополучия в мире сем. Таким образом, полное разоблачение предательской деятельности и его, и Московской Патриархии будет означать конец его сомнительной карьеры.

Однако пришло время для снятия масок с предательской деятельности Московской Патриархии за рубежом, судный час для митрополита Никодима.+

+ Здесь Талантов скорее выражает горячую надежду многих деятелей духовного "подполья" в СССР, чем какое-то немедленно приближающееся событие. Это подтверждается сообщением русского православного студента из Америки о собрании членов "демократического движения", на котором ему удалось присутствовать в Ленинграде в начале 1970 года. Некоторые из присутствовавших выразили свое мнение по поводу "автокефалии", которая только что была тогда дарована Американской митрополии Московской Патриархией. Их отношение подытожил один из членов, который, отметив, что в СССР стал, наконец, очевиден откровенный протест против Патриархии, набросился на "наивных американцев": "Что вы, американцы, делаете? Мы здесь пятьдесят с лишним лет пытаемся преуменьшить власть любых таких правительственных учреждений как Московская Патриархия, а вы, в условиях свободы, перечеркиваете всю нашу работу, принимая их власть!"

Неопровержимым фактом подрывной, предательской политики Московской Патриархии за рубежом является событие, всплывшее в связи с "Открытым письмом Кировских верующих патриарху Алексию".

Это письмо было послано в августе 1966 года. В нем верующие описали все, что приходом Кировской области пришлось претерпеть в результате незаконных действий руководства Совета по делам Русской Православной Церкви и епископа Кировского Иоанна. Это письмо, осуждающее деспотизм и беззаконие местных гражданских властей и церковной администрации, совсем не касается современного общества и государственного устройства и не имеет никакого отношения к вопросам госбезопасности. Письмо было подписано двенадцатью верующими Кировской области с приложением их точных адресов. Восемь человек из числа подписавшихся были из города Кирова. Первыми стояли подпись и адрес Б.В. Талантова, автора этого письма. Он хорошо известен Патриархии и митрополиту Никодиму. Трое из подписавшихся были из города Нолинска, один – студент Одесской семинарии Никодим Николаевич Каменских. И двенадцатая верующая, подписавшая письмо, была пожилая женщина из города Белая Холуница. Она постоянно боролась за открытие Всехсвятской церкви в Белой Холунице, которая была незаконно закрыта в 1962 году.

Это письмо стало известно за границей, и 8 декабря 1966 года по радио Би-Би-Си передали его краткое содержание. Хотя, в сущности, это письмо не полностью раскрывало недостойную деятельность Московской Патриархии, тем не менее оно бросало за рубежом тень на все заверения митрополита Никодима и других,

касающиеся благосостояния Русской Православной Церкви. Очевидно, это очень обеспокоило Патриархию и КГБ. Они начали действовать одновременно по согласованному плану.

14 февраля 1967 года Б.В. Талантов был вызван в Кировское отделение КГБ. Здесь, после того как ему пригрозили тюрьмой, предложили отречься от "Открытого письма" в форме письменного заявления, которое опубликовали бы в одной из газет. Очевидно, он должен был письменно объявить, что никогда не составлял и не подписывал это письмо, ставшее известным за рубежом. Он категорически отказался сделать это и письменно подтвердил, что является автором этого письма, а также письма в газету "Известия" (полученного в редакции 19 июля 1966 года) и готов нести ответственность за содержание обоих писем. В то время он не совсем понимал, зачем от него требовали отречения от собственной подписи в письменном заявлении, которое, кроме того, будет опубликовано в одной из центральных газет. Позднейшие события прояснили эту загадку.

25 февраля 1967 года радио Би-Би-Си озвучило ответы на вопросы, заданные митрополиту Никодиму в связи с "Открытым письмом из Кирова". Он заявил, что это письмо анонимное и поэтому не заслуживает доверия. Чтобы подтвердить искренность своих слов, он выразил готовность поклясться на кресте и евангелии. Имя и адрес Б.В. Талантова были, без сомнения, хорошо известны ему из предыдущих писем Талантова. Тогда зачем он сделал такое рискованное заявление? Можно предположить, что он не верил в возможность для кировских верующих опровергнуть за рубежом лживость его заявления. Но последующие события заставляют думать, что он верил в то, что КГБ угрозами заставит верующих отказаться от своих подписей.

В то самое время, когда в Лондоне в помпезном величии своего сана митрополит Никодим стремился фальшивой клятвой доказать анонимность и сомнительность "Письма из Кирова", в самом Кирове в КГБ Талантову было предложено под угрозой тюрьмы отказаться от своей подписи под этим письмом. Очевидно, совпадение этих событий было неслучайным.

Б.В. Талантов, негодуя на бесстыдную ложь митрополита Никодима, 19 марта 1967 года послал патриарху Алексию новое письмо, в котором подтвердил подлинность "Открытого письма кировских верующих" и жестко осудил безбожные действия митрополита Никодима. Тогда же он послал копию своего письма патриарху в Одессу своему молодому другу Н.Н. Каменских, который в то время был студентом II курса Одесской Духовной семинарии. Через Каменских это письмо, а также лживое заявление митрополита Никодима в Лондоне стали известны почти всем студентам в семинарии и многим жителям Одессы. С этого момента начали происходить новые события.

Письмо Б.В. Талантова патриарху Алексию от 19 марта 1967 года стало известно в кировском КГБ в конце марта или в начале апреля, очевидно, через епископа Владимира Кировского. Сразу же после этого семь кировских верующих, подписавших письмо, были по одному вызваны в Кировский горсовет. Здесь секретарь горсовета Останина вместе с председателем КГБ (который присутствовал не всегда) угрожала всем тюрьмой, если они подпишут еще какой-нибудь документ, составленный "опасным политическим преступником" Талантовым. Несмотря на все запугивания, никто из подписавшихся не отказался от своей подписи под "Открытым письмом".

Епископ Владимир Кировский съездил в Одессу, а 12 апреля по какому-то делу посетил архиепископа Сергия. 15 апреля Б.В. Талантов письмом, посланным в семинарию,

известил своего друга Н.Н. Каменских о допросах в Кирове верующих, подписавших "Открытое письмо".

26 апреля инспектор семинарии Александр Николаевич Кравченко вызвал Каменских, прочел ему письмо Талантова от 15 апреля и потребовал от него, чтобы он в письменной форме отказался от своей поддержки "Открытого письма" Талантова. Каменских должен был или отказаться от собственной подписи (то есть он якобы не знал, что там поставлено его имя и адрес), или заявить, что Талантов его обманул. Кравченко предупредил Каменских, что если он не сделает такого заявления, то будет исключен из семинарии. Чтобы привлечь Каменских на свою сторону, Кравченко использовал такую хитрую тактику. Он сказал: "Напишите это заявление, и я никому его не покажу. Когда Вы закончите семинарию, я верну его Вам". Но Каменских видел инспектора насквозь и категорически отказался подписать заявление, которое от него требовалось. А также попросил инспектора отдать ему письмо Талантова, поскольку оно адресовано ему. Инспектор отказался отдать письмо и велел ему подумать о своей судьбе. С этого момента началась борьба между Н.Н. Каменских и руководством семинарии, которое выполняло волю митрополита Никодима и КГБ. Целый месяц вся семинария с напряженным интересом наблюдала за этой борьбой. Можно назвать это борьбой между Никодимом маленьким и Никодимом большим. Первый мал и по возрасту (24 года), и по положению в обществе. У второго и возраст большой, и большой вес и в Церкви, и в советском обществе.

Никодим Каменских – сын верующего христианина, сосланного в Кировскую область. Нужда и голод в детстве и юности, с семнадцати лет постоянные угрозы, оскорбления и притеснения из-за того, что открыто исповедовал Христианскую веру – все это наложило свой отпечаток на Н.Н. Каменских. Он страдал еще и от язвы желудка. С семнадцати лет прислуживал в алтаре в церкви села Байса в Уржумском районе Кировской области. В таком юном возрасте он мужественно защищал эту церковь от незаконного закрытия. Дважды за свой счет ездил в Москву в Совет по делам РПЦ (см. письмо Талантова в газету "Известия" от 19 июля 1966 года) и навлек этим на себя гнев местных властей. Когда его призывали на военную службу, то в Уржумском райвоенкомате на медосмотре он категорически отказался снять нательный крест, за что был отправлен на медосмотр в психбольницу города Котельнича. После многих испытаний и унижений он был освобожден от военной службы по здоровью (язва желудка), но в покое его не оставили. В начале 1963 года местные власти выслали "фанатика" Никодима из Байсы, и он стал бездомным. Никодим зарабатывал на жизнь печником, перебиваясь случайными заказами. Выполняя работу, которая, по его состоянию здоровья, была для него слишком трудна, он зарабатывал 30-40 рублей в месяц. Как-то раз уржумские милиционеры оштрафовали его, как "тунеядца", на тридцать рублей, лишив средств на жизнь на целый месяц. Наконец, с большим трудом он получил работу и прописку в городе Нолинске. Но нужда, бродячая жизнь и тяжелая работа сделали свое дело: он на долгое время попал на больничную койку. После всех этих приключений ему удалось в 1965 году поступить в Одесскую Духовную семинарию. В течение всей своей сознательной жизни он видел вокруг себя и сам лично испытал унижения и давление из-за открытого вероисповедания. На своем жизненном опыте убедился, что истинно верующие христиане – парии советского общества. Он подписал "Открытое письмо кировских верующих" не просто чернилами, а собственной кровью. Понятно поэтому, что не мог отказаться от поддержки этого письма и начал смело сражаться за справедливость против Никодима большого, который своим лукавым приспособленчеством занял такой высокий пост, достиг славы и богатства и шел по несправедному пути. В своей борьбе Никодим маленький уповал только на Бога, а Никодим большой надежды возложил на людские власть и силу.

7 мая Б.В. Талантов, догадавшись по молчанию Каменских, что его письмо от 15 апреля не дошло, послал ему в семинарию новое письмо, в котором повторил содержание предыдущего. Одновременно послал письмо семинаристу третьего курса И.И. Наумову, другу Каменских, в котором просил Ивана Ильича передать Каменских содержание своих писем от 15 апреля и 7 мая, если тот их не получил, а также передать привет семинаристу Леониду Михайловичу Бересневу.

Эти письма были получены в семинарии не позднее 12-13 мая и были перехвачены инспектором Кравченко, который даже не сказал адресатам о них. Из писем он узнал, что Наумов и Береснев симпатизируют Каменских. Очевидно, Кравченко проверял все письма, приходившие семинаристам, по заданию КГБ. Чтобы внести ясность в вопрос о "свободе и тайне переписки", нужно отметить, что Каменских, думая, что его письма, посланные Талантову, не доходят до адресата, послал ему в мае два письма, адресованные Д.И. Окулову, сторожу церкви преподобного Серафима в Кирове, который был хорошо знаком с Талантовым. Окулов тоже не получил письма. Это значит, что кто-то, работавший в церкви преподобного Серафима, по заданию КГБ проверял все письма, входящие на адрес храма, и задерживал по своему усмотрению. Таким образом, тайные агенты КГБ контролировали всю корреспонденцию, приходившую из семинарий, приходов и от "подозрительных" верующих.

17 мая инспектор Кравченко вызвал Наумова и Береснева и потребовал от них, чтобы они убедили Каменских написать заявление об отказе поддерживать "Открытое письмо". Он сказал им, что если они не повлияют на Никодима так, как ему нужно, то будут исключены из семинарии как его сообщники.

19 мая Никодим Каменских подал инспектору семинарии Кравченко официальное заявление, в котором еще раз подтвердил подлинность своей подписи и своего согласия с содержанием "Открытого письма кировских верующих".

21 мая инспектор сказал Никодиму, что на следующее утро, 22 мая, он должен явиться в КГБ по адресу улица Бабеля, 43, бюро пропусков, Гарбуз 3. Каменских, записав адрес, спокойно сказал, что не пойдет в КГБ, пока не получит официальную повестку. Инспектор вышел из себя и начал осыпать Никодима бранью за то, что тот пошел против патриарха. Закончил гневными словами: "Если ты сам добровольно из семинарии не уйдешь, тебя вышвырнут, и ты об этом очень пожалеешь".

22 мая Никодима вызвали в администрацию епархии и здесь по телефону из Совета по делам религий его спросили, почему он не явился в КГБ. Он ответил, что не пойдет, пока не получит официальную повестку.

24 мая ректор семинарии забрал у Каменских военный билет и паспорт и сказал ему, что его вышлют из Одессы. Никодим ответил, что вина за это лежит на ректоре и инспекторе.

29 мая ректор и инспектор семинарии предложили Никодиму Каменских уйти из семинарии "по собственному желанию". Он отказался. Вечером совет факультета исключил его из семинарии за несоответствие духу семинарии. Он получил бумагу, где было написано, что он переведен на третий курс и бумагу об исключении. 19 июня из Кирова он послал патриарху заявление о том, что подтверждает согласие с "Открытым письмом" и просит разрешить продолжить занятия на третьем курсе.

20 июня милиция Нолинска отказалась прописать его на прежнем месте жительства, и он снова стал бездомным нищим. Но борьба была еще не закончена. 20 мая четверо из

тех, кто подписал "Открытое письмо", послали патриарху заявление, в котором протестовали против лживого заявления митрополита Никодима за рубежом.

В апреле А.Д. Зырянова из города Белая Холуница (12-я из подписавших "Открытое письмо") была помещена в психбольницу, откуда ее забрала сестра.

31 мая в "Кировской правде" была напечатана статья С. Любовикова "С открытым забралом", полная клеветы на автора "Открытого письма" Б.В. Талантова и угроз в его адрес.

Всех, кто подписал "Открытое письмо кировских верующих", подвергли угрозам и репрессиям, но никто не отказался от своей подписи или согласия с письмом.

Итак, "Открытое письмо кировских верующих патриарху Алексию", переданное по Би-Би-Си 8 декабря 1966 года; заявление митрополита Никодима за рубежом об анонимности и недостоверности этого письма, переданное по Би-Би-Си 25 февраля 1967 года; давление, оказанное органами КГБ и руководством Одесской Духовной семинарии на людей, подписавших это письмо, с целью заставить их отказаться от своих подписей; наконец, твердая поддержка ими этого письма, несмотря на угрозы и репрессии – все это составляет неопровержимое доказательство предательской политики за рубежом Московской Патриархии и ее тайного сотрудничества с атеистами, стоящими у власти.

Это подтверждается следующими документами: 1. Пленки с записью передачи радио Би-Би-Си от 25 февраля 1967 года. 2. Письмо Б.В. Талантова патриарху от 19 марта 1967 года. 3. Заявление Н. Каменских, адресованное инспектору Одесской Духовной семинарии от 19 мая 1967 года. 4. Письмо группы кировских верующих патриарху Алексию от 20 мая 1967 года. 5. Заявление Н. Каменских, адресованное патриарху Алексию 19 июня 1967 года. 6. Копия бумаги об исключении Н. Каменских из состава учащихся Одесской Духовной семинарии от 29 мая 1967 года, заверенная нотариально. 7. Статья С. Любовикова "С открытым забралом" в "Кировской правде" от 31 мая 1967 года.

Адаптация к атеизму, насажденная митрополитом Сергием, вылилась в предательство Русской Православной Церкви со стороны митрополита Никодима и других официальных представителей Московской Патриархии за рубежом. Это предательство, неопровержимо доказанное процитированными документами, должно быть известно всем верующим в России и за рубежом, потому что такая деятельность Патриархии, основывающаяся на сотрудничестве с КГБ, представляет большую опасность для всех верующих. Поистине атеистические вожди русского народа и князя Церкви собрались вместе на Господа и на Христа Его.

Обвинение всеми людьми предательства руководителей Церкви неизбежно приведет к кризису в церковной администрации, но не к церковному расколу, как утверждают злопыхатели в Церкви и люди, которые несознательно идут за ними.

Верующие должны очистить Церковь от лжебратии и лжепастырей (предателей-епископов и предателей-священников) в соответствии с заветом апостола Павла: "Извергните развращенного из среды вас" (1 Кор. 5, 13). Только после такого очищения возможно возрождение Церкви.

Многие истинно верующие в России горячо молились Богу, чтобы Он показал им факты, которые неопровержимо доказали бы тайное предательство епископов РПЦ,

если оно существует. Сейчас эти факты, милостью Божией, открыты всем, кто может слышать и видеть.

Примерно сто лет назад оптинские старцы предсказали, что придет время, когда в России будут нечестивые епископы. Сейчас это время пришло. Но из-за нравственной развращенности и предательства епископов верующим не следует скрываться по домам и организовывать отдельные секты, а должно сохранять единство и начать всем вместе обличать развращенных, ложных пастырей и очищать от них Церковь.

Август 1967 года (Подпись) Б.В. Талантов.

Эпилог.

Клевета и угрозы оказали болезненное действие на жену Б.В. Талантова Нину Агафангеловну Талантову. Она долгое время страдала от гипертонии, а эти переживания добились ее. 7 сентября у нее случился удар, и 16 декабря 1967 года она умерла.

Агриппина Дмитриевна Зырянова, 12-я из подписавших "Открытое письмо", умерла в больнице 27 декабря 1967 года. Угрозы ускорили приход ее смерти. Все, кто подписал "Открытое письмо", в той или иной степени пострадали, но не отказались от своих подписей.

Указом патриарха Алексия от 6 июня 1967 года инспектор Одесской Духовной семинарии А.Н. Кравченко был награжден орденом князя Владимира II степени (см. "Журнал Московской Патриархии" № 8, 1967 г.).

Решением патриарха и Священного Синода от 4 апреля 1967 года ректор Одесской Духовной семинарии архимандрит Феодосий был возведен в епископа. Решением Священного Синода от 7 октября 1967 года (см. "ЖМП" № 8, 1967 г.) епископ Владимир Кировский был назначен епископом Берлинским, экзархом в Центральной Европе и указом патриарха Алексия от 20 октября 1967 года был возведен в сан архиепископа (см. "ЖМП" № 11, 1967 г.).

30 марта 1968 года (Подпись) Б.В. Талантов.

Заключение редактора.

12 июня 1969 года Борис Талантов был арестован, а 3 сентября приговорен к двум годам тюремного заключения за "антисоветскую деятельность". Он умер в тюрьме 4 января 1971 года.

И таким образом, по мирским меркам, кажется, что зло восторжествовало. Борис Талантов и его мужественные соратники преследуются, страдают, умирают, в то время как для митрополита Никодима не только наступает "судный час", а наоборот, восходит его звезда. Московская Патриархия обретает большое влияние и нового союзника в лице автокефальной Американской митрополии. А православные христиане в Америке даже не подозревают, что они стали невольными участниками дьявольской программы предательства и антихристианства под именем Православия.

Но зло торжествует только в глазах маловеров. Нельзя защищать Церковь ложью. Истинно православные христиане наших последних дней терпят поражение со всех сторон: мир и предатели Православия издеваются над ними, презирают, преследуют. И все же в одном они непобедимы: они стоят за Истину. И так как наш Бог и есть Истина, неизбежна наша окончательная победа. Лишь бы скорее да пришел "час судный" для предателей Православия!

(Так и было, митрополит Никодим умер внезапно в Риме в 1878 году во время аудиенции у папы Иоанна Павла I, буквально на руках у папы. И первые молитвы о его упокоении прочитало римско-католическое духовенство. Его внезапная смерть среди чуждых правой веры людей, которые пытаются вовлечь Православную Церковь в еще один ложный "союз", может рассматриваться православными христианами только как доказательство предательства Православия митрополитом Никодимом.)

В 1981 году Борис Талантов прославлен Русской православной Церковью Заграницей в сонме Новомучеников и исповедников Российских.

35. Отец Димитрий Дудко

[Вячеслав Иванович Марченко](#)

35.

Отец Димитрий Дудко.

Память 15/28 июня (+ 2004 г.).

Деятельность отца Димитрия Дудко в последние несколько лет была вполне в духе катакомбной Церкви в начале ее существования. Мы можем сослаться на его "страждущее Православие", его апокалиптическое видение и почитание им Царя-Мученика Николая II. Далее, в России со времен митрополита Иосифа (Петровых) и других основателей катакомбной Церкви в конце двадцатых годов не было слышно таких смелых обличений предательства Православия собственным духовенством, как у отца Димитрия. И его сильное, искреннее православие так далеко от скучной легальности Московской Патриархии, что его можно сравнить с ранними мучениками катакомбной Церкви в России.

Давайте сейчас посмотрим, что сам отец Димитрий говорил о катакомбной Церкви в России, о его собственном отношении к сергианству и его взглядах на церковную ситуацию в России вообще.

"Мы все признаем патриарха Тихона, а на патриарха Сергия смотрим как на предателя интересов Церкви в угоду властям. Следующие патриархи только идут по проложенному пути. Других иерархов у нас нет. Хороша была бы Катакомбная Церковь – но где она? Истинно Православная Церковь – это хорошие люди, морально стойкие, но священников у них почти нет, и их просто невозможно найти, хотя жаждущих много. И поставляют священников те иерархи, которых мы имеем. Сразу возникает вопрос, могут ли они служить в Церкви. В основном, это марионетки атеистов. И еще вопрос – они, по крайней мере, верующие? Кто ответит на этот вопрос? Я боюсь ответить..."

Следует сказать несколько слов о так называемых тихоновцах, истинно православных христианах. Я их встречал, порадовался их моральной стойкости, даже их консерватизму, их смелости и аскетизму, но я посмотрел на них – единодушия у них нет. И главное – священников у них почти нет, заправляют всем женщины, одетые в черное, как монахини, которые всех считают еретиками, и только себя – непогрешимыми. Их следовало бы выставить в музей (я говорю это без всякой иронии), в музей, где люди могли бы смотреть на них и даже чему-то поучиться, но, в конце концов, жизнь – не музей. Некоторые из "тихоновцев" начали проповедовать безбрачие для всех, но разве все могут это принять?

Многие из них годами страдают без причастия. Один такой человек подошел ко мне, я поговорил с ним, и он причастился. И посмотрели бы вы, как он мгновенно ожил! Итак, хотим мы этого или нет, мы должны считаться с теми иерархами, которые у нас есть. Что же нам следует делать? Думаю, что, собравшись вместе, нам следует стремиться к оживлению церковной жизни. Но как? Этот вопрос засел в мозгу, как гвоздь. О Господи, неужели Ты нас действительно оставил? Легко наблюдать со стороны, но как сделать что-то – невыносимо, невозможно. Но нужно что-то делать. Так стоит вопрос: жить или погибнуть. Погибнуть – это не то же самое, что отстраненно решать вопрос. И те, кто пытается вывести какое-то заключение из всего дела – не принимайте во внимание только одну какую-либо тенденцию. Думаю, что сейчас все хотят найти выход: мы устали от атеизма, нас от него тошнит, он стал отвратителен даже для атеистов. Если возможно, осторожно поддерживайте нас – это я обращаюсь к Западу. Старайтесь не заставлять нас каким-либо образом приспосабливаться к вашей ситуации. У русских собственный путь. Если даже удастся заманить их на какой-нибудь другой, увидите, что ничего хорошего для вас из этого не выйдет.

Все идет собственным путем. Мы идем трудным путем Голгофы – такова Божия воля. Если вы поддерживаете наш крест, спасибо. Больше нам ничего и не нужно, мы

должны найти выход сами. Если мы сделаем это, то, возможно, сможем и вам сказать что-то новое" ("Посев", июль 1979 г., стр. 37-38).

Ни один свободно мыслящий православный христианин на Западе не может, прочитав это обращение, идущее из самой глубины страдающего православного сердца, не испытывать чувства глубокой симпатии к отцу Димитрию и всем тем, кто подобно ему пытается найти выход из беспрецедентной и невозможной ситуации, в которой они оказались в Московской Патриархии и в атеистическом обществе.

Ситуация отца Димитрия во многих отношениях похожа на ту, в которой оказались греческие священники-новостильники, знающие о том, что их собственные епископы вступили на ложный путь, но не имеющие возможности присоединиться к старостильникам из-за того, что в рядах тех царит смятение и сомнения (конечно, не среди всех старостильников, но среди достаточного их числа, что делает ситуацию крайне трудной и запутанной). Отец Димитрий не имеет иной альтернативы "вступления в Синод", хотя из его собственных заявлений совершенно ясно, что это именно то, что бы он сделал, если бы мог выбирать (то есть если бы его должны были выслать на Запад). Вот, например, некоторые из его высказываний о Русской Зарубежной Церкви в одной из последних записанных на пленку бесед перед арестом (Гребново, ноябрь, 1979 г.).

"Им, на Западе, нужно сохранить традицию. Это для них лучше и удобнее. Пусть там старухи, но они тоже могут многое сделать. Мы знаем, кто болеет о России, кому Россия дорога, даже если среди них могут быть какие-то крайние взгляды...

Я скажу, что я очень благодарен Синодальной Зарубежной Церкви, потому что большинство людей оттуда, когда они приезжают сюда, я ощущаю "моими" людьми, с ними так хорошо говорить... Может быть, не все в Русской Зарубежной Церкви меня понимают, но, по большей части, они действительно понимают. И меня не оскорбляют! Когда приезжают люди из Американской Автокефальной Церкви, были хорошие беседы; но я чувствую, что у них какое-то западное мировоззрение...

Мне говорят, что у меня взгляды славянофила. Я, конечно, признаю, что я действительно русский, священник и ко всему отношусь как русский, но я не отделен от Полноты Церкви. И русский священник, и Русская Церковь – это части, входящие в единое целое. Но на первом месте всегда у меня Церковь. Я стремлюсь привести людей к Церкви" ("Вестник" Западно-Европейской епархии Русской Зарубежной Церкви, 1980 г., № 16, стр. 17).

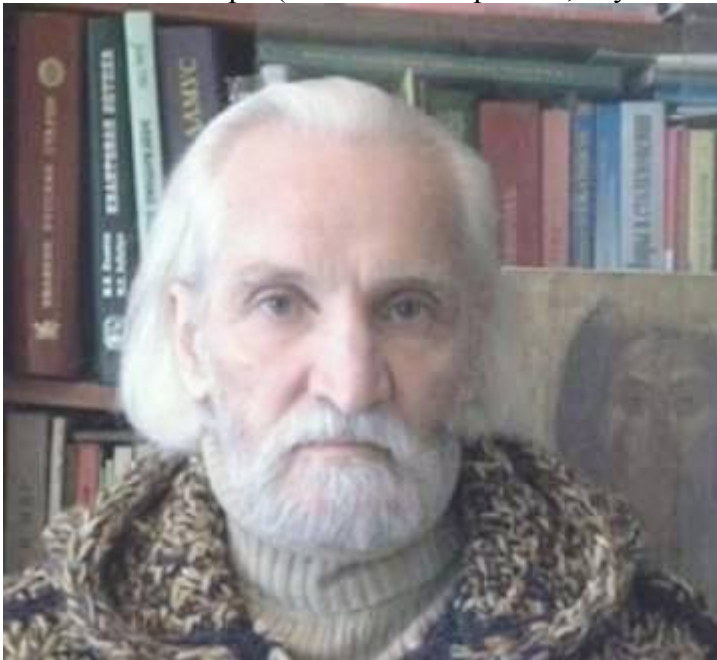
В Советском Союзе, как нигде больше в мире, невозможно применить строгие ярлыки "юрисдикции". В Московской Патриархии есть епископы-предатели и сам принцип сергианства есть предательство Православия, как сказал отец Димитрий. Поэтому свободная Русская Зарубежная Церковь не имеет общения с этой юрисдикцией. Но в той же самой Московской Патриархии есть множество священнослужителей, подобных отцу Димитрию Дудко, которые не участвуют в этом предательстве, а выступают в духе катакомбной Церкви и свободной Русской Зарубежной Церкви. Мы даже знаем, по меньшей мере, катакомбного священника (а, возможно, есть и другие), который намеренно вступил в Московскую Патриархию, чтобы приводить к благодати Божией больше людей, чем возможно в маленьких кельях катакомбной Церкви.

Люди, отрезанные от катакомбной Церкви, также получают причастие от священников Московской Патриархии, которым они доверяют (отец Димитрий описал один такой случай), и мы не можем осуждать их за это. Синод епископов Русской Зарубежной

Церкви ввиду всего этого постановил для всех епархий помянуть на проскомидии отца Дмитрия и других священников и мирян Московской Патриархии во узах (Указ № 17 от 16/29 января 1980 года, см. "Православное слово", 1980 г., № 90, стр. 2), и такой ревностный иерарх как епископ Андрей в Новом Дивееве публично помянул на Великом входе на литургии только что почившего иерарха Московской Патриархии архиепископа Гермогена, закончившего жизнь в немилости у церковных властей из-за того, что не принял диктат атеистов.

Ничто из этого ни в малейшей степени не меняет нашего отношения к сергианству как к предательству Церкви. Но это убеждает нас не смотреть на отца Дмитрия и других подобных ему (таких как Борис Талантов) как на "врагов" по юрисдикции, потому что они не входят в катакомбную Церковь. Мы должны попытаться лучше понять их исключительно трудное положение и радоваться, что такое истинно православное христианское явление выходит из лона скомпрометированной Московской Патриархии – это доказательство, что церковная жизнь даже там не мертва, и обещания, что, когда изменится политическая ситуация в России, породившая сергианство, возможно будет полное единение в вере с такими мужественными борцами, как отец Дмитрий.

Мы знаем, что катакомбный священнослужитель из другого мира проявил заботу, чтобы отца Дмитрия произвели в священники, пусть даже в Московской Патриархии. Это был епископ Парфений, викарий Одесской епархии, расстрелянный в архангельской тюрьме в 1937 году, который так и остался в оппозиции к митрополиту Сергию. Однажды, в трудные дни 1960 года, когда Дмитрий Дудко уже отчаялся быть посвященным (прошло два года после окончания им Духовной академии, а церковные власти все еще смотрели на него с подозрением как на бывшего зека), мать его друга видела сон. Епископ Парфений стоял в полном облачении у стола со всем приготовленным и говорил ей: "Я беру малую частицу просфоры для вашего Мити – 7 (20) ноября он станет диаконом, и большую частицу – 8 (21) ноября он будет священником". Все случилось, как предсказал епископ Парфений, и с того времени отец Дмитрий всегда поминал этого катакомбного епископа на литургии как одного из своих отцов в вере. (А. Левитин-Краснов, "Русская жизнь", 22 января 1975 г.)

36. Лев Регельсон

В 1977 году в России впервые была сделана попытка опубликовать историю Русской Церкви и оценить ее в период после 1917 года с православной точки зрения (а не просто как защиту Московской Патриархии). Написанная молодым мирянином Львом Регельсоном, книга уже своим названием "Трагедия Русской Церкви, 1917-1945 гг." (Париж, ИМКА-Пресс) оценивает период, когда основные принципы жизни Церкви были принесены в жертву политическим целям советского правительства, что вызвало глубокое разделение в Церкви.

Пытаясь быть объективным в своей оценке церковных событий этого периода, Регельсон выступает против сергианства и в согласии с позицией первых катакомбных иерархов и их борьбой за свободу Церкви, хотя его собственная позиция – это скорее попытка компромисса между ними. Он делает главный упор на постановление патриарха Тихона от 7/20 ноября 1920 года, которое допускало временное независимое существование отдельных епархий или групп епархий, если их связь с центральным Церковным управлением была прервана. Он видит в этом постановлении основу русской церковной жизни в революционный период, что в каком-то отношении явилось возвратом к катакомбной церковной жизни до Константина Великого, и, действительно, это постановление вплоть до наших дней является основой управления катакомбной Церковью в России и свободной Зарубежной Русской Церковью. Регельсон рассматривает попытку митрополита Сергия любой ценой (даже полной зависимостью от атеистического режима) сохранить церковный "центр" как фатальную ошибку, которая в основном и привела к "трагедии Русской Церкви" сегодня.

В этой книге больше информации об иерархах и документов катакомбной Церкви, чем в любой книге, опубликованной на Западе, за исключением одной-единственной книги протопресвитера Михаила Польского "Новые мученики российские"; некоторые из этих документов использованы в данном издании. Книга содержит ценные биографические сведения о тридцати восьми "непоминающих" епископах (тех, кто отделился от митрополита Сергия – приложение III), а большая часть ее посвящена хронологии церковных событий с 1917 по 1953 год (приложение I). Здесь мы представляем отрывки из этой хронологии, относящиеся к Катакомбной Церкви с 1927 года и далее.

Хронология.

1927

Июнь-конец года.

Массовые перемещения личного состава иерархии, увольнение на покой ссыльных епископов, перевод возвратившихся "неблагонадежных" на дальние окраины, назначения и хиротонии бывших обновленцев и лиц, выражающих согласие с позицией митр. Сергия.

16/29 июля.

Послание ("Декларация") Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, митрополита Нижегородского Сергия (Страгородского), и временного при нем Патриаршего Священного Синода об отношении Православной Российской Церкви к существующей гражданской власти.

"Теперь наша Православная Церковь в Союзе имеет не только каноническое, но и по гражданским законам вполне легальное центральное управление: а мы надеемся, что легализация постепенно распространится и на низшее наше церковное управление: епархиальное, уездное и т. д. ... Мы хотим быть Православными и в то же время сознать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой – наши радости и успехи, а неудачи – наши неудачи. Всякий удар, направленный в Союз... сознается нами, как удар, направленный в нас".

Июль.

Массовое возвращение "Декларации" православными приходами митрополиту Сергию в знак протеста. В некоторых епархиях (на Урале) до 90% приходов отослали "Декларацию" назад.

Август.

Легализация церковной администрации, созданной митрополитом Сергием.

Август.

Ссылка тяжело больного митр. Петра в зимовье – 200 верст от Обдорска на берегу Обской губы.

31 авг./13 сентября.

Постановление сергианского Синода о переводе митрополита Иосифа на Одесскую кафедру.

14/27 сентября.

Отзыв соловецких епископов на "Декларацию".

Из текста отзыва:

«а) Мысль о подчинении Церкви гражданским установлениям выражена в такой категорической и безоговорочной форме, которая легко может быть понята в смысле полного сплетения Церкви и государства...

б) Послание приносит Правительству "всемирную благодарность за внимание к духовным нуждам Православного населения". Такого рода выражение благодарности в устах Главы Русской Православной Церкви не может быть искренним и потому не отвечает достоинству Церкви...

в) Послание Патриархии без всяких оговорок принимает официальную версию и всю вину в прискорбных столкновениях между Церковью и государством возлагает на Церковь...

г) Угроза запрещения эмигрантским священнослужителям нарушает постановление Собора 1917/1918 гг. от 3/16 августа 1918 г., разъяснившее всю каноническую недопустимость подобных кар и реабилитировавшее всех лиц, лишенных сана за политические преступления в прошедшем (Арсений Мацеевич, священ. Григорий Петров)».

15/28 сентября.

Письмо митрополита Иосифа митрополиту Сергию с признанием незаконности перевода на Одесскую кафедру.

20 сентября/3 октября.

Доклад епископа Петергофского Николая (Ярушевича) о волнениях в Ленинградской епархии в связи с переводом митрополита Иосифа.

29 сентября/12 октября.

Постановление митрополита Сергия и Синода, подтверждающее перевод митрополита Иосифа в Одессу. Временное управление Ленинградской епархией митрополит Сергей берет на себя.

8/21 октября.

Указ митр. Сергия № 549 о форме поминовения за Богослужением (гражданских) властей и отмены поминовения находящихся в ссылке епархиальных епископов.

17/30 октября.

Письмо митрополита Иосифа митрополиту Сергию с отказом оставить Ленинградскую епархию.

Октябрь.

Ответная телеграмма митрополита Иосифа митрополиту Михаилу (Ермакову) по поводу перевода на Одесскую кафедру: "Перемещение противоканоническое, недобросовестное, угождающее злой интриге мною отвергнуто".

22 октября/4 ноября.

Письмо православного своему другу (имена неизвестны) о последних событиях церковной жизни: «Всякому, имеющему очи, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать, ясно, что, вопреки декрету об отделении Церкви от государства, Православная Церковь вступила в тесный, живой союз с государством. И с каким государством?! Возглавляемым не Православным Царем (в свое время многие члены Церкви энергично возражали против связи Церкви и с таким государством), а властью, которая основной задачей своей поставляет уничтожение на земле всякой религии, и прежде всего Православного Христианства, так как в нем она видит – и справедливо – основную мировую базу религиозной веры и первоклассную крепость в ее брани с материализмом, атеизмом, богоборчеством и сатанизмом (кoему, как гласит народная молва, причастны неции из властей века сего)...»

Автор развивает мысль, что происходящие события являются прообразом последних

апокалиптических свершений, на основе пророчеств епископа Феофана Затворника о будущих ложных христианах, "возлюбивших нынешний век".

«Хотя имя христианское будет слышаться повсюду, и повсюду будут видны храмы и чины церковные, но все это одна видимость, внутри же отступление истинное. На этой почве народится антихрист – и возрастет в том же духе видимости».

Автор пишет о верующих, которые «не спешат окончательным разрывом с церковными "прелюбодеяниями", в надежде, что совесть их сожжена не до конца, а потому возможно покаяние и исправление...

Ноябрь.

Появление приходов в Ленинграде, не поминающих имя митр. Сергия за Богослужением.

29 ноября/12 декабря.

Беседа ленинградских "иосифлян" во главе с епископом Димитрием (Любимовым) с митрополитом Сергием. "Иосифляне" выступают от имени и по поручению восьми епископов Ленинградской епархии, духовенства и академических кругов Ленинграда.

Возражения против "Декларации", поминания властей на литургии, возношения имени митрополита Сергия вместе с митрополитом Петром, запрете молиться за ссыльных и заключенных, создания незаконного "Синода", личного состава "Синода".

Декабрь.

Обращение к митрополиту Сергию от имени духовенства и мирян Ленинградской епархии профессора-протоиерея Верюжского о причинах нестроений в Церкви.

Требования к митрополиту Сергию:

- «1. Отказаться от намечающегося курса порабощения Церкви государству.
2. Отказаться от перемещений и назначений епископов помимо согласия на то паствы и самих перемещаемых и назначаемых епископов.
3. Превратить Синод в орган только совещательный, с тем, чтобы указы подписывались только Заместителем Местоблюстителя.
4. Удалить из состава Синода прорекаемых лиц (в том числе Алексея Симанского).
5. При организации епархиальных управлений охранять устои Православной Церкви, каноны, постановления Собора 1917/18 гг. и авторитет епископата.
6. Возвратить на Ленинградскую кафедру митрополита Иосифа.
7. Отменить возношение имени Заместителя.
8. Отменить запрет молиться о ссыльных епископах, распорядиться молиться за гражданскую власть».

Декабрь.

Ответ митрополита Сергия профессору-протоиерею Верюжскому с отказом изменить курс "церковной политики".

10/23 декабря.

Постановление Синода о епископе Викторе (Островидове). Предан суду епископов, запрещен в священнослужении, уволен от управления.

13/26 декабря.

Акт об отделении от митрополита Сергия, подписанный епископом Димитрием Гдовским и епископом Сергием Нарвским ("ради мира совести отрицаемся мы лица и дел бывшего нашего предстоятеля, незаконно и безмерно превысившего свои права").

16/29 декабря.

Второе письмо епископа Виктора (Островидова) к митрополиту Сергию с протестом против новой "сергианской политики".

17/30 декабря.

Постановление митрополита Сергия и временного Патриаршего Священного Синода о запрещении в священнослужении ленинградских епископов, отошедших от митр. Сергия.

18/31 декабря.

Послание митрополита Сергия и сергианского Синода с призывом к объединению. Из Послания: «Каноны нашей Святой Церкви оправдывают разрыв со своим законным епископом или Патриархом только в одном случае: когда он уже осужден Собором или когда начнет проповедовать заведомую ересь, тоже уже осужденную Собором. Во всех же остальных случаях скорее спасется тот, кто останется в союзе с законной церковной властью, ожидая разрешения своих недоумений на Соборе, чем тот, кто, восхитив себе Соборный суд, объявит эту власть безблагодатной и порвет общение с ней (Двукратного соб. пр. 15 и мн. др.)».

Декабрь.

Послание "одного епископа" по поводу причин, допускающих разрыв с митрополитом Сергием. "Отошедшая же от митрополита Сергия (Страгородского) Православная Церковь может управляться одним из старейших иерархов или, как это было во время заключения Патриарха Тихона, каждая епархия – самостоятельно своим архиереем".

1927.

Неучастие в сергианских Богослужениях ссыльного Платона (Руднева), епископа Богородского, викария Московской епархии.

1928

25 декабря 1927/7 января 1928.

Письмо митрополита Иосифа к ленинградским "непоминающим" с одобрением действий своих викариев: «Для осуждения и обезвреживания последних действий митрополита Сергия (Страгородского), противных духу и благу Святой Христовой Церкви, у нас, по внешним обстоятельствам, не имеется других средств, кроме как решительный отход от него и игнорирование его распоряжений.

30 декабря 1927/12 января 1928.

Письмо бывшего настоятеля Московского храма "Николая Большой Крест" (на Ильинке), протоиерея Валентина Свенцицкого митрополиту Сергию о том, что он порывает общение с митрополитом Сергием, с благословения епископа Гдовского Дмитрия (Любимова), с сохранением возношения имени митрополита Петра.

4/17 января.

Обращение 70-летнего старца, Гдовского архиепископа Дмитрия (Любимова) к духовенству с объяснением причин разрыва канонического общения с митрополитом Сергием.

9/22 января.

Послание епископа Козловского Алексея (Буй), управляющего Воронежской епархией, к православному клиру и мирянам Воронежской епархии, об отделении от митрополита Сергия.

12/25 января. ?

Постановление митрополита Сергия и его Синода о "раздорнической деятельности и учинении раскола и смуты" епископом Димитирем (Любимовым) и епископом Сергием (Дружининым). Запрещение и увольнение епископа Сергия, подтверждение запрещения епископа Дмитрия.

13/26 января или 16/29?

Указ митрополита Сергия и его Синода по поводу "раскола" и с призывом к епархиальным архиереям представить свои соображения по поводу будущего Поместного Собора.

13/26 января.

Заявление группы духовенства города Серпухова во главе с епископом Алексием (Готовцевым) об отделении от митрополита Сергия.

14/27 января.

Постановление митрополита Сергия и сергианского Синода по делу "о раздорнической деятельности епископа Уразовского Алексея (Буй)". Предан архиерейскому суду, запрещен в священнослужении и уволен на покой.

17/30 января.

Послание митрополита Сергия к Петроградской пастве в связи с "иосифлянским расколом".

24 января/6 февраля.?

Письмо бывшего Заместителя Патриаршего Местоблюстителя архиепископа Угличского Серафима (Самойловича) к митрополиту Сергию с призывом вернуться на путь Истины.

24 января/6 февраля.

Обращение к митрополиту Сергию от пяти епископов ("Ярославская Декларация"): митрополита Ярославского Агафангела (Преображенского), архиепископа Серафима Угличского (Самойловича), викария Ярославской епархии, митрополита Иосифа (Петровых), архиепископа Варлаама (Ряшенцева), бывшего Пермского, временно управляющего Любимским викариатством, епископа Евгения (Кобранова) Ростовского, викария Ярославской епархии, с сообщением об отделении от него и отказе признать за ним и его Синодом права на Высшее управление Церковью.

Основной мотив отделения: «Почитая священным долгом своим охранять чистоту Святой Православной веры и завещанную Христом свободу устройства внутренней религиозной церковной жизни, в целях успокоения смущенной совести верующих, за неимением иного выхода из создавшегося рокового для Церкви положения», отделяемся.

26 января/8 февраля.

Послание митрополита Иосифа к Ленинградским викариям, пастырям и верующим Ленинграда с сообщением о том, что он берет на себя возглавление Ленинградской епархии.

28 января/10 февраля.

Письмо митрополита Сергия митрополиту Агафангелу с мольбой о сохранении общения.

1/14 февраля. ?

Письмо митрополита Иосифа епископу Димитрию (Любимову), в котором сообщается, что от митрополита Сергия отделилось 26 епископов.

Зима 1928.

Встреча в поселке Полой (Красноярский край) едущего в ссылку митрополита Кирилла (Смирнова) с епископом Дамаскиным (Цедриком). Обсуждение ими церковных событий, личная дружба иерархов. Епископ Дамаскин еще до этого написал около 150 частных писем по поводу "Декларации" митрополита Сергия, послав их со своим келейником.

Март.

Ссылка архиепископа Серафима и митрополита Иосифа из Ярославской области

соответственно в город Могилев и в город Устюжны.

20 февраля/4 марта.

Отделение от митрополита Сергия в Вятской епархии епископа Яранского Нектария (Трезвинского) и епископа Илариона (Бельского).

28 февраля/12 марта.

Послание к пастырям епископа Виктора (Островидова) по поводу "соблазнительной деятельности" митрополита Сергия.

2 марта.?

Послание митрополита Иосифа ленинградской пастве о том, что архипастыри Ярославской церковной области отделились от митрополита Сергия, и он, приняв в этом участие, признает тем самым прежние распоряжения митрополита Сергия не имеющими силы.

14/27 марта.

Постановление сергианского Синода о запрещении восьми архиереев, в том числе митрополита Иосифа, митрополита Серафима и других, кроме митрополита Агафангела.

25 марта/7 апреля.

Письмо митрополита Агафангела митрополиту Сергию по поводу обвинения в расколе и просьбы пересмотреть решение об отделении. Отвергаются обвинения в расколе, поскольку: "Мы ни одним словом не обмолвились, что отделяемся от Вас по разному смыслу в вере, тайнодействии и молитве, а только в порядке административного управления". Выражено несогласие с попыткой митрополита Иосифа объединить вокруг себя всю оппозицию.

29 марта/11 апреля.

Постановление № 76 митрополита Сергия и сергианского Синода по делу "о нестроениях в Ленинградской, Ярославской, Вятской и Воронежской епархиях" – увольнения и запрещения архиереев – митрополита Иосифа (Петровых), епископа Иерофея (Афонина), епископа Евгения (Кобранова), архиепископа Серафима (Самойловича), архиепископа Варлаама (Ряшенцева). Последнее предупреждение митрополиту Агафангелу с угрозой запрещения.

Апрель.

Арест и ссылка епископа Виктора (Островидова).

27 апреля/10 мая. ?

Письмо митрополита Агафангела, епископа Евгения (Кобранова) Ростовского и архиепископа Варлаама (Ряшенцева), управляющего Любимским викариатством, о том, что они не порывают молитвенного общения с митрополитом Сергием; не отрицают принципиально его власть как заместителя Местоблюстителя; раскола не учиняют, но

распоряжения, смущающие религиозную совесть и, по убеждению пишущих, нарушающие каноны, выполнять не могли и не могут; иноепархиальных епископов, клириков и мирян в общение не принимают и направляют к митрополиту Сергию.

Май.

Открытое письмо епископа Павла (Кратирова) Ялтинского: "О модернизированной Церкви или о сергиевском православии".

Июнь?

Послание архиепископа Серафима (Самойловича) из Буинического Свято-Духова монастыря Могилевской епархии с обвинением митрополита Сергия в тяжком грехе "увлечения малодушных и немощных братьев наших в новообновленчество".

8/21 июля.

Письма архиепископа Илариона (Троицкого) из Соловков частным лицам с осуждением действий отделившихся от митрополита Сергия.

24 июля/6 авг. ?

Письмо митрополита Иосифа епископу Димитрию (Любимову) по поводу "воссоединения" ярославской группы с митрополитом Сергием. (Главный пункт в позиции ярославской группы – свобода исполнять или не исполнять постановления митрополита Сергия – остался неизвестным митрополиту Иосифу и его соратникам). Резкие выражения в адрес ярославских епископов: "дезертиры", "изменники", "предатели".

3/16 октября.

Кончина митрополита Агафангела.

28 ноября/11 декабря.

Продолжительная беседа вернувшегося из ссылки епископа Дамаскина (Цедрика) с митрополитом Сергием: «Если издали я еще предполагал возможность данных, коими бы оправдывалось поведение его, то теперь и эти предположения рушились», – писал епископ Дамаскин об этом свидании. «Неисчислимы, бесконечно тягостны внутренние последствия декларации – этой продажи первородства Истины за чечевичную похлебку лживых и неосуществимых благ».

1928 ?

Письмо духовного старца отца Всеволода о нестроениях в Церкви, вызванных иосифлянкой оппозицией: «У вас произошло разделение на две части. Одни стоят за митрополита Сергия (Страгородского) и за Синод, другие – против... И те и другие неправы. Митрополит Сергей (Страгородский) и его Синод выпустили воззвание, в котором смешивают церковное дело с политикой, и совершают перемещение епископов помимо воли последних... Правы те, которые выставляют против митрополита Сергия обвинения; но глубокая, ничем не оправдываемая ошибка их заключается в том, что они порвали общение с ним и даже объявляют его еретиком, а всех, находящихся в общении с ним, безблагодатными... Взаимные прещения одной и

другой стороны не имеют поэтому никакой силы... И вы можете свободно ходить в те и другие храмы, моля Господа, чтобы Он дал каноническую правильность в отношениях между Православными и умирил бы Церковь Свою. Нельзя ходить только к явным раскольникам: обновленцам, григорианам и украинцам. Этим последним бойтесь: они – безблагодатны...»

1929

1929.

Арест 15 отделившихся от митрополита Сергия епископов:

1. Митрополит Иосиф (Петровых) Ленинградский – в ссылке в Устюжском уезде Новгородской губернии.
2. Архиепископ Серафим (Самойлович) Угличский – в Соловках.
3. Архиепископ Варлаам (Ряшенцев), бывший Пермский – в Ярославской тюрьме.
4. Епископ Дмитрий (Любимов) Гдовский – в Ленинградской тюрьме.
5. Епископ Алексей (Буй) Уразовский – в Соловках.
6. Епископ Виктор (Островидов) Вятский – в Соловках.
7. Епископ Максим (Жижиленко) Серпуховской – в Соловках.
8. Епископ Афанасий (Молчановский) Сквирский – в Соловках.
9. Епископ Нектарий (Трезвинский) Яранский – в ссылке в Казани.
10. Епископ Иларион (Бельский) Почепский (?) – в Соловках.
11. Епископ Павел (Кратиров) Ялтинский – в Харькове в ссылке.
12. Епископ Василий (Докторов) Каргопольский – в ссылке, неизвестно где.
13. Епископ Сергей (Никольский), бывший Бузулукский – в ссылке, неизвестно где.
14. Епископ Иосиф (?), бывший Бирский – в ссылке, неизвестно где.
15. Епископ Дамаскин (Цедрик) Глуховский – в тюрьме, в Москве.

Арест епископов происходил следующим образом: агент ГПУ являлся к епископу и ставил ему следующий вопрос: "Как Вы относитесь к декларации митрополита Сергия (Страгородского)?" Если епископ отвечал, что он ее не признает, то агент заключал: "Значит, Вы контрреволюционер". И епископ арестовывался.

2/15 мая.

Первое письмо митрополита Казанского и Свияжского Кирилла (Смирнова),

адресованное викарию Казанской епархии Афанасию (Малинину) и направленное для осведомления митрополиту Сергию из ст. Хантайка Туруханского района Красноярского округа. Некоторые из основных положений: «Никакой заместитель по своим правам не может равняться с тем, кого он замещает... Коренное же изменение самой системы церковного управления, на что отважился митрополит Сергей, превышает компетенцию и самого Местоблюстителя Патриаршего Престола... До тех пор, пока митрополит Сергей не уничтожит учрежденного им Синода, ни одно из его административно-церковных распоряжений, издаваемых с участием так называемого Патриаршего Синода, я не могу признавать для себя обязательным к исполнению».

Май.

Приглашение митрополита Ленинградского Серафима (Чичагова) епископу Дамаскину (Цедрику) стать его помощником. Отказ епископа Дамаскина от этого предложения. Епископ Дамаскин организует посылку гонца к митр. Петру в поселок Хэ. Посланец застаёт митрополита Петра совершенно больным и неосведомленным о церковных событиях. "Дедушка (то есть митрополит Петр) говорит о положении и дальнейших выводах из него почти моими словами", – писал епископ Дамаскин в одном из своих писем. Однако письменного ответа посланцу митрополит Петр не дал, опасаясь, что агенты НКВД раздуют дело о контрреволюционной организации.

24 июля/6 августа.

Постановление митрополита Сергия и сергианского Синода об отношении к священнодействиям, совершаемым "раскольничьим клиром". Приравнение отделившихся епископов (митрополита Иосифа, епископа Димитрия Любимова, епископа Алексия Буй), как запрещенных в священнослужении, к обновленцам и григорианам. Таинства, совершенные ими, кроме крещения, признаются недействительными".

5/18 сентября.

Первое письмо митрополита Сергия митрополиту Кириллу (в защиту собственных действий). "Вы порвали с нами евхаристическое общение и в то же время не считаете ни себя учинившими раскол, ни нас стоящими вне Церкви. Для церковного мышления такая теория совершенно неприемлема – это попытка сохранить лед на горячей плите". Призыв (к митрополиту Кириллу) к пересмотру позиции и угроза канонических санкций.

28-30 октября/10-12 ноября.

Второе письмо ("отзыв") митрополита Кирилла митрополиту Сергию.

Ноябрь.

Арест епископа Дамаскина (Цедрика), проживавшего в Стародубе, по обвинению стародубского благочинного, ревностного сторонника "декларации". Ссылка на Соловки. "...Я прихожу к мысли, что даже решительное слово митрополита Петра не изменит существенно положения", – писал епископ Дамаскин перед арестом. В этот период своей жизни в Стародубе он приучает своих друзей и последователей к мысли, что Христианство на Руси вынуждено будет уйти в подполье. Влиять на широкие слои народа потеряна всякая возможность.

1930

20 декабря 1929/2 января 1930.

Второе письмо митрополита Сергия митрополиту Кириллу кончается назначением крайнего срока, 2/15 февраля 1930 г., для выражения митрополитом Кириллом канонического послушания и отказа от общения с раскольниками, с этого срока вступает в силу предание митрополита Кирилла суду Собора архиереев, увольнение его от управления Казанской епархией.

19 января/1 февраля.

Арест в Соловецком лагере особого назначения епископа Алексия (Буй).

5/18 февраля.

Интервью иностранных корреспондентов с митрополитом Сергием. Сообщены данные о состоянии патриаршей Церкви: приходов около 30.000, священников значительно больше (1-3 на приход), 163 епископа, «находящихся в каноническом подчинении Патриархии». (Такие "данные", конечно, были полностью вымышленными, чтобы прикрыть гонения на Церковь, которая к тому времени лишилась уже тысячи церквей, и вдесятеро уменьшилось количество священников).

Начало 1930 года.

Уход под влиянием бесед с митрополитом Кириллом Амфилохия (Скворцова), епископа Енисейского и Красноярского, в таежные леса, где он основал свой скит.

Отделение от митрополита Сергия епископа Ижевского Синезия (Зарубина).

13/26 февраля.

Письмо митрополита Петра из зимовья Хэ митрополиту Сергию, как сообщается в письме, – в дополнение к ранее направленному письму (видимо, не дошедшему до адресата? – Л.Р.): «Я постоянно думаю о том, чтобы Вы являлись прибежищем для всех истинно-верующих людей. Признаюсь, что из всех огорчительных известий, какие мне приходилось получать, самыми огорчительными были сообщения о том, что множество верующих остаются за стенами храмов, в которых возносится Ваше имя. Исполнен я душевной боли и о возникающих раздорах вокруг Вашего управления и других печальных явлениях. Может быть, эти сообщения пристрастны, может быть, я достаточно не знаком с характером и стремлениями лиц, пишущих мне. Но известия о духовном смятении идут из разных мест и главным образом от клириков и мирян, оказывающих на меня сильное давление.

На мой взгляд, ввиду чрезвычайных условий жизни Церкви, когда нормальные правила управления подвергаются всяким колебаниям, необходимо поставить церковную жизнь на тот путь, на котором она стояла в первое Ваше заместительство. Вот и благоволите вернуться к той, всеми уважаемой Вашей деятельности. Я, конечно, далек от мысли, что Вы решитесь вообще отказаться от исполнения возложенного на Вас послушания – это послужило бы не для блага Церкви. Повторяю, что очень скорблю, что Вы не писали мне и не посвятили в свои намерения. Раз поступают письма от других, то

несомненно дошло бы и Ваше. Пишу Вам откровенно, как самому близкому мне Архипастырю, которому многим обязан в прошлом и от святительской руки которого принял постриг и благодать священства».

24 мая/4 июня.

Запрещение в священнослужении, наложенное на епископа Ижевского Синезия (Зарубина) за разрыв канонического общения с митрополитом Сергием.

1930 год.

Встречи протоиерея Михаила Польского в ссылке с "непоминающим" архиепископом Серафимом (Звездинским) и другими "непоминающими": «Архиепископ Серафим в глухой деревне совершал ночные службы, и верные люди приезжали даже из дальнейших мест... Сам я после оставления ссылки на нелегальном положении путешествовал по России и имел предложение от друзей быть стекольщиком или печником и с такой профессией посещать дома верующих».

24 ноября/7 декабря.

Арест епископа Сергия (Дружинина), возглавлявшего "иосифлянскую" оппозицию.

1931

Начало года.

Выход в свет первого номера Журнала Московской Патриархии (содержавшего оправдание позиции митрополита Сергия).

(В 1932 году в журнале были напечатаны постановления Синода митрополита Сергия, превозносящие его достоинства как первого иерарха Русской Церкви, а других членов Синода возводящие в сан митрополита.)

Начало апреля.

Закрытие в канун Благовещения храма святителя Николая на Маросейке: приход "непоминающих", настоятель отец Алексей Мечев.

Апрель.

Закрытие храма святых мучеников Кира и Иоанна на Солянке: приход "непоминающих" в Москве, настоятель отец Серафим Батюков.

1933

15/28 июля.

Письмо митрополита Кирилла Казанского митрополиту Сергию, содержащее протест против курса действий последнего.

Август.

Возвращение во Владимир из ссылки епископа Афанасия (Сахарова) и его пребывание на свободе до 18 апреля 1936 года.

Сентябрь.

Письмо епископа Афанасия епископу Владимирскому Иннокентию с обвинением митрополита Сергия в присвоении прав Первоиерарха и с сообщением о своем отделении от митрополита Сергия, в соответствии с Патриаршим Указом от 7/20 ноября 1920 года.

1933 год.

Закрытие последнего в Москве храма "непоминающих": церкви Сербского подворья на Солянке.

1933 год.

Развертывание нелегальной деятельности духовенства.

Свидетельство атеистической брошюры: «Поп-передвижка стал теперь довольно обычной фигурой в ряде районов. Предприимчивый батя захватывает в узелочек все необходимое культовое имущество и – от села к селу, от базара к базару, переезжая на лошади, выполняет по заказу требы, не давая верующим забывать о Боге. Верующие трудящиеся, если они верят в Бога и желают совершать Богослужения, имеют для этой цели официально зарегистрированные храмы. Но религиозные организации уходят в подполье... За последнее время в целом ряде мест, например в Западной Сибири, Центрально-Черноземной области, на Урале, Северном Кавказе и др., причем организовывается молитвенный дом где-нибудь в частном помещении, в подполье, куда вход доступен только ограниченному числу лиц, да и контроль со стороны власти отсутствует".

1934

Январь.

Письмо митрополита Кирилла в ответ на мнение некоего о необходимости объявить себя Местоблюстителем до времени освобождения митрополита Петра.

Конец 1933 – 14 июля 1934.

Пребывание митрополита Кирилла на свободе в городе Гжатске, активная деятельность по организации "непоминающих", то есть не признающих митрополита Сергия первоиерархом и управляющихся по Указу св. Патриарха Тихона от 7(20) ноября 1920 года.

1934 год.

Выход на свободу из Соловков епископа Дамаскина (Цедрика), его деятельность по

организации "непоминающих".

14/27 апреля.

Присвоение митрополиту Сергию сергианским Синодом и присоединившимися архиереями (всего 21 архиерей) титула "Блаженнейшего Митрополита Московского и Коломенского", с правом ношения двух панагий.

1934 год.

Продолжение тайной Богослужебной деятельности духовенства.

Письмо священника Казанской епархии, попавшее за границу: «Я отбыл ссылку и, вернувшись в родные края, не получил прихода. Единственное, что мне оставалось, – это странствовать по деревням, где нет церквей, и за кусок хлеба и ночлег совершать Богослужение. Много мне подобных священнослужителей с котомками за плечами переходят из села в село, предлагая совершить Богослужение. Многие нас гонят, издеваются над нами, но многие принимают, кормят, дают кров, просят отслужить. Служим все, до литургии включительно. Для совершения службы носим в котомках антиминс, дарохранительницу со святыми дарами, ладан, кадило, церковное вино и простенькое облачение. Так целый алтарь носим за плечами. Чаше всего просят отслужить панихиду».

1936

1936 год.

Закрытие последнего в Ленинграде храма "непоминающих" – Тихвинской Божией Матери в Лесном. До этого закрыты храмы: Воскресения на Крови, собор святителя Николая, собор святого князя Владимира и другие.

14/21 декабря.

"Акт о переходе прав и обязанностей Местоблюстителя Патриаршего Престола Православной Российской Церкви к Заместителю Патриаршего Местоблюстителя, Блаженнейшему Митрополиту Московскому и Коломенскому Сергию (Страгородскому), в связи с якобы последовавшей 29.8/11.9 1936 г. кончиною в ссылке митрополита Крутицкого Петра (Полянского)".

(Но обратим внимание на цитату из статьи митрополита Сергия в 1931 году: "Ушел Местоблюститель от должности (за смертью, отказом и подобным) – в тот же момент прекращаются полномочия Заместителя". О полномочиях Патриаршего Местоблюстителя и его Заместителя. ЖМП, 1931 г., № 1.)

1937

1937 год и позднее.

Продолжение тайной деятельности "непоминающих". "...Свидетели, находящиеся ныне

за границей, в начале 1938 года могли найти в Москве катакомбную церковь "иосифлян". У некоей Н.Н. собирались в квартире человек 30-40, служил батюшка. Чтобы войти, надо постучать по водосточной трубе условным знаком. Тайноцерковники имели связь с высшими духовными руководителями, старцами, местопребывание которых тщательно скрывалось. Они жили где-нибудь в деревне и притом непостоянно, часто меняя место... В отдаленных окраинах советской России жили благочестивые люди, отказавшиеся от сергианских церквей. Им всем в посылках, например, в коробках с конфетами, посылались Святые Дары из разных центров. Другим привозились и передавались".

1939

Продолжение тайной деятельности "непоминающих". Обслуживание "непоминающими" священниками верующих, не отходивших от митрополита Сергия, но оставшихся без храмов и духовенства.

Журнал "Безбожник" 21 апреля 1939 года в статье "Церковь в чемодане" писал, что у священников, изгнанных НКВД из приходов и путешествующих, "все необходимые принадлежности для совершения обряда находятся в чемодане. Если нужно помочь хозяйке на кухне, они и это делают, покупают продукты для больных".

V. Катакомбная Церковь в последующие годы

V

Катакомбная Церковь в последующие годы.

"Для того ли приносится свеча, чтобы поставить ее под сосуд или под кровать? не для того ли, чтобы поставить ее на подсвечнике? Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, и ничего не бывает потаенного, что не вышло бы наружу. Если кто имеет уши слышать, да слышит!"

Мк. 4, 21-23

37. Катакомбное послание 1962 года

[Вячеслав Иванович Марченко](#)

37.

Катакомбное послание 1962 года
члена многострадальной катакомбной Церкви России.

Вступление редактора.

До семидесятых годов XX века буквально вся наша достоверная информация о катакомбной Церкви в России поступила из документов епископов – ее основателей и

свидетельств катакомбных верующих, бежавших из Советского Союза, главным образом во время Второй Мировой войны. Таким образом, эта информация ограничена периодом с 1927 до начала 1940-х годов, а о катакомбной Церкви с 1940 года не было известно почти ничего.

В семидесятых годах с новой волной эмиграции и возрастанием связей между Россией и внешним миром, завеса была несколько отодвинута. Следующие тексты, все от свидетелей из самой России, содержат большую часть того, что известно общественности о катакомбной Церкви в годы после Второй Мировой войны.

Первый текст, хотя датируется 1962 годом, был напечатан только в 1977 году в "Трагедии Русской Церкви" Льва Регельсона, а до этого был известен лишь немногим людям в Советском Союзе. Его анонимный автор – сознательный (но умеренный) апологет катакомбной Церкви, которая продолжает свое отдельное от Московской Патриархии существование до наших дней.

Дорогие детки!

Вы просите разъяснения одной и той же темы. О ней лучше всего было бы поговорить при встрече, но, к сожалению... приходится писать с риском не ответить на некоторые ваши недоумения.

Советская война против Церкви.

Как только пришли к власти, большевики сразу же объявили войну против Церкви. Это было, если угодно, единственным честным актом во всей их политической деятельности, ибо любое соглашение между этими двумя лагерями было немыслимо ввиду противоречий, которые их разделяют (какой может быть союз Христа с велиаром?), и не может быть совсем никакой речи о терпимости со стороны большевиков. Но сразу же с объявлением этой войны их честность испарилась, так как мотивы войны они выдвинули ложные. Они немедленно начали обвинять Церковь в контрреволюции. Это была чистая несправедливость, потому что с того времени как большевики закрепились на всей территории бывшей России и гражданская война закончилась, то есть с того времени, когда каждому, кто стоял у власти, это стало ясно, большевики не могли указать ни на один факт, который подходил бы под эту концепцию – концепцию политических военных действий, тайного заговора с целью уничтожить противника. Но они начали преследовать христиан именно из-за этого ложного предлога. И когда пришла моя очередь, на одном из допросов я заявил своему следователю: "Да, я контрреволюционер, не отрицаю этого. Когда вы говорите "да", я говорю "нет", когда вы говорите "белое", я говорю "черное", когда вы хвалите, я резко осуждаю. Но вы не имеете права преследовать меня за это, поскольку провозгласили свободу религии. Следовательно, мои религиозные убеждения, согласно вашим же собственным законам, не преступление. И вы ни в малейшей степени не можете обвинять меня в политической войне с вами, в действиях, которые своей целью имеют вызвать ваше уничтожение". И несмотря на то, что он действительно не мог привести обвинения ни в одном контрреволюционном действии против меня, я все же был "приговорен" без всякого суда к десяти годам.

В начале большевики были совсем наивные. Им казалось, что главная сила Церкви кроется в ее материальном могуществе. Под предлогом помощи голодающим они

провели так называемую "конфискацию церковных ценностей", но ни единой копейки оттуда не пошло голодающим, и весь металл был использован не для закупки товаров, а для чеканки монет, чтобы поддержать фантастически обесцененный советский рубль. Но вопреки их расчетам Церковь устояла, и свет ее даже стал чище и яснее. Освободившись от чуждой для нее обязанности – защищать и поддерживать далекий от ее идеала (с ее точки зрения) правительственный и общественный порядок, Русская Церковь окончательно перешла к выполнению своей вечной цели – благодатному обновлению и возрождению человеческих душ.

Потом наступили несколько лет, которые все, кто пережил их в церковном окружении, может вспомнить только с чувством великой духовной радости и горячей благодарности Богу, Который удостоил их испытать то, что они испытали. Были исповедники, были мученики, были гонения, уничтожения и издевательства. Но это не уменьшало радости, ибо все это переносилось не для того, чтобы обрести какие-то земные цели, но только во имя Христа – только во имя Него. Церковь, абсолютно беззащитная, ощущала себя и праведной, и непобедимой. Ясно, что сама жизнь доказала правильность мысли святителя Иоанна Златоуста, что, как враги ничего не могли сделать с Господом Иисусом Христом и Его учениками до тех пор, пока среди них не нашелся предатель, так и никакие преследования извне не страшны для Церкви, пока среди пастырей нет предателей. И, увы, такие предатели нашлись.

Советским властям удалось найти некоторых иерархов, которые не отвратились один за другим выступить в роли Иуды Искариота. Сначала это были "живоцерковники", "обновленцы", потом "григорианцы" и другие. Их попытки передать руль канонического управления Церковью в руки ее заклятых врагов и таким образом и извратить или даже полностью парализовать ее влияние на духовную жизнь страны были бесплодны, пока митрополит Сергей не стал Заместителем Временного Патриаршего Местоблюстителя после ареста целого ряда епископов, занимавших этот пост до него...

Декларация митрополита Сергея.

А потом, это было в 1927 году, была опубликована его декларация. Вероятно, вы ее читали, поэтому мне нет нужды излагать ее в деталях. Можно только сказать, что в ней митрополит Сергей исполнил не те обещания, которые он дал своим братьям по вере, а те, которые вытребовали у него в НКВД. Поднялось большое волнение. С одной стороны, все чувствовали, что верующий православный христианин не может согласиться ни с одним словом этой декларации, что она, если не формально, то по существу была отступничеством, провозглашая принципы, несовместимые с христианским сознанием и совестью. Но с другой стороны, именно это открытое поправление церковной справедливости зарождало в душах мучительные сомнения. Возникла мысль: "Не может быть, чтобы митрополит Сергей решился на нечто, что кажется нам таким недостойным не только иерарха, но и простого христианина. Возможно, это наша излишняя строгость, наша гордость рисуют это взвешенное и мудрое действие митрополита Сергея, всеми уважаемого и высоко ценимого архипастыря, в таких темных тонах".

Решить это было мучительно трудно. В конце концов, одна часть иерархов и простых священников с большой душевной болью решили, что ... декларация митрополита Сергея была абсолютно неприемлема для них, что она принесет ужасные несчастья Православной Церкви, что те радостные перспективы, которые пообещал митрополит

Сергий в случае, если декларация будет принята – вплоть до открытия духовных школ и разрешения Церкви печатать собственные публикации – никогда не будут реализованы. И поскольку митрополит Сергий в конце декларации предложил всем тем, кто с ним не согласен, "уйти", пока они не убедятся в правильности и успешности его курса, они поэтому и "ушли", порвав союз с ним и со всеми, кто ему подчинялся.

В то же время среди тех, кто ушел, не возникало вопроса, наделены ли те, кто следует за митрополитом Сергием благодатью или нет; они не задавали этот вопрос и не решали его. Но острота церковной битвы привела многих среди простых церковников к заявлениям, что последователи митрополита Сергия были безблагодатны, что их таинства недействительны и что посещение их церковей оскверняет христианина и делает его отступником. Эти взгляды стали особенно широко распространяться, когда вскоре после публикации декларации паства стала быстро лишаться своих пастырей и архипастырей, которых ссылали, сажали в тюрьмы и концлагеря. Но иерархи, возглавившие отделение от митрополита Сергия, так же как священники, близкие к ним, учили лишь, что в этот год великих потрясений и разделений пристало посещать только те церкви, где не принимали декларацию митрополита Сергия и не поминали его в знак того, что они отрицают безбожные действия митрополита Сергия и его сторонников. Этим его сторонников оказалось намного больше, чем тех, кто ушел. Причинами этого были и большой авторитет митрополита Сергия, и малодушие – боязнь репрессий и надежда, что можно избежать их, идя по пути, на который позвал митрополит Сергий.

Вскоре пагубные последствия этого "направления" не замедлили сказаться. За "отошедшими" в концлагеря скоро последовали и все надеявшиеся спастись под его омофором. Храмы и обители быстро закрывались одни за другими, и через десять лет после Декларации, сулившей Церкви "тихое и безмятежное житие", на всем безбрежном пространстве СССР осталось только несколько храмов в больших городах; они так и назывались "показательными". Да остался еще митрополит Сергий с незаконно им организованным синодом – полтора десятка готовых на все архиереев, среди которых был и будущий Патриарх всея Руси Алексий (Симанский).+

+ В действительности, при наихудшем положении Церкви в 1940 году в Московской Патриархии было только четыре епископа на свободе. Пятнадцать епископов, избравших Сергия "патриархом" в 1943 году, были наскоро собраны по тюрьмам и концлагерям.

Открытие церквей.

Так бы это и продолжалось, если бы не случилась война. В оккупированных немцами областях сразу же началось стихийное церковное строительство. Открывались, очищались и освящались оскверненные, но уцелевшие церкви, а где они были разрушены, там устраивались молитвенные дома. Туда верующие сносили сохраненные ими свято антимины, иконы, сосуды, всякую утварь. Тысячные толпы снова пришли в храмы, снова услышали Слово Божие, снова причастились Бескровной Жертвы. Все это не могло не отразиться и в областях, еще оставшихся под властью Сталина. Он понял, что продолжение прежней церковной политики может оказаться для него сугубо опасным и, решив не отставать от Гитлера в благочестии, повелел во всем послушному ему митрополиту Сергию снова открывать те храмы, закрытие которых он, то есть митрополит Сергий, незадолго перед тем оправдывал, неоднократно заявляя всему

миру, что никаких гонений в СССР нет, а храмы закрываются потому, что об этом ходатайствуют прихожане, решившие, что храм им не нужен.

И вот начинается "новая эра". Открываются храмы, полтора десятка епископов по разрешению Сталина делают митрополита Сергия Патриархом или компатриархом, как справедливо прозвали его немцы в своих газетах. Новоиспеченный Патриарх начинает лихорадочно увеличивать сонм своих епископов, доведя их за недолгий период своего патриаршества до 50-ти с лишним душ, конечно, из единомышленников.

Осуществляются даже самые смелые мечты – открывается несколько семинарий и две академии, разрешается издание журнала Патриархии. Разница только в том, что причиной всего этого "расцвета" была, очевидно, не Декларация митрополита Сергия, а нечто совершенно ничем в своем существовании митрополиту Сергию не обязанное – весьма поначалу успешное наступление Гитлера.

То, что эта перемена церковной политики была не искренней, а только вынужденной, показывает практика партии в последующее время, имеющая целью ликвидировать Православную Церковь до конца текущей семилетки. + Реакция патриарха Алексия на эту практику ни на йоту не разнится от реакции митрополита Сергия на разгром церковных организаций в 30-е годы. Она так же постыдна и преступна. И оправдать ее невозможно ничем.

+ Имеется в виду Хрущевское гонение, 1959-64 гг.

Правы ли мы, утверждая это и на этом основании продолжая пребывать вне общения с иерархией, возглавляемой патриархом Алексием?

Безусловно правы. Не отдана ли Православная Церковь на поток и разграбление заклятым ее врагам? Кто фактически самовластно распоряжается Церковью – не областные ли и районные уполномоченные, возглавляемые своим председателем – Куроедовым? Не вмешиваются ли они во все мелочи церковной жизни, стараясь, конечно, не упорядочить ее, а нанести ей как можно больше вреда? Не превращается ли весь епископат в пустую декоративную ширму, прикрывающую своим благолепием черное дело поругания святыни веры? Не дошли ли некоторые из епископов до того, что сами приезжают закрывать монастыри, вместо того чтобы их защищать (это было на моих глазах)? Не осмеливаются ли уполномоченные требовать от священников не пускать малолетних в церковь, не исповедовать, не причащать их? Не осуждают ли все посылаемые патриархом Алексием делегации на всевозможные церковные конференции антикоммунизм, как несогласное с Христианством учение, в то время как коммунизм сам себя без всякого стеснения объявляет антихристианским? Таким образом, всякое неодобрение, осуждение и идейная борьба с антихристианством, по новой сергианско-алексианской доктрине, объявляется делом, недостойным христианина, и наоборот – союз с врагами Христовыми, соучастие, содействие и не только молчаливое, но часто весьма громкое одобрение их разрушительной и гонительской деятельности (например: "Сталин – верный страж православия") – это прямой долг всякого христианина.

И в полном согласии с этой своей невероятной доктриной патриарх Алексий и действует. Он, например, спешит сделать выговор Кеннеди за возобновление ядерных испытаний, и он же упорно молчит не только, когда Хрущев делает то же самое, но и тогда, когда этот "миротворец", нагло попирая не только права человека, но и собственные советские законы, разоряет Церковь. Даже митрополит Николай

Крутицкий, ретивый и резвый апологет церковного НЭПа, не выдержал и предпочел опалу, а наш Святейший по-прежнему, как ни в чем не бывало, участвует в приемах, конгрессах, аплодирует и т. д.

"Все это так, – могут мне сказать, – но не нарушены ли вами церковные каноны, запрещающие клирикам прекращать общение со своими митрополитами и епископами до соборного суда?" Аргумент, как будто, очень весомый. Но – разберемся. И прежде всего спросим: разве у нас существуют периодические (раз в году и раз в три года) Соборы, где мы могли бы апеллировать? А ведь согласно канонам, эти Соборы – обязательное церковное установление. Выходит, что наши обвинители являются первыми нарушителями канонов, вынуждающими нас тоже не соблюдать их. Ведь нельзя же обвинять нас за то, что мы "отделились до Собора", если этих Соборов вообще не созывают! Скажут: за последние 20 лет были Соборы и съезды. Но какие? Это были съезды "потаковников", покорно штамповавших приказы – сначала Карпова, а потом Куроедова. А ведь канонами запрещается какое бы то ни было давление гражданской власти на членов Собора, и все, вынужденные этим давлением, постановления епископов объявляются недействительными.

Опять наши обвинители, выдающие себя за защитников канонов, оказываются их нарушителями. Постоянная картина: если судить по существу – они беззаконники и преступники, если судить формально – они блюстители канонического порядка в Церкви. Но и это жалкое утешение существует только для весьма поверхностных исследований. А если взглянуть попристальнее, то обнаружится, что они не имеют никакого права настаивать на своей каноничности. Ибо существует канон, по которому всякий клирик (иерей или епископ), достигший своего сана по влиянию, настоянию или вообще по какому-нибудь давлению или помощи гражданской власти, должен быть извержен из сана. По этому канону, не говоря уже о нынешних епископах, которые не могут надеть омофора, пока на это не соизволит Куроедов, должен быть извержен из сана сам Патриарх, "избранный" Собором по прямому приказу правительства. Вот насколько канонична вся иерархия Русской Православной Церкви!..

Скажут: в пользу митрополита Сергия говорит то, что к нему вернулся ряд архиереев, ранее от него отошедших. Нет, дорогие детки, этот факт несколько не склоняет весы на его сторону. Я уже говорил, какую великую смуту вызвал митрополит Сергий в умах и сердцах наших, как трудно было разбираться и решать, – вы не можете представить себе, как это было трудно, как мы металась и мучились. Неудивительно, что имели место колебания, перемены решений. Мотивов мы их не знаем, а они могли быть очень разными: не только доводами разума, но просто великой усталостью, или еще чем-нибудь другим. Один архиерей прямо сказал мне: "Я тебе скажу откровенно, все, что делает митрополит Сергий – это гнусное паскудство, но я хочу наконец вернуться домой!" (Но дома он пробыл очень не долго).

Все вышесказанное, надеюсь, убедит вас, что не по легкомыслию или предубеждению сделали мы свой выбор, и не по легкости мысли и упорству не меняем его. Мы сделали его по крайнему нашему разумению и готовы с ним стать на суд Божий. Нас очень мало, но у нас есть и епископство православное, даже не только за границей, и совесть наша спокойна.

Мы веруем, что если жизнь человеческая продлится еще на земле, то некогда соберется Собор, который оправдает наше дерзновение и справедливо оценит "мудрую политику" митрополита Сергия и его последователей, захотевшего "спасти Церковь" ценой ее непорочности и истины.

Что делать?

Теперь – основной ваш вопрос: как вам быть? Если бы нынешние дни были похожи на дни сергианской смуты, я сказал бы вам то, что говорил тогда: ходите в храмы, не имеющие общения с митрополитом Сергием, а к нему и его сторонникам не ходите. Но времена изменились: наших храмов теперь в СССР нет. Можем ли мы, ушедшие в свои одинокие кельи и обретающие там все, чем питали нас храмы, запрещать тысячам верующих, не имеющих такой возможности, искать утешения и духовной пищи в имеющихся храмах и осуждать их за то, что они ходят туда? Не можем же мы уподобиться тем невегласам, которые тупо твердят: "Это не храмы, это капища, посещающие их оскверняются и лишаются спасающей их благодати", и прочие безумные глаголы.

И я говорю вам: если не имеете других путей принимать участие в Богослужении и приобщаться таинствам, если томит вас жажда церковного единения и молитвы и если посещение храмов дает вам это – то не смущаясь идите туда и не бойтесь, что это будет грехом. Дух дышит, где хочет, и по неизреченному милосердию Своему Господь и через самых недостойных служителей Своих, даже через неверующих, не лишает христиан своих Небесных Даров. Если вам захочется более близкого, личного общения, то советую, как я и раньше говорил вам, избирать для этого священнослужителей искренних и нелицемерных, а таковые в храмах существуют. Им, конечно, трудно, но они как-то стараются пролезть сквозь игольное ушко. Искать таких среди епископов – почти безнадежно: громадное большинство их "ведает, что творит", и сейчас особенно оправданы слова святителя Иоанна Златоустого: "Я никого на свете не боюсь; боюсь одних епископов".

Вот, кажется, все, что мне нужно было вам сказать, детки. Да, еще: не думайте, что если вы начнете посещать храмы и даже в них исповедоваться и причащаться, то я буду вас считать чужими. Душа моя всегда открыта для вас, пока у вас есть желание общения с нею.

С любовью о Христе...

1962 г.

38. Россия и Церковь сегодня. 1971

[Вячеслав Иванович Марченко](#)

38.

Россия и Церковь сегодня.

Два современных документа катакомбной Церкви в СССР.

Вступление редакторов.

Когда на Западе стали известны статьи Бориса Талантова о сергианстве, миру открылась глубина кризиса, переживаемого Московской Патриархией. В этих статьях церковное сознание одного из самых чутких мыслителей внутри Патриархии само

подошло к самым границам "раскола" – к точке, очень близкой к отрицанию самой Патриархии и признанию того, что истинно русскую Церковь надо искать совсем не в самой Патриархии, а в так называемом "иосифлянском расколе" 1927 года, в том, что принято называть катакомбной Церковью. Прочитав размышления Талантова о сергианстве, некоторые православные верующие на Западе стали интересоваться и надеяться – а что, если Талантов или кто-нибудь еще в Патриархии доведет его размышления о сергианстве до их логического завершения? Или, с другой стороны, что если кто-то в самой катакомбной Церкви выступит и подаст истинный голос современного русского Православия, не скомпрометированного даже малейшей тенью сергианства?

Эта последняя альтернатива в условиях церковной жизни в Советском Союзе в наши дни была почти невыполнимой. По самой природе катакомбной Церкви ее члены не участвуют в движении религиозного протеста, подписывая прошения об открытии церквей и тому подобное, поскольку само существование их церквей тайное и незаконное по законам государства. Более того, они не пишут критически о том или ином аспекте деятельности Московской Патриархии, как делал Талантов, московские священники, еще кто-то, потому что они вообще отрицают Патриархию, и потому им не интересно просто "реформировать" ее. Они не подписывают никакие документы, поскольку это не только выдаст их самих, но и массу соратников.

И все же, милостью Божией, "немыслимое" теперь произошло. Два напечатанных здесь документа исходят прямо из катакомбной Церкви. Это первые такие документы, появившиеся со времени посланий иосифлянских епископов в 1927-29 годах. Авторам пришлось остаться анонимными, но язык и содержание документов говорят о том, что они были написаны не простыми верующими, а, видимо, Богословами, скорее всего, священниками или епископами катакомбной Церкви. Важность этих документов едва ли можно переоценить. Можно проследить по документам из советских, а также эмигрантских источников само существование катакомбной Церкви за все эти годы с 1927-го по наше время, но эти документы – первые источники за более чем сорок лет, передающие истинный голос катакомбной Церкви внутри СССР.

Главный Богословско-церковный смысл этих документов – это повторение аргумента митрополита Иосифа и других епископов, опротестовавших декларацию митрополита Сергия в 1927 году, что сергианство, даже если оно не изменяет догматику, каноны и обряды, сделало нечто гораздо худшее, извратив саму природу Церкви и согрешив таким образом против ее внутренней свободы и поставив ее вне Церкви Христовой.

Но, помимо этого основного пункта, который показывает, что мышление катакомбной Церкви совсем не изменилось за сорок пять лет, данные документы предлагают бесценные сведения о современной жизни Церкви в Советском Союзе. Как отмечается в самих документах, это "свидетельство очевидцев" религиозной жизни в Советском Союзе, и они рассматривают такие ключевые вопросы, редко если вообще когда-нибудь где-нибудь рассматриваемые, как позиция московских иерархов в отношении обычных верующих; отношение последних к иерархам и к проповедям, которые они слышали в церквях Патриархии; понижение церковного сознания среди простых верующих, ведущее иногда ко взгляду на таинства как на "чудеса"; появление и трудности "обращенных" в Православие сегодня в СССР; Церковь как организация против Церкви как организма Тела Христова; истинная "катакомбность" всей истинно религиозной жизни в Советском Союзе внутри ли Патриархии или вне ее и извращение Патриархией христианских добродетелей – таких как смирение – чтобы использовать их в политических целях и подавлять верующих именем Православия. Представляя многие печальные результаты сергианского согласия 1927 года, эти документы не

являются просто еще одним из недавних протестов против Патриархии; они принадлежат к другому измерению, и в каком-то смысле они более "объективные", чем могут быть любые протесты изнутри Патриархии: они представляют свободный и независимый голос истинной Русской Церкви, которая может глядеть на всю ситуацию с Русской Церковью и на предателей-иерархов Патриархии спокойно и без горечи по той простой причине, что она не считает их православными. Но в то же время в этих документах совсем нет нотки "фанатизма" или "сектантского" мышления, они рассматривают Патриархию как падшую, извращенную, внецерковную, но не совсем без надежды на возрождение. И они ждут будущего Всероссийского Собора после падения коммунистического ига, который восстановит нормальное состояние Русской Церкви.

Наконец (и, возможно, это самое важное для православных христиан за пределами России), авторы рассматривают ситуацию Русской Церкви не в изоляции, но в контексте ситуации мирового Православия. Они рассматривают коммунистическое иго как прообраз правления антихриста, и битву между Русским Православием и антихристианством просто как центральную часть всемирной борьбы. Борис Талантов пришел к похожему заключению, когда назвал Московскую Патриархию "тайным агентом всемирного антихристианства". И действительно, ни один чуткий наблюдатель не может не заметить, что, в основном, положение Православия в СССР, которое раскрывают эти документы, отличается от ситуации вне России не по своей природе, а по уровню отношения к нему. Многие основные проблемы те же самые: полное незнание того, что есть Православие, политические и другие влияния, вмешивающиеся в жизнь Церкви и пытающиеся свернуть Церковь с ее духовного пути, ослабление веры; основное различие только в том, что Православные Церкви свободного мира добровольно следуют по пути отступничества, а в Советском Союзе – под принуждением. Истинно православные христиане свободного мира в глубоком смысле уже катакомбная Церковь, так как они против официальных отступнических организаций, которые повсюду признаются "православными".

Эти два документа нелегально распространялись в Советском Союзе (в самиздате) весной 1971 года и появились за границей в нескольких копиях (оба документа всегда вместе), полученных издательством "Посев" во Франкфурте-на-Майне, "Радио Свобода" в Мюнхене и Константинопольской Патриархией.

Россия и Церковь сегодня.

Со временем падет вера в России, блеск земной славы ослепит разум, слово истины будет в поношении. Но за веру восстанут из народа неизвестные миру и восстановят попанное!

–Старец Порфирий Глинский.

1. Россия и Церковь сегодня

Это пророчество принадлежит отцу Порфирию, отшельнику Глинской обители.+

+ Отец Порфирий, первоначально мирской священник, выступил против

неограниченной торговли спиртным, за что перенес много незаслуженных страданий. Он провел какое-то время в Валаамском монастыре и закончил свою подвижническую жизнь в святости в Глинском монастыре в 1868 году.

Издатели, соотнося эти слова с их собственным временем охлаждения сердец, не знали о неизмеримой глубине падения России в пропасть, которую предсказывал старец Порфирий. Но вскоре, буквально через несколько лет, как эти слова стали известны, в России разразилась та гигантская катастрофа, о которой говорит первая часть пророчества. Сейчас, когда со дня богоборческого восстания, не имеющего прецедентов в мировой истории, прошло уже достаточно много лет, а в России продолжается война против Бога, нам представилась возможность сделать попытку прийти к пониманию судьбы Русской Церкви, рассмотрев прошедшие годы и ее положение сегодня.

В течение десятилетий, с момента печально знаменитой декларации митрополита Сергия (Страгородского) от 16/29 июля 1927 года и провозглашения его Временным Заместителем (не будем здесь касаться вопроса о канонической легитимности его власти в Церкви сначала как Временного Заместителя, а потом и как Патриарха), единственным голосом говорящим миру от имени Русской Церкви (в России), был голос Московской Патриархии. Именно Московская Патриархия свидетельствует перед миром о судьбе Христианства в России, и именно она как единственная Русская Православная Церковь признанная Советским Правительством, предположительно заботится о спасении православных христиан и просвещении "народов СССР" (то есть в границах своей юрисдикции).

Но какова природа ее деятельности? К чему пришло состояние православных христиан в Советской России в результате деятельности двух патриархов – Сергия и Алексия? И перед чем стоит Церковь сейчас?

Что касается официальных заявлений Московской Патриархии, обращенных к мировому мнению, нет надобности останавливаться на них подробно; эти заявления ревностно пропагандируются и выдаются за истину, хотя всем известно, что это одна и та же постоянная ложь с целью попытки убедить мир, что в СССР нет религиозных преследований, существует свобода вероисповеданий и так далее. Также хорошо известно, что эта ложь существует, чтобы прикрыть от имени Церкви прямо противоположное положение.

Но размеры лжи и ее значение может правильно оценить только непосредственный свидетель и член Русской Церкви, который несет весь груз религиозной жизни в современной России. И настоящий очерк можно рассматривать именно как рассказ свидетеля.

В настоящее время в отношениях внутри Московской Патриархии сохраняется статус-кво на основе сергианской декларации 1927 года. Это единственный фундаментальный и в своем роде "символический" документ, который определяет отношения с правительством и всю деятельность Московской Патриархии по сей день. Ввиду ее исключительной важности следует ее подвергнуть особому анализу, хотя в тридцатые годы ее много раз обсуждали. Однако сейчас мы можем сделать существенное наблюдение.

Основная идея декларации – это развитие православной жизни на всех уровнях при

условиях верности новому общественно-политическому и экономическому строю. На первый взгляд, перед нами призыв к исключительно духовной жизни, очищенной от мирских политических симпатий, которые сковывали Церковь в прошлом. Декларация обходит молчанием только один пункт – значение идеологии в новом правительстве. Митрополит Сергей как-то "не заметил" роль идеологического руководства партии в жизни нового правительства, хотя большевики с самого начала объявили о полной непримиримости их идеологии с любой другой. Но именно в этом заключается вся суть декларации и всей последующей истории Московской Патриархии. Все несогласные, в соответствии с идеей декларации, становились не идеологическими, а политическими "врагами", а Сергей и его последователи, так хорошо принятые большевиками, связали Церковь по рукам и ногам верностью не столько правительству, сколько, в основном, коммунистической идеологии.

Мы можем лишь с горечью убедиться, получая доходящую до нас информацию, что ни Запад, ни восточные Церкви не понимают (а, возможно, не хотят понимать) всю сложность не только внешних, но и внутренних условий жизни Русской Церкви. Но в то же время в Советской России едва ли найдется верующий, который не испытал острый внутренний конфликт с политикой Московской Патриархии. Ибо любой верующий христианин, будучи одним из членов Тела Христова, не может не чувствовать свою личную ответственность за жизнь Церкви. Мысль об этом не может не возникнуть у верующего при виде условий, в которых сейчас находится Русская Церковь. Всем ясно, что это одно из проявлений веры. У новообращенных этот конфликт происходит с особой остротой – у тех, кто, милостью Божией, даже сейчас приходит к вере во Христа.

Этот факт обращения сам по себе кажется необычным в современных условиях. Несомненно, происходит явный приток верующих в Церковь, несмотря на тот факт, что правительственная машина, беспрецедентная по силе и масштабу, направлена на искоренение самого чувства веры в "советском" человеке. Кажется, что даже сама память о Боге и религии изгнаны из жизни обычного жителя советской страны. Церковь также принуждена была молчать, но молчание это лицемерное, поскольку, чтобы уверить мир в хорошем положении церковной жизни в России, официальные представители Церкви буквально не закрывают рта. Московская Патриархия не особо задумывается о какой-то апологетике, хотя разве не сейчас и именно "пред царями и правителями" следовало бы тем, кто считает себя последователями апостолов, свидетельствовать об истине веры Христовой? Увы, апостольский голос просвещения не раздастся в Московской Патриархии. Но тем не менее русские неисповедимыми путями Господними сами приходят в Дом Божий – куда еще им идти в поисках истины? Вот убедительное свидетельство, что воистину Дух дышит, где хочет. Мы видим также явные примеры Божия Провидения, когда человеку внезапно открывается другой мир; мы знаем также, как "случайная" встреча, "мимолетный" разговор, историческое свидетельство, даже брошюра по "научному" атеизму становятся, иногда не реализуясь, поворотным пунктом в духовной жизни человека. А потом, когда он решит, наконец, изменить свою жизнь и приходит в Церковь, то здесь нередко случаются глубоко драматичные конфликты. Часто новообращенный, почувствовав истину православно-христианского учения, приходит к священнику и просит его крестить. Потом, обретя для себя в священнике духовного отца и возродившись через благодать крещения, верующий обращается к церковной жизни со всей силой новопросвещенной души. Он хочет чувствовать себя (и действительно чувствует!) как чадо церковное, чадо своего духовного отца. А потом, оказавшись в церковном окружении без каких-либо специальных знаний, а только с силой проснувшегося христианского религиозного чувства, вдруг видит, что школы духовного роста,

которого жаждет его сердце, не существует! Церковная жизнь – это всеобщий и глубокий беспорядок, о жизни приходов могут вообще не говорить, тем более о монастырях. Ему негде обрести молитвенный опыт, никто не отвечает на многочисленные вопросы, возникающие и по поводу личной жизни, и общественной. Но на все затруднения новообращенного его наставник уклончиво отвечает, что это "трудная ситуация", "условия неподходящие", существует "давление" и так далее. В конфиденциальных условиях он может даже прямо объяснить, что все дело в давлении со стороны властей, но что из "высших соображений", которыми руководствуется Патриархия, нужно быть терпеливыми, смиренными, готовыми к компромиссу. И верующий, исполненный глубокого уважения к сану священника, в почтении перед человеком, который его крестил, зная, наконец, свой опыт и греховность, с доверием принимает поучения своего духовного отца. И он стремится подавить в своей душе чувство неудовлетворенности ситуацией в Церкви и ее отношениями с правительством, он пытается убедить себя, что просто не понимает трудное положение епископата и его мудрость, и старается думать, что, в общем, все достаточно нормально. В результате он с самого начала своей христианской жизни воспитывается в двуличии. То же самое происходит и с новым поколением верующих из традиционных семей с единственной разницей, что в большинстве случаев они уже с детства воспитываются в духе безоговорочного принятия всех действий Патриархии. Очень показательно здесь использование завета смирения: христианское понимание смирения как борьбы с гордыней используется как оправдание бездействия Церкви, когда ее атакует внешний или внутренний враг. "Наше Царствие не от мира сего", – говорят защитники Патриархии, оправдывая ее бездействие в то время как Церковь в России разрушают. Но разве Церковь как организация не является выражением Церкви как организма, и разве она не призвана действовать в миру? Иначе зачем так сильно пытаться сохранить именно организацию, делая для этого всевозможные уступки?

Призыв к ложному смирению перед врагами Церкви – это единственная форма "послушания", которая активно внедряется в сердца и умы верующих в России. Такое "воспитание" проводится разными методами, иногда прямо противоположными, даже теми священниками, которые считаются лучшими. Иногда в церкви прямо во время проповеди можно услышать, как священник заявляет, обращаясь к верующим: "Это не ваше дело – судить иерархов", или "Ваше дело – молиться, и больше ничего", и так далее. Почему возникает необходимость в таких увещеваниях? В конце концов, известно, что Православная Церковь всегда настаивала именно на участии самих верующих в жизни Церкви, на том, что именно они должны принимать решения. Достаточно вспомнить в этой связи энциклику Восточных Патриархов в 1849 году. Очевидно, Московская Патриархия придерживается сейчас другого мнения в своей практике. Мы думаем, это связано с тем фактом, что люди, не знающие ни канонов, ни уставов, ни истории Церкви, а иногда не знающие даже Священное Писание – этот церковный народ в сердце своем чувствует, что положение в Церкви неудовлетворительное и часто не верит иерархам. "У нас хороший епископ – он верующий", – можно слышать среди людей. От таких похвал не радостно! Таким образом, Патриархия внедряет в свою паству неизвестно откуда взятые нормы.

Абсолютно ясно, что общая осведомленность о делах Церкви в Советской России находится в резком противоречии с заявлениями Патриархии, касающимися "свободы" и "благоденствия" Русской Церкви. Важно отметить это, потому что в действительности это не проявляется, поскольку низшее духовенство из-за канонического подчинения, как известно, не может обсуждать решения высшего духовенства, иначе им грозит отлучение. Миряне тоже молчат, боясь стать жертвами властей, и, что самое важное, доверяя священнику, как уже было сказано. Но в реальности возникает парадоксальная ситуация, когда даже самые "благочестивые"

сыны Патриархии, сознательно стремящиеся следовать ее политике, в действительности внутренне выступают против нее. Только попробуйте в разговоре с таким верующим сказать, касаясь какого-нибудь уважаемого иерарха: "Наш советский иерарх Антоний (Блюм) или Василий (Кривошеин)", – это вызовет бурю негодования! Но почему? Верно ли, что они не советские граждане? Но, в конце концов, эти особы – в юрисдикции советской Церкви, в ее духовном организме! В соответствии с канонами, они говорят от ее имени! (Давайте добавим – не только в соответствии с канонами; вдобавок, они своим молчанием подтверждают лживые утверждения Патриархии.) Выражение "Советская Церковь", конечно, вызовет еще большее негодование. Но почему? Наш вопрос вызван совсем не разделением между понятиями "советский" и "коммунистический", как делают некоторые люди по наивности или из лицемерия, потому что ясно, что и исторически эти две формы правления и идеологии неразрывно связаны. Нет, Церковь, которая в своей жизни управляется соглашением с государством и его прямыми приказами (всем известно, что правительственные чиновники контролируют епископов), – это, естественно, государственная Церковь. И здесь не помогают лицемерные цитаты об отделении Церкви от государства в СССР, потому что реальное положение дел свидетельствует об обратном. Это не просто Церковь советского периода, а Церковь советского государства, точнее, советская Церковь, о чем, кстати, достаточно полно свидетельствуют официальные заявления Патриархии – давайте вспомним, например, верноподданническое письмо митрополита Пимена Косыгину после его назначения временным заместителем.

Тем не менее, современный верующий не хочет и не может называть свою Церковь "советской", и, даже если он не может это объяснить, все равно чувствует, что существует не только Патриархия, связанная с советской властью, не только церковная организация, но существует Святая и чистая, единая Христианская и Апостольская Церковь, в которой нет места лжи, обману и лицемерию, исходящим из уст Московской Патриархии. У советского верующего язык не повернется назвать митрополита Антония и архиепископа Василия или других иерархов в России "советскими иерархами" – истинно богохульное сочетание слов. Да простит нас Господь, что мы вынуждены использовать его! Церковное сознание, естественно, стремится найти своего выразителя среди высшего духовенства в той же самой советской Церкви (другой и нет), но это очень трудно сделать, поскольку КГБ бдительно следит за продвижением "подходящих" кандидатов.

Советские власти с самого начала поставили по отношению к Церкви радикальный вопрос: или мы, или вы. Этот вопрос во всей своей остроте и непримиримости остается до сих пор. Целью советских властей было и остается совсем не подчинение Церкви себе и даже не ее порабощение, а полное уничтожение. Воинствующий атеизм – это государственная доктрина СССР. Подчинение, порабощение Церкви – это только промежуточные этапы, шаги к ее полному уничтожению. И каждый верующий осознает эту церковную ситуацию в меру своей веры.

В то время как официальная власть открыто объявляет о своей борьбе с верой и Церковью, Патриархия притворяется, что не замечает этого и, более того, стремится всех убедить в обратном. С точки зрения человека, который верит во Христа и Церковь, тело Христово, как можно это назвать, если не явным предательством Христианской веры? Это само собой разумеется, и, кроме того, со времени митрополита Сергия они нас уверяют, что Церковь предается для собственного ее блага, что ценой незначительных "уступок" можно сохранить (!) (то есть купить) главное – жизнь Церкви, в то время как те, кто с этим не согласны, объявляются, конечно, политиканами, думающими, вероятно, не о Церкви, а о политических интересах, общественном строе и так далее. Традиция заклеить несогласных как политиков

была начата митрополитом Сергием в его декларации 1927 года. Мы думаем, что последствия такого обвинения, сделанного даже намеком, в советских условиях очевидны для всех.

Московская Патриархия повторяет подобные аргументы при каждом удобном случае безо всякого вмешательства со стороны властей. И все же "по какой-то причине" в России нельзя публично опровергнуть их. И за границей этим "аргументам" нередко верят, из лицемерия или из желания верить. Но на них требуется ответить очень жестко.

Мы хотим задать Московской Патриархии вопрос (хотя и не надеемся получить ответ). Если несогласие с вами по вопросу об отношениях с правительством – это политика, тогда как назвать ваше соглашение с советской политикой в отношении религии, цель которой – полное искоренение веры в Бога – всем известна? Разве вы сами не политики, и несравненно худшие? И в то время, когда враги снова окружили Христа, чтобы снова вести Его на крестную муку, как звучит Ваше: "Радуйся, рабби"?

Чтобы совершить предательство Христа, не нужно объявлять себя Его врагом; не нужно даже клеветать на Него. Поцелуя достаточно.

Конечно, все это сегодня не новость. Уже в течение десятилетий мир и христиане постепенно приучались воспринимать войну против Бога как реальный, повседневный, обычный и естественный факт. России выпало стать центром этой войны, и лживые выступления Патриархии перед всем миром в этот период особенно преступны. Поскольку эта война, без всякого сомнения, имеет воистину всеобщее-историческое значение для судьбы всего Христианства, для судьбы всего мира. Ясно, что примирение с советской войной против Бога в России и во всем мире – это свидетельство не только упадка веры, но и катастрофического упадка морали вообще. Чем дальше продолжается этот процесс, тем ближе человечество подойдет к краю пропасти!

Мы снова повторяем то, что открыто заявляет советская пропаганда и по поводу чего Московская Патриархия хранит позорное молчание: в советском государстве идеология и политики неразрывны; политика – это лишь инструмент идеологии; идеологическое сосуществование невозможно; провозглашение любой идеи, чуждой коммунизму – это уже политика и вражеские действия. В этом свете ясно, что Христианская вера сохраняется в России только всевластием Господа Иисуса Христа. Но с внешней, "казуальной", точки зрения ясно, что коммунисты не могут полностью ликвидировать церковную организацию, потому что стремятся создать видимость свободы совести в России в их борьбе за мировое господство. Они бы мгновенно, с сатанинской злобой и уничтожили и митрополитов Пимена и Никодима, будь у них такая возможность. Это означает, что советская государственность есть, несомненно, прообраз будущего царства антихриста; в длинной цепи исторических аналогий (для которых здесь не места) с картиной Апокалипсиса эта аналогия, несомненно, до наших дней самая точная. То, что мы сами видим сегодня (и видели в течение десятилетий) в России – это суровое предупреждение человечеству, призыв к покаянию, который, к сожалению, мир не воспринимает.

Возвращаясь к дружеским связям Московской Патриархии с советским режимом, следует отметить, что мы не собираемся идеализировать ни Синодальную Церковь, ни Церковь эпохи Московской Руси, ни Византийскую Церковь. Мы полагаем, что Церковь и государство отличаются по своей природе и всегда в какой-то степени чужды друг другу как Церковь и мир. Поэтому каждый союз Церкви с государством в

какой-то степени неестественный, но еще более очевидно, что союз Церкви с воинствующим антихристианским государством противоестественен. Поэтому он осуществляется под лицемерной вывеской "отделения" Церкви от государства.

Что же, в конце концов, Московская Патриархия "спасает" ценой своего подчинения государству? Ее ответ – таинства, литургическую жизнь на благо людей. Давайте посмотрим, насколько это правдиво. Есть несколько десятков церквей в Москве, в Ленинграде, немного в других больших городах; но что происходит во всей России? В Поволжье? В Карелии? На Урале? В Сибири? На Дальнем Востоке? На Северном Кавказе? На Севере? Что "спасла" Патриархия на всех этих огромных пространствах, где живут десятки миллионов людей? Разве мы действительно не знаем, что церкви там повсюду были разрушены, за незначительными исключениями? Обычное дело, когда колхозники за сотни километров (!) везут крестить детей, а священники отсылают их обратно, потому что нужно предъявлять паспорт, а колхозникам паспорта не выдают! Разве мы не знаем, что у широких слоев населения нет не только веры, но и просто возможности ее обрести, поскольку на всех этих огромных пространствах нет не только церквей, но даже книг. Обычный советский человек даже не знает, кем был Христос, и никогда не слышал о Троице; случайно увидев изображения святых в альбоме по искусству или в закрытой церкви, он знает только, что это "боги". Мы уже говорили, что наблюдается приток верующих в Церковь, естественно, это заметнее в таких местах, где больше церквей, людей, книг – в Москве, в Ленинграде. Мы видим в этом несомненное действие благодати, но нужно называть богохульством попытку оправдать бездеятельность и халатность иерархии тем, что верующие "сами" приходят в Церковь, тем более что происходит это в количествах, недостаточных в масштабах всей России. И более того, для многих чистых душ очевидная двуликость Патриархии является препятствием для их присоединения к Церкви.

Однако, может быть, Патриархия протестовала, боролась против закрытия церквей? Может быть, она пыталась потребовать возможность религиозного просвещения народа? Увы, мы не знаем ни об одном, даже самом робком заявлении Патриархии о возможности минимального существования религиозной жизни. Отдельные верующие и группы верующих пишут бесконечное множество жалоб и требований открыть церкви, и некоторые из них попали за границу, но был ли хоть единый случай, когда Патриархия поддерживала такие требования? Мы не знаем о таких случаях, и это ясно показывает, какая пропасть между простыми людьми в Церкви и иерархами. Мы собственными глазами видим, как пастыри заботятся только о себе. Мы видим, как приходит вор и грабит стадо, но наемник – это не пастырь, и об овцах он не заботится. Буквально так сказано в Библии! Это не удивительно в свете того, что было сказано выше, как советская Церковь отсеклась от самих мучеников и исповедников Русской Церкви, бесчисленные сонмы которых украшают ее и являются ее славой. Но мы верим, что наши истинно святые иерархи – Владимир, Петр, Кирилл, Иосиф, Вениамин, а с ними великое множество других известных и неизвестных иерархов, монахов и мирян, возглавляемые патриархом Тихоном, – предстоят Престолу Господнему, прославляя Бога и молясь о Русской Церкви, о Русской Земле и всем мире, и можно не сомневаться, что это их праведными молитвами и молитвами других святых и современной верой тех, кто, по большей части, неизвестен миру, стоит Русская Церковь, а не ложными замыслами "спасти" Церковь с помощью каких-то переговоров с диаволом. Перед величием мученического подвига великих иерархов прошлых лет "заслуги" Сергия и Алексия, такие как диспут с отцом Сергием Булгаковым+ и тому подобное смешны.++

+ В тридцатые годы после фиаско с "Живой Церковью" Московская Патриархия

старалась представить себя Богословски "консервативной" и ради этого осудила еретическое "софианство" отца С. Булгакова. Такой "консерватизм" по отдельному пункту, конечно, намного перевешивается подчинением всей Церкви коммунистической идеологии и целям.

++ Здесь мы не можем удержаться от того, чтобы не привести пример, как Русская Церковь заботится о заключенных и преследуемых сыновьях и дочерях... греческого народа. Патриарх Алексей по этому поводу писал ("Журнал Московской Патриархии", 1968 год, № 3, стр. 1") архиепископу Иерониму Афинскому: "В дни празднования Богоявления у нас возникает нравственная необходимость (!) адресовать Вам наше душевное беспокойство о тех сыновьях и дочерях греческого народа, которые за свои взгляды и стремления к свободе и демократии были несправедливо осуждены на длительный срок тюремного заключения. Мы посылаем Вам наш братский призыв возвысить свой архипастырский глас, который может оказать влияние, за освобождение всех из тюрем и лагерей, что, без сомнения, послужит восстановлению нормальной жизни в Греции и принесет радость всем людям доброй воли. Это Ваше заявление было бы даром, угодным Господу Иисусу, Спасителю мира (!), Который пришел, чтобы отдать Свою жизнь за освобождение многих, "проповедывать пленным освобождение ... отпустить измученных на свободу" (Лк. 4, 18). С братской любовью. (Подпись.)" И таких примеров множество.

Мы не знаем, комментировать ли эту "нравственную необходимость" из уст главы Церкви, который ни разу за все 25 лет его деятельности в патриаршем сане никогда не отмечал, что сыны и дочери его собственного отечества на протяжении десятилетий прошли через такие ужасы настоящего геноцида, не говоря уже о тюрьмах и концлагерях, которые, к их счастью, грекам никогда и не снились. Поэтому ясно, какое отношение у покойного патриарха Алексея и его нынешних последователей было и есть к любой оппозиции советскому режиму: это совсем не невинный уход от политики.

Сейчас в России начинается очень медленное и почти незаметное пробуждение от сильного шока, которым она была парализована в течение десятилетий. В гуще народа слышатся отдельные голоса протеста, попытки выступить против смертоносного движения партийно-советской машины. Какова позиция Русской Церкви по отношению к этим голосам?

Те священники, у которых сохранилось чувство долга, ведут двойную жизнь. С одной стороны, такой батюшка придерживается "лояльной" политики Патриархии по отношению к государству, то есть он ограничивается в церкви требуемым минимумом обрядов. С другой стороны, подвергая себя опасности (если он достаточно честен), он преступает эту границу: тайно (без регистрации) крестит, пытается привлечь людей в Церковь (чего не может делать открыто), дает читать евангелие и другие духовные книги и так далее. Таким образом, настоящая религиозная жизнь всегда имеет в действительности "катакомбный" характер. Но возможности для ее развития незначительны: в конце концов, простые священники подчинены Патриархии и не могут преступить границы конкордата. Нет даже необходимости говорить, что высшее духовенство в сущности совсем не имеет связи с массами верующих. Современные иерархи – это настоящие князьки Церкви, большей частью такие же далекие от народа, как, скажем, секретари ЦК КПСС. И действительно, зачем им сблизиться с народом? Что они могут сказать людям – они, связанные лояльностью и подчинением с антихристианской властью? Советская иерархическая Церковь, не желающая стать катакомбной Церковью, превратилась в Церковь "самоизоляции". Она чужда народу и

не пытается стать ему близкой. Современный советский человек, оглушенный водкой и политпросвещением, смотрит на церкви с тупым безразличием, не ожидая, что оттуда раздастся голос, согревающий его и открывающий ему истину. Нет такого голоса, но человек жаждет его, потому что устал от бесконечной и повсеместной лжи. Действительно, формы Богослужений, в основном, такие же, как прежде, обряды сейчас (только сейчас!) не меняются. Да, литургическая жизнь существует. Но что она собой представляет? Отсутствие возможностей для какой-либо правильной церковной жизни лишает верующих подготовки к таинствам. Причастие доступно любому в любое время, потому что вера у воцерковленных людей массово заменяется предрассудками, а это означает, что отношение к таинствам приобретает, в основном, формальное, магическое значение: лишенные какого-либо понимания таинства верующие иногда подходят к потиру по нескольку раз каждый. Совершенно забыто, что это великое и внушающее страх таинство, перед которым трепещут ангелы, как говорили святые Отцы. Действительно, полная беззаботность, которую можно наблюдать по отношению к таинству евхаристии, возможна только при отсутствии страха Божия. Магизм присутствует в советских иерархах так же, как осознание своего положения. Закрывшись в собственной неприступности, они этим как бы компенсируют свое неучастие в жизни и страданиях Церкви. Это сопровождается спекуляцией на глубоком уважении верующих к духовному сану. Здесь выражается убеждение в их собственной исключительности, то есть убеждение, что сохранение любой ценой иерархии – это именно сохранение Церкви.

"Если все уйдут в подполье, – говорят представители Патриархии, – тогда кто будет заботиться о людях?" Но мы уже показали, что настоящая религиозная жизнь все равно неизбежно стремится в подполье: сама советская действительность вынуждает к этому. Говорят также, что иерархи, конечно, плохи, но они являются как бы переходным мостом в будущее, когда Церковь будет свободной. На это скажем, что нам, конечно, приятно видеть веру в будущую свободу Церкви, но нужно также непоколебимо верить, что сохранение иерархической преемственности в Церкви принадлежит ее Главе, Христу, а не планам людей; если значение современной высшей иерархии только в том, чтобы быть "мостом", действительно ли необходимо искать у советской власти поддержки этого "моста"? Это, в конце концов, уже неверие в то, что врата адавы не одолеют ей (Церкви), если нужно искать поддержки у врат ада!

Или вы думаете, что Христос не сохранит Церковь Свою в гонениях? Но тогда где вера? К судьбе Церкви во время гонений можно применить слова, касающиеся спасения: "Человекам это невозможно, Богу же все возможно". Увы, те кто связал Патриархию с советским режимом, – такие люди, что надежды на ее собственное внутреннее возрождение нет. Опираясь на советскую власть, она разделит ее судьбу до конца советского режима.

Убеждение апологетов Московской Патриархии, отмеченное выше, что в будущем будет свобода для Церкви и России, по-своему примечательно. Это широко распространенное убеждение. Но мы снова обращаемся к ним с вопросом: "С чем вы собираетесь вступить в этот период свободы?" Убеждение в будущем освобождении Церкви – это именно плод веры, которая, следовательно, в какой-то степени жива. Но как можно соединить веру в освобождение нашей Церкви Христом с убеждением в необходимости предательского компромисса иерархии с советским атеизмом? В этом случае Церковь, главным образом, идентифицируется с иерархией, то есть с церковной организацией.

Все аргументы в защиту и оправдание Московской Патриархии, которые мы попытались исследовать, противоречивы и при глубоком анализе несерьезны. Они

основаны на желании рассматривать существующее в Церкви положение как естественное, и с духовной точки зрения (предположительно) удовлетворительное. Противоречие, как было показано выше, на виду: когда речь идет о внешних нападениях на Церковь, говорят, что "царствие наше не от мира сего", но, когда указывается на духовный компромисс с князем этого мира, отвечают, что это важно для иерархической преемственности, церковей и так далее, то есть внешней стороны Церкви. Естественно, такая неопределенность свидетельствует о духовной неуверенности, внутреннем (не говоря уже о внешнем) беспорядке Московской Патриархии. Такая ситуация не может сохраняться вечно. Религиозное сознание должно или полностью осознать себя, или вообще исчезнуть. Последнее, вообще говоря, вполне возможно: в конце концов, исчезла же когда-то процветавшая Карфагенская Церковь. Мы, однако, укрепляемся верой, что духовное обновление России и освобождение Церкви все же произойдут. Мы верим, что, если мир не погибнет, раньше или позже в освобожденной России пройдет Поместный Собор нашей Церкви, на котором отчитаются о своих трудах и подвигах за долгий период без Собора (ибо нельзя называть Соборами те мероприятия советских иерархов, которые организует Совет по делам религии вместе с Патриархией) Московская Патриархия и гонимая Русская катакомбная Церковь, к которой принадлежат авторы этой статьи и о длительном существовании которой они считают своим священным долгом свидетельствовать при первой предоставившейся возможности. На этом будущем Соборе катакомбная Церковь засвидетельствует чистоту своей веры, незапятнанной никакими компромиссами с врагами Христа, ибо молитва, которая была куплена – это молитва нечистая. Катакомбная Церковь засвидетельствует также подвиги во имя Христово своих мучеников и исповедников, о которых мы уже рассказали выше. Она засвидетельствует также неколебимую верность Иисусу Христу, которой она крепилась и жила десятки лет, хранимая милостью Божией среди гонений и предательств. Точно так же, как советское государство – прообраз царства антихриста, катакомбная Церковь – самый точный прообраз Церкви во времена антихриста, жена, облаченная в солнце, убежавшая в пустыню.⁺ Ее одежды сотканы из подвигов святых. Как и во времена пророка Илии, Господь сохранил для Себя семь тысяч верных до того времени, которое ведомо лишь одному Ему.

+ Апокалипсис, глава 12.

Наша Церковь живет трудной жизнью; ее члены безжалостно уничтожаются властями, нас предают братья, считающие себя православными. Нас разметывают, как зерно, но мы верим, что, когда будет необходимо, Христос пошлет Своего верного ученика, который укрепит Его братию. Вместе с апостолом Павлом мы осмеливаемся сказать: "Мы же не из колеблющихся на погибель, но [стоим] в вере к спасению души" (Евр. 10, 39). И эта наша вера, которой "побеждали царства" (Евр. 11, 33) дает нам силы ждать часа Божия явления, с нами Бог, разумеете языцы и покаряйтеся, яко с нами Бог!

2. Церковь и власть.

"Несть власть аще не от Бога" (Рим. 13, 1).

Церковное понимание о земной власти основано на Богооткровенном слове послания апостола Павла к римлянам. Каждая существующая власть – от Бога. Она дается людям во благо, ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Отсюда, для успокоения

совести нужно стремиться к подчинению, так как подчиняешься благому. Совесть всегда обличает несправедливость, как свидетельствовал апостол Павел: "Истину говорю во Христе, не лгу, свидетельствует мне совесть моя в Духе Святом" (Рим. 9, 1). Власть дается Богом для того, чтобы сохранить и исполнить закон. Но закон, по учению апостольскому, может быть исполнен лишь тогда, когда исполняется в любви. Суть жизни – любовь. А любовь есть жизнь. Любовь всегда раскрывается по отношению к какому-то объекту. В первоначальном виде человеческие творения могли жить только любовью к своему Создателю. Тот, кто желает жить в любви, неизбежно обращается к Источнику любви, к Господу нашему Иисусу Христу. Где нет Бога, нет любви.

Но как следует смотреть на советскую власть с точки зрения апостольского учения о власти? В соответствии с апостольским учением, которое мы изложили, нужно признать, что советская власть – это не власть. Это антивласть. Это не власть, поскольку она не установлена Господом, а нагло создана последовательностью жестоких действий людей и укрепляется и поддерживается этими действиями. Если жестокость ослабевает, советская власть, представляющая концентрацию зла, тоже ослабевает. Зло возникает, когда нарушается воля Божия. Для человека это нарушение заповедей Божиих. Враг человечества учит этому. Сатана ведет войну с Господом, и поле битвы – сердца людей. Эта власть утверждается, чтобы разрушить религию, просто искоренить веру в Бога. Ее сущность – война с Богом, потому что исходит она от дьявола. Советская власть – это не власть, потому что по природе своей она совершенно не может исполнять закон, ибо сущность ее существования – зло.

Можно сказать, что советская власть, осуждающая различные преступления людей, все-таки может считаться властью. Мы не говорим, что управление полностью отсутствует. Мы только утверждаем, что это антивласть. Нужно знать, что подтверждение реальной власти связано с определенными действиями людей, которым присущ инстинкт самосохранения. И они должны принимать во внимание законы морали, которые извечно были свойственны человечеству. Но в сущности эта власть систематически совершает убийство физически и духовно. В действительности работает враждебная сила, которая называется советской властью. Враг хитроумно стремится заставить человечество признать эту силу властью. Но апостольское учение о власти к ней неприменимо, в точности как зло неприменимо к Богу и добру, потому что зло вне Бога, но враги могут лицемерно прикрываться хорошо известным выражением, что все от Бога.

Эта советская антивласть – в точности коллективный антихрист, война против Бога. И поэтому апостол засвидетельствовал в Духе Святом: "Нет власти еще не от Бога" [по-русски: "Не есть власть, если не от Бога"]. Очевидно, наша судьба – жить в приближении конца света, когда враг под видом истины хитро запутывает людей, предлагая, в сущности, антиистину.

После появления декларации митрополита Сергия сергианская церковная организация неотвратимо вступила в преступную связь с советским государством. В Богослужения было немедленно введено поминовения богопротивных властей. Это был удар в христианское сердце, злобное попрание душ, издевательство над памятью множества новомучеников. История Церкви Христовой еще не знала такого ужасного падения церковной организации, во главе которой стояли враги Божии.

Совесть верующих не могла это принять. Она не могла принять навязанного союза свободного, чистого организма со злом. Она не могла принять союз организма любви с ненавистью к этому организму. Она не могла слиться в евхаристической любви с

иудами-предателями. Был лишь один выход – отторгнуться зла, чтобы не совершать беззакония.

Церковь всегда свободна – это ее основание. Где Дух Святой, там свобода. Любовь живет свободно. Верующий с чистой совестью неизбежно стремится к такому организму, то есть к Церкви Христовой. В ее чистоте и святости он получает полное освобождение от греха. Христианские души в Церкви Христовой охвачены неизмеримой радостью свободы. Тогда мир бессилен в своей злобе, потому что в сердце торжествует любовь. Зло может только физически разрушить земную жизнь, но ему не дано разрушить жизнь, спасенную Христом.

Можно ли покинуть сергианскую Церковь? Сергиане постоянно обманывают воцерковленных людей, утверждая, что в их церкви нет догматических искажений. Наша совесть свидетельствует, что там искажаются не церковные догматы, а скорее сама природа Церкви – свобода, данная ей Господом нашим Иисусом Христом, попорана. Душа искреннего верующего никогда не может обрести полную свободу в сергианской Церкви, потому что грех сергианства будет ее постоянно мучить. Сергианство извратило учение Святой Церкви, которое было передано апостолами и в писаниях святых Отцов и Учителей Церкви. Свидетельством этому подвиг мученичества и веры святых, отошедших от сергианской организации.

В этот ужасный период истории человечества – падения мира в адскую пропасть – расколотый христианский мир, близкий нашим сердцам, должен воспламениться всеобщей любовью. Страдания русских мучеников призывают к объединению вокруг Христа в великом торжестве любви. Тогда Божия любовь в изобилии прольет свою благодать на Его Церковь. Церковь Христова осознает себя, свою полноту и воплотит это в последнем церковном догмате, который поставит сергианство вне Церкви.

39. Митрополит Феодосий

[Вячеслав Иванович Марченко](#)

39.

Митрополит Феодосий – главный иерарх истинно Православной Церкви в России.

(КАТАКОМБНАЯ ТИХОНОВСКАЯ ЦЕРКОВЬ В 1974 ГОДУ. Напечатано в: «The Orthodox Word», ноябрь-декабрь 1974 г.)

Многие истинно-православные христиане в свободном мире были поражены и обеспокоены тем, что в своем письме к Третьему Всезарубежному Собору Русской Зарубежной Церкви, состоявшемуся в сентябре 1974 года в Свято-Троицком монастыре в Джорданвилле, имеющий мировую известность русский писатель Александр Солженицын, живущий сейчас в изгнании в Швейцарии, написал, что «не надо сегодня воображаемым образом Катакомбной Церкви подменять реальный русский православный народ», отрицая самое существование «тайной церковной организации» и предупреждая иерархов Зарубежной Церкви против того, чтобы «солидаризоваться с таинственной, безгрешной, но и бестелесной катакомбой». Враги истинного Православия и защитники сергианской Московской патриархии быстро воспользовались этими фразами для своих собственных пропагандистских целей, публикуя их под заголовками «Нет “Катакомбной” Церкви», и им подобными.+ Действительно, было бы большим подспорьем для обновленческого “православия” и успехом их, если бы удалось “доказать” (или, по крайней мере, достаточно громко объявить), что в России нет катакомбной Церкви и единственным Православием в

СССР является его обновленческая сергианская “версия”, являемая миру Московской Патриархией, которая, по мнению Солженицына, нисколько не «падшая», а истинная Русская Православная Церковь. Эти заявления Солженицына вызывают важные вопросы: и практические, и Богословские.

+ «The Orthodox Church», ноябрь 1974 г., официальный орган Американской митрополии.

Правда, в начале своего письма Солженицын пишет: «Сознавая свою неподготовленность к выступлению по церковному вопросу перед собранием священнослужителей и иерархов, ... я лишь прошу о снисхождении к моим возможным ошибкам в терминологии или в самой сути суждений», а в конце снова оговаривается: «я не мню себя призванным к решению церковных вопросов». Можно поэтому, отнюдь не в обиду Солженицыну, столь убедительно и правдиво говорящему на другие темы, отметить его ошибки относительно истинно-православной Русской Церкви и в фактах, и в Богословии – для тех, кто желает знать истину.

Вышло так, что эти ошибки Солженицына имели и счастливое последствие: благодаря им несколько лиц, располагающих более точными сведениями о церковной жизни в Советском Союзе, высказались прямо, опровергая его утверждение, будто там нет «тайной церковной организации».

1. В краткой биографии молодого Владимира Осипова, в течение четырех лет являвшегося редактором не издающегося больше самиздатского журнала «Вече» (отличавшегося ярким национально-патриотическим и православным направлением и выражавшего «славянофильскую» позицию в современной России), имеется характерная черта, относящаяся к продолжающейся жизни катакомбной Церкви в России. В статье Алексея Киселева, основанной на интервью Анатолия Левитина (Краснова), сказано, что когда Осипов в 1960-х годах был в концлагере, он встретил «странного старика, которого все заключенные называют “владыкой”». Это был Михаил, епископ истинно-православной Церкви. Он произвел на Осипова сильное впечатление, и встреча эта, возможно, повернула его к религии». Одно это упоминание об истинно-православном (катакомбном) епископе в современном Советском Союзе и об его влиянии на молодое поколение религиозных искателей уже само по себе является важным указанием на существование истинного Православия в России. К счастью, от того же Краснова и из других источников мы имеем сейчас еще лучшее представление о существовании катакомбных епископов в Советском Союзе в настоящее время.

2. Ежемесячный обзор «Религия и атеизм в СССР», издаваемый в Мюнхене Н. Теодорович на русском языке, напечатал отрывки из трех писем, полученных от лиц немецкого происхождения, недавно эмигрировавших из Советского Союза в Германию, немцев по национальности. Они независимо друг от друга отреагировали на высказывания Солженицына о катакомбной Церкви.

Один из них пишет: «А.И. Солженицыну не пришлось встретиться с членами этой Церкви. Я сидел с ними в тюрьме и работал вместе с ними в исправительно-трудовой колонии. Это глубоко верующие и очень стойкие в вере люди. Их преследуют за принадлежность к этой запрещенной Церкви».

Второй пишет: «“Катакомбная”, “потаенная” Церковь – названия здешние

(заграничное). В СССР она называется “истинно-православная Церковь” или “Тихоновская”. К ней принадлежат православные, глубоко верующие люди, которые не признают официальную Церковь. За это их преследует власть. Я знаю многих, которые сейчас на воле, но не назову их имен и местожительства».

Третий корреспондент дает более полное описание жизни истинно-православной Церкви, в которой службы иногда совершаются монахами, монахинями и мирянами. «Истинно-православная Церковь имеет иерархию, – пишет он – но большая часть ее в тюрьме, либо в исправительных колониях. Члены истинно-православной Церкви проводят свое служение по ритуалам Православной Церкви. Если у них нет духовного лица, то служение проводит один из наиболее сведущих. Мне известны такие, что не женились и с детских лет посвятили себя Богу, они тоже проводят службы. Это, как правило, предельно честные люди, ведущие нравственно чистую жизнь. В СССР члены истинно-православной Церкви оторваны от влияний мира на жизнь, они предельно преданы Богу. Большая же часть верующих истинно-православной Церкви проводит свои служения в предстоянии рукоположенных духовных лиц. Ваши предположения, что члены Истинно-Православной Церкви только престарелые люди, со времени раскола 1927 года, – вызвали на моем лице улыбку. Те, которых я лично знал, родились после 1927 года. Конечно, есть и такие, которые помнят 1927 год. Бывают у них и молитвенные собрания без ритуала, когда они читают Священное Писание и духовные книги. Молитва их сводится, главным образом, к прошениям о пробуждении веры в русском народе. На свои Богослужения они иногда допускают молодых людей, если знают, что те не выдадут их милиции или КГБ. Чем меньше рекламы о них – тем лучше. Но следует знать, что они нуждаются в книгах Священного Писания и в духовной литературе».+

+ «Религия и атеизм в СССР», декабрь 1974 года, стр. 9.

3. Наиболее замечательные сведения об истинно-православной Церкви в России за последние месяцы исходят от широко известного борца за права человека в Советском Союзе Анатолия Левитина (Краснова), оставившего СССР в сентябре прошлого года и переехавшего в Швейцарию. В молодости он принимал деятельное участие в расколе живоцерковников в качестве диакона, и даже сейчас, хотя он давно раскаялся и вернулся к Православной Церкви, его взгляды могут быть названы в высшей степени “либеральными” и “экуменическими”. Его свидетельство об истинно-православной Церкви тем более ценно, что его нельзя обвинить ни в какой предвзятой симпатии к ней: для него она является “сектой” и, следовательно, заслуживает такого же уважения и свободы, как и всякая другая секта в современном Советском Союзе.

Первое цитируемое свидетельство Краснова взято из его заявления Комитету прав человека в Москве, опубликованного в “самиздате” 5 сентября 1974 года, перед самым его отъездом из Советского Союза. Вместе с его протестами против преследования униатов, баптистов, адвентистов, пятидесятников и “свидетелей Иеговы” в заявлении имеется глава о «гонениях на истинно-православную Церковь». Вот что пишет в этой главе Краснов: «В течение 47 лет подвергается гонениям эта Церковь». Далее следует историческая справка о Декларации митрополита Сергия 1927 года и о протестах против нее ряда епископов; о том, как все епископы, принявшие участие в “расколе” 1927 года, погибли в концлагерях в тридцатых годах; о том, как им удалось рукоположить в концлагерях ряд епископов-преемников, от которых берет свое начало тайная иерархия истинно-православной Церкви. Краснов продолжает: «Число членов ИПЦ не поддается учету. Однако, по сведениям, полученным от членов этой Церкви,

она имеет от 8 до 10 епископов, около 200 священников и несколько тысяч мирян. Деятельность ИПЦ строго пресекается. Власть боится ее распространения».+

+ «Религия и атеизм в СССР», декабрь 1974, стр. 2.

4. Краснов дал еще более подробные сведения об истинно-православной Церкви после своего прибытия на Запад, где он узнал, что часть либеральной русской интеллигенции снова радовалась «несуществованию» катакомбной Церкви, на этот раз «доказанному» Солженицыным. Вот что Краснов высказал в интервью русскоязычной парижской газете «Русская Мысль» (5 дек. 1974 г., стр. 5):

«Что касается катакомбной Церкви – она существует, это не выдумка. По моим сведениям, имеется около десяти епископов. Эти епископы ведут свое иерархическое преемство от иосифлян, от епископов, отколовшихся от митрополита Сергия в 1927 году ... В настоящее время имеется, насколько я знаю, не то 12, не то 8 епископов. Все они рукоположены в лагерях теми архиереями, которые там были, все они свою деятельность развивают. Имеется иерархия и священники. Но все-таки очень небольшой слой населения. Во-первых, все это так глубоко засекречено, что очень трудно узнать что-нибудь достоверное. Я знаю одну монахиню, которая приходила к православному архимандриту склонять его на переход в “истинную православную Церковь”. Когда он стал ее спрашивать более подробно, она ему ответила: “Когда вы перейдете к нам, вам все расскажут”. Знаю я, что есть подпольный митрополит Феодосий, это их глава, который, в связи с избранием патриарха Пимена, опубликовал свое воззвание (в самиздате), ходившее по Москве, Питеру, Киеву, за подписью “митрополит Феодосий”, где от имени “Истинно-Православной Церкви” декларировалось отрицательное отношение к Патриархии. В частных разговорах они обычно говорят, что наиболее близким к себе течением они считают Зарубежную Православную Синодальную Церковь, так называемую “Карловацкую”. Они обычно говорят: “Мы, собственно, не против власти. Мы монархисты, но мы не против власти, поскольку всякая власть от Бога”.+ Они только не могут принять официальную иерархию, поскольку она находится в зависимости от атеистов. Они считают Патриарха Тихона своим последним главой, почему их обычно в лагерях называют “тихоновцами”. Надо сказать, что их сторонники обычно пожилые люди, или выходцы из лагерей. Их Богослужения как правило происходят в частных квартирах, присутствуют на этих тайных литургиях три-четыре человека... Истинно-православная Церковь скрывается в подполье, она носит характер чего-то настолько тайного, засекреченного, что ее найти буквально никто не может, хотя, конечно, нельзя отказать в уважении этим людям, очень стойким, очень искренним».

+ Это, вероятно, неточное выражение относительно позиции истинно-православной Русской Церкви по этому пункту. Смотреть катакомбный документ самиздата «Церковь и власть» («The Orthodox Word», 1972, № 3, с. 133-135), где советская власть названа «антивластью».

40. Катакомбная Церковь, 1976 год

[Вячеслав Иванович Марченко](#)

40.

Катакомбная Церковь, 1976 год.

(Из сообщений в «Религии и атеизме в СССР», июль 1976 года, № 8, стр. 18-19 и публикации "Наша страна", Буэнос-Айрес, 26 апреля 1977 года, на русском языке.

В Советском Союзе не разрешается вывозить из страны провинциальные газеты – районные, областные и автономных республик. Но информация, которую можно найти в таких местных газетах, обычно гораздо интереснее и значительнее, чем "официальные" новости, печатающиеся в московских газетах "Правда" и "Известия" или сенсационные заявления многих диссидентов в столице.

Как рассказал московский корреспондент агентства "Рейтер" (13 мая 1976 года), газета "Советская Абхазия" (печатается в Сухуми) сообщила о суде над священником истинно-православной Церкви архимандритом Геннадием (в миру Григорий Секач) в связи с раскрытием деятельности большой и хорошо организованной части катакомбной Церкви на юге России.

Согласно сообщению "Советской Абхазии", Григорий Секач был обращен в веру во время Второй Мировой войны. Позднее он посещал и закончил курс семинарии и какое-то время служил официально зарегистрированным священником (не монахом) Московской Патриархии. Однако, будучи сознательным священником, он неизбежно вступил в конфликт с церковными властями, которые сами находились под давлением чиновников атеистического режима, и в 1962 году – в разгар Хрущевских гонений – был обвинен в нарушении советских законов, касающихся религиозных "культов" (а именно, "за привлечение в Церковь детей и молодежи"), лишен прихода и официальной регистрации в качестве священника.

После этого отец Григорий "исчез" из советской жизни, буквально уйдя в подполье. Он вошел в контакт с истинно православной Церковью, которая продолжала существовать как тайная организация все годы со времени митрополита Иосифа и других епископов-исповедников 1927 года, не поддерживая никакой связи с управляемой коммунистами Московской Патриархией. Через два года подпольной деятельности отец Григорий создал катакомбный приход в одном из городов на Украине, и здесь он также принял монашеский постриг с именем Геннадий. Некий катакомбный епископ Серафим возвел иеромонаха Геннадия в сан архимандрита и послал его в Абхазию в промышленный город Ткварчели недалеко от Нового Афона на берегу Черного моря. Это место знаменитого подворья русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Горе Афон, которое было разрушено советами в 1924 году. "Советская Абхазия" признает, что советские власти не смогли ничего узнать об этом епископе Серафиме, который, очевидно, продолжает свою катакомбную деятельность.

Здесь за десять лет, 1966 по 1976 год, отец Геннадий сумел организовать несколько тайных общин катакомбной Церкви, создав для них целый ряд тайных домашних церквей в частных жилищах, и организовать несколько мужских и женских монастырей, а также тайную Духовную школу.

Помощники отца Геннадия, как рассказывает советская газета, путешествовали по Советскому Союзу, чтобы встречаться с тайными группами верующих. Эти помощники "завербовали" в свои ряды много молодежи, привезли их в Абхазию, где устроили работать на заводах и фабриках в Ткварчели, а по вечерам эти люди посещали подпольные религиозные курсы. Многие из этих молодых людей приняли монашеский постриг и вернулись в свои родные края, чтобы проводить там среди людей

религиозную работу.

Эта деятельность была раскрыта советскими властями в 1976 году, когда был арестован архимандрит Геннадий, преданный осведомителем. Его сотрудники и помощники не были пойманы, но сам архимандрит Геннадий был приговорен к четырем годам в исправительно-трудовой колонии. "Советская Абхазия" приписывает этим активистам катакомбной Церкви исключительный фанатизм и антисоветскую политическую деятельность (выражавшуюся в распространении антисоветских листовок).

Конечно, все это только сообщение в статье в советской газете (и даже сама статья, кажется, не была вывезена из Советского Союза, поэтому невозможно дать точную оценку всем деталям). Однако общая картина, складывающаяся из этого рассказа и из сообщений из других советских источников, и от новых эмигрантов на Запад, ясна: деятельность катакомбной истинно православной Церкви в России продолжается, временами достигая высокой степени организованности (учитывая суровую обстановку в советском государстве, где преступлением считается совершать религиозные обряды тайно, а не в официально разрешенных церквях) и будучи в состоянии уберечь своих членов от ареста, даже когда раскрывается какой-нибудь важный центр ее деятельности. До тех пор, пока сохраняется советская тирания, мы, наверное, будем получать не больше чем намеки, как в этой статье, о действительной жизни катакомбной Церкви в России. Очевидно, что когда в Россию вернется свобода, откроется многое об этой тайной жизни, о чем сегодня мы и не догадываемся.

Епископ Серафим – второй из двух известных на Западе по имени современных иерархов катакомбной Церкви (другой – митрополит Феодосий, главный иерарх катакомбной Церкви в наши дни). Интересно, из более ранней истории катакомбной Церкви в России (которая нам известна намного лучше, чем период после Второй Мировой войны) мы знаем об одном Серафиме, который действительно мог стать епископом в наши дни, если он еще жив (он родился в 1903 году). Это прозорливый старец иеромонах Серафим, перед которым пророчески склонился и получил от него благословение оптинский монах, когда будущему старцу было только пять лет; мы знаем о катакомбной деятельности этого отца Серафима в 1941 году, когда он окормлял паству буквально в подполье, переходя из города в город и чудесным образом спасаясь от преследования агентов КГБ, постоянно его искавших. Может, когда-нибудь мы узнаем, не является ли сегодняшний епископ Серафим тем самым отпрыском Оптиной пустыни и ее старческих традиций, которые сохраняют Святую Русь живой даже при правлении безбожников.

Несомненно, отец Геннадий, как принято в советском государстве, подвергается жестокому обращению и пыткам – и для того, чтобы выведать у него имена других членов катакомбной Церкви, и в качестве наказания за его "преступления" против советского государства. Всем православным христианам, которых заботят страдания их братьев, следует вознести горячие молитвы о его спасении.

41. Катакомбная Церковь, 1979 год

[Вячеслав Иванович Марченко](#)

41.

Катакомбная Церковь, 1979 год.

Интервью с Александром Андреевичем Черновым (схимонахом Епифанием).+

+ Из журнала "Посев", Франкфурт-на-Майне, 1979 год, октябрь, стр. 140-146.

Русский эмигрант в Болгарии перед Второй Мировой войной, получивший в Софийском университете ученые степени по Богословию и философии, А.А. Чернов в конце войны был арестован наступавшей советской армией за свою антисоветскую политическую деятельность и тридцать пять лет провел в СССР, из них пятнадцать – в лагерях и двадцать – буквально "в подполье", до того как ему разрешили покинуть страну. За свои двадцать лет "на свободе" он находился в тесном контакте с катакомбной Церковью России, и информация о ней в этом интервью – это самые последние сведения, которые у нас есть от действительного члена этой Церкви.

Вопрос. Как Вы вступили в катакомбную Церковь?

Ответ. Я познакомился с представителями этой Церкви в лагере в сороковые годы. Они были в тюрьме за свою веру, но проходили по той же 58-й статье (за антисоветскую деятельность). С их помощью, когда я в 1955 году вышел из лагеря, я смог установить связь с катакомбной Церковью и ушел в подполье. Если бы я этого не сделал, меня бы не оставили в покое, но, как бы то ни было, я имел возможность делать что-то в течение двадцати лет.

В то время, когда я вступил в катакомбную Церковь, я не имел никакого представления о жизни в Советском Союзе. Я был в тюрьме и не знал, что делается за ее стенами. И в катакомбной Церкви я жил буквально в четырех стенах, никогда не выходил на улицу, не видел солнца. Я узнавал о жизни за стенами моего убежища постепенно, из рассказов других людей и тогда, когда меня перевозили в новые места. А перевозить меня приходилось часто: при малейшей опасности меня отправляли на большое расстояние, как правило, из одной республики в другую, за несколько тысяч километров. Мной очень дорожили благодаря моему Богословскому образованию, так как таких людей в катакомбной Церкви всегда не хватало.

Вопрос. Скажите, пожалуйста, несколько слов о том, как возникла катакомбная Церковь.

Ответ. Катакомбная Церковь появилась вместе с советским режимом, когда без суда стали казнить духовенство, когда стали разрушать церкви, когда христиане начали прятать тех, кого искали гонители. Патриарх Тихон понял, что большинству епископов угрожает смерть; в конце концов, где можно было спрятать митрополитов, архиепископов и епископов, которых все знали? Поэтому, признав, что Церковь не может дальше оставаться полностью открытой, патриарх Тихон почти на каждой службе посвящал епископов, даже в маленьких городах. Считается, что при нем были посвящены примерно тысяча епископов.+ Они могли затеряться в гуще народа и положить начало катакомбной Церкви. Когда официальная Церковь начала открыто сотрудничать с коммунистами (1927 год), тогда у катакомбной Церкви не осталось никакой возможности союза с ней.

+ От редакции. Эта цифра кажется слишком большой, даже если она включает всех епископов, посвященных в двадцатые и тридцатые годы. Из этого периода нам известны по имени, наверное, немногим более трехсот епископов, хотя, конечно, у нас нет почти никакой информации о тайных посвящениях в это время.

Вопрос. Как организована катакомбная Церковь?

Ответ. Легче представить это в форме графика. Вот большая окружность и ее центр. Окружность заполнена множеством ячеек Церкви. Между ними нет связи, но все они в той или иной форме идейно связываются с "центром".

Вопрос. Интересно, это похоже на структуру НТС в стране – тоже ячейки, хотя центр за границей. Этот вид подпольных организаций в тоталитарной стране мы называем "молекулярным", основанным на спонтанном возникновении очагов оппозиции в стране.

Ответ. Возможно, это получается как-то само собой, если решают действовать в

подполье. Ячейки в катакомбной Церкви также организованы без какой-либо инициативы из центра. Человек просто приходит к выводу, что официальная Церковь – это не его Церковь. Она создана партией, насыщена агентами КГБ. Он начинает молиться дома. Таким образом, возникает "домашняя церковь", как в апостольские времена, когда Церковь Христова гнали. Святой апостол Павел в своем послании пишет как раз эти слова – "домашняя церковь" (Рим. 16, 4). Вся катакомбная Церковь – это именно огромное множество "домашних церквей". Каждая из них больше всего озабочена тем, чтобы ее не раскрыли.

Вся эта масса ячеек живет разной жизнью: есть те, которые только начинают, но есть и настоящие монашеские скиты, где службы совершаются непрерывно круглосуточно, годами. Я смог побывать в нескольких настоящих тайных церквях. Иногда такие церкви устроены в пещерах. Есть несколько групп, в которых члены катакомбной Церкви ведут наистрожайший аскетический образ жизни, и сами представители режима, когда время от времени такие обнаруживаются, приходят в изумление от образа жизни этих людей.

В катакомбной Церкви есть строгие правила безопасности. Вкратце, это большая подпольная организация, действующая в СССР уже шестьдесят лет. Конечно, нельзя о ней говорить как о какой-то не меняющейся организации, всегда одинаковой. Все меняется с течением времени. Постепенно меняется ее состав, и правила тоже изменяются, они все время ужесточаются. Катакомбная Церковь старается внешне никак себя не проявлять в целях самосохранения, поэтому найти ее не так-то легко, и на Западе, я думаю, о ней известно очень мало. В любом случае, это большая группа людей, проникнуть в которую режим не может. Но предпринимаются попытки сделать это. Зная о недостатке священников в катакомбной Церкви, режим пытается под видом священников заслать к нам своих агентов. Например, были случаи, когда они пытались выдать себя за людей, рукоположенных митрополитом Нью-Йоркским Филаретом.

Но, несмотря на недостаток священников, катакомбная Церковь не вымирает, как полагает отец Димитрий Дудко.+ Костяк ее остается тем же самым, и, зная историю Вселенской Церкви, не следует этого недооценивать. Когда духовенство не смогло проявить твердость, истина сохранялась монашеством. Давайте уповать на Бога. "Сила Моя совершается в немощи" (2 Кор. 12, 9). В катакомбной Церкви сохраняются остатки Святой Руси, которую, несмотря на все его попытки, советский богопротивный режим не смог уничтожить до сего времени.

+ От редакции. В письме, опубликованном ранее в этом году в "Посеве", отец Димитрий написал не что катакомбная Церковь "вымирает", а просто что в ней слишком мало священников, чтобы удовлетворять духовные потребности православного населения России.

Мы знаем, что границы Церкви не совпадают с границами государства. И поэтому катакомбная Церковь с надеждой и ожиданием глядит на Русскую Зарубежную Церковь. Когда мы слышим, как говорят, что здесь, в нашей Церкви, наверно, больше нет никаких епископов, мы отвечаем: "А у нас есть "золотой запас" их там, за границами России".

Вопрос. Но все-таки между этими ячейками есть какая-то связь, которая дает право

говорить о существовании в СССР катакомбной Церкви как определенного единства?

Ответ. Да, вне всякого сомнения. Прежде всего, они все объединены тем, что оценивают этот период как последние времена. СССР – это духовный феномен этих последних времен, который раскрывается в тоталитарной борьбе против Бога. Совершенно понятно, что СССР создал собственную Церковь по образу и подобию своему. Советский образец Церкви служит только для обмана, а не для удовлетворения религиозных исканий народа. Когда режим найдет это необходимым, эта Церковь прекратит свое существование.

Вопрос. Однако совсем недавно в этой Церкви были изменения. И там есть такие достойные люди как отец Димитрий Дудко и десятки других.

Ответ. Принадлежность к советской Церкви отца Димитрия Дудко и ему подобных ее не извиняет. Советская Церковь не изменилась по своей сути и остается созданием советского режима. Катакомбная же Церковь не признает ни советского режима, ни его Церкви. Именно эти два условия и вызвали создание катакомбной Церкви.

Вопрос. Какое, по Вашему мнению, количество членов катакомбной Церкви?

Ответ. Точно не знает никто, но я полагаю, что их миллионы. Я дам вам цифры из секретного доклада инструктора ЦК КПСС Е.Н. Климова, ответственного за атеистическую деятельность священников. (Да, это не ошибка – атеистическая деятельность священников!) Примерно шесть лет назад в одном из своих секретных докладов для учителей (вход был только по спец. пропускам) он привел две цифры – 52 миллиона прихожан в официальной Церкви и 48 миллионов – в катакомбной Церкви. Как были получены эти цифры, что имелось в виду под катакомбной Церковью, включались ли здесь также различные секты – этого я не могу сказать. Однако считаю, что делить прихожан таким образом на катакомбную Церковь и официальную Церковь не совсем правильно. Я знаю, например, про одного московского инженера, который ходит на службы в официальную Церковь, но не причащается, а когда молятся за правительство, то он свою молитву читает за оппозицию. В реальной жизни катакомбная и официальная Церкви переплетаются друг с другом, и между ними невозможно провести границу.

Самой активной частью Православной Церкви является истинно православная Церковь (ИПЦ). Они приняли меня как своего, поскольку у меня не было никаких связей с режимом, я даже не имел трудовой книжки. Но никакого коммуниста они бы в своей группе не приняли. По мне, это ограничение – членство в партии – не следовало бы применять. Не принимать коммунистов, прогонять их – значит только укреплять их на их пути. Отец Василий, катакомбный иеросхимонах, рассказывал, как через одного его духовного сына к нему обратился с просьбой прийти и причастить его один высокопоставленный член партии, и он даже послал за ним ночью свою машину. В доме этого человека были прекрасные древние иконы и лампада. И этот партиец сказал: "Я прошу Вас, решите: если возможно, чтобы я вышел из партии, то я завтра же сделаю это, хотя знаю, что это будет для меня значить. Но если возможно, то пусть все останется так, как есть, потому то в душе я абсолютно не коммунист".

Вопрос. Скажите, пожалуйста, несколько слов о Вашем последнем аресте в Киеве (в 1975 году).

Ответ. В нескольких словах, я был арестован за религиозные публикации в самиздате. При мне ничего не нашли, поскольку я был арестован в поезде, но в доме П.П.

Савицкого нашли одну из моих религиозно-исторических работ. На допросе я сказал следующее: "Суть моего преступления вам известна. Есть закон, судите меня по этому закону, но я буду говорить только о себе и больше ни о ком". Они не смогли ничего от меня добиться и снова сослали в лагерь.

Если сравнивать советские лагеря 50-х и 70-х годов, то я чувствовал себя лучше в прежних не только потому, что был тогда моложе. Для иностранцев условия в лагере лучше, чем обычные; но русских по целым дням мучают громкоговорителями: с утра до ночи, изо дня в день одни и те же советские песни. Это очень изматывает, поскольку скрыться от этого негде.

Вопрос. Как Вам удалось попасть на Запад?

Ответ. Прежде всего, это было чудо Божией милости. Я как человек без гражданства, лишенный в Советском Союзе иностранного гражданства, больше года боролся за то, чтобы выехать из СССР. Трижды писал Брежневу что-то наподобие этого: "Я не "ваш" и никогда не буду вашим. Вы высылаете собственных граждан из страны и лишаете их советского гражданства. Со мной проще – меня нечего лишать. Для вас я нечто инородное. Дайте мне свободу. Я лишен свободы уже тридцать пять лет. Я уже старый и больной человек. Здесь у меня никого нет, а там у меня есть родственники. Я уже дважды сидел в лагерях. Я должен ждать третьего раза?

И я уехал, главным образом, по следующей причине. Нам казалось, что за границей люди не понимают положения катакомбной Церкви в СССР. Катакомбная Церковь – это антипод советской Церкви. Я бы хотел добиться, чтобы за границей, по крайней мере, была бы принята какая-то официальная формулировка разного подхода к официальной Церкви, с одной стороны, и к катакомбной, с другой.

Я говорил с некоторыми высокопоставленными представителями Русской Зарубежной Церкви, но, к сожалению, не нашел полного взаимопонимания. Но я буду, если смогу, добиваться понимания, живой дискуссии об этом. Я – малый представитель катакомбной Церкви, но я в большом долгу перед ней. И не могу сдать свои позиции – в конце концов, люди там живут ради них, за них пролило кровь столько мучеников. И смею вас заверить, что в катакомбах миллионы людей.

42. О катакомбной Церкви в СССР

[*Вячеслав Иванович Марченко*](#)

42.

Евгений Вагин.

Несколько слов о катакомбной Церкви в СССР.

Евгений Александрович Вагин был одним из основателей и активных членов "Всероссийского социал-христианского союза освобождения народа", маленькой группы людей в Ленинграде, которые пытались вернуться к православным и национальным корням русского народа и мечтали об освобождении России от коммунистов (не имея для этого никакого плана действий). В 1967 году их "Союз" был раскрыт КГБ, члены его арестованы и сосланы в лагерь. После отбытия своего срока Вагин эмигрировал на Запад, где активно работал по информированию русской эмиграции и Запада о состоянии дел в Советском Союзе.

Сколько их? Их много? Это постоянный (и естественный) вопрос, когда идет речь о "инакомыслящих", преследовании верующих, о заключенных...

Я лично был знаком и беседовал приблизительно с двадцатью представителями групп так называемой катакомбной Церкви. Если добавить к ним имена тех, о ком они упоминали или рассказывали, получается больше сотни человек.

Вот что особенно интересовало меня в рассказах истинно-православных христиан-странников (одна из православных катакомбных групп). По большей части, в соответствии с их религиозными понятиями, они живут без документов, не пользуются советскими деньгами (и там, и там они видят печать антихриста). И по характеру своей миссии, и из практических соображений они вынуждены постоянно странствовать – переходить с места на место, прятаться от властей. И поскольку и повсюду они находят людей, которые активно им сочувствуют и помогают материально, прячут в случае необходимости, участвуют в совместных молитвах. Эта та благодатная почва, в которую бросают зерно проповеди, и каждое слово дает стократный урожай. Это более всего тревожит атеистические власти. Это видно из того, что в начале шестидесятых годов в Алма-Ате состоялся открытый суд над группой истинно православных христиан-странников, возглавляемых Миной Богатыревым (описан в советском журнале "Наука и религия", 1964 год, № 7, стр. 24), которого я встретил в мордовском лагере в 1968-69 годах.

Дать панораму современного положения катакомбной Церкви в Советском Союзе трудно по многим причинам. Во-первых, в моем распоряжении есть, конечно, только часть информации по этому вопросу. Потом, у меня нет права даже называть все имена, известные мне. В концлагерях члены истинно православной Церкви проводят успешную и плодотворную работу по привлечению в свои ряды новых людей; по большей части, обращенные (это не всегда молодые люди) становятся тайными приверженцами катакомбной Церкви. И, конечно, глупо и преждевременно было бы указывать места, где оседают истинно православные верующие с целью сблизиться друг с другом. Без сомнения, некоторые из этих мест известны КГБ, но, думаю, не все.

Очень важен вопрос иерархии в катакомбной Церкви. От разных людей, включая покойного А.С. Дубина, который умер в лагере прошлым летом, я слышал драматический рассказ о престарелом владыке Серафиме, который в тридцатые годы жил в Харьковской области. Он жил буквально в подполье – в специально оборудованном подвале крестьянского дома.

Там проходили регулярные Богослужения "тихоновцев" (приверженцев патриарха Тихона), и там владыка умер. Его тело много дней оставалось нетленным, и новость об этом так широко распространилась, что дошла до НКВД. Группа чекистов нагрянула неожиданно и провела обыск. Они вытащили тело владыки Серафима из подвала и увезли в повозке неизвестно куда.

Мои друзья в лагерях рассказывали мне, как во время войны пожилой епископ благословлял их не брать в руки оружия для защиты "завоеваний октября". Они не называли его имя. За этот отказ вся их группа (семь человек) была приговорена к расстрелу, и только отмена "высшей меры наказания" (ее заменили двадцатью пятью годами в лагере) спасла их от смерти.

Иеромонах Михаил Васильевич Ершов, которого многие тоже звали владыкой, не был епископом. Он умер в лагерной больнице (Тенгушевский район, станция Барашево) в 1974 году в день Святой Троицы и, очевидно, был похоронен на кладбище близлежащего лагеря. Последняя информация из СССР об иеромонахе Ершове, что, предположительно, после сорока трех лет заключения он был помещен в казанскую психбольницу, очевидно, основана на недоразумении – это, был, видимо, другой человек. Между прочим, я не знаю о каком-то другом верующем с таким астрономическим сроком заключения в лагере!

Не сомневаюсь, что в катакомбной Церкви даже сейчас есть епископы, хотя цифра в

восемь-двенадцать человек, упомянутая, кажется, А.Е. Левитиным-Красновым в одном из интервью, видится мне преувеличенной. Но есть кое-что еще, что заслуживает особого внимания: я точно знаю, что среди иерархов Московской Патриархии есть те, кто активно сочувствует истинно православной Церкви. Это утверждение может звучать парадоксально, потому что ИПЦ в целом отрицает иерархию советской Церкви и даже запрещает своим приверженцам посещать Богослужения в "их" церквях. Однако позиция отдельных катакомбных христиан мягче и, может быть, более дальновидна.

Где катакомбные христиане проводят свои службы? Из того, что мне рассказывали, я знаю, что перед войной они проводились на территории нынешней Татарской ССР на открытом воздухе, рядом с родниками в лесу. Эти Богослужения собирали множество верующих. За участие в них строго наказывали; временами в местах "сборищ", ставших известными, ставили милицейские посты. Поэтому эти места нужно было менять. В настоящее время чаще всего собираются в домах "своих" людей в подвальных помещениях, специально оборудованных как домовые церкви. Нередки также маленькие монастыри такого же катакомбного типа.

В условиях лагеря мы должны были обдумывать всевозможные способы совершать общую молитву. Чаще всего мы молились под открытым небом группами по три-четыре человека, как бы выйдя на прогулку, чтобы привлечь поменьше внимания. Иногда нам удавалось собраться в "промышленной зоне" в больших крытых бараках по окончании работы. Это было возможно только когда работали во вторую смену, когда контроль был послабее, и надсмотрщики появлялись реже.

Накануне великих праздников, особенно Светлого Христова Воскресения, мы обычно собирались группами по восемь-девять человек в домах на отшибе до подъема примерно за тридцать-сорок минут, не больше. На таких собраниях всегда читалось евангелие, обычно всеми присутствующими по очереди; всегда читались молитвы, и была общая трапеза.

В молитвах мы обязательно поминали (эти помянники давали нам, чтобы вписать "свои" имена) всех членов умученной Царской Семьи, Его Святейшества Патриарха Тихона, умученного митрополита Владимира (Богоявленского) Киевского и читали длинный список "тихоновцев", замученных и умерших в тюрьмах и лагерях. Списки имен были разные, так как мы поминали тех, кого знали лично. Члены наших семей и близкие родственники также поминались. В молитвах о живущих предлагалось, чтобы мы, в первую очередь, поминали наших родителей и духовного отца. Я также видел списки с поминанием митрополита Филарета из Русской Зарубежной Церкви. Информация о "карловчанах" в лагерях, конечно, неполная и не всегда точная (как и вообще в Советском Союзе), но в целом отношение к ним истинно православных вполне благожелательное.+

+ Название "карловчане" дано Русской Зарубежной Церкви ее врагами по названию города Сремские Карловцы в Югославии, где был ее Синод в двадцатые и тридцатые годы.

Какое влияние вообще имеет катакомбная Церковь на православных верующих? Люди знают о ней, но недостаточно: в прессе почти нет информации, и в русских программах западного радио об этой Церкви почти ничего нет. Верующие из числа образованной молодежи (в последние годы таких становится все больше и больше) проявляют большой интерес к теме религиозных преследований, и тут они натываются на вопрос

об истинно православной Церкви и хотят побольше узнать о ней. Следует отметить, что многих молодых образованных людей отталкивает подчеркнутый "антиинтеллектуализм" истинно православных.

Этот "антиинтеллектуализм" иногда принимает форму осознанного юродства Христа ради. Я подчеркиваю – осознанного. Мне рассказывал об этом один из самых замечательных православных христиан, которых я имел удовольствие встречать – я имею в виду В.В. Калинина. Он уже двадцать пять лет провел в заключении. Его поведение было твердым отрицанием всего образа жизни и мышления, связанных с нынешним истинно дьявольским политическим режимом. И эта форма поведения, конечно, не простой "политический протест".

Монархические чувства, преобладающие среди членов истинно православной Церкви, вызывают симпатию в кругах молодых людей. Молодежь также уважает их, потому что они добровольно выбрали для себя путь страданий, терпеливо неся в течение десятилетий мученический крест.

Все истинно православные в той или иной степени характеризуются чувством возвеличивания нации и духовности. Это особенно чувствуется в "Завете" М.В. Ершова, опубликованном в "Русской жизни" (7 июля 1977 года). Все члены этой Церкви, даже "необразованные", особенно печалуются о судьбе России, которую ставят в центр всех мировых событий. (Это часто интерпретируется очень оригинальным способом, всегда в апокалиптических, эсхатологических тонах.) Их "русскость" не направлена агрессивно на другие нации и народы, но проявляется в конфиденциальных разговорах как знак "особой избранности" и живет внутри человека. Я часто слышал в их среде старую поговорку, приложимую к судьбе России: Кого Бог любит, того наказует.

V. Документы о катакомбной Церкви

V

Документы Русской Зарубежной Церкви о катакомбной Церкви.

"Мы с почтением склоняемся перед вашим подвигом и говорим вам: "Вы – свет современного мира, сбившегося с пути и погрязшего в грехе; вы – соль земли, вы – те десять праведников, ради которых Господь терпит наши грехи".

Послание свободного Собора епископов Русской Православной Церкви Заграницей, 1975.

43. Послание митрополита Филарета

[Вячеслав Иванович Марченко](#)

43.

Катакомбная Церковь.

Послание митрополита Филарета к братьям во Христе православным епископам и всем, кому дорога судьба Российской Церкви.+

+ "Православная Русь", 1965, № 22.

В недавние дни Советское правительство в Москве и по разным концам света праздновало новую годовщину приведшей его к власти октябрьской революции 1917 года.

Мы же в эти дни вспоминаем начало крестного пути Русской Православной Церкви, на которую с тех пор как бы обрушились все силы ада.

Встречая отпор со стороны сильных духом архипастырей, пастырей и мирян, коммунистическая власть для борьбы с религией с первых же дней стала пытаться ослабить Церковь не только избиением сильнейших духом ее вождей, но и путем искусственного создания расколов.

Так возникли так называемая «Живая Церковь» и обновленческое движение, носившие характер навязываемой Церкви протестантско-коммунистической реформации.

Несмотря на поддержку правительства, этот раскол был сокрушен внутренними силами Церкви. Слишком явно для верующих «Обновленческая церковь» была неканонична и изменяла Православию. Народ поэтому за ней не пошел.

Вторая попытка, после смерти Патриарха Тихона и ареста Местоблюстителя патриаршего престола – митрополита Петра, имела больше успеха. Советской власти удалось в 1927 году отчасти расколоть внутреннее единство Церкви. Тюремным заключением, пытками и специальной обработкой, она сломала волю заместителя патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия и добилась от него обнародования декларации о полной лояльности Церкви к советской власти, вплоть до того, что радости и успехи Советского Союза были объявлены митрополитом радостями и успехами Церкви, а неудачи – неудачами ее. Что может быть более кощунственным, чем такая мысль, справедливо в то время оцененная многими как попытка совместить свет со тьмой и Христа с вельяром. Подписать подобную декларацию отказались в свое время и патриарх Тихон, и митрополит Петр, и другие Местоблюстители Патриаршего Престола, за что последние и подверглись арестам, заключениям и ссылкам.

Протестуя против этой декларации, обнародованной митрополитом Сергием единолично, без согласия подавляющего большинства епископата Русской Церкви, в нарушении таким образом 34 апостольского правила, + многие епископы, находившиеся тогда в лагере смерти на Соловках, писали митрополиту: «Всякое правительство может иногда принимать решения безрассудные, несправедливые, жестокие, которым Церковь вынуждена подчиняться, но не может им радоваться и одобрять. В задачу Советского правительства входит искоренение религии, но успехи его в этом направлении Церковь не может признать своими успехами» (Открытое письмо с Соловков от 27 сентября 1927 года).

+ Которое гласит: Епископам всякого народа подобает знати первого в них, и признавати его яко главу, и ничего превышающего их власть не творити без его рассуждения... Но и первый ничего да не творит без рассуждения всех...

Мужественное большинство чад Русской Церкви не согласилось с декларацией митрополита Сергия, считая, что союза Церкви с безбожным советским государством, поставившим себе целью уничтожение Христианства вообще, принципиально быть не может.

Но раскол все-таки произошел. Меньшинство, принявшее декларацию, образовало центральное управление, так называемую «Московскую Патриархию», официально якобы признанную властями, а фактически не получившую никаких юридических прав от тех, которые продолжали, теперь беспрепятственно, жесточайшее гонение против Церкви. По словам Петроградского митрополита Иосифа, митрополит Сергий, обнародовав декларацию, стал на путь "чудовищного произвола, человекоугодничества и предательства Церкви интересам безбожия и разрушения этой Церкви".

Большинство, отвергнувшее декларацию, начало иллегальное церковное существование. Почти все епископы были замучены и убиты в лагерях смерти, в их числе Местоблюститель митрополит Петр, всеми почитаемый митрополит Казанский Кирилл и митрополит Петроградский Иосиф, который был расстрелян в конце 1938 года, равно как многие другие епископы, тысячи священников, монахов, монахинь и мужественных мирян. Чудом оставшиеся в живых епископы и священнослужители стали жить

иллегально, совершать Богослужения тайно, скрываясь от властей и положивши таким образом начало КАТАКОМБНОЙ ЦЕРКВИ в Советском Союзе.

Мало доходило о ней сведений до свободного мира. О ней долго молчала советская печать, желая представить дело так, что якобы за Московской Патриархией стоят все верующие в СССР. Существование катакомбной Церкви даже старались вовсе отрицать.

Но вот, после смерти Сталина и развенчания его деятельности, а особенно после падения Хрущева, советская печать все чаще и чаще стала писать о тайной Церкви в СССР, называя ее «сектой» ИСТИННО-ПРАВОСЛАВНЫХ ХРИСТИАН. Молчать об ней больше очевидно было невозможно, слишком она многочисленна и слишком много беспокойства она причиняет властям.

Неожиданно в «Словаре атеиста» (издательство политической литературы, Москва 1965 г.), на страницах 123 и 124, заговорили открыто о КАТАКОМБНОЙ Церкви. «ИСТИННО-ПРАВОСЛАВНЫЕ ХРИСТИАНЕ (ИПХ), читаем в словаре, ПРАВОСЛАВНАЯ секта, возникшая в 1922-24 годах. Оформилась она в 1927 году, когда митрополит Сергей провозгласил принцип лояльного отношения к Советской власти». «Монархические (мы бы сказали церковные) элементы, объединившиеся вокруг Ленинградского (Петроградского) митрополита Иосифа (Петровых) — ИОСИФЛЯНЕ», или, как говорит тот же словарь, ТИХОНОВЦЫ, «создали в 1928 году РУКОВОДЯЩИЙ ЦЕНТР – ИСТИННО-ПРАВОСЛАВНУЮ ЦЕРКОВЬ (ИПЦ), объединили все группы и элементы, выступающие против Советского строя». Добавим от себя – «безбожного». «...ИСТИННО-ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ направляла в села множество монахов и монахинь, – главным образом, конечно, священников, добавим опять от себя, – которые совершали тайно Богослужения и требы и вели пропаганду против руководства Православной Церкви», то есть против сдавшейся Советской власти Московской Патриархии, «призывая не подчиняться советским законам», направленным, очевидно, против Церкви Христовой и веры.

По свидетельству «Словаря атеиста», «ИСТИННО-ПРАВОСЛАВНЫЕ ХРИСТИАНЕ создавали и создают “домашние” (то есть тайные) КАТАКОМБНЫЕ церкви и монастыри... полностью сохраняя вероучение и обряды Православия». Они «не признают над собой власти Православного патриарха», то есть заменившего митрополита Сергия патриарха Алексия.

«Стремясь оградить ИСТИННО-ПРАВОСЛАВНЫХ ХРИСТИАН от влияния советской действительности», главным образом, конечно, от безбожной пропаганды, «руководители их ...используют миф об антихристе, который якобы господствует в мире с 1917 года». Антихристова сущность Советской власти несомненна для каждого здравомыслящего человека, тем более для христианина.

ИСТИННО-ПРАВОСЛАВНЫЕ ХРИСТИАНЕ «обычно отказываются от участия в выборах», которые в Советском Союзе – стране, лишенной свободы, являются просто комедией «и других общественных мероприятиях, не принимают пенсий, не пускают своих детей в школы дальше четвертого класса...» Вот неожиданное советское свидетельство об истине, к которому нечего прибавить.

Честь и хвала ИСТИННО-ПРАВОСЛАВНЫМ ХРИСТИАНАМ – героям духа и исповедникам, не склонившимся перед страшной властью, которая может держаться только страхом и насилием и привыкла к подхалимству своих подданных. Советские правители приходят в ярость от того, что существуют люди, которые боятся Бога

больше, нежели людей. Они бессильны перед миллионами ИСТИННО-ПРАВОСЛАВНЫХ ХРИСТИАН.

Однако, кроме находящихся в Советском Союзе ИСТИННО-ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ и Московской Патриархии, не имеющих ни молитвенного, ни бытового общения между собой, существует еще третья часть Русской Церкви – свободная от гонений и преследования безбожниками – Русская Православная Церковь за границей. Она никогда не порывала духовной и молитвенной связи с катакомбной Церковью на Родине. После последней войны многие члены этой Церкви, оказались за границей и влились в РУССКУЮ ЗАРУБЕЖНУЮ ЦЕРКОВЬ, чем еще больше укрепили связь между этими двумя Церквями, связь, которая поддерживается иллегально и поныне. Чем дальше идет время, тем все больше она крепнет и налаживается.

Свободная, зарубежная часть Российской Церкви призвана говорить в свободном мире от имени гонимой катакомбной Церкви в Советском Союзе; она раскрывает всем то поистине трагическое положение верующих в СССР, которое так тщательно замалчивает безбожная власть с помощью Московской Патриархии; она зовет не потерявших стыда и совести людей на помощь гонимым.

Вот почему беречь существование РУССКОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ЦЕРКВИ есть наш священный долг. Господь сердцеведец, попустивший Церкви Своей в Советском безбожном государстве подвергнуться гонениям, преследованиям и лишению всех прав, даровал нам – русским беженцам – в свободном мире талант СВОБОДЫ и Он ждет от нас приумножения этого таланта и умелого пользования им. И не имеем мы права зарыть его в землю. Пусть никто не дерзает говорить нам, что мы должны это сделать, пусть никто не толкает нас на смертный грех.

За судьбы нашей Русской Церкви отвечаем перед Богом мы – русские епископы, и никто в мире не может нас освободить от этой священной обязанности. Никто лучше нас не может понять того, что происходит на нашей родине, в чем никто не может сомневаться. Много раз иностранцы, даже православные и облеченные высоким церковным саном, делали грубые ошибки в отношении Российской Церкви и ложные заключения о ее теперешнем положении. Бог да простит им это, так как они не ведают, что творят.

Вот почему – нравится ли это кому-нибудь или нет – РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ ЗАГРАНИЦЕЙ будет существовать и далее и будет возвышать свой голос в защиту веры.

Она не замолчит:

- 1) доколе Советская власть будет вести беспощадную борьбу против Церкви и верующих, о чем свидетельствует и вся советская печать, кроме Журнала Московской Патриархии.
- 2) доколе, по свидетельству той же печати, в СССР существует ТАЙНАЯ, КАТАКОМБНАЯ, ИСТИННО-ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ, самым своим бытием свидетельствующая о гонениях на веру и полном отсутствии свободы вероисповедания.
- 3) доколе Советская власть будет вынуждать иерархов Московской Патриархии явно лгать и утверждать, что гонений на Церковь в СССР нет и что Церковь якобы пользуется там полной свободой, по советской конституции (митрополиты Пимен, Никодим, Иоанн (Нью-Йорк), архиепископ Алексей и другие).

4) доколе Журнал Московской Патриархии, по требованию властей, не упоминает хотя бы и одной закрытой и разрушенной церкви, в то время как советские газеты говорят о сотнях и тысячах.

5) доколе в СССР церкви будут оскверняться безбожниками, будучи обращаемы в помещения для кинематографов, складов, музеев, клубов, квартир и так далее, чему живыми свидетелями являются туристы, побывавшие в Советском Союзе.

6) доколе не будут восстановлены как церкви Божии тысячи разрушенных и оскверненных храмов.

7) доколе представители Московской Патриархии в рясах не перестанут агитировать в свободном мире в пользу безбожной Советской власти, облакая таким образом волка в овечью шкуру.

8) доколе иерархи Московской Патриархии не прекратят лукавого отрицания страшного и жуткого разгрома Почаевской лавры и других обителей, почти полную ликвидацию монашествующих в ней и страшные преследования паломников ее, вплоть до избиения и убийств (письма из СССР).

9) доколе обвиняемые советскими судами священнослужители не получают права свободно защищаться через светскую прессу.

10) доколе не прекратится клевета и издевательства над верою, Церковью, священнослужителями, монашествующими и верующими христианами в советской печати.

11) доколе не будет дана свобода каждому верующему в СССР открыто исповедовать свою веру и защищать ее.

12) доколе детям и молодежи не будет официально разрешено познавать основы своей веры, посещать храмы Божии, участвовать в Богослужениях и причащаться Святых Таин.

13) доколе верующим родителям не будет разрешено беспрепятственно и без печальных последствий для их служебной карьеры и личного благополучия, крестить своих детей.

14) доколе родителей, воспитывающих детей религиозно, не перестанут обвинять в калечении их, лишая свободы и детей и родителей, которых заключают в дома для умалишенных или в тюрьмы.

15) доколе не будет дана свобода мысли, слова, действия и выбора не только каждому верующему, но и каждому гражданину Советского Союза, в первую голову писателям и людям творческой мысли, с которыми безбожная власть ведет сейчас особенно ожесточенную борьбу, недопустимыми средствами.

16) доколе ЦЕРКОВЬ и вообще религиозные общины в СССР не получают самых примитивных прав, хотя бы права быть юридическим лицом перед советскими законами, права иметь собственность, фактически управлять своими делами, назначать и перемещать настоятелей приходов и священнослужителей, открывать и освящать новые храмы, свободно проповедовать Христианство не только в храмах, но и вне их,

особенно среди молодежи, и так далее. Другими словами, доколе положение всех религиозных общин не перестанет быть **ОДИНАКОВО БЕСПРАВНЫМ**.

Пока все это не наступит, мы не перестанем обличать безбожных гонителей веры и тех, кто лукаво содействует им под внешностью якобы представителей Церкви. В этом Русская Заграничная Церковь всегда видела одну из важных своих задач. Зная это, Советская власть через своих агентов ведет с нею упорную борьбу, не останавливаясь ни перед какими средствами: ложью, подкупам, подарками и устрашением. Мы, однако, не остановим слова своего обличения.

Заявляя о сем перед лицом всего мира, обращаюсь ко всем братьям во Христе – **ПРАВОСЛАВНЫМ ЕПИСКОПАМ** – и ко всем людям, коим дорога судьба гонимой Церкви Русской как части Вселенской Церкви Христовой за пониманием, поддержкой и святыми молитвами. Духовных же чад наших призываем твердо хранить истину Православия, свидетельствуя о ней и словом своим и особенно молитвенной, благочестивой христианской жизнью.

44. Зарубежная и истинно-православная Церковь

[Вячеслав Иванович Марченко](#)

44.

Русская Зарубежная Церковь и истинно-православная Церковь.

Определение Архиерейского Собора Русской Православной Церкви Заграницей (1/14 сентября 1971 года).

Собор Епископов Русской Православной Церкви Заграницей, единственной свободной части Русской Церкви, со скорбью взирает на страдания, которым подвергаются верующие в пределах Советского Союза. К открытым преследованиям атеистической власти, которая ставит себе целью уничтожение всякой религии, присоединяются и искушения от лжебратий.

В 1927 году, когда покойный митрополит Нижегородский Сергей, позже именованный себя Московским Патриархом, издал свою известную декларацию, старейшие епископы Русской Церкви и в том числе, указанные Патриархом Тихоном в его завещании для временного возглавления Русской Церкви, не согласились с ним, видя пагубность для православных душ в том новом курсе, по которому он повел Церковь, вопреки указаниям митрополита Крутицкого Петра. Имена митрополитов Петра, Кирилла, Иосифа, архиепископа Угличского Серафима и многих других иерархов, клириков и мирян, войдут в историю Церкви наравне с знаменитейшими исповедниками Православия перед лицом гонений, нечестия и ересей.

Свободная часть Русской Церкви, находящаяся за рубежом СССР, душой и сердцем с исповедниками веры, которых в антирелигиозных руководствах именуют «истинно-православными христианами», а в общезнании именуют нередко «катакомбной Церковью», ибо им приходится скрываться от гражданской власти подобно тому, как в первые века Христианства скрывались верующие в катакомбах. Собор Епископов

сознает свое духовное единство с ними, и Русская Зарубежная Церковь всегда молится о всех тех, кто в условиях гонения так или иначе хранит истину и «не преклоняется под чужое ярмо с неверными», сознавая, что нет ничего общего у света с тьмою и согласия между Христом и велиаром (2 Кор. 6, 14-15).

Свободная часть Русской Церкви кроме молитвы старается помочь своим страждущим за веру братьям на Родине еще тем, что неизменно старается открывать миру истинное положение Церкви в Советском Союзе, разоблачая ту ложь о якобы благополучии ее, которую стараются распространять за границей приезжающие оттуда лжепастыри, прославляющие гонителей и уничижающие гонимых.

В тех тяжелых обстоятельствах, которые приходится переживать нашим братьям в Советском Союзе, утешением для нас служит пример первых веков Христианства, когда гонители Христа тоже старались физически уничтожить Святую Церковь. Но мы помним ободряющие слова Спасителя: «Не бойся малое стадо» (Лк. 12, 32). Помним мы также ободряющие слова Спасителя и для тех, кому Господь судил быть на этой земле в последние дни ее существования: «Тогда восклонитесь и поднимите головы ваши, потому что приближается избавление ваше» (Лк. 21, 28).

Приложение I. Архиепископ Иоанн Латвийский

[Вячеслав Иванович Марченко](#)

Приложение I.

Архиепископ Иоанн Латвийский.

Память 29 сентября/12 октября (+ 1934 г.)

Среди славных новомучеников XX века некоторые выделяются из общего ряда абсолютной ясностью своего стояния за Христа и Его Церковь. Они не "случайные" мученики, как просто часть всеобщей кампании псевдо-религиозного феномена коммунизма, направленного против Церкви Христовой, они скорее открытые и бесстрашные исповедники Христовы, сама жизнь которых – это смелый вызов современным гонениям, как жизнь святого Антония была вызовом бесам египетской пустыни. Такими в России были митрополит Иосиф Петроградский и другие основатели катакомбной Церкви, а вне России – архиепископ Иоанн – первый из исповедников и мучеников многострадальной Латвийской Православной Церкви.

Архиепископ Иоанн (Янис Поммер) родился в 1876 году в крестьянской семье на хуторе Илзессалас Праулиенской волости Лифляндской губернии (в Латвии). У него не было в роду русских, хотя позднее в нем проявилась великая любовь к России. Его прадедушка одним из первых в этих местах принял Православную веру, за что подвергся жестоким преследованиям. В то время среди крестьян Лифляндии пробуждался большой интерес к Православию благодаря тому, что проповедь его началась на латышском языке. Лютеранские пасторы, по большей части, относились к местным жителям и к их языку с презрением, а латыши, которые когда-то были насильно обращены в католичество немецкими завоевателями, после Реформации так же автоматически стали лютеранами вслед за своими господами. Те, кто перешел в Православие в середине XIX века, считались местными властями (немецкими баронами) бунтовщиками. Местные жители показали свое отношение к "Бунтовщику", насыпав холм и установив восьмиконечный православный крест на месте его захоронения. Позднее и холм, и крест были разрушены местными властями.

В детстве будущий архиепископ помогал родителям на ферме и пастушествовал. Он был серьезным мальчиком, избегающим шумных игр других детей, а подростком любил надолго уединяться в лесу. Его отец так хорошо научил его читать и писать, что, пропустив начальную школу, он поступил сразу в министерскую среднюю школу. С первого же года в школе настолько преуспел в учебе, что учителя настойчиво рекомендовали родителям отдать его или в гимназию, или в подготовительную школу семинарии. По совету местного священника мальчика и послали в эту школу. Сдав экзамен, он поступил в Духовное училище при семинарии в 1887 году, а в 1891-м поступил в Рижскую семинарию. Благодаря своим успехам в учебе и хорошему поведению в течение всего времени обучения был казенным стипендиатом. Летние каникулы всегда проводил дома, помогая родителям в крестьянском труде.

Семинарию закончил в 1897 году, и закончил блестяще. Те беспорядки, которые происходили в русских образовательных учреждениях в то время, помешали ему сразу же продолжить образование. Три года он работал преподавателем среди латышей, показав себя прекрасным педагогом. В 1900 году, превосходно сдав вступительные экзамены, поступил в Киевскую Духовную академию, снова со стипендией. Среди студентов он был популярен и за свои успехи в учебе, и за свои успехи в спорте. Однако для тех, кто хорошо его знал, не стало неожиданным, что в 1903 году молодой студент принял монашеский постриг в Архангело-Михайловском монастыре в Киеве. Его товарищи еще до его пострига называли его монахом за его преданность идее абсолютной трезвости и вообще за строгую воздержанность во всем.

Он закончил курс академии в 1904 году так успешно, что ему предложили на выбор

или карьеру ученого, или работу преподавателя. Он выбрал последнее. Работая преподавателем Священного Писания в Черниговской семинарии, он сумел так вдохновить своих учеников, что некоторые из них посвятили свою жизнь изучению Священного Писания и позднее стали профессорами по этому предмету. Семинарское начальство тоже ценило труды молодого наставника, и в 1906 году его выдвинули на должность инспектора Вологодской семинарии. Работая в этой должности, он проявил и административные способности. За короткое время сумел навести такой исключительный порядок, что, несмотря на его молодой возраст, в следующем учебном году ему доверили ответственную должность ректора Литовской Православной семинарии и настоятеля Свято-Троицкого монастыря в Вильне. Ему также дали ответственные поручения в правлении епархии. Его переезд в 1912 году в Минск, куда болеющий архиепископ Минский Михаил пригласил его на должность викарного епископа, все в Вильно восприняли с сожалением. По пути в Минск он участвовал в канонизации святого Иоасафа Белгородского.

В том же 1912 году епископ Иоанн был переведен в Одессу викарием архиепископа Херсонесского Димитрия, очень тогда уже престарелого. В новом, 1913 году, ему дали ответственное поручение привести в надлежащее состояние вновь открытую Приазовскую епархию. Его взаимоотношения с местным населением там были настолько хорошими, что эта епархия стала единственной в России, в которой жалованье ему и священникам платили жители. За четыре года своей работы во главе этой епархии (до 1917 года), включающей так называемый угольный район, энергичный пастырь посетил все ее уголки. Были случаи, когда епископа призывали рассудить конфликты между рабочими и управляющими. Рабочие считали его защитником своих интересов, а управляющие подчинялись его решениям, не споря. Когда в связи с войной волны беженцев из Галиции и Чехословакии хлынули на "тихий Дон", в лице епископа Иоанна они нашли человека, который очень заботился об их нуждах. При его участии были организованы многие школы и сиротские приюты для беженцев. Сотни благодарных галичан и чехов, включая интеллигенцию, стали православными.

Революция застала епископа Иоанна на этом посту. Он был опасен для вождей революции, и кампания против него началась немедленно. Открыто и тайно агенты следовали за ним повсюду. Между тем в массах людей, всецело преданных своему епископу, сформировалось отношение, которое было неприемлемо для местных революционных властей. Добровольцы из рабочих и солдат организовали круглосуточную охрану епископа. По пути на службы и обратно он шел в сопровождении множества людей, готовых защищать его от врагов. Местные власти решили найти выход из этой ситуации, организовав перевод любимого народом архипастыря в Тверскую епархию. Но после последней службы в кафедральном соборе люди силой вернули своего епископа в его резиденцию и окружили его охраной, чтобы помешать его депортировать. В таких условиях властям пришлось униженно просить епископа на какое-то время уехать из города в Москву. Однако вместе с ним в Москву поехала делегация, включающая священников, мирян, солдат и казаков, с намерением протестовать там против действий местных властей. В Москве делегация получила благоприятный ответ и от мирских, и от духовных властей. Но большевицкий переворот и гражданская война сделали возвращение епископа Иоанна в Приазовье невозможным, и его назначили на место архиепископа Пензенского.

В Пензе, куда он прибыл весной 1918 года, верующие сразу же организовали охрану архипастыря и от мирских властей, и от церковных модернистов. Сформировали охрану и добровольцев. Местная ЧК немедленно провела обыск и допрос архиепископа, но оснований для ареста не нашли. Тогда агенты ЧК решили отметить

празднование Пасхи в 1918 году убийством архиепископа Иоанна.

Вечером на Пасху в резиденции Владыки в Преображенском монастыре появились вооруженные до зубов два агента ЧК, бывшие офицер Рудаков и рабочий Дубовкин, и стали требовать, чтобы их пропустили к архиепископу. Охрана подняла тревогу, чтобы предупредить людей, и Дубовкин бежал, но Рудаков сломал дверь кельи и несколько раз выстрелил, к счастью, мимо. Архиепископу удалось разоружить его. Собравшиеся к этому времени люди чуть не убили преступника на месте, и от верной смерти его спасло только энергичное заступничество Владыки. И тут случилось чудо. Рудаков, который только что совершил покушение на жизнь архиерея, бросился к нему на шею с пасхальным приветствием: "Христос Воскресе!" Естественно, власти отрицали свое участие в этом деле, несмотря на то, что у Рудакова был письменный приказ убить. Несчастный был арестован и вскоре умер в тюрьме. Пасхальная неделя в Пензе и во всей обширной епархии превратилась в неслыханную демонстрацию любви и преданности верующих своему пастырю. Власти, оценив ситуацию, на время затаились, воздерживаясь от каких-либо явных шагов. Верующие, включая даже либеральные круги местной интеллигенции, еще теснее сплотилось вокруг архипастыря. Видный местный юрист, В.А. Бессонов, консультант архиепископа, возглавил верующих, стал иподиаконом Владыки. Церковная жизнь во всей епархии оживилась и окрепла.

Когда в мае 1918 года чехословацкий полк, направляясь с Дона в Сибирь, проезжал через Пензу, большевики внезапно без всякой причины открыли артиллерийский огонь по Преображенскому монастырю. Место, где жил архиепископ, оказалось в центре огня. Позднее власти объяснили этот инцидент недоразумением, но местные жители расценили это как покушение на жизнь своего пастыря, и протестовали. 7 сентября 1918 года местная ЧК снова провела длительный обыск в келье и кабинете архиепископа. Хотя ничего подозрительного найдено не было, агенты ЧК увезли Владыку в тюрьму для очной ставки с одним из заключенных. Из-за этого архиепископ опоздал на всенощную службу Рождества Богородицы. Когда верующие узнали, что Владыку забрали туда, "откуда не возвращаются", и в тот день, когда проводились казни, пришедшие на службу решили, что архиепископа расстреляли вместе с другими осужденными. Когда Владыка поздно ночью вернулся в собор, то увидел, что вместо всенощной служат панихиду по нему.

Для следующей провокации власти использовали местного представителя "Живой Церкви" В. Путьяту-Груэнштейна, который 14 сентября появился у Петро-Павловской церкви со своими людьми, когда архиепископ Иоанн проводил службу. Пришедшие попытались войти в церковь, но люди им не дали. Из-за беспорядков вокруг церкви ЧК арестовала архиепископа как одного из подозреваемых. Его продержали в тюрьме целый месяц, несмотря на его явную невиновность. Изо дня в день чекистов осаждали делегации верующих, требующих освобождения архиепископа. За него молились во всей епархии. Все это вынудило ЧК прекратить дело против Владыки. 14 октября в полночь заключенных начали одного за другим вызывать для оглашения и подписания приговора. Была суббота, день, в который обычно совершались казни. Вызванные выходили и не возвращались. Их сразу отдавали в руки палачей. В длинном списке приговоренных архиепископ Иоанн был самым последним. Это была изощренная пытка: он должен был пережить то, что переживают приговоренные к смерти. Примерно в час ночи ему, наконец, сообщили, что он свободен.

28 июля 1919 года архиепископа вызвали военные, его проверили и, объявив о пригодности к военной службе, дали назначение в тыловой полк. Отсрочку от службы удалось получить только благодаря заступничеству верующих. Когда в конце 1919 года

белые стали с юга приближаться к Пензе, власти спешно арестовали самых видных представителей Церкви. 11 ноября агенты ЧК провели еще один обыск в келье архиепископа, на этот раз особенно тщательный. Хотя ничего не нашли, Владыку снова арестовали. ЧК объявила, что была раскрыта контрреволюционная организация, члены которой были немедленно казнены. Среди них был Бессонов, помощник Владыки. В ответ на категорический протест архиепископа его послали в Москву, где должны были проверить его дело. Оно разбиралось самим председателем отдела секретных операций ЧК печально знаменитым Лацисом (земляком архиепископа, погибшим впоследствии в так хорошо знакомых ему подвалах). На этот раз Владыка провел в тюрьме три месяца. Никаких обвинительных материалов на него собрать или сфабриковать не удалось, и 11 марта 1920 года его освободили.

23 февраля 1920 года архиепископ Иоанн был избран Собором Латвийской Православной Церкви архиепископом Рижским и всей Латвии. Латвия, бывшая до революции частью Российской Империи, жестоко пострадала от последствий Первой Мировой войны и разорения в России. Уже в 1919 году (14 января) архиепископ Платон Ревельский погиб мученической смертью от рук большевиков в соседней Эстонии. Хотя угроза коммунизма примерно на два десятка лет отступила от стран Прибалтики, на Православную веру правительство во вновь получившей независимость Латвии смотрело как на нечто, отжившее свое время и уже ненужное. Соборная церковь в Риге, которая при немецкой оккупации была превращена в лютеранскую кирху и которая потом была дважды повреждена в военных действиях, была возвращена православным, но, поскольку это было напоминанием о русском правлении, стояла опечатанная. Резиденция епископа и Свято-Алексеевский монастырь были отданы католикам, а другое церковное имущество конфисковано правительством для мирских нужд. Православные христиане не только в Риге, но во всех городах и местечках Латвии оказались в ужасных условиях – без пастыря, совершенно бесправные, гонимые. Предпринимались систематические попытки искоренить Православную веру. В этих условиях православные латыши не могли сделать ничего лучше, чем выбрать своим архипастырем архиепископа Иоанна, который был не только самым видным деятелем Православной Церкви латышского происхождения в то время, но и человеком большого мужества и решительных действий.

После повторной просьбы Латвийской Православной Церкви патриарх Тихон 14 апреля 1921 года благословил архиепископа Иоанна поехать в Латвию, но 23 мая он отменил свое решение по требованию верующих и духовенства Пензы. Только 19 июля 1921 года "в виду настойчивых требований Латвийской Церкви" Патриарх дал окончательное согласие на отъезд архиепископа Иоанна, наградив его благодарственной грамотой за самоотверженный и плодотворный труд на благо Церкви. Перед отъездом архиепископа Иоанна патриарх Тихон в согласии с указом Священного Синода и Высшего Церковного Совета удостоил архиепископа Иоанна самой широкой канонической автономией в управлении Латвийской Православной Церковью. Этот акт доверия был полностью оправдан дальнейшей деятельностью архиепископа Иоанна, который до своей мученической смерти следовал по стопам Патриарха.

24 июля 1921 года православные священники и верующие с крестами и хоругвями из всех православных храмов торжественно встретили архиепископа Иоанна на вокзале и сопроводили его в собор. Пока Владыка проводил свою первую службу здесь (где православный иерарх не служил с 1917 года), местные православные руководители ломали голову, где он будет жить, поскольку епископская резиденция была только что отобрадена правительством. По окончании службы, благословив людей, архиепископ Иоанн, к изумлению всех присутствовавших, пошел в подвал собора и сказал: "Я буду

жить здесь". Этим он свидетельствовал о гонении на Латвийскую Православную Церковь. В последовавшей кампании латвийского правительства и прессы за снесение собора тот факт, что сам архиепископ Иоанн жил там, помешал реализации этого проекта.

Прибытие архиепископа Иоанна было началом новой эры в жизни Латвийской Православной Церкви. Его первое обращение к правительству Латвии получило холодный ответ: "Законы Латвии не признают ни Православной Церкви, ни ее органов и организаций и не обязывают латвийское правительство защищать Православную Церковь". Однако вскоре архиепископу Иоанну удалось добиться опубликования закона, касающегося Православной Церкви в Латвии, который регулировал отношения между Церковью и государством и обеспечивал Церкви некоторые права, в частности получение от правительства значительных денежных сумм. Был положен конец бессмысленному уничтожению святынь Православия, например, часовни на главном вокзале Риги. Начали укрепляться и строиться православные приходы и восстанавливаться церкви, разрушенные во время войны. С самого начала архиепископ Иоанн был главой всех православных христиан в Латвии – и русских, и латышей; и только благодаря его непререкаемому авторитету, уму, опыту и такту удалось избежать того ужасного разделения между русскими и местными жителями, которое возникло в других государствах на Балтийском побережье. Этот латыш по рождению с русской душой был, так сказать, мостиком между двумя народами, и каждый народ считал его своим.

Начиная с 1925 года, архиепископ Иоанн стал представителем русских жителей Латвии в сейме. Его деятельность приняла огромный размах: он открыл православную семинарию, церквям была возвращена собственность, и, наконец, ему удалось добиться возвращения из Советского Союза церковных святынь и собственности на большие суммы. Православные латыши, которые до приезда архиепископа Иоанна, по большей части, скрывали свою веру "страха ради иудейского", теперь смело выступили за своим бесстрашным вождем. Латвийская Церковь переживала лучшие годы своего краткого существования. Через несколько лет, согласно официальной статистике, православное население выросло на 20%; были построены и освящены тринадцать новых церквей и еще четыре строились, а другие планировались к постройке, когда архиепископ Иоанн был жестоко убит.

Ситуация в Латвийской Православной Церкви в первые годы после Первой Мировой войны и гражданской войны в России была, конечно, трудной, но несравнимо труднее было положение православных верующих в России. Архиепископ Иоанн успешно боролся против своих местных врагов – латвийских коммунистов, но не забывал и про своих главных врагов, врагов всего русского народа – большевиков.

И поэтому против архиепископа Иоанна была начата целая кампания лжи и клеветы. Кампания систематическая, хорошо спланированная; когда разоблачали одну ложь, немедленно изобреталась другая. Были даже привлечены истеричные женщины, которые свидетельствовали в суде о своих тайных "свиданиях" с архиепископом, но их ложь всегда разоблачалась. Увы! Мы, православные христиане в Латвии, должны стыдиться того, что недостаточно защищали нашего Владыку. Немного было тех, кто боролся с кампанией лжи и клеветы. И, с другой стороны, практически не было русских семей в Латвии, которым Владыка не приходил бы на помощь тем или иным способом. Он помогал также и многим не православным людям. Воистину, он был отцом своей паствы.

В последние годы архиепископ Иоанн много страдал от так называемого "русского

христианского движения". Он сам очень любил детей и молодежь, был рад видеть представителей молодежи, и нередко его навещали группы молодых людей и даже целые классы (в Риге в то время было больше десятка русских начальных школ и несколько гимназий). Сперва Владыка с большой симпатией относился ко вновь сформированному движению, но со временем, когда проявилась суть этой организации, он перестал иметь с ней дело. Его репутации среди "либеральных" религиозных групп не помогли его дружеские отношения с Синодом русских епископов за границей, входивший в состав которого он не мог по политическим причинам. В 1931 году, в десятую годовщину трудов архиепископа Иоанна в Риге, митрополит Антоний, первоиерарх Русской Зарубежной Церкви, назвал его "мужественным защитником Православия".

Политические враги архиепископа Иоанна не постеснялись даже послать хулиганов напасть на него однажды, когда он возвращался вечером в свою летнюю загородную резиденцию. Как обычно, он шел домой несколько километров от конечной остановки трамвая. Предполагалось, что наемники его безжалостно избьют, но вместо того, недооценив физическую силу своей жертвы, они сами получили от него трепку. Схватив обоих, архиепископ стукнул их лбами друг о дружку так, что у тех искры из глаз посыпались. А потом повел их к себе домой, сердечно поговорил с ними, и это так на них повлияло, что они во всем покаяться и стали его друзьями.

В жизни архиепископа Иоанна были некоторые обстоятельства, которые до поры до времени казались загадочными. Клеветники долго его упрекали за то, что он жил один, без келейника. "Он боится свидетелей", – говорили они, повторяя клевету, которую про архиепископа распространяли. Но когда его прямо спросили об этом, Владыка ответил, что ему лучше жить одному: к нему приходят разные люди, и он никого не хочет подвергать опасности. Значение этих слов стало ясно только после его мученической смерти.

И действительно, люди к нему приходили самые разные – и известные зарубежные прелаты, и простые бедные люди, и какие-то оборванные подозрительные личности. У него до конца были какие-то тайные связи с Россией, и он получал оттуда информацию по собственным каналам. Как бы жестко не пытался коммунистический режим отгородить Россию от всего мира, все равно люди ездили туда и обратно, и архиепископ Иоанн был как какой-то пропускной пункт. Но он умел хранить молчание, и едва ли кто-нибудь подробно знал об этой стороне его жизни.

Другой стороной его жизни была вдохновенная, беспрестанная и совершенно открытая борьба против атеистического режима в России. Неважно, где он говорил (как член сейма, перед русскими организациями или, чаще всего, с церковного амвона), повсюду его мощный и смелый голос звучал бесстрашно, убедительно и громко, как набат. Он был вдохновенным проповедником; когда говорил о большевиках, то говорил просто, коротко, не тратя много слов. Многие упрекали его и за это, как вообще за политическую деятельность. В самом деле, это стандартное советское обвинение новомучеников в том, что исповедование истины – это "политическая активность". Я думаю, что он предпочел бы уединенную жизнь в какой-нибудь тихой монастырской келье за духовными трудами, но времена были такие. Все, кто когда-нибудь видели архиепископа в саду его летнего домика, рядом с ульями или мастерищим скамейку, знали, что он любил такие занятия. Пример смелого выражения архиепископом Иоанном истины хорошо виден в его проповеди в Рижском соборе в Великую Пятницу 10 апреля 1931 года. Он не мог отделять Голгофу Спасителя нашего Христа от голгофы современной Православной Церкви. Стоя перед плащаницей Христа, паства иерарха не "бежит от реальности", а вникает, как понимать ужасную реальность этих дней и как

побеждать (Отрывки. Полный русский текст в "Православной Руси", 1953 г., № 5).

"Об Иосифе Аримафейском говорят, что он был учеником Христовым, но тайным, "страха ради иудейского". В этом отношении он для нас не пример. Прятать свою веру из страха не достойно уважения. Если вы действительно боитесь Бога, вы не станете бояться никого больше. Стойте за Христа, и Он будет стоять за вас. Равнодушие нужно из себя изгонять и из других изгонять. Страх перед людьми – это сорняки на духовном поле, которые надо вырывать с корнем. Иосиф Аримафейский следовал за Христом поодаль, тайно. О, если бы это только послужило предостережением для всех тех, кто в наше время тоже опасается верить во Христа открыто. Отвергните дурные советы мира и плоти! Вперед, к истине, праведности и Господу! Но, может быть, кто-то скажет, что время, когда жил и действовал Иосиф, отличается от нашего времени. О, современники, друзья мои, или вы действительно не видите, или же из страха притворяетесь, что не видите, что наша нынешняя реальность и словом, и делом далеко превзошла всю ту меру злодеяний, которые заставили Иосифа прекратить скрываться и открыто явить веру во Христа. Все, кто следит за современной прессой и выступлениями с трибун, знают, что современное издевательство над Христом далеко превзошло и по злобности, и по грубости все издевательства, которыми современники осыпали Христа на Его пути к Голгофе и на Голгофе. Сам Христос и учение Его, и все труды Его, и все Его деяния вообще подверглись грубейшему и постыднейшему издевательству. Если бы современные враги Христа могли получить Его Тело, распятое на Голгофе, то снова бы подвергли Его изощреннейшим пыткам, замучили бы Его до смерти. Но Тело им недоступно, и поэтому враги Христа изощряются в пытках и распятии Тела Христова, которое есть на земле и называется Церковью Христовой. Вспомните, что вы видели, слышали и читали о мучении Тела Христова – Церкви большевиками, и, даже не имея полной информации, вы поймете, что демон Голгофы – дитя в сравнении с советским демоном.

Да, наше время не похоже на время Иосифа Аримафейского. Оно несравненно более злобное и жестокое, чем то время. Если Иосифу злодеяния Голгофы придало сил, чтобы от тайной веры перейти к открытой, то наше время следует рассматривать как призывающее нас к открытой вере, соединенной с ясно выраженным протестом против того, чтобы вести на Голгофу не только Бога, но и человека. В устье реки Темзы в одно из мест, которое выступает вперед и отличает опасную мель, повесили колокол, который своим звоном во время штормов предупреждает моряков о смертельной опасности. Чем сильнее шторм, тем сильнее звонит колокол. В наше время штормов и тьмы, когда мель большевизма распространилась по всему лицу земли как обдуманная ловушка, каждая душа должна взять на себя роль этого колокола, который предупреждает и спасает. Глубоко ошибаются те, кто считает эту опасность носящей локальный характер. И даже опасность чисто локального характера не может быть безразличной для христианина, но настоящая опасность большевизма, о которой мы говорим, имеет своей глубокой целью стать всеобщей. Поэтому тревожному набату в настоящее время следует звучать по всей земле, чтобы всех повсюду предупреждать.

Никаких уступок врагу! Дайте ему метр, и он захватит километр, дайте ему палец, и он отхватит всю руку.

Когда мы вошли в Церковь Христову чрез врата святого крещения, от нас требовалось исповедание веры в Бога в соответствии с учением Святой Церкви. Но нас еще трижды спрашивали: "Отрекаешься ли от сатаны и всех его деяний, и всех его ангелов, и всей его службы, и всей его гордости?" И мы трижды отвечали: "Отрекаюсь". Когда в дальнейшей жизни доходит до исповедования веры, эта часть исповеди обычно забывается. Это плохо во все времена, но во время решительного боя между Царством

Божиим и царством сатаны такая забывчивость непростительна.

В слабой человеческой душе рождается искушение, что можно верить в Бога и в то же время сохранять нейтральную позицию, своего рода лояльность по отношению к царству сатаны. Так создается род двойного гражданства. Но на всех нас лежит двойная ответственность: с одной стороны, разжигать в себе и других действенную любовь к Царству Божию, а с другой стороны, разжигать в себе не менее действенную ненависть к царству диавола.

Господь Один и Тот же и вчера, и сегодня, и вечно. Хотя сейчас на чадах нового Израиля, Святой Руси, лежит нечестие безбожия, где-то на русских равнинах или в сибирских лесах, или в какой-то из стран изгнания и диаспоры великого Богоносного народа уже готовится благодатная почва, на которой вырастет избранник Божий для освобождения и возрождения Богоносного народа. Руководителей больше нет, пастыри в стесненных условиях. Глаз человеческий не видит, откуда придет освобождение, но Господь Всеведущий знает это. Господь, Ему Одному ведомыми путями, в нужное время воспитает нужных людей. В этом мы можем и должны быть уверены".

Как, наверное, немногие из других нерусских людей, архиепископ Иоанн глубоко чувствовал трагедию России и видел значение православной России для всего мира.

Большевики не убивают людей за пределами своей страны без причины; это, в конце концов, рискованное дело. Они уничтожают только тех людей, которые для них опасны. Убийство архиепископа Иоанна было лучшей оценкой его деятельности по другую сторону железного занавеса. Исторические события, последовавшие за его убийством, – война, оккупация Латвии и ее насильственное присоединение после мошеннических выборов – ясно показывают, кому было необходимо и почему было необходимо устранить Владыку.

Общепринятая версия смерти архиепископа, которую лично для меня подтвердил брат покойного Антон Поммер, такова. Архиепископу позвонил Собинов, знаменитый русский певец, который проезжал через Ригу (большевики время от времени выпускали его за границу). Он был старым другом архиепископа. Договорились, что вечером он приедет к Владыке. Владыка открыт ему дверь и – впустил убийц! Сам Собинов умер при загадочных обстоятельствах в то же самое время.

Примерно в два часа ночи к дому архиепископа приехали пожарные, которых вызвали соседи. В его жилище был полный разгром: ящики шкафов выброшены наружу, мебель перевернута, в письменном столе все перерыто. Архиепископа, по-видимому, оглушили на первом этаже в холле, на створке двери втащили на чердак, где у него была мастерская, там привязали к столярному верстаку, облили керосином и подожгли. При вскрытии в легких обнаружили дым, значит, в это время он был еще жив. Есть свидетельство, что его пытали. В холле топились обе печки, в них были сожжены какие-то бумаги. Известно, что у него были какие-то документы, доказывающие изменническую деятельность латвийских коммунистов.

Это преступление никогда не было раскрыто, по крайней мере, официально. Возможно, это было единственное нераскрытое преступление такого рода за весь период существования независимой Латвии. Каждый ребенок в Латвии знал, что были истинные вдохновители этого убийства – след вел в советское посольство, но официальных обвинений не было. Пресса об этом не писала; тень, которую могучий и вероломный сосед бросал на маленькую страну с двумя миллионами жителей, были слишком зловещей. Но вся страна знала правду. Преступление совершилось в ночь с

четверга на пятницу 12 октября 1934 года. Архиепископ был в полном расцвете своих жизненных сил, ему еще не было шестидесяти лет, и он был самой выдающейся фигурой в церковной жизни стран Балтии.

Я помню тот скорбный день, когда в школе стало известно, что архиепископа больше нет. Мы сошли с трамвая и прошли те самые несколько километров, которые часто проходил сам покойный. Мы стояли на панихиде в скромной деревянной церкви рядом с обгоревшим домом и смотрели на маленький холщовый сверток, в котором было все, что осталось от сильного архиепископа.

Я смутно помню похороны и погребение. Это был траурный день, на улицах было больше ста тысяч человек – примерно четвертая часть всего населения города шла за гробом. В соборе от места епископа до алтаря стояли два ряда священников, по пятьдесят человек с каждой стороны. От собора до Покровского кладбища расстояние в несколько километров, и всю дорогу заполнила плотная толпа. В этом было что-то наподобие демонстрации, вызов избежавшим наказанию убийцам. Вскоре над могилой воздвигли маленькую часовню – миниатюрную копию колокольни собора. В прежнем жилище архиепископа в подвале собора устроили уголок его памяти с верстаком, на котором его сожгли. В стену собора замуровали сосуд с несколькими каплями его крови, сделав надпись на мраморной табличке. Здесь каждый четверг (день его убийства) совершались заупокойные службы.

Кафедральный собор в Риге сейчас превращен в планетарий, но часовня на кладбище цела, и верующие все еще проводят там заупокойные службы в день мученичества архиепископа – 12 октября и в его именины – 24 июня.

До тех пор, пока эти святые места находятся под властью богоненавистников, нам остается только молиться, чтобы закончилось время наших испытаний и чтобы Церковь, очищенная кровью ее мучеников, могла снова обновиться и достойно их почитать.

Людмила Келер.

Автор – сестра последнего иподиакона архиепископа.

Приложение II. Архиепископ Леонтий Чилийский

[Вячеслав Иванович Марченко](#)

Приложение II.

Архиепископ Леонтий Чилийский,
исповедник сердечного Православия.

Память 19 июня/2 июля (+ 1971 г.)

Несмотря на очевидное ослабление силы Христианства при нашей цивилизации и заметное отсутствие среди нас христианских героев, Господь и теперь не оставляет Свою гонимую Церковь и возвращает замечательных православных иерархов, чей героизм со временем только возрастает в исторических пропорциях. Эти герои, к сожалению, по большей части, неизвестны большинству людей в Церкви.

Одним из таких иерархов, умерший почти в забвении, был архиепископ Леонтий Чилийский, бесстрашный пропагандист Православной веры сначала в России, а потом за ее пределами. В истории он занимает место истинного проповедника сердечного Христианства.

Когда он умер 19 июня/2 июля 1971 года – точно в пятую годовщину кончины его любимого архиепископа Иоанна (Максимовича). Другой выдающийся священнослужитель двадцатого века архимандрит Константин Джорданвилльский сказал: "Есть люди, чья смерть наполняет светом место, которое они занимают в сердцах людей. Эти люди во всех своих связях жили своим великим сердцем. Что это значит? Это значит, что для них каждый человек, с которым они общались, пусть даже на мгновение, был личностью с духовной сутью... Можно сказать, что, хотя он нас оставил, но он к нам приблизился, но не земным способом".

Архиепископ Леонтий родился 6 августа 1904 года в благочестивой русской семье Филиппович в Киеве. Его далеким предком был святой Афанасий Брестский, принявший мученическую смерть от рук римских католиков в XVII веке.

С раннего детства он проявлял большую склонность к Церкви и жаждал посвятить ей свою жизнь. Его первоначальное образование проходило в частной школе, где благодаря своему громадному музыкальному таланту он стал ведущим солистом хора. Он с большим чувством вспоминал, как их город посетил Император Николай II и он видел неземной взгляд Царя – будущего Мученика.

Когда в Киеве грянула революция, он был уже духовно близок к Киево-Печерской лавре, и его арестовали, но, когда выяснили, что он происходит из пролетарской семьи, то выпустили, и советское правительство из-за его прекрасного тенора предложило ему бесплатное образование и подготовку к оперной сцене. Перед ним открывалась музыкальная карьера, но он отверг ее, чтобы служить Святой Православной Церкви.

И какой же скорбный путь он себе выбрал! Путь постоянных лишений, страданий и созерцания бесконечных человеческих трагедий в течение всех лет советской власти, вплоть до прихода немцев в 1941 году. Он стал послушником в лавре в то самое время, когда ее начали безжалостно ликвидировать. Монахов обрекли на мучения и всевозможные лишения, а многих убили.

И сам пострадав, он стал утешителем изгнанных священников; он омывал раны иерархов, которые освободились и искали убежища в лавре. Он спас жизнь епископа Парфения, вытащив его из канавы, отбив у стаи остервеневших собак и отведя к пожилой женщине, которая смогла его вылечить и вернуть к жизни.

После окончания ликвидации Киево-Печерской лавры он поехал в Москву, где, живя в ужасных условиях, смог пройти Богословский курс в академии; академические сессии в то время проводились в частных квартирах профессоров. Здесь он встречал многих епископов и служил связующим звеном между ними и другим духовенством.

Обладая документом, подтверждающим его "пролетарское происхождение", он пользовался этим преимуществом и навещал многие святые места и монастыри как раз перед их уничтожением или вскоре после этого. Так, он посетил Саров, Дивеево, многие монастыри на Новгородчине, а также в других местах. Он видел оскверненные реликвии и уничтоженных священников Ростова Великого. Все виденное записывал в дневники, часть которых сохранилась в рукописном виде.

Он засвидетельствовал смертные муки Святой Руси. Слышал сокрушенные голоса святых иерархов, пророчества юродивых и плач матерей, но все это не ввергло его в отчаяние, а наоборот, наполнило его сердце святым рвением, так как он понимал, что жил в веке нового мученичества.

Будучи близок ко многим церковным фигурам, он стал живым свидетелем их исповеднического стояния за Христа, а позднее в свободном мире смог поведать о невинных страданиях, причиненных звериной жестокостью советского правительства. Большая часть материала в трех томах отца Михаила Польского о новомучениках России основана на записях и рассказах, присланных ему архиепископом Леонтием.

Архиепископ Леонтий сам пережил жестокие преследования в годы до развязывания Второй Мировой войны. Трижды его сажали в тюрьму, и после он вспоминал, как, когда вместе с ним оказались в заключении несколько епископов и священников, они под пристальным наблюдением звероподобных охранников сумели провести литургию, притворяясь, что играют за столом в карты. Большинство заключенных в тюрьме готовились умирать в совершенно нечеловеческих условиях. Некоторые служили литургию на теле какого-нибудь умирающего страдальца, признаваемого мучеником, поскольку литургия всегда совершается на мощах мучеников.

Владыке каким-то образом удалось выбраться из тюрьмы, и некоторое время он вынужден был прятаться на чердаке, где постоянно лежал в мешкообразном гамаке; чтобы не выдать своего присутствия шагами, передвигался только глубоко ночью, когда жильцы внизу спали. Такие условия жизни христиан, преследуемых в СССР, кажутся нам, в свободном мире, невероятными только из-за охлаждения нашей собственной православной веры. Но если бы мы жили по православному календарю, когда каждый день читается Писание и поминаются святые и мученики, мы бы поняли.

Когда немцы в 1941 году вступили в Россию, свобода веры была восстановлена, и для уцелевших священников открылось огромное поле деятельности. В это время архимандрит Леонтий находился в Белоруссии, где вскоре был посвящен во епископа в прославленной Почаевской лавре, которая до того времени находилась на польской территории и поэтому избежала разрушения Советами. Между 1941 годом, когда он был посвящен во епископа, и 1943 годом, когда уехал на Запад, он был епископом Житомирским и рукоположил более трехсот священников и участвовал в нескольких хиротониях, открыл сотни церквей. Его энтузиазм и чуткое отношение к людям сделали его выдающимся архипастырем, который, проводя Богослужения, уносился в другой мир. Его возвышенный голос, казалось, парил над земными бурями, но его острый ум никогда не отрывался от реальности. Он продолжал свою церковную деятельность в том же духе в Австрии и Западной Германии после войны, а потом был назначен епископом Парагвайским и Чилийским в Южной Америке (как раз перед его смертью частью его епархии стала и Аргентина).

В Чили он основал монашескую общину, один из членов которой, Савва, стал позднее епископом Эдмонтонским (в Канаде). Владыка ввел его в монашеское братство, вдохновил идеалом монашества, постриг его, сделал самостоятельным пастырем, который позднее как ревностный епископ начал движение духовного обновления в Русской Церкви и сейчас известен как летописец чудотворной жизни блаженного архиепископа Иоанна (Максимовича).

Во время своих поездок в свободном мире архиепископ Леонтий изучил прискорбное состояние православной братии в Греции. Они страдали от модернистских влияний на православную жизнь, символом которых стал новый папский календарь, насильно навязанный в двадцатые годы двадцатого века. Он поехал в Грецию и участвовал в посвящении епископов для верующих, которые жили по старому календарю, установив таким образом тесный контакт между ними и Русской Зарубежной Церковью.

Вскоре он стал архиепископом и основал монастырь Успения Пресвятой Богородицы

из монахинь, которых перевез из Святой Земли. Сейчас при этом монастыре действуют сиротский приют и школа имени святого праведного Иоанна Кронштадтского. Эти монахини, возглавляемые игуменией-праведницей Алексией, получили благословение на подвижническую жизнь у оптинского старца Нектария, сейчас прославленного святого. Его традиций они твердо придерживаются в монастырском воспитании послушниц.

Архиепископ Леонтий был пламенным защитником истины и бесстрашно поднимался во всей своей духовной мощи, чтобы уничтожить любое проявление несправедности. Уже при первой встрече с архиепископом Иоанном (Максимовичем) в Париже он понял, что перед ним живой святой, как те, которых он видел и с которыми жил в многострадальной России. С любящим сердцем он склонялся перед духовным авторитетом блаженного святителя Иоанна и поддерживал его, когда на него клеветали те, кому не хватало опыта живого общения с настоящими Божиими святыми. Когда эта клевета приобрела серьезный характер, и архиепископа Иоанна привлекли к суду в Сан-Франциско в шестидесятые годы (по обвинению в сокрытии злоупотреблений с церковными финансами), архиепископ Леонтий немедленно вылетел туда, чтобы защищать его и вместе с епископами Нектарием и Саввой тоже сел на скамью подсудимых рядом с архиепископом Иоанном. Конечно, того оправдали, и памятником его победы сейчас является величественный собор "Всех скорбящих Радосте" в Сан-Франциско, в котором пребывают мощи святителя Иоанна.

Когда архиепископ Леонтий узнал о внезапной смерти архиепископа Иоанна, он, вместе с другим праведным иерархом – архиепископом Аверкием Джорданвилльским проделал путь через все Соединенные Штаты, чтобы участвовать в его похоронах. Он проливал горькие слезы над телом архиепископа Иоанна, которого так сильно любил, что хотел быть ближе к его могиле, может быть в качестве архиепископа Сан-Францисского. Господь однако не даровал ему этого; ровно в пятую годовщину смерти архиепископа Иоанна, помолившись о упокоении его души в своем соборе в Буэнос-Айресе, он предал душу Богу, соединившись со своим любимым учителем.

Внезапная смерть архиепископа Леонтия, который выздоравливал от сердечного заболевания, была большим горем для его паствы. Его похоронили на кладбище, которое он сам создал. На его могилу положили больного, уже умирающего ребенка местной женщины-чилийки, и он чудесным образом исцелился. Были и другие случаи подобного небесного заступничества по молитвам архиепископа Леонтия. Но самый трогательный рассказ о нем принадлежит почитателю его памяти, который удостоился ряда видений Владыки, часть из которых мы предлагаем здесь.

"В начале этого сна я видел себя в огромном храме, построенном не руками людей. На правом клиросе, занимая довольно большое место, стояла толпа одетых в белое людей, лица их различить я не мог.

Это видение произошло как раз в день, когда Собор епископов в 1971 году принял решение о начале подготовки к канонизации Российских Новомучеников. Это было в субботу. Я дремал, и мой духовный отец (живший тогда в Буэнос-Айресе) явился мне мысленно, причастил и отпустил мои грехи. Вокруг меня раздавалось тихое, берущее за душу пение, хотя я никого рядом не видел. Потом обе боковые двери алтаря распахнулись и из них начали выходить святители и преподобные в полном облачении нежного голубого цвета. Среди них я узнал святителя Николая Чудотворца Мирликийского. Из двери рядом со мной среди проходивших святителей пошел и владыка Леонтий. Он остановился рядом со мной со словами: "Ты, брат Василий, был призван, и пришел. У нас здесь сегодня большой праздник!" – "Какой праздник,

Владыка?" – Спросил я. И он продолжил: "Небесное прославление Царя-Мученика!" И слегка поклонившись мне, продолжил путь на кафедру (в середине церкви).

Наконец, открылись Святые врата алтаря, и из них вышел Царь-Мученик, выглядевший в точности как на официальных портретах первых лет его Царствования, то есть очень молодым. Он был одет в Царскую мантию, как во время коронации, и на голове была корона. В руках он держал большой крест, и на его бледном лице я заметил ранку – или от пули, или от удара. Он размеренным шагом прошел мимо меня, спустился с амвона и направился к середине храма. Когда приблизился к кафедре, пение стало громче, а когда ступил на ступеньку, оно стало настолько громким, что казалось, будто собрались вместе и в едином порыве пели люди всей земли.

Тут я очнулся на постели, глубоко потрясенный и с ранкой на правом глазу. Было примерно четыре часа утра. Долгое время я был под глубоким впечатлением от испытанного".

Этот же человек видел архиепископа Леонтия во сне как раз перед сороковым днем после его кончины. "На тридцать седьмой день по кончине архиепископа Леонтия у меня был такой сон. Я видел его в церковном облачении и митре, возглавляющим торжественную архиерейскую службу. Увидев меня, он быстро встал и поспешил меня приветствовать. Обнял меня, поцеловал и сказал: "Как я рад видеть тебя, брат Василий. Я сейчас вполне здоров. Не чувствую боли, и здесь я очень счастлив. Через несколько дней я вселюсь в новое жилье – со всеми удобствами, как говорят на земле, мне уже обещали". Через месяц я увидел еще один сон, который подтвердил мне, что он был удостоен небесного жилища. Я слышал прекрасную музыку и видел миллионы сверкающих звезд, и я был уже на судне, которое должно было привезти меня к другому берегу, где он находился. Вот что уготовал Господь для Своего верного слуги катакомбной иерархии, а позднее нашей Русской Зарубежной Церкви". ("Православная жизнь", 1971 г., декабрь, стр. 18-20.)

Молитвами праведного архиепископа Леонтия, исповедника сердечного Православия, да помилует Господь всех нас. Аминь.

Игумен Герман.

Список новомучеников

[Вячеслав Иванович Марченко](#)

Список новомучеников, упомянутых в этой книге, в алфавитном порядке.

Святые новомученики Российские,
молите Бога о нас!

1. Архиепископ Житомирский Аверкий.
2. Старица Агафия Белорусская.
3. Митрополит Ярославский Агафангел.
4. Священник Александр Медведский.
5. Протоиерей Александр Филиппенко.
6. Священник Александр.
7. Александр Якобсон.
8. С.А. Алексеев.
9. Алексей Иконников.

10. Епископ Воронежский Алексей (Буй).
11. Митрополит Виленский Алексей.
12. Епископ Енисейский Амфилохий (Скворцов).
13. Христа ради юродивая Анастасия Андреевна.
14. Архиепископ Иркутский Анатолий.
15. Старец Анатолий Оптинский.
16. Митрополит Одесский Анатолий (Грисюк).
17. Епископ Уфимский Андрей (Ухтомский).
18. Епископ Антоний (Романовский).
19. Игуменья Антонина.
20. Епископ Аркадий.
21. Архимандрит Арсений.
22. Митрополит Новгородский Арсений (Стадницкий).
23. Архиепископ Киевский Афанасий.
24. Новомученик Борис.
25. Священник Валентин Свенцицкий.
26. Молодая студентка Валентина.
27. Архиепископ Варлаам (Ряшенцев).
28. Варнава, келейник старца Анатолия.
29. Епископ Варсонофий (Лужин).
30. Митрополит Петроградский Вениамин.
31. Иеромонах Вениамин (Эссен).
32. Монах Викентий Оптинский.
33. Епископ Глазовский Виктор.
34. Протоиерей Викторин Добронравов.
35. Митрополит Киевский Владимир.
36. Молодой священник Владимир.
37. Священник Владимир Загарский.
38. Епископ Герман (Ряшенцев).
39. Григорий Крестоносец.
40. Епископ Гурий.
41. Епископ Глуховский Дамаскин (Цедрик).
42. Архиепископ Гдовский Димитрий (Любимов).
43. Архимандрит Димитрий.
44. Священник Димитрий Иванов.
45. Старец Досифей Оптинский.
46. Иеросхимонах Евгений.
47. Священник Илия и матушка Евгения Четверухины.
48. Епископ Никольский Иерофей (Афонин).
49. Епископ Иларион (Бельский).
50. Архиепископ Иларион (Троицкий).
51. Священник Илия и матушка его Евгения Четверухины.
52. Протоиерей Иоанн Андреевский.
53. Архиепископ Латвийский Иоанн (Поммер).
54. Протоиерей Иоанн Стеблин-Каменский.
55. Епископ Иосиф (Орехов).
56. Митрополит Петроградский Иосиф.
57. Епископ Великоустюжский Иринарх.
58. Священник Исмаил Рождественский.
59. Кирилл Атаев.
60. Митрополит Казанский Кирилл.
61. Новомученица Лидия.
62. Схиэпископ Макарий.

63. Епископ Серпуховский Максим (Жижиленко).
64. Матушка Мария Гатчинская.
65. Иеромонах Мефодий.
66. Протоиерей Митрофан.
67. Христа ради юродивый Михаил (Миша).
68. Христа ради юродивый блаженный Михаил Черниговский.
69. Иеромонах Нектарий (Иванов).
70. Старец Нектарий Оптинский.
71. Епископ Яранский Нектарий (Трезвинский).
72. Отец Никандр.
73. Царь-Мученик Николай II.
74. Священник Николай Загоровский.
75. Священник Николай Кедров.
76. Протоиерей Николай Пискановский.
77. Священник Николай Прозоров.
78. Священник Николай Цедрик.
79. Иеромонах Никон Оптинский.
80. Епископ Онуфрий.
81. Епископ Ялтинский Павел (Кратиров).
82. Архимандрит Пантелеимон Оптинский.
83. Новомученик Парамон.
84. Епископ Парфений (Брянских).
85. Архиепископ Черниговский Пахомий.
86. Архиепископ Петр (Зверев).
87. Митрополит Крутицкий Петр.
88. Священник Петр Лагов.
89. Архиепископ Ревельский Платон.
90. Епископ Богородский Платон (Руднев).
91. Иеросхимонах Серафим.
92. Архиепископ Дмитровский Серафим (Звездинский).
93. Архиепископ Угличский Серафим (Самойлович).
94. Епископ Нарвский Сергей (Дружинин).
95. Священник Сергей Щукин.
96. Архимандрит Симеон Елеазарский.
97. Игуменья София Киевская.
98. Епископ Стефан.
99. Патриарх Тихон.
100. Архиепископ Феодор (Поздеевский).
101. Протоиерей Феодор (профессор Ф.К. Андреев).
102. Архимандрит Феодосий из Киево-Печерской лавры.
103. Христа ради юродивая Феоктиста Михайловна.

Из церковной службы святым новомучеником и исповедником Российским.

Тропарь новомучеников, глас 4:

Цвети Российскаго луга духовнаго / в годину лютых гонений дивно процветшии /
новомученицы и исповедницы безчисленнии: / святителие, царственнии страстотерпцы
и пастырие, / монаси и мирстии, мужие, жены же и дети, / добрый плод в терпении
Христу принесшии, / молитесь Ему, яко насадителю вашему, / да избавит люди Своя от
безбожных и злых, / да утверждается же Церковь Русская / кровьюми и страдании
вашими / во спасение душ наших.

Источники информации о катакомбной Церкви

[Вячеслав Иванович Марченко](#)

Источники информации о катакомбной Церкви.

До издания этой книги в 1982 году в США на английском языке было очень мало публикаций, основанных на надежных источниках информации, о катакомбной Церкви. В академических кругах только одна книга хотя бы попыталась приблизиться к этой теме (Вильям К. Флетчер, "Русская Православная Катакомбная Церковь", издательство Оксфордского университета, Лондон, 1971 год), и она подпорчена чрезмерным доверием к советским правительственным источникам, далеким от "объективности", на которую они претендуют.

В случае с катакомбной Церковью и самой "объективности" (если этот мифический идеал вообще достижим) недостаточно. Катакомбная Церковь – это живой организм, к тому же гонимый, и она редко появляется на поверхности "объективной" жизни. Точную ее картину могут предоставить только действительные участники ее жизни, а сведения о ней в советской прессе и научном мире (часто сильно искаженные или намеренно – в пропагандистских целях, или просто от незнания) нужно оценивать, сверяясь с той картиной, которую представили настоящие свидетели и участники.

Главные источники о жизни катакомбной Церкви можно было разделить на три основные категории.

- 1) Официальные заявления и неофициальные письма катакомбных иерархов и священников, отделившихся от митрополита Сергия в 1927 году и нескольких последующих годах.
- 2) Личные свидетельства верующих, принадлежавших к катакомбной Церкви в период до Второй Мировой войны, а потом прибывших на Запад.
- 3) Письма и рассказы о жизни катакомбной Церкви, которые начали появляться в семидесятые годы и описывали состояние катакомбной Церкви после Второй Мировой войны. Рассказы в советских новостях этого периода, описывающие раскрытие нелегальных ячеек катакомбных верующих – это тоже один из главных источников, если учитывать их очевидные преувеличения.

Почти все эти источники на русском языке. Главным их сборником до сегодняшнего дня была книга протопресвитера Михаила Польского "Новые мученики российские" (двухтомник, Джорданвилль, 1948 и 1957 годы и третий том в рукописи), а сейчас также книга Льва Регельсона "Трагедия Русской Церкви" (Париж, 1977 год), которая основывается, в основном, на официальных документах. Но есть много других источников – в рукописях и малодоступных печатных изданиях.

Далее идет список источников, которые использовались при составлении этой книги. С большинством авторов составители имели личное общение (в списке они отмечены звездочками), и некоторый материал был взят прямо у них. Где присутствует выраженный уклон в сторону сергианства или антисергианства, это отмечено в

нижеследующем описании источников ради сбалансированного взгляда на эти источники. В том, что эти авторы рассказывают правду, насколько они ее знают и помнят, у составителей нет ни малейших сомнений.

АНАСТАСИЙ,+ архимандрит З. (1915-). Родственник святых архиепископов Пахомия и Аверкия и член семьи новомучеников. Он испытал церковную жизнь в Советском Союзе до Второй Мировой войны, а после этого стал келейником архиепископа Иоасафа в Канаде, который умер у него на руках. Отошел от дел и сейчас живет в Калифорнии.

АНДРЕЙ,+ архиепископ Ново-Дивеевской обители (; 1979 г.). До монашества – отец Адриан Рымаренко. Послушник Оптинских старцев Анатолия и Нектария и активный пропагандист оптинского духа, бывший сам тогда белым священником. Он много пострадал за веру (сидел в тюрьме, подвергался издевательствам), в течение многих лет тайно ежедневно совершал литургию, живя в укрытии, где творил молитву Иисусову и давал пастырские наставления. Он укрывал оптинского монаха-мученика Викентия и других. Вместе со своей супругой Евгенией Григорьевной оставил бесценные воспоминания о знаменитом оптинском старчестве. После бегства из Советского Союза посвятил остаток жизни "восстановлению православного образа жизни" (название его книги). Основал Ново-Дивеевскую обитель в штате Нью-Йорк и закончил свою жизнь архиепископом.

АНДРЕЕВ,+ Геннадий (Хомяков). Современный писатель, автор рассказов. Был в заключении на Соловках и в других зловещих заведениях ГУЛага, которые описал в своей книге "Трудные дороги" (Мюнхен, 1959 г.).

АНДРЕЕВ,+ Иван Михайлович. См. предисловие.

АНФИСА,+ монахиня (; 1974 г.). Келейница игумении Иулиании в Калисто, Калифорния. Она засвидетельствовала мученичество епископа Феофана Соликамского (; 1919 г.) и многих других, главным образом на Новгородчине. Епископа Феофана разъяренная революционная толпа протащила, сатанински смеясь и хихикая, к берегу замерзшей Камы и привязала к шесту. Шест с епископом медленно погрузили в прорубь и несколько минут держали в ледяной воде. Когда его вытащили, он был покрыт тонкой корочкой льда. Это повторялось несколько раз, пока он не умер смертью мученика. Пораженные ужасом верующие стояли, беспомощные перед этой бесноватой толпой, вдохновленной идеями Ленина. (Этот рассказ повторяется также в кратком варианте жития игумении Руфины Харбинской.)

АРЕНСБУРГЕР,+ мистер и миссис. Профессора в Монтерее, Калифорния. Они предоставили свидетельства о гонениях в Эстонии, написали рассказ о новомученике Никифорове-Волине. Это был талантливый молодой писатель, который, встретив странствующего паломника катакомбной Церкви, так вдохновился его бесконечными рассказами духовного опыта катакомбной Церкви, что посвятил всю свою жизнь литературному переложению этого феномена, за что был арестован в 1940 году, изгнан и под конец присоединился к сонму новомучеников. Две его главные книги – "Дорожный посох" и "Земля-имениница" – были самыми популярными текстами в публикациях православного самиздата, они вновь возжигают в сердцах последних христиан исконное стремление к Небесной Отчизне.

АРИАДНА,+ игумения обители Владимирской Божией Матери в Сан-Франциско. Преемница святой игумении Руфины из Харбина (; 1925 г.). Жившие ранее в Харбине (Маньчжурия) и Шанхае, и она, и игумения Руфина предоставили много сведений о

новомучениках.

АССУР,+ Иван. Сын новомученика Владимира Ассура, который был православным педагогом и автором одной из первых книг о Православии на немецком языке (Берлин, 1928 г.). При аресте взял с собой только евангелие и пошел на мученическую смерть.

ВАРВАРА,+ (Цветкова). Игуменья Гефсиманской обители в Иерусалиме. Перед своим изгнанием из Советской России в двадцатые годы вместе с группой Богословов-интеллектуалов, таких как Бердяев, она поддерживала знакомство со многими церковными деятелями, старцами и праведниками, пророчествовавшими о будущем православной России и умершими во время гонений.

ВАРВАРА,+ монахиня Леснинской обители (; 1972 г.). Предоставила богатую информацию о новомучениках Российских, напечатав в церковной прессе различные свидетельства, описывающие ужас жизни при советском режиме. Из-под ее пера вышли рассказы о новомученике епископе Андрее Уфимском и страданиях новомучеников Раифского монастыря.

КОНСТАНТИН,+ (Зайцев) архимандрит в Джорданвилле (; 1975 г.). Прославленный церковный мыслитель и писатель еврейского происхождения. Он был редактором П.Б. Струве в Париже, а потом в Шанхае при архиепископа Иоанне (Максимовиче), который крестил его в Православную веру. Последние двадцать пять лет своей жизни отвечал за все публикации в Джорданвилле, которые до его кончины превосходили все другие периодические издания по объему информации о новомучениках. Искусственное замалчивание либеральными теологами его глубокого вклада в распространение Православия в свободном мире очень помешало распространению славы новомучеников.

КОНУС,+ Сергей. Благочестивый мирянин из Бостона, Массачусетс, близкий к церковным, монашеским кругам. Он был знаком с праведниками в Крыму и Новом Афоне и собрал много материалов о новомучениках.

ДЕПУТАТОВ,+ протопресвитер Николай. Получил степень по Богословию в Духовной школе в Харбине и написал работу о епископе Феофана Затворнике. С юности увлекся собиранием старых духовных книг, которые привели его к поискам здравого смысла и духовной жизни, что в свою очередь сформировало его вкус и чутье на истинно духовных людей. Остаток своей жизни посвятил записи проявлений Божественного в людях, которых знал лично или через знакомых. Среди прочих материалов дал описание праведного исповедника епископа Анатолия, американского святого. Затем, живя в Австралии, продолжал писать для церковных журналов. Автор "Богопознания" (Братство преподобного Германа Аляскинского, 1975 год).

ЭРАСТОВА,+ послушница Мария. Недавно обращенная в Православие в Советском Союзе. Ее жизнь изменилась после встречи с современными исповедниками, такими как матушка Евгения Четверухина.

ФЛЕТЧЕР, Вильям К., автор труда "Русская Православная Катакомбная Церковь". Эта работа имеет большое значение в православной литературе, потому что демонстрирует академическому миру существование катакомбной Церкви и новомучеников. В его подходе и "объективности" по этому вопросу есть, однако, серьезные недостатки. Флетчер просто не очень хорошо разбирается в Православии или церковной истории и допускает время от времени элементарные фактические ошибки. Например, он считает традиционный православный календарь (ведущий летоисчисление от сотворения мира)

новым сектантским изобретением (см. стр. 244 его книги). Он также много заимствует из советских источников, в которых факты намеренно искажены, из-за чего книга его становится односторонней и неровной. Так, автор не понимает оппозицию митрополиту Сергию с его декларацией 1927 года, слепо повторяя за советскими источниками определение политических мотивов как "раскол". Более того, он неправильно делит местные проявления оппозиции на разобщенные и изолированные группы. В его пользу говорит то, что он цитирует эмигрантские источники, но все же и здесь ему не хватает проницательности, и он больше доверяет "научным" советским источникам. Сегодняшнее Православие в СССР просто невозможно понять рационалистическому ученому, чуждому духу Православия. Тем не менее, эта книга представляет значительную ценность благодаря своим источникам, и понимающий православный может поправить одностороннее ее представление. Вооруженному пониманием советские источники ясно свидетельствуют о продолжающемся существовании катакомбной Церкви и мужестве ее членов.

ГАВРИИЛА,+ монахиня Ново-Дивеевской обители. Была духовной дочерью епископа Андрея Уфимского, когда тот был в Казани. Была свидетельницей разрушения Зилантова монастыря в Казани и женской монашеской общины, основанной епископом Андреем для местных татарских девочек.

ГЕРАСИМ,+ (Шмальц) архимандрит на Аляске (; 1969 г.). Русский монах оптинской традиции, он был тесно связан со многими представителями духовенства, ставшими потом жертвами коммунизма. Он приехал на Аляску в 1916 году как миссионер, и всю оставшуюся жизнь очень страдал при мысли о том, что происходит на его любимой Родине. Через переписку со своей сестрой (позднее монахиней Платонидой) получал информацию о разрушении монастырей в России. Таким образом, мы имеем описание новомучеников его Свято-Тихоновской пустыни под Калугой. Его твердое отстаивание гонимого традиционного сознания Православной Церкви в Америке вдохновило подъем истинного Православия в этой стране и способствовало канонизации преподобного Германа Аляскинского.

ГРОТОВ,+ профессор Сергей из Римского университета. Также известен под псевдонимами Нестеров и Алексей Ростов, создатель "Nuestro Pais" ("Наша страна") и Владимирского календаря. Религиозный человек, в молодости прошел через обычные испытания арестами, ссылками и концлагерями за свою оппозицию сергианству. Там он встречался со многими вождями Церкви. Был близким другом И.М. Андреева, с которым сотрудничал во многих проектах. После выезда из Советского Союза много писал о страданиях верующих при коммунистическом иге.

ГУРИЙ,+ иеромонах в Джорданвилле. Осиротевший ребенком в Советском Союзе, был в Америке священником в братстве Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле. Он рос в благочестивой семье, гонимой за веру. Верующему молодому человеку было настолько тяжело переносить повседневные испытания советской действительностью, что однажды он дал обет Богу не есть, пока Сам Бог не освободит его от этой безысходности. Несколько недель он страдал от голода, а спасением для него стал приход немецких войск. В благодарность за это чудесное избавление он дал слово пред Богом стать монахом. Отец Гурий предоставил материал для книги отца Михаила Польского.

ИРТЕЛЬ,+ Сергей (схиэпископ Феодор). Будучи послушником в Валаамском и Псково-Печерском монастырях, на себе испытал участь гонимого христианина. Поддерживал связь с гонимыми монахами и мирянами и сохранил много воспоминаний об этих людях.

ИВАНОВА,+ Галя. Духовная дочь епископа Аркадия, сейчас живет в Афинах, в Греции. Владыка Аркадий настоял на том, чтобы ее семья покинула Россию, предвидя в начале двадцатых годов ужасные проявления сатанинской природы воинствующего коммунизма. Она сохранила портрет епископа Аркадия и его прекрасные стихи о перенесении страданий и желании добра страдающему из-за любви ко Христу человечеству.

ИУЛИАНИЯ,+ игуменья (Варвара – в схиме), прежде из Калистога, Калифорния. (; 1971 г.) Во время ужасных гонений в двадцатые годы она стала духовной дочерью архиепископа Феодора из Свято-Даниилова монастыря и активно участвовала в помощи гонимым священникам. Была активным членом сестричества мироносиц при храме Христа Спасителя в Москве. Ее непосредственной обязанностью было обеспечивать высланных и арестованных епископов продуктами питания и одеждой. Она трудилась под руководством митрополита Кирилла Казанского, который получал средства от американской благотворительной организации для помощи голодающим священнослужителям. Эти женщины сформировали организацию, действовавшую по всему Советскому Союзу, и могли сообщать старшим епископам о местонахождении других старших иерархов. В тридцатые годы ее приговорили к смертной казни, но в последнюю минуту заменили на пять лет каторги. Она всегда помнила об этих своих предсмертных переживаниях. В Соловецком концлагере ей удалось связаться со многими епископами и тайно помогать им, сохранив при этом для нас полное описание нечеловеческих испытаний, которые пришлось перенести этим последователям апостолов. После Второй Мировой войны приехала в Соединенные Штаты, но не могла успокоиться, сердце ее осталось в гонимыми православными в России. Она строго раскритиковала тон первых двух томов отца Михаила Польского, потому что ее собственный опыт общения с сергианскими священниками в России был благоприятным. Представила материал для нескольких волнующих рассказов о новомучениках, которые были опубликованы в пятидесятые годы в журнале "По стопам Христа" отцом Николаем Виегласом в Беркли.

КИТЕР,+ (фон) Наталья Георгиевна, немецкого происхождения. Первоначально безразличная к религии, Наталья обратилась к вере по молитвам новомученика епископа Стефана. Она стала духовной дочерью странствующего схиэпископа и новомученика Петра (Зверева), который в свою очередь возмужал при духовном влиянии святого праведного Иоанна Кронштадтского. Поддерживая связь с гонимым духовенством, она стала ревностной труженицей ради Христа, помогая, где только могла. Под ее влиянием ее мать постриглась в монахини и почила в святости. Она сотрудничала с церковными братствами и посвятила всю свою жизнь служению православным священникам, будучи принципиальным оппонентом обновленчества. Она оставила много рассказов о новомучениках, среди них о епископе Стефане, епископе Петре, иеромонахе Варнаве и схиэпископе Макарии. Умерла в Германии в июле 1981 года и завещала все свои бумаги Братству преподобного Германа Аляскинского.

КЕЛЕР,+ Людмила. Сестра келейника и иподиакона новомученика архиепископа Иоанна Латвийского. Она – живой свидетель мученичества многих православных христиан в странах Балтии. Ее недавние визиты в Советский Союз говорят о том, что вера в Бога в России сейчас сильнее, чем когда-либо, и только равнодушные православных на Западе мешает им видеть силу новомучеников.

КОНЦЕВИЧ,+ Елена. Церковная писательница. Племянница церковного писателя Сергея Нилуса, обретшего запись беседы преподобного Серафима с Н.А.

Мотовиловым. И она на всю жизнь сохранила такое же рвение к православной литературе, как у него. Она была связана с оптинскими старцами и подлинной оптинской традицией, а позднее стала горячей сотрудницей в трудах своего мужа И.М. Концевича. В юности хотела поступить в обитель схиигумении Софии Киевской, о которой недавно опубликовала книгу. До наших дней, уже в глубокой старости, она продолжала свою литературную деятельность, записывая сведения о новомучениках, таких как священномученик Митрофан, епископ Иерофей и других.

КОНЦЕВИЧ,+ И.М., профессор. (; 1965 г.) Ученик оптинских старцев и один из самых знаменитых церковных писателей двадцатого века, который помог передать истинное православное понимание святости. Он написал монументальный труд "Оптина пустынь и ее время", который раскрывает духовную атмосферу, воспитавшую новомучеников Российских. Эта работа была задумана как третья часть трилогии: первая часть – "Стяжание Духа Святаго в путях древней Руси", второй должна была быть работа об учениках старца Паисия (Величковского). Особенно важно его "Определение старчества" (см. "Православное слово", № 95, ноябрь-декабрь 1980 г.), в котором он дает Богословское определение православного старчества, такого редкого сегодня (см. отца Николая Загоровского, стр. 370-382 и старца Нектария Оптинского, стр. 309-310).

КОВАЛЕНКО,+ Александра. Дочь священника-мученика Гавриила (Польский, т. II) и автор рассказа о епископе Василии, викарии в Полтаве (Польский, т. II), выдающемся иосифлянском иерархе, авторе многочисленных сохранившихся посланий против декларации митрополита Сергия. Епископ Василий высоко почитался архиепископом Андреем Ново-Дивеевским.

КРАВЧИНА,+ отец Григорий. Дальний родственник архиепископа Андрея Ново-Дивеевского, служил на приходе в Монтерее, Калифорния. В Почаевской лавре, в Польше и в годы войны в Германии был свидетелем многих чудесных событий в жизни гонимых христиан. Один крестьянин под влиянием коммунистической пропаганды отказался идти в церковь и не работать в Ильин день, сказав: "Если Бог существует, то пусть святой Илья на своей колеснице мне это докажет". Едва он закончил грузить сено на свою повозку и поехал через железнодорожный переезд, как на него наехал поезд, отрезав ему голову, которая покатила с путей, как мяч. У отца Григория сохранились такие живые воспоминания о Почаевской лавре, когда игуменом там был архимандрит Виталий, позднее архиепископ Джорданвилльский (; 1960 г.).

ЛЕОНИД,+ игумен (Гесс) в Летбридже, Канада (; 1981 г.). Был монахом Киевского Свято-Троицкого монастыря, основанном праведным старцем Ионой. Отец Леонид оставил несколько писем, описывающих мученичество монахов своего монастыря, творимые над ними злодейства. Некоторых сбросили с моста в Днепр, стреляя по ним вдогонку. Других раздели, и солдаты издевались над ними. В то же время Бог сотворил великие чудеса на киевщине. Перед тысячами людей, включая неверующих и евреев, церковные купола стали чудесным образом золотыми, фрески засияли обновленными красками, лучи света играли на куполах, и слышно было пение невидимых хоров. В одном случае колодец сверхъестественным образом отражал будущее тех, кто смотрел в него.

ЛЕОНТИЙ,+ архиепископ Сантьяго. См. главу о нем в этой книге.

ЛЕВИТИН-КРАСНОВ,+ Анатолий. Диакон «Живой Церкви» в тридцатые годы, сейчас православный, но либеральных взглядов, высланный из Советского Союза в семидесятые годы. Автор следующих книг, в которых засвидетельствовал реальность новомучеников "Лихие года", Париж, 1977 г., "Рук твоих жар", Израиль, 1980 г.

ЛОПУШАНСКАЯ,+ Елена Николаевна (Лопе) (; 1972 г.). Секретарь епископа Дамаскина, памяти которого посвятила всю свою жизнь. Она была выдающейся церковной писательницей, известной, главным образом, своими работами "Епископы-исповедники" (о митрополите Кирилле, архиепископе Пахомии, епископе Дамаскине), "Русские мирноносицы", опубликованной в "Православной Руси", 1949, и "Последние киевские епископы" (рукопись). Получив прекрасное образование в России, она посвятила жизнь литературным трудам. Считала своим священным долгом сохранить для последующих поколений и молодежи в свободном мире правильное понимание церковных вопросов в том духе, как их понимали отцы последних времен, например, епископ Дамаскин. Она публиковала свои замечательные рассказы о гонимой Русской Церкви, когда только могла, но, к несчастью и к ее великому ужасу, из-за политических споров церковных журналов ее голос, по большей части, не был услышан. Она возлагала надежды на архиепископа Леонтия. Ее бесценные, из первых уст, рассказы о гонимой Русской Церкви, дышат духом древних катакомб и заслуживают того, чтобы их напечатали. Она очень сокрушалась, когда о ситуации с гонимой Русской Церковью судили категорично и с точки зрения закона.

ЛЁВИНА,+ Валентина Валериановна. Прежде профессор Гавайского университета. Дочь священника-мученика Валериана, который был связан со святым праведным Иоанном Кронштадтским. Жила в Сакраменто, Калифорния.

МАКОВСКАЯ,+ Олимпиада Анатольевна (; 1976 г.). Духовная дочь схиэпископа Антония Киевского, дружила со многими новомучениками и церковными деятелями в Советском Союзе. Была поэтессой, сохранила идеалы Святой Руси и делилась своими переживаниями, особенно касающимися Киева. Вдохновила многих обращенных в Православие и была близкой подругой Елены Лопушанской.

МАКУШИНСКИЕ,+ иподиакон Алексей и Зинаида. Духовные чада братьев-священников Исмаила и Михаила Рождественских. В детстве иподиакон Алексей пел в хоре Свято-Андреевского собора в Кронштадте и прислуживал святому праведному Иоанну Кронштадтскому. Они были стойкими членами иосифлянской катакомбной Церкви и до прихода немцев поддерживали постоянную связь с катакомбными священниками, помогая им сохранять полую секретность.

МАРИЯ,+ монахиня (Стахович). Тайно пострижена последним валаамским старцем иеросхимонахом Михаилом (; 1963 г.). Она – живой свидетель жестоких гонений, которые переносили валаамские монахи за свою стойкую приверженность старому календарному стилю и отказ принять дух обновленчества или склониться перед ним, так как считали его почти равным безбожному игу в России. Близкий родственник монахини Марии игумен Рафаил, валаамский монах, был вместе с группой других монахов заживо замурован в тюрьме Воронежского ГПУ.

МАСИЧ,+ отец Николай (; 1973 г.). Молодым человеком он пострадал от гонений за свою веру. Сидел в тюрьмах в Сарове, Санаксаре и в Темниковском концентрационном лагере. Ему приходилось заготавливать лес в том самом месте, где подвизался преподобный Серафим Саровский. Он знал многих праведников, закончивших жизнь новомучениками. Оставил рассказ о праведном Иосифе-молчальнике на Кубани ("Благовестник", № 12, 1968) и Григории Крестоносце.

МАШИНА,+ Ирина. Прежде духовная дочь епископа Аркадия и новомученика епископа Аверкия Житомирского. Жила в Ново-Дивеевской обители в Нью-Йорке. Ее воспоминания о жизни тайных катакомбных братств – это редкий вклад в литературу о

новомучениках. Ее сын не выжил бы, если бы не единство и любовь членов катакомбной Церкви, тайно его сохранявших.

МИХАИЛА,+ монахиня (Кудинова). Последняя оставшаяся в живых монахиня, постриженная в Оптиной пустыни в 1918 году. Шестнадцатилетней девушкой во время Первой Мировой войны она поступила солдатом в женский корпус, чтобы защищать Родину. Потеряла левую руку, и в госпитале ее выхаживали члены Царской Семьи. Когда разразилась революция, она уехала к своему брату, отцу Иннокентию, в Оптину пустынь, где старцы с согласия настоятельницы Шамординской обители постригли ее в монахини, дав ей имя главы Небесного воинства, поскольку она была солдатом на войне. Перед отъездом из России она повидалась со старцем в миру Георгием из Чекряка, который вскоре после этого, в 1919 году, претерпел мученичество. С отступлением Белой армии ее эвакуировали на Запад, и, в конце концов, она осела в Бразилии, где вела монашескую жизнь вместе со своим братом, отцом Иннокентием. Затем жила в обители Новое Шамордино в Австралии, сохранила в сердце любовь к новомученикам и почитание их, со многими из которых лично встречалась.

МИТРОФАН,+ архимандрит, Сан-Франциско. Сын священника-мученика, он жил в Воронежской области, где был духовно связан с праведной Феоктистой Михайловной и другими подвижниками. Женился на дочери святого священника-мученика Митрофана, которая была любимым духовным чадом оптинского старца Нектария. Как верный слуга Христов, перенес жестокие гонения от безбожников. Его, однако, очень утешала и укрепляла связь с истинно Божиими людьми. Это было то самое качество истинности, которое он позднее признал в архиепископе Иоанне (Максимовиче), тогда правящем епископе Парижском и Западно-Европейском, и которое вдохновило его посвятить остаток своей жизни служению блаженному архипастырю. Отец Митрофан – автор полного жития священника-мученика Митрофана Воронежского, а также рассказа о блаженной Феоктисте, Христа ради юродивой.

МОСТЫКО,+ Николай и Мария. Они были связаны с епископом Онуфрием и другими праведными рабами Божиими в Советском Союзе. Уехав из СССР, работали в Библиотеке Конгресса в Вашингтоне. Мистер Мостыко был иподиаконом и, как и его жена, чтит память новомучеников.

НАБОК,+ (Васильков) (; 1963 г.). Пламенный защитник церковного сознания в Советском Союзе. Он был связан со многими новомучениками и предоставил много сведений отцу Михаилу Польскому. Также оставил рукопись, озаглавленную "Профессор Платонов". Умер в Германии. См.: "Отец Геннадий" ("Православная Русь", №4, 1971 г.).

НЕКТАРИЙ,+ архимандрит. Бывший член катакомбной Церкви, он стал монахом в Джорданвилле, где лично набрал в типографии и отредактировал оба тома книги "Новые мученики российские" отца Михаила Польского. Обогатил эту книгу многими материалами из собственного опыта, сам претерпел мученичество за веру. Его духовный отец, новомученик игумен Варсонофий, был основателем катакомбной Церкви на юге России; его жестоко избивали в Саровском концлагере, изувечив и сделав инвалидом на всю жизнь. Здесь его посетил из высшего мира преподобный Серафим и дал ему такое утешение, что всю оставшуюся жизнь он чувствовал неземное счастье и был исполнен пламенной любви к своим врагам.

НЕКТАРИЙ,+ епископ Сиэттлийский (Концевич). Брат И.М. Концевича. С детства был духовным сыном оптинского старца Нектария, который пророчил, что он будет "служить нам", одновременно попросив его мать подготовить его к такому поприщу. Во

время жестоких гонения христиан он был вверен духовному попечению еще одного оптинского воспитанника архиепископа Андрея Ново-Дивеевского, под чьим руководством вырос в пастыря стада Христова. Его мать (в монашестве Нектария) была постоянно связана с оптинскими старцами и многим другим помогла установить с ними связь. Она была свидетельницей разрушения Оптиной пустыни и многих других ужасов советской системы. И она, и епископ Нектарий предоставили подробные рассказы о целом ряде новомучеников – то, что они видели собственными глазами, особенно в районе Харькова. Епископ Нектарий был викарным епископом Западной епархии Соединенных Штатов.

НЕСТОРОВ,+ (см. Гротов).

НИКАНДР,+ архимандрит (; 1979 г.). Валаамский старец, который умер духовником Леснинской обители во Франции. Он дал бесценную информацию о мучениках Валаамского монастыря, схваченных на Валаамских подворьях в Петербурге и в Москве. До последнего вздоха хранил и преумножал дух Валаама, передавая его своим духовным дочерям во Франции.

НИКОН,+ архиепископ Вашингтонский и Флоридский (; 1979 г.). Автор обширной биографии митрополита Антония (Храповицкого), в которой дал правдивое и подробное описание того, как безбожники захватили Святую Русь. В этой книге упоминаются сотни церковных деятелей и дается много информации о новомучениках. Архиепископ Никон был вдохновителем Братства преподобного Германа Аляскинского и проповедником идеалов Святой Руси. Он предоставил сведения об архиепископе Пахомии, епископе Андрее Уфимском, митрополите Кирилле и епископе Иерофее.

ОВЕРТ,+ Сергей. Собирал мемуары и сведения о новомучениках у пожилых русских эмигрантов, особенно о "феодоровцах", о носивших белые кресты и отказывавшихся работать на безбожную власть.

ПАВЛЮСИК, матушка Александра. Супруга отца Георгия, который был тесно связан со многими новомучениками в Советском Союзе до того, как они бежали в свободный мир во время Второй Мировой войны. Их вклад – свидетельство о епископе Онуфрии.

ПОЛЬСКИЙ, отец Михаил (; 1960 г.). Автор книги "Новые мученики российские", три тома, на русском языке. Отец Михаил в Советском Союзе был бесстрашным священником, гонимым, ссылаемым в разные концлагеря, включая Соловки, где он вместе со многими епископами подписал знаменитый протест духовенства с Соловков. Он знал многих праведных епископов, о которых позднее и составил трехтомник. Убедившись, что в Советском Союзе будет преобладать политика сергианства, он отправился на юг в надежде уйти за границу, чтобы трудиться в свободной Русской Зарубежной Церкви. Ему удалось бежать из красного ада в начале тридцатых годов через Иерусалим, где митрополит Анастасий назначил его в Лондон как защитника канонической позиции Русской Зарубежной Церкви. После Второй Мировой войны он был священником в соборе в Сан-Франциско при архиепископе Тихоне, где собрал свою мартирологию вместе со своими редакторами, монахами Джорданвилля. Его третий том содержит много материала, посвященного насильственной репатриации казаков в конце Второй Мировой войны. Ее публикация была временно отложена, чтобы разделить два периода новомучеников. Кончина отца Михаила в 1960 году помешала публикации третьего тома. Когда вышли первые два тома, некоторые свидетели условий советской Церкви раскритиковали то, что он поспешно разделил всех священников только на две группы, когда в действительности большинство епископов надеялись, что сергианство не выживет, и поэтому они официально никогда

не отделялись от митрополита Сергия. Некоторые люди, также пострадавшие за Христа при коммунистическом иге в России, считали, что отец Михаил слишком поспешил зачислить в разряд сергиан тех, кто не осмелился выразить свой протест против декларации. Вдобавок, многих выдающихся иерархов, которые точно были против сергианства, отец Михаил или пропускает, или пытается бросить тень недоверия на них. Некоторые, например, епископ Петр Воронежский, чьи письма сохранились и напечатаны, зачисляются отцом Михаилом в иосифлянские епископы, но этому нет свидетельств. Мы можем определенно сказать, как утверждают эти свидетели (архиепископ Андрей, монахиня Ксения, Наталья Китер, игуменья Иулиания, монахиня Вероника и архиепископ Леонтий), что русское духовенство в целом решительно отвергало дух сергианства. Только маленькая группа личных приверженцев митрополита Сергия (наиболее заметные – Алексей и Николай) подписали декларацию и таким образом сформировали ядро Московской Патриархии. По этой причине свободная Русская Церковь, Синод епископов за пределами России, не имела союза с Московской Патриархией, но по духу осталась в единстве с верующими в Советском Союзе.

РЕГЕЛЬСОН, Лев. См. главу о нем.

РОСТОВ,+ см.: Гротов.

САМОЙЛОВИЧ.+ Жила в обители Владимирской Божий Матери в Сан-Франциско. Она была религиозной с юности, которую провела на полтавщине, в местах, описанных в произведениях Н.В. Гоголя. Там она стала свидетельницей закрытия Советами церкви в монастыре святой Матроны. Было объявлено, что в такой-то день церковь будет разрушена. Двери и окна забили досками и проведение служб запретили. Однажды ночью вся округа увидела свет внутри храма, словно там был пожар. Но так как гражданам было строго запрещено приближаться, то смотрели издали. Случилось чудо, которое засвидетельствовали многие люди. Из церкви по двое выходили святые. Люди ясно видели святых Владимира и Ольгу, Бориса и Глеба, Антония и Феодосия, Димитрия и Георгия и других, торжественно проходящих через церковные двери и исчезающих в темноте. После того как сотни таких пар святых покинули церковь, свет внутри погас, она была лишена святости. На следующее утро, когда власти взрывали церковь, люди знали, что святые ее оставили.

СЕРАФИМ,+ (Филимонов). Настоятель Свято-Успенского скита в Нортвилле, Альберта, Канада. Поскольку он был из семьи староверов, ему потребовалось приложить много усилий, чтобы стать монахом в этом монастыре. Это факт, а также то, что ему пришлось пережить много страданий от советского атеизма, в том числе тюремное заключение, дали ему способность понимать и осознавать, кто является истинными исповедниками Христовыми.

СЕРАФИМ (Вербин). Архимандрит. (; 1962 г.). Он поступил в Глинский монастырь в очень юном возрасте и стал там монахом. Оставил целый том, описывающий разрушение великого Глинского монастыря, а также сведения о гонениях на христиан и о новомучениках, особенно о новом святом – архимандрите Геннадии, погибшем на Колыме.

ШАТИЛОВА. Монахиня Мария (; 1975 г.) из Ново-Дивеева. Духовная дочь новомученика Андрея Уфимского. Переписывалась в с архиепископом Феофаном Полтавским. Свидетельствовала, как над епископом Андреем издевались охранники во время его заключения в Средней Азии. Они заставляли его во время ужасной жары стоять на солнце с непокрытой головой, чтобы вызвать солнечный удар. В таких

условиях он за один день потерял все волосы.

ШОРЕЦ.+ Архиепископ Герасим (; 1968 г.). Во время Второй Мировой войны эмигрировал из Литвы, а потом участвовал в церковной жизни в свободном мире и напечатал сведения о гонении верующих и новомучеников.

ЩУКИН.+ Отец Серий (; 1978 г.). Священник, умер в Канаде. Когда он был молодым человеком, то отправился в Оптину пустынь получить совет у старца Нектария касательно того, как ему следует жить христианской жизнью в нехристианском обществе. Составив в уме сложные планы создания тайных мирских братств, он приблизился к старцу и спросил, что ему следует делать. Старец Нектарий спокойно ответил: "Шаг за шагом". Отец Сергей ушел обескураженный, но все же последовал совету Старца, и после многих лет страданий он был посвящен в чтеца самим патриархом Тихоном и, наконец, стал священником. Позднее эмигрировал на Запад. Предоставил интересное описание жизни катакомбной Церкви (в котором самого себя описал в третьем лице под именем Павел). Следил за сведениями, касающимися Православия в Советском Союзе и лично расспрашивал Сергея Курдакова, как тот стал православным христианином (см. "Православное слово", № 59, ноябрь-декабрь, 1974 г.).

СКЛЯРОВ.+ Протоиерей Александр и его матушка Рипсимия. Живые свидетели разрушения святых мест в Белгороде. Он был духовным сыном новомученика епископа Никодима и отца Николая Загоровского. Они были одним из основных источников для книги отца Михаила Польского "Новые мученики российские".

СТЕПАНОВ,+ отец Николай (; 1964 г.). Свидетельствовал о новомучениках, особенно на Кубани. Он выбрал профессию хирурга. Поступление в семинарию значительно осложнило бы ему жизнь из-за антирелигиозного советского режима. Но, поскольку он был верующим, преследований избежать ему не удалось. Он сидел в разных концлагерях, включая Соловки, где, работая хирургом, был еще и тайным священником. В последние годы своей жизни преподавал в семинарии. Тоже свидетельствовал о новомучениках.

ТАВИФА.+ Монахиня Леснинской обители (; 1971 г.). Она предоставила сведения о разрушении Раифского монастыря в Казани и была одной из послушниц в женской монашеской общине, основанной новомучеником епископом Андреем. Оставила сведения о том периоде жизни епископа Андрея, когда он был архимандритом.

ТИМОФИЕВИЧ,+ доктор Анатолий П. (; 1976 г.). Доктор в Ново-Дивеевской обители. Он был духовно окормляем в Киево-Печерской лавре и стал свидетелем ее ужасного разорения. Будучи талантливым писателем, оставил ряд рассказов от первого лица о жизни праведников и новомучеников, которых встречал в своей жизни. Эти рассказы – настоящие жития святых XX века, описывающие Святую Русь в полной ее славе. Посетил Саровский и Дивеевский монастыри как раз перед их закрытием в 1927 году одновременно с архиепископом Леонтием, тогда молодым монахом. У него были тесные связи с людьми в Сарове и Дивееве, которые доверили ему сохранить чудотворный портрет-икону преподобного Серафима, написанный при жизни святого. Благодаря доктору Анатолию и архиепископу Андрею эта икона благополучно прибыла в Америку и сейчас хранится в Ново-Дивеевской обители.

ТКАЧЕВЫ,+ Тихон и Фекла. Жили в Детройте, штат Мичиган. Они были духовными детьми старицы Агафии из Белоруссии, благодаря молитвам которой спаслись и получили свободу, и смогли засвидетельствовать об этой великой современной святой.

ТОЛСТАЯ,+ Александра Львовна. Дочь великого русского писателя Льва Толстого и основательница Фонда Толстого в Нью-Йорке. В письме Брежневу в защиту заключенных писателей Синявского и Юлия Даниэля описала, как один бывший солдат на своем смертном одре на ферме Толстого рассказал следующее. В молодости он был красноармейцем и вместе с другими охранял здание, где умирал Ленин. Они должны были охранять территорию площадью в несколько квадратных километров, чтобы не слышно было страшных криков умирающего Ленина, и имели приказ стрелять во всех, кто попытается приблизиться. Эти крики полного отчаяния на смертном одре были так мистически ужасны, что он с содроганием вспоминал их всю свою жизнь и был глубоко уверен, что это крики души, предчувствовавшей вечные муки в аду.

УРУОВА,+ Наталья. Княгиня (; 1964 г.). С детства жила духовной жизнью, что было весьма редко для представителей высшего общества ее времени. После Второй Мировой войны, потеряв всех своих шестерых детей (три ее сына были замучены за веру во Христа), она написала свою полную биографию. Ее книга – волнующее свидетельство той цены, которую должны были заплатить православные христиане, чтобы быть в спасительном окружении истинной Православной Церкви. Благодаря своему духовному воспитанию, она легко уловила фальшь сергианской позиции и в своей книге от первого лица рассказала, как митрополит Сергей лично, без всякого давления со стороны властей, предлагал, какие церкви закрыть или взорвать и каких священников арестовать. Поэтому не кажется странным, что ее книгу "Материнский плач Святой Руси" затруднительно было опубликовать. Это плач матери над ее мертвыми катакомбными детьми. Она предоставила сведения о следующих новомучениках – митрополите Иосифе, ребенке Сергие и старце Анатолие, священнике Владимире, игумении Антонине, священнике Александре, который привлек небесный огонь, совершая литургию на пеньке посреди леса, и архиепископе Варлааме. В последние дни своей жизни она писала проникновенные стихи, отражающие безнадежное положение православных христиан в свободном мире. Ей было ясно, что они теряют дух истинного Христианства – Православия. Архиепископ Аверкий, ее духовный отец, доверил ее мемуары Братству преподобного Германа Аляскинского для публикации, выразив надежду, что эта книга покажет новообращенным пример святого мученичества.

ВАГИН,+ Евгений. См. главу о нем.

БЕРОНИКА,+ монахиня (Котляревская) (; 1952 г.). Актриса в миру, обратилась в Православие через художественное движение, почитавшее культурное прошлое России, во время революции. Тесно сблизилась с выдающимися православными верующими и из-за ее близкой связи со святыми Свято-Александровской Невской лавры сама была арестована в святую ночь и долгие годы страдала в лагерях Сарова, Санаксара, Темникова. Во время Второй Мировой войны попала в Европу и провела последние годы своей жизни монахиней в Париже, где Елена Концевич, подружившаяся с ней благодаря их общему интересу к патристике, убедила ее написать мемуары о страданиях Русской Церкви. Эти мемуары были опубликованы "Русской жизнью" в 1954 году в Сан-Франциско, однако добрая их часть была утеряна из-за церковной межюрисдикционной политики. И лишь фрагменты из этих мемуаров печатались, в основном, И.М. Андреевым во Владимирском календаре. К сожалению, ее свидетельство о том, что патриарх Алексей I несет прямую ответственность за святую ночь, было опущено из-за сергианского духа в свободном мире. Когда она жила в Советском Союзе, то была вместе с епископами Григорием и Стефаном, которые официально не признали митрополита Сергия, но не стали отделяться от его духовенства. Только когда она прибыла в Париж и столкнулась с позицией

митрополита Евлогия, поняла, что иосифляне правы.

ФОН МЕКК,+ Галина, мирянка из высшего общества. Она претерпела преследования и рассказала о своих испытаниях в книге "Какими я их помню". Особенно волнителен рассказ о казни неизвестного святителя.

УЭЛШ,+ Александр Дамианович (; 1968 г.). Профессор в Монерее, Калифорния. Он засвидетельствовал о многих зверствах, творимых на харьковщине. Не один год проработал в химической лаборатории, которую Советы устроили в закрытой церкви святого Илии в Харькове. Эта церковь была построена богатым евреем, пережившим великое чудо, спасшее его жизнь, в знак благодарности Всевышнему. Александр свидетельствовал, что, какими бы веществами химики ни занимались, каждое утро, приходя на работу, они вдыхали дивное благоухание ладана, словно в церкви ночь напролет ангелы творили службу. Это чудо было известно не только работникам лаборатории, но всем в городе, и длилось годами.

КСЕНИЯ.+ Монахиня обители Владимирской иконы Божией Матери в Сан-Франциско. Духовная дочь новомученика епископа Петра (Зверева) Воронежского. Засвидетельствовала зверства, творимые в Воронеже, и вместе со своей сестрой сохранила для потомства целый ряд писем, расшифрованных ей, которые епископ Петр и другие узники Соловков писали, закодировав. Также сохранила весь поэтический акафист преподобному Герману Соловецкому, написанный епископом Петром, когда он мучился на том месте, где подвизался преподобный и где были осквернены его останки. Он написал акафист на большом числе почтовых открыток, перемешав его с другими записями, чтобы скрыть от чиновников-атеистов истинное содержание. Епископ Петр мученически пострадал там в Голгофском скиту.